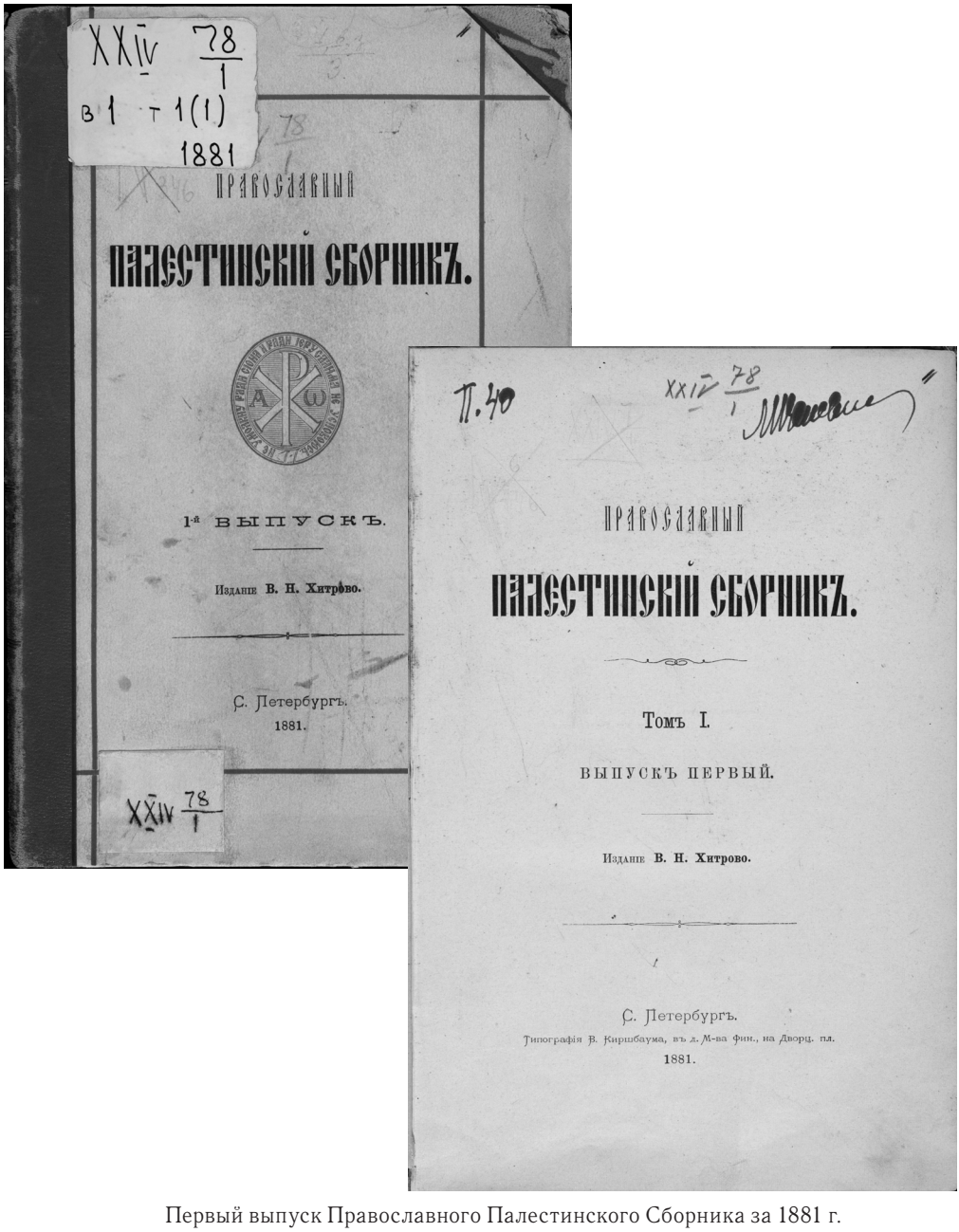
ПРАВОСЛАВНЫЙ

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»
БЛАГОДАРИТ УРАЛЬСКУЮ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКУЮ КОМПАНИЮ
И ЛИЧНО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА
АНДРЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА КОЗИЦЫНА
ЗА ПОМОЩЬ
В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ



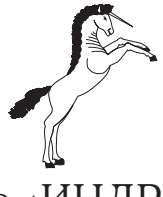
Первый выпуск Православного Палестинского Сборника за 1881 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 125

145-ЛЕТИЮ
ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО СБОРНИКА
ПОСВЯЩАЕТСЯ



Издательство «ИНДРИК» 2026

ББК 86.372
П 68

Православный Палестинский Сборник. Выпуск 125.
145-летию Православного Палестинского Сборника посвящается.
Глав. ред. С.Ю. Житенёв. — М.: Индрик, 2026. — 416 с.

ISSN – 1811-0215
ISBN 978-5-91674-787-4

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
А.И. Алексеев, Л.А. Беляев, М.В. Бибиков (заместитель председателя),
Р.Б. Бутова, К.А. Вах, С.Ю. Житенёв (главный редактор),
С.П. Карпов, О.А. Колобов, В.А. Ливцов,
митрополит Корсунский и Западноевропейский Марк (Головков),
М.Б. Пиотровский, М.В. Рождественская, А.В. Сарабьев,
И.Ю. Смирнова, А.П. Соловьев (ответственный секретарь).

Редакция:

Житенёв С.Ю., главный редактор;
Аксенова Г.В., заместитель главного редактора;
Бутова Р.Б., ответственный редактор,
Вах К.А., выпускающий редактор;
Сарабьев А.В., научный редактор;
Соловьев А.П., исполнительный секретарь.

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Статьи, опубликованные в ППС, размещаются на базе научного цитирования РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), которая является частью электронной научной библиотеки eLIBRARY.RU

© Авторы статей, текст, 2026
© МОО «ИППО», 2026
© Издательство «Индрик», оформление, 2026

ISSN – 1811-0215
ISBN 978-5-91674-787-4

Содержание

Колонка главного редактора

Житенёв С.Ю. Издательская деятельность ИППО:
к 145-летию Православного Палестинского Сборника 10

170 лет со дня рождения Алексея Афанасьевича Дмитриевского,
известного учёного, секретаря ИППО в 1907–1918 гг.

Аксенова Г.В. Дмитриевский А.А. в оценке
отечественной историографии 20

Вах К.А. Неопубликованные оригиналы и изданные копии
писем А.А. Дмитриевского к князю А.А. Ширинскому-Шихматову
с Востока в 1909–1910 гг. 28

Русское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке

Бутова Р.Б. Храм святого Александра Невского
на Александровском подворье в Иерусалиме
по «Сообщениям ИППО». К 130-летию освящения 56

Герд Л.А. Россия и реформы в Константинопольском
Патриархате в 1857–1860 гг. 78

Петрунина О.Е. Греческая революция 1821 года
и вопрос о церковном единстве греческой нации:
новые документы 102

Из истории деятельности ИППО

Антонов Е.П. Якутский отдел Императорского Православного Палестинского Общества и Братство во имя Христа Спасителя: миссионерство, просвещение на якутском языке, паломничество 118

Саблин В.А., Спасенкова И.В., Овчинникова Н.А. Учреждение Вологодского отдела ИППО в 1896 г. и основные направления его деятельности на первоначальном этапе 134

Софьин Д.М., Софьина М.В. «Если бы мы все думали о капитале, то у нас теперь ничего не было бы...»: письмо помощника Председателя ИППО М.П. Степанова Вице-Председателю ИППО Н.М. Аничкову, 26 августа 1907 г. 148

Штепа А.В., Филимонов Н.А., Власов А.Е. Освещение деятельности Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1894–1907 гг. в материалах «Калужских епархиальных ведомостей» 154

Из истории русского православного паломничества

Балдин К.Е., Удалова О.С. Запахи Палестины: ольфакторная атмосфера священного региона в мемуарах российских паломников XIX – начала XX вв. 176

Мелхиседек (*Хижняк*), иеромонах. Пензенская паломница в Святую Землю Феодосия Павловна Воробьёва 188

Талалай М.Г. Новые материалы о посещении Афона Великим Князем Константином Николаевичем в 1845 г. 200

Научные исследования, посвящённые современному положению на Ближнем Востоке

Козлова Н.Н., Рассадин С.В., Аксенова И.Н. Сотрудничество России и стран Ближнего Востока в сфере охраны древностей (на примере Сирии, Израиля, Палестины) 214

Путрик Ю.С., Соловьев А.П. Туристское пространство Ближнего Востока в XXI веке: география, культура и возможности укрепления гуманитарного присутствия России 234

Соловьев А.П. Культурное наследие Ближнего Востока: проблемы использования и сохранения недвижимых объектов 250

Статьи и сообщения

Бутова Р.Б., Смирнова И.Ю. Лисовой Н.Н. в исторической науке: библиографический и источниковедческий анализ 266

Галимова Л.Н. «От ручья» к имперским вершинам: происхождение, миграция и социокультурный вклад династии Фан-дер-Флитов в России (XVIII–XIX вв.) 288

Житенёв С.Ю. Кучмаева И.К. как биограф Великой Княгини Елизаветы Федоровны: к 90-летию со дня рождения известного учёного и действительного члена МОО «ИППО» 300

Мельчакова К.В. Помощь России в деле открытия православных семинарий в Боснийском вилайете (1860–1870-е гг.) 308

Мехамадиев Е.А. Новый Даниил и царь Давид — придворная пропаганда власти византийского императора Ираклия (610–641 гг.) в 627–628 гг. 326

Шарков И.Г. Исторические портреты вдохновителей писателей: члены Императорского Православного Палестинского Общества — прототипы героев русской литературы первой трети XX века 340

Критика

Аксенова Г.В., Блохин В.В. Лукавые «истины» и бедные факты (о методах, воображении и научной чистоплотности) 352

Соловьев А.П. К вопросу о том, как изучать Святую Землю и паломничество к великим святыням Православного Востока 366

Рецензии

Ванькин Е.В. Рецензия на книгу Талалая М.Г. «Российская Церковь в Греции» 372

Путрик Ю.С. Рецензия на научную монографию Житенёва С.Ю. «История русского православного паломничества в конце XVII – начале XX вв.» 378

Наши юбиляры

85 лет со дня рождения Смирнова Юрия Петровича, председателя Московского областного отделения МОО «ИППО» . . . 385

80 лет со дня рождения Мещерской Елены Никитичны, ответственного секретаря ППС 388

75 лет со дня рождения Бибикова Михаила Вадимовича, известного учёного-византиниста, заместителя Председателя МОО «ИППО» 390

70 лет со дня рождения Талалая Михаила Григорьевича, известного учёного, действительного члена МОО «ИППО» 392

70 лет со дня рождения Евгения Владимировича Ванькина, учёного и писателя, действительного члена МОО «ИППО» 394

60 лет со дня рождения Кирилла Алексеевича Ваха, известного издателя, учёного и писателя, заместителя руководителя Научной секции МОО «ИППО» 396

Памяти почивших

Стегний Пётр Владимирович (1945–2025), заместитель Председателя ИППО 401

Колобов Олег Алексеевич (1948–2026), председатель Нижегородского отделения МОО «ИППО» 406

Библиография

Издания Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» в 2024–2025 гг. 411

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Zhitenev Sergey Yuryevich,
Head of the Scientific Section of the IPO «IOPS»,
member of the Society's Council,
editor-in-Chief of the Orthodox Palestinian Collection,
Advisor to the Director of the D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage,
Candidate of Cultural Studies,
Russian Federation, Moscow.
E-mail — zhitenev@bk.ru

IOPS publishing activity: on the 145th anniversary The Orthodox Palestinian Collection

Abstract: The article presents a brief history of the Orthodox Palestine Collection (OPC), a periodical scientific publication of the IOPS, continuously carried out from 1881 to the present. The first issue of the PPS was published a year before the formation of the Society. Its creator, author and publisher was V.N. Khitrovo, who remained the ideological inspirer and editor-in-chief of the main scientific publication of the IOPS until the end of his life. The collection was published intermittently during the Soviet period. Currently, the Teaching Staff is published annually and is the main scientific journal of the IOPS.

Keywords: Orthodox Palestinian Collection, Imperial Orthodox Palestinian Society, V.N. Khitrovo, Message from the IOPS, publishing.

Житенёв Сергей Юрьевич,
руководитель Научной секции МОО «ИППО»,
член Совета Общества,
главный редактор Православного Палестинского Сборника,
советник директора Российского НИИ культурного и
природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
кандидат культурологии.
Российская Федерация, Москва
E-mail — zhitenev@bk.ru

Издательская деятельность ИППО: к 145-летию Православного Палестинского Сборника

Аннотация: в статье представлена краткая история Православного Палестинского Сборника (ППС), периодического научного издания ИППО, непрерывно осуществляемого с 1881 г. и до настоящего времени. Первый выпуск ППС вышел, за год до образования Общества, его создателем, автором и издателем был В.Н. Хитрово, который до конца своей жизни оставался идейным вдохновителем и главным редактором основного научного издания ИППО. Сборник с перерывами издавался в советский период. В настоящее время ППС издаётся ежегодно и является главным научным журналом ИППО.

Ключевые слова: Православный Палестинский Сборник, Императорское Православное Палестинское Общество, В.Н. Хитрово, Сообщения ИППО, издательская деятельность.

Статья представлена в Редакцию ППС 23.04. 2026 г.

В Уставе Палестинского Общества, Высочайше утверждённом 08 мая 1882 г., одним из трёх его Отделений и, соответственно, основных направлений работы была определена научная и издательская деятельность. В 1883 г. решением Совета ППО было создано Отделение учёных изданий и исследований, его первым руководителем стал Д.Ф. Кобеко[1]. Отделение призвано было направлять и организовывать научную и просветительскую деятельность Общества. Лучшим свидетельством научного потенциала ИППО за все годы его существования является главное научное издание Общества — «Православный Палестинский Сборник» (далее ППС), на страницах которого увидели свет множество ценнейших исследований и публикаций.

ППС, известное периодическое научное издание ИППО, непрерывно осуществляемое с 1881 г. и до настоящего времени. Первый выпуск ППС вышел за год до образования Общества, его создателем, автором и издателем был В.Н. Хитрово, который до конца своей жизни оставался идейным вдохновителем и первым главным редактором основного научного издания ИППО. Второй выпуск ППС вышел в феврале 1882 г. и включал в свой состав Бордосский путник (333 г.) в русском переводе. Таким образом, и второй выпуск ППС вышел до создания Общества, которое было открыто 21 мая 1882 г. Сборник всегда пользовался заслуженным научным признанием в отечественном и зарубежном востоковедении и византиноведении. Высокий научный уровень издания сразу поставил его в ряд наиболее серьёзных востоковедческих печатных органов, обеспечивался участием лучших научных сил России. В 125 его выпусках увидели свет множество ценнейших научных исследований и публикаций. В императорский период в ППС были осуществлены комментированные академические издания хождений в Святую Землю русских, византийских и западноевропейских паломников: игумена Даниила, ирландца Аркульфа, Антония из Плаценции, Иоанна Фоки, свт. архиепископа Антония Новгородского, прп. Епифания Премудрого, митрополита Даниила Эфесского, иеромонаха Арсения (Суханова), инока Варсонофия, диакона Игнатия Смольнянина, купца Василия Познякова, государева дьяка Трифона Коробейникова и др. Среди важнейших монографий российских исследователей, появившихся в разное время на страницах ППС, необходимо назвать работы таких известных учёных, как В.Н. Хитрово, А.А. Олесницкого, Н.Ф. Каптерева, епископа Феодосия (Олтаржевского), Н.А. Медникова, В.В. Латышева и др. Особое место занимают публикации в ППС архивных материалов по истории и состоянию Иерусалимской Патриархии, архиепископии Синайской горы и Святой Горы Афон. С 1881 г. по 1917 г. было издано 63 выпуска ППС.

В 1886–1926 гг. Обществом издавались Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (далее СИППО). СИППО являлся

---

[1] Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918), член-учредитель ППО 21 мая 1882 г., Почётный член Общества с 21 мая 1892 г., председательствующий в Отделении учёных изданий и исследований ИППО в 1883–1886, 1893–1899, 1901–1902 гг., государственный и общественный деятель, известный историк, генеалог, библиограф. В 1902 г. Д.Ф. Кобеко был назначен директором Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, занимал эту должность почти до конца своей жизни.

периодическим журналом Общества, всего за время его издания было подготовлено и напечатано 29 томов СИППО. Обществом были выпущены:

– тома с 1 по 25, которые вышли в 1886–1914 гг. в Санкт-Петербурге;

– тома с 26 по 28, которые вышли в 1914–1917 гг. в Петрограде;

– в 1926 г. был издан последний, 29-й том в Ленинграде.

Все члены ИППО в течение года получали СИППО бесплатно по обязательной рассылке до 1917 г. Деньги для рассылки покрывались из ежегодных взносов членов Общества. Рассылка СИППО для подписчиков, которые не являлись членами Общества, стоила от 3 до 7 руб. Внутри каждого тома, как правило, было 4 выпуска, которые издавались отдельно, а потом сводились в единый том. В конце XIX — начале XX вв. редакция находилась по адресу: Санкт-Петербург, Вознесенский проспект, № 36. В 1890-х гг. редактором СИППО был М.П. Соловьёв. В 1905 г. редакцию возглавил профессор И.И. Соколов, который был ответственным редактором СИППО в 1905–1917 гг. Редакция в тот период располагалась в Санкт-Петербурге (Петрограде), Невский проспект, д. 173, кв. 1. Авторами Сообщений являлись члены ИППО, известные учёные, профессора Духовных академий и Императорских университетов, архиереи и священники, паломники, писатели и журналисты. В СИППО за 30 лет издания подробно освещалась повседневная жизнь Общества: публиковались отчёты о поступлении денег и их трате, информация о членах ИППО, руководящих органах и их составе, предоставлялись сведения о проведении собраний Общества, а также — по отдельным направлениям деятельности, в том числе паломнической, научной, издательской, просветительской, образовательной и благотворительной работе в Святой Земле и России. Сообщения размещали подробные биографические материалы о деятельности руководителей Общества, а также наиболее известных и активных сотрудниках и благотворителях ИППО. Публиковались обзоры и аналитические материалы о положении христианского населения в Библейском регионе, а также о жизни Поместных Православных Церквей: Константинопольском, Антиохийском, Александрийском и Иерусалимском Патриархатах. Исследователи конца XIX — начала XX вв. обращали внимание на то, что Сообщения были одним из немногих периодических изданий России, в которых публиковались разнообразные научные и литературные материалы о Палестине, Сирии, Египте, Греции, Афоне и Синае. В СИППО размещались материалы и исследования по церковной и гражданской истории стран Библейского региона, особое внимание уделялось публикации археологической деятельности на Ближнем Востоке. Много внимания в СИППО уделялось издательской деятельности Общества — печатались перечни изданий Общества, с указанием выходных данных и цен, а также с указанием мест, где их можно приобрести. Во многих выпусках СИППО размещались критико-библиографические разделы, в которых представлялись отечественные и зарубежные издания по палестиноведению и смежной тематике. Практически во всех Сообщениях много места уделялось паломнической деятельности ИППО, в том числе читателей информировали, где можно приобрести паломнические книжки ИППО и паспорта паломников, расписания и стоимость железнодорожных билетов до Одессы, Новороссийска и других портов, а также стоимость проезда на кораблях до Константинополя, Афона и Палестины. Почти

в каждом выпуске Сообщений представлялись материалы о русских подворьях ИППО в Святой Земле, в том числе с указанием паломников, которые в них размещались.

В журнале размещались подробные материалы по инославной пропаганде среди православного населения Палестины и Сирии, а также сведения о положении местного арабского и еврейского населения. СИППО размещали на своих страницах подробную информацию о деятельности учебных заведений ИППО в Палестине и Сирии, в том числе аналитическую и статистическую. В начале 1890-х гг., времени появления губернских отделов ИППО, в Сообщениях ежегодно публиковались материалы об их деятельности, в том числе о проведении общих годовых собраний, народных чтений о Святой Земле и сборе финансовых средств на нужды Общества. СИППО во всех своих выпусках публиковали подробные финансовые отчёты о поступлении средств и их использовании ИППО. Таким образом, принцип открытости в деятельности Общества реализовывался через информирование его членов посредством издания Сообщений, которое осуществлялось под руководством Совета ИППО. В 1926 г. Обществу при председательстве профессора Ф.У. Успенского удалось издать единственный в советский период журнал «Сообщения Палестинского Общества».

В советский период Палестинский Сборник, издаваемый РПО при АН СССР, возглавляли выдающиеся отечественные востоковеды — член-корреспондент АН СССР Н.В. Пигулевская и академик Б.Б. Пиотровский. Первый выпуск возобновлённого после Великой Отечественной войны Сборника вышел с неверной нумерацией, поэтому для её восстановления следующий выпуск был обозначен как сдвоенный: «Вып. 64–65». Под руководством Н.В. Пигулевской вышло 24 выпуска Палестинского сборника, среди которых были монографии Н.В. Пигулевской («Каталог сирийских рукописей Ленинграда». ПС. Вып. 69, Л, 1960.), А.Г. Лундина («Южная Аравия в VI веке». ПС. Вып.- 71, Л., 1961), И.Н. Винникова («Словарь диалекта бухарских арабов». ПС. Вып. 73, Л., 1962), И.Ш. Шифмана («Возникновение Карфагенской державы». ПС. Вып. 75, Л., 1963), Р.Г. Рыловой («Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского XI в.». ПС. Вып. 77, Л., 1965), Ю.Я. Перепёлкина («Частная собственность в представлении египтян Старого царства». ПС. Вып. 79, Л., 1966), И.Н. Лебедевой («Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы», ПС. Вып. 81, Л., 1968), А.И. Еланской («Коптские рукописи Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина». ПС. Вып. 83, Л., 1969). Как ответственный редактор Сборника Н.В. Пигулевская готовила и редактировала его выпуски, в которых публиковались статьи и материалы по сирологии, угаритоведению, кумранистике, сабеистике. В 1970 г. она подготовила выпуск Сборника по теме «Византия и Восток», где вводились в научный оборот новые данные и материалы по истории и культуре Византии из ленинградских фондов и хранилищ. Редактуру 74-го выпуска Сборника, вышедшего в 1964 г. и посвящённого 70-летию Н.В. Пигулевской, выполнила К.Б. Старкова. Кроме того в Сборнике печатались известные учёные-востоковеды и византинисты: А.В. Банк, П.Г. Булгаков, И.Э. Гранстрем, А.А. Губер, И.М. Дьяконов, И.С. Кацнельсон, М.А. Коростовцев, А.В. Пайкова, К.Н. Юзбашян и др. В 1973 г. ответственным секретарём Сборника стала М.М.

Елизарова, а секретарём Ленинградского отделения РПО при АН СССР была выбрана Е.Н. Мещерская, на её плечи с 1976 г. легли и обязанности ответственного секретаря Сборника. В 1970-е гг. вышло 6 выпусков Палестинского сборника, из них 2 монографии — «Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления)» А.И. Колесникова (ПС. Вып. 85, Л., 1970.) и «Литературные памятники кумранской общины» К.Б. Старковой (ПС. Вып. 87, Л., 1973). Редактором монографии А.И. Колесникова выступила Н.В. Пигулевская, но из печати этот выпуск вышел уже после её кончины. В 1980-е гг. продолжалась работа по изданию Сборника, до 1990 г. Ленинградское отделение Общества выпустило 4 выпуска (в 1987 г. нумерация выпусков сбилась, т.к. по недосмотру редакции не был учтён вышедший в Москве в 1984 г. выпуск 29(92), и этот номер был повторно присвоен следующему выпуску Сборника). В 1990 г. в 30(93) выпуске Сборника вышла монография А.В. Пайковой «Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии».

В 1992 г., когда Обществу было возвращено историческое название «Императорское Православное Палестинское Общество», его главное повременное издание стало вновь называться «Православный Палестинский Сборник», а также была возобновлена его дореволюционная нумерация и восстановлен исторический дизайн обложки. В 1990-х гг. выпуски ППС, подготовленные Санкт-Петербургским отделением МОО «ИППО», печатались в издательстве «Дмитрий Буланин». В 2003 г. выпуск ППС был перенесён в Москву, начиная с юбилейного 100-го выпуска Сборника. При этом необходимо отметить, что до 2006 г. Санкт-Петербургское отделение Общества продолжало издавать выпуски ППС. В 2005 г. председателем Редакционной коллегии ППС был избран выдающийся учёный член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов, Председатель ИППО, а ответственным секретарём Сборника стал известный историк Н.Н. Лисовой, заместитель Председателя Общества. В 2008 г. председателем Редакционной коллегии ППС был избран известный государственный и общественный деятель России С.В. Степашин, Председатель ИППО. В 2019 г., после кончины Н.Н. Лисового, ответственным редактором ППС был избран историк и культуролог С.Ю. Житенёв. В октябре 2022 г. была образована Редакция Сборника. Главным редактором ППС был назначен С.Ю. Житенёв; заместителем главного редактора — Г.В. Аксенова; ответственным редактором — Р.Б. Бутова; выпускающим редактором — К.А. Вах; научным редактором — А.В. Сарабьев; исполнительным секретарём — А.П. Соловьев. В 2003–2024 гг. вышло 24 выпуска ППС, в которых были опубликованы монографии членов Общества, доклады учёных на научных конференциях, аналитические и исторические статьи, архивные материалы, рецензии, хроника деятельности Общества. На протяжении 144 лет своей деятельности Православный Палестинский Сборник продолжает высокие научные традиции православного востоковедения и российской византинистики. В 2024 г. был создан сайт ППС, на котором были размещены все выпуски Сборника, а также научные монографии учёных, действительных членов МОО «ИППО».

В 2010–1015 гг. в соответствии проводился совместный Конкурс научных работ ИППО-РГНФ по теме «Палестина и Россия: исторические и культурные контакты и связи». В рамках Конкурса научных проектов ИППО-РГНФ были

осуществлены более 40 научных исследований, изданы более 20 монографий, проведена Международная научная конференция «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность в Святой Земле. К 130-летию со дня основания», материалы которой были опубликованы отдельным изданием. В 2011–2012 гг. в период подготовки и проведения 130-летия ИППО были выпущены следующие научные издания Общества: Каталог Международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока» (составители: К.А. Вах, С.Ю. Житенёв, Н.Н. Лисовой); С.Ю. Житенёв «Первый международный гуманитарный проект России на Ближнем Востоке: к 130-летию Императорского Православного Палестинского Общества»; М.П. Соловьёв «Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество»; Н.Н. Лисовой «Подворья ИППО в Иерусалиме: Сергиевское, Александровское, Вениаминовское и Николаевское»; К.А. Вах «Великий князь Константин Николаевич и основание Русского Иерусалима». Тогда же были осуществлены: юбилейное издание трехтомника сочинений и писем В.Н. Хитрово в серии «Библиотека Русской Палестины», издан 1-й том «Дневника архимандрита Антонина (Капустина)» и ряд др.

В 2015 г. МОО «ИППО» издало давно ожидаемый православный путеводитель «Святая Земля: история и наследие», написанный Н.Н. Лисовым и предваряемый предисловием С.В. Степашина. Путеводитель сразу стал библиографической редкостью, его популярность у российской публики и специалистов объяснятся сочетанием научной точности и интересным изложением материала. В 2016 г. был издан научный сборник «Церковь в истории России. К 70-летию Николая Николаевича Лисового». Тогда же была издана научная монография Н.Н. Лисового «Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода» в издательстве «Индрик», в котором традиционно публикуются научные издания Общества.

В октябре 2019 г. в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже прошла Всероссийская научная конференция ИППО с международным участием «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи», организованная МОО «ИППО» при поддержке РФФИ. Конференция проходила в Государственном Эрмитаже, в восточном крыле Главного штаба, бывшем изначально помещением МИД Российской Империи. На пленарном заседании конференции с докладами выступили: Председатель ИППО С.В. Степашин, директор Государственного Эрмитажа, академик РАН М.Б. Пиотровский, председатель Совета РФФИ, академик РАН В.Я. Панченко, почётные гости и члены МОО «ИППО». Сборник научных докладов и сообщений был выпущен в следующем году.

В 2021 г. была опубликована научная монография протоиерея Алексия Марченко «Рыцарь Святого Гроба Господня: жизнь и подвиг Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828–1893)». В конце 2021 — начале 2022 г. была завершена трёхлетняя работа большого коллектива учёных и специалистов МОО «ИППО» по созданию «Энциклопедии Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг.», посвящённая 140-летию Общества.

В 2022 г. по инициативе Научной секции Общества, которую поддержал С.В. Степашин, была создана совместная Программа МОО «ИППО» и Минобрнауки РФ фундаментальных научных исследований «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи». В рамках указанной Программы крупнейшими отечественными учёными и специалистами были проведены исследования по Ближнему Востоку и истории деятельности Общества и в 2025 гг. изданы при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в Научно-издательском центре «Индрик» следующие шесть научных монографий.

1. «Русское наследие. Собственность Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в 1882–1948 гг.» Руководитель Р.Б. Бутова, Институт российской истории РАН.

2. «Русский вклад в изучение Святой Земли: XIX в.», руководитель К.А. Вах, Институт археологии РАН.

3. «Научное сотрудничество России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья: от исторического контекста к современным вызовам и решениям», руководитель И.Е. Ильина, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере.

4. «Фактор Палестины в процессе трансформации международных отношений и многосторонней дипломатии современной России в XX — начале XXI вв.», руководитель О.А. Колобов, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

5. «Ближневосточные конфессиональные общины: проблематика социальных границ на исторических примерах», руководитель А.В. Сарабьев, Институт востоковедения РАН.

6. «Святая Земля в отечественной письменной традиции: история, источники, интерпретация». Руководитель И.В. Фёдорова, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

В настоящее время в Обществе традиционно продолжается большая научно-просветительская работа, ежегодно издаются выпуски ППС, научные монографии и научно-популярные книги. Издательская деятельность ведётся не только Советом МОО «ИППО», но и многими региональными отделениями Общества.

Источники и литература

Бутова Р.Б., составитель. Издания Палестинского Общества и о Палестинском Обществе. 2012–2017 // Православный Палестинский Сборник. Вып. 113. Отв. ред. Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 313–319.

Бутова Р.Б., Житенёв С.Ю. Издания Палестинского Общества и о Палестинском Обществе. 2018–2022. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 122. М., 2023. С. 227–233.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2006. С. 223.

Пумпян Г.З. Издательская деятельность Императорского Православного Палестинского Общества: 1881–2012 // Каталог Международной юбилейной выставки «Россия в Святой

Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока», Москва, ЦВЗ «Манеж», 5–14 июня 2012 г. Сост. К.А. Вах, С.Ю. Житенёв, Н.Н. Лисовой. Науч. ред. Н.Н. Лисовой. Отв. ред. К.А. Вах, С.Ю. Житенёв. М.: Индрик, 2012. С. 264–305.

Пумпян Г.З. Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества 1881–2007. СПб., 2007. С. 360–437;

Пумпян Г.З. Предисловие // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007). Науч. рук. В.П. Леонов, отв. ред. Н.Н. Лисовой. СПб., 2009. С. 5–9.

Юбилей «Православного Палестинского Сборника». Редколлегия. [Н.Н. Лисовой] // ППС. Вып. 100. М., 2003. С. 5–8.

170 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ АФАНАСЬЕВИЧА ДМИТРИЕВСКОГО, ИЗВЕСТНОГО УЧЁНОГО, СЕКРЕТАРЯ ИППО в 1907–1918 гг.

Aksenova Galina Vladimirovna,
Deputy Head of the Scientific Section of the IPO "IOPS",
Deputy Editor-in-Chief
of the Orthodox Palestinian Collection (OPC),
Professor of the Department of Russian History Institute of History and Politics
Moscow State Pedagogical University,
Leading Researcher at the Department of Russian History,
Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN Patrice Lumumba,
Doctor of Historical Sciences.
Russian Federation, Moscow
E-mail: galax23@yandex.ru

Dmitrievsky A.A. in the assessment of Russian historiography

Abstract: "Great worker of Russian liturgical science" and Church historian, professor at the Kiev Theological Academy, "expert in archeology and the Greek language", "Russian Scholar", "man of order and firm rules", Fourth Secretary of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) A.A. Dmitrievsky (1856–1929), "famous in Russia and through his work abroad," he left a huge scientific legacy. His archival fund, located in the Russian National Library, contains not only creative manuscripts, but also draft notes to them, extracts from various documents, preparatory materials, as well as an extensive and valuable epistolary. In connection with the study of the history of the IOPS, the most powerful public organization that contributed to the formation of the Middle East policy of the Russian Empire, A.A. Dmitrievsky's correspondence with public figures turned out to be in the center of attention of modern scientists. About A.A. Dmitrievsky, as a historian of Russian Palestine, a historian of the Church, and a liturgist, currently has scientific and popular science works. For the first time, the article provides an analysis of the literature devoted to the life and work of A.A. Dmitrievsky.

Keywords: historiography, bibliography, biography, A.A. Dmitrievsky, Palestine studies, Holy Land, pilgrimage, Byzantine studies, church history.

Аксенова Галина Владимировна,
заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО»,
заместитель главного редактора
Православного Палестинского Сборника,
профессор кафедры истории России Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета,
ведущий научный сотрудник кафедры истории России факультета
гуманитарных и социальных наук РУДН им. Патриса Лумумбы,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, Москва
E-mail: galax23@yandex.ru

Дмитриевский А.А. в оценке отечественной историографии*

Аннотация: «Великий труженик русской литургической науки» и историк Церкви, профессор Киевской Духовной Академии, «знаток археологии и греческого языка», «русский Гоар», «человек порядка, твердых правил», четвертый Секретарь Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) А.А. Дмитриевский (1856–1929), «известный в России и за границей своими трудами», оставил огромное научное наследие. Его архивный фонд, находящийся в Российской национальной библиотеке, содержит не только творческие рукописи, но и черновые заметки к ним, выписки из различных документов, подготовительные материалы, а также обширный ценнейший эпистолярий. В центре внимания современных ученых в связи с изучением истории ИППО — этой мощнейшей общественной организации, способствовавшей формированию ближневосточной политики Российской Империи оказалась переписка А.А. Дмитриевского с деятелями Общества. О А.А. Дмитриевском как историке Русской Палестины, историке Церкви и литургисте в настоящее время имеются научные и научно-популярные работы. В статье впервые дается анализ литературы, посвященной жизни и деятельности А.А. Дмитриевского.

Ключевые слова: историография, библиография, биография, А.А. Дмитриевский, палестиноведение, Святая Земля, паломничество, византинистика, церковная история.

Статья поступила в Редакцию ППС 28.04. 2026 г.

---

* Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований ИППО — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» FSSF-2026-0037.

Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929) вошёл в историю русской науки и общественной мысли как блистательный византинист, «великий церковный историк и источниковед, лучший знаток греческой рукописной книжности и при этом — последовательный поборник русской великодержавной политики на Востоке»[1]. В 1906 г., давая характеристику А.А. Дмитриевскому, Почетный член ИППО, сенатор, член Государственного Совета Н.М. Аничков написал первому Секретарю ИППО М.П. Степанову: «Дмитриевский — знаток археологии и греческого языка <...> человек известный в России и за границей по его трудам; очень живой, деятельный, обладающий терпением и трудоспособностью. <...> Состоя членом Киевского отдела Палестинского Общества, своими публичными чтениями принес не только нравственную, но и материальную выгоду Обществу. <...> человек порядка, твердых правил, самостоятельный»[2].

В 2006 г. состоялась церковно-научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения А.А. Дмитриевского. С приветствием к её участникам обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В своем слове Святейший Патриарх, говоря о юбилее ученого, назвал его не только «великим церковным историком-византинистом, основателем школы русской исторической литургики, выдающимся деятелем ИППО, исследователем Христианского Востока и русско-палестинских духовных связей», но и «смиренным тружеником Церкви, духовное наследие которого имеет мировое значение»[3]. Святейший подчеркнул, что ученый «одним из первых обратился к памятникам православного богослужения, которые разыскивал в монастырских книгохранилищах и ризницах». «Важной и поучительной» назвал Патриарх Алексий службу А.А. Дмитриевского в ИППО. Эти служба и церковно-научная деятельность являют собой «высокий образец и пример для современных ученых»[4].

Деятельность А.А. Дмитриевского как ученого, организатора науки, Секретаря ИППО заслужила внимание отечественной и зарубежной историографии. В год

---

1 *Лисовой Н.Н.* А.А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907 / Вступ. ст. и послесл. Н.Н. Лисового. М.: ИППО; СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008. С. 5–72.

2 Цит. по: *Лобовикова К.И.* А.А. Дмитриевский и Великая Княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого) // Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / [Рос. акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории, Арх. Рос. акад. наук. С.-Петерб. фил.]; Под ред. чл.-корр. Рос. акад. наук И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 241–255. С. 241.

3 *Алексий II, Патриарх.* Участникам церковно-научной конференции «Историк Православного Востока и Русской Палестины // Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения Христианского Востока. [Репр. изд.]. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2006 (М.: Типография «Новости»). 141 с. С. 141.

4 *Алексий II, Патриарх.* Участникам церковно-научной конференции «Историк Православного Востока и Русской Палестины // Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения христианского Востока. [Репр. изд.]. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2006 (М.: Типография «Новости»). 141 с. С. 141.

празднования 160-летия со дня его рождения необходимо подвести некоторые итоги проведенных исследований, в центре внимания которых столь яркая и деятельная личность.

Начнем с литературы конца XIX в.

К числу первых историографических очерков, посвященных А.А. Дмитриевскому, исследователи относят рецензии на его труды, написанные и опубликованные в 1890-е гг. историком церкви, литургистом и археологом, профессором Новороссийского университета Н.Ф. Красносельцевым. Их квалифицируют как «литературу о жизни и деятельности» ученого[5].

Первые статьи и брошюры, представляющие жизнь и деятельность А.А. Дмитриевского-ученого, увидели свет в 1904 г.[6] В небольшой книжке Н.И. Летницкого, посвященной избранию уроженца г. Астрахани «деятельного и талантливого труженика в области церковной археологии и литургики», «солидного эрудита»[7] А.А. Дмитриевского членом-корреспондентом Академии наук, имеется краткая биография лауреата, представление его основных трудов, описание важнейших заслуг, в числе которых отмечены: издание древних греческих рукописей с их палеографическим и кодикологическим описанием, критико-библиографическими и критико-историческими пояснениями; литургические сочинения, отмеченные Макарьевскими премиями. По мнению одного из первых Н.И. Летницкого, таким образом, отметили «высокие достоинства научной деятельности»[8] А.А. Дмитриевского.

Историографический перерыв оказался достаточно долгим — более 50 лет. В 1968 г. увидел свет 4-й сборник «Богословских трудов», в котором разместили несколько материалов, посвященных наследию А.А. Дмитриевского. Прежде всего, это статья профессора Свято-Сергиевского Православного богословского института в г. Париже, деятельным членом комиссии по исправлению, переводу на финский язык и изданию богослужебных книг Финляндской Православной Церкви, уроженца г. Выборга, выпускника Петроградского технологического института Б.И. Сове «Русский Гоар и его школа». Назвав А.А. Дмитриевского «русским Гоаром», приравняв его труды к занимавшемуся в XVII в. работой члена Ордена предикаторов по научному освещению православного богослужения и издавшему Евхологион, ученый стремился раскрыть значение его «трудов по собиранию и изданию греческих литургических текстов Типикона и Евхология», его роль в «создании Киевской школы русских литургистов»[9]. Исследование Б.И. Сове редакторы сборника дополнили личными воспоминаниями

---

5 *Красносельцев Н.Ф.* Рецензия на труд А.А. Дмитриевского «Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во Святом Иерусалиме». Казань, 1894. СПб., 1895. 24 с.; *Красносельцев Н.Ф.* Рецензия на книгу А.А. Дмитриевского «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока». Т. 1. Ч. 1. Киев 1895. СПб., 1897. 29 с.; *Красносельцев Н.Ф.* Отзыв на труд А.А. Дмитриевского «Патмосские очерки» // Византийский временник. 1894. С. 723–732.

6 *Летницкий Н.И.* Новый член-корреспондент Академии наук, ординарный профессор Киевской Духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Астрахань, 1904. — 10 с.

7 *Летницкий Н.И.* Новый член-корреспондент Академии наук, ординарный профессор Киевской духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Астрахань, 1904. 10 с. С. 7.

8 *Летницкий Н.И.* Новый член-корреспондент Академии наук, ординарный профессор Киевской духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Астрахань, 1904. 10 с. С. 9.

9 *Сове Б.И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 39–84. С. 39.

Н.Д. Успенского — профессора литургики и византологии Ленинградской Духовной Академии, ученика А.А. Дмитриевского[10]. Рассказ о школе «русского Гоара» содержится в небольшой заметке П.В. Уржумцева[11]. Впервые был опубликован хронологический список трудов А.А. Дмитриевского, составленный священником Львом Махно[12].

Наследие А.А. Дмитриевского как византиниста, его труды в этой области вызывали и вызывают интерес у европейских ученых. В 1995 г. в состав фундаментального сборника «Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге» включили статью испанского иезуита, литургиста, богослова Михаила Арранца, посвященную рукописному наследию выдающегося русского ученого[13]. В 2004 г. в завершающем выпуске «Материалов архивов» по изучению рукописного наследия русских византинистов его редакторы и составители опубликовали статью К.И. Лобовиковой «А.А. Дмитриевский и Великая Княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого)», позволяющую раскрыть малоизвестные страницы их биографий[14].

В 2006 г. в связи с 200-летием со дня рождения епископа Порфирия (Успенского; 1804–1885) Общество сохранения литературного наследия предприняло репринтное издание книги А.А. Дмитриевского, увидевшей свет в виде статьи в 1905 г., а в виде книги — в 1906 г. Репринтное издание дополнили биографией ученого, списком его трудов, состоящим из 124 названий и списком литературы о его жизни и деятельности из 6 названий[15].

В конце сентября 2003 г. в Москве прошла научная конференция «Святая Русь на Святой Земле», приуроченная к 100-летию со дня кончины основателя ИППО В.Н. Хитрово. На ней с докладом, посвященном «четырем Секретарям Общества», выступил философ и историк Н.Н. Лисовой. В этом докладе, а затем и в опубликованной статье ученый охарактеризовал деятельность А.А. Дмитриевского на посту Секретаря Общества, раскрыл причины выбора именно его кандидатуры как «последовательного поборника русской великодержавной политики на Востоке»[16] на столь значимый пост в общественной организации, которую возглавляла Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

---

10 *Успенский Н.Д.* Из личных воспоминаний об А.А. Дмитриевском // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 85–90.

11 *Уржумцев П.В.* Школа «Русского Гоара» в Ленинградской духовной академии // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 91–94.

12 *Махно Л.П.* Список трудов проф. А.А. Дмитриевского в порядке их публикации // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 95–107.

13 *Арранц М.* А.А. Дмитриевский: из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120–133.

14 *Лобовикова К.И.* А.А. Дмитриевский и Великая Княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого) // Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / [Рос. акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории, Арх. Рос. акад. наук. С.-Петерб. фил.]; Под ред. чл.-корр. Рос. акад. наук И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 241–255.

15 Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения Христианского Востока. [Репр. изд.]. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2006 (М.: Типография «Новости»). 141 с.

16 *Лисовой Н.Н.* Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М.П. Степанов — В.Н. Хитрово — А.П. Беляев — А.А. Дмитриевский) // Православный Палестинский Сборник. М.: Изд. Паломнического Центра Московского Патриархата, 2005. С. 6–35. С. 31–32.

Более 40 работ А.А. Дмитриевского, посвященных религиозной ситуации в Святой Земле, деятельности и деятелям Палестинского Общества Н.Н. Лисовой использовал для написания своей монографии «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.». Немало внимания уделено и характеристике трудов А.А. Дмитриевского[17].

Как заместитель Председателя ИППО, т.е. как общественный деятель и ученый Н.Н. Лисовой инициировал издание серии «Библиотека Русской Палестины», которая открывалась четырехтомником трудов А.А. Дмитриевского. Каждый из томов начинался со вступительной статьи, характеризующей одну из сторон деятельности выдающегося исследователя — биографа, литургиста, богослова, историка Церкви. В вводной статье, посвященной трудам А.А. Дмитриевского по истории Русской Палестины, описан жизненный путь ученого и общественного деятеля, история написания «Исторической Записки ИППО за 25 лет его существования», дана оценка его деятельности на посту Секретаря ИППО и др.[18] Все три последующие тома, являвшие собой сборники статей, также открывались статьями Н.Н. Лисового. Например, четвертая книга предварялась статьей, посвященной роли А.А. Дмитриевского в русской просветительской работе в Святой Земле[19].

Автором научной биографии А.А. Дмитриевского стал историк, кандидат богословия, преподаватель Екатеринбургской Духовной семинарии С.Ю. Акишин. В 2010-е гг. он опубликовал ряд статей, посвященных отдельным периодам жизни выдающегося ученого[20]. Он же, проведя полную реконструкцию биографии А.А. Дмитриевского, выпустил книги, ему посвященные[21], первая из которых

---

17 Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.; [Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Император. Палестин. О-во]. М.: Индрик, 2006. 510 с.

18 *Лисовой Н.Н.* А.А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907) / сост., вступительная ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 5–72.

19 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Сост., вступительная ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. 668 с.; *Дмитриевский А.А.* Праздники Святой Земли / сост., вступительная ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 464 с.; *Лисовой Н.Н.* А.А. Дмитриевский и русская просветительская работа в Святой Земле // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке: статьи, очерки, отчеты / отв. ред. Л.В. Мельникова; сост., вступительная ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. С. 5–16.

20 Например, см.: *Акишин С.Ю.* Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А.А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии. Киев, 2011. № 15. С. 250–267; *Акишин С.Ю.* Преподавательская деятельность профессора А.А. Дмитриевского на Высших богословских курсах Ленинграда // Труды Киевской духовной академии. Киев, 2012. № 17. С. 251–278; *Акишин С.Ю.* Деятельность профессора Киевской духовной академии А.А. Дмитриевского в Астрахани (1919–1923 гг.) // Труды Киевской Духовной академии. № 20. Киев, 2014. С. 233–266.

21 *Акишин С.Ю.* Биография профессора А.А. Дмитриевского и характеристика его научной деятельности. [электронное издание] СПб.: Изд.-во: Аксион эстин, 2008; *Акишин С.Ю.* Профессор Алексей Афанасьевич Дмитриевский: научная биография. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2025. Ч. 1: 1856–1907 годы. 2025. 542 с.

увидела свет в 2008 г., а последняя — в 2025 г.[22] Преподавательская, научная и общественная деятельность А.А. Дмитриевского в киевский период стали темой кандидатской диссертации С.Ю. Акишина, защищенной в 2022 г.[23] Объясняя причины выбора именно этого этапа в жизни ученого, диссертант написал: «Наиболее значимым для гуманитарной науки был киевский период (1884–1907) жизни А.А. Дмитриевского, когда появились его многочисленные фундаментальные труды. Благодаря многократным командировкам в восточные и западноевропейские книжные собрания, где Алексей Афанасьевич работал над систематическим описанием литургических рукописей на греческом и славянском языках, он издал внушительное число важных для истории православного богослужения памятников, легших в основу, как его собственных исследований, так и работ его учеников по Киевской Духовной академии»[24].

Наследие А.А. Дмитриевского занимает особое место в трудах историка, преподавателя Санкт-Петербургской Духовной академии Л.А. Герд. Она — автор статей, в которых представлены как небольшие эпизоды из жизни ученого, так и освещены непростые стороны его деятельности[25]. Особое внимание ею уделено уникальному фонду А.А. Дмитриевского, хранящемуся в ОР РНБ. Документы, находящиеся в архиве А.А. Дмитриевского (ф. 253), позволяют, например, «рисовать яркую картину как характера В.Н. Хитрово — этого необычного человека, так и историю его деятельности на пользу созданного им Императорского Православного Палестинского Общества»[26]. Немалое количество документов архива касаются собственно истории ИППО.

Большая статья, посвященная А.А. Дмитриевскому, авторами которой стали Л.А. Герд и С.Ю. Акишин, вошла в том Православной энциклопедии. Она содержит добротную информацию, характеризующую основные этапы его жизни, перечень основных трудов ученого, источников и историографию. Уделено внимание деятельности А.А. Дмитриевского как Действительного члена ИППО. Авторами статьи отмечена «большая тщательность некоторых из исследований» А.А. Дмитриевского, «которые, по справедливому замечанию Л.А. Герд, до сих пор не имеют себе равных в этой области». Например, «Историческая записка Д. "Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907)"

---

22 Рецензия на кн. С.Ю. Акишина опубликована в сборнике «Иерусалимский семинар». См.: *Алексеев А.И.* Акишин С.Ю. Профессор Алексей Афанасьевич Дмитриевский: научная биография. Ч. 1: 1856–1907 годы. Екатеринбург, 2025. 544 с. // Иерусалимский православный семинар. М.: Индрик, 2025. Вып. 15.

23 *Акишин С.Ю.* Преподавательская, научная и общественная деятельность профессора А.А. Дмитриевского в киевский период его жизни: 1884–1907 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2022. 318 с.

24 *Акишин С.Ю.* Преподавательская, научная и общественная деятельность профессора А.А. Дмитриевского в киевский период его жизни: 1884–1907 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2022. 26 с.

25 *Герд Л.А.* А.А. Дмитриевский как староста Николо-Александровской Барградской церкви в Петербурге // Родное и вселенское: к 60-летию Н.Н. Лисового: [сб. статей]. М., 2006. С. 105–123; *Герд Л.А.* А.А. Дмитриевский: между наукой и церковной политикой // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 190–202.

26 *Герд Л.А.* Переписка В.Н. Хитрово в архивном фонде А.А. Дмитриевского // Православный Палестинский Сборник. М., 2005. Вып. 102. С. 66–74. С. 67.

(СПб., 1907) представляет собой основанный на архивных данных фундаментальный труд по истории ИППО, доведенный до 1890 г.»[27].

К материалам, содержащимся в архиве А.А. Дмитриевского, обратился и доктор исторических наук А.И. Алексеев, отметив, что этот фонд «в последние годы служит предметом пристального внимания исследователей, занимающихся изучением российского присутствия в Святой Земле»[28]. И Л.А. Герд, и А.И. Алексеев, публикуя документы из фонда А.А. Дмитриевского, справедливо указывают исследователям на тот факт, что этот фонд — кладезь информации по истории ИППО, бережно сохраненной одним из ярчайших научных и общественных деятелей России.

Нельзя не отметить работы, изданные в Астрахани, на родине А.А. Дмитриевского, астраханскими исследователями. Прежде всего, это книга А.С. Маркова[29]. В Астрахани, в Астраханском университете, проректором и ректором которого был А.А. Дмитриевский, в рамках регионального этапа международных Рождественских образовательных чтений проходят Дмитриевские чтения[30], вовлекающие не только в краеведческую, но и научно-исследовательскую работу новые поколения ученых. В этой связи нельзя не процитировать слова из речи, произнесенные на IV Дмитриевских чтениях деканом исторического факультета АГУ Е. Тимофеевой: «Труды и заботы Алексея Афанасьевича Дмитриевского о том, чтобы в Астрахани развивалось высшее образование, пустили мощные корни. Мы — наследники грандиозного богатства, которое оставил нам и Алексей Афанасьевич, и те, кто с ним работал»[31].

При размышлении о необходимости публикации трудов А.А. Дмитриевского и популяризации его наследия Н.Н. Лисовой с удовлетворением отметил, что «многое из наследия замечательного ученого теперь становится достоянием читателя. <…> И подобно тому, как без обращения к капитальным публикациям А.А. Дмитриевского не обходится сегодня ни один серьезный византинист, тем более литургист, так и без изучения его книги и статей о Русской Палестине невозможны какие-либо исторические исследования по проблемам российского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке»[32].

---

27 *Герд Л.А., Акишин С.Ю.* Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Православная Энциклопедия. 2007. Т. 15. С. 429–438.

28 *Алексеев А.И.* Деятельность Православного Палестинского Общества в письмах С.Д. Лермонтова секретарю общества М.П. Степанову за 1883–1885 гг. (по материалам фонда А.А. Дмитриевского). Письма казначея Православного Палестинского Общества С.Д. Лермонтова секретарю общества М.П. Степанову 1883–1885 гг. // Православный Палестинский Сборник. М.: Индрик, 2025. С. 74–112. С. 76.

29 *Марков А.С.* Жизнь и труды Алексея Дмитриевского. Астрахань: Новая линия, 2021. — 218 с.

30 Например, см.: Дмитриевские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани)» / Министерство образования и науки РФ, Астраханский государственный университет [и др.]; [редакционная коллегия: отв. ред. и сост.: Е.Г. Тимофеева и др.]. Астрахань: Астраханский ун-т, 2018. 144 с.

31 В Астраханском госуниверситете в четвёртый раз прошли Дмитриевские чтения. 27.11.2019 // https://asu-edu.ru/news/8664-v-astrahanskom-gosuniversitete-v-chetvertyi-raz-proshli-dmitrievskie-c.html?ysclid=mopzxe31b2661393986

32 *Лисовой Н.Н.* А.А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). Сост., вступительная ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 5–72. С. 71–72.

Vakh Kirill Alekseevich,
Deputy Head Scientific Section of the IPO “IOPS”,
member of the Editorial Board of the Orthodox Palestinian Collection,
the issuing editor of the Editorial Office OPC,
General Director Research and Publishing Center “Indrik”,
researcher at the Institute of Archaeology of the
Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation
E-mail — K_vach@mail.ru

Unpublished originals and published copies of A.A. Dmitrievsky's letters to Prince A.A. Shirinsky-Shikhmatov from the East in 1909–1910.

Abstract: This article introduces information about unpublished original letters from the IOPS secretary, A.A. Dmitrievsky, to the vice-chairman of the Society, Prince A.A. Shirinsky-Shikhmatov. A comparative analysis of their source material and an archaeographic analysis of two published typewritten copies are provided. A critical assessment of the conclusions previously formulated based on these publications is offered. A conclusion is reached regarding the irrelevance of the IOPS mass school program in Syria and its negative consequences for its core activities. The purpose of A.A. Dmitrievsky's trip to the Orthodox East is reinterpreted as the first steps of the new executive leadership of the IOPS to revise and overcome the crisis in the Society's activities in Palestine. Finally, an analysis of the previously published archival file on A.A. Dmitrievsky's 1910 trip, with the author's additions and insertions, leads to the conclusion that it represents a draft of an unpublished essay on the trip.

Keywords: A.A. Dmitrievsky, Jerusalem, IOPS, Syria, diplomacy, Middle East

Вах Кирилл Алексеевич,
заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО»,
член Редакционной коллегии Православного Палестинского Сборника,
выпускающий редактор Редакции ППС,
генеральный директор
Научно-издательского центра «Индрик»,
научный сотрудник Института археологии РАН.
Российская Федерация, Москва.
E-mail — K_vach@mail.ru

Неопубликованные оригиналы и изданные копии писем А.А. Дмитриевского к князю А.А. Ширинскому-Шихматову с Востока в 1909–1910 гг.*

Аннотация: В статье вводится в научный оборот информация о неизданных оригиналах писем секретаря ИППО А.А. Дмитриевского к вице-председателю Общества князю А.А. Ширинскому-Шихматову, дается сравнительный анализ их источниковедческого потенциала и археографический разбор двух публикаций машинописных копий. Предложена критическая оценка выводов, ранее сформулированных на основании этих публикаций. Сделан вывод о непрофильности массовой школьной программы ИППО в Сирии и ее негативных последствиях для его основной деятельности. Цель командировки А.А. Дмитриевского на Православный Восток переосмыслена как первые шаги нового исолнительного руководства ИППО по ревизии и преодолению кризиса в деятельности Общества в Палестине. Наконец, в результате анализа опубликованного ранее архивного дела о командировке А.А. Дмитриевского в 1910 г. с авторскими добавлениями и вставками, сделано заключение о том, что оно представляет собой черновой вариант неопубликованного очерка о путешествии.

Ключевые слова: А.А. Дмитриевский, Иерусалим, ИППО, Сирия, дипломатия, Ближний Восток

Статья поступила в Редакцию ППС 27.04. 2026 г.

---

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института археологии РАН № НИОКТР № 125010600055–9 («История деятельности российских организаций по исследованию древностей Палестины в контексте внешнеполитической борьбы держав на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв.») в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2026 г.

В современной российской историографии уделяется немало внимания изучению деятельности Императорского Православного Палестинского Общества. Подобный интерес ученых объясняется заметной ролью, которое ИППО играло в Иерусалиме, Палестине и в целом на Православном Востоке, а также связями с Обществом крупных исторических фигур и ученых. Тем не менее, общей академической истории ИППО в настоящее время не существует, большинство биографий его главных деятелей не написаны. Не смотря на появление относительно недавно фундаментального сборника архивных документов, посвященных именно ИППО[1], многие архивные документы остаются не изученными, может быть и не найденными. Продолжение публикации подобных исторических источников, а так же введение новых архивных документов в научный оборот остается насущной потребностью и ответственной научной задачей в области создания полной истории этой уникальной российской международной общественной организации.

К важнейшим документам по истории Палестинского Общества, несомненно, относится и переписка его видных деятелей и руководителей. Не будем подробно останавливаться на характеристике самого эпистолярного жанра как исторического источника. Скажем только, что в отличии от аналитического труда или популярной беллетристики этот вид документа по времени (а часто и по местоположению) ближе всего находится к описываемым событиям, содержит в себе эмоциональный информационный контекст, раскрывающий скрытые стороны событий в их человеческом измерении, помогает уточнить мотивацию действующих лиц и глубже понять причинно-следственные связи изучаемых событий.

Мы обратили внимание на издание писем известного ученого-литургиста, историка Палестинского Общества, секретаря ИППО (1909–1917) А.А. Дмитриевского к вице-председателю ИППО (1910–1917) князю А.А. Ширинскому-Шихматову. Документы освещают инспекционную поездку А.А. Дмитриевского через Константинополь и Египет в Палестину и Сирию в конце 1909 и первой половине 1910 г. На Православный Восток А.А. Дмитриевский был командирован по решению Совета ИППО для сбора информации о состоянии паломнической инфраструктуры и школ ИППО. В его задачу входила оценка деятельности местных должностных лиц ИППО на Востоке, в первую очередь Уполномоченного в Иерусалиме Н.Г. Михайлова[2].

Письма А.А. Дмитриевского содержат ценный материал, который позволяет судить об общих проблемах, с которыми столкнулось Палестинское Общество вначале 1910-х гг. Не только информация А.А. Дмитриевского и его эмоциональные оценки, но и сам факт проведения ревизии впервые за многие годы и последовавшие за тем решения Совета ИППО, позволяют рассматривать поездку

---

1 Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 тт. / Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии, общая редакция Н.Н. Лисового. Т. 3. Ч. 1. М.: Индрик, 2020. 744 с.

2 Предписание вице-председателя ИППО князя А.А. Ширинского-Шихматова секретарю Общества А.А. Дмитриевскому. 14 декабря 1909 г. // Россия в Святой Земле... Т. 3. Ч. 1. С. 669–670.

как начало нового и, очевидно, последнего этапа в дореволюционной деятельности Палестинского Общества. Он характеризуется появлением новых энергичных людей в управлении Обществом: А.А. Дмитриевского и князя А.А. Ширинского-Шихматова, которым (в особенности А.А. Дмитриевскому) приходилось одновременно привыкать к элементам придворного этикета, существовавшего в ИППО со дня его основания, и при этом пытаться реформировать прежде всего управление и структуру Общества в соответствии с изменившимися реалиями.

Шесть писем А.А. Дмитриевского из Константинополя, Каира, Иерусалима, Бейрута, Дамаска и Назарета были опубликованы востоковедом А.Г. Грушевым, причем дважды и в различных версиях[3]. К сожалению, не смотря на проделанную огромную работу (особенно при подготовке второй публикации), использовать их в качестве исторического источника возможно лишь с большими оговорками.

А.Г. Грушевой привлек для издания машинописные копии писем, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 31 — машинопись с лакунами, авторской правкой, вставками в текст и на полях). Для восполнения пропуска в одном из писем А.Г. Грушевой использовал чистовой вариант машинописи из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1). Согласно его наблюдениям, А.А. Дмитриевский собирался сделать из этого материала более обстоятельный очерк своего путешествия по Востоку. Поэтому в РНБ письмам сопутствуют «многочисленные черновики и дополнения»[4].

На самом деле перед нами и есть тот самый черновик неоконченной и неопубликованной работы А.А. Дмитриевского, практически полностью готовый для чистовой перепечатки. Машинописные копии писем А.А. Дмитриевского, напечатанные в одну колонку с пустым полем для заметок с правой стороны, находятся в самом начале этого архивного дела. В первом издании 2016 г. А.Г. Грушевой издал их без сопроводительных материалов как самостоятельные документы.

Второе издание писем А.А. Дмитриевского состоялось в 2021 г. Оно сделано по тому же источнику, но теперь публикация представляла собой воспроизведение всего архивного дела в соответствии с расположением листов в папке и вне зависимости от их содержания.

Ни в первом, ни во втором случае А.Г. Грушевой не обращался к авторским оригиналам этих писем. В издании 2016 г. он прямо указывает, что местоположение автографов ему неизвестно[5], позднее делает предположение, что «традиционный,

---

3 Письма А.А. Дмитриевского А.А. Ширинскому-Шихматову (чистовые варианты писем) // *Грушевой А.Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке / публикация архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели А.Г. Грушевого. СПб.: Контраст, 2016. С. 208–269; *Грушевой А.Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов, имеющих отношение к деятельности А.А. Дмитриевского на посту секретаря ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–271.

4 Письма А.А. Дмитриевского А.А. Ширинскому-Шихматову (чистовые варианты писем)... С. 208.

5 Письма А.А. Дмитриевского А.А. Ширинскому-Шихматову (чистовые варианты писем)... С. 208.

рукописный вариант»[6] где-то должен существовать. При этом их полное описание, атрибуция и датировка присутствует в описи архивного фонда Российского Императорского Православного Палестинского Общества (РИППО) в Архиве внешней политики Российской империи[7]. Более того, в листе использования этого дела есть подпись А.Г. Грушевого как исследователя, датированная 2018 г. Очевидно, что после издания своей книги, он видел автографы писем, но почему-то умолчал об этом.

Копии этих писем из архива РИППО, оцифрованные для международной юбилейной выставки к 130-летию ИППО в Центральном выставочном зале «Манеж» в Москве 5–14 июня 2012 г., к сожалению, не экспонировались и не были включены в каталог[8]. В противном случае, они, несомненно, попали бы в поле зрения А.Г. Грушевого значительно раньше. Тем не менее, фрагменты двух подлинных писем А.А. Дмитриевского были опубликованы в 2020 г. Подготовкой материалов к публикации занимался историк и философ Н.Н. Лисовой, однако из-за обострившейся болезни и последовавшей кончины доделывать работу пришлось его ученикам и коллегам. Ссылки на документы сделаны, но из-за того, что к архивному делу исследователи не обращались, архивные листы в этой публикации указаны неверно[9].

Сравнение авторской рукописи с машинописной копией должно было навести автора на мысль об исправлении допущенных в его издании ошибок, но, насколько мы можем судить, этого не произошло. Не понятно были ли отмечены многочисленные «авторские исправления и вставки» А.А. Дмитриевского, присутствующие на машинописном экземпляре СПбФ АРАН и отсутствующие, по словам А.Г. Грушевого[10], в экземпляре ОР РНБ.

Поскольку и первое и второе издания доступны для исследователей и могут быть использованы в научных исследованиях, разберем особенности каждого из них по порядку.

Первая публикация писем в 2016 г.

Для начала, опишем книгу «Из истории русских школ на Ближнем Востоке», в составе которой появилось первое издание писем. Общее впечатление, которое можно вынести от знакомства с этим изданием, вызывает ощущение поспешности и небрежности, с которой оно было подготовлено.

---

6 *Грушевой А.Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 19.

7 Письма А.А. Дмитриевского кн. А.А. Ширинскому-Шихматову. АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/13. Д. 12.

8 В 2012 г. я участвовал в отборе экспонатов для выставки в АВПРИ и заказывал эти дела по просьбе Н.Н. Лисового. Информация о копировании есть в листе использования в архивном деле.

9 Россия в Святой Земле... Т. 3. Ч. 1. С. 587, 671.

10 *Грушевой А.Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 20.

Публикации документов предпослано введение (48 страниц), разделенное на две «главы», что довольно странно, если учесть что перед нами ни как не монография, а сборник архивных документов. Тем более, что в библиографической справке указано, что автору публикации А.Г. Грушевому принадлежат: «публикация архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели»[11]. Но этой информации не соответствует оглавление книги. Согласно принятому выделению уровней заголовков, в ней имеются три раздела. Первый содержит археографическую статью А.А.Грушевого: «Глава I. Вводные замечания» (с. 3–10). Второй — историческую статью того же автора: «Глава II. Школы и школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества» (с. 11–50). Третий раздел, под названием «Документы» (с. 51–286), включает как сами документы, так и справочный аппарат книги и состоит из следующих подразделов: «Объяснительная записка к смете о содержании сирийских школ» (с. 51–96), «Н.В. Кохманский. Отчет по командировке в Сирию для обследования вопроса о преобразовании школьной деятельности Палестинского Общества» (с. 97–207), «Письма А.А. Дмитриевского А.А. Ширинскому-Шихматову о командировке в Палестину» (с. 208–269), «Список сокращений» (с. 270), «Библиография» (с. 271–278), «Список иллюстраций» (с. 279–280), «Указатель» [именной, предметный и географических названий — *К.В.*] (с. 281–286).

При первом же знакомстве с книгой, бросается в глаза поразительная избирательность «Указателя» (или «Указателей» по терминологии библиографической карточки). Если топоним «Иерусалим», судя по отмеченным страницам, прослежен на всем продолжении книги, то «Яффа» (встречающаяся не один раз в письмах А.А. Дмитриевского), «Порт-Саид», «Гробница св. Тавифы», «Матариэ» (легендарное место отдыха Святого Семейства у древнего колодца близь Каира), селение Бейт-Джала с русской школой близь Иерусалима — в указателе отсутствуют. Нет так же имен российского посла в Константинополе Н.В. Чарыкова, российского вице-консула в Яффе Г.Ф. Фонвизина (Фон-Визина в написании А.А. Дмитриевского), российского генерального консула в Каире А.А. Смирнова, российского генерального консула в Иерусалиме А.Ф. Круглова и начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Леонида (Сенцова); хотя в «Указателе» отмечен Патриарх Антиохийский Григорий IV, но пропущены Александрийский Патриарх Фотий и Иерусалимский Патриарх Дамиан и т.д. Мы не ставим перед собой цель провести полную сверку и выявить все пропуски в указателе данного издания, но и перечисленного, кажется достаточно, чтобы признать его совершенно не отвечающим своему назначению.

Отмеченного в библиографической карточке «предисловия» нет в наличии; возможно, таковым является «Глава I. Вводные замечания о документах», под «статьей», вероятно, подразумевается «Глава II. Школы и школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества». Что же касается «комментариев», то собственно исторических, топографических, биографических и т.п. необходимых пояснений к научной публикации писем А.А. Дмитиевского в книге практически нет. Основу «комментариев» составляют постраничные

---

[11] *Грушевой А.Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке... С. 2.

археографические отметки, поясняющие некоторые, (далеко не все), особенности исходного варианта текста.

Возникает предположение, что А.Г. Грушевой включил письма А.А. Дмитриевского в книгу, когда работа над ней уже была практически окончена.

Вот основные разночтения[12] между авторским оригиналом и текстом, опубликованным А.Г. Грушевым в 2016 г. Во вторую публикацию 2021 г. текст писем вошел, вероятно, без изменений[13], но без досадных и существенных ошибок тоже не обошлось[14].

С. 211. Л. 2(3). Фамилия *Кохманский* — подчеркнута.

С. 211. Л. 2об(4). Фраза: «ввиду неотложности дел церковного характера, которые без компетенции г. Кохманского *якобы* не могут быть разрешены». *Якобы* — пропущено.

С. 211–212. Л. 3(5). Фраза со слов «поживу подольше в Константинополе» до слов «ущерба престижу России» — подчеркнута.

С. 212. Л. 4(7). «...но Кохманский, ~~будущий~~ консул в Алеппо...» — вместо слова «*будущий*» стоит «*здешний*».

С. 213. Л 4(7). Фраза «*Желая по сему вопросу знать Ваше мнение и в категорической форме*, послу ... я ответил» — подчеркнута. В оригинале фраза имеет другую форму: «*Желаю* по сему вопросу знать Ваше мнение и в категорической форме. *Послу* ... я ответил».

С. 213. Л. 4об(8). Слова, выделенные курсивом: «... патриарх, получив мою карточку, *намеренно уклонился от свидания со мною*... но мне заявили, что *сегодня* он чувствует себя плохо... но с удовольствием примет *завтра*» — подчеркнуты.

С. 214. Л. 5(9). «Из беседы с г. Успенским в институте выяснилось, что мой спутник Кохмансикй — *католик* ...» Слово «*католик*» — пропущено.

С. 214. Л. 5об(10). Фраза со слов «Вы можете судить...» до слов «...отвергнутому Советом» — заключена в круглые скобки.

С. 217. Л. 7(13). Слова, выделенные курсивом: «...стали искать себе пристанище у Синаитов *и в Дагере, новом их подворье*, то синатиты...» — пропущены.

С. 217. Л. 7(13). Слово «*логовище*» — подчеркнуто.

С. 217. Л. 7об(14)–8(15). Фраза со слов «вот в каком злополучии» до слов «в ближайшем будущем» — подчеркнута.

С. 218. Л. 8(15). Фраза, выделенная курсивом: «... заботу о наших паломниках принимает на себя Александрийский Патриарх Фотий, хорошо знакомый по Иерусалиму и Синаю со вкусами и потребностями наших простецов паломников. *По его и силе воли можно заранее предсказать, что дело это получит*

---

[12] Приводятся именно разночтения и ошибки. О подчеркиваниях и пометах, сделанных А.А. Ширинским-Шихматовом на оригинальных рукописных экземплярах писем см. ниже. В качестве отсылки приводим сначала страницу книги, потом лист машинописи, указанный А.Г. Грушевым в первом издании писем.

[13] *Грушевой А. Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 30–100.

[14] Об обнаруженном разночтении см. далее в описании второго издания машинописных копий писем.

реальное осуществление в ближайшем будущем и будет полезно в равной мере и для паломников, и для Патриархии...» — пропущена.

С. 220. Л. 10(19). Слово «*бесплатные*» — подчеркнуто.

С. 221. Л. 11(21). Слово «*полустанок*» — подчеркнуто.

С. 222. Л. 11об(22). Слово «*первые*» — подчеркнуто.

С. 222. Л. 12(23). Фраза: «за пропажу багажа не отвечают» — подчеркнута.

С. 224. Л. 13об. Фраза: «...что Иерусалимская Патриархия ныне вражды к Палестинскому Обществу не питает» — подчеркнута.

С. 228. Л. 17об(32). Фраза: «...недавнее посещение Бет-Джальской семинарии...» — подчеркнута.

С. 229. Л. 18(33). Фраза «... со стороны Общества не было желания видеть Патриарха в стенах в стенах своих учебных заведений...» — подчеркнута.

С. 229. Л. 18об(34). Фраза «...в два последних годы...» — подчеркнута.

С. 230. Л. 18об(34). Фраза «...впредь с охотою будет посещать наши школы, если его будут приглашать, и что не отказывается быть ныне на выпускном экзамене...» — подчеркнута.

С. 230. Л. 19(35). Фраза «...в течение целого дня с утра до вечера» — подчеркнута.

С. 231. Л. 20(37). Слова: «маляре», «поденщики», «здешнему», «непонятный порядок» — подчеркнуты.

С. 232. Л. 21(39). Слова: «...ветхого с себя человека...» — подчеркнуты.

С. 233. Л. 21об(40). Слово «...свитою» — подчеркнуто.

С. 233. Л. 22(41) Слова: «желательно весьма» — поменялись местами при копировании.

С. 235. Л. 23об(44). Слово «чудный» — подчеркнуто.

С. 235. Л. 24(45). Слова: «...в безвозмездное и не разрешенное...» — подчеркнуты.

С. 237. Л. 25(47). Слова «...двух дней» — подчеркнуты. В копии слово «двух» заменено цифрой.

С. 237. Л. 25(47). Фраза: «Нет, *но* мне показалось, что в подворье сыро» — подчеркнуто. Союз «*но*» — пропущен.

С. 239. Л. 27(51). Слова: «до скаредности» — подчеркнуты.

С. 240. Л. 28(53). Слово «врагом» — подчеркнуто.

С. 241. Л. 29(55). Ошибка в слове. «... настаивают на вызове Ряжского для совместного *обеда* с нами по школам...» Вместо «*обеда*» в оригинале «*объезда*».

С. 246. Л. 33об(64). Слово «дышать» — подчеркнуто.

С. 247. Л. 34об(66). Фраза: «для проформы» — подчеркнута.

С. 250 Л. 37(71). «Утром *пятого* числа» — в оригинале число дано арабской цифрой.

С. 252. Л. 38об(74). Фраза «...необходим я к 20 мая в Питере» — подчеркнута.

С. 259–260. Л. 47об. Фраза: «...“полюбовного соглашения” с нашим антагонистом “обеспечить шейха в том отношении, что доступ к его дому со стороны участка будет сохранен и что *фасаду дома шейха не будет угрожать какой-либо опасности*” ~~и с русской стороны~~» — имеет закавыченную цитату слов посла;

слова, выделенные курсивом — подчеркнуты; зачеркнутые слова отсутствуют в оригинале.

С. 261. Л. 48об. «~~Неожиданная~~ Присылка денег из общества в размере, неожиданном ~~для него~~, привела в восторг о. Леонида...» — зачеркнутые слова отсутствуют в оригинале.

С. 261. Л. 49. Слово «первый» — подчеркнуто.

С. 262 Л 49об. Фраза: «навозной кучи» подчеркнута.

С. 262 Л 49об-50. «...о необходимости немедленно же приступить в Буркине или же еще лучше в соседнем уездном городке (в получасе ходу от Буркина) *Дженин* к созданию барака для наших паломников, ...» — подчеркнутые слова выделены в оригинале. Название «*Дженин*» — пропущено.

С. 262. Л. 50. Фраза: «...целых три дня.» — подчеркнута.

С. 264. Л. 44об(94). Фразы: «без посещения Латакии», «Просим убедительно...» — подчеркнуты.

С. 268. Л. 48(101). Слово «протелеграфировать» — подчеркнуто.

Вторая публикация писем в 2021 г.

Новое издание писем А.А. Дмитриевского к А.А. Ширинскому-Шихматову, предпринятое А.Г. Грушевым, называется: «Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов, имеющих отношение к деятельности А. А. Дмитриевского на посту секретаря ИППО»[15]. Казалось бы, читатель вправе ожидать не только пересказ содержания документов, (которые, не смотря на заголовок, хронологически не выходят за рамки 1909–1910 г.), не только замечания о бумаге и т.п., но, главным образом, имеет право надеяться познакомиться с полученными на основании анализа документов историческими выводами. Однако, таковые в незначительном количестве рассеяны среди археографических замечаний и комментариев и не оформлены как научный раздел, предваряющий или завершающий публикацию.

Издание документов представляет собой механическое воспроизведение архивного дела из фонда А.А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки[16] и столь же механическое соединение текстов, что затрудняет ее дальнейшее использование. Даже если все листы данного архивного дела действительно были в соответствующем порядке разложены А.А. Дмитриевским[17], это вовсе не значит, что при публикации не нужно было задаться вопросом о том, что именно представляет из себя данная архивная папка? Тем более, что ответ на этот вопрос у автора публикации также присутствует.

---

15 *Грушевой А. Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 5–271.

16 ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 31.

17 *Грушевой А. Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 23.

А.Г. Грушевой считает, что имеет дело с предварительными материалами задуманного А.А. Дмитриевским очерка о положении русского дела в Святой Земле. Он предположил, что «данные заметки писались на протяжение ряда лет и достаточно бессистемно, хотя каждый из этих текстов и связан с тем или иным эпизодом, изложенным в чистовых копиях писем А.А. Ширинскому-Шихматову»[18]. При этом А.Г. Грушевой высказывает мысль, что А.А. Дмитриевского намеревался «преобразовать тексты писем и все вставки к ним в литературно образованные заметки о своих путешествиях»[19], а сами письма рассматривал как «единый текст»[20].

Осталось, казалось бы, совсем немного: сделать заключение, что это архивное дело представляет собой черновик готового очерка (как оно и есть на самом деле), а каждому его фрагменту автор назначил свое определенное место. С этой точки зрения все вставки и рукописные исправления необходимо объединить с текстом писем, тем более, что А.А. Дмитриевский оставил более или менее точные указания. Делить документы этого архивного дела на 14 частей, в данном случае, не имеет никакого смысла[21]. Наоборот, их необходимо представить как единое целое, как черновой текст неопубликованной работы А.А. Дмитриевского. Этого А.Г. Грушевой не сделал.

Копии писем, которые находятся в начале архивного дела, по мнению А.Г. Грушевого, представляют собой «первую часть», остальные документы — «вторую». Действительно, следующий за машинописными копиями писем лист с пометой «Вставка № 1», имеет общий подзаголовок: «Вставки и дополнения». Однако, данная маргиналия — обычная служебная помета, которая не имеет отношения к структуре самого текста. Она подтверждает только, что содержащиеся здесь материалы не имеют самостоятельного значения и должны быть соотнесены с текстом писем.

По сути, «Вставка № 1» представляет собой начало очерка. Следующий после ее фрагмент озаглавлен «Глава II. В Константинополе» и является началом для первого письма к А.А. Ширинскому-Шихматову, хотя и повествует о поездке А.А. Дмитриевского в Москву и встрече с великой княгиней Елизаветой Федоровной. «Вставка № 2» напечатана на обороте текста «Главы II» и, значит, была передана для перепечатки одновременно с ней. Как, скорее всего, и остальные вставки, являющиеся последовательным рассказом. Хронология и датировки в повествовании позволяют достаточно точно совместить их с текстами писем. Можно предположить, что А.А. Дмитриевский собирался поручить эту (по сути редакторскую) работу кому-то другому, чтобы не тратить свое время на стилизацию изложения и создание связного текста очерка.

Мы не ставили перед собой задачи сверить между собой тексты первой и второй публикации машинописных копий. Но, к сожалению, даже при простом прочтении, можно наткнуться на досадные погрешности и пропуски

---

18 Там же. С. 23.
19 Там же.
20 Там же.
21 Там же. С. 23–27.

текста. Для примера, приведем фрагмент письма из Иерусалима. Курсивом выделен текст, опубликованный в первом издании[22] и пропущенный во втором[23] без какого-либо комментария со стороны издателя. «Русский вице-консул в Яффе и г. Михайлов думают, однако, иначе. Оба эти деятеля, к слову сказать, удивительно солидарные и соединённые узами неразрывной, по-видимому, дружбы, облюбовали небольшой участок земли против самого вокзала железной дороги *и предлагают его приобрести за 20 000 франков. По их мнению, цена не высокая, а участок, по своему положению, столь ценный, что если мы упустим его, то пожалеем в будущем. На участок этот — якобы — уже зарятся местные евреи. Сам я не был на этом участке, видел его с перрона вокзала и даже узнал об этом участке лишь в* момент пред самым отходов поезда из Яффы в Иерусалим...».

Несомненно, введение в научный оборот всех этих неизданных текстов, предпринятое А.Г. Грушевым, представляется своевременным и важным, поскольку упрощает знакомство с ними. Публикации документов предшествует их подробный археографический анализ, они снабжены комментариями; ко всему тексту сделан подробно структурированный указатель. Однако, источниковедческий потенциал опубликованных документов и их исторический контекст, на наш взгляд, выходят далеко за рамки проблематики закрытия сирийских школ ИППО, вокруг которой сосредоточен аналитический контекст А.Г. Грушевого.

Подлинники писем А.А. Дмитриевского

Оригиналы писем А.А. Дмитриевского к князю А.А. Ширинскому-Шихматову, написанные рукой А.А. Дмитриевского, хранятся в Архиве внешней политики Российской империи[24]. В этом же архивном деле находиться и подлинное письмо А.А. Дмитриевского к помощнику Председателя ИППО М.П. Степанову[25]. Его копия, обнаруженная А.Г. Грушевым среди машинописных вставок и добавлений в архиве А.А. Дмитриевского, позволила ему предположить, что перед ним «черновик», который «является единственным подтверждением того, что письмо было написано»[26].

Приведенная выше текстологическая сверка рукописных оригиналов с опубликованными А.Г. Грушевым машинописных копий писем, выявила наличие разночтений, которые, (в некоторых случаях), можно назвать принципиальными. Например, указание на то, что Н.В. Кохманский, в задачу которого, по предположению А.Г. Грушевого, входило «урегулирование любых проблем

---

22 *Грушевой А.Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке... С. 222.

23 *Грушевой А. Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 47.

24 АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО Оп. 873/13. Д. 12

25 Там же. Л. 50–53об.

26 *Грушевой А. Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 25. Сн. 13

во взаимоотношениях официального Петербурга с греческой православной церковью, с Афоном и Православными Церквями на Балканах и на Ближнем Востоке»[27] — по вероисповеданию был католик.

Кроме отмеченных разночтений, оригиналы писем имеют пометы А.А. Ширинского-Шихматова, которые обнаруживают то, что казалось для ИППО наиболее существенным из всей массы сведений, сообщаемых А.А. Дмитриевским. На некоторых письмах проставлены даты получения. Иногда сделаны ремарки карандашом. Письмо № 1. Из Константинополя от 30 декабря 1909 г.: «Пр<ошу> завести особое дело. 10-I-10»; письмо № 4 от 15 февраля 1910 г. из Бейрута: «Было у М.П. Сепанова на прочтении»; письмо № 6 из Назарета от 4 апреля 1910 г.: «Было на прочтении у Мих<аила> Петр<ови>ча <Степанова>». В целом, такие пометы свидетельствуют о том, насколько внимательно следили в руководстве ИППО за присылаемой информацией, которая, очевидно, сильно различалась от поступавших по официальным каналам сведений.

Приведем список подчеркиваний и ремарок А.А. Ширинского-Шихматова.

Письмо № 1 из Константинополя от 30 декабря 1909 г.

Помета карандашом: «Пр<авлению> завести особое дело».

Дата получения: «10-I-10».

Слова, выделенные курсивом — подчеркнуты карандашом: «Во время пути я спускался в трюм к паломникам и нашёл, что *помещение их* даже на этом пароходе... *оставляет желать многого*. В виду того, что многие из паломников и особенно женщин паломниц, страдали морской болезнью, в трюме *воздух был крайне тяжёлый*...».

Подчеркнуто: «...без компетенции г. Кохмансокого». Перед этим поставлен знак вопроса.

Подчеркнуто: «Чарыков мне при этом сообщил, что эта субсидия будет отныне находиться в руках Посла и Дамасского Консула Князя Шаховского, которые распределят её сообразно действительным потребностям общин и школ, а не по карманам Патриарха и митрополитов».

Подчеркнуто красным карандашом: «И Посол и Кохманский советуют мне ехать в Алеппо с целью открыть там нашу школу».

После слов: «но Кохманский, здешний консул в Алеппо и persona grata у Посла, считает эту поездку делом решённым», сделана помета о вставке. Текст вставки написан карандашом рукой А.А. Ширинского-Шихматова на отдельном листке в клетку: «По этому поводу списавшись с Мих<аилом> Петр<овичем>, прошу Вас заготовить письмо А.А. Дм<итриевско>му, выразив ту мысль, что Пал Об<щест>во решило вести дело Сирийских школ только в размерах допустимых средствами, имеющими поступить от М<инистрест>ва ин<остранных> дел, если таковое имеет намерение сохранить в Сирии школы. Отсюда следует, что, если посол предполагает изыскать средства и для испрашиваемой алеппской школы, то Об<щест>во конечно ничего не будет иметь против того, чтобы

[27] Там же. С. 32. Сн. 17.

А.А. Дм<итриевск>кий ознакомился с желательным типом школы и составил предложения о размере необходимых для сего средств. Письмо это надо послать на бланке»[28]. Оригинал этого письма опубликован[29].

Подчеркнуто: «Мысль о школах в Мерсине и Деарбекире признаётся здесь фантастичною».

Слова, выделенные курсивом — подчеркнуты. Выделение полужирным курсивом отмечает подчеркивание красным карандашом: «**Второй вопрос — мирликийский** *посол считает безнадежным*, но берётся за него с условием, если со стороны Общества к нему будет обращён вопрос. Посему ему более улыбается вторая *идея — о создании русского храма и подворья в Бари... Посему посол просит, чтобы Вы обратились к нему с письмом от имени Общества по вопросу о Мирликийском участке...*». На письме поверх этих строк помета карандашом: «Просил заготовить».

Отчеркнуто вертикальной чертой: «...при снятии копии, проверить с моим подлинником, так как при переписке, проникли в это письмо грубые ошибки и по местам бессмыслица. Я нарочито в деле о мириликийском участке храню и свой черновик, который хорошо известен В.Д. Юшманову».

Подчеркнуто: «Из беседы с. г. Успенским в Институте выяснилось, что мой спутник Кохманский — католик <...>, в делах церковных <...> несведущий...»

Письмо № 2 из Каира от 9 января 1910 г.

Дата получения: «17-I-10».

Подчеркнуто: «Вчера посетил местность Дагер, где находится подворье Синайского монастыря».

Подчеркнутое выделено курсивом: «...мне удалось сделать осмотр подворья тщательный, *но впечатление, полученное от этого осмотра, прямо удручающее*».

Подчеркнуто: «По-моему, вопиющая необходимость — позаботиться о сносном помещении здесь для наших паломников...».

Подчеркнуто: «Чрезвычайно поэтому я обрадовался, когда узнал, что заботу о наших паломниках принимает на себя Александрийский патриарх Фотий...»

Подчеркнуто: «Такое же подворье он сооружает для них и в Порт-Саиде».

Подчеркнуто: «Патриарх Александрийский Фотий <...> принял меня весьма сердечно и угощал меня весьма обильною трапезою».

Подчеркнуто: «О Патриархе Антиохийском Григории Патриарх Фотий отзывается восторженно...»

Письмо № 3 из Иерусалима от 19–24 января 1910 г.

Подчеркнуто: «...за чай и борщ ничего не взимается со стороны русской миссии...».

---

[28] АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО Оп. 873/13. Д. 12. Л. 2б.

[29] Россия в святой Земле... Т. 3. Ч. 1. С. 670–671.

Подчеркнуто: «...до 600 паломников. Думается мне, что эта цифра несколько преувеличена, но 400 и даже 500 паломников в них можно поместить всегда...».

Подчеркнуто: «Если бы устроить полустанок против яффского сада... выстроить навес для временного склада паломнического багажа...».

Подчеркнуто: «Русский вице-консул в Яффе и г. Михайлов думают, однако, иначе. Оба эти деятеля... облюбовали небольшой участок земли против самого вокзала железной дороги в Яффе и предлагают его приобрести за 20 000 франков».

Подчеркнуто: «я могу сказать, что приобретение этого участка для нас теперь едва ли благовременно и даже полезно».

Подчеркнуто: «Оказалось, что между Консулом и г. Михайловым существует не только антагонизм, но едва ли не открытая вражда...».

Подчеркнуто: «После завтрака вместе с о. арх. отправился в Горнюю, которая преобразилась до неузнаваемости. Ныне здесь образовался уже целый русский посёлок каменных домов, утопающих в зелени масличных деревьев и виноградников».

Подчеркнуто: «Занимаюсь главным образом школами. Что же касается подворий, то в ожидании В.И. Белынского, интересуюсь ими слегка, но и теперь уже имею в руках весьма убедительный материал, что у нас в Палестине "настоящая Панама"...». Слова «настоящая Панама» подчеркнуты красным карандашом.

Подчеркнуто вертикальной чертой: «Из настоящего моего письма к Вам весьма желательно поместить в летописи нашей известие о посещении в сентября месяце Бет-Джальской семинарии Патриархом Дамианом, о поминках в годовщину о. игумена Парфения и о том, что в русской церкви в Яффе ночью произошло святотатственное ограбление...». Слова «весьма желательно» подчеркнуты, над ними надпись карандашом: «Непременно!»

Письмо № 4 из Бейрута от 15 февраля 1910 г.

Дата получения: «2-III-1910».

Помета карандашом: «У М.П. Степанова было на прочтении».

Слова, выделенные курсивом — подчеркнуты: «школы в Вифлееме и Бет-Сахуре... оставляют *желать многого*».

Слова, выделенные курсивом — подчеркнуты: «29 прибыл в Иерусалим В.И. Белынский, а посему я прервал ревизию школ и обратил внимание на подворья и наши участки. *Во всём отсутствие хозяйственного глаза и надлежащего надзора*...».

Подчеркнуто: «Участок Биркет-Мамилла...».

Подчеркнуто: «Участок внутри города...».

Подчеркнуто: «Участок в малой Галилее ...».

Подчеркнуто: «Особенно много труда стоило очистить Мариинское подворье от паразитов — приживалок, проживавших бесплатно здесь...».

Подчеркнуто: «Но, кажется, самая тяжёлая задача — ограничить г. Петропуло, уничтожившего на подворье власть Михайлова, и восстановить в правах Писаревского...».

Подчеркнуто: «В ином положении находится наш приморский участок».

Письмо № 5 из Дамаска от 1 марта 1910 г.

Дата получения: «3-IV».

Подчеркнуто: «Блаженнейший Григорий всё время беседовал со мною о предметах, не заслуживающих никакого внимания, а в конце обеда произнёс в честь нашу речь, полную тумана и каких-то экивоков по адресу России».

Подчеркнуто: «Наши школы стоят очень высоко, и школы протестантов и католиков не могут идти ни в какую с ними параллель. Население не только не высказывало жалоб на наши школы, но выражает настойчивые желания видеть больше таких школ».

После фразы — «Кроме того позволяю себе ходатайствовать о Фарахе, как о человеке достойном поощрения в виде награждения знаком Общества или медалью. Фарах служит в Обществе 12 лет. Заслуживает ныне награды и Дамасская начальница Трапезникова школа которой оказалась по ревизии очень хорошею» — сделана надпись карандашом: «Это будет исполнено».

Письмо № 6 из Назарета от 4 апреля 1910 г.

Подчеркнуто: «Присылка денег из Общества в размере неожиданном привела в восторг о. Леонида и дала возможность завершить указанную покупку».

Слова, выделенные курсивом — подчеркнуты: «...после нашего отъезда в Назарет, *произошло кровавое столкновение на нашем спорном участке между драгоманом вице-консульства и шейхом Абдаллою, незаконно захватившим часть нашего участка*».

Подчеркнуто: «Заканчивая своё настоящее длинное письмо, я желаю поставить несколько вопросов, разрешения которых ожидаю или письменно, или по телеграфу». Эти слова отчеркнуты вертикальной чертой красным карандашом. Далее номера трех вопросов также подчеркнуты красным карандашом.

Фраза: «... при свидании с Чарыковым...» разделена редакторским знаком абзаца/вставки, проставленным карандашом.

Подчеркнуто вертикальной чертой: «Письмо адресовать мне на имя псаломщика посольской церкви Василия Николаевича Кулакова».

Подчеркнуто: «К протоколу не подписался князь Гагарин, который остался при особом мнении. Это мнение мне известно, и оно касается языка преподавания. Князь энергично настаивает на русском языке в школе без чего русская школа в Бейруте не имеет смысла».

Подчеркнуто: «За выходом Сакка нам сейчас необходим помощник инспектора, каковым я рекомендовал бы назначить С.С. Аверкиева, учителя Назаретской семинарии. Этот помощник нужен не для Галилейской инспекции, но для Южно-Сирийской...».

Подчеркнуто: «...если Вы признаете необходимым мою поездку и в эти отдалённые пункты Сирии — Ра-шею и Латакию... Если же Вы признаете моё присутствие в Петербурге необходимым к 20 мая, то телеграфируйте так: “Возвращайтесь”, и тогда в конце Фоминой недели я двинусь в обратный пусть в Россию».

Подчеркнуто: «Дни Князя Гагарина в Бейруте сочтены, но избави Бог, если консулом здесь сядет Шаховской, которому указывают место в Иерусалиме вместо Круглова. По всем данным в Дамаск назначается консулом мой спутник по Сирии г. Кохманский...»

Письмо без номера из Иерусалима к М.П. Степанову от 28 января 1910 г.

Сохранившийся оригинал письма и его машинописная копия наглядно показывают ту работу, которую собирался проделать А.А. Дмитриевский по объединению текстов своих писем с приготовленными добавлениями. Копия содержит вставки одновременно информативного и редакторского характера, что добавляет связности с повествованием о поездке в целом. Причиной обращения к помощнику великой княгини Елизаветы Федоровны со стороны ИППО была просьба начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Сенцова), ходатайствовавшего о наделении нового храма в Хевроне облачениями от щедрот Ее Императорского Высочества. Это позволило бы ему в общении с посольством в Константинополе (которое медлило с получением официального разрешения Порты на освящение церкви) упоминать о покровительстве или как минимум о внимании к хевронскому храму царской семьи.

Сам А.А. Дмитриевский охотно воспользовался представившейся возможностью, рассчитывая, возможно, что М.П. Степанов покажет его письмо великой княгине. Искренне расположенный к архимандриту Леониду (Сенцову), отдававший должное результатам его деятельности и его энергии, А.А. Дмитриевский, по всей видимости считал, что ИППО следует в дальнейшем опереться в Святой Земле именно на него. Отправляя свое письмо М.П. Степанову (читай великой княгине) он надеялся донести до нее мысль о возведении о. Леонида в сан епископа. Об этом намекают его слова, о том, что по справедливости о. Леониду нужно петь архиерейское приветствие в Палестине. Упоминание о том, что о. Леонид серьезно подумывает об архиерействе, в этом контексте может говорить о том, что он обсуждал с А.А. Дмитриевским повышение статуса Миссии, которую должен был возглавлять епископ.

Очевидно, письмо не попало в руки Елизаветы Федоровны и было передано А.А. Ширинскому-Шихматову, который присоединил его к прочей корреспонденции А.А. Дмитриевского из его поездки по Православному Востоку в 1910 г. Заметим, что М.П. Степанов передавал таким образом не все письма А.А. Дмитриевского. Известно другое его псьмо из Назарета от 1 апреля 1910 г., в котором основное внимание уделено как раз политическим аспектам существования русских школ в Сирии[30].

Интересно упоминание о состоянии Мамврийского дуба и обустроенной вокруг него территории. Впервые вопрос о необходимости срочно спасать хевронскую реликвию от неминуемой гибели поднял в Совете ИППО еще архимандрит Антонин (Капустин). Несмотря на то, что В.Н. Хитрово тогда не поддержал

---

[30] Россия в Святой Земле... Т.3. Ч. 1. С. 671–672.

начальника Миссии и оставил дуб дряхлеть без какого-либо участия и помощи специалистов из России[31], возможность его полной гибели тревожила Совет ИППО и, во всяком случае, на нее указывают слова А.А. Дмитриевского.

Текст письма А.А. Дмитриевского к М.П. Степанову публикуется по рукописному оригиналу[32]. Добавления машинописного варианта взяты в квадратные скобки. Слова, подчеркнутые А.А. Дмитриевским — сохраняют подчеркивание. Фразы, отмеченные карандашом при прочтении, приводятся курсивом. Все подобные случаи отмечены в примечаниях.

// Л. 50.
Иерусалим 1910 г. апреля 28[33]
Глубокочтимый Михаил Петрович.

С новым годом. От души желаю Вам здравия и полного успеха во всех ваших предприятиях. Это приветствие посылаю Вам из Св. Града после молитвы у Живоносного Гроба Господня, источника нашего воскресения и обновления.

Господу угодно было сподобить меня в третий раз лобызать величайшую христианскую святыню и дышать благодатною атмосферою ее, к глубокому и величайшему сожалению, нисколько почти не влияющую на жизнь и нравы обитателей ее окружающих. Возьмем для примера хотя бы и нашу русскую Палестину, в которой я нашел все по-старому. По-прежнему три русские представителя: архимандрит, консул и наш управляющий смотрят врозь. Между архимандритом и консулом отношения терпимые, но официально-холодные. Видимо люди эти друг другом недовольны. Отношения консула к Михайлову прямо нетерпимые, враждебные настолько, что двери консульства для г. Михайлова закры // Л. 50об. ты и он прямо нежелательный в нем человек. Отношения нашего Михайлова с о. архимандритом вежливые, но чужды сердечности и искренности: в тайнике оба они видимо только терпят друг друга. Одним словом, сравнивая Палестину 1887–1888 годов, когда я был здесь в первый раз, с Палестиной сейчас, я нахожу удивительное сходство: как будто время прошло для Палестины русской бесследно.

Обращаюсь частию к нашей постройке в Иерусалиме и здесь нахожу весьма мало отрадного. *Н.Г. Михайлов устарел и несколько опустился: управляют деспотически на подворьях его супруга Любовь Алексеевна и г. Петропуло, бухгалтер*[34]. Пред ними всё дрожит, всё и все преклоняются. Система наушничества, подслушиваний и ябедничества развита до размеров невероятных: никого нельзя встретить, ни с кем нельзя поговорить, чтобы лица, с которыми ведешь беседы, не озирались по сторонам и не спешили от тебя куда-нибудь с глаз долой. Все говорят шепотом и скорее ши // Л. 51 пят, чем говорят обычным человеческим голосом. Михайлов играет роль калифа, предвознесенного на недосягаемую высоту,

---

31 См.: *Вах К.А.* Спасти русскую библейскую святыню в Хевроне! // Иерусалимский православный семинар. Вып 14. 2024. С. 70–95.

32 АВПРИ Ф. 337/2 РИППО Оп. 873/13. Д. 12. Л. 50–53об.

33 На верхнем поле письма карандашные помета рукой А.А.Ширинского-Шихматова и М.П. Степанова: «№ 1. Пол.17/II 910. Читал 22-II. В Совет.

34 Курсив наш. Подчеркнуто карандашом при прочтении.

пресыщенного жизнию и своим могуществом, и утомившегося. Ныне он нередко покидает Св. Град, чтобы размыкать грусть-тоску с своим интимным другом яффским вице-консулом Фон-Визиным, в компании верного пса на охоте в окрестностях Яффы. Здесь эти любители природы и страстные охотники, в погоне за редкою палестинскою дичью, на привале, под тенистыми рощами апельсиновых деревьев, куют ковы против своего общего врага иерусалимского генерального консула г. Круглова и порят совокупно такую дичь, что уши здравомыслящего человека отказываются верить тому, что потом слышишь, как плод их изобретения. Одно из таких развлечений дорого обошлось г. Михайлову: за случайное убийство ребенка на охоте он вынужден был заплатить родителям и судьям, исключая прокурора, 210 наполеонов, пережить немало нравственных мучений и даже унижений и дать в руки своим врагам и недоброжелателям много фактов для клеветы и инсинуаций. (Можно положительно удивляться, что г. // Л. 51об Михайлов в Иерусалиме за 20 с лишним лет не приобрел друзей, а врагов нажил множество)[35].

Слухи о всемогуществе г. Петропуло подтверждаются. Жалоб на г. Петропуло множество:[36] этот человек прямо отгоняет от наших подворий полезных людей и богатых паломников. Ко множеству прежних присоединился новый факт. Московский купец Ф.Д. Смирнов (Пятницкая ул. собств. дом), обиженный дурным обращением Осипова в Одессе и окриками Петропуло, покинул наше Николаевское подворье и переселился к о. архимандриту в Миссию, отвалив сему последнему сумму на его приобретения и постройки.

Деятельность о. Леонида в Иерусалиме просто изумительна. В его лице не только воскрес о. архимандрит Антонин, но иногда он превосходит смелостью в действиях и умением находить деньги для своих предприятий и его построек. Горняя, основанная о. Антонином, превратилась в русский городок[37], с странноприимными на 400 человек, с массою хозяйственных пристроек. Венцом всего — громадный собор на вершине горы, заложенный без всякого спроса на то.

Елеонская женская община, приведенная в благолепный и благоустроенный женский монастырь с 100 и более обитательниц[38], заботами приснопамятного о. Пар // Л. 52 фения, под мудрым управлением о. Леонида процветает. *Сад яффский с прекрасным храмом апостола Петра т гробницею Тавифы, ныне настолько расширился и благоукрасился*[39], что в нынешнем году одних апельсин по дешевой цене (в силу обильного урожая), продан более чем на 300 золотых.

Но что особенно бросается в глаза — это *кипучая деятельность о. Леонида в Хевроне*[40]. Старый приют для паломников расширен и теперь может вмещать до 700 человек в один приход. Сад обогатился множеством виноградных лоз

---

35 В оригинале письма скобка не закрыта.

36 Курсив наш. Подчеркнуто карандашом при прочтении.

37 Курсив наш. Подчеркнуто карандашом при прочтении.

38 Курсив наш. Подчеркнуто карандашом при прочтении.

39 Курсив наш. Подчеркнуто карандашом при прочтении.

40 Курсив наш. Подчеркнуто карандашом при прочтении.

и хевронский погребок, виденный собственными глазами, наполнен бочками вина двухлетнего и трехлетнего. Рябом почти с приютом, ближе к антониновской башне, красуется очаровательный храм, на освящение которого уже имеется и благословение патриарха[41]. Внутренности храма, рассчитанные не более как на 260 человек, пока без украшений и в храме имеются лишь две иконы, пред которыми совершаются для паломников торжественные всенощные бдения. Как не очарователен и не грациозен хевронский храм, в виде базилики, он, однако, не удовлетворяет о. Леонида, который питает страсть к массивным сооружениям. // Л. 52об О. Архимандрит готовит камень для приделки к нему алтаря в виде полукружия и двух других полукружий боковых для двух приделов в честь праотцев Авраама и Сарры. Как это обстоятельство: неоконченность, по мнению о. архимандрита Антонина, храма, так и отсутствие разрешения официального из Константинополя от турецкого правительства через нашего посла мешают о. Леониду приступить к освящению нового храма, для которого как я сказал имеется благословение патриарха и все необходимое для его благоукрашения и даже для освящения (жертва одного московского купца). Не хватает храму облачений. О. Леонид просил меня довести до Вашего сведения об этом недочете для хевронского храма, так давно ожидаемого русским народом, с нескрываемою мыслью, что Вы сделаете это известным и Ее Высочеству Великой Княгине Елизавете Федоровне. О. Леониду очень хотелось бы получить облачения для хевронского храма от щедрот Ее Высочества. Его желание передаю всецело на Ваше усмотрение.

Что касается Дуба, то он одрях // Л. 53 лел. Один ствол совершенно лишен растительности и срезан почти до пня, другой накренился к нему и потребовал спайки железными обручами и подставок, и только третий ствол сохранил нестареющую бодрость и свежесть листвы. Все пространство около дуба окружено решеткою и покрыто железным навесом, чтобы защищать богомольцев от дождя и солнца. Корень Дуба обложен камнем и вымощен плитками, на которых развертывается антиминс для служения литургии.

По дороге к Хеврону появился громадный участок земли нашей Миссии с именем Бет-Захарии. На этом участке сейчас посажено до 1000 масличных деревьев, много виноградных лоз, миндалю, слив, вишни, яблонь, тополей, елок, березок, сосен и т.д. Все это сделано трудами инока о. Илариона, живущего здесь с несколькими послушниками. На участке открыты остатки древнего храма с следами мозаики [алтарной преграды][42] и колонн. Здесь пока устроена временная часовня с трапезой для паломников и кубом для кипятку. О. Иларион раскопал множество пещер и подделал их на подобие киевских [и постарался придать им вид киевских пещер][43]. На вершине горы красуется уже отстроен // Л. 53об ный трехэтажный приют для паломников. Сейчас в нем происходить усиленная отделка внутренностей [внутренняя отделка][44].

---

41 Подчеркнуто чернилами А.А. Дмитриевским.

42 Фраза есть только в машинописной копии. *Грушевой А. Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 178.

43 Там же. С. 178. В машинописной копии окончание изменено.

44 Там же. В машинописной копии окончание изменено.

[Для своего жилища у южных ворот участка о. Максим высек из цельного камня довольно изящную келью.

О. арх. Леонид, как на пути к Хеврону в Бет Захарии, так и в Хевроне в миссийском приюте оказал нам истинно авррамово радушное гостеприимство и уютные, и хорошо обставленные номера миссийского подворья на две ночи дали нам для отдыха все необходимые удобства и даже некоторый комфорт][45].

Кроме упомянутых предприятий и сооружений, о. Леонид приобрел участки земли на Кармиле, у Тевериады, в Назарете и в Кайфе. Вот человек, работает до пота лица и находит для сего средства. Исполать сему человеку! И как бы было хорошо, если бы можно было петь ему «Εἰς πολλά ἔτη» в Палестине, а не в России, куда он уже не стремиться. Сам о. Леонид, кажется, серьезно подумывает об архиерействе.

4 февраля день трагической кончины приснопамятного августейшего нашего первого председателя собираемся помянуть торжественным богослужением в Троицком соборе, за которым будут петь наши семинаристки и ученицы иерусалимской школы. После литургии in corpore отправимся за благословением к патриарху с благодарностью за посещение Бет-джалы.

29 прибыл В.И. Белынский и мы, наконец, примемся за ревизию подворий. Ревизию иудейских школ оканчиваю: осталась одна Бет-Сахурская школа. Бет-Джала на меня произвела весьма приятное впечатление, но наши подворья меня положительно удручают.

Ваш покорный слуга и почитатель Алексей Дмитриевский.

Источниковедческий и исторический анализ

Письма А.А. Дмитриевского позволяют затронуть важный вопрос об истинных причинах командировки его на Православный Восток едва только он занял ключевой (в исполнительной системе ИППО) пост секретаря.

Нельзя не отметить некоторую поспешность выводов А.Г. Грушевого, частично сделанных им в «комментариях» к тексту Н.В. Кохманского, частично в «Главе II» его издания 2016 года. Трудно согласиться, что формальное обращение Н.В. Кохманского к послу в Константинополе Н.В. Чарыкову: «Во исполнение возложенного на меня вашим Высокопревосходительством поручения...»[46] можно трактовать, как то, что инспекции восточных школ ИППО придавалось «общегосударственное значение»[47]. Речь шла об интересе Министерства иностранных дел, поскольку ИППО высказало настоятельное намерение передать ему финансирование всех русских школ Общества. Это следует из записки вице-председателя ИППО князя А.А. Ширинского-Шихматова, написанной

---

45 Там же. Фраза есть только в машинописной копии.

46 *Кохманский Н.В.* Отчет по командировке в Сирию для обследования вопроса о преобразовании школьной деятельности Палестинского Общества // *Грушевой А.Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке... С. 97.

47 Там же.

карандашом и приложенной к первому письму А.А. Дмитриевского, в качестве реакции на поручение посла к А.А. Дмитриевскому поехать в Алеппо: «И посол и Кохманский советуют мне ехать в Алеппо с целью открыть там нашу школу. Зная мнение на этот счет Совета нашего, я отклонял эту поездку всячески, но Кохманский, здешний консул в Алеппо и persona grata у посла, считает поездку делом решенным. Желая по сему вопросу знать ваше мнение и в категорической форме»[48]. Обнаруженный нами ответ А.А. Ширинского-Шихматова, (опубликованный полностью выше), апеллировал к решению Совета полностью переложить содержание сирийских школ на МИД. Естественно, что для объективной оценки существовавшего положения дел необходимы были две стороны: как МИД так и ИППО. Но для Палестинского Общества важнее была Палестина, на которой оно планировало сосредоточиться в дальнейшем и куда направило А.А. Дмитриевского в первую очередь.

Об этом также может косвенно свидетельствовать и маршрут путешествия: из России до Константинополя он едет по железной дороге, что было тогда новинкой. Затем отправляется в Египет (Александрию и Каир), посещение которого, очевидно было удобно с точки зрения пароходного сообщения и отвечало личным желаниям А.А. Дмитриевского, путешествовавшего по Востоку с женой. Далее из Египта он отправляется в Палестину и в Иерусалим, главную цель своего путешествия. В Палестине он проводит около месяца: с 12 января по 9 февраля (а с учетом посещения Хайфы и Назарета — значительно больше). И только потом отправился в Бейрут, где и встретился с Н.В. Кохманским и потом в Дамаск и далее по сирийским городам. Время для совместной инспекции школ с Н.В. Кохманским и для инспекции других предприятий Палестинского Общества можно распределить примерно поровну, но все таки с перевесом в сторону собственно ИППО. Заканчивается поездка в Назарете, откуда он должен был отправиться снова в Иерусалим и потом в Константинополь. Судя по отсутствию других писем с Востока, на вопрос А.А. Дмитриевского, нужно ли ему задержаться для обследования сирийских школ в сирийских провинциях Рашеи и Латакии[49] положительного ответа не последовало.

Поэтому «Отчет» А.А. Дмитриевского о поездке, представленный руководству ИППО, в основном посвящен разбору деятельности иерусалимского уполномоченного Н.Г.Михайлова: перерасход денежных средств и общее запущенное состояние дел в Иерусалиме, о чем упоминает и А.Г. Грушевой[50]. Этот отчет суть главный результат его поездки и, соответственно, ее цель для Общества.

Однако далее А.Г. Грушевой говорит, что, по его мнению, важнейшая причина командировки А.А. Дмитриевского — неудовлетворительное состояние школ ИППО в Сирии и неспособность Общества их содержать[51].

---

48 Письма А.А. Дмитриевского А.А. Ширинскому-Шихматову о командировке в Палестину // *Грушевой А.Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке... С. 212–213.

49 Там же. С. 268.

50 *Грушевой А. Г.* Источниковедческий и исторический анализ документов 1907–1917 годов... С. 9

51 Там же. С. 9–10.

На наш взгляд эта проблема в принципе не требовала никакой инспекции, поскольку ИППО уже официально предупредило российские власти и в частности МИД о намерении закрыть свои школы и уйти из Сирии[52], если их финансирование не будет продолжено за счет государственного бюджета[53]. В течение нескольких лет с 1905 по 1909 гг. (не простое для России время) бюджет ИППО приходилось буквально кроить и, соответственно, финансирование школ, разрешение на открытие большей части которых было дано великим князем Сергием Александровичем с оговоркой «лишь бы они не были в ущерб приютов для паломников в Иерусалиме»[54] было камнем преткновения.

Осложнявшие, по утверждению А.Г. Грушевого школьное дело ИППО в Сирии «трения» или, попросту, многочисленные конфликты между местным населением, духовенством и сотрудниками ИППО представляются, в данном вопросе — второстепенной причиной ревизии. Наводить порядок на местах целесообразно было только после окончательного решения главного вопроса — будут закрыты русские школы в Сирии или нет.

Для Совета ИППО важнее было навести порядок в своей паломнической инфраструктуре, которая при любом раскладе оставалась под его контролем. Разобраться в ситуации на месте и выработать предложения по ее исправлению — вот та задача, которую возложил на нового секретаря А.А. Дмитриевского Совет Палестинского Общества. И наоборот, исполнявший до конца 1909 г., к этому моменту уходящий с поста вице-председателя ИППО Н.М. Аничков уже убедил великую княгиню Елизавету Федоровну в необходимости свернуть побочную для ИППО школьную деятельность в Сирии, ограничившись только территорией Палестины. Того же мнения придерживался и А.А. Дмитриевский.

После назначения вице-председателем Палестинского Общества князя А.А. Ширинского-Шихматова (октябрь-ноябрь 1909 г.) — отношение к школьной проблеме в Совете ИППО не поменялось. ИППО больше не намеревалось финансировать сирийские школы. Главным бенифициаром продолжения их деятельности был МИД. От него исходила идея и организация школьной инспекции.

С этой целью в Сирию был откомандирован сотрудник посольства в Константинополе (по информации А.А. Дмитриевского — действующий консул в Алеппо) Н.В. Кохманский, который, естественно, не поехал с А.А. Дмитриевским в Иерусалим, потому что эта часть инспекции не входила в сферу интересов МИД.

Для Совета ИППО, который к этому времени уже получил разовую субсидию от государства в размере 60 000 руб. на поддержание деятельности русских школ в Сирии в 1910 г. приоритетным было приведения в порядок ситуации с русскими паломническими приютами, для чего и направлялся в на Православный Восток

---

52 Объяснительная записка к смете по содержанию сирийских школ Императорского Православного Палестинского Общества // *Грушевой А.Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке... С. 63.

53 *Ефимов А. Б., Ковальская Е. Ю.* Великая княгиня Елизавета Федоровна и вице-председатель ИППО Н. М. Аничков // Богословие, история и практика миссий: Альманах миссионерского факультета. М., 2010. Вып. 1. С. 134–153.

54 *Дмитриевский А.А.* Н.М. Аничков (Некролог). [СПб.: Императорское Православное Палестинское Общество, 1916]. 95 с. С. 70.

А.А. Дмитриевский. Образованная для взаимодействия с МИД комиссия «для выяснения реального положения дел со всеми школами Общества и подворьями ИППО в Палестине, предназначенными для паломников из России»[55], в которую вошли А.А. Дмитриевский, Н.В. Кохманский и В.И. Белынский — была временным образованием, объединившим попутчиков, а не единомышленников.

Выводы: причины кризиса ИППО и попытка его преодоления новым составом руководства Общества

Палестинское Общество, с момента своего создания, олицетворяло вековую традицию связей России с Палестиной и ее святынями. Оно юридически (как институция) оформило признание государством не уловимой вне религиозного (или даже мистического) контекста связи русского национального самосознания и родиной христианской цивилизации. Палестина и русское православное паломничество были краеугольным камнем деятельности ИППО.

Перекос в сторону политического региона «Сирия», где с начала XIX в. шла европейская конкуренция за сердца и умы местного населения, не могло не привести к диссонансу во всех областях деятельности Палестинского Общества.

Местные сирийские христиане, которых было значительно больше, чем в Палестине, в результате работы в регионе многочисленных европейских миссий, получали образование и другие преференции, но, затем, сами становились базой для матримониального присутствия Великих Держав и делались ресурсом их влияния и борьбы между собой. Так начиналась политика предварительного деления региона на зоны влияния, результаты которой были закреплены уже после Первой мировой войны.

ИППО — идеологически и исторически продвигало совсем другие нарративы, предназначенные, строго говоря, для русского народа, для Палестины, для Православной Церкви. С этой точки зрения, деятельность Палестинского Общества вообще не должна была так сильно выходить за географические пределы Палестины.

Роковую роль в создании сирийской региональной платформы для деятельности ИППО сыграл А.П. Беляев, бывший секретарь иерусалимского консульства и первый русский консул в Дамаске (1893–1903), пересевший затем, после кончины В.Н. Хитрово в 1903 г. в кресло секретаря ИППО. Он оказался в сердце огромного региона, в котором все сильно отличалось от знакомого ему Иерусалима. Консул быстро стал влиятельной фигурой в Антиохийском Патриархате, который стремительно утрачивал влияние греков-фанариотов из Константинополя. Тогда, сирийское арабское национальное возрождение возглавляли местные православные христиане. А.П. Беляев начал с того, что попытался взять под контроль путем

---

[55] *Грушевой А.Г.* Н.М. Аничков (1844–1916) вице-председатель Императорского Православного Палестинского Общества и его взгляды на историю ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 1. С. 87–108. С. 97.

обеспечения финансирования большей части патриарших школ, и кроме того, обещал открыть новые школы на русские деньги там, где в них имелась необходимость. Великий князь Сергий Александрович, которому А.П. Беляев представил дело как поддержку православия в Сирии, в 1895 г. согласился с проектом создания сирийских школ ИППО. Но он сделал это с одной существенной оговоркой: школы эти не должны существовать в ущерб русским паломникам.

В дальнейшем МИД и сам А.П. Беляев превратил поддержку сирийских школ в мощный инструмент влияния, который на пике возможности в 1899 г. позволил аккумулировать усилия для избрания на Антиохийский престол первого Предстоятеля арабского, а не греческого происхождения[56]. Это обстоятельство потребовало от России оказания дополнительной помощи Антиохийской Церкви, к которой, не без деятельного участия А.П. Беляева, все больше и больше подключалось Палестинское Общество. К 1900 году «под эгидой Общества были собраны все школы христианского (правильнее сказать: п*равославного* — К.В.) арабского населения Сирии»[57].

Через 10 лет, огромный ущерб от непрофильной деятельности ИППО в Сирии стал очевиден. Началась длительная борьба между ИППО и МИД за возвращение status quo ante, которую Общество в целом проиграло. 20 лет ресурсы ИППО (даже если последние 10 лет основные денежные средства на содержание школ поступали от Государственного казначейства) работали на интересы МИД в Сирии в ущерб собственному развитию проектов Палестинского Общества в Святой Земле. Этому способствовала стагнация в управлении собственностью и полное обособление от Общества деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в лице архимандрита Леонида (Сенцова).

В итоге Палестинское Общество осознало себя заложником своего школьного проекта. Он, несомненно, служил делу поддержания Православия в Сирии и Ливане, но его результаты нельзя было конвертировать в другие направления деятельности ИППО.

Начало XX в. принесло для ИППО сразу несколько невосполнимых потерь: 18 мая 1903 г. скончался основатель, идеолог и «мотор», приводивший в движение деятельность Общества, В.Н Хитрово; 4 февраля 1905 г. был убит главный покровитель и Председатель Общества великий князь Сергий Александрович; в октябре 1905 г. должность Обер-Прокурора Синода покинул другой покровитель ИППО К.П. Победоносцев (скончался 10 марта 1907 г.). Таким образом, управление деятельностью Общества фактически перешло в Совет ИППО, который, не смог выдвинуть лидера, равного по авторитету и личной вовлеченности в проблематику Русской Палестины, какими были с момента создания Общества В.Н. Хитрово и великий князь Сергий Александрович.

После гибели своего Председателя, ИППО утратило рычаги влияния на Министерство иностранных дел, а после отставки К.П. Победоносцева и на Синод. Все усилия В.Н. Хитрово, которые в 1890-е гг. позволили объединить представителей

---

56 См.: *Якушев М.И.* Первый Патриарх-араб на Антиохийском престоле // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 99–106.

57 *Грушевой А.Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке... С. 21.

нескольких российских структур в Иерусалиме (генерального консульства, Русской Духовной Миссии и уполномоченного ИППО) под эгидой Августейшего председателя ИППО и, следовательно, контролировать всю российскую деятельность в Святой Земле (включая назначение и смещение консулов и начальников Духовной Миссии в Иерусалиме) — все эти достижения разом исчезли.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, супруга великого князя Сергия Александровича, после его кончины согласилась занять место Председателя ИППО. Она сделала это из уважения к памяти мужа, хорошо понимая, что только на его участии держались все вертикальные связи Общества с государственными структурами. Поэтому, принципиальные для ИППО вопросы она, пользуясь своим близким положением к Николаю II, старалась решить напрямую. Но добиться нужного результата у нее получалось не всегда[58].

В повседневную работу Совета ИППО Елизавета Федоровна глубоко не погружалась, а удивление, которое порождали в ней рассказы очевидцев о положении дел в русском Иерусалиме (рассказ и аудиенция Леонида), могут свидетельствовать о ее плохой информированности в целом. По словам вице-председателя Н.М. Аничкова она возглавила Палестинское Общество «одушевленная лучшими стремлениями, но, конечно, не опытная в делах Общества»[59]. Связующим звеном между нею и Советом ИППО служил М.П. Степанов: в прошлом адъютант Сергия Александровича, член-учредитель ИППО, секретарь (1882–1889) и помощник Председателя (1889–1917) Общества, принимавший в его жизни намного более активное участие.

Текущую деятельность Общества Елизавета Федоровна (в соответствии с Уставом) отдала на усмотрение Совету, характер деятельности которого после 1905 г. также изменился. Он больше стал напоминать собой департамент одного из министерств, который занимается сбором различной информации о русских паломниках, о деятельности греческого духовенства на Востоке, об инославной пропаганде, о православном населении Османской империи и т.д. Главной заботой (и головной болью) Совета стал бюджет Общества. Средства ИППО сильно зависели от поступления кружечного сбора в церквях Российской империи на поддержание русского паломничества в Иерусалим, размеры которого с началом XX в. стали заметно сокращаться. В Синоде перестали считать сборы в пользу ИППО приоритетной задачей. Начальник РДМ в Иерусалиме архимандрит Леонид (Сенцов) прямо писал архиепископу Арсению (Стадницкому), что Палестинское Общество «морочит наш Синод, собирая деньги с его разрешения, а тратя их не туда, куда следует, игнорируя во всем Миссию...»[60].

---

58 Например, не удалось добиться согласия императора на возведение в сан епископа начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Сенцова). *Ковальская Е.Ю.* Конфликт Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Императорского Православного Палестинского Общества в 1909–1914 гг.: новое прочтение // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 116. С. 67.

59 Письмо Н.М. Аничкова М.П. Степанову от 15 апреля 1905 г. АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 13. Д. 2. Л. 137об. Цит. по:

60 *Ковальская Е.Ю.* Конфликт Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Императорского Православного Палестинского Общества в 1909–1914 гг.: новое прочтение // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 116. С. 66.

Кроме этого и Синод и начальник Миссии вновь подняли старый вопрос[61] о независимости русского церковного представительства в Иерусалиме от российского МИД, иерусалимского консула и ИППО. В результате между ИППО и Синодом при личном участии Елизаветы Федоровны был выработан конкордат о разграничении сфер влияния, не утвержденный, однако, императором[62].

Даже принципиальная для ИППО роль защиты русских православных паломников на Православном Востоке от обирания со стороны греческого духовенства и местного населения вдруг подверглась ревизии, причем с молчаливого согласия самого ИППО. А.А. Дмитриевский, описав 9 января 1910 г. удручающую картину размещения русских богомольцев в Каире на подворье Синайского монастыря выразил «чрезвычайную» радость «когда узнал, что заботу о наших паломниках принимает на себя Александрийский патриарх Фотий... *При его энергии и силе воли можно заранее предсказать, что дело это получит реальное осуществление в ближайшем будущем и будет полезно в равной мере и для паломников*, и для Патриархии, которая никогда не могла похвалиться обилием денежных средств»[63].

Таким образом, факт резкого ослабления возможностей ИППО на рубеже 1907–1910 гг. очевиден. Новые люди в управлении: А.А. Дмитриевский и А.А. Ширинский–Шихматов искренне надеялись переломить эту тенденцию, отказавшись от непрофильных активов в лице содержания сирийских школ и сосредоточившись на развитии традиционных и востребованных направлений: паломничества и науки[64]. Вмешательство МИД, не желавшего потерять столь эффективный инструмент своего влияния в регионе, не позволило Палестинскому Обществу освободиться от неудобоносимого бремени. Несмотря на компенсацию большей части финансовых затрат на сирийские школы ИППО со стороны государства, огромные организационные расходы, связанные с содержанием, подбором, обучением персонала, контролем и решением многочисленных проблем на местах, по-прежнему отягощали Палестинское Общество.

Письма А.А. Дмитриевского из его поездки по Православному Востоку, часть драматической истории начавшейся борьбы общества за свое существование, в первую очередь, в Палестине. Вместе с опубликованными А.Г. Грушевым документами, они составляют черновой вариант неопубликованного очерка о положении ИППО в Святой Земле. Обнаруженные оригиналы писем позволяют дополнить и исправить неточности и ошибки изданных ранее документов.

---

61 Об этом см.: *Вах К.А.* Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 110. М., 2014. С. 21–62.

62 *Ковальская Е.Ю.* Конфликт Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Императорского Православного Палестинского Общества в 1909–1914 гг... С. 67.

63 АВПРИ Ф. 337/2 РИППО Оп. 873/13. Д. 12. Л. 6а. Курсивом выделена фраза, пропущенная в машинописной копии писем и, соответственно, отсутствующая в издании документов. О некоторых лакунах и расхождениях опубликованной А.Г. Грушевым версии писем А.А. Дмитриевского к князю А.А. Ширинскому-Шихматову см. ниже.

64 См.: *Грушевой А.Г.* «Доклад секретаря» как источник по истории Императорского православного Палестинского Общества в 1905–1909 годах // Христианское чтение. Вып. 1(84). 2019. С. 191–205.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Butova Ritta Borisovna,
secretary of the Scientific Section of the IPO «IOPS»,
responsible editor of the Orthodox Palestinian Collection,
Senior Researcher at the Center for the History of Religion and the Church
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Historical Sciences
Russian Federation, Moscow
E–mail: rittabutova@mail.ru

The Church of St. Alexander Nevsky in the Alexander Compound in Jerusalem in the Magazine «Reports of the Imperial Orthodox Palestinian Society». On the 130th anniversary of the consecration

Abstract: From 1886 to 1917, the Imperial Orthodox Palestinian Society published the journal «Reports from the Imperial Orthodox Palestinian Society», which published official documents, scientific articles and reviews, and a chronicle. After the revolution, the publication was discontinued, but in 1926–1928 they tried to resume it to protect the property interests of Society, but only the 29th volume was published. On May 22, 1896, of St. Alexander Nevsky in the Alexander Compound was consecrated in Jerusalem. The Compound next to the Church of the Holy Sepulchre, which had previously served only as a place to accommodate Russian pilgrims, began to be perceived as a space of prayerful Memorial and perpetuation of the memory of Society figures. Since 1891, materials on the life of the church and the Compound have been regularly published on the pages of the «Reports from IOPS». By the beginning of the 20th century, the Alexander Nevsky Church in the Alexandrovsky Compound had become an important part of the liturgical life of the Russian Church in Jerusalem, a place of ecclesiastical reflection on the Passion of Christ and prayerful commemoration of IOPS figures.

Keywords: Imperial Orthodox Palestinian Society, The Magazine «Reports of the Imperial Orthodox Palestinian Society», Church of the Holy Sepulchre, Jerusalem, St. Alexander Nevsky Church, Alexander Compound

Бутова Ритта Борисовна,
секретарь Научной секции МОО «ИППО»,
ответственный редактор ППС,
старший научный сотрудник Центра истории религии и Церкви
Института российской истории РАН,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация, Москва.
E–mail: rittabutova@mail.ru

Храм святого Александра Невского на Александровском подворье в Иерусалиме по «Сообщениям ИППО». К 130–летию освящения

Аннотация: Императорское Православное Палестинское Общество с 1886 по 1917 гг. выпускало журнал «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», где публиковались официальные документы, научные статьи и обзоры, хроника. После революции издание было прекращено, но в 1926–1928 гг. его пытались возобновить для защиты имущественных интересов Общества, но в свет вышел только 29-й том. 22 мая 1896 г. в Иерусалиме была освящена церковь св. блгв. вел. кн. Александра Невского и подворье близ Храма Гроба Господня, служившее до этого лишь местом для размещения русских паломников, стало восприниматься как пространство молитвенного поминовения и увековечивания памяти деятелей Общества. С 1891 г. на страницах «Сообщений ИППО» регулярно публиковались материалы, посвященные жизни церкви и подворью. К началу XX в. храм Александра Невского на Александровском подворье стала важной частью литургической жизни Русской Церкви в Иерусалиме, местом духовного осмысления Страстей Христовых и молитвенного поминовения деятелей ИППО.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, журнал «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», Храм Гроба Господня, Иерусалим, церковь св. Александра Невского, Александровское подворье.

Статья поступила в Редакцию ППС 25.03. 2026 г.

«Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества»

Издательская деятельность всегда занимала ключевое место в работе Императорского Православного Палестинского Общества[1]. С 1886 г., а на регулярной основе с 1891 г., Общество выпускало журнал «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества» (СИППО). Периодичность издания менялась, журнал выходил ежемесячно или раз в два месяца, а с 1904 по 1916 гг. — ежеквартально. Последние номера были опубликованы в 1917 и 1926 гг. Инициатором появления «Сообщений ИППО» был В.Н. Хитрово, так что неудивительно, что в 1891 г. второй том журнала вышел с посвящением — «Василью Николаевичу Хитрово».

Содержание «Сообщений ИППО» отличалось разнообразием. В них публиковались научные и научно–популярные статьи, хроники, обзоры, рецензии, а также официальные документы Общества — Устав, инструкции, отчеты и другие материалы. В 1904 г. редактором журнала стал известный византинист, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии И.И. Соколов (1865–1839), который писал под псевдонимом И. Светвостоков. Под его руководством издание приобрело четкую структуру и обычно включало такие разделы, как — научные и научно–популярные исследования; материалы об ИППО; летопись деятельности Общества; обзоры церковно–общественной жизни на Православном Востоке; очерки, эскизы, некрологи; раздел критики и библиографии.

Значительная часть материалов в «Сообщениях ИППО» была посвящена вопросам укрепления Православия, а также организации и защите интересов русских паломников в Святой Земле. Для этих целей Общество располагало разветвленной сетью из семнадцати подворий, восемь из которых находились в Иерусалиме и его окрестностях. Это были Русские Постройки (Русское подворье) в Иерусалиме, комплекс зданий за пределами Старого города, возведенный Палестинским комитетом в 1860–1864 гг.; подворья для паломников, построенные в 1870–1880–х гг. начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонином (Капустиным); наконец, подворья, созданные Православным Палестинским Обществом в 1880–1900 гг.

---

[1] Пумпян Г.З. Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества 1881–2007. СПб., 2007. С. 360–437; Пумпян Г.З. Предисловие. // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007). Науч. рук. В.П. Леонов, отв. ред. Н.Н. Лисовой. СПб., 2009. С. 5–9; Бутова Р.Б. Издания Палестинского Общества и о Палестинском Обществе. 2012–2017 // Православный Палестинский Сборник. Вып. 113. Отв. ред. Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 313–319; Цысь В.В., Цысь О.П. Подготовка и выпуск изданий для палестинских чтений Императорским Православным Палестинским Обществом в конце XIX — начале XX вв. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 120. М., 2022. С. 126–144; Бутова Р.Б., Житенёв С.Ю. Издания Палестинского Общества и о Палестинском Обществе. 2018–2022. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 122. М., 2023. С. 227–233.

Важнейшим направлением деятельности Общества была просветительская работа среди православного арабского населения, что находило широкое отражение на страницах «Сообщений». В журнале регулярно появлялись отчеты о деятельности и инспекциях школ, публиковались учебные программы, расписания занятий и списки сотрудников ИППО.

Научная и просветительская деятельность Общества занимала значительное место на страницах СИППО. В журнале освещались вопросы работы библиотек, библиографии и издательской деятельности. Особое внимание уделялось публикациям, посвященным всестороннему изучению Палестины и соседних регионов. Эта тематика тесно переплеталась с другим крупным направлением — исследованиями и научными обзорами, касающимися народов Передней Азии и сопредельных территорий.

Вокруг Императорского Православного Палестинского Общества сформировался круг ученых, в интересы которых входили проблемы истории и культуры Византии, Христианского Востока, а также изучения письменных памятников. Многие исследователи использовали страницы СИППО для публикации предварительных результатов своих исследований — в виде докладов, отчетов или записок о научных экспедициях и путешествиях. Позднее эти работы выходили в виде отдельных монографий, изданных как под эгидой ИППО, так и в других издательствах. Кроме того, в журнале появлялись статьи и обзоры, посвященные актуальным вопросам жизни Сиро–Палестинского региона. Среди материалов встречались и переводы зарубежных авторов.

На страницах «Сообщений ИППО» отражались различные аспекты жизни Палестины и соседних стран в последней четверти XIX — начале XX вв. В публикациях освещались вопросы внутренней и внешней политики, административного устройства, деятельности дипломатических миссий, а также приводились сведения о состоянии армии. Особое внимание уделялось хозяйственной и культурной жизни: рассматривались торговля, развитие сельского хозяйства и виноделия, строительство, состояние дорог, мостов, водоснабжения и других отраслей. Описывались особенности общественного и частного быта, происшествия, а также архитектурные и исторические памятники Палестины. В журнале публиковались материалы о медицинском состоянии населения, эпидемиях, а также о природных и климатических особенностях региона.

Вопросы демографии рассматривались преимущественно в публикациях, посвященных конфессионально–этническому составу населения, в связи с этим, в ряде статей поднимались вопросы межнациональных отношений. Публикации этого направления были посвящены конфликтам и сложностям во взаимодействии различных групп (включая судебные неравенства и злоупотребления в управлении Османской империи), а также примерам мирного сосуществования и добрососедских отношений между представителями разных конфессий.

Значительное место в СИППО занимали статьи, в которых рассматривались проблемы этно-конфессиональных групп региона и история Церквей Восточного Средиземноморья. Особое внимание уделялось ситуации в Православных Патриархатах. Регулярные обзоры по этим вопросам готовил И.И. Соколов, чьи материалы выходили под рубрикой «Вести с Православного Востока» и были подписаны

псевдонимом. Отдельные статьи были посвящены другим Православным Церквам — Болгарской, Румынской, Грузинской, а также «имениям, преклоненным Святой Земле», существовавшим в Грузии, Бессарабии и Румынии. Доходы с этих владений поступали в Иерусалимскую Патриархию. К этой же рубрике можно отнести публикации, посвященные исследованиям по истории Церкви, религиозные сочинения и вопросы библеистики. Особое внимание уделялось святым местам и паломничеству — как русскому, так и инославному.

В издании публиковались также статьи о Русской Православной Церкви, ее деятельности в России и на Ближнем Востоке. Цикл работ был посвящен строительству русских храмов в Святой Земле. Отдельные публикации были посвящены реализации уникального проекта ИППО — строительству храма и подворья во имя Святителя Николая в Бари (Италия). Важное место занимали материалы, посвященные Афону. В СИППО также появлялись материалы, касающиеся русского церковного искусства.

Большое количество публикаций было посвящено иностранному присутствию в регионе. Освещалась деятельность различных миссий и церквей, включая вопросы создания больниц, школ, деятельности орденов, паломничества, колонизации земель и строительства, а также инославной пропаганды и острого соперничества между странами и конфессиями. По вопросам инославного присутствия регулярно публиковал подробные обзоры известный историк–византинист П.В. Безобразов (1859–1918). Встречались также отдельные статьи о католической пропаганде, английских и германских интересах в Святой Земле. Итоги иностранного присутствия в Святой Земле и сложившихся сфер влияния накануне Первой мировой войны проанализировал профессор Казанской Духовной Академии Е.Я. Полянский (1871-после1932) в последнем досоветском выпуске «Сообщений Православного Палестинского Общества» (1917). В публикациях СИППО регулярно появлялись обзоры, посвященные деятельности зарубежных Палестинских обществ, особенно их археологическим раскопкам и экспедициям. Иногда перепечатывались работы сотрудников этих обществ, а также публиковались аналитические материалы о результатах их деятельности.

Что касается художественного оформления, то с I по XIV том обложки «СИППО» выдерживались в традиционном для Общества стиле, который использовался с самого его основания — песочный цвет фона, красно бордовые горизонтальные и вертикальные полосы, знак ИППО, стилизованный церковнославянский шрифт. Однако начиная с XV тома (1905) и вплоть до XXI тома (1910) обложки украшал рисунок, созданный В.И. Навозовым. Сегодня художник Василий Иванович Навозов[2] (1862–1919) практически забыт, но в конце XIX — начале XX вв. он был известен как академический живописец и выдающийся иллюстратор петербургских журналов. Именно его рисунки часто сопровождали тексты

[2] В 1898 г. была опубликована книга-альбом «Палестина», написанная писателем и журналистом, членом Совета ИППО Алексеем Алексеевичем Суворином (1862–1937), старшим сыном знаменитого издателя А.С. Суворина. Особую ценность книге придают 90 рисунков и акварелей, созданных художниками А.Д. Кившенко (1851–1895) и В.И. Навозовым.

«Сообщений ИППО», а среди акварелей художника наиболее узнаваемой является — «Обряд Священного огня в Великую заутреню в Храме Гроба Господня».

В годы Первой мировой войны издательская деятельность ИППО не прекращалась, хотя некоторые направления работы были временно приостановлены. В этот период значительную часть «Сообщений ИППО» занимали рецензии на научные труды. Последнее издание СИППО, подготовленное в досоветский период, вышло в 1917 г. В обращении редакции отмечалось, что из–за кризиса в типографском деле и закрытия типографии В.Ф. Киршбаума, где традиционно печатались издания Общества, пришлось выпустить очередной том в сокращенном формате — без хроники, библиографии и других разделов, а также с существенным опозданием. Вопрос о дальнейшем выпуске «Сообщений» оставался открытым и зависел от развития ситуации в типографском деле и судьбы самого ИППО. После 1917 г. Императорское Православное Палестинское Общество попало в крайне сложную ситуацию. Практически все направления его работы оказались под угрозой: изменилось само название организации, в Устав постоянно вносились поправки, а перечень разрешенных видов деятельности постоянно сокращался по требованию новых властей. В результате Общество лишилось четкой системы управления, как в России, так и в Святой Земле, потеряло недвижимость, архив, библиотеку и ценные коллекции. Но самым тяжелым испытанием стал раскол: многие члены Общества оказались в эмиграции, и прежнее единство было утрачено навсегда.

К 1918 г. стало очевидно, что выжить Общество может только в качестве научного центра, специализирующегося на истории Палестины, его состав пополнился новыми членами, преимущественно специалистами по Христианскому Востоку. В 1926–1928 гг. руководство Общества впервые после революции столкнулось с необычной ситуацией, когда власти заявили о готовности поддержать научную деятельность, но взамен потребовали как можно скорее начать выпуск периодического издания. Это было необходимо для защиты имущественных прав Общества на его владения в Сирии и Палестине и в связи с начинающимся судебным процессом за подворье в итальянском городе Бари. В 1926 г. вышел в свет 29-й том «Сообщений», а выпуск 30-го тома был подготовлен, но так и не состоялся из-за нехватки средств. На этом завершилась история периодического издания — «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества».

Александровское подворье

22 мая 1896 г. в Иерусалиме произошло важное и давно ожидаемое событие — состоялось освящение храма во имя святого благоверного Великого Князя Александра Невского, расположенного на Александровском подворье. История подворья началась в середине XIX в., когда перед Россией встали задачи приобретения земельных участков и постройки зданий для приема русских паломников в Святой Земле. В 1859–1861 гг. одной из ключевых покупок стал комплекс, сложившейся из нескольких небольших участков рядом с храмом Воскресения Христова (Гроба Господня). Изначально здесь планировалось возвести здание российского

консульства, но обнаруженные археологические материалы заставили изменить планы. До 1883 г. участок оставался пустым, пока Православное Палестинское Общество не приняло решение о проведении раскопок. Эти работы, длившиеся несколько лет, вызвали оживленные дискуссии, как в России, так и за ее пределами[3], и привели к открытию памятника евангельской эпохи — Порога Судных Врат.

Осенью 1883 г. Совет ППО принял решение построить над местом раскопок защитное сооружение, однако в дальнейшем планы значительно расширились: предполагалось возвести храм в византийском стиле, а со временем, может быть, создать монастырь. Такие проекты вызвали недовольство Иерусалимской Патриархии, опасавшейся усиления позиций Русской Церкви в центре мира, у Гроба Господня, и снижения собственных доходов от паломников. Лишь после длительных переговоров османские власти дали разрешение на строительство и 13 сентября 1887 г. состоялась торжественная закладка здания. К 1890 г. строительство было завершено. Новый комплекс, получивший название «Русский дом», объединил археологическую зону с Порогом Судных Врат, фрагментом городской стены и аркой, храм, комнаты для паломников и музей.

Во время путешествия Цесаревича Николая Александровича на Дальний Восток планировалось, что он лично обратится к султану с просьбой разрешить освящение храма. К его визиту в Иерусалим в октябре 1890 г. храм был подготовлен, но поездка не состоялась. Чтобы не обострять отношения с Иерусалимским Патриархатом, установленный иконостас был убран. 5 сентября 1891 г., в день тезоименитства Великой Княгини Елизаветы Федоровны, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) освятил здание, однако официального благословения для храма от Патриархии получено не было. Понадобилось шесть лет настойчивых усилий Председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича, чтобы преодолеть сопротивление церковных и светских властей. После кончины Императора Александра III на заседании Совета Общества 15 ноября 1894 г. было подтверждено намерение освятить храм во имя святого Александра Невского — небесного покровителя покойного монарха на Александровском подворье в Иерусалиме.

Решение о преподании России Благословенной грамоты Иерусалимский Патриарх Герасим и Святогробское братство приняли на заседании Синода 9–10 апреля 1896 г. Согласие было достигнуто с большим трудом, к тому же Патриархия выдвинула ряд условий — требовались государственные гарантии сохранения доходов от русских паломников и отсутствие критики в российской прессе, а также ожидалось прощение долга в 100 тысяч рублей, возникшего во время патриаршества Блаженного Никодима (1883–1890). С тех пор в нартексе на Александровском подворье была установлена мемориальная табличка с надписью: «Церковь во имя святого благоверного Александра Невского основана на месте остатков храма, сооруженного святым равноапостольным царем Константином. 1887–1896 гг.»

---

[3] *Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я.* Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М., 2022. — 872 с.

Материалы «Сообщений ИППО» о храме св. Александра Невского на Александровское подворье в Иерусалиме

С 1891 г. на страницах СИППО регулярно публиковались материалы, посвященные Русскому дому. Среди них выделяются подробные описания освящения здания подворья и храма, материалы о решении Общего собрания ИППО учредить мемориал в память Александра III, а также извлечение из работы В.Д. Юшманова, посвященной трудной судьбе русских учреждений в Палестине и Сирии после начала Первой мировой войны. Тексты этих документов приведены в приложении к статье. Первый большой блок материалов о Русском доме появляется в третьем томе СИППО, он отражает завершение научных споров об археологической достоверности и интерпретации проведенных в 1883 г. раскопок. Это исследования о стене Неемии в Иерусалиме[4] и древних водопроводах, снабжавших Иерусалим водой с северной стороны[5].

В этом же томе впервые публикуется описание сложного внутреннего устройства подворья: «Сооружение разделяется, сообразуясь с площадью места, на две резко друг от друга отделяющиеся половины: южную и северную. Первую, т.е. южную, мы в настоящее время, открыли для помещения поклонников, как дополнение к Русскому подворью близ Яффских ворот. <...> Северная, наоборот, половина, включает в себе все найденные здесь, драгоценные для христиан, остатки древностей. Пока эта часть предназначена служить хранилищем этих свидетелей Иерусалима времен Спасителя»[6].

До освящения храма Александра Невского Русский дом активно работал как подворье для паломников. В СИППО подробно описываются условия проживания, скрупулезно подсчитывается количество останавливающихся паломников, для которых было устроено 11 комнат с 19 кроватями и одна общая палата на 32 места, кухня и кладовые. Стоимость проживания составляла 3 копейки в общей палате и доходила до 2 рублей в сутки в отдельных комнатах[7]. Между страницами 586 и 587 размещены рисунки Русского дома по состоянию на 1891 г. И хотя помещение будущего храма на этих изображениях еще не выделено как самостоятельное, однако обозначен будущий алтарь и древний помост, который в настоящее время занимает центральное место в храме. Однако в отчете уполномоченного ИППО в Одессе М.И. Осипова за 1889 г. отмечается, что им уже был отправлен иконостас для Русского дома[8], что свидетельствует о планах руководства Общества создать полноценное церковное пространство на подворье.

После 1896 г. в СИППО практически не появляется статей, посвященных проведенным на Русском месте археологическим раскопкам, на смену им приходят материалы, касающиеся собственно храма. Подворье перестает восприниматься

---

4 СИППО. Т. III. СПб., 1892. С. 225–240.
5 Там же. С. 353–355.
6 Там же. С. 133–134.
7 Там же. С. 598.
8 Там же. С. 469.

исключительно как место раскопок, хотя в топонимике Иерусалима именование — Церковь на раскопках — сохраняется на протяжении всего XX в. В 1900 г. в соответствии с решением Совета ИППО Русский дом на раскопках стал именоваться Александровским подворьем, в память Императора Александра III[9].

После освящения храм Александра Невского органично вписался в общую картину христианского присутствия в Иерусалиме в конце XIX — начале XX вв. Иерусалим в этот период оставался небольшим провинциальным городом Османской империи с населением около 42–43 тысяч человек. Но он активно рос, это было связано, как с алией евреев, так и европейской колонизацией и строительством храмов и часовен, школ и больниц, что способствовало быстрому росту числа протестантских и католических учреждений. Несмотря на появление новых кварталов, христиане составляли меньшинство населения, но продолжали играть ведущую роль в развитии города, поскольку значение православных храмов, основанных ещё в древности, оставалось высоким. Но большинство новых построек появлялось за пределами Старого города, что было связано с нехваткой места, свободного от обременений старинными вакуфами, и высокой стоимостью земли внутри древних стен. Так что храм Александра Невского выгодно отличалась своим местоположением и в материалах СИППО это всегда подчеркивалось. Например, в описании христианских храмов и часовен Иерусалима в 1904 г. значилось: «Церковь св. Александра Невского, устроенная в память в Бозе почившего Императора Александра III, находится в стенах Старого города близ самого храма Гроба Господня, всего в нескольких шагах от его придела Обретения Креста. Это домовый храм подворья, воздвигнутого Императорским Православным Палестинским Обществом над священным Порогом Судных Врат. Освящение его состоялось в мае 1896 года»[10].

Палестинское Общество всегда отличалось финансовой прозрачностью и благодарностью к жертвователям, передававшим на его нужды самые малые средства. Томский отдел ИППО в своем отчете за 1897 г. сообщал о возникновении новой традиции — получении не только денежных пожертвований, но и священных предметов для храма святого Александра Невского у Порога Судных врат. Так две старинные иконы, святителя Николая Чудотворца и святителя Иннокентия Иркутского, были переданы в Иерусалим. Обе иконы были украшены серебряными ризами и заняли почетное место в храме[11]. В общем списке пожертвований ИППО за тот же, 1897 г., значится серебряный, вызолоченный ковчег для храма святого Александра Невского стоимостью 300 рублей пожалованный М.А. Косоротовой[12].

В начале XX в. все больше материалов СИППО, касающихся Александровского подворья и храма, были связаны с увековечиванием памяти почивших деятелей Общества и их поминовением. В 1894 г. была установлена традиция служения

---

9 Бутова Р.Б., Герд Л.А. Русское наследие. Собственность Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в 1882–1948 гг. М., 2025. С. 46.

10 СИППО. Т. VIII. СПб., 1898. С. 626; см. также СИППО. Т. XIV. СПб., 1904. С. 164.

11 Там же. С. 411.

12 Там же. С. 638.

по четвергам заупокойной обедни и панихиды по в Бозе почивающем Царе-Миротворце, Императоре Александре III[13]. После кончины В.Н. Хитрово именно в храме Александра Невского начальник РДМ архимандрит Леонид (Сенцов) служил Литургию, а затем у Порога Судных Врат панихиду по усопшему основателю ИППО[14]. А в память о том, что «только благодаря выдающейся энергии и настойчивости Василия Николаевича Палестинское Общество благополучно завершило не только производившиеся на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме раскопки, <...> но и сооружение на этом священном месте русского храма — единственного в стенах древнего Иерусалима», на Общем собрании было решено «в виду Порога Судных врат» установить мраморную поминальную доску с именем Хитрово[15]. В 1905 г. после убийства Великого Князя Сергия Александровича было решено разместить у Порога Судных врат мраморную доску с именем Председателя ИППО и киот с иконой прп. Сергия Радонежского с неугасимой лампадой для вечного поминовения[16].

18 ноября 1911 г. Совет Общества постановил соорудить в память почивших Почетных членов ИППО: «первой Августейшей паломницы в Святую Землю Великой Княгини Александры Иосифовны, известного палестиноведа Б.П. Мансурова и занимавшего долгое время пост русского посла в Константинополе А.И. Нелидова мраморные поминальные доски, установив их за алтарем церкви св. Александра Невского, что у Порога Судных врат в Иерусалиме, среди таковых же досок с именами прежде почивших выдающихся деятелей Общества»[17].

Это небольшая заметка показала, что после устройства храма, пространство у Порога стало восприниматься не просто как археологический или мемориальный объект, но приобрело глубокое богословское значение. Заалтарное пространство — так все чаще стали именовать место с Порогом Судных Врат и скалой с водруженным Распятием, символизирующей Голгофу, Мемориал ИППО с именами почивших деятелей Общества, монументальные полотна «Страстного чина» Н.А. Кошелева и иконы кисти художника–иконописца В.Ф. Пасхина. Все это подчеркивало единство церковной и исторической памяти, а также литургическое поминовение святых и благочестивых мирян, потрудившихся для Святой Земли. Здесь читалась неусыпаемая псалтирь, совершались панихиды и поминовения, что сближало это место с алтарем — как пространством предстояния перед Богом. Даже отверстие в стене слева от Порога, «игольное ушко», стало предметом богословских размышлений о трудности спасения и символе узких врат Царствия Небесного, а прохождение через него актом духовного самоотречения.

Архимандрит Антонин (Капустин), один из главных инициаторов раскопок и создания подворья, считал, что Порог Судных Врат не просто археологический объект, а место особого присутствия Божия, где *стопа Божественного Страдальца* оставила след в истории спасения. Его труды легли в основу

---

13 СИППО. Т. IX. СПб., 1900. С. 29.
14 СИППО. Т. XV. СПб., 1904. С. 163–164.
15 СИППО. Т. XIV. СПб., 1904. С. 164.
16 СИППО. Т. XVI. СПб., 1905. С. 14.
17 СИППО. Т. XXIII. СПб., 1912. С. 97.

богословского осмысления этого пространства как сакрального. Все пространство за алтарем храма — это своего рода «литургический Порог», через который каждый христианин символически проходит вместе со Христом, оставляя за собой мирской суд и входя в пространство жертвы и Воскресения. Это место стало восприниматься как продолжение алтаря, где совершается воспоминание Страстей Христовых и Его Воскресения, а также как место особого молитвенного предстояния за живых и мертвых.

Ежегодно в Великий Четверг совершается Крестный ход из храма св. Марии Магдалины в Гефсимании к Порогу Судных Врат с чтением Евангелий Страстей Господних. Это подчеркивает литургическую преемственность между алтарем храма и пространством у Порога, зримо связывая евангельские события с топографией Иерусалима, а пространство у Порога — с кульминацией Крестного пути. Трудно сказать, так ли задумывали это место деятели Палестинского Общества при закладке здания, устройстве храма, борьбе за его освящение, но ясно одно, что такое богословское осмысление позволило интегрировать археологическую находку в живую церковную традицию, сделать ее местом литургического воспоминания, молитвы и духовного переживания; паломничества, стало примером того, как исторические святыни могут быть включены в богослужебную жизнь Церкви, приобретая новое измерение и глубину.

Заключение

22 мая 1896 г. в Иерусалиме произошло долгожданное событие — состоялось торжественное освящение храма во имя святого благоверного Великого Князя Александра Невского близ Храма Гроба Господня в Иерусалиме. С 1891 г. на страницах «Сообщений ИППО» регулярно появлялись публикации, посвященные Русскому дому, как именовалось в этот период будущее Александровское подворье. Особого внимания заслуживают подробные отчеты об освящении здания и церкви, а также материалы о решении Общего собрания ИППО учредить мемориал в память об Императоре Александре III. После 1896 г. в СИППО практически перестали появляться статьи о прошедших на Русском месте археологических раскопках, их место заняли материалы, непосредственно связанные с жизнью и деятельностью самого храма, ставшего неотъемлемой частью христианского Иерусалима. В начале XX в. в СИППО все чаще публиковались статьи, посвященные Александровскому подворью и храму, в которых особое место занимало увековечивание памяти выдающихся деятелей Общества и организация их поминовения. К 1910–м гг. место у Порога Судных Врат было полностью интегрировано в литургическую жизнь Русской Церкви на Святой Земле. Оно стало восприниматься как зааалтарное пространство, где совершается воспоминание Страстей Христовых, молитвенное поминовение и духовное прохождение через «судные врата» к Голгофе и Воскресению. Это богословское осмысление нашло отражение в сложившейся практике богослужений, сохраняющейся до настоящего времени.

Ниже публикуются тексты статей, опубликованных в «Сообщениях ИППО» и касающиеся наиболее знаковых событий в истории Русского дома на раскопках

(Александровского подворья) и особенно храма Александра Невского. Тексты приведены к нормам современного русского языка с сохранением стилистики оригинала. К основным изменениям относятся: заменена букв ѣ → е, ъ → о/е по правилам современной орфографии; исправлены окончания слов; убраны твердые знаки в конце слов; исправлены пунктуационные ошибки.

Приложение

Освящение Русского дома близ храма Воскресения в Иерусалиме

Членам Палестинского Общества, в особенности тем из них, которые с самого возникновения следили за деятельностью Общества, хорошо известно, как по почину Августейшего Председателя первым научным предприятием Общества были раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме. Раскопки эти, начатые 7 марта 1883 года под руководством начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина, привели, как всем памятно, к открытию таких остатков священной древности, которые даже в Святом граде составляли редкое исключение. Достаточно припомнить открытие из–под векового мусора: остатков городской стены времен Иисуса Христа, с порогом ворот, ближайших к Голгофе и Гробу Господню, древнего помоста, византийской арки, огромной подземной пещеры, идущей на восток под город, и, наконец, двери, ведшей в приворотный замок[18]. Открытия эти возбудили в свое время целую бурю, начавшуюся у нас в России и перешедшую затем за границу[19], и последний отголосок которой мы печатаем ниже в настоящем выпуске Сообщений, вполне подтверждающий высказанные вначале Обществом предположения, что нам посчастливилось открыть на Русском месте остатки городской стены, существовавшей во времена земной жизни Спасителя, и в оных Порог ворот, ведших за город и ближайших к Голгофе.

По окончании раскопок предстояло сохранить для благочестивого чествования православных те священные остатки, которые неисповедимому промыслу Всевышнего благоугодно было вывести из–под покрывавшего их векового слоя мусора. Потребовалось слишком четыре года неустанных трудов для устранения всех препятствий, которые были воздвигаемы своими и чужими, чтобы воспрепятствовать возникновению Русского дома над открытыми остатками святынь; только 13 сентября 1887 года Общество могло положить первый камень нового сооружения. Но прошло еще три года прежде, чем это сооружение, одно из красивейших внутри Иерусалима, было окончено. Днем освящения его было избрано 5 сентября 1890 года, первый день тезоименитства Благочестивейшей Государыни Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

---

18 Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина, начальника Иерусалимской Духовной Миссии // Православный Палестинский Сборник. Вып. 7. СПб., 1884. 144 с.

19 См. подробнее: *Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я.* Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация.

Согласно указанию Совета Общества, иерусалимский уполномоченный Общества Н.Г. Михайлов[20] 3 сентября в 4 часа вечера посетил Его Блаженство Иерусалимского Патриарха Герасима и передал ему усердную просьбу Общества не отказать лично освятить оконченный Русский дом и принять участие в этой нашей духовной радости. На что Его Блаженство со свойственной ему любезностью выразил полное согласие. К глубокому, однако же, сожалению, в тот же вечер Его Блаженство прислал сказать нашему уполномоченному, что он не в состоянии исполнить обещанного. Из дальнейших объяснений нашего уполномоченного с Его Блаженством выяснилось, что он не признавал возможным произвести освящение частного Русского дома, опасаясь доноса католиков турецкому правительству на такое свое действие. Таким образом, к печали о том, что мы были лишены удовольствия видеть в этот торжественный для нас день среди нас предстоятеля Иерусалимской Церкви, присоединилось еще соболезнование о том, что причиною отказа было опасение Православного Патриарха отзыва о своих канонических действиях — католиков.

В назначенный для освящения день 5 сентября к 9 часам утра собрались в Русский дом начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандрит Антонин со всем составом Духовной Миссии, и. д. Императорского консула, уполномоченный Общества и все в оном служащие. Весь обширный дом мигом наполнился не только всеми находящимися в Иерусалиме русскими паломниками, которых же в настоящее время в Иерусалиме ввиду опасения холеры крайне незначительное число, но главнейше массой православных местных жителей, занявших все комнаты, коридоры и лестницы. Но среди них, пишет корреспондент «Церковного вестника», «бросалось в глаза полное отсутствие греческих монахов»[21], так падких до всевозможных зрелищ. Следует предполагать, что и им латинская патриархия запретила присутствовать на православном торжестве.

По облачении начальника и членов Духовной Миссии начался обряд освящения Русского дома, который впервые огласился молитвенными песнопениями. За освящением и окроплением всего дома последовал благодарственный молебен.

После церковного торжества народ долго не расходился, любуясь внутренней отделкой и в особенности базиликой, где предположено Богу соизволящу устройство домовой церкви, иконостас которой вполне готовый к глубокому сожалению остается лишь прислоненным к восточной стене базилики в ожидании пока Императорское посольство в Константинополе найдет благоприятный случай исходатайствовать необходимый для освящения султанский фирман. Всевышний, явно соблаговоливший не только вывести на свет тысячелетние покрытые землей святые древности, но и давший Обществу возможность возвести большие сооружения для их предохранения и чествования, мы твердо уповаем, даст нам в благопотребное время довершить начатое во Его Святое имя.

Базилика представляет и ныне крайне приятное и умилительное впечатление. Занимая собой весь открытый древний помост — лифостротон, она отделяется

---

[20] Михайлов Николай Григорьевич, уполномоченный Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме в 1889–1910 гг.

[21] Церковный вестник. № 40. СПб., 1891. С. 633–634.

невысокой стеной от прохода к древнему порогу ворот и спускающейся к нему лестницы. Три восточные окна заняты художественным изображением на стекле Распятия с предстоящими. На западной и боковых стенах между окнами поставлены до 30 икон палестинских и русских святых угодников Божиих работы художника Пасхина[22]. Под ними целый ряд икон с фигурами в человеческий рост высокохудожественной работы Н.А. Кошелева[23] изображает всю страстную историю Господа нашего, начиная от «Моления о чаше» и до «Положения во гроб». Ныне из этих 20 икон готовы только пять: «Моление о чаше», «Иисус Христос будит своих учеников», «Предание Иисуса Христа», «Иисус ведомый к Каиафе» и «Иисус Христос перед Пилатом». Иконостас черного дерева с весьма незначительной позолотой увенчивается, как это принято на Востоке, Распятием с предстоящими. Нижний ряд икон составляют: образы Казанской Божией Матери и Нерукотворного Спаса, несомые великими святителями Земли Русской: митрополитами Петром, Алексием, Ионой и Филиппом. Затем идут иконы: первого Иерусалимского Первосвятителя св. Иакова, брата Господня и св. первомученика Стефана работы художника Пасхина, а далее уже по боковой стене равноапостольных св. Константина и Елены. Верхний ярус занят двенадцатью праздниками работы Троицко-Сергиевой иконописной мастерской и над царскими дверьми Тайной Вечерей.

Самый древний порог ворот огражден с трех сторон изящной решеткой, а за ней на Иерусалимском камне возвышается большое Распятие на кипарисе работы Афонского Пантелеймоновского монастыря. Направо от Порога вдоль восточной стены идут черные мраморные поминальные доски, на которых Общество вносит имена особенно потрудившихся для Святой Земли по мере их отшествия. Несмотря на недавнее существование Общества уже восемь имен помещены на этих досках. Вся левая сторона от Порога, прилегающая к предполагаемому алтарю базилики будет занята иконой Спасителя, несущего крест. Впереди Порога находится аналой для совершения богослужений и тут же предполагается *устроять Богу изволящу* непрестанное чтение Псалтири за упокой отошедших благодетелей Общества.

Таким образом, дело, начатое восемь лет тому назад, с Божией помощью доведено до возможного окончания, даже вызолоченный крест, долженствующий увенчать первый Русский дом в Святом граде, находится в оном и нам остается только с терпением ожидать, когда Всевышнему благоугодно будет благословить окончание начатого.

Текст печатается по: Освящение Русского дома близ храма Воскресения в Иерусалиме // Сообщения ИППО. Т. III. СПб., 1892. С. 14–18.

---

22 Пасхин Василий Филиппович, петербургский художник-иконописец второй половины XIX в.

23 Кошелев Николай Андреевич (1840–1918), профессор живописи Императорской Академии художеств, автор Страстного цикла на Александровском подворье. Член ИППО.

Общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 27 ноября 1894 г.

<...>

При открытии общего собрания помощник Председателя М.П. Степанов обратился к присутствующим членам со следующими словами:

Вечная память! Этими словами окончили мы молитвенное возношение о в Бозе почившем Государе Императоре, но в этих словах молитвы, среди Православного Палестинского Общества, чувствуется сердечная потребность присоединить еще: *вечная благодарность*!

Императору Александру Александровичу прежде всего мы обязаны основанием нашего Общества, и если затем пройдем не долголетнюю, но тем не менее наполняющую все Его царствование летопись нашу, то не найдем в ней ни одного выдающегося события, которое прямо или косвенно не носило бы на себе знаки Его высокого внимания и милостивого к Обществу благоволения.

Причины благоволения в Бозе почившего Государя Императора к Православному Палестинскому Обществу следует прежде всего видеть в тех присущих Ему чувствах Православного Царя, которые так наглядно выразились в Его истинно–христианской кончине. Он, призванный Свыше быть Защитником и Покровителем Православия, оказывал свое благоволение Обществу, в котором видел Им поставленную передовую стражу у знамени Православной Церкви, обуреваемой враждебными замыслами инославных пропаганд.

Твердое и неуклонное исполнение этого, ныне загробного, завета да послужит первым знаком нашей благоговейной благодарности Основателю и Благодетелю Общества.

По получении первого известия об опасном положении, принятом болезнью покойного Государя Императора, по просьбе нашей, у Живоносного Гроба Господня и в пещере Благовещения, вознесены были моления об исцелении Болящего. Когда же, по неисповедимому для нас Промыслу, Всевышнему благоугодно было отозвать благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича в *селения, идеже праведные упокоеваются*, нами немедленно были принесены моления о упокоении души Новопреставленного как у трехдневного ложа Жизнодавца, так и в пещерах Благовещения и Рождества, а равно во всех церквах отдаленной Святой Земли, где воспитываются нами православные дети-туземцы, моления которых о Православном Царе слились вместе с нашими.

На принесенное нами выражение глубокой скорби о кончине Того, которого оплакивает не только одна Россия, но и весь мир, мы удостоились получить из Ливадии от Августейшего Председателя Общества ответ следующего содержания:

«Их Императорские Величества, глубоко тронутые молитвою и выраженными чувствами Императорского Православного Палестинского Общества, поручили мне передать ему искреннюю Их Величеств благодарность».

В день предания земле в Бозе почившего Государя Императора и в два предшествовавшие ему дня, по древнему обычаю Православной Церкви, была предложена, по нашему распоряжению, даровая трапеза всем православным поклонникам, находящимся в эти дни в Иерусалиме.

Наконец, в Русском доме, находящемся рядом с храмом Воскресения в Иерусалиме и созданном с разрешения покойного Государя Императора, мы поставили поминальную черного мрамора доску с Его именем.

Совет Общества, доводя до вашего сведения о вышеизложенных распоряжениях, уверен, что вы их одобрите и вместе с тем согласитесь с его мнением, что ограничиться сделанным недостаточно, а необходимо создать в самом Святом Граде вечный памятник Усопшему, — памятник, который пережил бы нас и свидетельствовал перед последующими поколениями о чувствах безграничной благодарности нашей к Богу почившему Незабвенному Основателю и Покровителю Императорского Православного Палестинского Общества.

Мысль о том, какой создать памятник, — дана самим покойным Государем, почтившим память много потрудившейся для Святой Земли Матери своей Государыни Императрицы Марии Александровны сооружением с Августейшими братьями и сестрою на Елеонской горе, в виду Иерусалима, церкви во имя св. равноапостольной Марии Магдалины. Живо среди нас воспоминание о той любви и участии, с которыми Он следил за осуществлением этого сыновнего памятника.

Это воспоминание подает и нам мысль, в Иерусалиме, в Русском доме, как ближайшем к величайшей святыне Христианства, устроить церковь во имя св. благоверного великого князя Александра Невского.

Если это предположение, с Божией помощью, будет приведено в исполнение, то в этом храме соименного Ангела в Бозе почившего полагаем еженедельно по четвергам, в день кончины Государя Императора, служить заупокойную по Нем литургию и установить чтение постоянного псалтиря о упокоении души Его в селениях праведных.

Будем молить Всевышнего, дабы предстоящей нашей деятельностью быть всегда достойными того высокого благоволения, которым осчастливливал нас в Бозе почивший Государь и заслужить таковое же благоволение у Державного Сына Его, Государя Императора Николая Александровича. Его же Господь Бог да благословит и подкрепит в великом служении Православию и России.

Текст печатается по: Общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 27 ноября 1894 г. // Сообщения ИППО. Т. V. СПб., 1895. С. 697–700.

Освящение церкви во имя благоверного великого князя Александра Невского в Русском доме близ храма Воскресения Господня в Иерусалиме[24]

Когда после Крымской войны Русское правительство обратило особенное внимание на Святой град и послало в Иерусалим новую Русскую Духовную Миссию с епископом во главе, то, ввиду испытанных ею ранее неудобств, было

[24] Этот текст лег в основу материалов в русской прессе: Храм в Святой Земле в увековечение памяти Царя-Миротворца // Странник. № 10. СПб., 1896. С. 405–408; Освящение храма св. Александра Невского в Иерусалиме // Церковные ведомости. № 26. СПб., 1896; Новый русский храм в Иерусалиме и раскопки на Русском месте. Из отчета Императорского Палестинского Общества за 1896 г. // Русский паломник. № 5. СПб., 1897. С. 78–80; Новый русский храм в Иерусалиме и раскопки на Русском месте // Нижегородские епархиальные ведомости. № 9. Ниж. Новг., 1897. С. 257–263.

предположено, вместо помещения Миссии в одном из святогробских монастырей, приобрести в самом Иерусалиме собственный участок земли и на нем возвести сооружение для житья Русской Духовной Миссии.

Исполняя это предположение правительства, тогдашний начальник Русской Духовной Миссии Кирилл, епископ Мелитопольский, по указанию городского архитектора Эр. Пьеротти[25], обратил внимание на незастроенный земельный участок, лежащий на 16 саженей к юго–востоку от храма Воскресения и принадлежавший тогда коптскому священнику Георгию и его брату Ризк Алле.

Участок этот действительно был приобретен 3 сентября 1859 года за 28 159 франков. Впоследствии 26 сентября 1859 года и 16 августа 1861 года к нему за 12 700 франков были прикуплены соседние и подземные участки (в Турции приобретение верхних или надземных этажей не всегда обусловливает еще владение нижних или подземных). Таким образом образовался земельный участок в 314 кв. саженей, приобретенный за 40 859 франков (16 322 рубля). Когда он был куплен, на нем находились на восточной стороне лавка, выходящая на Базарную улицу, и хлебопекарня на южной стороне, обе заваленные землей и мусором, лежавшим на всем остальном месте и из–под которых выглядывали какие–то неопределенные развалины.

Приобретение впоследствии правительством обширного земельного участка вне Иерусалимских стен, к юго–западу от Яффских ворот, устранило предположение возвести дом Духовной Миссии на купленном месте близ храма Воскресения, оказавшемся, кроме того, для предполагаемой цели крайне малым.

Со дня покупки он оставался заброшенным пустырем, в котором от времени до времени французские и английские ученые производили разные поверхностные раскопки, не разъяснявшие точно происхождение развалин, а указывавшие лишь на то, что под вековым слоем мусора и земли лежат интересные для топографии древнего Иерусалима остатки.

В таком виде Русское место это было посещено 28 мая 1881 года великим князем Сергием Александровичем и произвело на него такое впечатление, что когда в следующем году возникло, под его высоким председательством, Православное Палестинское Общество, то на втором же заседании Совета его 1 октября 1882 года было им предложено приступить к раскопкам на Иерусалимском месте, и уже 5 ноября того же года Его Императорское Высочество писал тогдашнему министру иностранных дел Н.К. Гирсу о передаче этого места во временное распоряжение Общества. Недоставшие на этот предмет, у только что возникавшего в то время Общества, деньги были пожертвованы Его Высочеством из собственных средств, и уже 7 марта 1883 года раскопки были начаты под руководством тогдашнего начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Антонина.

Не станем излагать сами раскопки и достигнутые ими результаты. Интересующиеся найдут подробные и своевременные о них сведения в 7 выпуске Православного Палестинского Сборника[26]. Здесь достаточно будет сказать, что добытые с Божьей

---

[25] Пьеротти Э. (*итал.* Ermete Pierotti), итальянский инженер и архитектор, главный инженер Иерусалима в 1857–1861 гг.

[26] См. выше.

помощью результаты раскопок: византийская арка, древние Иудейские стены и, наконец, обретенный 10 июня 1883 года, сохранившийся во всей своей целости Порог древних Иудейских ворот, через которые, как ближайшие к Голгофе (отстоящей от него на 38 саженей), шествовал Спаситель на крестную смерть — далеко по важности и подлинности своей оставили за собой все новейшие исследования древнего Иерусалима времен Спасителя, в чем сознаются даже латиняне[27].

Когда эти блестящие результаты раскопок выяснились, явился прямой долг предохранить найденные драгоценные остатки и возвести над ними достойное их сооружение, причем Августейшему Председателю Общества угодно было поставить непременным условием, чтобы ни один камень из открытых остатков не был уничтожен или заделан. Сообразуясь с этим указанием, Общество поручило тогдашнему Иерусалимскому городскому архитектору Г. Франгиа[28] составить план предполагаемого здания и, по одобрении его Его Императорским Высочеством, первый Уполномоченный Общества в Иерусалиме Д.Д. Смышляев[29] 12 сентября 1887 года положил начало сооружению.

По плану, действительно выполненному, сооружение это под одной общей крышей разделяется на две различные по характеру своему части, из них одна — северная совмещает в себе все обретенные остатки святынь, а другая — южная, на месте прежней хлебопекарни, а также терраса над греческим монастырем предназначена для помещения паломников, когда бывает переполнено Русское подворье за Иерусалимскими стенами. В таком виде Русский дом близ храма Воскресения Христова, обошедшийся Обществу в 138 тысяч рублей, был окончен и освящен в день тезоименитства великой княгини Елизаветы Феодоровны 5 сентября 1891 года.

По середине северной части оставалась большая пустая комната в 7 саженей длины, 4½ сажени ширины и 6 саженей вышины, занимающая возвышенную площадку — может быть Лифостротон Пилата — к которой вели во всю ее ширину направо от обретенного Порога ступени. Эту остающуюся свободною комнату по окончании сооружения предполагалось обратить в церковь, но предположение это встретило тогда непреодолимые препятствия.

Когда по неисповедимым судьбам Божиим угодно было отозвать в Бозе почившего Государя Императора, Палестинское Общество в безпредельном горе о преждевременной утрате своего основателя и постоянного благодетеля в общем собрании 27 ноября 1894 года постановило: «Создать в самом Святом граде вечный памятник усопшему — памятник, который пережил бы нас и свидетельствовал перед последующими поколениями о чувствах безграничной благодарности нашей ко в Бозе почившему незабвенному основателю и покровителю Императорского Православного Палестинского Общества.

---

27 СИППО. Т. V. СПб., 1895. С. 84–85.

28 Франгья (Franghias, Франгия) Георгий (1856 – после 1906) — инженер, архитектор, действительный пожизненный член ИППО с 24 февраля 1887 г. Франгья был автором проектов Сергиевского и Александровского подворий, руководителем строительства храма св. Марии Магдалины (по проекту Д.И. Гримма).

29 Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893), первый уполномоченный Палестинского Общества в Иерусалиме в 1885–1889 гг. Руководил строительством двух главных русских объектов, Нового (Сергиевского) подворья и Русского дома у Порога Судных Врат (будущего Александровского подворья).

Мысль о том, какой создать памятник, дана самим покойным Государем, почтившим память много потрудившейся для Святой Земли матери своей Государыни Императрицы сооружением с Августейшими братьями и сестрою на Елеонской горе, в виду Иерусалима, церкви во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. Живо среди нас воспоминание о любви и участии, с которыми он следил за осуществлением этого сыновнего памятника.

Это воспоминание подает и нам мысль в Иерусалиме в Русском доме, как ближайшем к величайшей святыне Христианства, устроить церковь во имя святого благоверного великого князя Александра Невского.

Если это предположение, с Божьей помощью, будет приведено в исполнение, то в этом храме соименного ангела в Бозе почившего, полагаем еженедельно по четвергам, в день кончины Государя Императора, служить заупокойную по нему литургию и установить чтение постоянного псалтыря о упокоении души его в селениях праведных».

Делая это постановление Общество было далеко от мысли о встреченных им затем при осуществлении его препятствиях и затруднениях. Не время ныне вспоминать о них, когда освящение церкви совершено и все потрудившиеся к осуществлению этого предположения с радостью приносят все пережитое и перечувствованное за это время, как дань памяти тому, который так много трудился для столь любимой им России.

Все встреченные препятствия затруднения были устранены лишь через полтора года, в начале мая нынешнего года. Днем освящения вместо предполагавшегося сперва 11–го, было назначено 22 мая, день кончины Государыни Императрицы Марии Александровны, причем вся духовная сторона торжества была возложена на начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Рафаила, а вся светская на Уполномоченного Общества в Иерусалиме Н.Г. Михайлова.

Начало торжеств было положено утром 20 мая освящением и водружением на крышу Русского дома большого бронзового вызолоченного креста уже пять лет ожидавшего в Иерусалиме своей постановки на место. Затем весь дом снаружи был разукрашен русскими и турецкими флагами, а внутри зеленью и цветами.

На следующий день, который для Палестинского Общества есть его годовой праздник открытия действий Общества, в 3 часа дня Блаженнейший Патриарх Иерусалимский в сопровождении Патрикия, архиепископа Птолемаидского, и Поликарпа, епископа Тивериадского, четырех святогробских архимандритов: Епифания, Кирилла, Мелетия и Феофана, архидиакона Вениамина, четырех диаконов, трех певчих и управляющего Императорским консульством торжественно, при пении и колокольном звоне, вынес из Патриархии частицы святых мощей великомучеников Пантелеймона Целителя, Харлампия и Феодора Стратилата и внес их, встреченный у южных дверей дома всем составом нашей Духовной Миссии с начальником ее архимандритом Рафаилом во главе, присланным Св. Синодом для этого торжества иеромонахом Александро–Невской Лавры Евгением[30] и уполномоченным Общества Н.Г. Михайловым в алтарь предполагаемой

[30] Иеромонах Евгений (Дикалов; 1847–после 1917), насельник Александро–Невской Лавры, назначенный Св. Синодом для участия в церемонии освящения храма св. Александра

к освящению церкви, где, положив святые мощи на дискос и покрыв их звездицей и покровом, поставил на жертвенник. Когда Патриарх вышел из алтаря и занял приготовленное для него место, началось Великое повечерие, после которого, приняв предложенное ему угощение, Патриарх с сопровождавшими его покинул Русский дом; началось в церкви Всенощное бдение с литией и величанием святого благоверного великого князя Александра. «Умилительно и радостно, — пишет один из очевидцев торжества, — было слышать прославление святого угодника Александра Невского в такой дали от его родины».

На другой день в среду, 22 мая, в 6 часов утра, колокольный звон возвестил торжественное шествие Патриарха с тем же, сопровождавшим его накануне, духовенством. По прибытии его в церковь немедленно началось освящение церкви. К этому времени прибыли все члены Генерального консульства, ученицы Бет–Джальского пансиона с их начальницей и учительницами; все служащие Общества и до 160 находящихся на подворье русских паломников. В одной церкви набралось до 250 человек, а около 600 человек, преимущественно православных туземцев, разместились по коридорам и по террасе. Так как ввиду окружающих церковь и дом сооружений нельзя было обойти их трижды, то Патриарх по чину освящения трижды обошел с ними священный Порог Судных врат.

После освящения церкви немедленно началась Божественная Литургия, совершенная Патриархом в сослужении 2 архиереев, 2 архимандритов, 4 иеромонахов и 6 иеродиаконов. Было ровно 9½ часов утра, когда во вновь освященном храме в первый раз на литургии помянуто было имя в Бозе почившего Государя Императора Александра Александровича.

В 10½ часов богослужение было окончено, и присутствовавшие с Патриархом во главе были приглашены к завтраку, накрытому в верхнем этаже дома на 66 приборов, во время которого были провозглашены тосты за здоровье Их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы, Его Величества Султана, Их Императорских Высочеств Августейшего Председателя Императорского Православного Палестинского Общества и его супруги, Его Блаженства, за Святейший Правительствующий Всероссийский Синод и за всех членов Палестинского Общества, послуживших делом, словом или мыслью в создании вновь освященного храма святого благоверного великого князя Александра Невского. Все эти тосты были покрыты восторженными восклицаниями присутствовавших, пением русским хором «Многая лета», во время которого находившиеся у дверей черногорцы, проводники Общества, стреляли, по восточному обычаю, из пистолетов.

В то же время на Русском подворье был предложен всем находящимся налицо русским поклонникам праздничный обед и роздан всем присутствовавшим на освящении Троицкий образок святого Александра Невского. Целый день

Невского. 28 января 1898 г. возведен в сан игумена, 24 мая 1898 г. в сан архимандрита. В 1897–1906 гг. эконом Александро-Невской лавры, в 1906–1917 гг. эконом Митрополичьего дома. До 1916 г. входил в состав Духовного собора Лавры. В 1907 г. подписал поздравительный адрес от имени братии Лавры, направленный в связи с 25-летним юбилеем ИППО.

как в соборе Святой Троицы, так и в обеих церквах Вознесения и святой Марии Магдалины на Елеонской горе происходил пасхальный звон.

Вечером Русский дом и крест на нем, все здания Русского подворья были великолепно иллюминированы, к великой радости всех православных, до глубокой ночи радостно гулявших.

Таким образом окончилось это торжество, память о котором не скоро изгладится из памяти туземцев.

Когда теперь с вершины Елеонской горы, в ранний час восхода солнечного, обращается взор к храму Воскресения Господа, три креста один за другим блестят в утренних лучах, крест над часовней Гроба Господня, крест над греческим Кафоликоном и, впереди всех, крест над Русским домом, как бы стоящий на передовой страже.

Да сияет этот крест Православной Руси многие и многие годы!

Текст печатается по: Освящение церкви во имя благоверного Великого Князя Александра Невского в Русском доме близ храма Воскресения Господня в Иерусалиме // Сообщения ИППО. Т. VII. СПб., 1897. С. 391–399.

Юшманов В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией

<...>

Иерусалимский итальянский консул граф Сенни[31], покинувший Святой Град в первой половине мая 1915 г., подтвердил, к сожалению, ранее дошедшие до Общества вести о том, что почти все находящиеся в Иерусалиме и его окрестностях русские учреждения, как принадлежащая Обществу, так и Духовной Миссии за весьма немногими исключениями, захвачены турецкими властями еще в ноябре 1914 г. и тогда же приспособлены для нужд военного времени. Не подверглись захвату лишь собор св. Троицы на Русских постройках, тщательно охраняемый турецкими солдатами; церковь во имя св. Марии Магдалины в Гефсимании; церковь во имя св. Александра Невского у Порога Судных врат, с паломническим при ней приютом; и Вениаминовский приют для престарелых паломниц, которым по-прежнему продолжала руководить одна из старейших местных жительниц — К.А. Хомутова.

По словам графа Сенни, приюту у Судных врат грозила однажды серьезная опасность быть также занятым: турки начали даже вносить внутрь приюта мебель какого-то казенного учреждения, но он самыми решительным образом воспротивился этому насилию и потребовал, чтобы турки взяли обратно свои вещи; когда последние были вынесены, гр. Сенни наложил на входным двери печати итальянского консульства.

<...>

Извлечение из: Юшманов В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // Сообщения ИППО. Т. XXVII. Пг. 1916. С. 272.

---

[31] Карло Сенни (1879–1946), итальянский дипломат и политик. В 1909–1915 гг. консул в Иерусалиме.

Источники и литература

Новый русский храм в Иерусалиме и раскопки на Русском месте // Нижегородские епархиальные ведомости. № 9. Ниж. Новг., 1897. С. 257–263.

Новый русский храм в Иерусалиме и раскопки на Русском месте. Из отчета Императорского Палестинского Общества за 1896 г. // Русский паломник. № 5. СПб., 1897. С. 78–80.

Освящение храма св. Александра Невского в Иерусалиме // Церковные ведомости. № 26. СПб., 1896.

Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина, начальника Иерусалимской Духовной Миссии // Православный Палестинский Сборник. Вып. 7. СПб., 1884. 144 с.

СИППО. Т. III. СПб., 1892.

СИППО. Т. V. СПб., 1895.

СИППО. Т. VII. СПб., 1897.

СИППО. Т. VIII. СПб., 1898.

СИППО. Т. IX. СПб., 1900.

СИППО. Т. XIV. СПб., 1904.

СИППО. Т. XV. СПб., 1904.

СИППО. Т. XVI. СПб., 1905.

СИППО. Т. XXIII. СПб., 1912.

СИППО. Т. XXVII. Пг., 1916.

Храм в Святой Земле в увековечение памяти Царя-Миротворца // Странник. № 10. СПб., 1896. С. 405–408.

Церковный вестник. № 40. СПб., 1891.

Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М., 2022. 872 с.

Бутова Р.Б. Издания Палестинского Общества и о Палестинском Обществе. 2012–2017 // Православный Палестинский Сборник. Вып. 113. Отв. ред. Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 313–319.

Бутова Р.Б., Герд Л.А. Русское наследие. Собственность Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в 1882–1948 гг. М., 2025. 800 с.

Бутова Р.Б., Житенёв С.Ю. Издания Палестинского Общества и о Палестинском Обществе. 2018–2022. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 122. М., 2023. С. 227–233.

Пумпян Г.З. Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества 1881–2007. СПб., 2007. С. 360–437.

Пумпян Г.З. Предисловие. // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2007). Науч. рук. В.П. Леонов, отв. ред. Н.Н. Лисовой. СПб., 2009. С. 5–9.

Цысь В.В., Цысь О.П. Подготовка и выпуск изданий для палестинских чтений Императорским Православным Палестинским Обществом в конце XIX — начале XX вв. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 120. М., 2022. С. 126–144.

Gerd Lora Alexandrovna,
full member of the IPO «IOPS»,
leading researcher at the St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Russian Federation, Saint Petersburg.
E-mail: Loragerd@gmail.com

Russia and the reforms in the Patriarchate of Constantinople in 1857–1860

Summary. According to the reforms in the Ottoman Empire in the mid-nineteenth century (Tanzimat) the administrative system of the state should have been transformed following West European examples. The Sublime Porte demanded that a Church National Council should elaborate new Regulations of the Patriarchate of Constantinople. The reforms of the 1858–60s changed the way of patriarchal elections and introduced a Mixed Council consisting of clergymen and laics. The Russian embassy supported the reforms supposing that they would put an end to the abuses and would solve the national question. The position of the diplomacy came into confrontation with the opinion of the Russian Synod. Ober-procurator Alexander Tolstoi regarded the reforms as an infringement in the rights of the Church. Metropolitan Filaret Drozdov was inclined to support the reforms but rejected the idea of the participation of laics in the patriarchal elections and their control over the clergy. The opinion of Emperor Alexander II, who took the part of the ambassador and the Ministry of foreign affairs, was decisive. The article based on inedited archive documents shows details of the polemics between the Russian ministries during the discussions and the participation of Russia in the church reforms. Ambassador Lobanov-Rostovskii managed to establish contacts with some bishops and laics from the National Council and to play the role of a mediator between the Sublime Porte and the Patriarchate of Constantinople.

Key words: Eastern Question, the Patriarchate of Constantinople, Russian Holy Synod, Ottoman Empire, church policy, reforms in the Patriarchate, Tanzimat, Orthodox East.

Герд Лора Александровна,
действительный член МОО «ИППО»,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
Российская Федерация, Санкт-Петербург.
E-mail: Loragerd@gmail.com

Россия и реформы в Константинопольском Патриархате в 1857–1860 гг.*

Аннотация. Реформы в Османской империи середины XIX в. (танзимат) предусматривали преобразование административной системы государства по западноевропейскому образцу. Согласно требованиям Порты было созвано Церковно-национальное собрание для выработки нового устава Константинопольской патриархии. Реформы, проведенные в 1858–1860 гг., привели к изменению способа избрания патриарха и образованию Смешанного совета из духовенства и мирян. Российское посольство поддерживало реформы, в надежде, что таким образом будет положен конец злоупотреблениям и решен национальный вопрос. Позиция дипломатии вошла в противоречие с мнением Российского Св. Синода. Обер-прокурор А.П. Толстой видел в реформах посягательство на права Церкви. Митрополит Филарет Дроздов был склонен отчасти поддержать проект реформ, но категорически не принимал идею участия мирян в выборе Патриарха и контроле над духовенством. Решающим оказалось мнение Императора Александра II, который занял сторону посланника и МИД. В статье на основе неизданных архивных документов раскрываются детали полемики в российских ведомствах в ходе обсуждения нового устава Церкви и делаются выводы относительно участия России в реформах Константинопольского патриархата. Посланнику А.Б. Лобанова-Ростовского удалось установить контакты с некоторыми архиереями и светскими членами Национального собрания, а также взять на себя роль посредника между османскими министрами и Константинопольским Патриархатом.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Константинопольская Патриархия, Российский Св. Синод, Османская империя, церковная политика, реформы в Патриархате, танзимат, Православный Восток.

Статья поступила в Редакцию ППС 23.03. 2026 г.

---

* Статья написана в рамках Программы МОО «ИППО» и Минобрнауки РФ фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи в 2026 г.»

Введение

XIX в. известен как эпоха Восточного вопроса — борьбы великих держав за преобладание на Ближнем Востоке. Западные государства настаивали на проектах модернизации Османской империи, в то время как интересы России базировались в основном на сохранении автономного положения Православной Церкви и её единства как главной административной единицы турецких христиан. Под давлением Англии и Франции начались широкомасштабные реформы (танзимат)[1]. Первым значительным актом стал хатт-и-шериф 1839 г., которым в довольно неопределенных выражениях провозглашались свободы подданных султана. Преобразования должны были привести к размыванию немусульманских миллетов и ограничению их самостоятельности. Тем самым британское и французское правительство рассчитывали ослабить русское влияние и поставить управление христианскими общинами под контроль государства, которым они, в свою очередь, могли легко управлять.

После восстания 1821 г. большинство семей богатой греческой знати (фанариотов) оказались в изгнании, многие погибли. Лишь некоторые из них вернулись в Константинополь и вместе с новым слоем торговцев и банкиров образовали неофанариотскую аристократию. Представители этих фамилий занимали важные места и при султанском дворе, служили дипломатами при европейских дворах. Подобно старшим фанариотам, они сохраняли тесную связь с дунайскими княжествами, а также со своими торговыми домами на островах Эгейского моря, по всему Средиземноморью и в России. Неофанариоты оказывали колоссальное влияние на жизнь Константинопольской Патриархии на протяжении всего XIX и начала XX вв. Их сотрудничество и соперничество между собой стояло за возведением на престол и низложением Патриархов[2]. До Крымской войны к предложениям реформировать церковное управление неофанариоты относились с осторожностью и предубеждением, закономерно опасаясь, что с ослаблением Церкви наступит ослабление их собственного влияния и материального положения. Тем более враждебно отнеслось к идеям реформ высшее духовенство. В середине XIX в. Константинопольский Патриархат, как и в прежние столетия, главенствовал среди четырех восточных Православных Церквей. При Патриархе был Синод, с середины XVIII в. состоявший из несменяемых геронтов (старших митрополитов). В руках этих архиереев, а также назначаемых должностных лиц формально находилась власть над несколькими миллионами православных подданных.

---

1 *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI-XIX в., критическая оценка и будущие задачи): историко-юридические очерки. Т. 2. М., 1896; *Anderson M.S.* The Eastern Question 1774–1923. A Study in International Relations. London, 1983; *Davison R.* Reform in the Ottoman Empire. 1856–1870. Princeton, 1963; *Findley C.* Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: the Sublime Porte, 1789–1922. Princeton, 1980; *Ahmad F.* The Making of Modern Turkey. London-New York, 1993.

2 *Σταματόπουλος Δ.* Μεταρρύθμηση και εκκοσμίκευση. Προς μια ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19ο αιώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 37–43.

Церковное устройство на Востоке казалось демократичным, но сама система была пронизана замкнутым кругом регулярных и внеочередных поборов и взяточничества. За поставление на кафедру каждый архиерей платил значительный взнос Патриарху (филотимон), и затем покрывал долги за эту сумму сборами с населения. Патриарх, в свою очередь, платил сумму Порте за получение берата (документа на служение). Большую проблему представляли славянские области, которые были лишены возможности избирать епископов из числа своих соотечественников и не имели богослужения на своем языке. Кроме того, доходы обширных земельных угодий греческих церковных учреждений в Молдавии, Валахии и Бессарабии практически не использовались на нужды местного населения.

Хатт-и-хумаюн 1856 г. и церковные преобразования

6 февраля 1856 г. был провозглашен хатт-и-хумаюн, положивший начало масштабным преобразованиям в Османской империи. Христиане получили равные права с мусульманами: они могли занимать государственные должности, участвовать в гражданских судах, поступать на службу в армию[3]. Целью реформ была секуляризация империи по образцу европейских монархий[4]. Теперь уже османское правительство не оставляло Патриархату возможности продолжать старую практику неограниченной власти геронтов. В апреле 1857 г. Патриархат получил от Порты «руководящие указания» к проведению реформ согласно хатт-и-хумаюну[5].

Подготовка реформ должна была производиться Церковно-национальным (Церковно-народным) собранием при Патриархате, состоящим из выборных представителей духовенства и православных мирян. Порядок выбора депутатов в Собрание вызвал возражения со стороны Патриархии. Требования Порты касались следующего: способ принесения присяги Патриархом и митрополитами должен быть согласован с правительством; на заседаниях Церковно-народного собрания должен присутствовать турецкий чиновник; выборы должны поэтапно

---

[3] *Соколов И. И.* Константинопольская церковь в XIX в. Опыт исторического исследования. Т. I. СПб., 1904. С. 305–323.

[4] Применение хатта на практике встретило затруднения. В 1859 г. великий визирь Аали Паша говорил русскому посланнику А.Б. Лобанову-Ростовскому, что «хатт-и-хумаюн есть произведение, в котором, к несчастью, благодаря зловредному духу лорда Редклиффа [британского посла в Константинополе — Л.Г.] больше поэзии, чем правды, и который нисколько не приноровлен ни к местным условиям, ни к степени цивилизации турецких провинций» (Цит. по: *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX в. С. 339). «Этот лживый и дурно составленный документ был, очевидно, навязан туркам западными державами в то время более из ненависти к гражданскому и церковному влиянию России на Востоке, чем из действительной заботы о христианском населении Османской империи,» — так характеризовал хатт-и-хумаюн посланник в Константинополе А.П. Бутенев.

[5] *Соколов И. И.* Константинопольская церковь в XIX в. С. 716–720.

производиться по эйялетам[6]. После нескольких заседаний Синода летом 1857 г., наконец, был определен состав духовных представителей в Собрании: митрополиты Салоникский Неофит, Адрианопольский Кирилл, Амасийский Софроний, Артский Софроний, Дидимотикский Мелетий, Меленикский Дионисий и Созоагафупольский Дорофей Схоларий. В выборе принимались во внимание два принципа: старшинство митрополичьих кафедр и присутствие архиереев в данный момент в столице. Избрание епархиальных архиереев соответствовало требованиям Порты, и, таким образом, было соблюдено некое равновесие между требованиями обеих сторон — правительства и Патриархата. Митрополиты Арты и Амасии были ревностными сторонниками реформ. Руководствовались они, нужно сказать, личными мотивами: первый находился во вражде с главой местной греческой знати, а второй имел еще давние противоречия с великим логофетом Николаем Аристархи. Остальные архиереи по ходу дебатов меняли свою позицию[7].

Светские депутаты, согласно «Указаниям» правительства, должны были избираться как из Константинополя, так и из епархий Вселенского престола. В 1857 г. приглашение к выборам были разосланы епархиальным архиереям. В итоговом составе Церковно-народного собрания доминировали константинопольские депутаты, среди которых ведущую роль играли представители неофанариотской аристократии[8]. Первое заседание Собрания состоялось 3 октября 1858 г. Обсуждению подлежали следующие вопросы: порядок выбора Патриарха и епархиальных архиереев; введение жалования духовенству; связанный с этим вопрос о финансах Патриархии и церковном долге. Вместе с тем уже в первых заседаниях Собрания поднимался вопрос о славянских провинциях и выборе высшего духовенства из местных уроженцев.

История реформ в Константинопольской Патриархии и участия в них России несколько раз становились предметом специального исследования. Начало этому было положено в 1886 г., когда были опубликованы записки митрополита Московского Филарета (Дроздова)[9]. В издание вошли тексты самого Филарета, некоторая часть депеш посланника А.Б. Лобанова-Ростовского, а также переписка Филарета с Обер-прокурором Св. Синода А.П. Толстым. В 1902 г. была издана большая статья Г.Н. Трубецкого, в которой на основании документов архива русского посольства освещено участие русской дипломатии в константинопольских событиях первого периода после Крымской войны[10]. В своей монографии об истории Константинопольской Церкви в XIX в. И.И. Соколов впервые подробно излагает историю работы Церковно-народного собрания и публикует русский перевод нового устава Церкви[11]. Источниками для него послужили мнения митрополита

---

6 *Σταματόπουλος Δ.* Μεταρρύθμηση και εκκοσμίκευση. Σ. 77–79.

7 Ibid. P. 80.

8 Ibid. P. 81–85. *Соколов И. И.* Константинопольская церковь в XIX в. С. 723–727.

9 Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886

10 *Т[рубецкой] Г.* Россия и вселенская патриархия после Крымской войны . // Вестник Европы. 1902. Апрель. С. 549–592; май. С. 5–51; июнь. С. 469–507.

11 *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX в. С. 714–757; 758–813.

Филарета и документы архива Константинопольского Патриархата, в котором он работал в 1902 г. Поборник неовизантийских идей в церковно-государственном управлении, Соколов не скрывает своей консервативной позиции и называет реформы в Константинопольском Патриархате «самым гибельным результатом хатти-хумаюна», подорвавшим могущество Патриарха[12]. На новом уровне исследовал историю реформ в Церкви Димитрис Стаматопулос, который основал свою монографию на документах греческого и британского МИД и обширном круге опубликованных документов и литературы[13].

Полный комплекс архивных документов, касающихся участия России в преобразованиях Патриархата, был еще в XIX в. переплетен в серию томов и хранится в архиве канцелярии Обер-прокурора Св. Синода (ныне РГИА, ф. 797, оп. 27, II отд. 2 ст. Д. 426). Это копии депеш российских посланников в Константинополе на французском языке, переводы на русский язык, аналитические записки, составленные в посольстве и в МИД, оригиналы мнений митрополита Филарета, его переписка с Обер-прокурором, некоторые частные письма. Особенный интерес представляют пометы на полях и титульных листах бумаг, дающие возможность проследить ход дискуссий между МИД и Св. Синодом. Документы представлялись Императору Александру II, который оставлял пометы красными чернилами на французском или русском языке. Совокупность этих источников позволяет заново изучить историю участия России в жизни Константинопольской Патриархии этого переломного периода, а также оценить борьбу, которая велась в российских ведомствах за направление русской политики в церковных делах Востока.

В данной статье будет рассмотрен взгляд из России лишь на один из аспектов реформ, а именно порядок выбора Константинопольского Патриарха и участие мирян в церковном управлении, а также на роль, которую сыграла русская дипломатия в принятии нового церковного устава 1860 г.

Первый этап реформ. Переговоры с посланником А.П. Бутеневым

Серьезный удар, который был нанесен России и её влиянию на Ближнем Востоке поражением в Крымской войне, требовал выработки новых стратегий и методов внешней политики. Перед МИД России и Св. Синодом стояла задача заново наладить отношения с Патриархами Востока, прежде всего, с Константинопольским и Иерусалимским. Остановить процесс реформ Россия не могла, потому оставалось участвовать в них и направлять в своих интересах. В августе 1856 г. в Константинополь прибыла русская миссия во главе с Аполлинарием Петровичем Бутеневым; советником был назначен А.Б. Лобанов-Ростовский, первым секретарем Е.П. Новиков. Немолодой посланник уже имел большой опыт службы в Османской Порте и был хорошо знаком с внутренней жизнью Церкви.

---

12 *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX в. С. 343

13 *Σταματόπουλος Δ.* Μεταρρύθμηση και εκκοσμίκευση.

Положение посольства было на первых порах трудным, оно находилось в изоляции, предстояла большая работа по её преодолению[14].

Отношения миссии с Патриархом Кириллом VII на первых порах оставались натянутыми. Попытку сломать лед предпринял епископ Кирилл Наумов, новый начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. По пути в Иерусалим он остановился в Константинополе на месяц, в декабре 1857-январе 1858 г. Епископ Кирилл встречался членами патриаршего Синода и другими восточными иерархами, тем самым осуществив первый после Крымской войны контакт представителя Русской Церкви с православным Востоком[15]. Впервые вопрос о реформах в Патриархате появился в дипломатической переписке в ноябре 1858 г., когда Бутенев отправил в Санкт-Петербург замечания высшего константинопольского духовенства на некоторые пункты инструкции Порты касательно созыва временных советов при Патриархах. О Патриархе Кирилле VII Бутенев отзывался как о человеке слабом, не очень умном, занятом интригами и обычными злоупотреблениями. Посланник принял деятельные меры, чтобы, несмотря на противодействие со стороны некоторых членов Синода, вступить в переговоры с Патриархом и теми из архиереев, «которые обладают характером и некоторой степенью образованности» [16]. Текст требований Порты и комментариев архиереев, высказанных на заседании 8 (20) мая 1858 г., был передан Бутеневу великим визирем Аали Пашой: очевидно, от русской миссии ожидалась поддержка реформ и посредничество в отношениях с греческой духовной и светской аристократией. Комментарии греческих митрополитов-членов Синода были, в свою очередь, снабжены заметками первого драгомана посольства Е.Я. Аргиропуло[17]. Хотя миссия, очевидно, располагала сведениями о ходе дел еще до начала заседания Собрания, никаких действий её члены на этом этапе не предпринимали[18]. По получении документов в российском посольстве был проведен их анализ и составлены две аналитические записки[19].

Несмотря на скептическое отношение к танзимату, российское посольство было склонно поддержать Порту, особенно в том, что касалось борьбы с симонией и мер по искоренению финансовых злоупотреблений. Вместе с тем, на всем протяжении дебатов о новом уставе посольство твердо стояло на защите Патриарха против жалоб, выдвигаемых против него как архиереями-геронтами, так и светскими членами собрания, которые поочередно обвиняли его в измене интересам Церкви.

---

14 *Т[рубецкой] Г.* Россия и вселенская патриархия после Крымской войны //Вестник Европы. 1902. Апрель. С. 560–562.

15 *Герд Л.А.* На пути в Иерусалим: Епископ Кирилл (Наумов) в Константинополе и Сирии в 1858 г. // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 299–307.

16 А.П. Бутенев — А.М. Горчакову. Пера, 8/20 ноября 1858 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 34–36об.

17 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 2–11об.:

18 *Т[рубецкой] Г.* Россия и вселенская патриархия после Крымской войны . // Вестник Европы. 1902. Апрель. С. 585.

19 Секретная записка о проекте реформ в организации Константинопольского Патриархата и высшего греческого духовенства вследствие хатт-и-хумаюна. Пера, 8/20 ноября 1858 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 37–43об.; 44–50.

Каковы бы ни была личность Патриарха, рассуждали в посольстве, он является официальным главой Церкви, столпом её авторитета в глазах населения и правительства. Преждевременный патриарший кризис в период нестабильности и до введения нового устава приведет к анархии, лишит Церковь возможности отстаивать свои интересы и самостоятельность и позволит Порте насильственным путем ввести тот образ реформ, который был ей наиболее выгоден, т.е. максимальное ограничение церковной автономии.

16 ноября 1858 г. Бутенев, наконец, получил возможность лично обсудить с Патриархом положение дел[20]. Посланник остался весьма доволен встречей: Патриарх впервые был с ним откровенен и не скрывал разногласий с членами Синода. Мысль о назначении совета при Патриархате представлялась Кириллу VII похвальной; больше всего он опасался противодействия Синода и главы оппозиции, митрополита Никомидийского. 14 ноября обсуждался вопрос о порядке избрания Патриарха. Было решено, что, как и прежде, члены Синода и те епископы, которые временно в тот момент находятся в Константинополе, будут приглашать епархиальных архиереев выдвигать своих кандидатов. Из этого списка совет, состоящий из архиереев, первенствующих мирян и представителей столичных цехов избирают трех наиболее достойных, из которых уже делается окончательный выбор. Однако в составлении списка теперь предполагалось расширенное участие мирян: светские члены совета могли высказывать свое мнение по поводу кандидата, набравшего наибольшее число голосов; это вызвало протест со стороны митрополитов.

Дебаты о порядке избрания Патриарха продолжались в последующих заседаниях; к ним добавились споры о выборах епархиальных архиереев. Со стороны светских представителей за расширение участия мирян выступали Николай Аристархи и Стефан Карфеодори; сильнейшее противодействие им оказывали геронты во главе с митрополитами Кизическим и Никомидийским[21]. Депутаты от славянских областей высказали свое мнение в пользу выдвижения на кафедры местных уроженцев. В результате к концу декабря 1858 г. члены Собрания остановились на следующем: геронты назначают троих кандидатов на вакантную кафедру в епархиях. Миряне также могли предложить одного кандидата; тогда один из первых троих исключался, и выбор производится между оставшимися тремя[22].

Если посольство, хотя поначалу и с осторожностью, было склонно поддержать реформы, то митрополит Филарет Дроздов, фактический глава Русской Церкви, с самого начала занял иную позицию. Получив от Обер-прокурора А.П. Толстого и от настоятеля посольского храма в Константинополе архимандрита Петра Троицкого первые письма, освещающие ход заседаний Церковно-национального собрания, он выражал большую озабоченность вмешательством Порты в порядок выборов депутатов и преобладании в Собрании

---

[20] РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 60–62; русск. пер. л. 63–65

[21] Выписка из донесения из Константинополя 6/18 декабря 1858 г. Там же. Л. 76–77об.; л. 78–80об. (русск. пер.).

[22] Выписка из донесения из Константинополя. Пера, 27 декабря 1858 г. Там же. Л. 92–93.

мирских членов (31 против 7 духовных). Филарет указывал на то, что выбор Патриарха при участии мирян противоречит канонам Церкви (4 правилу Первого и 3 правилу Седьмого Вселенских Соборов)[23].

1859 г. А.Б. Лобанов-Ростовский и Российский Св. Синод

С декабря 1858 г. российским посланником в Константинополе стал Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Молодой и энергичный, он принадлежал к поколению, вдохновленному политическим курсом Императора Александра II. Преобразования внутри Российского государства представлялись ему вполне созвучными реформам в Турции. Реформы в Церкви должны были служить благоприятному обновлению, искоренению злоупотреблений высшего духовенства и, что имело особенное значение, самоуправлению славянских епархий. В отличие от своего осторожного предшественника, Лобанов действовал решительно и сразу постарался установить контакты с членами Собрания. Особенно доверительные отношения ему удалось наладить с секретарем совета, митрополитом Артским Софронием, который стал регулярно доставлять в посольство копии протоколов заседаний. Постоянный контакт поддерживал Лобанов и с наиболее решительно настроенным из мирян Стефаном Карафеодори. По итогам 13 заседаний комиссии о реформах, состоявшихся с октября по декабрь 1858 г., были выработаны следующие положения:

1. Синод состоит из 12 архиепископов, во главе с Патриархом. Если они приняли какое-то решение после обсуждения, Патриарх должен его утвердить;

2. в вопросах чисто духовных не должно быть никакого участия мирян. Вопросы, которые касаются интересов нации, должны решаться Смешанным советом, в случае разногласий между Синодом и Патриархом, первые не могут подавать никаких жалоб Порте до обсуждения со Смешанным советом и донесения до сведения великого логофета;

3. титул геронта упразднен, равно как и эфоров;

4. архиепископы, которые до сих пор находились в столице, должны отправиться в свои епархии, архиереям на будущее время запрещается брать деньги на счет общественной кассы;

5. касательно ликвидации общественного долга все счета должны быть представлены Смешанному совету;

6. все епархиальные архиереи будут разделены на три класса в отношении Патриархата, каждом классе будет 28 архиереев, и три класса вместе образуют общее число митрополитов, всего 84;

7. в каждом из трех классов избирается по 4 епископа, которые должны образовать 12 членов патриаршего Синода, членами Синода могут стать епископы,

---

[23] Мнение о преобразованиях в Константинопольском патриархате. 11 декабря 1858 г. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. С. 7–15.

которые находятся в сане не менее пяти лет и не менее трех лет служат на одной кафедре, срок заседания для архиерея в Синоде составляет два года;

8. все епископы в Синоде равны;

9. епархиальные архиереи контактируют непосредственно с Патриархом и представляют интересы своей паствы;

10. должны быть приняты меры против вмешательства османских властей[24].

По инициативе митрополита Софрония, которого поддержали митрополиты Амасийский и Халкидонский, а также светские представители Стефан и Константин Карафеодори, акты заседаний Собрания были теперь уже официально представлены в посольство, с целью запросить мнение Российского Св. Синода[25]. Хотя многие из актов показались Лобанову излишними и даже наивными, в целом деятельность Собрания вызвала у него горячее одобрение. Предвидя критику со стороны Российского Св. Синода, он подчеркивал, что решения Собрания ни в коей мере не являются новаторскими, они строго следуют канонам и традициям Церкви. «Не вдаваясь в подробный анализ этих решений, я хочу отметить некоторые из них: 1) обязательство для архиепископов знание местного языка провинции (деяние II, статья 5); 2) право жителей, в случае кончины архиепископа, предложить своего кандидата (там же, ст. 9); 3) право жителей подавать жалобу в Синод против своего архиепископа (там же, ст. 12) и 4) обязательство для Синода немедленно рассмотреть жалобы болгар в отношении языка богослужения (деяние IV ст. 34). Из разговоров со светскими членами Собрания ясно их искреннее желание искоренить прискорбное непонимание между славянским и греческим населениями Турции» — писал Лобанов.[26].

Вскоре Лобанов представил в МИД ещё несколько документов[27]. Первый из них был составлен после обсуждения мнения Филарета со Стефаном Карафеодори[28]. Воздерживаясь от пространного доклада о злоупотреблениях в Церкви, посланник от себя представил список Патриархов с 1821 г. до вступления на престол Кирилла VII: «Это весьма интересный документ, — писал он. — Из него видно, что в течение 34 лет было 16 Патриархов, так что средним числом правление каждого Патриарха продолжалось немного более двух лет. Из этих 16 Патриархов только четыре скончались на Вселенском престоле: Евгений, Анфим V, Мелетий III и Герман IV (по вторичном вступлении на Патриарший престол), и никто из этих четырех Патриархов не правил и двух

---

24 Донесение из Константинополя. Пера, 11/22 января 1859 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Лл. 95–97.

25 А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову. Пера, 7/18 февраля 1859 г. Там же. Л. 100–105об. Французский перевод актов с греческого: там же. Л. 106–133; л. 134–161об. (русск. пер.).

26 А.Б. Лобанов-Ростовский-А.М. Горчакову. Пера, 7/18 февраля 1859 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 103

27 А.Б. Лобанов-Ростовский-А.М. Горчакову, 21 февраля/5 марта 1859 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 162–163об. (фр. яз.); л. 164–165об. (русск. пер.)

28 «Разъяснения по некоторым особенностям организации работы Национального Совета, учрежденного при Константинопольском патриархате». 21 февраля/ 5 марта 1859 г. (фр., пер. с греч.) Л. 166–175; л. 184–194об. (русск. пер.).

лет. Эти цифры очень красноречивы и не нуждаются в комментариях»[29]. Наконец, третьим приложением следовала речь Стефана Карафеодори, произнесенная им в Совете о необходимости уничтожения геронтий и эфорий, т.е. о ликвидации монополии геронтов в Синоде[30].

10 марта 1859 г. Обер-прокурор А.П. Толстой доставил митрополиту Филарету (Дроздову) русские переводы депеш посланника и актов Собрания, сопроводив их запиской архидиакона Александра Ласкариса, в то время обучавшегося в Санкт-Петербургской Духовной академии. Как мы видели, разногласие между его взглядом на церковные преобразования и позицией, занятой российским посольством, наметилось уже осенью 1858 г. Со вступлением в должность Лобанова это противоречие усилилось. Митрополит Филарет не замедлил написать детальный анализ полученных актов Церковно-народного собрания[31]. Отмечая все недочеты и несоответствия положений букве церковных канонов, он, в частности, с похвалой отзывался о статье 7 первой главы, в которой окончательное избрание Патриарха предоставлялось только членам синода и митрополитам, без участия мирян. Участие светских лиц в избрании архиереев вызывало у Филарета неприятие как таковое; неоднократно он высказывал сомнения касательно тех пунктов, в которых духовенство подвергалось контролю. Наибольшее негодование вызвала у него статья 5 четвертой главы, в которой Патриарху предписывалось уважать всех членов синода, «ни с кем не имея частных сношений». «Какое сильное выражение недоверия к лицу, которого сану принадлежит высшая степень доверия от всех православных христиан в делах веры и совести» — восклицал Филарет. — Какое несчастное положение Святейшего Патриарха, если он не имеет право частно и тайно посоветоваться с одним человеком, или двумя, и имея нужду в совете, должен советоваться с двенадцатью вдруг»[32].

Подробности расстановки сил в борьбе светской партии против геронтов раскрываются в записке Софрония Артского от 3/15 марта 1859 г. [33]. Геронты, которых Софроний характеризует как самых невежественных и косных представителей духовенства, в свою очередь, пользовались покровительством некоторой части неофанариотской аристократии. Кроме уже известных русскому правительству Стефана Вогориди и великого логофета Николая Аристархи, он упоминает Миссеяни, торговца тканями родом с Хиоса и поставщика султанского дворца. Геронты, продолжает автор записки, образуют государство в государстве, блюдут только свои интересы. Остальные архиепископы возглавляются тремя-четырьмя

---

29 Список константинопольских патриархов РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 176–176об. (фр. яз.); л. 195 (русск. пер.)

30 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 177–183об. (фр., пер. с греч.); л. 196–203об. (русск. пер.)

31 Мнение митрополита Филарета об актах церковно-народного собрания в Константинополе. 31 марта 1859 г. Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского. С. 15–26.

32 Там же. С. 22.

33 Весьма конфиденциальная записка Софрония архиепископа Артского 3/15 марта 1859 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 205–211 (франц. пер. с греч.).

более влиятельными. Они разделены на 4–5 эфорий, которые находятся под влиянием митрополитов Ираклийского, Кизического, Халкидонского и Никомидийского. Остальные епископы берут под 18–20% в месяц у геронтов сумму, необходимую им для поставления на кафедру. Получив место, они озабочены тем, как вернуть долг, делать подарки защитнику-эфору. В настоящее время можно насчитать с трудом 15 архиепископов, которые свободны от этого долга. Эфор-геронт, в свою очередь, защищает епископа от жалоб против него со стороны паствы. В случае избрания патриарха трое глав партии, которые всегда имеют между собой разногласия из-за преследуемых ими интересов, образуют вместе со своими клиентами-геронтами три группы, которые по необходимости разделяются на два лагеря. Например, партия логофета Аристархи по необходимости сближается с партией Мессеянни. После достижения договоренности о личности будущего Патриарха противная партия часто тайно предпринимает усилия, чтобы оклеветать его перед Портой. Если Патриарх вовремя об этом узнает и имеет силы противостоять, он опирается на третью партию и отправляет в ссылку в епархии геронтов-своих противников. Когда Порта требует их возвратить в Константинополь, достигается договоренность между ними и новым Патриархом. Каждый вновь избранный Патриарх поначалу находится в полной зависимости от геронтов, но затем стремится избавиться от их опеки. Тогда они начинают действовать против него, клевещут на него перед Портой, наступает патриарший кризис и при поддержке правительства Патриарх бывает низложен[34].

Порочность этого замкнутого круга была очевидна. Архиереи лишались самостоятельности, были вынуждены вместо заботы о епархии заниматься выкачиванием денег с населения для уплаты своих долгов, и, более того, не могли противостоять опасности со стороны католических и протестантских миссионеров. Внимательно изучив речь С. Карафеодори против геронтий и эфорий и особенно записку Софрония Артского, митрополит Филарет не мог не согласиться с необходимостью упразднения этих учреждений, которых не было в Церкви прежних столетий и которые не упоминаются в церковных канонах. Филарет высказал одобрение намерению «нации», то есть православной общины Турции, воспользоваться случаем и улучшить положение Церкви; опасения вызывали у него только способы исполнения этого намерения[35].

В марте 1859 г. Собрание приняло проект создания Смешанного Совета при Патриархе. Этот совещательный орган при Патриархе, состоящий из архиереев и мирян, ставил церковное управление в совершенно новое положение. Теперь представители светской аристократии официально получали власть в делах Церкви, и тем самым власть над православным населением Османской империи[36].

---

34 Там же.

35 Примечания митрополита Филарета к сведениям преосвященного Софрония, архиепископа Артского. 9 апреля 1859 г. Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского. С. 27–29.

36 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Лобанов-Горчакову. Пера, 21 марта/2 апреля 1859 г. Л. 222–225 (фр. яз.)

Кризис в работе Национального собрания весной 1859 г. Высылка геронтов из Константинополя

Одновременно члены Собрания настоятельно потребовали у геронтов подробные финансовые отчеты, которые те отказывались предоставлять. Деятельность Собрания прекратилась на пять месяцев. Наконец, 4 (16 по новому стилю) июня 1859 г. состоялось чрезвычайное заседание, после которого светские члены (9 человек: Фотиади, Карафеодори, Якц-оглу, Зографо, Цал-оглу, Николи и др.) обратились к министру иностранных дел Фуад Паше с просьбой об отстранении Патриарха от председательства и назначении ему местоблюстителя.

Лобанов тотчас принял меры, чтобы не допустить низложения Патриарха. Он представил великому визирю следующие аргументы: 1) новые правила еще не утверждены Портой; 2) низвержение Патриарха унизит труды Собрания в глазах народа. Тогда великий визирь Аали Паша предложил другую меру, а именно высылку из столицы наиболее упорных геронтов[37]. Геронты (митрополиты: Паисий Эфесский, Панарет Ираклийский, Иоаким Кизический, Дионисий Никомидийский, Герасим Халкидонский) с своей стороны подали протест, заявив, что Синод таким образом прекратит свое существование. В ходе этих бурных дебатов в среде светских членов собрания наметились разногласия: Константин Адосиди, человек близкий к великому визирю, выступал не просто за временное отстранение Патриарха от председательства, а за полное его низложение, и продвигал своего ставленника, Салоникского митрополита Неофита. Последняя кандидатура, помимо общих соображений, высказанных Лобановым, вызывала особую неприязнь у российских дипломатов: Неофит был известен своим недоброжелательством к славянам не только в Македонии, но и ранее, когда занимал Тырновскую кафедру[38].

Российское посольство поддержало предложение Аали Паши: Патриарха необходимо любой ценой удержать на престоле, а геронтов удалить в свои епархии под предлогом, что они не бывали там уже в течение 10 лет. С этого момента Лобанов стал привлекаться османскими министрами как полуофициальный советник по делам Патриархии при каждом новом витке событий. Он не замедлил доложить об этом в МИД: «почитаю долгом своим присовокупить, что Фуад-паша первый заговорил о сем [о неприятии отставки патриарха — Л.Г.] со мною, и что добровольное его обращение ко мне с подобными объяснениями на будущее время узаконит в некоторой мере наше полуофициальное вмешательство в дела Патриархии»[39]. 18 июля Патриарху был подан протест от лица пятерых геронтов; копия этого документа была предоставлена в российское посольство для дальнейшей передачи в Св. Синод. Лобанов

---

37 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову. Буюкдере, 13/25 июня 1859 г. № 77. Л. 295–298об. (фр. яз.); л. 299–304об. (русск. пер.)

38 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 318–321об. А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову. 20 июня/2 июля 1859 г. № 81.

39 А.Б. Лобанов-Ростовский-А.М. Горчакову, 27 июня/9 июля 1859 г. № 85. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 322–323об.; л. 324–325об. (русск. пер.)

в своей депеше счел необходимым по пунктам опровергнуть протест. Приглашение в Синод титулярных епископов как постоянных членов, писал он, не связано с традицией Церкви, но вызвано административной мерой Османского правительства, которая впервые упоминается в берате Патриарха Самуила 1764 г, и может быть отозвана, как только отпадет в том необходимость. Удаление геронтов, продолжал он, не влечет за собой роспуск Синода, т.к. есть древний обычай, что каждый епископ, который находится в тот момент в Константинополе, становится членом Синода. Сейчас в Константинополе находятся члены Национального Собрания и некоторые другие епископы, которые вполне могут, в отсутствие геронтов образовать Синод Патриархата. Жалоба геронтов на то, что Собрание не ставило их в известность о ходе своей работы также, по мнению посланника, не могла быть принята во внимание, так как их кандидатуры в качестве членов этого собрания были с самого начала отклонены Портой[40].

Собрание составило аргументированный ответ на протест геронтов[41]. В нем депутаты со ссылками на каноны утверждали, что высылка некоторых членов Синода из столицы не является нарушением обычаев Церкви и была обычной практикой, как в византийское время, так и в недавнем прошлом.

Полемика в Российском Св. Синоде: митрополит Филарет и А.П. Толстой

Мнения в Российской Церкви о происходящих в Константинополе событиях разделились. Строгий консерватор Обер-прокурор А.П. Толстой выступил убежденным противником не только низложения патриарха, но и удаления геронтов. Любое изменение в существующем церковном порядке воспринималось им как нарушение канонов и попрание прав и привилегий Церкви. С нескрываемым раздражением он писал митрополиту Филарету о том, что даже французская газета l'Univers, которая оценивала изгнание геронтов как грубое нарушение прав Церкви, ближе к истине, чем те, кто «удивляются мудрым суждениям Фуада или Али паши о делах церковных»[42]. Нетрудно догадаться, что ирония Толстого направлена против посланника Лобанова. Такую же крайнюю точку зрения высказывал в своих письмах в Российский Синод и настоятель посольского храма архимандрит Петр Троицкий, который утверждал, что с удалением геронтов патриарший Синод прекратит свое существование. «Пусть даже

---

40 А.Б. Лобанов-Ростовский-А.М. Горчакову. Буюкдере, 25 июля/6 августа 1859 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 338–340об.

41 Опровержения протеста, адресованного геронтам его святейшеству патриарху 18 июля 1859 г. (Приложение 2 к депеше А.Б. Лобанова-Ростовского — А.М. Горчакову. Буюкдере, 5/17 сентября 1859 г.). РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 359–395. (фр. пер. с греч.).

42 Выписка из журнала "l'Univers" пятница, 5 августа 1859 г. № 213. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 333–333об. (фр. яз.); л. 335–335об. (русск. пер.). Сопроводительное письмо А.П. Толстого митр. Филарету: там же. Л. 334.

справедливы обвинения на геронтов, — писал А.П. Толстой митрополиту Филарету, — (...) официально судили и присудили геронтов к удалению князь Лобанов и миряне народного собрания. Нечто подобное Вы изволили назвать судом овец над пастырями. К сему суду присоединились Аали-паша и Фуад, которых нельзя назвать и овцами»[43]. Совет Лобанова Патриарху во всем согласовать свои мнения с собранием мирян также показался Толстому неприемлемым и унизительным для достоинства Церкви. Опасаясь, что его точка зрения может не понравиться Филарету, Толстой дает ей обоснование, которое является квинтэссенцией его взглядов на Православную Церковь в целом: «Это происходит от убеждения моего, что все части Вселенской Церкви составляют одно целое и живут одной общей жизнью, так что в делах, подобных настоящему, друг за друга отвечают и страдают все, если нанесен вред какой-либо из них. Опасности Греческой Церкви тревожно отзовутся в православной России; ее бедствия суть и наши бедствия, и когда так громко позорят ее святителей, то тем самым уничижают и попирают и нашу Церковь пред всем Западом»[44].

Филарет, однако, занял иную позицию. Низложение Патриарха он, как и посланник Лобанов, считал абсолютно неприемлемым ни с церковно-канонической (его обвиняют не в ереси или пороках, а только в бездействии), ни с политической и нравственной точки зрения. «Низложение Патриарха в настоящее время, — писал он, — было бы особенно вредно: прежние правила избрания Патриарха Советом отвергнуты <...>, но как новые правила еще не утверждены, то следует, что правильное избрание Патриарха в настоящее время невозможно»[45]. Удаление геронтов Филарет, напротив, считал вполне возможным. Более того, их отсутствие из Константинополя вовсе не означает роспуск Синода или его уничтожение: Синод состоит из двенадцати членов, в то время как удаляются шесть. Протест геронтов Филарет разбирает с нескрываемой антипатией, а эмоциональная статья в их защиту афинской газеты «Солнце» (Ἥλιος) вызвала у него иронию, граничащую с сарказмом[46]. На письмо А.П. Толстого митрополит Филарет отвечал в том же духе. Жалоба на безнравственность греческого духовенства и на корыстолюбие геронтов, писал он, к сожалению, есть не только предлог, но и справедливая причина требования перемен в церковном управлении. Представляет особый интерес ответное рассуждение Филарета о Вселенской Православной Церкви. «Справедливо, что Вселенская Церковь во всех частях своих живет одной жизнью, но не так, как смертное тело человеческое. Если отнять у тела человеческого член, оно перестает быть цельным; человек становится однооким, безруким, безногим и пр. От Вселенской Церкви, если отпадет город или область, Вселенская

---

43 А.П. Толстой-митрополиту Филарету Дроздову. 2 сентября 1859 г. Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского. С. 47–48.

44 Там же. С. 48.

45 Мнение митрополита Филарета «о предприятии низложить вселенского патриарха и об удалении геронтов». 15–16 августа 1859 г. Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского. С.33–34.

46 Мнение митрополита Филарета о протесте геронтов. 21–24 августа 1859 г. Там же. С. 38–46.

Церковь всегда останется целым, нетленным телом» — писал он[47].

Митрополит Филарет высказывал сомнение, что из Константинополя официально обратятся за советом в Санкт-Петербург. Официального запроса от Патриарха получено не было, но зато еще 11 июня 1859 г. геронты обратились в Российский Синод с жалобой, напечатанной в патриаршей типографии и подписанной шестерыми изгнанными митрополитами[48]. Не вполне ясно, когда именно и каким путем геронты передали свою жалобу в Санкт-Петербург. Первое упоминание о ней содержится в депеше Лобанова от начала октября, но в ней он уже комментирует, что Российский Синод лишь дожидается прибытия в Санкт-Петербург отсутствующих своих членов, чтобы написать официальный ответ. 24 октября 1859 г. посланник адресует директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому свои доводы в пользу того, что данный протест необходимо оставить без ответа. Константинопольская Церковь, писал он, ревниво оберегает свое первенство и не терпит никакого вмешательства других единоверных церквей в её внутренние дела. «Иерархи ее готовы, по тягостным политическим необходимостям, уступить праву сильного, олицетворяемому в турецком правительстве, — они готовы, с другой стороны, признать над собою в известной мере, влияние императорского правительства, потому что ожидают от него заступления и помощи; но они ни в каком случае не согласятся подчиняться влиянию какой бы то ни было единоверной Церкви, а тем менее Российской, от которой они более, чем от всякой другой опасаются ограничения своей свободы, как от самой могущественной, стройной и величавой в ряду всех Православных Церквей. Ответ Святейшего Синода на протест геронтов был бы неминуемо перетолкован здесь в смысле преобладательных видов на Восточную Церковь, и вместо желаемого единства, произвел бы только взаимное охлаждение и недоверчивость между обеими Церквами[49]». Второй довод Лобанова заключался в следующем. Синод при Патриархе не являлся самостоятельным административным лицом. Российский Св. Синод по своему статусу может дать официальный ответ только Патриарху. Здесь же Лобанов косвенно отвечал на замечания Филарета на акты Собрания. Он соглашался только с тем возражением Московского митрополита, которое касалось запрета Патриарху тайно совещаться с членами Синода. Остальные мнения Лобанов оспаривает, особо отмечая пользу соглашения Патриарха с депутатами-мирянами[50].

3 ноября 1859 г. перевод письма геронтов был передан на заключение Филарету. Московский митрополит в данном случае проявил полное единодушие с посланником: Всероссийскому Синоду неудобно обратиться к Вселенскому Патриарху и его Синоду со своими замечаниями и советами, так как жалоба происходила не от них, а от шестерых митрополитов. Кроме того, Филарет указывал на то, что подобное вмешательство из России привело бы к жалобам турецкого

---

47 Митрополит Филарет Дроздов-А.П. Толстому. 4 сентября 1859 г. Там же. С. 51, 53.

48 Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского. С. 54–56.

49 А.Б. Лобанов-Ростовский-Е.П. Ковалевскому. Пера, 24 октября 1859 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426А. Л. 441об. — 442.

50 Там же. Л. 443–445об.

правительства западным державам. Подавать полезные советы необходимо неофициальным путем, заключает митрополит Филарет[51]. Не убедили Филарета и доводы А.П. Толстого, который считал, что нынешняя ситуация в Константинополе может быть приравнена к опасности для чистоты догматов и коренных церковных постановлений[52]. Ответ Российского Синода Патриарху все же был составлен, скорее всего, по предложению Обер-прокурора[53]. Филарет подверг многие его положения основательной критике и повторил свое мнение о крайней нежелательности отправлять его в Константинополь[54]. По-видимому, не желая вступать в открытый конфликт с Толстым, он написал свой собственный проект ответа Патриарху, гораздо более краткий, содержащий недоумение по поводу протеста геронтов и призыв к миру и единению[55].

Великий Князь Константин Николаевич в Константинополе

В самый разгар борьбы против геронтов в Константинополь прибыл Великий Князь Константин Николаевич. Его поездка была заключительным этапом большого путешествия по Ближнему Востоку[56]; с 25 мая по 14 июня 1859 г. Великий Князь побывал в османской столице. Этот визит был первым посещением российского высокопоставленного лица на Ближнем Востоке после Крымской войны. За всеми шагами Константина Николаевича внимательно следили европейские дипломаты. Английский посланник Х. Бульвер докладывал, что Великий Князь мало заинтересован во встречах с турецкими министрами, зато проводит много времени в визитах к греческим архиереям и посещении храмов. 30 мая 1859 г. Константин Николаевич в сопровождении своей супруги, посланника Лобанова и первого драгомана посольства Е.Я. Аргиропуло был принят Патриархом. В целом поездка имела целью выяснить отношение к России в Османской Порты и оценить вероятность восстания христиан против султана. Перед тем как приехать в Константинополь, Великий Князь побывал в Смирне и на Самосе, где он встречался

---

51 Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию адресованной в Синод жалобы геронтов на удаление их из Константинополя. 6–8 ноября 1859 г. Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского. С. 56–65.

52 А.П. Толстой-митрополиту Филарету Дроздову. 10 декабря 1859 г. Там же. С. 66–70.

53 Там же. С. 73–75.

54 Замечание митрополита Филарета на проект послания к Вселенскому патриарху. 27 января 1860 г. Там же. С. 76–81.

55 30 января 1860 г. Там же. 81–83.

56 О пребывании Константина Николаевича в Св. Земле см.: Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле. 1859 г. /Изд. подг. К.А. Вах. М., 2009; *Вах К. А.* Первое русское августейшее паломничество великого князя Константина Николаевича с супругой в 1859 году // https://www.ippo.ru/ipporu/article/pervoe-russkoe-avgusteyshee-palomnichestvo-velikog-201679 (дата обращения: 28.03.2026). О пребывании в Афинах: *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. 1856–1860 /Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2017. С. 370–380.

с Мильтиадом Аристархи, братом великого логофета Патриархата, занимавшим в тот момент пост каймакама острова[57]. На вопрос, склонны ли христиане к восстанию, Аристархи отвечал, что они довольны предоставленными им Портой привилегиями и не намерены бунтовать.

Похоже, что Константин Николаевич остался не вполне доволен таким ответом и высказал мысль о том, что следует добиться удаления османских войск с острова. Встреча с М. Аристархи имела ещё то значение, что Великий Князь установил контакт с представителем неофанариотской знати для наведения мостов с другими главами христианской общины уже в Константинополе. М. Аристархи, впрочем, был известен своим неприятием русского влияния на дела Константинлпольской Церкви и близостью с британским посольством. Уже к концу 1859 г. с помощью английского посланника Бульвера он получил место губернатора Самоса.

В целом, усилия Константина Николаевича наладить более тесные контакты с греческим высшим духовенством и неофанариотской верхушкой не привели к желаемому им результату. Следует предполагать, что данная неудача сыграла свою роль в укреплении ориентации русского правительства на поддержку славян[58].

События 1860 г. Дебаты вокруг принятия нового церковного устава и избрание Патриарха Иоакима II

В 1860 г. в среде светских членов Церковно-народного собрания наметились разногласия. Инициатором их выступил великий логофет патриархии Николай Аристархи. На протяжении десятилетий он привык пользоваться почти неограниченным влиянием в церковных делах. Понимая, что с введением нового устава и образованием Смешанного совета его влияние может сократиться, он сообщил Порте о том, что деятельность Собрания якобы не отвечает тем ожиданиям, которые возложило на него османское правительство. Аристархи обратил особое внимание министра иностранных дел Фуад паши на новое правило избрания Патриарха. Цель была достигнута: логофет инициировал проверку актов Собрания Фуад Пашой и при этом вызвался выступать посредником между правительством и духовенством. Следует отметить, что Аристархи имел большой опыт интриг при смене Патриархов и каждый раз получал за это значительные суммы. Теперь же он потребовал себе сверх того жалования в размере 50 тысяч пиастров в год. Это, однако, встретило оппозицию со стороны других членов Собрания, прежде всего Стефана Карафеодори; после его выступления решение о требованиях Аристархи было отложено[59].

Патриарший кризис представлялся неминуемым, и обсуждался вопрос о преемнике Кириллу VII. Среди возможных кандидатур фигурировали бывшие Константинопольские Патриархи Григорий и Анфим и Александрийский

---

57 *Σταματόπουλος Δ.* Μεταρρύθμηση και εκκοσμίκευση. Σ. 116–119.

58 Ibid. P. 119.

59 А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову. Пера, 26 января/7 февраля 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 7–19об.

Патриарх Каллиник. Патриарх Григорий, как сообщал Лобанов, более, чем другие допускал вмешательство Порты в дела Церкви и уступал влиянию Аристархи. Александрийский Патриарх Каллиник хотя и домогался очень усиленно константинопольского престола и ввиду таких перспектив оказывал поддержку работе Собрания, но не имел достаточной поддержки. Из троих Патриархов Лобанов более был склонен поддерживать бывшего Константинопольского Анфима. «Что касается бывшего Патриарха Анфима, писал посланник, он оставил хорошие воспоминания своим управлением, т.к. подавлял злоупотребления. Суровый к своим подчиненным, он не упускал случая обогатиться сам всеми возможными способами. Обладатель огромного состояния, чтобы обезопасить его от разграбления, он решил, что удобнее интегрировать его в патриарший престол. Именно он предложил первые реформы Собранию. Есть надежда, что в греко-славянском вопросе он сможет отбросить старые национальные предрассудки <...> По всем этим соображениям, я считаю, что имеет смысл предать забвению поведение Патриарха Анфима во время последней войны и не противиться его избранию»[60].

Разногласия начались и среди членов патриаршего Синода: митрополиты Артский и Амасийский продолжали оставаться верны идее реформ, в то время как другие архиереи (Адрианополя, Димитриады и Силимврии) составили оппозицию. Посредником между геронтами и Собранием выступил Михаил Хурмузи, греческий подданный, который ратовал за возвращение старой системы[61]. Ситуация ещё более осложнялась тем, что акты заседания 5/17 февраля отказались подписать не только митрополиты оппозиции, но и болгарские депутаты, которые требовали радикальных реформ. Лобанов старался по мере возможности воздействовать на обе крайние партии. Окончательный вариант актов был представлен на одобрение Порты депутацией во главе с Патриархом ещё накануне заседания Собрания 5/17 февраля. Ожидалось, что правительство не будет противиться их принятию[62]. Семь епископов подали письменный протест против актов, но это уже не могло изменить дела[63]. Правительство отказалось рассматривать протест, сославшись на свою некомпетентность в каноническом праве. Напротив, посланники держав-поручителей Парижского трактата 1856 г. выразили готовность поддержать утверждение нового устава. В отдельной записке Лобанов представляет те изменения, которые были внесены в текст актов после удаления геронтов[64]. По требованию Порты срок для избрания нового Патриарха

---

60 Там же. Л. 16об. Во время Крымской войны под давлением британского посланника Стратфорда Каннинга Патриарх Анфим публично выступил против России. Объявить Русскую Церковь еретической он, однако, отказался, что послужило причиной его низложения.

61 А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову. Пера 9/21 февраля 1860 г. № 65. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 20–30.

62 Французский перевод актов Церковно-национального собрания. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 35–93.

63 Французский перевод протеста: там же. Л. 33. Русский перевод: там же. Л. 34–34об.

64 Записка «О пересмотре постановлений Церковно-народного собрания». Там же. Л. 99–106

был сокращен от двух месяцев до 40 дней. Было вычеркнуто право духовенства и мирян вакантной епархии представлять от себя кандидата на архиерейство. Вместе с тем две статьи, касающиеся авторитета и достоинства Патриарха, были изменены согласно с замечаниями митрополита Филарета (Дроздова). Правительство потребовало также внести пункт об обязательстве для архиереев посылать представителя в местный гражданский суд. Согласно новой редакции правил, постоянные мирские члены Смешанного совета при Патриархе должны были служить безвозмездно; каждому члену Совета дозволялось сообщать Патриарху о злоупотреблениях духовных лиц.

Энергия, проявленная посланником Лобановым в пользу скорейшего утверждения актов Собрания, встретила резкое осуждение митрополита Филарета. Если в течение 1859 г. Московский святитель выступал заодно с посланником, то теперь между ними обозначилось открытое противостояние. Хотя Филарет остался доволен первоначальными изменениями в проекте устава, касающимися порядка избрания Патриарха, окончательный текст актов показался ему во многих отношениях противоречащим канонам Церкви[65]. Протест архиереев против утверждения нового устава, считал он, мог быть использован для дальнейшей борьбы за права Церкви. «Разногласие в Собрании и открывшееся большинство голосов духовенства, требующих пересмотра правил, представляло при худых обстоятельствах хороший случай обратить дело на сей путь в надежде чего-либо лучшего, но, к прискорбию и удивлению, посольство действовало противоположным сему образом. Ради блага Церкви Христовой надлежало дать иное направление действованию посольства, и это нужно было сделать в скорейшем времени, по получении сведений»[66]. Мнение Филарета, поддержанное другими митрополитами Российского Св. Синода, в первую очередь митрополитом Санкт-Петербургским Григорием (Постниковым), было изложено Обер-прокурором в письме к канцлеру А.М. Горчакову[67]. Теперь уже разногласия между главой церковных консерваторов А.П. Толстым и митрополитом Филаретом не было: духовное ведомство выступало единым фронтом против либерального Министерства иностранных дел России. «Посольство наше <...> прилагает особое старание к тому, чтобы Порта скорее утвердила все постановления Собранием церковные правила; между тем, многие из этих правил совершенно не согласны с соборными правилами и потому не одобряются преосвященными и беспристрастными иерархами нашими и людьми, сведущими в каноническом праве» — писал Толстой[68].

---

65 Записка митрополита Филарета «Об актах Константинопольского Церковно-народного собрания, при виде окончания оных». 24 апреля 1860 г.

66 Митрополит Филарет — А.П. Толстому. 25 апреля 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 107–107об.

67 А.П. Толстой — А.М. Горчакову. 29 апреля 1860 г. Конфиденциально. Копия. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 116–117. К этому письму прилагались два приложения, в которых излагались возражения Филарета против положений устава и их несоответствие канонам. Там же. Л. 118–123; 124–126.

68 Эта острая фаза в дебатах между российскими ведомствами совершенно опущена в монографии И.И. Соколова и значительно смягчена у Г.Н. Трубецкого, который склонен

Получив мнения митрополита Филарета и письма Толстого, посланник почувствовал себя оскорбленным. В отличие от 1859 г., духовное ведомство единодушно осуждало новый устав и настаивало на его пересмотре, а действия Лобанова в смысле скорейшего его утверждения подвергались уничижительной критике. Посланник выразил свое негодование в нескольких письмах от мая-июня 1860 г. В первом из них, от 10 мая, адресованном директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому, он подчеркивал ту пользу для Церкви, которую имела работа Собрания. Устранение геронтов, протест которых, как подчеркивал Лобанов, не получил ответа от Российского Св. Синода, служило к искоренению злоупотреблений в Церкви. Нынешний переходный период в жизни Церкви, продолжал он, требует скорейшего введения законного порядка; особенно настоятельная необходимость в этом возникает в виду усиливающегося болгарского движения и прозелитизма инославных миссий. Постоянные интриги со стороны геронтов и шаткость положения Патриарха могут привести к тому, что Порта откажется от утверждения нового устава, и это вновь повергнет церковные дела в хаос. Кроме того, в случае отставки Патриарха до утверждения нового порядка избрания его преемника, выборы будут производиться старым способом, т.е. по тайному указанию правительства. Поэтому крайне желательно не откладывать утверждение нового устава, который поставит порядок выборов на законную основу. Удовлетворить требованию Обер-прокурора возможно, продолжал Лобанов, только полным самоустранением императорской миссии из церковных дел и предоставлением их на усмотрение Порты. В заключение посланник предлагал заведомо трудновыполнимое условие, в рамках которого Российская Церковь могла бы потребовать нового пересмотра текста устава, а именно созыв Вселенского Собора[69].

Это письмо встретило полное сочувствие со стороны Императора Александра II, который оставил на его полях комментарии красными чернилами. «Я с своей стороны совершенно разделяю взгляд К. Лобанова, но по важности дела необходимо поэтому объясниться с исправ. дел. Обер-прокурора К. Урусовым. Собрание общего Православного Собора, может быть, было бы весьма полезно, но теперь едва ли это удобно», написал Император на первом листе документа.

Лобанов хорошо знал о поддержке Императора Александра II и МИД России, и это придавало ему уверенность. Однако внешнее соблюдение приличий требовало от него постоянно повторять о соблюдении посольством нейтральности в церковных вопросах и некомпетентности во внутрицерковных делах. С несколько притворным смирением он просит новых инструкций. «Я считаю долгом оказывать политическое покровительство Церкви всякий раз, когда она в лице своих предстоятелей ко мне обращается. Что касается советов

преувеличивать роль ошибок в переводе депеш Лобанова с французского. Действительно, ошибки в русских переводах, которые получал митрополит Филарет, стали предметом обсуждения, но они не могли изменить коренного различия во взглядах обоих российских ведомств.

69 А.Б. Лобанов-Ростовский — Е.П. Ковалевскому. Буюкдере, 10 мая 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 183–190. Автограф.

по каноническим вопросам, они от меня никогда не требовались, — писал он А.М. Горчакову. От сохранения старого положения вещей «выиграют геронты и турки, которые получают свою долю пирога при каждой смене Патриарха, — продолжал он. — Как русский и православный, я уже четыре года не могу не соблазняться этим. Не желая подвергнуться осуждению нашей Церкви, я испрашиваю инструкций, как мне действовать»[70]. Это письмо, как и предыдущее, удостоилось полного одобрения Императора Александра II, который в комментарии на полях отметил, что посланник ни на минуту не отклонился от данных ему прежде инструкций.

Получив копию с комментариев митрополита Филарета на акты константинопольского Собрания, Лобанов счел необходимым по пунктам отвечать на все выдвинутые против него обвинения и повторить, что он никогда не считал себя вправе давать Константинопольской Церкви советы касательно канонической стороны вопроса, но только оказывал ей защиту; на это же были направлены его усилия по поддержке работы Церковно-народного собрания[71]. Мнение Императора Александра II в этой полемике оказалась решающей. 31 мая митрополит Филарет написал новую записку «О пересмотре актов Константинопольского Церковно-Народного Собрания»[72]. Оставаясь при прежнем мнении о необходимости пересмотра актов Собрания, Филарет, теперь выражает сомнение о возможности этого «при настоящих обстоятельствах». Когда записка была представлена Императору Александру, тот с облегчением прокомментировал: «Следовательно, и он теперь согласен, что новый пересмотр теперь невозможен». В МИД России в итоге поступил не полный текст записки, а её сокращенный вариант, с двумя купюрами. 8 июня 1860 г. Российский Св. Синод собрался на экстренное заседание, на котором были зачитаны письма посланника и другие документы и принято следующее решение: «По соображению обстоятельств, изложенных в отзывах посланника нашего при Оттоманской Порте князя Лобанова-Ростовского, находя пересмотр означенных выше актов Константинопольского Церковно-народного собрания в настоящее время неудобным, столько же и неполезным, члены Святейшего Синода выражают желание, чтобы акты сии были утверждены»[73].

Итак, Лобанов получил карт бланш для дальнейшей деятельности. Патриарший кризис не замедлил последовать: в конце мая Патриарх Кирилл VII подал в отставку, которая была принята Портой[74]. Теперь встал вопрос

---

70 А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову. Буюкдере, 10/22 мая 1860. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 191–193.

71 Копия с письма князя Лобанова Буюкдере, мая 24/июня 5 дня 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 196–202. Филарет педантично продолжил полемику в двух записках: «О письме князя А.Б. Лобанова-Ростовского, от 24 мая 1860 г.» и «О выписке из письма князя А.Б. Лобанова-Ростовского, от 24 мая 1860 г., полученной в Москве 16 июня». Собрание мнений и отзывов. С. 114–117; 117–119.

72 Собрание мнений и отзывов. С. 102–107.

73 Копия с определения Св. Синода, состоявшегося 8 июня 1860 года. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 214–215.

74 Копия с депеши А.Б. Лобанова-Ростовского. Буюкдере 24 мая/ 3 июня 1860 г. № 66. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 216–217об.

о том, каким образом будет избираться его преемник. Порта не торопилась с окончательным утверждением новых правил, и требовала, чтобы в них был внесен пункт о праве правительства вычеркивать кандидатов из окончательного списка из трех митрополитов. Собрание заявило протест, который был энергично поддержан российским посланником[75]. Наконец, после долгих проволочек, 4/16 октября состоялось избрание нового Патриарха из трех кандидатов: митрополита Эфесского Анфима, Патриарха Каллиника Александрийского и митрополита Кизического Иоакима. Последний получил большинство голосов и стал Патриархом Иоакимом II[76]. Избрание этого иерарха, из геронтов, не соответствовало видам российского МИД. Однако именно при нём начал функционировать новый порядок церковного управления, в котором наряду с Синодом, при Патриархе был второй совещательный орган, Смешанный совет.

Выводы

Реформы в Константинопольском Патриархате 1858–1860 гг. привели к изменению порядка управления Церковью. На место власти Патриарха и несменяемых геронтов пришло иное церковное устройство, предусматривающее подвижный состав Синода и официальное участие мирян в делах Патриархата. Потрясения, которые пережила Церковь в период обсуждения и принятия нового устава, открыли новую страницу в отношениях российского МИД и Св. Синода с Христианским Востоком: между ними начался диалог. Посланнику России А.Б. Лобанову-Ростовскому удалось добиться взаимопонимания с некоторыми из митрополитов и влиятельных мирян; вместе с тем его посредничество в церковных делах привело к сотрудничеству с османскими министрами и обеспечило укрепление русского влияния в Османской Порте.

Церковные реформы вскрыли до тех пор не проявлявшиеся столь явно противоречия во взглядах МИД России и Св. Синода. Крайние церковные консерваторы в лице Обер-прокурора А.П. Толстого и архимандрита Петра Троицкого оказались в оппозиции к МИД, который пользовался поддержкой Императора Александра II. Консервативной, сдержанной, хотя и более гибкой была позиция митрополита Филарета Дроздова, главного авторитета Русской Церкви того времени.

---

[75] А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову, 14/26 июня 1860 г. № 80 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426Б. Л. 233–241об.; Записка А.Б. Лобанова-Ростовского по вопросу выборов патриарха. Там же. Л. 233–234об.; Копия с депеши Лобанова. Буюкдере, 19/31 июля 1860 г. № 109. Там же. 265–267об. (фр. яз.); л. 268–268об. (русск. пер.). А.Б. Лобанов-Ростовский-А.М. Горчакову. 9/21 августа 1860 г. № 118 Там же. Л. 276–278об. (фр. яз.); л. 279–282 (русск. пер.).

[76] А.Б. Лобанов-Ростовский — А.М. Горчакову. Буюкдере, 4/16 октября 1860 г. Там же. Л. 299–303. Меры, предпринятые посольством к устранению вмешательства Порты в патриаршие выборы, удостоились похвалы митрополита Филарета. С участием мирян в суде над архиереями и вообще в церковном управлении он по-прежнему не соглашался.

Невзирая на пёструю и противоречивую картину межцерковных и политических отношений конца 1850-х гг., этот период можно считать благоприятным для России. Дипломаты добились восстановления отношений с Православными Церквами и османским правительством; тем самым был сделан важный шаг для укрепления позиций России и её авторитета на Ближнем Востоке.

Petrunina Olga Yevgenievna,
full member of the IPO «IOPS»,
professor of the Lomonosov Moscow State University,
leading researcher at the Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences,
Russian Federation, Moscow.
E-mail: petrunina.o.e@hist.msu.ru

The Greek Revolution of 1821 and the Question of Ecclesiastical Unity of the Greek Nation: New Documents

Abstract: the article examines the connection between the Greek Revolution of 1821 and the question of ecclesiastical unity in the Orthodox world. The author challenges the established view that the problem of establishing a national Church arose only with the Bulgarian Schism of 1870, demonstrating that such a precedent had in fact occurred earlier. Drawing on newly introduced and published documents, the study analyzes the position of the Patriarchate of Constantinople, which sought to preserve its jurisdiction over the dioceses of independent Greece not only for canonical reasons but also due to financial and economic interests. The article explores the contradiction between the forced loyalty of the senior church hierarchy in the Ottoman capital and the active participation of peripheral clergy in the uprising. Particular attention is devoted to the wait-and-see stance adopted by president of Greece Ioannis Kapodistrias, who navigated between maintaining Orthodox unity and asserting state sovereignty over ecclesiastical affairs.

Key Words: Church History, Church-State Relations, Modern Greek Studies, Ottoman Studies, Greek Revolution of 1821.

Петрунина Ольга Евгениевна,
действительный член МОО «ИППО»,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, Москва.
E-mail: petrunina.o.e@hist.msu.ru

Греческая революция 1821 года и вопрос о церковном единстве греческой нации: новые документы*

Аннотация: в статье рассматривается связь Греческой революции 1821 г. с вопросом церковного единства в православном мире. Автор опровергает устоявшееся мнение о том, что проблема создания национальной Церкви возникла лишь с болгарской схизмой 1870 г., доказывая, что такой прецедент имел место ранее. На основе новых и опубликованных документов анализируется позиция Константинопольской Патриархии, которая стремилась сохранить юрисдикцию над епархиями независимой Греции не только по каноническим соображениям, но и в силу финансово-экономических интересов. Исследуется противоречие между вынужденной лояльностью высшего церковного руководства в столице Османской империи и активным участием периферийного духовенства в восстании. Особое внимание уделено выжидательной позиции президента Греции И.А. Каподистрии, балансировавшего между православным единством и государственным суверенитетом.

Ключевые слова: история Церкви, церковно-государственные отношения, новогреческие исследования, османские исследования, Греческая революция 1821 г.

Статья поступила в Редакцию ППС 30.03. 2026 г.

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «Императорское Православное Палестинское Общество» в 2026 г.

Введение

Начало национально-освободительной революции греков в 1821 г. повлекло за собой не только перемены политического и экономического характера на Балканах. Оно всколыхнуло формирующееся национальное самосознание балканских народов, обострило прежние вопросы, связанные с национальной идентификацией и перспективой создания национальных государств в регионе, а также поставило новые. Одним из таких вопросов стала проблема церковного единства православных народов. Хотя в греческом мире считается, что эта проблема возникла с началом так называемой болгарской схизмы, т.е. с 1870 г., когда султанским фирманом был создан Болгарский экзархат[1], на самом деле в первый раз национальная Церковь, совпадающая с границами национального государства, появилась вследствие греческой революции 1821 г.

Церковь и революция: участие духовенства и отстраненность Константинопольской Патриархии

Несмотря на то, что отношение Церкви к революции и участие в ней духовенства оцениваются по-разному[2], нельзя отрицать тесную связь и Церкви в целом, и отдельных представителей духовенства с борьбой греков за независимость. После начала восстания под руководством Александра Ипсиланти в Молдавии на греческую элиту Константинополя обрушились репрессии, жертвами которых стали многие архиереи и другое столичное духовенство. Константинопольский Патриарх Григорий V по настоянию Высокой Порты предал анафеме руководителей и участников восстания[3]. Тем не менее, Патриарх, в котором османская власть видела главу мятежных христиан, был убит на Пасху 1821 г. Но преемники Григория V на патриаршем престоле оставались верными слугами султана. Например, Патриарх Хрисанф в 1824 г. советовал афонским монахам, недавно пережившим османскую карательную экспедицию, «быть благодарными за богатые милости владычнего благоволения и воссылать хвалу владыке султану Махмуду», а митрополитам — следить, чтобы никто не путешествовал без особого пропуска (тескере), выдаваемого Патриархом в соответствии с султанским распоряжением[4].

В то же время, спасаясь от репрессий, множество клириков, особенно архиереи, бежали в освобожденные от османской власти районы. Там, вдали от столицы духовенство не скрывало своих симпатий к повстанцам. Многие епископы были членами тайного общества «Филики Этерия», готовившего восстание. Важную роль в подготовке революции сыграли митрополит Старых Патр Герман

---

1 См., напр.: *Μοίρας Λ.* Η Μεγάλη ιδέα από την πλευρά των Οθωμανών, 1839–1869. Αθήνα: Τόπος, 2024. Σ. 13.

2 Обзор соответствующей историографии см.: Зоитакис, 2022. С. 89–99.

3 Текст отлучительной грамоты на русском языке см.: *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX веке. Т. 1. Тип. М. Акинфеева и И. Леонтьева. С. 164–168.

4 Там же. Приложение. С. 14.

и митрополит Унгровлахийский Игнатий[5]. Известны имена клириков, открыто примкнувших к революции и взявшихся за оружие: они, по выражению одного из современников, «были вынуждены освятить революцию не только крестом, но и мечом»[6]. Среди них — митрополит Вресфенский Феодорит, архимандрит Григориос Дикеос (Папафлессас), Афанасиос Дьякос (т.е. диакон). Пелопоннесские митрополиты Иосиф Андрусский, Неофит Каристийский и Кирилл Коринфский также поддержали революцию[7]. Они принимали активное участие в устройстве политического управления освобожденными от турок районами. В частности, под решениями Первого национального собрания в Эпидавре (1822) стоят подписи Германа Старых Петр и Неофита Талантийского[8].

В афонском Пантелеимоновом монастыре с началом революции читалась молитва Божией Матери, содержащая прошения о «скорейшем освобождении из многолетнего рабства», «скорейшем избавлении от власти агарянской» и об «укреплении нашего новоизбранного войска в час войны»[9]. Последнее, вероятно, относилось к собранным на Афоне вооруженным отрядам, которые отправились воевать против турок на соседний полуостров Кассандра. «Довольно нам, Владычица, стольких лет горького рабства за грехи наших праотцев! Достаточно стольких веков горького долгого плена за наши грехи!», — восклицал составитель молитвы. Уже весной 1821 г. из афонских монахов был сформирован вооруженный отряд, насчитывавший, по мнению, одного из современников, до двух тысяч бойцов[10].

Первые шаги повстанцев к церковной самостоятельности

Туркофильская позиция Патриархии, хотя и вынужденная, у властей и духовенства свободной Греции вызывала желание самостоятельно руководить делами на своей территории. Единство с Патриархией не ставилось под сомнение, речь шла скорее об административной автономии. В частности, Третье Национальное собрание, работавшее в Тризине в 1827 г., получило составленный находившимися в Греции архиереями проект закона о духовенстве. В нем говорилось о необходимости в условиях революционного хаоса поддерживать церковный порядок. Для этого проект предлагал создать комитет из 3–5 пребывающих в революционной Греции иерархов, которые будут вести текущие церковные дела во вдовствующих епархиях и наблюдать за порядком во всех остальных. Законопроект

---

5 *Μιχαηλάρης Π., Παναγιωτόπουλος Β.* Κληρικοί στον Αγώνα. Αθήνα: Τα Νέα, 2010. Μοίρας Λ. Η Μεγάλη ιδέα από την πλευρά των Οθωμανών, 1839–1869. Αθήνα: Τόπος, 2024. Σ. 11–81.

6 *Δραγούμης Ν.* Ιστορικαί Αναμνήσεις. Τ.1. Αθήνα: Ἑρμῆς, 1973. Σ. 170.

7 *Frazee Ch.* The Orthodox Church and Independent Greece, 1821–1852. London: Cambridge University Press, 1969. P. 21.

8 Ἀρχεῖα τῆς Ελληνικής Παλιγγενεσίας. 1821–1832. Τ. 3. Ἀθῆναι: Βιβλιοθήκη τῆς Βουλής τῶν Ἑλλήνων, 1971. Σ. 20, 34, 35, 39, 41, 42 κτλ.

9 *Соколов И.И.* Ук.соч. Приложение. С. 11–12.

10 *Τρικούπης Σ.* Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Τ. Β᾽. Λονδίνο, 1861. Σ. 170.

не посягал на прерогативы Константинопольской Патриархии и декларировал единство с ней[11]. Выступая с речью на открытии Четвертого Национального собрания 11 июля 1829 г., президент Иоаннис Каподистрия отчитался о работе этого комитета[12]. В сентябре того же года указанный комитет был преобразован в министерство церковных дел и народного просвещения[13], главой которого было назначено светское лицо — известный преподаватель и общественный деятель Николаос Хрисогелос, заложивший основы государственной системы образования.

Уже после убийства И.А. Каподистрии, в 1832 г. Пятое Национальное собрание приняло конституцию, первый параграф второй главы которой был посвящен церковным вопросам (ст. 7–12). В нем подтверждалось существование созданного ранее комитета, говорилось о его полномочиях, а также об избрании архиереев из числа местных жителей и их хиротонии комитетом[14]. Такая постановка вопроса предполагала фактическую самостоятельность местной Церкви, о подчинении Константинопольскому Патриарху речи не было. Наконец, в 1833 г. баварское регентство провозгласило автокефалию Элладской Церкви.

Реакция Константинопольской Патриархии: церковное единство без оговорок

В годы Греческой революции, в том числе после 1823 г., когда европейские державы стали считать восставших греков воюющей стороной, тем самым признавая их право на собственную государственность, Константинопольские Патриархи не сомневались в стабильности церковного единства. Например, Патриарх Агафангел в 1828 г. посылал своих экзархов в восставшие провинции для распространения патриаршей грамоты, призывавшей к покорности к султану. В начале того же года он сменил епископа на афинской кафедре[15]. На свою грамоту он получил твердый отрицательный ответ от недавно прибывшего в страну президента И.А. Каподистрии[16].

По окончании Греческой революции и признании независимости Греции Высокая Порта была обеспокоена сохранением лояльности своих православных подданных и желала вернуть назад беженцев. Решение этих задач было выгодно и Патриархии, понесшей большие материальные и финансовые потери за годы революции. Эти две цели преследовало окружное послание Патриарха Агафангела архиереям Константинопольской Церкви, в котором сообщалось о прекращении гонений на христиан и возвращении им прежних прав,

---

11 Ἀρχεῖα τῆς Ελληνικής Παλιγγενεσίας. 1821–1832. Τ. 3. Σ. 473–475.

12 Ἀρχεῖα τῆς Ελληνικής Παλιγγενεσίας. 1821–1832. Τ. 4. Ἀθῆναι: Βιβλιοθήκη τῆς Βουλής τῶν Ἑλλήνων, 1973. Σ. 61.

13 *Παπαδόπουλος Χ.* Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος. Τ. Α΄. Ἐν Ἀθήναις: Τυπ. Π.Α. Πετράκου, 1920. Σ. 39.

14 Ἀρχεῖα τῆς Ελληνικής Παλιγγενεσίας. 1821–1832. Τ. 4. Σ. 271–272.

15 *Соколов И.И.* Ук.соч. С. 213, 217.

16 Текст послания Каподистрии патриарху Анфиму опубл. в: Παπαδόπουλος, 1920. Σ. 36–37.

а митрополитам вменялось незамедлительно сообщать о каких-либо притеснениях со стороны местных властей[17].

Особенное беспокойство Патриархии вызывала перспектива утраты части доходных епархий. Поэтому, как только в Фанаре узнали о подписании 3 февраля 1830 г. Англией, Францией и Россией протокола о признании независимого греческого государства, Патриарх предпринял шаги по обеспечению церковного единства. Одним из таких шагов было обращение к российскому чрезвычайному посланнику А.И. Рибопьеру. Сохранившееся в АВПРИ послание Патриарха представляет собой официальную патриаршую грамоту. Она оформлена патриаршим мононкондилом[18], что делалось в официальных случаях. Кроме того, она написана по-гречески, на официальном языке Патриархии, хотя Агафангел владел французским и русским языками, есть даже гипотеза о его болгарском происхождении[19]. В грамоте изложена позиция Патриархии по вопросу о дальнейшей судьбе вышедших из-под власти султана провинций: они должны были непременно остаться в юрисдикции Константинопольского Патриарха. В данной грамоте Патриарх как предстоятель Церкви выражал заботу о сохранении Православия в Греции, а как этнарх — греческой культуры и идентичности. Союзника своей пастырской заботы Патриарх надеялся найти в лице российского посланника. В публикуемой грамоте аргументация Патриарха не включает материальных вопросов, им посвящено другое патриаршее послание: в июне 1830 г. Агафангел представил посланнику подробную опись долгов епархий «Пелопоннеса, Румелии и Белого моря[20]» перед патриаршей казной. Их общая сумма достигала 1 млн. 750 тыс. курушей[21].

В июле 1830 г. Патриарх Агафангел был низложен. Его преемник Константий I поспешил подтвердить его позицию. Он её выразил в письме президенту Каподистрии, которое было направлено адресату 16 августа того же года через российскую миссию[22]. Константий, с 1804 г. бывший настоятелем монастыря Св. Екатерины на Синае в сане архиепископа Синайского, имел с российской миссией довольно тесные отношения, поскольку в юности был студентом Киевской Духовной академии и настоятелем Синайского подворья в Киеве и знал русский язык. Поводом для обращения к главе греческого государства был сам факт избрания Константия на патриарший престол. Обычно Патриархи в таких случаях

---

17 *Соколов И.И.* Ук.соч. Приложение. С. 15–16.

18 Мононкондил — разновидность письма вязью. Патриарший мононкондил представлял собой имя и полный титул патриарха, исполненный искусной вязью, и фактически заменял печать.

19 *Σταματόπουλος Δ.* Η Ελληνική Επανάσταση του 1821 και το Πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως. Το πρόβλημα της Βαλκάνιες νεοτερικής εθνογένεσης. Αθήνα: Εκδ. Παπαζήση, 2024. Σ. 266.

20 Белым морем на Ближнем Востоке традиционно называли Средиземное море.

21 Послание Константинопольского Патриарха Агафангела и митрополитов Захарии Халкидонского и Никифора Дерконского чрезвычайному посланнику и полномочному министру при Оттоманской Порте А.И. Рибопьеру от 13 июня 1830 г. с приложением описи долгов по епархиям (на греч.яз.) // АВПРИ. Ф 180. Оп. 517/1. Д. 3530. Л. 3–5.

22 Греческий текст письма, опубликованный К. Икономосом, датирован 18 августа: Οἰκονόμος, 1864. Σ. 78–79.

направляли предстоятелям братских Церквей общительные грамоты. Обращение к светскому сановнику было продиктовано чрезвычайной важностью вопроса, беспокоившего нового Патриарха. Его суть он сформулировал в сопроводительном письме, адресованном посланнику: «Я думаю, что нынешное время есть самое удобное, в котором действительно отношение и соединение тамошной Святой Церкви со Святейшим Апостольским вселенским патриаршеским престолом установлено будет по первым церковным уставам и посредством Вашем»[23]. Вероятно, о данном письме Константия и ответе на него позже писал один из наиболее ярких сторонников строго канонического решения вопроса о статусе Церкви независимой Греции священник Константин Икономос: «В моем распоряжении есть письмо к нему [Каподистрии. — О.П.] Патриарха Константия, сохранился и ответ на него»[24].

Патриарх был уверен в положительном ответе И. Каподистрии и, как и его предшественник, надеялся на помощь России в этом деликатном деле. Беспокойство Патриарха вызывала и развернувшаяся в Греции деятельность протестантских миссионеров, издававших свои книги на греческом языке. Опасения Константия по поводу протестантской пропаганды в этом письме неслучайны: появление уже в конце революции епископского комитета, по форме напоминавшего протестантские церковные органы, наводило на мысль, что Церковь независимой Греции будет устроена по протестантскому образцу. Кроме того, в 1830–1840 гг. греческим властям пришлось противостоять активной и нередко успешной деятельности протестантских миссионеров (Петрунина, 2010. С. 270–274).

Каподистрия: создание национальной Церкви или единство с Патриархией?

Уже 22 сентября И. Каподистрия ответил на письмо Патриарха, указав на бедственное положение Церкви в Греции и выразив намерение послать в Константинополь свое доверенное лицо, которое посвятит Патриарха в подробности этого положения[25]. Иными словами, греческий президент был готов к переговорам с Патриархией. Однако в письме И. Каподистрии содержалась оговорка: его посланник отправится тогда, «когда будут более подходящие условия»[26]. Кроме того, президент писал о том, что часть функций по организации церковной жизни фактически взяло на себя правительство. Этот ответ, очевидно, обеспокоил Патриарха. Его новое письмо последовало незамедлительно, уже 20 октября. В нем выражались сомнения по поводу способности светской власти регулировать

---

23 Письмо Константинопольского Патриарха Константия А.И. Рибопьеру 16.08.1830 // АВПРИ. Ф 180. Оп. 517/1. Д. 3530. Л. 30.

24 Письмо К. Икономоса посланнику в Константинополе В.П. Титову от 12 февраля 1850 г. (на греч.яз.) // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 3582. Л. 16 об.

25 Текст письма опубл. в: *Οἰκονόμος Κ.* Τὰ σωζόμενα ἐκκλησιαστικὰ συγγράμματα. Ἀθηνήισι: Τυπ. Φ. Καραμπίνου καὶ Κ. Βάφα, ˛ΑΩΞΔ΄. Σ. 80–82.

26 Στο ίδιο. Σ.81.

церковные дела, но также высказывалась готовность принять доверенное лицо президента[27]. По словам К. Икономоса, в качестве своего представителя И. Каподистрия избрал митрополита Дионисия Кинурийского[28], однако документального подтверждения этому нет. Во всяком случае, поездка не состоялась. По всей видимости, президент полагал, что подходящее время еще не пришло. Из его короткой переписки с Патриархом греческие церковные историки делают вывод о том, что президент собирался решать судьбу Церкви строго каноническим путем[29]. Нам представляется, что глава греческого государства скорее занял выжидательную позицию, считая момент для решения вопроса о статусе Церкви неподходящим. Но это лишь предположение, поскольку убийство Каподистрии в октябре 1831 г. повергло страну в хаос гражданской войны и отодвинуло церковные проблемы на второй план.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Греческая революция 1821 г. стала катализатором фундаментальных изменений не только в политическом, но и в церковном устройстве православного мира на Балканах. Вопреки устоявшейся в историографии точке зрения, связывающей возникновение вопроса о национальной Церкви исключительно с болгарской схизмой 1870 г., анализ событий начала XIX в. свидетельствует о том, что прецедент создания церковной организации, совпадающей с границами национального государства, был сформирован именно в ходе греческого освободительного движения.

Введенные в научный оборот новые документы — патриаршие грамоты к российскому посланнику А.И. Рибопьеру, послание Патриарха Константия к И.А. Каподистрии и сопутствующая дипломатическая переписка — проливают свет на скрытые мотивы позиции Константинопольской Патриархии. Они демонстрируют, что стремление Патриархии сохранить юрисдикцию над епархиями независимой Греции диктовалось не только каноническими соображениями, но и серьезными экономическими интересами.

Противоречие между вынужденной лояльностью высшего церковного руководства в столице Османской империи и активным участием периферийного духовенства в революции стало важным фактором, подтолкнувшим греческое государство к курсу на церковную автономию. Позиция И.А. Каподистрии, балансирующего между необходимостью сохранения православного единства и требованием государственного суверенитета над церковными делами, показала сложность достижения компромисса в условиях формирующейся нации.

---

27 Στο ίδιο. Σ.82–83.

28 Στο ίδιο. Σ.83–84.

29 *Παπαδόπουλος Χ.* Ο.π. Σ. 49; *Κονιδάρης Γ.* Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. Τ. Β΄. 2η ἐκδ. Ἐν Ἀθήναις, 1970. Σ. 230; *Κωνσταντινίδης Ε.* Ἡ ἐν Ἑλλάδι Ἐκκλησία κατὰ τὴν ἐπαναστατικὴν καὶ μέχρι τῆς αφίξεως τοῦ Ὄθωνος μεταβατικὴν ἐποχὴν (1821–1833). Ἐν Ἀθήναις, 1970. Σ. 83; *Μεταλληνός Γ.* Ἑλλάδικοῦ Αὐτοκέφαλου Παραλειπόμενα. 3η ἐκδ. Ἀθήνα: Ἐκδ. Γρηγόρη, 2018. Σ. 23.

Документы

Письмо Константинопольского Патриарха Агафангела Чрезвычайному посланнику и Полномочному министру при Порте Оттоманской А.И. Рибопьеру, б/д[30]

Ἀγαθάγγελος,
Ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως
Νέας Ῥώμης καὶ Οἰκουμενικὸς Πατριάρχης.

Ἐξοχώτατε καὶ Εὐσεβέστατε Πρέσβυ τῆς Κραταιᾶς Ῥωσσικῆς Αὐτοκρατορίας, ὁ παρὰ τῇ Ὑψηλῇ Ὀθωμανικῇ Πορτᾳ τὰς πρεσβείας ποιούμενος, Κύριε Κύριε Ἀλέξανδρε Ἰωάννου Ῥιπωπιέρ, κτλ.κτλ.κτλ.

Ἡ παρὰ τῶν Ἀξιοσεβάστων τριῶν Μεγάλων Δυνάμεων, τῇ συναινέσει τῆς Ὑψηλῆς Πόρτας, ἀποφασισθεῖσα νέα πολιτικὴ Ἀποκατάστασις καὶ Διοίκησις τῆς Ἑλλάδος, δίδωσιν εἰς ἡμᾶς ἀφορμὴν ἀνήκουσαν εἰς τὸ ἐπάγγελμα, εἰς ὅ κατὰ θείαν βουλὴν εὑρέθημεν, νὰ ἀναφέρωμεν, κατ᾽ἄφευκτον ἡμῶν χρέος, τῇ θεοσεβεστάτῃ αὐτῆς Ἐξοχότητι τὴν ἐχομένην ἡμετέραν ὀρθὴν καὶ θεοφιλῆ γνώμην, εἰς τὴν ἐφεξῆς ἀναγκαιοτάτην ὑπόθεσιν.

Ἐξοχώτατε! Αἱ θεοκίνητοι καὶ ἀξιοσέβαστοι τρεῖς Δυνάμεις κατώρθωσαν τῷ ὄντι ἕν μέγιστον καὶ ἀνήκουστον ἐν τῇ Ἱστορίᾳ Ἡρωϊκὸν κατόρθωμα, ἀναστήσαντες, παρὰ πᾶσαν ἐλπίδα, τὴν πάλαι τεθνηκυῖαν Ἑλλάδα (ἐπειδὴ οὐδεμία τῶν τεθνηκυιῶν δυνάμεων δεν φαίνεται εἰς τὴν Ἱστορίαν νὰ ἀνέζησε.) Τούτου ἕνεκα καὶ ἀξιοχρέως θέλουν ἐγχαραχθῶσιν ἐν τῇ Ἱστορίᾳ με χρυσᾶ ἀνεξάλειπτα γράμματα τὰ σεβαστὰ ὀνόματα τῶν αὐτῶν ὑπερτάτων Δυνάμεων, καὶ τῶν ἐν Λονδίνῳ συνεργησάντων μελῶν. Ἐν τοιαύτῃ οὖν αἰσίᾳ ὥρᾳ τολμῶμεν καὶ ἡμεῖς μετὰ μεγάλου σεβάσματος νὰ προβάλωμεν, ὅτι αἱ σεπταὶ Μεγάλαι Δυνάμεις, διὰ νὰ ἐπισφραγίσουν καὶ στηρίξουν θεαρέστως τὸν μέγαν αὐτῶν Ἡρωϊσμὸν, ὅ ἐστὶ τὴν ἀνάστασιν τῆς Ἑλλάδος, δὲν πρέπει νὰ παραβλέψωσιν ἢ ἐπινεύσωσιν εἰς τὸ νὰ διαιρεθῇ ἡ Ἑλλὰς ἀπὸ τὴν Ἐκκλησίαν, ἐπειδὴ, τούτου γενομένου, θέλουν ἀναφυῇ πολλὰ καὶ πολυειδῆ θρησκευτικὰ νεωτερίσματα καὶ σχίσματα, καὶ διχόνοιαι, ἵνα μὴ εἴπωμεν καὶ αἱρέσεις, καὶ πάθη, πληγαὶ ἀφανιστικαὶ τῆς Ἀνθρωπότητος, καὶ τέλος παντελῆς θάνατος τῆς Ἑλληνικῆς Διαλέκτου, καὶ αὐτοῦ τοῦ ὀνόματος τῆς Ἑλλάδος. Τῆς συνεπείας ταύτης ἔχομεν ζωντανὰ παραδείγματα τὴν παλαιὰν Ῥώμην, καὶ Ἀραβίαν, καὶ Συρίαν, καὶ Ἀρμενίαν.

Ὅθεν ἐπ᾽αὐτῷ τούτῳ, διὰ νὰ μὴ προλάβῃ ὁ δόλος καὶ ἡ ἀπάτη, καὶ ἐν προσχήματι ἀρετῆς καὶ ἀγαθεργίας, παρειστάξῃ (ὅ μὴ γένοιτο!) διαίρεσιν καὶ χωρισμὸν εἰς τὴν καθ᾽ἡμᾶς Ἐκκλησίαν, θερμῶς ἀξιοῦμεν τὴν εὐσεβεστάτην αὐτῆς Ἐξοχότητι, νὰ εὐαρεστηθῇ εἰς τὸ νὰ ἀναφέρῃ ἔνθα δεῖ τὸ θεάρεστον αὐτὸ πρόβλημα καὶ ζήτημά μας, μάλλον δὲ, ὅσον οἷόν τε, νὰ συνεργήσῃ μετὰ ἐνθέου ζήλου εἰς τὸ νὰ μείνει ἡ Ἑλλὰς ἡνωμένη τῇ καθ᾽ἡμᾶς Μεγάλῃ τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίᾳ, ὡς καὶ πρότερον, διὰ νὰ πληρωθῇ ἡ τοῦ Κυρίου καὶ Σωτήρος ἡμῶν πρὸς τὸν ἐπουράνιον αὐτοῦ Πατέρα τελευταία προσευχὴ καὶ παράκλησις, ἡ λέγουσα: «Πάτερ, τήρησον αὐτοὺς ἐν τῷ ὀνόματί σου, ἵνα ὦσιν

[30] Не ранее марта и не позднее октября 1830 г.

ἕν, καθὼς σὺ, Πάτερ, ἐν ἐμοὶ, κἀγὼ ἐν σοὶ, Ἵνα καὶ αὐτοὶ ἐν ἡμῖν ἕν ὦσι»[31]. καὶ ἑπομένως ἵνα. παρακαλῶμεν ὁμοθυμαδὸν ἐν ἑνὶ στόματι καὶ μιᾷ καρδίᾳ πρὸς τὸν Ὕψιστον, διὰ νὰ νεύσῃ εἰς τὰς θεοσόφους καρδίας τῶν τριῶν Σεβαστῶν Μεγάλων Δυνάμεων, εἰς τὸ νὰ συμπράξωσι, καὶ ἀποπερατώσωσι καὶ τὸ πλήρωμα πάντων τῶν μεγάλων κατορθωμάτων των, ὅ ἐστὶ, τὴν ἕνωσιν πασῶν τῶν Ἐκκλησιῶν, ἵνα γένηται ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ μία ποίμνη, εἷς ποιμὴν, κατὰ τὴν τοῦ Κυρίου ἡμῶν φωνὴν[32]. Ναὶ, Κύριε! Γένοιτο! Γένοιτο!

Τῆς ὑμετέρας θεοσεβεστάτης Ἐξοχότητος

Διάπυρος πρὸς θεὸν ἱκέτης

Ὁ Κωνσταντινουπόλεως Ἀγαθάγγελος

АВПРИ. Ф 180. Оп. 517/1. Д. 3530. Л. 7–7 об. Подлинник.

Перевод:

Ваше Высокопревосходительство,
посланник могущественной Российской Империи при Высокой Порте
Оттоманской, господин Александр Иванович Рибопьер, и проч.

Восстановление Греции и её новое политическое устройство, учрежденное тремя достопочтенными великими державами с согласия Высокой Порты, дают нам повод и, в соответствии с нашим положением, в коем мы находимся по воле Божьей, с неизбежностью требуют представить Вашему благочестивейшему Высокопревосходительству наше прямое и боголюбивое мнение по следующему чрезвычайно важному вопросу.

Ваше Высокопревосходительство! Богодвижимые три наипочтеннейшие державы достигли действительно великой и неслыханной в истории героической цели, восстановив, паче всякого чаяния, некогда погибшую Грецию (ибо истории неизвестно, чтобы какая-либо погибшая держава возродилась). Поэтому вполне заслуженно в истории будут начертаны золотыми нестираемыми буквами почтенные имена этих могущественных держав, а также их союзников в Лондоне[33]. В столь благоприятный час дерзаем и мы с величайшим почтением утверждать, что почтенные великие державы, дабы богоприятно запечатлеть и утвердить свой великий подвиг, то есть восстановление Греции, не должны упустить из виду или позволить нововведение, когда бы Греция была отделена от Церкви, поскольку, если это случится, возникнут многие и разнообразные новшества, разделения и раздоры, если не сказать ереси, и страсти, наносящие глубокие раны человечеству, и наконец полное уничтожение греческого языка и самого имени Греции. Живые примеры таких последствий мы видим в Древнем Риме, Аравии, Сирии и Армении.

---

31 Приблизительная цитата из 17 главы Евангелия от Иоанна: «Πάτερ ἅγιε, τήρησον αὐτοὺς ἐν τῷ ὀνόματί σου, ἵνα ὦσιν ἓν… καθὼς σύ, πάτερ, ἐν ἐμοὶ κἀγὼ ἐν σοί, ἵνα καὶ αὐτοὶ ἐν ἡμῖν ὦσιν…» (Ин. 17:11, 21).

32 Приблизительная цитата из 10 главы Евангелия от Иоанна: «…καὶ γενήσεται μία ποίμνη, εἷς ποιμήν.» (Ин. 10:16).

33 Речь идет о странах-участницах проходивших в Лондоне переговоров.

Следовательно, чтобы ложь и коварство под предлогом добродетели и благодеяния не смогли (да не будет!) внести раздор и разделение в нашу Церковь, горячо умоляем Ваше Высокопревосходительство соблаговолить доложить, куда следует это наше богоприятное мнение и прошение и даже, насколько возможно, ревностно содействовать тому, чтобы Греция оставалась, как и прежде, соединенной с нашей Великой Христовой Церковью, дабы исполнилась последняя молитва и прошение к Небесному Отцу Господа нашего и Спасителя: «Отче, соблюди их во имя Твое, чтобы они были едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, чтобы и они в Нас едино были». Потому все вместе, едиными устами и единым сердцем Господу помолимся, да направит Он богомудрые сердца трех почтенных великих держав совместным действием довести до конца свои великие деяния, то есть сохранить единство всех Церквей, и да будет во всем мире едино стадо и един пастырь, по словам Господа нашего. Да, Господи! Да будет!

Вашего Высокопревосходительства
пламенный ко Господу молитвенник
Агафангел Константинопольский.

Письмо Константинопольского Патриарха Константия президенту Греции И.А. Каподистрии, б/д

Excellence!

Après tant de souffrances et de peines, respirant sous l'établissement de lois libres, sous la domination équitable et vigilante de Votre Excellence, le peuple Grec devient aujourd'hui la cause de louanges infinis envers la Providence, et d'une reconnaissance profonde et éternelle envers l'humanité des Souverains de l'Europe.

Ces sentiments ont aussi pénétré notre cœur, et y furent gravés avec des traits ineffaçables du moment, où nous vîmes l'Empire puissant de nos maitres, se conformer aux décrets immuables de la volonté de Dieu, et jeter des regards favorables sur les malheurs de ce peuple.

Dans cet intervalle, un évènement présente aux intérêts spirituels des Grecs, l'occasion favorable de la plus belle espérance. C'est la succession arrivée au Siège Œcuménique, succession, qui, considérée sous le rapport des circonstances sans nombres, et du pesant fardeau des occupations avec ledit Siège, ne peut nous inspirer que de la crainte, mais qui nous parait aussi très-utile, puisque nous sommes dans la position de remplir des devoirs sacrés, et sur le lieu de l'héritage spirituel de ce très Saint Siège.

En faisant ainsi l'aveu de nos sentiments sincères, nous offrons à Votre Excellence, le sage gouverneur et le bastion du bonheur de la nation Orthodoxe des Grecs, en qualité de prémices de notre avènement au Siège Œcuménique, nos bénédictions Ecclésiastiques.

Long temps s'est déjà écoulé, et la voix de l'Église n'a point sonné aux oreilles de ses enfants chéris, les habitants Orthodoxes de l'état Grec. Mais il est assez connu, que au milieu de tant d'embarras, de disgrâces, de révolutions, et de dangers, ils surent bien se maintenir contre toute chose, nuisible à leurs âmes; ils se sont toujours gardés dans le navire de la foi, rassemblés au sein de la mère commune, l'église sainte de Jésus Christ et la présence céleste de Votre Excellence, ajouta, entre autres, dans leurs cœurs élévation

de vertus Chrétiennes, suivant lesquelles, ils n'entendront pas la voix de leurs ennemis, ils s'en éloigneront, selon la parole de notre Sauveur dans l'Évangile. Et les machines du malin Satan, qui envie l'union Ecclésiastique, les manières unanimes de chanter les louanges de Dieu, peuvent-elles rester dans l'inaction, sans produire quelque mouvement, qui causerait du mal à ce peuple Chrétien?

Nous apprenons que l'on distribue certains livres, renfermant des erreurs Calvinistes, et contraires à des Saintes ordonnances. La piété et la prudence politique de Votre Excellence connaissent combien ces sortes de livres peuvent corrompre sinon les Sages, et les hommes parfaits du moins les plus faibles au jugement de la raison.

Pour prévenir tout inconvénient, détruire tout soupçon naissante et lever aux cœurs tout sujet d'interprétation mauvaise, nous pensons que c'est l'occasion de publier, par des actions canoniques notre union inséparable, et de le faire reprendre la suite des soins de l'Église à toutes les provinces situées dans l'état Grec, avec la conservation totale des règlements des Conciles. C'est ainsi que lesdites provinces recevront de la part de très Saint Siège Patriarcal, Apostolique et Œcuménique, l'autre de la hiérarchie.

En soumettant notre avis sous le jugement éclairé de Votre Excellence, nous prions le Dieu sur vous et sur vos sujets, vous conduire aux heureux effets des desseins et des volontés pieuses, et Vous conserver dans une santé et joie parfaites, jusqu'à la fin d'une longue vie.

АВПРИ. Ф 180. Оп. 517/1. Д. 3530. Л. 31–31 об. Копия.
[Французский перевод (приложение к письму Патриарха Константия А.И. Рибопьеру от 16.08.1830)]

Перевод

Ваше Превосходительство!

После стольких страданий и боли, дыша под установлением свободных законов, под справедливой и бдительной властью Вашего Превосходительства, греческий народ сегодня становится источником бесконечной похвалы Провидению и глубокой и вечной признательности гуманизму Суверенов Европы.

Эти чувства также проникли в наше сердце и были выгравированы неизгладимыми чертами в тот момент, когда мы увидели, как могущественная Империя наших покровителей сообразуется с неизменными проявлениями воли Божьей и склоняет благосклонный взгляд на несчастья этого народа.

Тем временем одно событие представляет благоприятную возможность и прекрасную надежду для духовных интересов греков. Это занятие нами Вселенского Престола. Будучи рассмотрено в свете бесчисленных обстоятельств и тяжелого бремени обязанностей, налагаемых им, оно может вызвать у нас только страх, но оно также кажется нам очень полезным, поскольку мы находимся на посту, где исполняем священный долг, и в средоточии духовного наследия Святейшего Престола.

Таким образом, выражая наши искренние чувства, мы предлагаем Вашему Превосходительству, мудрому правителю и оплоту процветания православной нации греков, наше церковное благословение в связи с нашим восшествием на Вселенский престол.

Прошло уже много времени, но голос Церкви не прозвучал еще в ушах ее любимых детей, православных жителей греческого государства. Но хорошо известно, что посреди стольких смущений, бесчестий, революций и опасностей они сумели удержать себя от всего вредного для их душ; они всегда держались корабля веры, собранные в лоне общей матери, святой Церкви Христовой, и божественное присутствие Вашего Превосходительства, добавило, среди прочего, в их сердца возвышение христианских добродетелей, следуя которым они не услышат голоса своих врагов и отдалятся от них, согласно слову нашего Спасителя в Евангелии[34]. А козни сатаны, который завидует церковному единству, единодушному восхвалению Господа, могут ли они оставаться в бездействии, не создавая никакого движения, вредоносного для этого христианского народа?

Мы узнали, что распространяются некоторые книги, содержащие кальвинистские заблуждения и противоречащие святым канонам. Благочестие и политическая мудрость Вашего Превосходительства знают, насколько такие книги могут развратить, если не мудрых, то, по крайней мере, людей менее искусных в суждениях разума.

Чтобы предотвратить любые неудобства, рассеять любые зарождающиеся подозрения и устранить из сердец любые причины для неверного толкования, мы считаем, что сейчас самое подходящее время провозгласить каноническими актами наше неразрывное единство и возобновить заботу Церкви обо всех провинциях, расположенных в пределах греческого государства, с полным сохранением соборных постановлений. Таким образом, указанные провинции снова получат иерархию от Святейшего Патриаршего, Апостольского и Вселенского Престола.

Представляя наше мнение на суд Вашего Превосходительства, мы молим Бога, чтобы Он направил Вас и Ваших подданных к счастливым результатам ваших благочестивых замыслов и желаний, и сохранил Вас в совершенном здравии и радости на многие лета.

[34] Вольная цитата из Ин. 10:5.

Источники и литература

Зоитакис А.Г. Церковь и греческое национально-освободительное движение // 1821 год в истории балканских народов (к 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции). М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 89–99.

Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. 744 с.

Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX веке. Т. 1. Тип. М. Акинфеева и И. Леонтьева, 1904. XXXV+813+150+XLII с.

Ἀρχεῖα τῆς Ελληνικής Παλιγγενεσίας. 1821–1832. Τ. 3. Ἀθῆναι: Βιβλιοθήκη τῆς Βουλής τῶν Ἑλλήνων, 1971. 707 σ.

Ἀρχεῖα τῆς Ελληνικής Παλιγγενεσίας. 1821–1832. Τ. 4. Ἀθῆναι: Βιβλιοθήκη τῆς Βουλής τῶν Ἑλλήνων, 1973. 695 σ.

Δραγούμης Ν. Ιστορικαί Αναμνήσεις. Τ.1. Αθήνα: Ἑρμῆς, 1973. 256 σ.

Κονιδάρης Γ. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. Τ. Β΄. 2η ἐκδ. Ἐν Ἀθήναις, 1970. 366 σ.

Κωνσταντινίδης Ε. Ἡ ἐν Ἑλλάδι Ἐκκλησία κατὰ τὴν ἐπαναστατικὴν καὶ μέχρι τῆς αφίξεως τοῦ Ὄθωνος μεταβατικὴν ἐποχὴν (1821–1833). Ἐν Ἀθήναις, 1970. 144 σ.

Μεταλληνός Γ. Ἑλλάδικοῦ Αὐτοκέφαλου Παραλειπόμενα. 3η ἐκδ. Ἀθήνα: Ἐκδ. Γρηγόρη, 2018. 455 σ.

Μιχαηλάρης Π., Παναγιωτόπουλος Β. Κληρικοί στον Αγώνα. Αθήνα: Τα Νέα, 2010. Μοίρας Λ. Η Μεγάλη ιδέα από την πλευρά των Οθωμανών, 1839–1869. Αθήνα: Τόπος, 2024. 333 σ.

Οἰκονόμος Κ. Τὰ σωζόμενα ἐκκλησιαστικὰ συγγράμματα. Ἀθηνήισι: Τυπ. Φ. Καραμπίνου καὶ Κ. Βάφα, ¸ΑΩΞΔ΄. 696 σ.

Παπαδόπουλος Χ. Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος. Τ. Α΄. Ἐν Ἀθήναις: Τυπ. Π.Α. Πετράκου, 1920. 455 σ.

Σταματόπουλος Δ. Η Ελληνική Επανάσταση του 1821 και το Πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως. Το πρόβλημα της Βαλκάνιες νεοτερικής εθνογένεσης. Αθήνα: Εκδ. Παπαζήση, 2024. 388 σ.

Τρικούπης Σ. Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Τ. Β`. Λονδίνο, 1861.

Frazee Ch. The Orthodox Church and Independent Greece, 1821–1852. London: Cambridge University Press, 1969. VIII+220 p.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИППО

Antonov Egor Petrovich,
Associate Professor, Senior Researcher
at the History Department of the Institute for Humanitarian Studies and
Problems of Indigenous Peoples of the North
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences — OP FIC
«Yakut Scientific Center SB RAS»,
Candidate of Historical Sciences,
Russian Federation, Yakutsk.
E-mail — antegor@yandex.ru

Yakut Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society and the Brotherhood in the Name of Christ the Savior: missionary work, education in the Yakut language, pilgrimage

Abstract: the relevance of the topic is due to the fact that there are still only individual articles on the work of the Yakut Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society (hereinafter — IOPS), and there are not even articles on the history of the Brotherhood in the Name of Christ the Savior. Meanwhile, the study of their historical experience in the multinational Yakut region is of great scientific and social importance, and also helps to identify the peculiarities of communication between the authorities and religious and educational communities, between the latter and the population of the region. The purpose of this article is to assess the features and role of the Yakut Department of the IOPS and the Brotherhood in the Name of Christ the Savior in the formation of the religious and educational movement in the region. The genesis and main functioning of the Palestinian Society and Brotherhood in the Name of Christ the Savior took place in the Spassky Monastery, the center of the religious and educational movement. The peculiarities of these religious and educational communities consisted in membership in two associations, a significant percentage of foreigners in their membership, and the emergence of the first branch of Palestinian Societies in Russia in Yakutia. The Brotherhood in the Name of Christ the Savior has made a huge contribution to the formation of a network of parish schools in Yakutia. The beginning of the work of the Sobriety Society in the Yakutsk region is connected with his activity.

Keywords: Imperial Orthodox Palestinian Society, religious and educational movement, Brotherhood in the Name of Christ the Savior, parish school, boarding school, Temperance Society.

Антонов Егор Петрович,
доцент, ведущий научный сотрудник
отдела истории Института гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН — ОП ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН»,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация, Якутск.
E-mail — antegor@yandex.ru

Якутский отдел Императорского Православного Палестинского Общества и Братство во имя Христа Спасителя: миссионерство, просвещение на якутском языке, паломничество*

Аннотация: актуальность темы обусловлена тем, что о работе Якутского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (далее — ИППО) до сих пор имеются лишь отдельные статьи, а по истории Братства во имя Христа Спасителя нет даже статей. Между тем исследование их исторического опыта в многонациональной Якутской области имеет огромное научное и общественное значение, а также способствует выявлению особенностей коммуникаций между властью и религиозно-просветительскими сообществами, между последними и населением края. Целью настоящей статьи является оценка особенностей и роли Якутского отдела ИППО и Братства во имя Христа Спасителя в формировании религиозно-просветительского движения в регионе. Генезис и основное функционирование Палестинского Общества и Братства во имя Христа Спасителя происходили в Спасском монастыре — центре религиозно-просветительского движения. Особенности этих религиозно-просветительских сообществ заключались в членстве в двух объединениях, значительный процент инородцев в их составе и возникновение первого в России филиала Палестинского Обществ на территории Якутии. Братство во имя Христа Спасителя внесло огромный вклад в формирование сети церковно-приходских школ на территории Якутии. С его деятельностью связано начало работы Общества трезвости в Якутской области.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, религиозно-просветительское движение, «Братство во имя Христа Спасителя», церковно-приходская школа, пансион, Общество трезвости.

Статья поступила в Редакцию ППС 18.03. 2026 г.

---

* Подготовка статьи осуществлена при финансовой поддержке проекта РАН «Якутское отделение Императорского православного Палестинского общества: история и современность (конец XIX — начало XX в.)» № FWRS-2024–0085, 2024–2026. Рег. № 10230613000l1–6-6.1.1.

Организация и состав Якутского отдела ИППО

Якутский отдел ИИПО стал первым официально зарегистрированным в Российской Империи филиалом Общества и открылся 21 марта 1893 г. Общее собрание состоялось 24 апреля 1894 г. после Божественной Литургии и молебна, где председателем избрали епископа Якутского и Вилюйского Мелетия, его заместителем губернатора Якутской области В.Н. Скрыпицына; казначеем и делопроизводителем Н.А. Лебедева и его заместителем — игумена Спасского монастыря Иосафа[1].

В 1893–1899 гг. в Якутском отделе ИППО состояли 75 чел., в том числе 30 представителей духовенства (37%), 20 инородцев (27%), 9 купцов (12%), 6 чиновников (8%), 5 мещан (5%), 2 военных, 1 учитель, 1 землемер, 1 крестьянин, 1 ссыльный, 2 неизвестных. В течение этих шести лет сменилось три председателя Якутского отдела ИППО Мелетий, Никодим и Никанор. Среди членов ИППО имелись представители якутского народа: М.И. Божедонов, А.Ф. Лепчиков, Т.Д. Попов, Д.Е. Артемьев, И.Л. Габышев, Л.И. Егоров, П.И. Захаров и др. Из 9 членов сословия купцов можно отметить: Ф.В. Астраханцева, Н.А. Расторгуева, В.Н. Эверстова, И.А. Попова, П.И. Захарова и др.

Организация и состав Братства во имя Христа

С целью открытия церковно-приходских школ в приходах и миссиях для просвещения детей в духе православной веры в г. Якутске 16 августа 1892 г. было учреждено Братство во имя Христа Спасителя при Спасском монастыре[2]. Епископ Якутский и Вилюйский Мелетий с и.д. губернатора Якутской области В.Н. Скрыпицыным пришли к общему согласию о необходимости приглашения лиц духовного и светского звания с целью образования Братства во имя Христа Спасителя[3].

Торжественное открытие Братства было приурочено к годовщине кончины архиепископа Иннокентия Вениаминова. 28 августа после Божественной Литургии епископ Мелетий произнес приуроченное к этому событию поучение и состоялся молебен о благословении Братства на просветительскую деятельность. В Архиерейском доме состоялось первое учредительное заседание нового сообщества с участием представителей гражданской власти, духовенства и горожан. На нем после пения тропаря иркутскому чудотворцу и святому Иннокентию был прочитан утвержденный епископом Якутским и Вилюйским устав объединения и заслушана речь ректора Якутской Духовной семинарии архимандрита

---

1 Антонов Е.П. Якутский отдел Императорского Православного Палестинского Общества (1893–1917 гг.) как коммуникативное сообщество // Сборник трудов Якутской Духовной семинарии. 2021. № 11–12. С. 59.

2 Устав Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1892, октября 1 дня. 19. С. 289.

3 Братство во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1892, октября 16 дня. № 20. С. 309.

Стефана о цели и значении Братства, призвавшего присутствующих принести посильные пожертвования. Речь отца Стефана произвела на всех огромное впечатление и было собрано 1269 руб.[4]

Затем состоялись выборы в Совет Братства, в состав которого вошли под председательством епископа Мелетия два его заместителя: ректор Якутской семинарии, архимандрит Стефан и вице-губернатор области П.П. Осташкин. Членами избрали: кафедрального протоиерея Инн. Берденникова, протоиерея Ст. Попова, атамана Н.Ф. Шамаева, дворянина Ф.В. Астраханцева, преподавателя семинарии Ст. Евг. Парышева[5]. 28 августа 1892 г. на открытии выступил епископ Якутский и Вилюйский Мелетий, подчеркнувший, что русский народ, раньше соприкоснувшийся с Восточной Вселенской Православной Церковью, и получивший от нее свет христианства, в свою очередь, «просветит истинным светом» якутов, чукчей и других туземцев. В противном случае эти народы еще веками «будут оставаться в темной среде своих исконных извращенных верований» и «обречены на вымирание без признаков своего разумного существования на земле»[6]. В день открытия Братства по имя Христа в члены записалось 63 чел., а к концу года в составе этого сообщества числилось уже 112 чел., в том числе 74 действительных, 12 пожизненных и 26 почетных членов[7]. В Братстве из 87 членов, из которых многие были членами Палестинского Общества: купцы Ф.В. Астраханцев, П.И. Захаров, А. Очередин, С.В. Сыроватский, архимандрит Иоасаф, протоиереи И. Берденников, Анд. Попов, Ст. Попов, начальник Якутского Епархиального училища В.А. Явловская.

Задачами нового религиозно-просветительского сообщества являлись:

1) дальнейшее утверждение истин православной веры и просвещение коренного населения Якутской епархии в духе преданности и любви к государю, Отечеству и народам империи; 2) распространение среди народов Якутии Священного Писания, вероучительных и назидательных книг на русском языке с переводом их на якутский язык; 3) открытие новых церковно-приходских школ и ремонт существующих учебных заведений; 4) борьба с алкоголизмом и открытие общества трезвости; 5) противодействие пропаганде других религиозных конфессий, раскольников и сектантов; 6) поставки учебных пособий и книг в церковно-приходские школы; 7) изыскание средств для помощи осиротевшим детям лиц, имеющим заслуги перед Братством во имя Христа Спасителя[8].

---

4 Братство во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1892, октября 16 дня. № 20. С. 310.

5 Журнал общего годичного собрания членов Братства во имя Христа Спасителя 16 авг. 1893 года // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, марта 1 дня. №5. С. 71–72.

6 Слово, сказанное Преосвященнейши Мелетием Епископом Якутским и Вилюйским при открытии Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные Ведомости. 1894, февраль 1 дня. С. 42–43. С. 37–44.

7 Журнал общего годичного собрания членов Братства по имя Христа Спасителя 16 авг. 1893 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, марта 1 дня. 5. С. 73.

8 Устав Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1892, октября 1 дня. 19. С. 289; Устав Якутского православного церковного Братства во имя Христа Спасителя при Якутском Спасском монастыре. // Якутские Епархиальные ведомости. 1915, 1 мая. 9. С. 167–168.

Члены Братства делились на почетных, действительных, пожизненных и непременных. Почетными становились лица, оказавшие особые услуги этому сообществу своими трудами, или пожертвовавшие единовременно не менее 100 руб., или ежегодно не менее 10 руб. Действительными — лица, внесшие не менее 50 руб. единовременно или не менее 3 руб. в год, за исключением учителей церковно-приходских школ, внесших не менее 1 руб. в год. Непременными — священнослужители с ежегодным взносом не менее 1 руб. и дьяконы и псаломщики со взносом не менее 50 коп. в год[9]. Средства Братства поступали из годовых членских взносов и единовременных вкладов от членов и посторонних лиц, сбора пожертвований по листам, годового кружечного сбора и тарелочного сбора[10]. В 1895/1896 г. попечителями и почетными членами Братства состояли: Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, генерал-губернатор Восточной Сибири А.Д. Горемыкин, губернатор Якутской области В.Н. Скрыпицын[11].

26 января 1894 г. на Совете Братства его председатель, епископ Мелетий выступил с информацией об учреждении жителями Дюпсинского улуса при Троицком храме отделения Братства. Первому филиалу Братства было присвоено имя архиепископа Иннокентия Вениаминова — инициатора обучения грамоте сельских якутов[12]. Иннокентьевское отделение Якутского церковного Братства имело такие же цели и задачи, как центральное Братство, но ограничивало круг своей деятельности одним улусом и только в случае увеличения средств предусматривался охват соседних улусов[13].

В 1894–1895 гг. в Дюпсинском Иннокентьевском отделении Братства по имя Христа Спасителя насчитывалось пожизненных почетных членов — 3; почетных — 12, действительных — 25 и соревнователей — 15, итого: 55 чел. Пожизненными почетными членами состояли: протоиерей Кронштадского Андреевского собора, отец Иоанн Ильич Сергеев и протоиерей Якутского Богородского храма Стефан Николаевич Попов[14]. Местный общественный деятель, писатель, журналист и издатель В.В. Никифоров составил устав филиала Братства. Это свидетельствовало о высокой оценке якутской интеллигенцией религиозно-нравственного

---

9 Устав Якутского православного церковного Братства во имя Христа Спасителя при Якутском Спасском монастыре. // Якутские Епархиальные ведомости. 1915, 1 мая. № 9. С. 169–170.

10 Устав Якутского православного церковного Братства во имя Христа Спасителя при Якутском Спасском монастыре. // Якутские Епархиальные ведомости. 1915, 1 мая. № 9. С. 170–171.

11 Якутское церковное Братство во имя Христа Спасителя в 1895/1896 году. // Якутские Епархиальные ведомости. 1896, ноября 16 дня. № 22. С. 349.

12 Журнал Совета Братства Христа Спасителя 26 января 1894 г. Устав Дюпсинского Иннокентьевского отделения Якутского церковного Братства. // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, марта 16 дня. № 6. С. 86–87.

13 Устав Дюпсинского Иннокентьевского отделения Якутского церковного Братства. // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, марта 16 дня. № 6. С. 87.

14 Отчет Иннокентьевского отделения Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя, за второй учебный год деятельности с 1 сент. 1894 г. по 15 авг. 1895 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1896, января 16 дня. № 2. С. 23.

просвещения и стремления «выбиться из той мрачной среды векового невежества, в которой они находятся в своих наслегах, вдали от просвещенного мира»[15]. Председателем филиала избрали самого Василия Васильевича, а устав был утвержден Его Преосвященством в начале 1894 г. В.В. Никифоров развернул активную разъяснительную работу, убедил многих якутов вступить в состав Братства и собрал в качестве взносов более 200 рублей[16].

В 1912/1913 г. Совет Братства состоял из председателя, епископа Якутского и Вилюйского Мелетия, его заместителей: ректора Якутской Духовной семинарии Василия Ильинского и дворянина Ф.В. Астраханцева. Членами Совета были кафедральный протоиерей Иннокентий Н. Берденников, протоиереев: Александра И. Охлопкова, казначея и делопроизводителя М.П. Охлопкова, преподавателей семинарии: Н.М. Малышева и С.Н. Лебедева. Членов со званием попечителей, пожизненно-почетных, почетных с единовременным взносом состояло 44 чел.[17]

При Братстве в Спасском монастыре было учреждено церковное древлехранилище с целью сохранения христианских древностей: книг, рукописей, документов, в том числе на якутском, тунгусском и чукотском языках, фотографий, картин, икон, образцов церковной архитектуры (камней), других вещественных артефактов. Принимались также экспонаты по истории Якутского края, верованиям и быту народов региона[18]. Древлехранилище дотла сгорело во время пожара в Архиерейском доме[19].

Просветительская деятельность Якутского отдела ИППО

В 1903/1904 гг. сообщество проводило чтения и собеседования о Святой Земле и священных событиях в церковно-приходских школах Якутии[20]. Поэтому к 1903 г. большинство слушателей Палестинских чтений составляли учащиеся, часть из которых исполняли религиозные песнопения[21]. Якутский отдел ИППО активно проводил религиозно-просветительскую работу. Так, архипастырь

---

15 Записка о значении и цели Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, февраля 16 дня. С. 55–56.

16 Летопись Дюпсинской Троицкой церкви // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, мая 16 дня. № 10. С. 151.

17 Отчет Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя за 1912/1913 год // Якутские Епархиальные ведомости. 1914, 16 янв. № 2. С. 37–38.

18 Церковное древлехранилище. // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, марта 16 дня. № 6. С. 91.

19 Якутское церковное Братство во имя Христа Спасителя за XI г. его существования. Отчет за 1902–1903 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1904, 16 мая. № 10. С. 157–158.

20 Якутский отдел Императорского Православного Палестинского Общества, за 11 год его существования. С марта 1903 г. по 1 марта 1904 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1904, № 12. 16 июня.

21 Якутский отдел Императорского Православного Палестинского Общества за 10 год его существования. // Якутские Епархиальные ведомости. 1903, 1 авг. № 15.

Никанор предложил 14 октября 1899 г. председателю комиссии религиозно-нравственных чтений, протоиерею Ф.А. Стукову проводить традиционные чтения на якутском языке. Члены ИППО выступали с просветительскими лекциями о Святой Земле, Палестинском Обществе и другим вопросам на якутском языке в Якутском городском общественном собрании, семинарии, женском Епархиальном училище, тюремном замке, в Вилюйской церковно-приходской школе и др.[22] Библейские чтения не только прививали православную веру, но и значительно расширяли общий кругозор народа[23].

В 1900–1901 отчётном году председатель отдела Палестинского Общества поручил протоиерею В. Бережнову перевести на якутский язык поучения в неделю Ваий и напечатать их в «Якутских Епархиальных ведомостях»[24]. Особое внимание ИППО обращало на библейскую археологию, историю и языкознание, когда в течение четверти века своего существования было опубликовано 347 книг по палестиноведению[25]. С целью появления переводных текстов общенародных палестинских изданий Совет Якутского отдела ИППО выступил с ходатайством в 1901 г. В результате власть приняла решение о ежегодном выделении по 150–200 р. для изданий на языке якутов[26]. Были опубликованы отчёт Якутского отдела ИППО за 1899–1900 гг., а также предписания причтам о производстве Вербного сбора, объявления об изданиях общества, о собрании членов отдела, пригласительные билеты и пр. Опубликованный отчёт отдела за 1899–1900 гг. рассылался за пределы епархии[27].

Просветительская работа Братства во имя Христа Спасителя

В 1895/96 г. деятельность Братства, состоявшего из 284 членов, была направлена главным образом на открытие и ремонт церковно-приходских школ. Из расходного капитала в 3840 руб. 70 коп. на школьные нужды было израсходовано

---

22 Отчет Якутского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1899–1900 гг. Якутск: Тип. обл. правления, 1900. С. 4.

23 *Шушканова Е.А.* Императорское Православное Палестинское Общество в Енисейской губернии (1898–1917 гг.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI вв.: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 192–193; С. 190–195.

24 Якутского отдела Императорского Православного Палестинского Общества отчет за 1900–1901 гг. Якутск: Тип. обл. правления, 1901. С. 6.

25 *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2007. 39 с. С. 20.

26 *Архипова А.И.* Губернатор В.Н. Скрыпицын и открытие Якутского отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 28–33. С. 32–33.

27 Якутского отдела Императорского Православного Палестинского Общества отчет за 1900–1901 гг. Якутск: Тип. обл. правления, 1901. С. 5–6.

873 руб. 33 коп.[28] Необходимость в получении образования входила в народное сознание, но сильны были опасения, что эти расходы придется возмещать обнищавшим якутским обществам. В связи с этим поднимался вопрос об оказании помощи просвещению со стороны государства и благотворительных организаций. Школы в Якутске, Вилюйске, Олекминске, Верхоянске и Среднеколымске находились в ведении Епархиального училищного совета. Однако на открытие и содержание церковно-приходских школ требовалось двухкратное увеличение существующих расходов[29]. В условиях острого недостатка средств в Училищном совете Братство оказывало существенную помощь в строительстве школьных зданий в Красноярске, Борогоне, Булуне, Качикатцах и Соттинцах. Также из его средств периодически выплачивалась зарплата учителям и единовременные поощрительные выплаты, а также две стипендии в Епархиальном женском училище[30]. При этом Совет Братства активно поддерживал содержание преимущественно беднейших мальчиков-якутов в различных общежитиях. Так, в 1899–1900 г. было выделено 810 руб. на содержание 17 мальчиков в Вилюйской, Красноярской, Кутанинской, Мегежекской, Олекминской, Охотской, Среднеколымской, Шеинской.[31].

Учащиеся церковно-приходских школ были приучены к церковному богослужению, читали и пели в храме, знали порядок службы. Гармоническое пение учащихся из якутов и тунгусов окончательно подорвало предрассудки о природной неспособности инородческих детей к гармоническому нотному пению. Выпускники этих учебных заведений в качестве хористов услаждали благочестивые чувства прихожан на архиерейском богослужении[32]. Якуты воочию видели плоды духовно-нравственного просвещения молодого поколения и постепенно свыкались с мнением «о пользе и обязательности обучения своих детей полезным наукам, ведущим к сознательно-разумной жизни в мире Божием»[33].

Братство стремилось к воспитанию среди учащихся в ходе религиозного просвещения благочестия, навыков к труду, приумножению школьниками полученных от Бога талантов, подготовке к честной трудовой жизни, выходу в мир с готовностью служить общему делу. В борьбе против царящей в обществе летаргии и неподвижности Братство нашло поддержку во властных органах и среди населения[34]34. Семинарские выпускники занимали священнические и диаконские места, а также учительские ставки в духовных учебных заведениях. Поэтому

---

28 Якутское церковное Братство во имя Христа Спасителя в 1895/96 году // Якутские Епархиальные ведомости. 1896, ноября 16 дня. №22. С. 345.

29 Речь в общем собрании Братства во имя Христа Спасителя 16 авг. 1896 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1896, декабря 16 дня. № 24. С. 378–379.

30 Там же. С. 379.

31 Якутское церковное Братство во имя Христа спасителя за VIII год его существования с 16 авг. 1899 года по 16 авг. 1900 года. // Якутские Епархиальные ведомости. 1900, 16 нояб. № 22. С. 310–311.

32 Речь в общем собрании Братства во имя Христа Спасителя 16 авг. 1896 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1896, декабря 16 дня. № 24. С. 380.

33 Там же. С. 380–381.

34 Речь в общем собрании Братства во имя Христа Спасителя 16 авг. 1896 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1896, декабря 16 дня. № 24. С. 381–382.

желающих работать среди инородцев в церковно-приходских училищах, расположенных в тайге и тундре катастрофически не хватало[35].

Для решения этой проблемы председатель Братства епископ Мелетий предлагал организовать педагогические курсы при духовных училищах, комплектуемых за счет учеников миссионерских школ. По его мнению, молодые люди, востребованные в скромной сельской среде скорее и охотнее активизировали бы просветительскую деятельность среди инородцев[36]. Также большие надежды Владыко возлагал на Епархиальное женское духовное училище — кузницу кадров учительниц для сельских школ[37].

Подготовка педагогических кадров из числа инородцев требовала особого такта, терпения и чуткости, чтобы «идти исподволь, дабы и льна курящего не угасить». Поэтому перед председателем Братства Мелетием ставилась задача «особо вникать в дела» и разрабатывать направления деятельности училищ и Братств[38]. Сильное воздействие на епископа Мелетия оказала речь губернатора Якутии В.Н. Скрыпицына на собрании от 16 августа 1893 г., где подчеркивалась роль Братства, которое с помощью духовенства, знающего язык, обычаи и предания якутов, и церковно-приходских школ распространит русский язык и грамоту среди аборигенов области[39]. Вообще, духовенство пользовалось среди якутов и других народов «таким авторитетом, каким не пользуются другие сословия русской народности». Еще до появления церковно-приходских школ приезжие поражались якутам, одетым в свои лучшие одежды, стоящим «чинно и благоговейно» и внимательно следящими за своими детьми в православных храмах. Даже в отдаленном Колымском округе якуты, чукчи и эвены «мало-помалу» отрекались «от преданности шаманизму». Новый поведенческий код проявлялся в том, что они собирались в какой-нибудь юрте, где перед иконой ставили свою любимую пищу и в течение нескольких часов излагали перед Богом «своим полудетским лепетом просьбы и моления»[40].

К 1914 г. Братство имело в своем распоряжении «волшебный» фонарь и достаточный запас световых картин по различным темам Священной истории Ветхого и Нового Заветов, русской церковной и гражданской истории и литературы для демонстрации картин на открытых чтениях. Братство охотно делилось своими иллюстративными материалами с нуждающимися церковно-приходскими школами г. Якутска и г. Вилюйска[41].

Крупным событием в истории Братства стало открытие в Дюпсинском улусе в 1889 г. церковно-приходской школы. Родоначальники всех наслегов этого улуса

---

35 Записка о значении и цели Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, февраля 16 дня. С. 59.

36 Там же. С. 60.

37 Там же.

38 Там же. С. 60–61.

39 Записка о значении и цели Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя. // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, февраля 16 дня. С. 61–62.

40 Там же. С. 62.

41 Якутское церковное Братство во имя Христа Спасителя за XI г. его существования. Отчет за 1902–1903 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1904, 16 мая. № 10. С. 157.

обязались выделять ежегодно 600 руб. на ее содержание. На собрании 20 апреля 1891 г. В.В. Никифоров при открытии филиала Братства в Дюпсинском улусе собрал членскими взносами 46 руб. Содержатель пансиона и священник воздержались от просьб о выделении оставшихся 34 руб. из недостающих 80 руб. ввиду готовности якутского общества ежегодно предоставлять 600 руб. для школы. Купола и кровля Дюпсинской Троицкой церкви требовали срочного ремонта, пропускали летом течь, портившую потолок и стены и представлявшую угрозу для обновленного иконостаса. Для обновления последнего разными пожертвованиями поступило 168 руб., с разрешения Епархии из церкви — 100 руб. и раскладка между прихожанами принесла еще 400 руб. Последняя сумма была собрана благодаря усилиям церковного старосты и родовича 1-го Оспетского наслега А.П. Афанасьева. По согласованию с епископом Мелетием был приготовлен главный купол, на который было истрачено 250 руб. К 1892 г. в этом приходе значилось 1133 лиц мужского и 1158 женского, т.е. всего 2291[42].

Дюпсинская школа размещалась в доме псаломщика, состоявшего учителем этого учебного заведения, но в нем отсутствовал интернат, жилые комнаты для учителя и сторожа. Помещение было разделено на квартиру учителя и класс, занимавший всего — часть школы, в ветхой якутской юрте размещалась кухня. Школьное здание было очень старое и холодное, так как зимой по углам на полу и потолке образовывался лед. Если сильнее топили печи, то начиналось оттаивание льда, но возникал сильный угар. Ситуация начала улучшаться после появления здесь псаломщика Петра Бурнашева, усердно конопатившего дырявое здание, отчего зимой стало заметно теплее[43].

С 1 сентября 1894 г. по 15 августа 1895 г. поступило в приход членских взносов и пожертвований на 184 руб. 23 коп.; ежегодных ассигнаций от улуса 600 руб.; пожертвований от протоиерея Иоанна Сергеева 200 руб.; пожертвований от инородца Кирилла Спиридонова 300 руб. Итого: 1284 руб. 23 коп. За это же время было израсходовано: на содержание Дюпсинской церковно-приходской школы 460 руб. 30 коп.; на содержание Джегудейской церковно-приходской школы 158 руб. Остальная сумма была распределена между неимущими учащимися и священниками за расходы в пользу пансиона. Итого 873 руб. 30 коп. и в наличии у Братства осталось еще 410 руб. 93 коп.[44] На средства Дюпсинского отделения Братства содержались две церковно-приходские школы с 18 учениками, три ученика обучались в духовных учебных заведениях г. Якутска[45]. В целом же открытие филиала Братства было связано с желанием поднять уровень учебного дела до современных требований хотя бы в рамках одного Дюпсинского улуса[46].

---

42 Летопись Дюпсинской Троицкой церкви. // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, мая 1 дня. № 9. С. 136–138.

43 Там же. Февраля 16 дня. С. 139, 140; Там же. Мая 16 дня. № 10. С. 149.

44 Отчет Дюпсинского Иннокентьевского отделения Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя за второй учебный год его деятельности с 1 сент. 1894 г. по 15 авг. 1895 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1896, января 16 дня. № 2. С. 24–25.

45 Там же. С. 25–26.

46 Там же. С. 26.

В марте 1894 г. благочинный V участка Якутского округа Василий Охлопков, прибывший для ревизии местного храма, обратился к родовичу 1-го Оспетского наслега А.П. Афанасьеву с просьбой о строительстве школьного здания. Но якуты из-за своей крайней нищеты не смогли реализовать данное предложение. Поэтому почетный попечитель школ V благочинного участка Якутского округа, глава Дюпсинского улуса В.В. Никифоров согласился реализовать этот проект. Ранее он вместе со священником Василием Поповым открыл церковное попечительство и стал его председателем в соседнем Джегудайском приходе, частично за счет которого содержалась местная церковно-приходская школа[47].

Строительство школьного здания было завершено к февралю 1894 г. и летом того же года планировалось завезти парты для учеников, посуду для пансионата, построить, оштукатурить и побелить крышу. Здание имело шесть комнат, класс получился просторным и светлым, а главное, как все помещения — очень теплым. Данный проект успешно реализовался благодаря трудам и пожертвованиям В.В. Никифорова. Школа была освящена 13 февраля 1894 г.[48]

В приходе Дюпсинского Троицкого храма числилось 1133 лиц мужского пола и 1158 женского, т.е. всего 2291 чел.[49] Купола и кровля Дюпсинского Троицкого храма нуждались в срочном ремонте, так как при малейшем дожде пропускали течь, портившие потолок и стены изнутри, а также представлявшую угрозу для обновленного иконостаса. Ранее на ремонт иконостаса прихожане пожертвовали 168 руб. и храм с разрешения епархиального начальства выделил еще 100 руб., а местная православная община сделала между своими членами раскладку на 400 руб. Инициатива по ремонту иконостаса принадлежала священнику Е. Дьячковскому. При батюшке Григории Попове пожертвований оказалось недостаточно и только благодаря щедрости церковного старосты, родовича 1-го Оспетского наслега А.П. Афанасьева удалось завершить ремонт. Несмотря на ежегодные неурожаи и многочисленные повинности якуты отремонтировали купола и кровлю, потратив 500 руб. По благословению епископа Мелетия и с помощью 250 руб. пожертвований успешно завершился ремонт главного церковного купола, а ремонт двух куполов и крыши был перенесен на следующий год[50].

В Нижнеколымске благодаря усилиям иеромонаха Виктора содержались две школы, испытывавших острую нехватку средств. Поэтому и здесь возникла идея об открытии отделения Братства в Колымском крае. Несмотря на крайнюю малочисленность и разбросанность местного населения здесь собирались «раз в году все коммерсанты, имеющие дело с чукчами». Речь шла о ежегодной Анюйской ярмарке, пользовавшейся популярностью среди всего населения Северо-Востока России[51].

---

47 Летопись Дюпсинской Троицкой церкви // Якутские Епархиальные Ведомости. 1894, мая 16 дня. № 10. С. 149–150.

48 Там же. С. 150–151.

49 Походный журнал священника Усть-Майской Матвеевской церкви за 1893 г. // Якутские Епархиальные Ведомости. 1894, мая 1 дня. № 9. С. 136–138.

50 Там же. С. 136–137.

51 Записка о значении и цели Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, февраля 16 дня. С. 56.

Поднимался вопрос об организации отделения Братства при Чукотской миссии, что могло способствовать возникновению школы для чукчей, чуванцев и юкагиров. Учитывались и меры губернатора В.Н. Скрыпицына по открытию тракта из Колымского края к Охотскому морю. С ростом населения планировалось устройство храмов, школ и развертывание просветительской деятельности[52].

28 апреля 1902 г. почти полностью сгорели во время пожара книжный склад и библиотека Братства в Архиерейском доме. Протоиерей, почетный член Братства Дмитрий Соколов прислал в дар из Санкт-Петербурга учебную литературу. По просьбе епископа Якутского и Вилюйского библиотека пополнилась 100 ценными изданиями из запасов Святейшего Синода. Несмотря на печальное событие из остатков библиотеки было разослано в дальние причты до 40 посылок с книгами[53].

Братство осознавало важность и необходимость устройства в г. Якутске в воскресные и праздничные дни религиозно-нравственных чтений и приступило к строительству помещения с читальным залом. В этом здании могли проводиться заседания Совета Братства и Переводческой комиссии, разместиться библиотека и книжный склад. С этой целью было собрано 4 тысячи рублей, было закуплено 1987 бревен за 1473 руб. 69 коп. и составлено несколько эскизов плана новостройки[54].

При Братстве было учреждено Общество трезвости, поскольку в Якутии с населением в 250 тысяч чел. ежегодно потреблялось неимоверное количество алкоголя — 500 тысяч ведер спирта[55]. Основные расходы в 1915 г. в размере 700 руб. пришлись на церковно-приходские школы и на организацию духовно-просветительских и антиалкогольных чтений. Последние имели огромное значение в условиях запрещения в годы I мировой войны правительством продажи спиртных напитков и закрытия винных лавок. Общество трезвости в отчетном году организовало 21 чтение, охотно посещаемое представителями средних и низших слоев горожан. Собравшиеся вместо злоупотребления вином и азартными играми, заслушивали православные поучения из жизни святых, историю Российского государства и рассказы о борьбе с пьянством. Мероприятия иллюстрировались картинами «волшебного» фонаря и общее число посетителей доходило до 3300 чел. Протоиерей Н. Нифонтов подготовил ходатайство в городскую думу о полном запрещении продажи спиртных напитков и собравшиеся рекомендовали Обществу трезвости в дальнейшем продвигать этот вопрос[56].

---

52 Записка о значении и цели Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1894, февраля 16 дня. С. 56, 58.

53 Якутское церковное Братство во имя Христа Спасителя за XI г. его существования. Отчет за 1902–1903 г. // Якутские Епархиальные ведомости. 1904, 16 мая. № 10. С. 157–158.

54 Якутское церковное Братство во имя Христа Спасителя за X год его существования (отчет за 190–1902 год) // Якутские Епархиальные ведомости. 1903, 16 янв. № 2. С. 27–28.

55 Отчет Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя за 1913–1914 год. // Якутские Епархиальные ведомости. 1914, 1 окт. № 19. С. 380.

56 Годичное собрание Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя и Якутского общества трезвости. // Якутские Епархиальные ведомости. 1915, 16 окт. № 20. С. 391–393.

29 августа 1914 г. по предписанию Святейшего Синода в г. Якутске был устроен трезвенный праздник. После Литургии в Предтеченском храме состоялся крестный ход и молебен о ниспослании благодати Святого духа на его участников. Епископ Мелетий напомнил, как иудейский царь Ирод под сильным винным возлиянием опрометчиво вынес смертный приговор святому пророку Иоанну Предтечи. Впоследствии ложный стыд отменить казнь и нарушить свою неразумную клятву замучили правителя Иудеи. На этом примере Владыко раскрыл пагубное влияние алкоголя на человека. После окончания молебна была учащиеся устроили манифестацию перед домом губернатора, городской управой и учебными заведениями[57].

Совет Братства выписал 500 экз. религиозно-нравственной брошюры «Святительское поучение к православным об обязанностях христианина» для раздачи народу[58]. В 1913 г. Братство совместно с Якутской церковно-миссионерской переводческой комиссией выпустило молитвослов на церковнославянском языке с переводом на якутский язык в количестве 10 тысяч экз. Братство передало переводческой комиссии 2 тыс. руб., пожертвованных в виде четырехпроцентной государственной ренты 1897 г. известным предпринимателем и благотворителем И.М. Сибиряковым[59].

Первые паломничества членов Якутского отдела ИППО

Вершиной деятельности Палестинского Общества в Якутии стало появление первых якутских паломников. Среди них можно назвать уроженца Баягантайского улуса Якутского округа Петра Фрументьевича Андросова (1834–1902), с молодости отличавшегося крайней набожностью. В 1860 г. он по благословению Духовной консистории и финансовой помощи земляков посетил Афонский монастырь. Через 15 лет в качестве схимонаха отправился туда во второй раз и побывал также в Палестине. Своим сородичам он объяснил, что молился за них, и привёз князцам иконы. В 1899 г. в ходе ещё одного своего пешего путешествия Андросов с 1902 г. жил в Свято-Пантелеймоновском монастыре на святом Афоне. После тяжёлого заболевания холерой его разместили на лечение в монастыре и постригли в монахи 6 ноября 1902 г., где он и преставился 16 ноября 1902 г.[60]

---

57 Отчетные сведения по Якутскому церковному братству за 1914/15 год // Якутские Епархиальные ведомости. 1915, 16 дек. № 24. С. 475.

58 Якутское церковное Братство во имя Христа Спасителя за X год его существования (отчет за 1901–1902 год) // Якутские Епархиальные ведомости. Якутские Епархиальные ведомости. 1903. 16 янв. №2. С. 28.

59 Годичное собрание Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя // Якутские Епархиальные ведомости. 1913. 1 окт. №19. С. 375–376.

60 *Ноговицына Е.С.* Монахи из Якутии // Сборник трудов Якутской Духовной семинарии / гл. ред. И.И. Юрганова. Якутск, 2016. Вып. 3. С. 161–162; Баайаҕа үөрэҕин кыһата (Просвещение в Баяге) / Хомуйан оҥордулар (Составители) Т.И. Андросова, М.Р. Егорова, А.Д. Тимофеева. Дьокуускай: Бичик, 2016. С. 19.

В 1885 г. вместе с Андросовым в паломничество на Афонскую гору отправился уроженец Баягантайского улуса Якутского округа Прокопий Николаевич Петров (1834–1909). Будучи художественным мастером, он изготавливал шкатулки, ножи для резки бумаг, гребни и другие изделия. За глубокую набожность получил прозвище Таҥараһыт (Богомолец). Он безвозмездно выполнял разные работы по оформлению Тандинского храма и изготовлению утвари. Как паломник прошёл Сибирь, Центральную Россию, но дошёл только до г. Батуми в Грузии и в 1888 г. вернулся домой. Весь богатый приобретённый опыт по землепашеству и плотницкому делу, полученный во время странствий, он сумел передать мастерам-землякам. Петров возделывал пашни, клал печи для выпечки хлеба, построил ветряную мельницу и часовню в местности Таҥараҕыт хайата (Сопка богомольца).

Вершиной творчества Петрова стала вырезанная ножом модель храма Святого Преображения г. Якутска из бивня мамонта, которая выставлялась в 1896 г. на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде, а в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже. В описании экспоната говорилось, что мастер выполнил модель за три месяца из лучшей мамонтовой кости, над которой ежедневно трудился по 7 часов. Прокопий Николаевич вырезал модель по заказу Якутского областного музея. После выставки в Париже многие экспонаты были проданы Лейпцигскому музею народонаселения. На примере подвижничества Прокопия Николаевича мы видим благотворное влияние православной веры на раскрытие творчества одаренной личности[61].

В августе 1867 г. якут из наслега Атамай-1 Намского улуса Якутского округа Т.К. Необутов со своей женой Анастасией Прокопьевной, продав весь свой домашний скот и вложив вырученные средства в банк, выехал в г. Иркутск, где прожил до марта 1870 г. Вскоре супруга заболела и вынуждена была вернуться домой, а он доехал до столицы страны, где в ноябре 1871 г. подал в Св. Синод заявление о преобразовании часовни в храм на своей малой родине. В 1871 г. Необутов из Александро-Невской Лавры отбыл на Афон, где над ним был совершён обряд пострига в монахи с именем Тит. Но так как у него не было с собой свидетельства удостоверения личности и посвящения в монашеский сан, то ему предложили вернуться на родину. В 1873 г. жена паломника согласилась на постриг её мужа только в случае выделения ей части денег мужа. Но он отказал ей и вынужден был покинуть Александро-Невскую Лавру и вернуться домой, где он скончался примерно в 1893 г. [62]

---

[61] Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX в.): каталог. Т. 2: Музеи Германии / автор и рук. проекта А.Н. Жирков; авт.-сост. А.Л. Габышева, Ю.В. Луценко, Г.Г. Неустроева, В.В. Тимофеева. Якутск: Салама, 2018. С. 633–634; *Колодезникова Е.К.* Миссия Тандинской Николаевской церкви в истории развития Баягантайского наслега // Миссия Русской Православной церкви в Сибири и Америке (к 215-летию со дня рождения Святителя Иннокентия (Вениаминова)): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием / сост. А.А. Курчатова. Якутск, 2012. С. 93–94.

[62] *Ноговицына Е.С.* Монахи из Якутии // Сборник трудов Якутской Духовной семинарии / гл. ред. И.И. Юрганова. Якутск, 2016. Вып. 3. С. 162, 163.

Заключение

Генезис и основное функционирование Палестинского Общества и Братства во имя Христа Спасителя проходило в Спасском монастыре. Последний выступил центром религиозно-просветительского движения в Якутской области. Особенности этих религиозно-просветительских сообществ заключались в членстве руководителей и участников сразу в двух объединениях, значительный процент инородцев в их составе и возникновение первого в России филиала Палестинского Общества на территории Якутии. В отличие от западноевропейских католических и протестантских стран религиозно-просветительские сообщества России осуществляли христианское просвещение не насильственным, а мирным способом. В отличие от других российских и сибирских миссий, Братство акцентировали свое основное внимание на развертывание школьного образования. Институт церковно-приходских школ сыграл важную роль в привитии мальчикам — инородцам понятий чистоты и опрятности. Высокое практическое значение имело обучение грамоте местного населения и активное его снабжение литературой по земледелию, огородничеству и медицине, что содействовало спасению его от голода местных народов.

Дисперсность расселения коренных народов послужила основной причиной формирования института походных храмов, основная деятельность которых распространилась на бродячие народности Северо-Востока России. Братство предлагало основной путь спасения от нужд и лишений в переводе бродячих этносов Арктики на оседлость. Основная деятельность Братства заключалась в формировании сети церковно-приходских училищ (было открыто 60 ученых заведений), ученики которых из числа якутов были подготовлены в качестве алтарников, певчих и чтецов во время Литургий и иных служб. Удачный опыт гармонического пения учащихся якутов и тунгусов положил конец предрассудкам о природной неспособности инородцев к нотному пению. Миссионерские проповеди на национальных языках успешно вводили коренные народы в лоно Русской Православной Церкви, способствовало благоустройству их жизни, русификации и, как это не парадоксально, формированию и развитию национальной идентичности. Переход части тунгусов на оседлость существенно сократил сферу деятельности института походных церквей и перенаправил их работу с сектантами. Братство создало сеть церковно-приходских школ в улусах, самой известной из которых стала церковно-приходская школа, филиал Братства и Троицкий храм в Дюпсинском улусе Якутского округа, созданные при активном содействии представителей национальной интеллигенции В.В. Никифорова и А.П. Афанасьева. При этом деятельность Братства благотворно влияло на изменение традиционного поведенческого кода и укрепление христианской нравственности и морали у коренных народов Якутии.

Якутский отдел ИППО, несмотря на поголовную нищету коренного населения, отличился активным сбором финансовых средств. Вершиной его деятельности стало зарождение паломнического движения в Палестину и Грецию. Палестинское общество и Братство во имя Христа Спасителя в своей работе успешно взаимодополняли друг друга. Существующие до сих пор в историографии стереотипы о безраздельном господстве язычества среди народов области не соответствуют действительности и нуждаются в пересмотре.

Sablin Vasily Anatolyevich,
Full member of the IPO «IOPS»,
Head of the Department of General History and World Politics
Vologda State University,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Russian Federation, Vologda.
E-mail — sablin@inbox.ru

Spasenkova Irina Valentinovna,
Full member of the IPO «IOPS»,
Head of the Department of Theory, Cultural History and Ethnology
Vologda State University,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Russian Federation, Vologda.
E-mail — irinaspas@mail.ru

Ovchinnikova Natalia Andreevna,
Head of the Information Resources and Digital Development Department of the Vologda Oblast State Archive,
Russian Federation, Vologda.
E-mail — baraewa.n@yandex.ru

The establishment of the Vologda Department of the IOPS in 1896 and the main directions of its activities at the initial stage

Саблин Василий Анатольевич,
действительный член МОО «ИППО»,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета,
доктор исторических наук, доцент,
Российская Федерация, Вологда.
E-mail — sablin@inbox.ru

Спасенкова Ирина Валентиновна,
заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии
Вологодского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент,
Российская Федерация, Вологда.
E-mail — irinaspas@mail.ru

Овчинникова Наталья Андреевна,
начальник отдела информационных ресурсов и цифрового развития
Государственного архива Вологодской области,
Российская Федерация, Вологда.
E-mail — baraewa.n@yandex.ru

Учреждение Вологодского отдела ИППО в 1896 г. и основные направления его деятельности на первоначальном этапе*

* Исследование проводится в рамках совместной МОО «ИППО» и Минобрнауки РФ Программы фундаментальных научных исследований по направлению ««Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи». Статья выполнена в рамках государственного задания в 2026 г.

Abstract: the article examines the establishment of the Vologda Department of the IOPS in 1896 and analyzes the main directions of its activities at the initial stage of its existence. Based on the documents and related materials, the circumstances of the opening of the Vologda Department, the specifics of its organizational design, the composition of the leadership and membership base, as well as the main forms of educational, informational and charitable activities are reconstructed. It is shown that from the very beginning, the Vologda Department acted not only as a local intermediary for collecting donations for the benefit of Society, but also as an important church and public institution that ensured the inclusion of the Vologda Diocese in the imperial space of pilgrimage, religious education and support for Orthodoxy in the East. It is concluded that from the very beginning, a stable model of the department's work has developed, based on a combination of diocesan leadership, administrative support, educational activity and the development of a network of local commissioners.

Keywords: Imperial Orthodox Palestinian Society, Vologda Department of the IOPS, Vologda Diocese, Russian Orthodox Church, pilgrimage, Holy Land, Bishop Alexy (Sobolev).

Аннотация: в статье рассматривается учреждение Вологодского отдела ИППО в 1896 г. и анализируются основные направления его деятельности на первоначальном этапе существования. На основе документов и сопутствующих материалов реконструируются обстоятельства открытия Вологодского отдела, особенности его организационного оформления, состав руководства и членской базы, а также основные формы просветительской, информационной и благотворительной деятельности. Показано, что Вологодский отдел с самого начала выступал не только как местный посредник по сбору пожертвований в пользу Общества, но и как важный церковно-общественный институт, обеспечивавший включение Вологодской епархии в общеимперское пространство паломничества, религиозного просвещения и поддержки Православия на Востоке. Делается вывод о том, что с самого начала сложилась устойчивая модель работы отдела, основанная на сочетании епархиального руководства, административной поддержки, просветительской активности и развитии сети уполномоченных на местах.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, Вологодский отдел ИППО, Вологодская епархия, Русская Православная Церковь, паломничество, Святая Земля, епископ Алексий (Соболев).

Статья поступила в Редакцию ППС 11.04. 2026 г.

Во второй половине XIX в. в Российской Империи заметно расширились формы церковно-общественной деятельности, связанные с религиозным просвещением, благотворительностью, паломничеством и поддержанием духовных связей с Православным Востоком[1]. Одной из наиболее значимых институций, в рамках которых эти направления получили устойчивое организационное оформление, стало Императорское Православное Палестинское Общество (далее — Общество, ИППО). Его устав, Высочайше одобренный 8 мая 1882 г., определял, как научные, так и благотворительные цели Общества: собирание и распространение в России сведений о Святых местах Востока, оказание помощи православным паломникам, а также устройство школ, больниц и странноприимных домов и материальную поддержку местных церковных учреждений и духовенства[2]. Уже в этих исходных установлениях было заложено сочетание просветительских, церковных и социальных задач, которое впоследствии определило и характер деятельности губернских отделов ИППО.

Переход Общества от преимущественно столичной формы существования к разветвленной сети губернских отделов стал важным этапом его институционального развития. Как показывает исследование М.Ю. Нечаевой, процесс открытия отделов ИППО на местах особенно активно разворачивался в 1890-е гг., когда Общество стремилось расширить свое присутствие в провинциальной церковной среде и создать в губерниях устойчивые организационные опоры[3]. Тем самым губернские отделы являлись не периферийным приложением к центральной деятельности ИППО, а одной из важнейших форм ее практической реализации.

В этом отношении Вологодский отдел Императорского Православного Палестинского Общества (далее — Вологодский отдел) представляет особый интерес. Его учреждение приходится на период интенсивного расширения сети губернских подразделений Общества и одновременно связано с особенностями Вологодской епархии как крупного церковного региона Русского Севера. Пространственная протяженность епархии, значительная роль духовенства в общественной жизни, наличие духовных учебных заведений и монастырей создавали благоприятные условия для развития в губернии такой формы церковно-общественной самоорганизации, какой являлся Вологодский отдел ИППО.

Научный интерес к истории Вологодского отдела ИППО определяется также состоянием источниковой базы. Наиболее важным опубликованным источником по ранней истории отдела является его отчет за первые пять с половиной

---

1 *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). СПб., 1907.

2 Устав Императорского Православного Палестинского Общества, Высочайше утвержденный 8 мая 1882 г. // Императорское Православное Палестинское общество: сайт. URL: https://www.ippo.ru/ipporu/article/ustav-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-o-200375 (дата обращения: 08.04.2026).

3 *Нечаева М.Ю.* Открытие епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. № 5. С. 107–133.

месяцев существования: с 14 сентября 1896 г. по 1 марта 1897 г.[4] Этот текст позволяет достаточно подробно реконструировать обстоятельства открытия отдела, состав руководства и членской базы, а также основные направления его деятельности. Существенно и то, что позднейший журнал заседания Вологодского отдела от 23 марта 1903 г. подтверждает дату открытия отдела: 14 сентября 1896 г.[5] Данное уточнение имеет принципиальное значение, поскольку в более поздних справочных публикациях встречаются иные датировки.

Цель настоящей статьи состоит в реконструкции обстоятельств учреждения Вологодского отдела ИППО в 1896 г. и выявлении основных направлений его деятельности на первоначальном этапе существования. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть место Вологодского отдела в процессе регионализации ИППО, проанализировать обстоятельства его открытия, охарактеризовать организационную структуру и состав руководства, а также установить, какие именно формы просветительской, организационной и благотворительной работы были намечены и реализованы в первые месяцы существования отдела.

Сам характер деятельности ИППО предопределял необходимость выхода за пределы столицы. Общество, учрежденное «с исключительно ученою и благотворительною целями», с самого начала ориентировалось на привлечение широкого круга церковных и общественных сил. Сбор и распространение сведений о Святой Земле, помощь паломникам, развитие пожертвований, поддержка православных учреждений на Востоке не могли быть обеспечены лишь усилиями центральных органов. Именно поэтому дополнения к уставной практике и последующее развитие Общества привели к созданию губернских отделов, призванных стать посредниками между Советом ИППО и епархиальной средой.

В большинстве случаев открытие епархиальных отделов было тесно связано с деятельностью правящих архиереев, а нередко также находило поддержку со стороны губернаторов и иных представителей местной администрации. Такая модель придавала отделам двойную легитимность — церковную и общественно-административную. Для провинциальной России конца XIX в. подобное соединение имело особое значение, поскольку обеспечивало и моральный авторитет, и организационную устойчивость. Вологодский случай вполне вписывается в эту общую схему, но в то же время позволяет увидеть, как подобная модель реализовывалась в конкретных условиях Вологодской губернии.

Необходимо учитывать и региональную специфику Вологодской епархии. Ее пространственная протяженность и разветвленная приходская сеть делали

---

[4] Отчет Вологодского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первые пять с половиною месяцев его существования, т. е. с 14 сентября 1896 г. по 1 марта 1897 г. // Вологодские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С.121–128 (1-я паг.).

[5] *Житенёв С.Ю.* Вологодский отдел ИППО // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2025 гг. / 2-е изд., доп. и испр.; сост., ред. и предисл. С. Ю. Житенёва. М.: Индрик, 2025. С. 195–198.

необходимым поиск таких организационных форм, которые позволяли бы достаточно быстро распространять сведения о целях ИППО, координировать местные инициативы и налаживать сбор пожертвований не только в губернском центре, но и в уездах. Именно это обстоятельство во многом предопределило ту особую роль, которую в деятельности Вологодского отдела сыграли приходское духовенство, благочинные и сеть местных уполномоченных.

Знакомство вологжан с деятельностью ИППО началось 1 ноября 1882 г., когда в «Вологодских епархиальных ведомостях» было опубликовано обращение Председателя Общества Великого Князя Сергия Александровича к правящему архиерею Вологодской епархии епископу Феодосию с просьбой опубликовать Устав Общества и содействовать распространению его целей. Примечателен отклик епископа Феодосия на обращение Председателя ИППО: «Консистория обсудит дело и сделает распоряжение, могущее споспешествовать цели Палестинского Общества»[6]. В соответствии с указом Консистории было предписано «Устав Православнаго Палестинскаго Общества с приложениями напечатать для всеобщаго сведения в Епархиальных ведомостях и независимо от сего отпечатать 100 экземпляров для передачи его разным лицам по усмотрению Его Преосвященства, настоятелям монастырей, соборов и благочинным с просьбою содействия в распространении сведений о нуждах, страданиях и опасностях, претерпеваемых Иерусалимскою Церковию от иноверной пропаганды»[7].

Непосредственное учреждение Вологодского отдела ИППО связано с именем епископа Вологодского и Тотемского Алексия (Соболева). Возглавив кафедру в декабре 1895 г., он уже в следующем году стал первым председателем вновь открытого отдела ИППО[8]. Доступные материалы позволяют утверждать, что создание отдела было связано именно с его деятельностью, а не являлось частной инициативой ограниченного круга лиц. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания характера первоначального этапа истории отдела: он формировался под непосредственным руководством правящего архиерея.

Согласно отчету, торжественное открытие Вологодского отдела ИППО состоялось 14 сентября 1896 г. в доме общежития воспитанников Вологодской Духовной семинарии[9]. Торжество началось молебствием, совершенным

---

6 Отношение председателя Православнаго Палестинскаго Общества на имя его Преосвященства от 31 июля 1882 года за № 53 // Вологодские епархиальные ведомости. 1882. № 21. (2-я паг.). С. 304–305.

7 Устав Православнаго Палестинскаго Общества // Вологодские епархиальные ведомости. 1882. № 21. (2-я паг.). С. 305–317.

8 Члены ИППО сохраняют память о епископе Алексии (Соболеве), основателе Вологодского отдела Общества // Императорское Православное Палестинское общество: сайт. URL: https://www.ippo.ru/news/article/chleny-ippo-sohranyayut-pamyat-o-episkope-aleksii--307796 (дата обращения: 08.04.2026).

9 *Панин А.Н.* Из истории Вологодского отдела ИППО // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. URL: https://www.ippo.ru/historyippo/article/iz-istorii-vologodskogo-otdela-ippo-an-panin--200486 (дата обращения: 20.03.2026).

епископом Алексием в сослужении архимандрита ректора семинарии, духовника семинарии и священника Ильинского храма. На открытии присутствовали губернатор, представители духовного и гражданского ведомств, учащиеся духовных учебных заведений и публика. Уже сама форма церемонии свидетельствует о том, что учреждение отдела воспринималось не как частное собрание небольшой группы сочувствующих, а как событие, рассчитанное на заметный общественный отклик.

Епископ Алексий в своей речи связывал значение праздника Воздвижения Креста, духовный образ Иерусалима и задачи Палестинского Общества. Подобное смысловое оформление торжества являлось неслучайным. Губернский отдел создавался не как узкотехнический орган по аккумуляции средств, а как форма духовного приобщения Вологодской епархии к судьбе Святой Земли и к поддержке православного присутствия на Востоке. Это вполне соответствовало общему характеру ИППО как института, соединявшего научные, просветительские и благотворительные цели. После речи председательствующего присутствующим было предложено записаться в состав местного отдела. Реакция оказалась весьма быстрой: в течение короткого времени собрали свыше двухсот рублей, а общая наличность кассы превысила тысячу рублей; одновременно в состав отдела записалось более сорока человек. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что открытию предшествовала определенная подготовительная работа, и инициатива учреждения отдела нашла благоприятную почву в епархиальной и губернской среде. Сразу после объявления отдела открытым были произведены выборы его должностных лиц. Председателем избран епископ Алексий, товарищем председателя — управляющий Вологодской контрольной палатой, действительный статский советник А.В. Писарев, казначеем — протоиерей Всеволод Сиземский, кандидатом казначея — протоиерей Александр Мальцев. В делопроизводители первоначально был приглашен штабс-капитан В.Б. Арендт. Уже этот состав дает достаточно ясное представление о принципах организационного построения отдела: его руководящее ядро составили архиерей, представители духовенства и губернского чиновничества. Следовательно, отдел с самого начала задумывался как церковно-общественное объединение, а не как замкнутая корпорация духовных лиц.

Вместе с тем важно различать акт торжественного открытия и начало регулярной деятельности отдела. В отчете прямо сказано, что началом действий следует считать 24 ноября 1896 г., когда в залах Архиерейского дома состоялось первое после открытия собрание членов. К этому времени Совет Общества утвердил избранных должностных лиц, а в составе руководства произошли изменения: в связи с отъездом Арендта делопроизводителем был назначен И.В. Кулаков. Таким образом, история первоначального этапа Вологодского отдела распадается на два связанных, но не тождественных эпизода: сентябрьское публичное учреждение и ноябрьское начало систематической работы.

Организационная схема Вологодского отдела соответствовала общей модели, закрепленной в Уставе ИППО. Последний предусматривал несколько категорий участия, различавшихся объемом пожертвований и степенью формального

участия в жизни Общества: почетных членов, действительных членов и членов-сотрудников. Такая система была важна не только для финансовой устойчивости. Она позволяла сочетать престижность членства с возможностью привлечения достаточно широкого круга сочувствующих лиц. К 1 марта 1897 г. в составе Вологодского отдела числились один почетный член, девять действительных членов, из которых один являлся пожизненным, и 54 члена-сотрудника, среди них три пожизненных и 51 с ежегодным взносом. Таким образом, за первые пять с половиной месяцев существования отдел объединил 64 участника. Для раннего этапа деятельности епархиального отдела это был вполне значительный показатель, свидетельствующий о том, что Вологодский отдел довольно быстро вышел за пределы первоначального круга организаторов.

Персональный состав членов отдела позволяет сделать и более содержательные выводы. В их числе состояли: архимандриты, игумены, протоиереи, священники, представители губернской администрации, офицеры, инженер, а также купцы Вологды, Великого Устюга, Вельска и Тотьмы. Этот перечень показывает межсословный и межкорпоративный характер Вологодского отдела. Его деятельность не ограничивалась ни духовенством, ни чиновничеством, ни купеческой средой в отдельности; напротив, она строилась как форма сотрудничества нескольких общественных групп вокруг общей церковно-благотворительной задачи.

При этом руководящая роль духовенства не вызывает сомнений. Архиерей возглавлял отдел, протоиереи занимали ключевые должности, монастырские настоятели составляли заметную часть его членской базы. Это было вполне закономерно. Именно церковная среда располагала наиболее устойчивыми каналами общения с населением, развитой институциональной сетью и возможностью обеспечить систематическую просветительскую работу. Вместе с тем участие светских лиц придавало отделу дополнительные организационные и финансовые возможности. В этом и заключалась одна из характерных черт губернских отделов ИППО как формы церковно-общественной самоорганизации позднеимперской эпохи.

Отдельно следует подчеркнуть роль епископа Алексия. Его участие не ограничивалось почетным председательством. Напротив, источники позволяют заключить, что именно он определял основные направления работы отдела, содействовал информационному освещению его деятельности, привлекал к участию епархиальное духовенство и поддерживал развитие просветительских форм работы. Поэтому в ранней истории Вологодского отдела можно говорить не просто о формальном административном руководстве, а о деятельном архипастырском кураторстве.

Первое собрание членов отдела, состоявшееся 24 ноября 1896 г., обозначило основные линии его дальнейшей работы. При этом принципиально важно, что деятельность Вологодского отдела с самого начала понималась широко. Она не сводилась к сбору средств, хотя благотворительно-сборная функция, безусловно, занимала важное место. Уже в первые месяцы отдел развернул комплексную работу, включавшую информационное освещение задач Общества, приходское разъяснение его целей, организацию специальных чтений о Святой Земле, создание

сети местных уполномоченных и участие в общеимперских акциях, связанных с паломничеством и вербным сбором.

Прежде всего, была поставлена задача систематического ознакомления местного населения с целями и деятельностью ИППО. По распоряжению епископа Алексия сведения о составе, целях и деятельности Общества и Вологодского отдела начали помещаться в каждом номере «Вологодских епархиальных ведомостей». Одновременно, по распоряжению начальника губернии, подобные материалы публиковались и в «Вологодских губернских ведомостях». Это свидетельствует о том, что отдел стремился работать сразу в двух информационных пространствах — церковном и светском, тем самым выводя палестинскую тему в сферу более широкой губернской публичности.

Вторым важнейшим направлением стала просветительская деятельность через приходское духовенство. Председатель отдела распорядился, чтобы во время внебогослужебных собеседований в городских и сельских храмах священнослужители разъясняли прихожанам цели Палестинского Общества, знакомили их с его деятельностью на Православном Востоке и рассказывали о заботах о русских паломниках. Это решение было весьма прагматичным и в то же время глубоко церковным по своему характеру. Оно позволяло включить палестинскую проблематику в уже сложившуюся систему церковного назидания и использовать для этого разветвленную приходскую сеть без создания особых дополнительных структур.

С указанным направлением тесно связана и организация сети уполномоченных ИППО. В отчете прямо подчеркивается обширность Вологодской епархии, и вытекающая отсюда необходимость иметь как можно большее число лиц, к которым население могло бы обращаться за сведениями об Обществе и которые могли бы собирать добровольные пожертвования по выданным листам. Поэтому отдел обратился к протоиереям уездных соборов и благочинным с просьбой принять на себя звание уполномоченных и рекомендовать других полезных для этого дела лиц. Уже к 1 марта 1897 г. согласие исполнять эти обязанности выразил 21 человек; им были разосланы сборные листы, квитационные книжки, правила и брошюры. Тем самым отдел начал создавать собственную коммуникационно-сборную сеть в пределах губернии.

Особое место в ранней истории Вологодского отдела занимают чтения о Святой Земле, устроенные в Вологде в течение Великого поста 1897 г. По соглашению с Комиссией народных чтений было проведено шесть чтений с туманными картинами о путешествиях к святым местам Иерусалима и его окрестностям. Тексты чтений и картины для волшебного фонаря были доставлены Канцелярией Совета Общества, а по распоряжению епископа Алексия хор духовной семинарии исполнял в начале, середине и конце чтений церковные песнопения. Такая форма мероприятия представляла собой характерный для эпохи синтез лекционного материала, визуального ряда и духовно-музыкального сопровождения. Судя по отчету, чтения пользовались значительным успехом: их посещало по 350–400 человек, причем часть желающих, не могла попасть из-за нехватки мест в помещениях. На каждом чтении слушатели бесплатно получали внебогослужебные собеседования о Святой Земле; всего было роздано свыше двух

тысяч листов, изданных ИППО. Эти сведения позволяют заключить, что уже на начальном этапе просветительская функция заняла в деятельности отдела одно из центральных мест. Через чтения и распространение печатных материалов население губернии вовлекалось в особое религиозно-культурное пространство, в котором Святая Земля становилась предметом не отвлеченного знания, а живого церковного интереса.

Наряду с этим Вологодский отдел выполнял важную информационно-посредническую функцию между центральными органами ИППО и местным обществом. По поручению Совета были приняты меры к широкому распространению среди населения сведений о временном прекращении выдачи заграничных паспортов паломникам, отправлявшимся в Святую Землю, в связи с опасностью занесения чумы. Аналогичным образом в течение нескольких недель Великого поста местная печать публиковала сообщения о разрешенном Святейшим Синодом Вербном сборе в пользу православных в Иерусалиме и Святой Земле. Это показывает, что отдел выступал не только как региональный сборщик средств, но и как канал официальной церковно-общественной коммуникации.

Финансовые итоги первых месяцев деятельности также представляют интерес. С 14 сентября 1896 г. по 1 марта 1897 г. в отдел поступило 1204 руб. 14 коп. членских взносов, пожертвований и процентов. Из этой суммы 1100 руб. были направлены в Совет Общества; на почтовые и другие расходы израсходовано 5 руб. 93 коп., а остаток составил 98 руб. 21 коп. Данные цифры свидетельствуют о том, что отдел очень быстро встроился в общеимперскую финансовую систему ИППО и уже в первые месяцы функционировал как реальный источник поддержки его центральных задач.

Одной из наиболее примечательных особенностей Вологодского отдела являлось то, что он изначально действовал на пересечении церковной, общественной и административной сфер. На это указывает и присутствие губернатора и официальных лиц при его открытии, и участие в руководстве начальника контрольной палаты, и публикация материалов о деятельности отдела не только в церковной, но и в гражданской печати. Подобная модель соответствовала общему характеру ИППО, однако в Вологде она проявилась особенно наглядно. Отдел возник не как частная инициатива узкого круга ревнителей палестинского дела, а как признанная и поддержанная форма церковно-общественной деятельности на губернском уровне.

Не менее существенно и то, что Вологодский отдел быстро приобрел общеепархиальное измерение. Уже первые его шаги — обращение к благочинным и протоиереям, рассылка материалов, вовлечение приходского духовенства в собеседования, организация уполномоченных — показывают, что отдел мыслился не как городской кружок при архиерейском доме, а как структура, способная охватить всю епархию. Именно этим объясняется столь важная роль приходской сети. В условиях огромной территории и разреженного пространства населенных пунктов только через духовенство и местных представителей можно было обеспечить живое присутствие ИППО в повседневной жизни губернии.

Ранние организационные решения оказались продуктивными и в дальнейшей перспективе. Уже в журнале заседания Вологодского отдела от 23 марта 1903 г.

подчеркивалось, что отдел, открывший деятельность 14 сентября 1896 г., продолжал стремиться к достижению главных целей ИППО посредством чтений и собеседований, знакомства русских людей с прошлым и настоящим Святой Земли, а также изыскания средств на облегчение пути православным паломникам и поддержание православия на Востоке[10]. Подобная формулировка свидетельствует о преемственности между первоначальным периодом и последующим развитием отдела. Следовательно, модель, намеченная в 1896–1897 гг., не была случайным набором мер; она легла в основу его дальнейшего функционирования.

В более широком контексте это позволяет сделать и общий вывод о значении Вологодского отдела. Его первоначальная деятельность обнаруживает, что губернские отделы ИППО в позднеимперской России выполняли сразу несколько функций: благотворительно-сборную, информационную, просветительскую и интеграционную. Через них население губернии включалось в общеимперскую церковную повестку, связанную со Святой Землей и Православным Востоком; через них же формировалась особая религиозно-культурная чувствительность, при которой участие в палестинском деле воспринималось как естественная часть православной общественной жизни.

Учреждение Вологодского отдела ИППО стало важным событием в церковно-общественной истории Вологодской губернии конца XIX в. Его открытие 14 сентября 1896 г. следует рассматривать как часть общего процесса расширения губернской сети ИППО, особенно интенсивно развивавшегося в 1890-е гг. Вместе с тем вологодский материал показывает, что речь шла не о механическом распространении общеимперской структуры на провинцию. На местном уровне эта структура получала собственное содержание, определяемое епархиальной средой, ролью архиерея, участием духовенства, администрации и городских слоев общества.

Решающую роль в учреждении и первоначальном становлении Вологодского отдела сыграл епископ Алексий (Соболев). Под его руководством отдел с самого начала приобрел вполне определенный организационный облик: публичное открытие, сформированное руководство, быстрое пополнение членского состава, опора на местную печать и приходское духовенство. Уже первые месяцы работы показали, что отдел не ограничится функцией пересылки пожертвований в Совет Общества. Он стал центром просветительской и информационной деятельности, связанной со Святой Землей, а также координатором местной сети уполномоченных и сборных мероприятий.

Основными направлениями первоначальной деятельности Вологодского отдела были: информационное освещение целей ИППО в церковной и гражданской печати, разъяснение задач Общества через внебогослужебные собеседования, создание системы уполномоченных в пределах епархии, проведение публичных чтений о Святой Земле и участие в общеимперских церковных сборах и информационных акциях. Особенно примечательно, что просветительская функция

---

[10] Журнал заседания Вологодского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества 23 марта 1903 года № 27 // Россия и христианский Восток: сайт. URL: https://ros-vos.net/sr/rs/1/vologda/2/ (дата обращения: 08.04.2026).

с самого начала заняла в работе отдела центральное место. Через лекции, листки, сообщения и собеседования отдел формировал у населения Вологодской епархии устойчивое представление о связи местной церковной жизни с палестинским делом и православным Востоком.

Таким образом, первоначальный этап истории Вологодского отдела следует рассматривать не просто как период организационного оформления, но как время выработки устойчивой модели деятельности. Эта модель основывалась на соединении церковного руководства, административной поддержки, просветительской активности и систематического сбора пожертвований. Именно она обеспечила отделу жизнеспособность и дальнейшее развитие. История его учреждения в 1896 г. позволяет глубже понять, каким образом региональные отделы ИППО становились важным механизмом интеграции провинциальной России в единое церковно-общественное пространство поздней империи.

Источники и литература

1. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907): Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1907. — 382 с.
2. Устав Императорского Православного Палестинского Общества, Высочайше утвержденный 8 мая 1882 г. // Императорское Православное Палестинское общество: сайт. URL: https://www.ippo.ru/ipporu/article/ustav-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-o-200375 (дата обращения: 08.04.2026).
3. Нечаева М.Ю. Открытие епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского Общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. № 5. С. 107–133.
4. Отчет Вологодского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первые пять с половиной месяцев его существования, т. е. с 14 сентября 1896 г. по 1 марта 1897 г. // Вологодские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С.121–128 (1-я паг.).
5. Житенёв С.Ю. Вологодский отдел ИППО // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2025 гг. / 2-е изд., доп. и испр.; сост., ред. и предисл. С. Ю. Житенёва. М.: Индрик, 2025. С. 195–198.
6. Отношение Председателя Православнаго Палестинскаго Общества на имя его Преосвященства от 31 июля 1882 года за № 53 // Вологодские епархиальные ведомости. 1882. № 21. (2-я паг.). С. 304–305.
7. Устав Православнаго Палестинскаго Общества // Вологодские епархиальные ведомости. 1882. № 21. (2-я паг.). С. 305–317.
8. Члены ИППО сохраняют память о епископе Алексии (Соболеве), основателе Вологодского отдела Общества // Императорское Православное Палестинское общество: сайт. URL: https://www.ippo.ru/news/article/chleny-ippo-sohranyayut-pamyat-o-episkope-aleksii--307796 (дата обращения: 08.04.2026).

9. Панин А. Н. Из истории Вологодского отдела ИППО // Императорское Православное Палестинское Общество: сайт. URL: https://www.ippo.ru/historyippo/article/iz-istorii-vologodskogo-otdela-ippo-an-panin--200486 (дата обращения: 20.03.2026).
10. Журнал заседания Вологодского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества 23 марта 1903 года № 27 // Россия и христианский Восток: сайт. URL: https://ros-vos.net/sr/rs/1/vologda/2/ (дата обращения: 08.04.2026).

Sofyin Dmitry Mikhailovich,
Chairman of the Perm Branch of the IPO "IOPS",
Associate Professor of the Department of
Interdisciplinary Historical Research
Perm State National
Research University,
Candidate of Historical Sciences,
Russian Federation, Perm.
E-mail: sofjindm@yandex.ru

Sofina Marina Vladimirovna,
Full member of the IPPO NGO,
Associate Professor of the Department of Library and Documentary Information
Technologies at the Perm State Institute of Culture,
Candidate of Historical Sciences,
Russian Federation, Perm.
E-mail: mar-sofina@mail.ru

"If We Were All Thinking About Capital, We Would Have Nothing Now...": the Letter from Michael Stepanov, Assistant Chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society, to Nicholas Anichkov, Vice-Chairman of the Society, August 26, 1907.

Summary. For the first time, the full text of a letter from Michael Stepanov, Assistant Chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society, to Nicholas Anichkov, Vice-Chairman of the Society, dated August 26, 1907, deposited in the Archive of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, is being published. This document reflects discussions among key representatives of the leadership of the Palestine Society in the process of developing a strategic decision on the maintenance of the Society's schools in Syria.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Michael Stepanov, Nicholas Anichkov, ego-documents, letters.

Софьин Дмитрий Михайлович,
Председатель Пермского отделения МОО «ИППО»,
доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация, Пермь.
E-mail: sofjindm@yandex.ru

Софьина Марина Владимировна,
действительный член МОО «ИППО»,
доцент кафедры библиотечных и документально-информационных
технологий Пермского государственного института культуры,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация, Пермь.
E-mail: mar-sofina@mail.ru

«Если бы мы все думали о капитале, то у нас теперь ничего не было бы…»: письмо помощника Председателя ИППО М.П. Степанова Вице-Председателю ИППО Н.М. Аничкову, 26 августа 1907 г.

Аннотация: впервые публикуется полный текст письма помощника Председателя Императорского Православного Палестинского Общества М.П. Степанова Вице-Председателю Общества Н.М. Аничкову от 26 августа 1907 г., отложившегося в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. В документе отражены дискуссии среди ключевых представителей руководства Палестинского Общества в процессе выработки стратегического решения о содержании школ Общества на территории Сирии.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, М.П. Степанов, Н.М. Аничков, источники личного происхождения, письма.

Статья поступила в Редакцию ППС 07.03. 2026 г.

Михаил Петрович Степанов (1853–1917) и Николай Милиевич Аничков (1844–1916), приходившиеся друг другу троюродными братьями, занимали ключевые позиции в руководстве Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО). Михаил Петрович Степанов с 1878 г. состоял при Великом Князе Сергии Александровиче, который в 1882 г. стал первым Председателем Общества. М.П. Степанов тогда занял должность Секретаря Общества, а в 1889 г. был избран помощником Председателя. В 1905 г., после гибели Великого Князя Сергия Александровича, М.П. Степанов был назначен состоять при его вдове, Великой Княгине Елизавете Федоровне, которая возглавила Палестинское Общество, и продолжил исполнять обязанности помощника Председателя ИППО вплоть до 1917 г.[1]

Николай Милиевич Аничков был крупным государственным деятелем Российской Империи. С 1886 г. он занимал пост директора Департамента народного просвещения, в 1896 г. стал товарищем Министра народного просвещения, спустя два года был назначен сенатором, а в 1905 г. — членом Государственного Совета. В 1891 г. Н. М. Аничков был избран действительным членом ИППО, в 1892 г. вошел в состав его Совета и стал председателем отделения по поддержанию Православия в Святой Земле, курировал образовательные и медицинские учреждения Общества, а в 1904 г. занял пост Вице-Председателя ИППО[2].

Масштабная деятельность Общества, направленная на поддержку русских паломников, проведение научных исследований в области палестиноведения и укрепления позиций Православия и России на Святой Земле, требовала больших расходов. С целью их оптимизации Н.М. Аничков считал необходимым отказаться от финансирования школ Общества в Сирии, передав их в ведение Антиохийской Патриархии, ограничившись лишь учебными заведениями в Палестине. М.П. Степанов придерживался иной позиции, что и нашло отражение в публикуемом письме. В конце концов ситуация разрешилась тем, что с 1912 г. по решению Императора Николая II, одобренному Государственным Советом и Государственной Думой, сирийские школы стали получать финансирование из российского государственного бюджета[3].

В российских архивохранилищах имеются два фонда ИППО — в Архиве внешней политики Российской Империи, где отложились документы о его дореволюционной деятельности, и в Архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук, в котором хранятся материалы, преимущественно, затрагивающий советский период работы Общества. Вместе с тем, в Архиве востоковедов отложилось также небольшое количество документов и о дореволюционном этапе деятельности Общества, в том числе письмо М. П. Степанова Н. М. Аничкову от 26 августа 1907 г.[4]

Фрагмент данного документа (его первая половина) был опубликован в 2009 г.[5] При подготовке к публикации были допущены многочисленные и достаточно

---

1 Лисовой, 2005. С. 8–13; Лисовой, 2006. С. 177; Лисовой, Житенёв, 2022; Бутова, 2023; Житенёв, 2024. С. 13; Черкасская, Софьин, Софьина, 2024; Микитюк, 2025; Сорокин, Софьин, Софьина, 2025.

2 Дмитриевский, 1916; Ефимов, Ковальская, 2010; Житенёв, 2022.

3 Лисовой, 2006. С. 200–201; Грушевой, 2022.

4 Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 2–4.

5 Великая княгиня..., 2009. С. 817–818.

существенные ошибки при расшифровке рукописного текста. Так, вместо слов «не скрываю» напечатано «не скрывал», вместо фразы «тверда в вере» приведены загадочные слова «тогда и вчера», вместо «Но мы ведь тем приобрели себе доверие» — «но мы в нем <нрзб.> приобрели себе доверие», вместо «Наша реклама была в Иерусалиме» — «Наша реклама была и Иерусалим», вместо «ничего не было бы» — «ничего не было», вместо «т.к.» — «т.е.», вместо «результат вышел там» — «результат вышел так», вместо «п<отому> ч<то> все видели» — «так как все видели», вместо «не в завидном положении» — «в неважном <?> положении», вместо «чтобы они были» — «чтобы они <нрзб.>», вместо «в безотрадно тяжком положении» — «в безотрадно тяжелом положении», вместо «Всем сердцем Вам преданный» — «всем сердцем <нрзб.>». В таком виде письмо без сверки с оригиналом было перепечатано в изданиях 2018 г. и 2020 г.[6], причем в последнем случае отсутствует отточие, которым при первой и второй публикациях был отмечен опущенный фрагмент, из-за чего может возникнуть неверное впечатление, что приводится целостный документ.

Ныне письмо М. П. Степанова Н. М. Аничкову от 26 августа 1907 г., отложившееся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, впервые публикуется целиком. Сокращения, присутствующие в оригинале, раскрыты в угловых скобках. При передаче текста используется современная орфография и пунктуация, особенности написания заглавных букв приводятся в соответствии с оригинальным документом.

М. П. Степанов — Н. М. Аничкову, 26 августа 1907 г.

Ильинское[7] 26/VIII 907 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Николай Милиевич, я Ваше полное грусти письмо от 24-го получил вчера и сегодня прочел его и письмо Ваше к Ряжскому[8] Ее Высочеству[9]. Вы полагаете, что я что-либо скрываю от Великой Княгини; смею Вас уверить, что никогда ничего не скрываю от Ее Высочества, касающееся Палестинского Общества; но и Великая Княгиня, как и я, тверда в вере: Господь нас не оставлял и, если на то воля Божия, и мы будем нужны и достойны, не оставит нас и в будущем. Вы ставите в упрек, что мы шли вперед, не озабочиваясь скоплением капитала. Но мы ведь тем приобрели себе доверие, что всем было ясно, что деньги, пожертвованные, шли на дело. Наша реклама была в Иерусалиме. Если бы мы все думали о капитале, то у нас теперь ничего не было

---

6 Великая княгиня..., 2018. С. 375–376; Россия в Святой Земле, 2020. С. 191.

7 Ильинское, подмосковное имение, принадлежавшее погибшему в 1905 г. первому Председателю Императорского Православного Палестинского Общества Великому Князю Сергию Александровичу. В имение в летнее время продолжали приезжать его вдова, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, и их племянники и воспитанники, Великая Княжна Мария Павловна и Великий Князь Дмитрий Павлович, которому имение было передано в собственность по наследству от дяди.

8 Ряжский Павел Иванович (1867 — после 1928), инспектор русских школ в Палестине и Сирии, впоследствии управляющий подворьями ИППО в Святой Земле.

9 Великая Княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918), урожденная Принцесса Гессенская и Прирейнская, вдова Великого Князя Сергия Александровича, Председатель ИППО.

бы, да и притоков не было бы, т<ак> к<ак> не было бы доверия. Когда в Москве в начале 90^{х} годов открылось Елисаветинское Благот<ворительное> О<бщест>во[10], и Нейдгарт, председатель Совета[11], решил, что надо думать собирать капитал, — результат вышел там, что и капитала порядочного нет, и пожертвований нет, п<отому> ч<то> все видели, что результатов деятельности нет.

Финансы наши, конечно, не в завидном положении; но воля Ваша, я не могу признать, чтобы они были, как Вы рисуете, в безотрадно тяжком положении. Я всегда с особым вниманием отношусь к ордерам и вижу, что всякая неделя все-таки приносит поступления. Благодаря Вашим хлопотам и отзывчивости Столыпина[12], надо полагать, что мы получим субсидию <в> 75 т<ысяч> на четыре еще года. На письмо к Ряжскому Ее Высочество изъявила согласие отправить его: «Это ни <к> чему не обязывает, сказала Она, а лишь спрашивается Совета Ряжского», — сказала В<еликая> Княгиня; но Ее Высочество хотела бы, чтоб пока о письме никому не говорилось, даже в Совете[13], пока не получится ответ от Ряжского. Думается мне, что если Патриарх[14] согла<сится> взять школьную обузу на себя, то не иначе, как потребовав большую субсидию. Я 4-го никак не могу быть в Петербурге; ведь это канун именин В<еликой> Княгини[15], и если я буду на заседании 4-го, то даже не мог бы вовсе попасть 5-го сюда. Из окружающих я один здесь, все в отъезде, и мне трудно отлучиться. На первом заседании Вы сами находите «несколько неловко» разоблачать в Совете «критическое, прискорбное положение» наших финансов; следовательно, вероятно, этот вопрос до ассигновки 75 т<ысяч> не будет подниматься. Быть может, мое присутствие будет полезнее, когда уже получится ответ от Ряжского, и субсидия будет уже разрешена. К тому же времени подъедет А.А. Дмитриевский[16], это будет в Декабре. Вот тогда требуйте — явлюсь. Если же Вы все же настаиваете на мой приезд до отъезда Дмитриевского, то назначьте любой день после 6-го Сентября, и тогда я выпишу сюда секретаря В<еликой> Княгини, А.П. Гжельского[17], чтобы он был здесь до моего возвращения.

Не падайте духом и верьте! Господь да поможет!

Крепко Вас обнимаю.

Всем сердцем Вам преданный

М. Степанов.

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 2–4. Автограф. Подлинник

---

10 Елисаветинское благотворительное общество, открытое в 1892 г. в Москве и Московской губернии под попечительством Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

11 Нейдгардт Борис Александрович (1819–1900), обер-гофмейстер, председатель Совета Елисаветинского благотворительного общества.

12 Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), председатель Совета министров и министр внутренних дел.

13 Совет ИППО, руководящий орган организации.

14 Патриарх Антиохийский Григорий IV (Хаддад, 1859–1928).

15 День Праведной Елисаветы, небесной покровительницы Великой Княгини Елизаветы Федоровны, празднуется 5 сентября.

16 Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929), Секретарь ИППО.

17 Гжельский Александр Павлович (1860–1913), действительный статский советник, секретарь Великой Княгини Елизаветы Федоровны, впоследствии управляющий конторой ее Двора.

Источники и литература

Бутова Р.Б. Служение до гроба. К 170-летию М.П. Степанова // Православный Палестинский Сборник. Вып. 121. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. М., 2023. С. 181–198.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна: документы и материалы, 1905–1918. Авт.-сост. Е. Ю. Ковальская. Т. 1: 1905–1913. М., 2018. — 848 с.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: документы и материалы (1884–1909 гг.) Авт.-сост. А. Б. Ефимов, Е. Ю. Ковальская. СПб., 2009. — 848 с.

Грушевой А.Г. Н.М. Аничков (1844–1916), вице-председатель Императорского Православного Палестинского Общества и его взгляды на историю ИППО. // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6, № 1. С. 87–108.

[Дмитриевский А.А.] Николай Милиевич Аничков: (Некролог). [Пг., 1916]. —95 с.

Ефимов А.Б., Ковальская Е.Ю. Великая княгиня Елизавета Федоровна и вице-председатель ИППО Н. М. Аничков. // Богословие, история и практика миссий: альманах миссионерского факультета. Вып. 1. М., 2010. С. 134–153.

Житенёв С.Ю. Аничков Николай Милиевич. // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Науч. ред. С.Ю. Житенёв. М., 2022. С. 57–58.

Житенёв С.Ю. Краткая история Императорского Православного Палестинского Общества: 160-летию Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Председателя ИППО в 1905–1917 гг., посвящается. М., 2024. — 88 с.

Лисовой Н.Н. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре Секретаря (М. П. Степанов — В. Н. Хитрово — А. П. Беляев — А. А. Дмитриевский). // Православный Палестинский Сборник. Вып. 102. Отв. ред. Н.Н. Лисовой. СПб., 2005. С. 6–35.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. — 512 с.

Лисовой Н.Н., Житенёв С.Ю. Степанов Михаил Петрович. // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Науч. ред. С. Ю. Житенёв. М., 2022. С. 812.

Микитюк В.П. Общественный деятель Михаил Петрович Степанов (аспекты историографии). // Православный Палестинский Сборник. Вып. 124. 120-летию трагической кончины Великого Князя Сергия Александровича посвящается. Гл. ред. С.Ю. Житенёв. М., 2025. С. 156–165.

Россия в Святой Земле: документы и материалы. Сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н.Н. Лисового. Т. 3. Ч. 1. М., 2020. — 744 с.

Сорокин А.А., Софьин Д.М., Софьина М.В. Создание Православного Палестинского Общества и деятельность М. П. Степанова (1881–1883). // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 1. С. 530–546.

Черкасская Н.А., Софьин Д.М., Софьина М.В. Михаил Петрович Степанов: вхождение в ближний круг великого князя Сергея Александровича // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. Т. 8, № 4. С. 73–97.

Shtepa Alexey Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of History,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kaluga, Russian Federation
E-mail — a-v-stepa@yandex.ru

Filimonov Nikita Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of History,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Candidate of Historical Sciences,
Kaluga, Russian Federation
E-mail — filimonovnikita95@yandex.ru

Vlasov Alexander Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of History,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russian Federation
E-mail — alexvlasov90@yandex.ru

Coverage of the activities Kaluga branch of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1894–1907 in the materials of the «Kaluzhskie Eparkhial`nye vedomosti»

Штепа Алексей Владимирович,
доцент кафедры истории
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского,
кандидат исторических наук, доцент,
Калуга, Российская Федерация
E-mail — a-v-stepa@yandex.ru

Филимонов Никита Александрович,
доцент кафедры истории
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского,
кандидат исторических наук,
Калуга, Российская Федерация
E-mail — filimonovnikita95@yandex.ru

Власов Александр Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры истории
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского,
Калуга, Российская Федерация
E-mail — alexvlasov90@yandex.ru

Освещение деятельности Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1894–1907 гг. в материалах «Калужских епархиальных ведомостей»*

* Публикация подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», государственное задание № FZSZ-2026–0001 «Деятельность Калужского отдела ИППО в конце XIX — начале XX века в контексте духовного и политического присутствия России на Ближнем Востоке».

Abstract: This article examines the history and main activities of the Kaluga Branch of the Imperial Orthodox Palestine Society (hereinafter — KB IOPS) based on an analysis of the materials published in "Kaluzhskie Eparkhial'nye Vedomosti" (1894–1907). The authors identify the stages of the branch's development and analysis the dynamics of its membership, financial and economic indicators, as well as its educational activities, including the organization of lectures about the Holy Land, the distribution of publications and pilgrimage booklets. Particular attention is paid to publications in the diocesan press as an important source for the history of the KB IOPS. It is noted that the branch's activities were open to a wide audience, and «Kaluzhskie Eparkhial'nye Vedomosti» regularly informed readers about annual reports, changes in the membership of the KB IOPS, fundraising efforts, the organisation of educational lectures, pilgrimage trip tariffs, and the beginning of the construction of the Sergiev Skete, which was under the jurisdiction of the KB IOPS. The study concludes that the KB IOPS was highly effective in educating the population of Kaluga Governorate and in supporting Orthodoxy in the Middle East.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, Kaluga Branch of the IOPS, «Kaluzhskie Eparkhial'nye Vedomosti», Orthodoxy, Holy Land, pilgrimage, educational lectures, church periodicals, late 19th — early 20th century.

Аннотация: В данной статье на основе анализа материалов «Калужских епархиальных ведомостей» (1894–1907 гг.) рассмотрена история и основные направления деятельности Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (далее — КО ИППО). Авторы выделяют этапы развития отдела, анализируют динамику численного состава его членов, финансово-экономические показатели, а также просветительскую работу — организацию чтений о Святой Земле, распространение изданий и паломнических книжек. Особое внимание уделено публикациям в епархиальной прессе как важному источнику по истории КО ИППО. Отмечается, что деятельность отдела была открытой для широкой аудитории, а «Калужские епархиальные ведомости» регулярно информировали читателей о годовых отчетах, изменениях в составе членов КО ИППО, сборе пожертвований, устройстве просветительских чтений, о тарифах на осуществление паломнических поездок, о начале строительстве Сергиева скита, состоявшего в ведении КО ИППО. Сделан вывод о высокой результативности КО ИППО в просвещении населения Калужской губернии и поддержке православия на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, Калужский отдел ИППО, «Калужские епархиальные ведомости», Православие, Святая Земля, паломничество, просветительские чтения, церковная периодика.

Статья поступила в Редакцию ППС 10.04. 2026 г.

Калужский Отдел Императорского Православного Палестинского Общества (далее — КО ИППО), функционировавший до 1917 г., был открыт решением 12 знатных горожан 5 апреля 1894 г. под председательством вице-губернатора Калужской губернии А.А. Офросимова. На последующем собрании, состоявшемся спустя 5 дней, председателем был избран епископ Калужский и Боровский Александр (Светлаков), а его заместителем стал Александр Александрович Офросимов[1].

Согласно позиции Елены Метальниковой, на основе осуществленных мероприятий, а также достижений, начинаний и личного вклада в общее дело членов Калужского отдела ИППО можно выделить следующие этапы развития организации: 1894–1900 гг., 1900–1905 гг. и 1905–1917 гг. В каждом из выделенных периодов, по мнению исследователя, фиксируется ряд отличительных черт. Так, в начальном периоде происходит формирование состава КО ИППО и определяются основные направления работы организации на основании уставных задач. В течение последующего этапа наблюдается развитие и совершенствование сформировавшихся традиций, основанных на специфике деятельности отдела в Калужской губернии. Наконец, наиболее продолжительный финальный период характеризуется регулярными мероприятиями по увековечиванию памяти первого председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича, а также началом деятельности Сергиева скита, расширение и строительные работы в котором продолжались вплоть до 1917 г.[2]

Необходимо отметить, что ценным источником по изучению деятельности Калужского отдела ИППО остаются «Калужские епархиальные ведомости», а также сменивший их «Калужский церковно-общественный вестник» (с февраля 1907 г.). В представленных изданиях Калужской епархии периодически публиковались материалы, относящиеся к КО ИППО, в том числе годовые отчеты[3], некоторые из которых были опубликованы отдельными брошюрами[4].

---

1 Известие об избрании уполномоченным Императорского Православного Палестинского Общества по г. Калуге калужского вице-губернатора А.А. Офросимова и о калужанах, желающих вступить в члены общества // Калужские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1894. № 4. Неоф. ч. С. 125–127.

2 Метальникова Елена. Страницы истории Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Православный христианин. 2012. № 2. С. 27.

3 Отчет Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования с 10 апреля 1894 г. по 1 марта 1895 года // КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 227–236; Отчет Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1895 г. по 1-е марта 1896 г. // КЕВ. 1896. №14. Неоф. ч. С. 422–429; Калужский отдел Императорского Православного Палестинского Общества (по отчету Отдела за время с 1 марта 1902 г. по 1 марта 1903 года) // КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 532–542; Деятельность Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1903/1904 году // КЕВ. 1904. № 13. Неоф. ч. С. 401–403; КЕВ. 1904. № 14. Неоф. ч. С. 437–446; КЕВ. 1904. № 15. Неоф. ч. С. 461–465; Деятельность Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1903/1904 году // КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 488–494; Краткий обзор деятельности Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за десятилетие — с 10 апреля 1894 года по 1-е марта 1904 года // КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 546–551.

4 Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1897 г. — 1 марта 1898 г. Калуга, 1898. — 25 с.; Отчет Калужского отдела Православного Палестин-

Из епархиальной прессы жители Калужской губернии, в частности, могли получить информацию об избрании 9 декабря 1893 г. Советом ИППО под председательством Великого Князя Сергия Александровича уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества по г. Калуге в лице вице-губернатора, камер-юнкера двора Его Императорского Величества, статского советника А.А. Офросимова. Кроме этого, в «Калужских епархиальных ведомостях» имеется сообщение об основной цели Палестинского Общества, установленной на основе Высочайше утвержденного 8 мая 1882 г. Устава ИППО, а именно — «поддержание Православия в Святой Земле, облегчение православным паломникам путешествия в Святую Землю и на Афон и ознакомления с прошедшим и настоящим святых мест Востока»[5]. Наряду с этим сообщается, что Общество принимает пожертвования и взносы «как для удовлетворения вышеупомянутых целей, так равно для пересылки по воле жертвователей в Святую Землю и в Иерусалим». При этом подчеркивалось, что все вышеуказанные поступления принимаются либо в Санкт-Петербурге в канцелярии ИППО (Мойка, 91), либо уполномоченным Общества по г. Калуге А.А. Офросимовым.

Также в издании содержится информация, что, согласно Уставу, ИППО состояло из:

1) почетных членов, внесших единовременно 5000 руб., или избранных в виду особых заслуг их в пользу святых мест Православного Востока;

2) действительных членов, внесших единовременно 500 руб. или платящих ежегодно по 25 руб.;

3) членов-сотрудников, внесших единовременно 200 руб. или платящих ежегодно по 10 руб.

Кроме того, добавлялось, что по Уставу ИППО все почетные члены и те из действительных членов и членов-сотрудников, которые сделают не ежегодные, а единовременные взносы, могли получить для ношения на шее особый Высочайше утвержденный знак общества[6].

Из материалов «Калужских епархиальных ведомостей» известно, что в г. Калуге в декабре 1893 г. изъявили желание поступить в члены Императорского Православного Палестинского Общества 11 человек, из которых двое — в действительные члены с единовременным взносом (купцы Иван Козьмич Ципулин и Феоктист Павлович Власов), пятеро — в действительные члены с ежегодным взносом (действительные статские советники — князь Н.Д. Голицын и В.С. Сорокин, тайный советник Н.С. Яновский, статский советник А.А. Офросимов и ректор семинарии о. Д.Г. Лужецкий) и четверо — в члены-сотрудники с ежегодными взносами (надворный советник Е.И. Трояновский, статский советник Д.В. Панин, коллежский регистратор О.Д. Адамович, купеческий сын Н.В. Теренин)[7].

ского общества с 1 марта 1898 г. — 1 марта 1899 г. Калуга, 1899. — 23 с.; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. Калуга, 1902. — 31 с.

5 КЕВ. 1894. № 4. Неоф. ч. С. 125.

6 КЕВ. 1894. № 4. Неоф. ч. С. 125–126.

7 КЕВ. 1894. № 4. Неоф. ч. С. 127.

С декабря 1893 г. по апрель 1894 г. проводилась предварительная работа по подготовке торжественного открытия Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Уже 5 апреля 1894 г. А.А. Офросимов в качестве уполномоченного ИППО и «наличные в г. Калуге члены общества, в числе 12 человек, постановили открыть Калужский отдел ИППО в г. Калуге под председательством Почетного Члена Общества Преосвященного Александра, епископа Калужского и Боровского»[8], а 10 апреля 1894 г. в Вербное Воскресенье произошло торжественное открытие Калужского отдела ИППО. В «Калужских епархиальных ведомостях» за 1895 г. по этому случаю имеется соответствующее свидетельство: «по совершении Преосвященнейшим Председателем Отдела торжественного соборного служения Литургии, местные члены Общества открыли первое Общее Собрание Калужского Отдела», на котором была зачитана телеграмма от Председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича: «с великим удовольствием получил Я радостную весть от Вашего Преосвященства и приношу Вам, Владыко, мою душевную благодарность и пожелание успеха на благо и пользу Православия»[9].

С речью, которая должна была вдохновить калужан на плодотворную работу, выступил действительный член ИППО М.П. Соловьев, прибывший по поручению Совета ИППО из Санкт-Петербурга[10]. Членами Совета отдела в момент открытия стали: Калужский губернатор, князь Николай Дмитриевич Голицын, губернский предводитель дворянства Николай Семёнович Яновский, действительный статский советник Владимир Степанович Сорокин, протоиерей Дмитрий Георгиевич Лужецкий, протоиерей Алексей Михайлович Колыбелин, статский советник Дмитрий Валерианович Панин, калужский полицмейстер Евгений Иванович Трояновский, уездный исправник Николай Эрнестович Мантейфель и купец Феоктист Павлович Власов. Казначеем был избран Иван Козьмич Ципулин и кандидатом на этот пост — Николай Васильевич Теренин[11].

Следует отметить, что деятельность Калужского отдела ИППО с момента его открытия достаточно высоко оценивалась Председателем ИППО. Так, в рескрипте от 21 декабря 1894 г. за №23 на имя Преосвященнейшего Александра сообщалось: «ознакомившись из представленного Мне Советом ИППО отчета о деятельности состоящего под председательством Вашим Калужского Отдела Общества, считаю приятным для себя долгом выразить Вам и всем сотрудникам Вашим по Отделу Мою Искреннюю благодарность за Ваши труды и теплое содействие, оказанное Отделом к развитию деятельности Общества»[12].

Если на начало первого года работы Калужского отдела ИППО в нем состояло 14 членов, то к концу этого периода их насчитывалось 22, включая одного

---

8 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 227.

9 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 228.

10 Речь действительного члена Императорского Православного Палестинского Общества М.П. Соловьева при торжественном открытии Калужского отдела Общества в Вербное Воскресенье 10 апреля 1894 г. // КЕВ. 1894. № 12. Неоф. ч. С. 371–380; КЕВ. 1894. № 13. Неоф. ч. С. 394–402; КЕВ. № 14. Неоф. ч. С. 420–429.

11 КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 549.

12 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 232.

почетного члена, 8 — действительных (из них пожизненных — 3) и 13 — членов-сотрудников[13]. Почетным членом Общества состоял Преосвященнейший Александр (Светлаков), епископ Калужский и Боровский (председатель КО ИППО); пожизненными действительными членами — А.А. Офросимов (товарищ председателя КО ИППО), И.К. Ципулин (казначей) и Ф.П. Власов. В последующий 1895/1896 г. состав несколько меняется: почетным членом Общества вместо умершего владыки Александра становится Преосвященнейший Макарий (Троицкий), епископ Калужский и Боровский; пожизненными действительными членами являются А.А. Офросимов, И.К. Цыпулин, Ф.П. Власов, Е.И. Трояновский, В.В. Архангельский и Д.Я. Козлов, а пожизненными членами-сотрудниками были И.И. Цыпулин и М.И. Свечников[14].

Деятельность Калужского отдела ИППО в первой год своего существования была достаточно результативной: появились лица, пожелавшие вступить в члены Общества, и обозначились энтузиасты, принявшие на себя труд по сбору средств по подписным листам. Из материалов «Калужских епархиальных ведомостей» известно, что член-сотрудник Общества Е.И. Трояновский собрал по двум сборным листам более 200 руб., а также привлек в состав Калужского отдела 5 новых лиц: трёх — в члены-сотрудники и двух — в действительные члены. В публикации обращено внимание на благочинного 1-го участка, протоиерея Жиздринского собора Д. Никольского, по подписным листам собравшего в пользу Общества 59 руб. 65 коп.; в свою очередь, протоиерей А.М. Троицкий, благочинный Козельского уезда, представил 44 руб. 13 коп.[15].

С течением времени состав КО ИППО менялся, что можно проследить по публикациям в епархиальной прессе. Так, например, жители Калужской губернии из «Калужских епархиальных ведомостей» могли узнать о кончине 8 октября 1895 г., после продолжительной и тяжкой болезни, первого председателя Калужского отдела ИППО, епископа Александра (Светлакова), «принимавшего весьма деятельное участие в открытии и организации отдела», а также о назначении на калужскую кафедру Преосвященного епископа Макария (Троицкого), ставшего по своему статусу и должности новым председателем Калужского отдела ИППО и уволенного на покой 10 июля 1901 г. «по преклонности лет». На посту председателя его сменил, начиная с 6 сентября 1901 г., новый калужский архиерей, епископ Вениамин (Муратовский). В 1899 г. почётным членом ИППО стал один из основателей Калужского отдела А.А. Офросимов (вице-губернатор в 1893–1897 гг., затем до 1909 г. — Калужский губернатор). За время открытия КО ИППО и до начала 1904 г. из членов совещательного совета отдела выбыли князь Н.Д. Голицын — Калужский губернатор в 1893–1897 гг., а также протоиерей Д.Г. Лужецкий ввиду отбытия из Калужской губернии; по причине смерти: Владимир Степанович Сорокин, Димитрий Валерианович Панин и протоиерей Алексей Михайлович Колыбелин. Вместо них в члены совета были избраны: действительный статский советник Александр Петрович Булгаков, ректор

---

13 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 228.
14 КЕВ. 1896. № 14. Неоф. ч. С. 422–423.
15 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 234.

Калужской Духовной семинарии, архимандрит Александр (Трапицын) и купец Н.В. Теренин. В 1896 г. скончался один из двух уполномоченных от ИППО по продаже в г. Калуге паломнических книжек — священник калужского Богоявленского храма А.Г. Волхонский, поэтому эта функция целиком легла на плечи другого должностного лица, занимавшего аналогичную должность с момента создания КО ИППО — калужского полицмейстера Е.И. Трояновского, «который за труды свои и содействие целям Общества был в 1895 году награжден званием действительного пожизненного члена Общества». В первые годы существования КО ИППО поменялся и его казначей: вместо потомственного почетного гражданина И.К. Ципулина, отказавшегося от этой должности, 25 октября 1896 г. на его место был избран калужский уездный исправник Н.Э. Мантейфель, состоявший в этой должности последующие 15 лет. За труды свои в 1897 г. от ИППО он был награжден знаком пожизненного члена-сотрудника[16].

К 1 марта 1903 г. КО ИППО состоял из 68 членов, из них: 3 — почетных, 11 — действительных и членов–сотрудников, среди которых 6 — пожизненных и 48 — с ежегодным взносом[17]. На 1 марта 1904 г. КО ИППО имел в своем составе следующих членов: 3 — почетных, 10 — действительных пожизненных и 48 членов-сотрудников (9 — пожизненных и 39 — с ежегодным взносом); всего — 61 человек[18].

Полные списки членов КО ИППО, равно как и списки лиц, представивших в Калужский Отдел ИППО сборы по подписным листам, а также иные пожертвования в пользу Общества, содержатся в «Калужских епархиальных ведомостях», издававшихся до января 1907 г. в «Отчетах Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества» за 1894/1895 г., 1895/1896 г., 1902/1903 г., 1903/1904 г. в рамках исследуемого периода[19], либо в брошюрах, выходивших отдельными изданиями, некоторыми из которых мы располагаем[20]. Следует уточнить, что при фронтальном просмотре нами полной подборки «Калужских епархиальных ведомостей» за 1894–1907 гг. выявить отчетной

---

16 КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 550.

17 КЕВ. 1903. № 20. Неоф. ч. С. 534.

18 КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 549–550.

19 Отчет Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования с 10 апреля 1894 г. по 1 марта 1895 года // КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 227–236; Отчет Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1895 г. по 1-е марта 1896 г. // КЕВ. 1896. №14. Неоф. ч. С. 422–429; Калужский отдел Императорского Православного Палестинского Общества (по отчету Отдела за время с 1 марта 1902 г. по 1 марта 1903 года) // КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 532–542; Деятельность Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1903/1904 году // КЕВ. 1904. № 13. Неоф. ч. С. 401–403; КЕВ. 1904. № 14. Неоф. ч. С. 437–446; КЕВ. 1904. № 15. Неоф. ч. С. 461–465; КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 488–494.

20 Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1897 г. — 1 марта 1898 г. Калуга, 1898. — 25 с.; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1898 г. — 1 марта 1899 г. Калуга, 1899. — 23 с.; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. Калуга, 1902. — 31 с.

информации о деятельности КО ИППО за 1905–1907 годы не удалось: вероятно, такого рода публикации не осуществлялись в данный период. Динамику численного состава Калужского Отдела ИППО можно наблюдать в Таблице 1.

Таблица 1

Динамика численного состава Калужского отдела ИППО в 1894–1904 гг.[21].

Годы	Число членов КО ИППО			
	почетные	действительные	Члены-сотрудники	итого
1893 (декабрь)	_	7	4	11
1894 (апрель)	1	3 (все пожизн.)	8	13
1895 (март)	1	8 (пожизн. — 3)	13	22
1896 (март)	1	14 (пожизн. — 6)	25 (пожизн. — 2)	40
1896/1897	1	15 (пожизн. — 7)	48 (пожизн. — 2)	64
1897/1898	1	10 пожизн.	71 (пожизн. — 2)	81[22]
1898/1899	1	15 (пожизн. — 7)	81 (пожизн. — 1)	97
1901/1902	2	10 (все пожизн.)	60	72
1902/1903	3	11	54	68
1903/1904	3	10 (все пожизн.)	48 (пожизн. — 9)	61

В изданной Таблице 1 видно, что «пик» общего количества членов Калужского отдела ИППО пришелся на 1898/1899 год, после чего пошел постепенный, но заметный спад. Максимальное число почетных членов в исследуемый период было 3; действительных же — 15, среди которых в разные годы либо половина, либо большая часть значились в статусе пожизненных. Число пожизненных членов среди сотрудников обычно было невелико — 1–2 человека, за исключением 1903/1904 года, когда количество пожизненных членов-сотрудников достигло девяти. Весьма любопытно, что в отчете за 1902/1903 гг. представители Совета Общества сделали акцент на категорическом осуждении процесса «погони за членами Общества», увидев в этом «весьма крупное недоразумение». Было признано рациональным — не возрастание количества членов, не сумма собранных с них денег, а, «так сказать, их качество, выражающееся не в одних денежных взносах, но и в сознательном сочувствии целям и деятельности Общества»[23].

В течение года, как правило, проходило два, реже — одно, или три собраний Совета Общества и одно общее собрание членов КО ИППО. Так, в частности,

---

21 Составлено по: КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 227–236; КЕВ. 1896. №14. Неоф. ч. С. 422–429; КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 532–542; КЕВ. 1904. № 13. Неоф. ч. С. 401–403; КЕВ. 1904. № 14. Неоф. ч. С. 437–446; КЕВ. 1904. № 15. Неоф. ч. С. 461–465; КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 488–494; КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 546–551.

22 В отдельной брошюре за 1898/1899 отчетный год, видимо, ошибочно указана цифра 88. См.: Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1898 г. — 1 марта 1899 г. Калуга, 1899. С. 11. Проверено по: Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1899 год. Калуга, 1899. С. 51.

23 КЕВ. 1903. № 20. Неоф. ч. С. 541.

из рубрики «Епархиальная хроника», помещенной в одном из номеров «Калужских епархиальных ведомостей» за 1903 год, сообщалось, что «в воскресенье 30 марта, в 2 часа дня, состоялось в зале Дворянского Собрания годичное общее собрание членов Калужского Отдела ИППО. По совершении Его Преосвященством, Преосвященным Вениамином, Епископом Калужским и Боровским, благодарственного Господу Богу молебствия, прочитан был годичный отчет о деятельности Калужского отдела Общества»[24]. Известно, что всего заседаний руководящего состава КО ИППО за 1894–1904 гг. было 18 при 9 общих собраниях[25].

В рубрике «Епархиальная хроника» была напечатана также заметка о кончине 5 мая 1903 г. в Гатчине Секретаря ИППО, действительного тайного советника В.Н. Хитрово и том, что по случаю данного печального события «в 12 ч. дня, в понедельник, 12 мая, в кафедральном соборе Преосвященным Вениамином, Епископом Калужским и Боровским, председателем Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества, в сослужении соборного духовенства, в присутствии товарища председателя отдела, в звании камергера А.А. Офросимова, проживающих в Калуге, членов отдела, совершена панихида»[26].

Главной заботой КО ИППО всегда оставалось распространение среди жителей Калужской губернии знаний о прошлом и настоящем Святой Земли и отношение к ней русского народа, «душою вечно стремящегося к святыням Палестины»[27]. Поэтому не удивительно, что большую часть усилий Совет и члены Общества прилагали к организации просветительских чтений именно об истории Палестины. Так, уже в первый год своего существования Калужский отдел устроил в Калуге в зале Дворянского собрания чтение о Святой Земле, сопровождавшееся пением архиерейского и семинарского хоров. Читал преподаватель (впоследствии — инспектор и ректор) Калужской Духовной семинарии А.А. Преображенский. Содержанием чтения было описание одной из святынь Иерусалима «страстного пути», краткое разъяснение того церковного и общерусского значения, какое имеет ИППО, «служа делу Православной Церкви и русской народности на Востоке, и указание стоимости проезда из Калуги в Иерусалим по паломническим книжкам Общества». На мероприятии присутствовало более 400 человек[28].

По материалам «Калужских епархиальных ведомостей» и нескольким опубликованным отдельными брошюрами отчетов нами выявлено количество (хотя и очень приблизительное) чтений о Святой Земле, организованных при непосредственном содействии КО ИППО, которые представлены в Таблице 2.

---

24 О годичном собрании 30 марта 1903 г. членов КО ИППО // КЕВ. 1903. № 6. Неоф. ч. С. 148.

25 КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 549.

26 О совершении панихиды 12 мая 1903 г. председателем КО ИППО Преосвященным Вениамином, епископом Калужским и Боровским по скончавшемся 5 мая в Гатчине, секретаре Императорского Православного Палестинского Общества, д.т.с. В. Н. Хитрово // КЕВ. 1903. № 10. Неоф. ч. С. 244.

27 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 230–231.

28 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 231

Таблица 2

Число чтений о Святой Земле,
организованных при содействии КО ИППО в 1894–1904 гг.[29]

Город / уезд	1894 / 1895	1895 / 1896	1898 / 1899	1901 / 1902	1902 / 1903	1903 / 1904
г. Калуга	1	1	несколько	5	5	23
Калужский уезд	—	—	несколько	—	3	13 и несколько собесед.
г. Боровск	—	—	—	5	4	4
Боровский уезд	—	—	—	—	17	Не менее 20 и 4 собесед.
г. Жиздра	—	—	2	5	—	5
Жиздринский уезд	—	—	11	12	15	180
г. Козельск	—	—	—	—	3	15
Козельский уезд	—	—	—	—	Не менее 35	Не менее 62
г. Лихвин	—	—	—	6	5	несколько
Лихвинский уезл	—	—	5	Не менее 5	3	Не менее 28
г. Малоярославец	—	—	7	9	7	—
Малоярославец-кий уезд	—	—	—	—	Не менее 12	Не менее 61
г. Медынь	—	—	—	4	7	8
Медынский уезд	—	—	Не менее 10	23	—	Не менее 25
г. Мещевск	—	—	8	5	4	—
Мещевский уезд	—	—	—	4	—	14
г. Мосальск	—	—	2	15	6	7
Мосальский уезд	—	—	—	Не менее 5	Не менее 5	Не менее 150
г. Перемышль	—	—	—	2	3	5
Перемышльский уезд	—	—	—	Не менее 3	Не менее 3	30
г. Таруса	—	—	—	—	3	5
Тарусский уезд	—	—	—	—	Не менее 3	Не менее 26

[29] Составлено по: КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 231; КЕВ. 1896. №14. Неоф. ч. С. 424; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского Общества с 1 марта 1898 г. — 1 марта 1899 г. С. 3–6; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. С. 11–12; КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 541; КЕВ. 1904. № 13. Неоф. ч. С. 401–403; КЕВ. 1904. № 14. Неоф. ч. С. 437–446; КЕВ. 1904. № 15. Неоф. ч. С. 461–465; КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 488–494.

Как видно из вышеуказанных данных, число чтений возрастает практически по всем уездам, причем по некоторым из них наблюдается существенный рост в тридцать раз, например, по Мосальскому уезду (до 150), в 12 раз — по Жиздринскому уезду (до 180), почти в десять раз — по Лихвинскому уезду, хотя абсолютное число чтений по данному уезду (28) значительно ниже, чем в предыдущих уездах. Такой «мощный скачок» числа чтений по Жиздринскому уезду можно объяснить и тем, что он был самым проблемным для епархиальных властей в плане распространения раскола, поэтому эти мероприятия, организуемые при содействии КО ИППО наряду с иными чтениями просветительского и религиозно-нравственного характера, должны были привлечь не только потенциальных паломников в Святую Землю, но и вернуть в лоно Православия приверженцев различных раскольнических толков.

Необходимо уточнить, что в выявленных отчетах не всегда дана конкретная информация о количестве проведенных чтений. Часто можно встретить формулировку «проведено несколько» или аналогичную фразу: «были также чтения: в церкви с. Дугненского завода по воскресным дням и двунадесятым праздникам, в церкви Угодского завода, в церкви с. Думиничи Медынского уезда, и некоторых других»[30]. При этом можно констатировать, что очень часто чтения о Святой Земле проходили при большом стечении народа. Так, например, чтение, осуществленное в 1902/1903 г. в Малютинском детском приюте г. Калуги местным священником о. Баталиным по изданиям Общества (выпуски 46, 48 и 49), сопровождавшееся показом туманных картин и хоровым пением воспитанниц детского приюта, собрало до 300 слушателей[31]. Но массовые чтения происходили не только в губернском центре. Так, согласно материалам «Калужских епархиальных ведомостей», во 2-м благочинническом округе Малоярославецкого уезда чтения в 1903/1904 г. были устроены в 7 пунктах, в т.ч. в с. Савиново священником о. Щепетовым в здании местной церковно-приходской школы было проведено 12 чтений, на которых присутствовало от 40 до 100 человек; в с. Башмакове священником о. Смирновым и учителем Трутневым также в здании церковно-приходской школы было проведено 12 чтений, на них присутствовало от 60 до 200 человек. Кроме этого, в с. Неделино чтения велись приходским священником о. Вагиным в чайной Попечительства о народной трезвости, которые сопровождались демонстрацией туманных картин и пением хора церковных певчих; «слушателей бывало от 200 до 400 человек»[32].

Согласно опубликованным отчетам в 1903/1904 гг., приблизительное совокупное количество произведенных чтений о Святой Земле, без учета собеседований, достигало 1020, из них в губернском центре было проведено 23 чтения, остальные же 997 — в различных приходах и благочиниях Калужской епархии. В источнике отмечается, что по сравнению с 1902/1903 г. (278 чтений) количество чтений

---

30 Отчет Калужского отдела Православного Палестинского Общества с 1 марта 1898 г. — 1 марта 1899 г. С. 5.

31 КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 536.

32 КЕВ. 1904. № 15. Неоф. ч. С. 464.

в приходах и благочиниях Калужской епархии увеличилось на 719, однако точные подсчеты затруднены фрагментарностью данных[33]. По нашим подсчетам, общее число слушателей чтений в 1903/1904 году составляло более 6 тыс. человек.

Наибольшее сочувствие и содействие Палестинскому Обществу в устройстве чтений о Святой Земле в 1903/1904 гг. оказали, в частности, инспектор Калужской Духовной семинарии, статский советник Алексей Александрович Преображенский, священник Александро-Невского храма при губернской земской больнице о. Иоанн Зарецкий, благочинный 4-го округа Жиздринского уезда, священник с. Бутчино о. Василий Боголюбов, священник с. Юрьевское Боровского уезда о. Андрей Благовещенский и заштатный диакон при Тарусском соборе о. Одигитриевский[34].

В отчетах, опубликованных в «Калужских епархиальных ведомостях», констатировалось, что население Калужской губернии «повсюду знакомилось с описанием Св. Земли и ее святынь и с задачами и деятельностью Палестинского Общества... многие храмы, школьные и другие помещения переполнялись слушателями. Чтения и собеседования повсеместно выслушивались с напряженным вниманием, благотворно влияли на религиозное чувство слушателей и многие из них возбуждали желание помочь посильными лептами святому делу Палестинского Общества...». Так, в 1903/1904 гг. было собрано на чтениях 48 руб. 29 коп. добровольных пожертвований, и, как сообщалось в «Калужских епархиальных ведомостях», это «дает право Калужскому Отделу заключить, что произведенные чтения по Палестиноведению, если еще и не принесли много плодов, то во всяком случае и не пропали без пользы и следа»[35].

Следует также сказать, что, организуя чтения о Св. Земле с бесплатной раздачей Палестинских листков и видов Св. Земли, и тем содействуя распространению среди населения Калужской губернии сведений о Святой Земле и Палестинском Обществе, КО ИППО придавал важное значение распространению среди калужан сведений об ученых трудах, издаваемых Обществом. С этой целью периодически публиковались объявления в «Калужских епархиальных ведомостях» о вышедших в свет новых изданиях ИППО. Кроме того, по предложению Совета Общества от 1 ноября 1903 г. было рекомендовано городским учебным заведениям, народным читальням, приходским училищам и приходским попечительствам, а также иным учреждениям выписывать из канцелярии ИППО особые брошюры, приспособленные для производства чтений с туманными картинами, о чем своевременно сообщалось благочинным в Калужской епархии[36].

Известно, что в 1895/1896 гг. в библиотеке КО ИППО насчитывался 41 номер книг, из которых 32 были переданы Отделу покойным его Председателем — епископом Александром (Светлаковым), и 9 — получены для библиотеки из канцелярии Общества. Среди имеющихся книг значились: Устав Императорского Православного Палестинского Общества за 1892 г., Отчеты Императорского

---

33 КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 491.
34 КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 494.
35 КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 491.
36 КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 492.

Православного Палестинского Общества за 1884–1885, 1885–1886, 1886–1887 и за 1888–1890 гг., «Православный Палестинский Сборник», «Палестинский патерик», «Императорское Православное Палестинское Общество: Очерк его деятельности за 1882–1890 гг.» Ф.К. Грекова и др.[37]. По состоянию на март 1902 г. КО ИППО принадлежало уже 140 различных картин, как раскрашенных на стекле в деревянных рамках (54 шт.), так и на бумаге, в картонных рамках (86 шт.), а библиотечный фонд насчитывал около 220 различных книг, брошюр, номеров периодических изданий, опубликованных отчетов о деятельности ИППО и его региональных отделов и т.п.[38].

Финансово-экономическая деятельность Калужского отдела ИППО была также представлена в опубликованных материалах на страницах «Калужских епархиальных ведомостей». Известно, что в первый год функционирования КО ИППО поступило 4353 руб. 5 коп.; из них: 1280 руб. членских взносов, 2362 руб. 25 коп. получено из Калужской Духовной консистории кружечного сбора по епархии в неделю Ваий и 710 руб. 80 коп. «представлены разными лицами, собранные по сборным листам, и пр.» За тоже время поступило в расход 4294 руб. 44 коп., из которых переслано в Совет Общества 4255 руб. 21 коп. На типографские и почтовые расходы было потрачено 39 руб. 23 коп. В остатке на следующий год значилось 58 руб. 61 коп.[39]. Согласно имеющейся информации, за 1902/1903 г. в КО ИППО доходы составили 2861 руб. 86 коп., из которых было отослано в Совет Общества 2858 руб. 21. коп. К 1 марта 1903 г. остаток средств в кассе отдела отсутствовал[40]. Сводные данные по расходным и приходным статьям КО ИППО представлены в Таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Доходные статьи КО ИППО в 1894–1904 гг.[41]

ПРИХОД (руб.)								
Статья	1894/1895	1895/1896	1897/1898	1898/1899	1901/1902	1902/1903	1903/1904
Членские взносы	1280	1785	520	470	910	Нет данных	255
Кружечный сбор (вкл. неделя Ваий)	2385,61	2024,63 + 54,03	2 222,93	2392,95	2581,63	279, 98	2 252,41

37 КЕВ. 1896. №14. Неоф. ч. С. 425–426.

38 Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. С. 20–27.

39 КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 232.

40 КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 542.

41 Таблицы 3 и 4 составлены по: КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 232–233; КЕВ. 1896. №14. Неоф. ч. С. 426–427; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1897 г. — 1 марта 1898 г. С. 15; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1898 г. — 1 марта 1899 г. С. 9; Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. С. 16; КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 542; КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 494.

Подписные листы	465,50	473,80	475,39	809,26	242,59	Нет данных	—
Пожертвования (разовые)	201,94	—	61,46	—	119	125,30	186,03
Выручено от духовного концерта 14 декабря 1903 г. в зале Дворянского собрания	—	—	—	—	—	—	206,75
Чтения о Св. Земле	—	186,10	47,10	22,30	4.90	Нет данных	48,29
Остаток с прошлого года	—	58,61	45,8	45,70	45,70	—	—
Прочие поступления	43.36	49,11	—	5	—	—	1
Единичные: от епископа	20	—	—	—	—	—	—
Итого	4353,05	4631,28	3372,82	3745,21	3903,82	2861,86	2949,48

Таблица 4

Расходные статьи КО ИППО в 1894–1904 гг.

РАСХОДЫ (руб.)							
Статья	1894/1895	1895/1896	1897/1898	1898/1899	1901/1902	1902/1903	1903/1904
Перечислено в Совет Общества	4255,21	4358,36	2993,95	3689,01	3844,87	2858,21	2821,13
Организация чтений	—	82,16	33,71	—	—	Нет данных	—
Израсходовано по устройству 14декабря 1903 г. концерта	—	—	—	—	—	—	104,28
Типографские расходы	27,50	75,67	—	—	—	Нет данных	_
Почтовые расходы и пересылка	11,73	—	—	—	—	1,80	1,70
Уплачено за 23 картины для волшебного фонаря	—	69	—	—	—	—	—
Мелкие и прочие расходы	—	—	149,50	10,50	13,15	1,85	22,37
Находится у казначея	—	—	149,50	—	—	—	—
Итого	4294,44	4585,19	3372,82	3745,21	3903,82	2861,86	2949,48

Как видно из представленных данных, наибольшие суммы КО ИППО собирал и расходовал именно в первые годы своего функционирования. На рубеже XIX–XX вв. наметилась тенденция к снижению и доходной и расходной частей. За десятилетний период работы Калужским отделом ИППО было собрано 36 560 руб. (членских взносов — 7715 руб.; единовременных пожертвований — 939 руб. 85 коп.; по подписным листам — 3632 руб. 66 коп.; кружечного сбора — 1638 руб. 40 коп.; от чтений о Св. Земле — 584 руб.; от продажи изданий Общества — 21 руб. 46 коп.; в неделю Ваий — 22 029 руб. 8 коп.). За это же время 35 777 руб. было отослано в Совет Общества, остальные деньги были потрачены на мелкие расходы: приобретение волшебного фонаря, туманных картин, канцелярских принадлежностей[42].

Важным вкладом КО ИППО в развитие паломнической и благотворительной деятельности стало основание Сергиева скита. В 1906 г. в «Калужских епархиальных ведомостях» была опубликована информация о «закладке храма во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца в Сергиевском ските Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества, в память в Бозе почившего Великого Князя Сергия Александровича»[43]. Епархиальная пресса писала: «В этот день (5 июля 1906 г.) к 11 часам утра в Скит собралось духовенство с Архимандритом и братию соседней Тихоновой пустыни, прибыли — начальник губернии и вице-губернатор с семьями, местная землевладелица, княгиня О.Н. Кантакузен, начальник дивизии генерал-лейтенант Орлов, командир 9-го пехотного полка во главе части войск Калужского гарнизона из одной усиленного состава роты с оркестром военной музыки и сотни казаков, члены Калужского отдела Императорского Православного Палестинского общества, местный исправник и другие лица. Затем изволил прибыть Его Преосвященство, Преосвященный Вениамин, Епископ Калужский и Боровский. Был отслужен молебен. Внутри храма был установлен крест, и заложен камень с закладной доской и надписью: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето 1906, июля 5 дня». После окончания чина закладки Преосвященный Вениамин обошел войска, окропил всех святой водой, хор исполнил «Коль славен», совершил панихиду по убиенному Великому Князю. После завершения торжества оркестр исполнил «Преображенский марш», и войска под звуки марша выступили в Калугу»[44].

Дополнительно отметим, что на такое благое начинание откликнулась Великая Княгиня Елизавета Федоровна — супруга погибшего от рук террориста Каляева Председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича, сменившая мужа на этом посту. В присланной от ее имени телеграмме в ответ на телеграмму, данную калужским губернатором А.А. Офросимовым, было сказано:

«Калуга. Губернатору Офросимову. “Благодарю от всего сердца Вас, членов Калужского отдела Палестинского Общества и генерал-адъютанта Орлова с войском за молитвы”.

ЕЛИСАВЕТА»[45].

---

42 КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 546–551.
43 КЕВ. 1906. № 14. Неоф. ч. С. 513–521.
44 КЕВ. 1906. № 14. Неоф. ч. С. 518–521.
45 КЕВ. 1906. № 14. Неоф. ч. С. 521.

Информация о функционировании Сергиева скита будет публиковаться в местной епархиальной прессе и в последующие годы в преемнике местных «Епархиальных Ведомостей» — «Калужском церковно-общественном вестнике», первые номера которого вышли в свет в феврале 1907 г., но эта тема может стать предметом отдельного исследования.

В целом, можно свидетельствовать, что в исследуемый период главный печатный орган Калужской епархии — «Калужские епархиальные ведомости» — достаточно регулярно освещал деятельность КО ИППО, стремясь публиковать в т.ч. информационные материалы, необходимые для осуществления паломничества в Святую Землю, возбуждающие интерес к ее истории и истории русского православия в Палестине. Нами выявлено, в частности, два рескрипта Председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича: один — на имя епископа Калужского Анатолия (Станкевича) об организации сбора пожертвований в праздник Входа Господня в Иерусалим для православных в Иерусалиме и Святой Земле[46]; второй — на имя епископа Вениамина (Муратовского) о вступлении последнего на Калужскую кафедру и принятии под своё покровительство КО ИППО[47]. Отдельно отметим рескрипт Императора Николая II на имя Августейшего Председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича о передаче последнему председательских полномочий[48].

В разделе объявлений в «Калужских епархиальных ведомостях» публиковалась информация об установлении и продаже паломнических книжек для проезда в Иерусалим (через Одессу, Новороссийск, или Батуми) и на Афон по сниженным ценам, с указанием стоимости проезда из С.-Петербурга, Москвы, Киева, Воронежа, Самары, Нижнего Новгорода, Саратова и других городов[49]. На рубеже XIX–XX вв. регулярно размещались и объявления о пожертвованиях на службах Вербной недели для помощи православным в Иерусалиме и в Святой Земле[50]. Кроме того, за 1894–1901 гг. был опубликован с опорой на священные тексты ряд пространных поучений и воззваний — призывов к пожертвованиям на нужды ИППО и православных паломников[51].

Таким образом, анализ выявленных публикаций в «Калужских епархиальных ведомостях» за 1894–1907 гг. позволяет говорить о том, что деятельность Калужского отдела ИППО была достаточно открытой для широкого круга читателей местной епархиальной прессы. Важную информационную составляющую имели погодные отчеты о деятельности КО ИППО, четыре из которых выявлены нами в публикациях «Калужских епархиальных ведомостей» за исследуемый

---

46 КЕВ. 1894. № 2. Оф. ч. С. 17–21.

47 КЕВ. 1901. № 18. Оф. ч. С. 285.

48 КЕВ. 1901. № 18. Оф. ч. С. 285.

49 КЕВ. 1894. № 23. Оф. ч. С. 689; // КЕВ. 1895. № 4. Неоф. ч. С. 93–95; КЕВ. 1903. № 20. Оф. ч. С. 367–368; КЕВ. 1896. № 2. Неоф. ч. С. 73–74.

50 КЕВ. 1897. № 5. Неоф. ч. С. 167; КЕВ. 1899. № 6. Неоф. ч. С. 180; КЕВ. 1903. № 5. Оф. ч. С. 99–100; КЕВ. 1904. № 5. Оф. ч. С. 104; КЕВ. 1905. № 6. Оф. ч. С. 132; КЕВ. 1906. № 5. Оф. ч. С. 78.

51 КЕВ. 1901. № 4. Неоф. ч. С. 127–129; КЕВ. 1896. № 24. Оф. ч. С. 380–384; КЕВ. 1894. № 11. Оф. ч. С. 133–135; КЕВ. 1900. № 5. Неоф. ч. С. 66–70; КЕВ. 1894. № 8. Неоф. ч. С. 241–245.

период; несколько отчетов было издано в виде отдельных брошюр. Погодные отчеты могли содержать данные о численном и персональном, в зависимости от статуса, составе Калужского отдела, списки жертвователей на нужды ИППО, о наличном библиотечном фонде и количестве имевшихся у сотрудников отдела наглядных пособиях (картин), отображать финансовые возможности КО ИППО по доходным и расходным статьям. Поскольку на всем протяжении функционирования Калужского отдела главной заботой его членов было как можно более широкое распространение среди населения Калужской епархии сведений о Святой Земле и деятельности в ней Палестинского Общества посредством устройства народных чтений. В отчетной документации, с большой или меньшей степенью конкретики, представлялась информация о местах (площадках) проведения религиозных чтений о Святой Земле, а также о священнослужителях Калужской епархии, внесших свой вклад в процессы организации и проведения такого рода чтений. Публиковались сведения о количестве чтений, в т.ч. с использованием туманных картин, числе присутствовавших на них слушателей по городам, уездам и благочиниям епархии, что, в первую очередь, имеет отношение к выявленным нами публикациям за 1902–1904 гг. Материалами для чтений служили высылавшихся ежегодно Советом Общества особые брошюры издания ИППО. Устраивались чтения преимущественно в храмах и в помещениях волостных правлений, школ, чайных Попечительства о народной трезвости и в др., но особенно торжественные и многолюдные чтения устраивались в Калужском дворянском собрании, отзывы о которых своевременно помещались в годовых отчетах.

Источники и литература

1. Воззвание к сбору пожертвований на Православного Палестинского Общества // Калужские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1901. № 4. Неоф. ч. С. 127–129.
2. Воззвание о сборе пожертвований в пользу Православного Палестинского Общества в неделю Ваий (Вербное Воскресение) в 1897 г. // КЕВ. 1896. №24. Оф. ч. С. 380–384.
3. Воззвание Председателя КО ИППО епископа Александра к участию в ИППО // КЕВ. 1894. №11. Оф. ч. С. 133–135.
4. Деятельность Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1903/1904 году // КЕВ. 1904. № 13. Неоф. ч. С. 401–403.
5. Деятельность Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1903/1904 году // КЕВ. 1904. № 14. Неоф. ч. С. 437–446.
6. Деятельность Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1903/1904 году // КЕВ. 1904. № 15. Неоф. ч. С. 461–465.
7. Деятельность Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1903/1904 году // КЕВ. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 488–494.
8. Закладка храма во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца в Сергиевском ските Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества, в память в Бозе почившего Великого Князя Сергия Александровича // КЕВ. 1906. № 14. Неоф. ч. С. 513–521.

9. Известие об избрании уполномоченным Императорского Православного Палестинского общества по г. Калуге калужского вице-губернатора А.А. Офросимова и о калужанах, желающих вступить в члены общества // КЕВ. 1894. № 4. Неоф. ч. С. 125–127.
10. Калужский отдел Императорского Православного Палестинского Общества (по отчету Отдела за время с 1 марта 1902 г. по 1 марта 1903 года) // КЕВ. 1903. №20. Неоф. ч. С. 532–542.
11. КЕВ. 1894. № 2. Оф. ч. С. 17–21.
12. КЕВ. 1895. № 21. Оф. ч. С. 450–451.
13. КЕВ. 1901. № 18. Оф. ч. С. 285.
14. Краткий обзор деятельности Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за десятилетие — с 10 апреля 1894 года по 1-е марта 1904 года // КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 546–551.
15. Метальникова Е. Страницы истории Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Православный христианин. 2012. №2. С. 26–31.
16. О годичном собрании 30 марта 1903 г. членов КО ИППО // КЕВ. 1903. № 6. Неоф. ч. С. 148.
17. О совершении панихиды 12 мая 1903 г. председателем КО ИППО Преосвященным Вениамином, епископом Калужским и Боровским по скончавшемся 5 мая в Гатчине, секретаре Императорского Православного Палестинского Общества, д.т.с. В.Н. Хитрово // КЕВ. 1903. № 10. Неоф. ч. С. 244.
18. Объявление о продаже паломнических книжек ИППО с 01.12.1894 г. // КЕВ. 1894. № 23. Оф. ч. С. 689.
19. Объявление о тарифах на проезд до Иерусалима и обратно // КЕВ. 1895. № 4. Неоф. ч. С. 93–95.
20. Объявление от ИППО выдаче заграничных паспортов паломникам // КЕВ. 1903. № 20. Оф. ч. С. 367–368.
21. Объявления о сборе пожертвований для помощи православным в Св. Земле через ИППО // КЕВ. 1897. № 5. Неоф. ч. С. 167.
22. Объявления о сборе пожертвований для помощи православным в Св. Земле через ИППО на Вербной неделе // КЕВ. 1899. № 6. Неоф. ч. С. 180.
23. Объявления о сборе средств на ИППО на Вербной неделе // КЕВ. 1903. № 5. Оф. ч. С. 99–100.
24. Объявления о сборе средств на ИППО на Вербной неделе // КЕВ. 1904. № 5. Оф. ч. С. 104.
25. Объявления о сборе средств на ИППО на Вербной неделе // КЕВ. 1905. № 6. Оф. ч. С. 132.
26. Объявления о сборе средств на ИППО на Вербной неделе // КЕВ. 1906. № 5. Оф. ч. С. 78.
27. Объявления об установлении Паломнических книжек с 15 января 1896 г. // КЕВ. 1896. № 2. Неоф. ч. С. 73–74.
28. Отчет Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования с 10 апреля 1894 г. по 1 марта 1895 года // КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 227–236.
29. Отчет Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1895 г. по 1-е марта 1896 г. // КЕВ. 1896. № 14. Неоф. ч. С. 422–429.
30. Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1897 г. — 1 марта 1898 г. Калуга: типо-литография Губернского Правления. Калуга, 1898. — 25 с.
31. Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1 марта 1898 г. — 1 марта 1899 г. Калуга: типо-литография Губернского Правления, 1899. — 23 с.

32. Отчет Калужского отдела Православного Палестинского общества с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. Калуга: типо-литография Губернского Правления, 1902. — 31 с.
33. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии. на 1899 год. Калуга, 1899. XI, — 176 с. С. 51.
34. Поучение в неделю Ваий. Призыв к пожертвованиям на нужды Православного Палестинского Общества // КЕВ. 1900. № 5. Неоф. ч. С. 66–70.
35. Поучение епископа Александра (Светлакова) на всенощной перед сбором пожертвований на ИППО // КЕВ. 1894. № 8. Неоф. ч. С. 241–245.
36. Речь действительного члена Императорского Православного Палестинского Общества М.П. Соловьева при торжественном открытии Калужского отдела общества в Вербное Воскресенье 10 апреля 1894 г. // КЕВ. 1894. № 12. Неоф. ч. С. 371–380.
37. Речь действительного члена Императорского Православного Палестинского Общества М.П. Соловьева при торжественном открытии Калужского отдела общества в Вербное Воскресенье 10 апреля 1894 г. // КЕВ. 1894. № 13. Неоф. ч. С. 394–402.
38. Речь действительного члена Императорского Православного Палестинского Общества М.П. Соловьева при торжественном открытии Калужского отдела общества в Вербное Воскресенье 10 апреля 1894 г. // КЕВ. № 14. Неоф. ч. С. 420–429.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Baldin Kirill Evgenievich,
Chairman of the Ivanovo Branch of the IPO «IOPS»,
Professor, leading Researcher
Scientific and Educational Center
"Integration of Science and Education"
of Ivanovo State University,
Doctor of Historical Sciences,
Russian Federation, Ivanovo.
E-mail: kebaldin@mail.ru

Udalova Olga Sergeevna,
Junior Researcher at the Scientific and Educational Center
"Integration of Science and Education"
of Ivanovo State University,
Candidate of Historical Sciences,
Russian Federation, Ivanovo.
E-mail: olgo1988@mail.ru

The Smells of Palestine: The Olfactory Atmosphere of the Holy Land in the Memoirs of Russian Pilgrims in the 19th and Early 20th Centuries

Abstract: Russian Orthodox pilgrims, when they came to the Holy Land, found themselves in an alien ethnic, religious, cultural, and everyday surroundings. This included unfamiliar sounds, colors, tastes, and smells around them. The article examines the smells, that were reflected in the memoirs of our pilgrims. These smells are classified and analyzed into two main groups: natural and social. The authors conclude that the smells reflected the overall impression of the nature of Palestine and the daily life of the local population. Odors were important markers of the Russian pilgrims' perception of foreign reality, and they also contributed to the formation of national identity during the pilgrims' interactions with the foreign surroundings.

Keywords: Russian Orthodox pilgrimage, pilgrimage memoirs, foreign surroundings, nature of the Holy Land, natural scents, social scents, sanitary and epidemiological situation in Palestine.

Балдин Кирилл Евгеньевич,
председатель Ивановского отделения МОО «ИППО»,
профессор, ведущий научный сотрудник
Научно-образовательного центра
«Интеграция науки и образования»
Ивановского государственного университета,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, Иваново.
E-mail: kebaldin@mail.ru

Удалова Ольга Сергеевна,
младший научный сотрудник Научно-образовательного центра
«Интеграция науки и образования»
Ивановского государственного университета,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация, Иваново.
E-mail: olgo1988@mail.ru

Запахи Палестины: ольфакторная атмосфера священного региона в мемуарах российских паломников XIX — начала XX в.*

Аннотация: русские православные паломники, приезжая в Святую Землю, оказывались здесь в чуждой этнической, религиозной, культурной и бытовой среде. Это касалось незнакомых звуков, цветов, вкусов и запахов вокруг них. В статье рассматриваются те запахи, которые получили отражение в мемуарах наших богомольцев. В статье они классифицируются и рассматриваются по таким основным группам как природные и социальные. Авторы пришли к выводу о том, что запахи отражали общее впечатление о природе Палестины, о повседневной жизни местного населения. Запахи были важными маркерами восприятия русскими паломниками иноземной действительности и одновременно способствовали формированию национальной идентичности во время контактов паломников с иноземной средой.

Ключевые слова: русское православное паломничество, паломнические мемуары, иноземная среда, природа Святой Земли, запахи природы, социальные запахи, санитарно-эпидемическая обстановка в Палестине.

Статья поступила в Редакцию ППС 16.02. 2026 г.

---

* Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы МОО «ИППО» и Минобрнауки РФ фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

Эта статья является завершающей в цикле наших публикаций, появившихся в Православном Палестинском Сборнике (выпуски 120, 121 и 125). Предыдущие статьи были посвящены звукам, цветам (т.е. колористике) и вкусам Святой Земли, которые получили своё отражение на страницах мемуаров русских паломников XIX — начала XX вв.

Российские паломники, а также путешественники и туристы, направлявшиеся в рассматриваемый период в Восточное Средиземноморье, попадали в особый регион. С одной стороны, он был хорошо знаком им с детства благодаря семейному религиозному воспитанию и урокам Закона Божия в школе. С другой стороны, он совершенно и однозначно выглядел иноэтничным и иноверным, инокультурным и иноязычным.

Среди маркеров «чужого» или «другого» для россиянина, в ближневосточной культуре одними из наиболее колоритных и необычных являются ольфакторные характеристики, т.е. запахи. Они производили впечатление на отечественных паломников в Святой Земле, и, как следствие, попали на страницы их воспоминаний. При этом запахи — сравнительно редкий элемент путевых заметок о Ближнем Востоке (по сравнению с звуками, цветами и вкусами), и в первом приближении может показаться, что они в восприятии паломников мало отличались от тех, которые были привычны для них на родине. На самом деле это не так. В то же время, в отличие от таких маркеров повседневности и культуры, как цвет, звук и вкус, характеристики которых в воспоминаниях паломников могут иметь неоднозначный характер, описания запахов обычно контрастны и даже резко контрастны. Они либо очаровывают автора, окрашивая в яркие позитивные тона окружающую действительность, либо, напротив, крайне удручают его, негативно сказываясь на восприятии чужой культуры.

Необходимо отметить, что для ближневосточной, как и любой иной для русских людей культуры, характерны свои специфические запахи, определяемые условиями развития, традициями и обычаями арабского народа и других этносов Ближнего Востока, а также географическими реалиями. Восприятие запахов связано с культурными контекстами и способно оказывать влияние на общую оценку представителей «другой» культуры глазами паломников.

В настоящее время усиливается интерес не только культурологов и социологов, но и историков к изучению запахов в культурах разных стран и народов, а также той роли, которую они играют в общественной жизни. Как отмечают некоторые исследователи, в частности, Н.Б. Мечковская, рост исследовательского интереса к этому древнему каналу «дистантной связи» обусловлен тем, что он длительное время был оставлен без внимания учеными, занимавшимися проблемами межкультурной коммуникации[1]. Как справедливо и образно замечает О.Б. Вайнштейн, «наслаждение ароматом — метафора владения материальным миром в его самой эфемерной, летучей субстанции, на грани перехода в небытие»[2].

На страницах воспоминаний поклонников запахи имеют различные коннотации, однако, на основе анализа комплекса паломнических воспоминаний

---

1 Мечковская, 2007. С. 108.

2 Ароматы и запахи, 2010. С. 6.

представляется возможным обобщить практически все запахи, встречающиеся на их страницах, в несколько основных групп, а именно:

1. природные, в основном — растений и животных;

2. социальные, т.е. запахи, связанные с деятельностью человека, с его определенным общественным положением, с его принадлежностью к богатым или, напротив, к бедным слоям общества;

3. запахи болезней, тесно связанные с второй группой;

4. территориальные т.е. специфические запахи определенной местности, в которой побывали паломники во время путешествия по святым местам.

В рамках настоящей статьи описание запахов будет в основном соответствовать указанной классификации, мы лишь оставим несколько в стороне территориальные запахи, которые частично пересекаются с остальными тремя группами. В то же время, правомерно утверждать, что выделение этих ольфакторных групп весьма условно, а границы между ними являются проницаемыми. Причем, это не единственный возможный вариант классификации. В принципе, в основу исследования по данной тематике может быть положено также деление по иным основаниям, в частности, на запахи приятные (ароматы цветов, еды и проч.) и неприятные для восприятия (запахи природной грязи, человеческих нечистот и т.д.), а также на природные (запахи растений, животных, моря, приморской полосы, пустынь и проч.) и искусственно созданные запахи (парфюмерные ароматы, ритуальные благовония). Отраженные в источниках личного происхождения, запахи позволяют составить многомерную картину ольфакторных впечатлений паломника.

Запахи являются составной частью как природного, так и социального мира. В то же время, запах представляет собой мало вербализуемый, и в результате— неоднозначный маркер социальной, культурной, гендерной и отчасти этнической идентичности[3].

Наконец, следует отметить, что когда человек оказывается в инокультурной среде, в ситуациях непосредственного взаимодействия с представителями «чужой» культуры, он не просто обращает внимание на несвойственные его привычкам запахи, но также дает им определенную оценку, сравнивая с запахами его родины. Таким образом, запахи становятся частью семиотического поля иноземной культуры[4].

Итак, несмотря на то, что в текстах источников, освещающих паломничество в Святую Землю, отсутствует более или менее сложная дифференциация запахов по их видам (де-факто единственное замечаемое на поверхности деление — приятные и неприятные), пожалуй, самую большую группу составляют запахи, именуемые природными. Прежде всего, они связаны с флорой определенного региона, куда пролегали паломнические маршруты. Знакомство паломников со Святой Землей традиционно начиналось я Яффы — очень древнего города, расположенного на восточном побережье Средиземного моря. Именно туда прибывали пароходы с паломниками из Одессы, а сам морской переход из Одессы в Яффу, стал важным в паломничестве этапом, который С.Ю. Житенёв назвал «передвижением к Святому месту»[5].

---

[3] Бессчетнова, 2016. С. 27.

[4] Кривенко, 2016. С. 107.

[5] Житенёв, 2012. С. 28.

Как следствие, первые впечатления от соприкосновения с другой культурой и её носителями паломники получали именно по прибытии в Яффу. В большинстве мемуаров она характеризовалась как местность, покрытая буйной растительностью и обширными фруктовыми садами. Это особенно бросалось в глаза по сравнению с пустынными ландшафтами Иудеи, находившейся совсем рядом. По мнению православных поклонников, Яффа и находившаяся рядом Саронская долина источали исключительно приятные ароматы, способные мгновенно пленить путника — благоухание цветов, апельсиновых и других фруктовых рощ.

В этой связи нельзя не обратиться к тексту В.М. Дорошевича — известного русского журналиста, театрального критика и публициста конца XIX — начала XX столетия. Его путевые записки отличались необычайной образностью, даже поэтичностью языка, а также характерными для него цвето-звуковыми описаниями «чужой» культуры. Он, характеризуя свое первое знакомство с Яффой, обращается также к поразившим его запахам: «Раскаленный, знойный воздух, золотистый от лучей заходящего солнца, напоен ароматом цветущих апельсиновых и лимонных садов. Эти сады, эти благоухающие рощи, тянутся по обе стороны дороги, по которой я выезжаю из Яффы в Рамле...»[6]. При этом автор отмечает, что приближение вечера позволяет ещё более глубоко прочувствовать запахи окружающей природы, пьянящие ароматы цветов: «Вечер приближается, весь в цветах, и эти белые, словно благоухающим снегом обсыпанные деревья приветствуют его своим ароматом. Опьяняющий запах цветов льется из-за высоких темно-зеленых кактусов, которыми окружены фруктовые сады»[7]. Автор особенно подчеркивал красоту и благоухание неповторимой арабской ночи, манящей своими ароматами и располагающей не только к отдыху, но и к размышлениям, позитивному настрою: «И запела ночь, сверкая звездами, дыша ароматом. Теплая, звездная, благоуханная ночь»[8]. И далее ещё: «...тихие, ароматные, полные дум ночи сменяются таким утром, полным радости жизни»[9]. Действительно, когда ночью человек не видит окружающую его цветовую гамму, а звуки почти замерли, т.к. большая часть живого мира спит, то запахи становятся почти главным источником информации об окружающем человека мире

Влияние времени суток на силу восприятия человеком ольфакторной информации, исходящей от растительного мира, отмечал также А.В. Елисеев — русский врач, писатель и путешественник. Так, он красочно вспоминал свой визит в сад египетского полковника Мустафы, с которым он близко познакомился во время своего ближневосточного путешествия. Елисеев свидетельствовал, что в этом подобии земного рая имелась апельсиновая роща, заросли жасминов и роз, отсюда неслись «...ароматы феленеха, жонкилей...», а «под поцелуями медососов белая лилия дышит ещё благовоннее, чем днем»[10]. Стоит отметить, что некоторые из перечисленных автором растений, скорее всего, не очень близко знакомы

6 Дорошевич, 1900. С. 3.
7 Там же. С. 3.
8 Там же. С. 11.
9 Там же. С. 15.
10 Елисеев, Т. II, 1895. С. 114–115.

неспециалистам. Для справки укажем, что жонкиль — это цветок, принадлежащий к роду нарциссовых. Феленех же, как указывает А.-Б. Клот в своем капитальном сочинении, переведенном на русский язык, в частности — в его разделе «Цветы и растения, служащие для удовольствия», — это кустарник, производящий зимой благовонные цветы[11].

Не обошел вниманием А.В. Елисеев также и упоминавшиеся выше яффские сады, отмечая разнообразие и неповторимое воздействие на обоняние ароматов местной флоры. Яффские сады особенно хороши, по его словам, «...когда цветут все эти апельсины, лимоны, яблоки, абрикосы, гранаты, нопалы (опунция или нежный кактус — Авт.), смоковницы и маслины. Одуряющий аромат флер д'оранжа несется тогда с яффских садов даже на некоторое расстояние в море»[12]. Аналогично А.В. Елисеев описывал богатство садов на окраинах Александрии, источавших пьянящие ароматы: «Целые рощи цветущих мимоз, жасминов, олеандров, роз и апельсинов наполняли воздух одуряющими ароматами <...> Особенно хороши показались мне рощи цветущих белыми, розовыми и оранжевыми цветами олеандров, над которыми высились широкие листья бананов и стройных финиковых пальм, придающих всякой местности африканский колорит»[13].

По мнению А.А. Суворина, составившего в конце прошлого столетия объёмистое, занимательное и богато иллюстрированное описание путешествия по Палестине, одной из благоухающих местностей на путях паломников являлась долина реки Иордан. Она отличалась богатой флорой, сочетавшейся с разнообразной фауной: «Кругом в нежной и душистой зелени мелькают изумрудные колибри с оранжевыми плечиками и носятся над рекой большие чайки-рыболовы»[14]. По мнению автора, последние лучи солнца в вечернее время придавали этой местности особое волшебство. Не менее чудесным, по мнению А.А. Суворина, выглядел Назарет, а именно — вершина возвышенности, на которой он был расположен. Это поистине благоухающее, по его словам, место, с него открывался чудесный вид на Галилею. Здесь, наслаждаясь полётом птиц в вышине и благоуханием трав и мхов, покрывающих вершину горы, любил бывать Спаситель[15].

Согласно паломническим описаниям, приятным запахом отличались не только Яффа и долина Иордана, но также и некоторые другие местности Святой Земли. В частности, К.А. Соколов, автор «Путевых впечатлений по Палестине и Сирии весной 1853 г.», указывал, что на выезде из Иудеи в Самарию автор с жадностью глотал «целительный воздух полей, втягивая с наслаждением аромат растений»[16] и, остановившись в одном из самарийских городов — Наблусе, отметил, что природа дышала «юным, весенним ароматом»[17]. В целом, именно весенние цвета и ароматы многих местностей Святой Земли весьма значительно отличались

---

11 Клот-Бей, 1843.
12 Елисеев, Т. 1, 1893. С. 357.
13 Там же. С. 142.
14 Суворин, 1898. С. 177.
15 Там же. С. 294.
16 Соколов, 2015. С. 72.
17 Там же. С. 75.

в лучшую сторону от колористики и запахов других сезонов, особенно лета, которое в Палестине отличается изнурительной жарой.

Некоторые запахи растительного характера имели смешанное, т.е. природное и одновременно искусственное происхождение. В частности, в Горней, которая являлась важной частью Русской Палестины, игумен Никандр, приехавший из Соловецкого монастыря, познакомился со старцем иеродиаконом Тимофеем, побывал у него в саду. Последний сорвал для мемуариста два прутика цветущего ливана[18], из смолы которого изготавливали благовония. Ливан издавна являлся одном из компонентов, необходимым для их производства священного курения, наряду с такими ингредиентами, как стакти, оних и халван, которые упоминаются в Ветхом Завете (Исх. 30:34)[19]. Автор заметок, игумен Никандр напоминал читателям, что ливан был в числе даров, которые поднесли волхвы младенцу Иисусу[20].

В отличие от растений, запахи местных животных производили на паломников неблагоприятное впечатление. На страницах паломнических воспоминаний упоминания о них встречаются не так часто, но неизменно отличаются своеобразным колоритом. В частности, А. Трапицын после посещения Константинополя отмечал, что собаки, достаточно вольготно чувствовавшие себя на улицах города и невероятно там расплодившиеся, способствовали ещё большему его загрязнению, отравляя и без того неблагоприятную атмосферу города[21]. Впрочем, некоторые мемуаристы считали, что собаки выполняли в Константинополе функцию санитаров, подбирая и поедая отбросы, которые местные жители выкидывали на улицы.

Часто паломники на страницах мемуаров отмечали зловоние, связанное, однако, не с результатами жизнедеятельности животных, а с тем, что после смерти их трупы местные жители не убирали и не закапывали. Н.В. Адлерберг писал, что рядом с иерусалимской стеной устраивалась свалка не только пищевых и иных отходов. Также туда сбрасывали павших собак и кошек, а миазмы от этого приводили к «прилипчивым», т.е. заразным болезням среди населения[22]. Земский деятель и историк пермского края Д.Д. Смышляев вспоминал, что по дороге из отличавшейся красотой Ездрелонской долины в Галилею нередко лежали трупы павшего скота, которые никто не убирал, отчего там стоял невыносимый смрад[23].

Между тем, запахи, причисляемые к группе природных, не всегда источались местной флорой и фауной. По прибытии на Ближний Восток паломники часто наслаждались запахом моря, освежающего морского бриза. Так, К.А. Соколов вспоминал, что на берегу Средиземного моря от Хайфы до Бейрута «невевало <...> освежительным ветерком, обдавало ароматами пучин»[24]. А.А. Суворин так вспоминал

---

18 Из заметок, 1913. С. 535.
19 Библия, 1994. С. 102.
20 Из заметок, 1913. С. 535.
21 Вятские епархиальные ведомости, 1895. С. 141.
22 Адлерберг, 2008. С. 125.
23 Смышляев, 2008. С. 203.
24 Соколов, 2015. С. 83.

свой выезд из Газы на пути к развалинам Аскалона: «Я выехал к морю в самом центре города. Вот оно, шумное, прекрасное! <...> Пахнет водорослями»[25].

Если природные ароматы, с которыми сталкивались паломники, производили на них, в основном, приятное впечатление, то запахи антропоморфные, т.е. социальные в широком смысле этого слова, напротив, вызывали негативные обонятельные ощущения. Богомольцы считали, что самым неприятным местом с этой точки зрения являлся... Иерусалим! В большинстве паломнических мемуаров он характеризуется как очень грязный город, изобилующий нечистотами, улицы которого столь узки, что в них не могут свободно разойтись несколько человек. В. Дорошевич увидел здесь «бесконечный лабиринт неожиданностей», так что путник заранее и не мог знать, куда заведут его извилистые иерусалимские улицы: к величественному храму, к крытым коридорам базара или же к настоящим катакомбам, темным и сумрачным, «...от которых веет холодом и сыростью подземелья, плесенью, запахом разложения...». Это давало автору основание замечать, что Иерусалим — это город контрастов, где скопились «груды несметных богатств среди гор лохмотьев, развалин и грязи»[26].

Грязь и неприглядность городских улиц Иерусалима отмечались в мемуарах практически всех паломников, в частности, Н. Чукмалдина — русского купца, писателя, а также общественного деятеля, составившего в конце XIX столетия путевые очерки Палестины и Египта. Этот автор указывал, что улицы Иерусалима настолько узки, темны и грязны, что «непонятно, как <...> может существовать этот город», в особенности — учитывая его великое прошлое[27]. Придворный аристократ граф Н.В. Адлерберг, путешествовавший в Иерусалим в первой половине XIX в., подчеркивал, что причиной зловония в городе является обыкновение местных жителей сваливать во рвы рядом с городской стеной остатки пищи и прочий сор[28]. Таким образом, город оказывался окруженным сплошной многолетней свалкой. А.А. Смышляев, посетивший Палестину и Синай в 1865 г., отмечал грязь на улицах ещё одного священного для христиан города — Вифлеема: «...на мостовой гниют кучи разного хлама и стоят лужами всевозможные нечистоты»[29], производящие зловонье. А.А. Суворин аналогичным образом отзывался об улицах галилейского города Тивериады, отмечая, что они «...узки, извилисты, очень грязны и очень вонючи»[30].

В путевых заметках часто встречаются связанные с нашей темой негативные характеристики жителей Иерусалима. Так, В. Дорошевич отмечал запахи нищеты на улицах, «бездомовность» и бесприютность жителей этого города. Автор указывал, что в Иерусалиме были слабо развиты необходимые для его него ремесла, а традиционные для Востока базары удовлетворяли лишь текущие потребности жителей и паломников. При этом вид торговых лавок и запах, источаемый некоторыми товарами, вызывали отвращение прохожих. Автора крайне неприятно

---

25 Суворин, 1898. С. 242.
26 Дорошевич,1900. С. 42, 46.
27 Чукмалдин, 1899. С. 21.
28 Адлерберг, 2008. С. 125.
29 Смышляев, 2008. С. 153.
30 Суворин, 1898. С. 310.

удивили «...бесчисленные, залитые кровью, издающие гнилостный запах мясные, эти грязные хлебные, эти на каждом углу закусочные лавки, грязные кухни...»[31]. Тот же автор указывал, что ужасный запах иерусалимских улиц являлся следствием того, что большинство его жителей не заботилось о поддержании чистоты в городе. Отбросы, являющиеся естественным следствием человеческой жизнедеятельности, не свозились в специально отведенные для этого места, а сваливались прямо на улицах, как будто для населения это был совершенно чужой город.

Самое тяжелое впечатление производили жилища иерусалимской бедноты, от которых веяло смрадом, вынуждавшим жителей утром быстрее покидать свои дома. Своего рода испытанием для паломников являлось лицезрение этих трущоб прежде, чем они добирались до величайших святынь христианского мира: «Эти дома, эти лачуги ужаснее притонов нищеты всего мира <...> Эти норы, логовища, эти грязные, полутемные тюрьмы, в которых живут люди, валяясь на грязном полу, положив кучу какого-то смрадного тряпья под голову. Какой пустотой, ужасом какого бездомовья веет от этих жилищ. В этих логовищах только ночуют <...> Из них бегут с рассветом, с первым наступлением утра, с первым теплым лучом солнца. И только ночь, темная, холодная вновь загоняет людей в эти норы, в эти смрадные логовища»[32]. Становится ясным, почему автор говорил о «бездомовности» жителей, т.к. эти лачуги нельзя было назвать домами.

Жилища, от которых веяло нищетой и неустроенностью, произвели негативное впечатление и на А.А. Суворина. Автор отмечал, что его впечатление от трехнедельного путешествия по грязным городам, усиленное случайными обстоятельствами, позволило высоко оценить дух свежести, чистоту, уют и опрятность комнат, которые встретили и буквально ослепили его на Русских Постройках в Иерусалиме: «Убранство комнат было просто, но красиво и блестело порядком, свежестью и опрятностью. Я наслаждался, перенесясь из азиатской грязной бесприютности в комфортабельный уголок Европы»[33]. Эти радовавшие взор, обоняние, а заодно и осязание порядка вызывали гордость у россиян, которые пользовались этими благами в том пространстве, которое получило название Русской Палестины и принадлежало Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Все это формировало и поддерживало в наших паломниках их национальную, а заодно и культурную идентичность.

Представляет интерес, что в некоторых своих воспоминаниях паломники отмечали дурные запахи не только в жилищах местных жителей, но и в некоторых общественных и религиозных зданиях, которые не поддерживались в должном порядке и чистоте. Так, А. Трапицын вспоминал, что после осмотра храма Святой Софии в Константинополе, он посетил открытый в городе музей янычар. Как показалось мемуаристу, он «не представляет никакого интереса» и притом содержался неаккуратно: «... в длинных узких и вонючих комнатах расставлены отвратительные чучела янычар в костюмах разных эпох»[34]. Очевидно, автор до этого посе-

---

31 Дорошевич, 1900. С. 44.
32 Там же. С. 47.
33 Суворин, 1897. С. 13.
34 Вятские епархиальные ведомости, 1895. С. 145.

щал музеи в России, и они представлялись ему более привлекательными, чем это культурно-просветительное учреждение в столице Турции.

По свидетельству паломников, пресловутые восточные базары, отличались не только пышностью и разнообразием товаров. Так, А.А. Соколов констатировал, что некоторые из них находились в непосредственной близости от храма Гроба Господня, порой погружая самые ближайшие окрестности этой великой святыни в зловонные миазмы: он увидел и почувствовал обонянием «…там груды птичьих голов, ручьи крови разных животных, пригорки перьев и навозу <…>, тлеющие остовы лошадей и ослов»[35]. В результате, атмосфера вблизи храма Гроба Господня совершенно не соответствовала христианской святыне. В свою очередь, по свидетельству Д.Д. Смышляева и некоторых других россиян, запах в самом храме Гроба Господня также был, мягко выражаясь, не свеж, вдобавок ощущалась сырость[36]. Аналогичного мнения придерживался один из самых известных российских паломников А.Н. Муравьев, посетивший Святой Град в первой половине XIX в. Он отмечал, что неприятный запах в храме Гроба Господня является следствием его «запертости» и постоянного проживания на его территории греческих, а также католических иноков[37].

К числу социальных относились также запахи пищи, которые, в силу своей специфичности, производили, как приятное, так и отталкивающее впечатление на паломников. Так, кофе — традиционный восточный напиток, обыкновенно оценивался поклонниками как «ароматный» и «благовонный»[38], в то время как некоторые запахи местной пищи, незнакомой русским паломникам, производили на них негативное впечатление. В частности, епископ Арсений (Стадницкий), занимавший пост ректора Московской Духовной Академии, совершив путешествие в Святую Землю летом 1900 г., оставил воспоминания о запахах местной кухни. Автор отмечает, что при посещении Лавры прп. Саввы ему и его спутникам подали обед. Он состоял из «…овощей, свежих маслин, смокв, яиц, овечьего сыра, кислого молока, особенным образом сваренного риса и ещё чего-то горячего…»[39]. Как видно из перечисленного, некоторые продукты являлись весьма привычными для русских паломников, так как они не раз употребляли их на родине. Между тем, непривычные продукты, в частности, овечий сыр, обладали специфическим запахом, который «можно слышать ещё издали». Владыка Арсений и его спутники, так как были очень голодны, остались довольны трапезой, однако, архимандрит отметил, что тем паломникам, которые привыкли к утонченным блюдам и разного рода сладостям, не понравилась бы местная еда. В свою очередь, архимандрит Леонид (Кавелин), оставивший воспоминания о посещении Святого Града и его окрестностей, напротив, положительным образом характеризовал трапезу в Лавре прп. Саввы: «пустынное угощение» монахов включало в себя «похлебку из чечевицы или боба, лук, маслины, стакан виноградного вина и душистый мед»[40].

---

35 Соколов, 2015. С. 68.
36 Смышляев, 2008. С. 72.
37 Муравьев, 2007. С. 201.
38 Соколов, 2015. С. 20, 28.
39 Арсений, архиепископ, 1901. С. 497.
40 Архимандрит Леонид, 2008. С. 317.

К запахам, которые можно отнести к самостоятельной категории, но стоявшей близко к рассмотренной нами только что социальной группе, относились те, которые были связаны с болезнями. Одной из самых страшных среди них и свойственной ближневосточному региону, была проказа. По воспоминаниям паломников, прокаженных можно было встретить в самых различных уголках Святой Земли, причиной тому было, вероятно, постоянно выпрашивание ими «бакшиша» (нечто среднего между милостыней и подарком). В то же время, существовали местности особой концентрации, страдавших этой страшной болезнью. В частности, В. Дорошевич указывал, что примером такого места было селение Силоэ — один из печальнейших уголков Святой Земли, возбуждавший отвращение и ужас поклонников. Место гниения городских отбросов одновременно было населено прокаженными, обреченными на постоянные физические страдания: «Какая тяжелая, — восклицал мемуарист, — какая удручающая картина эти люди, выброшенные догнивать там, где догнивают отбросы. Этот запах трупа, разлитый в воздухе, и эти несчастные, эти полутрупы, ещё живые, ещё чувствующие, <...> выкинутые в городскую клоаку»[41].

На средства османских властей в Силоэ был выстроен ночлежный дом для прокаженных, чтобы они не ходили по городу, не пугали его жителей и паломников своим видом и запахом. На территории этой ночлежки они могли найти уход, пищу, медицинскую помощь, при этом они не имели права покидать территорию приюта. Поэтому желание регулярно получать «бакшиш» заставляло их избегать ночлежного дома. Ссылаясь на русского доктора Д.Ф. Решетилло, занимавшегося исследованием болезней на территории Палестины, А.А. Суворин отмечал, что прокаженных здесь стараются содержать в приютах. В одном только Иерусалиме действовали три приюта, содержание в которых было бесплатным. Главным из них являлось заведение, носившее имя св. Лазаря. Это был великолепный, двухэтажный протестантский госпиталь, в котором чистота поддерживалась на достаточно высоком уровне. Между тем, больные не особенно стремились попасть в него, и не только из-за невозможности выпрашивать «бакшиш», но и потому, что здесь «слишком навязчиво стараются расположить их к лютеранству»[42].

Таким образом, запахи Святой Земли формировали совершенно особое впечатление паломников о природе, местных жителях и разных местностях, входивших в традиционные паломнические маршруты. Запахи являлись значимыми маркерами восприятия русскими поклонниками флоры, фауны, особенностей повседневного быта местного населения. Социальные ольфакторные характеристики, запахи болезней, растений и животных, обычно подразделялись в мемуарных текстах на: приятные и неприятные для восприятия. Одновременно эти впечатления позволяли российским богомольцам сравнить «чужое» и «свое», сконструировать в результате этого свою русскую идентичность, даже в такой специфической сфере.

Вместе с комплексом звуков, цветов и вкусов ольфакторные впечатления создавали у российских богомольцев в Святой Земле многомерную картину окружающей среды, отражались в сознании паломников, а в дальнейшем — в паломнических мемуарных текстах.

---

41 Дорошевич, 1900. С. 65.

42 Суворин, 1898. С. 97.

Источники и литература

Адлерберг Н.В. Из Рима в Иерусалим. Сочинение графа Н. Адлерберга. М.: Индрик, 2008. 296 с.

Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-ое, испр. Книга 1 / Сост. О.Б. Ванштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 616 с.

Арсений (Стадницкий), архиепископ Волоколамский. В стране священных воспоминаний (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, епископом Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник. 1901. Т. 3. № 11. С. 470–520.

Архимандрит Леонид Кавелин. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М.: Индрик, 2008. 384 с.

Бессчетнова Е. Социальные коннотации запаха // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. № 11. С. 27–43.

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 1994. 935+303 с.

Вятские епархиальные ведомости. 1895. Ч. неоф. № 5, 18.

Дорошевич В. В Земле Обетованной (Палестина). М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1900. 232 с.

Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х т. СПб., 1893–1898. Т. I. 1893. 374 с.

Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х т. СПб., 1893–1898. Т. II. 1895. 359 с.

Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М.: Индрик, 2012. 263 с.

Из заметок о путешествии на Ближний Восток игумена Никандра, состоявшего в братстве Соловецкого монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1913. № 19.

Клот-Бей А.Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии: Ч. 1–2 / Пер. с фр. А.А. Краевского. — СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутренней стражи, 1843. 378 с. URL: https://drevlit.ru/docs/egipet/XIX/1820–1840/Klot_bey/text2.php (дата обращения: 23.01.2026).

Кривенко Г.А., Колот Р.В. Взаимодействие этноса и языка на примере концепта «запах» в русской лингвокультуре // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2016. № 2. С. 106–109.

Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических, лингвистических, и переводоведческих факультетов высших учебных заведений. М.: Академия, 2007. 432 с.

Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам в 1830 году. М.: Индрик, 2007. 344 с.

Смышляев Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М.: Индрик, 2008. 288 с.

Соколов К.А. Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1853 г. // Православный палестинский сборник. Вып. 111. М.: Индрик, 2015. С. 16–90.

Суворин А.А. Палестина / Илл. А. Д. Кившенко и В. И. Навозов. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1898. 352 с.

Чукмалдин Н.М. Путевые очерки. Екатеринбург: типография газеты «Урал», 1899. 80 с.

Melchizedek (Yaroslav Grigorievich Khizhnyak), hieromonk,
full member of the IPO «IOPS»,
cleric of the Church of the Epiphany in Penza,
Candidate of Theology,
Russian Federation, Penza.
E-mail — khyzhniak90@gmail.com

Penza pilgrim to the Holy Land Feodosia Pavlovna Vorobyova

Abstract: In the article, the author tells about the life and pilgrimage of Feodosia Pavlovna Vorobyova (1873–1953), a resident of Penza province, who traveled to the Holy Land in the early twentieth century.

Keywords: Holy Land, pilgrimage, Feodosia Pavlovna Vorobyova, Penza province, Penza department of the IOPS.

Мелхиседек (Хижняк Ярослав Григорьевич), иеромонах,
действительный член МОО «ИППО»,
клирик храма Богоявления Господня г. Пензы,
кандидат богословия,
Российская Федерация, Пенза.
E-mail — khyzhniak90@gmail.com

Пензенская паломница в Святую Землю Феодосия Павловна Воробьева

Аннотация: в статье автор рассказывает о жизни и паломничестве жительница Пензенской губернии Феодосии Павловны Воробьевой (1873–1953 гг.), которая в начале XX в. совершила путешествие в Святую Землю.

Ключевые слова: Святая Земля, паломничество, Феодосия Павловна Воробьёва, Пензенская губерния, Пензенский отдел ИППО.

Статья поступила в Редакцию 27.01. 2026 г.

После принятия на Руси христианства, благочестивые русские паломники стали стремиться попасть на Святую Землю. Несмотря на дальность и трудность пути, волна паломников непрерывно росла и вскоре приняла массовый характер[1]. Обычные люди совершали паломничество в Святую Землю пешком, жили милостыней, но по возвращении становились героями[2]. В 1882 г. было учреждено Палестинское Общество, которое должно было помогать русским паломникам на Святой Земле. Появился солидный и неоскудевающий фонд, который позволил приобретать в Иерусалиме и в других местах Палестины земельные участки, строить на них странноприимные дома, богадельни и другие учреждения, необходимые для приёма и обслуживания огромного числа русских паломников[3]. Одной из таких паломниц была жительница Пензенской губернии Феодосия Павловна Воробьева (1873–1953 гг.)

Рисунок 1. Дом, построенный на месте дома Ф. П. Воробьевой.

---

1 Хижняк Я. Г. Пензенский отдел Палестинского Общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://иппо-пенза.рф/об-отделении/ (дата обращения — 13. 12. 2025).

2 Как симбирские паломники в Палестину ходили. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ippo.ru/pilgrimage/article/kak-ulyanovskie-palomniki-v-palestinu-hodili-401818 (дата обращения — 24. 12. 2025).

3 Хижняк Я. Г. Пензенский отдел Палестинского Общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://иппо-пенза.рф/об-отделении/ (дата обращения — 13. 12. 2025).

Ещё живы люди, которые помнят Феодосию Павловну. Житель г. Городище, Громилин Михаил Федорович помнит её ещё пятилетним ребенком, также он сохранил устные воспоминания своей матери о Феодосии Павловне. Они жили по соседству, все соседи уважали Феодосию Павловну за подвижнический образ жизни, у неё никогда не было ни семьи, ни детей, она жила как монахиня в миру. Достоверно известно, что Феодосия Павловна совершила паломничество на Святую Землю.

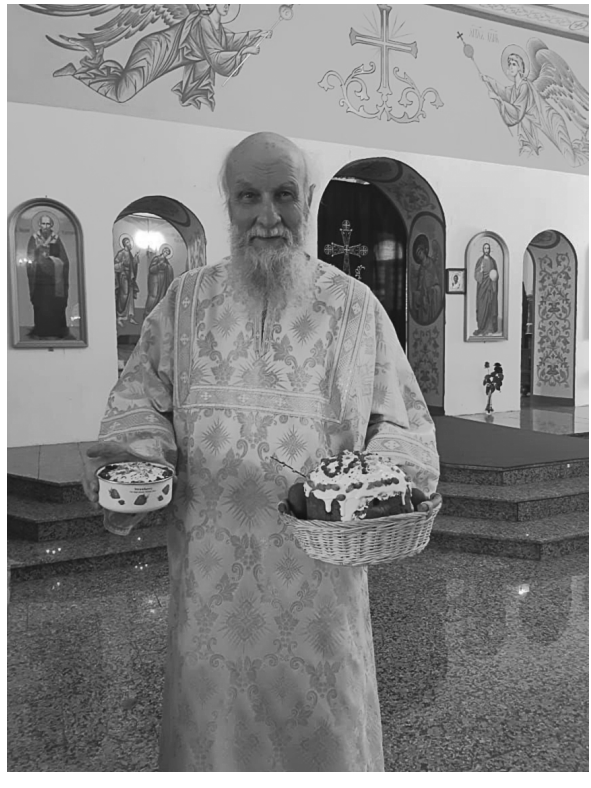


Рисунок 2. Громилин М.Ф.

Точная дата паломничества Феодосии Павловны в Иерусалим неизвестна, однако, в её помяннике, который сохранился до сегодняшнего дня, в записи о здравии, которая была сделана во время паломничества, на греческом языке было указано имя Императора Николая II.

Сам помянник 1904 г. издания, следовательно, паломничество было совершено в период 1904–1917 гг. Пензенское отделение ИППО на момент 1904 г. существовало уже 10 лет[4], и, вероятнее всего, наша героиня совершила паломничество именно через это отделение[5].

Как и любому человеку, желающему отправиться в Палестину, Феодосии Павловне необходимо было оформить «вид на жительство» или внутренний паспорт, а также «свидетельство об отсутствии препятствий для выезда за границу».

Данные документы необходимо было приложить к прошению на имя губернатора о выдаче «паломнического билета», наличие которого признавалось достаточным основанием для начала паломничества.

В прошении, подаваемом желающими посетить Святую Землю, указывалась причина такого решения. Обычно, мотивы для совершения паломничества не отличались большим разнообразием. Например, можно рассмотреть случай, относящийся к началу XX века: «Имея непреклонное желание и по данному

---

4 *Хижняк Я.Г.* Пензенский отдел Палестинского Общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://иппо-пенза.рф/об-отделении/ (дата обращения — 13. 12. 2025).

5 Помянник Феодосии Павловны Воробьевой // Музей Пензенской епархии.

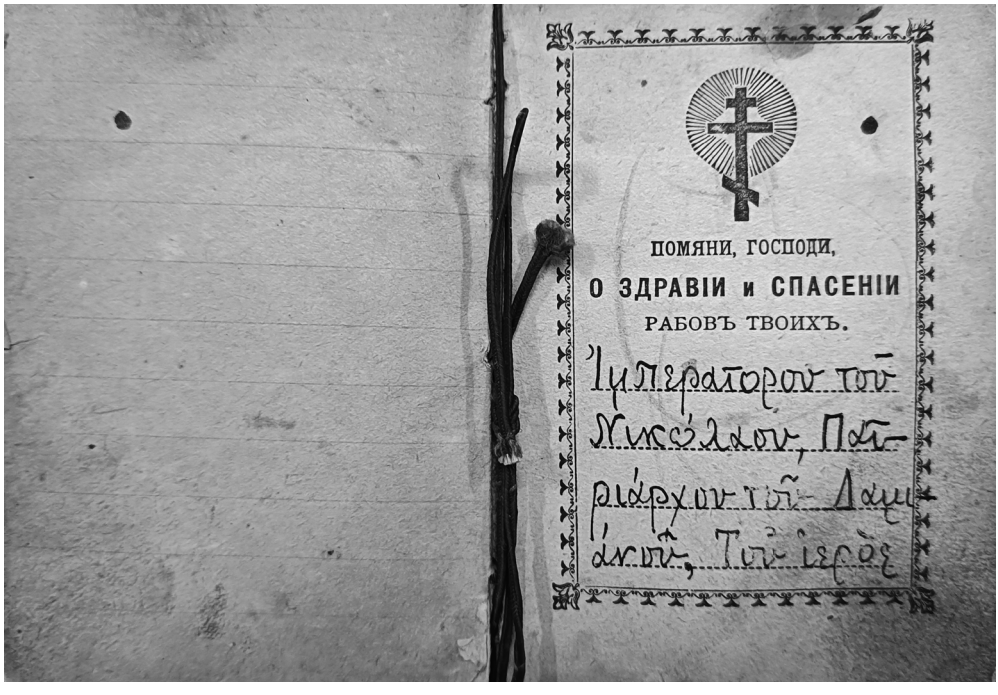

ПОМЯНИ, ГОСПОДИ,
О ЗДРАВІИ и СПАСЕНІИ
РАБОВЪ ТВОИХЪ.
Ὑπεράτορα τὸν
Χριστόν, Πα-
τριάρχην τῶν Λα-
ῶν, Τὸν ἱερέα

Рисунок 3. Помянник Воробьевой Ф. П.

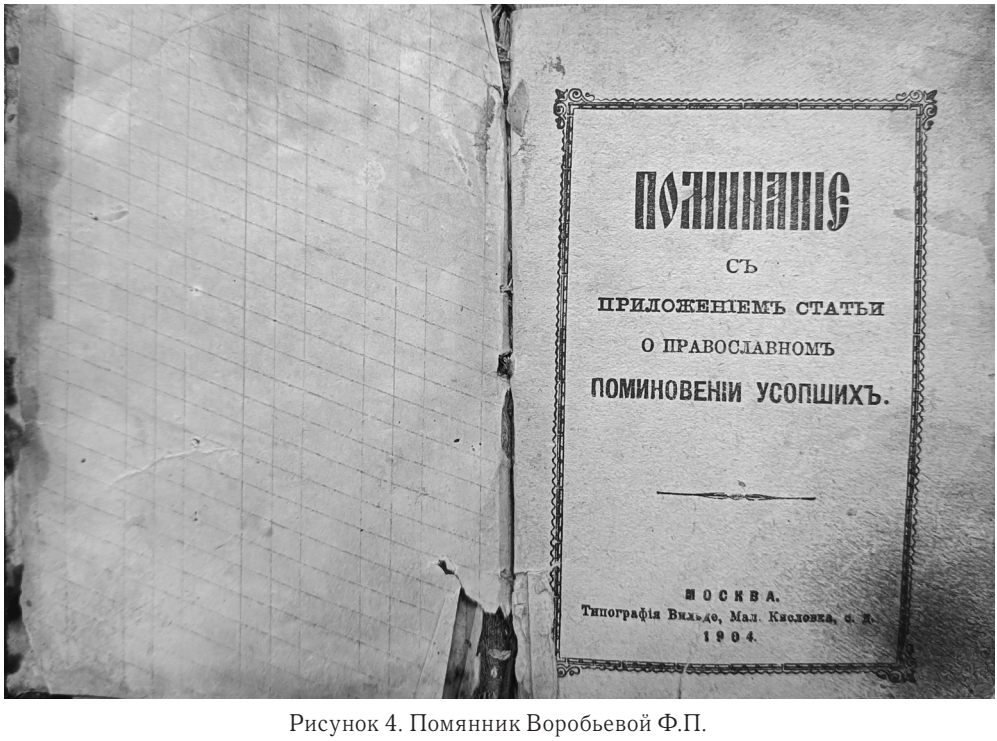

ПОМИНАНІЕ
СЪ
ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ
О ПРАВОСЛАВНОМЪ
ПОМИНОВЕНІИ УСОПШИХЪ.
МОСКВА.
Типографія Вильде, Мал. Кисловка, с. д.
1904.

Рисунок 4. Помянник Воробьевой Ф.П.

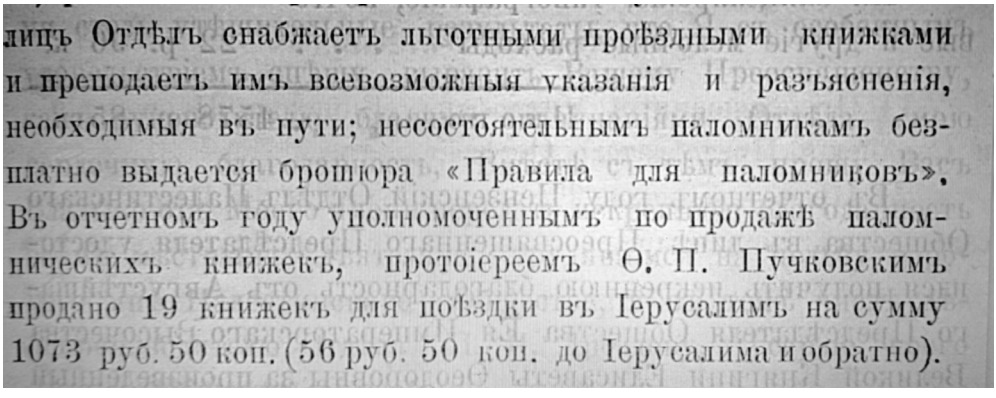

лицъ Отдѣлъ снабжаетъ льготными проѣздными книжками и преподаетъ имъ всевозможныя указанія и разъясненія, необходимыя въ пути; несостоятельнымъ паломникамъ безплатно выдается брошюра «Правила для паломниковъ». Въ отчетномъ году уполномоченнымъ по продажѣ паломническихъ книжекъ, протоіереемъ Ѳ. П. Пучковскимъ продано 19 книжекъ для поѣздки въ Іерусалимъ на сумму 1073 руб. 50 коп. (56 руб. 50 коп. до Іерусалима и обратно).

Рисунок 5. Отчет о состоянии и деятельности Пензенскаго Отдела Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества с 1 марта 1910 г. до 1 марта 1911 г.

ранее обету поклониться Гробу Господню, мне необходимо иметь письменный вид на свободный проезд по России и затем за границу»[6].

Пензенских паломников отдел снабжал льготными проездными книжками, и давал им всевозможные указания и разъяснения необходимые в пути, несовершеннолетним паломникам бесплатно выдавалась брошюра «Правила для паломников». К примеру, в период 1910–1911 гг. паломнических книжек было продано 19 шт., а проезд до Иерусалима и обратно стоил 56 руб. 50 коп[7].

Путь нашей героини в Палестину из Городища пролегал сначала по железной дороге из Пензы, через Воронеж и Киев до Одессы. Согласно статье 181 «Устава о паспортах», выдача заграничных паспортов «для следования в Иерусалим на поклонение Святым местам производится на следующем основании: 1) таковые паспорты не выдаются в столицах и других городах Империи, кроме сопредельных к границам Турции и Черного моря». Именно Одесса для подавляющего большинства паломников являлась таким местом.

На Одесском железнодорожном вокзале прибывших встречали и провожали до монастырских подворий, находившихся поблизости, послушники с Афона. На этих подворьях обеспечивалось бесплатное проживание и питание. Имеющиеся при себе бумаги и 4 рубля отдавались послушнику или монаху. Он, в свою очередь, занимался регистрацией паломника в полицейском управлении, затем передавал документы в канцелярию одесского градоначальника для подготовки загранпаспорта, а также для получения визы от турецкого консула. Это позволяло избежать большого скопления людей в канцелярии градоначальника, полицейском управлении и консульстве.

---

6 *Цысь В. В., Цысь О. П.* Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX — начале XX века // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 61 (6). С. 75–76.

7 Отчет о состоянии и деятельности Пензенскаго Отдела Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества с 1-го марта 1910 года до 1-го марта 1911 года // Пензенские Епархиальные Ведомости. Пенза, 1911. №17. С. 663.

Рисунок 6.
Одесский железнодорожный вокзал.
Фото из открытого интернет-источника.

Рисунок 7.
Андреевское подворье.
Фото из открытого интернет-источника.

Рисунок 8.
Пантелеимоновское подворье.
Фото из открытого интернет-источника.

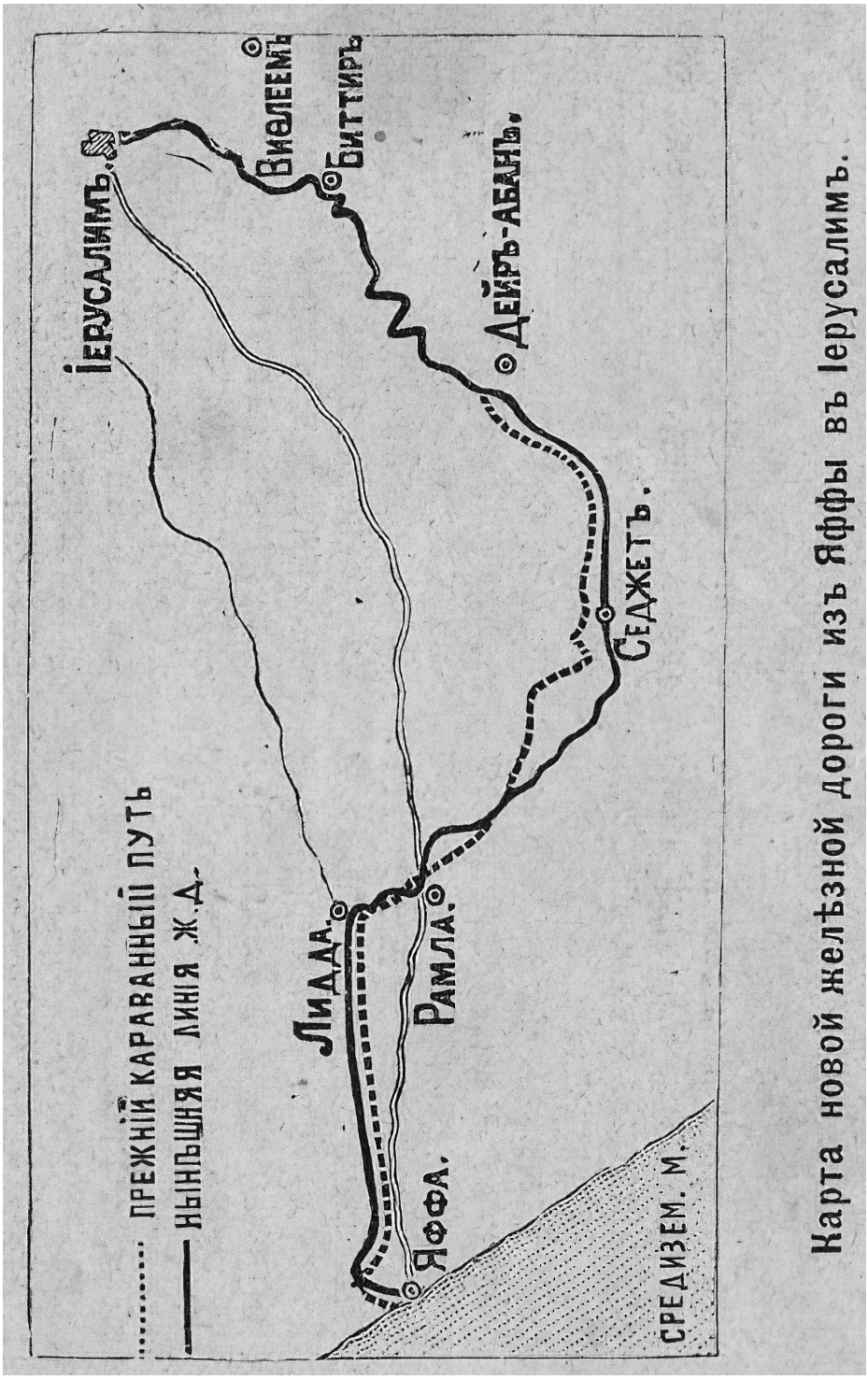


Рисунок 9. Карта железной дороги Яффа – Иерусалим. Фото из открытого интернет-источника.

Рисунок 10. Сергиевское подворье в Иерусалиме.
Фото из открытого интернет-источника.

При наличии всех необходимых документов, прямо в Одессе совершалась покупка билета на судно до Яффы для паломника (в случае отсутствия у него паломнической книжки). Загранпаспорта выдавали жандармы на причале, непосредственно перед отправлением парохода. Начиная с конца 1901 г., каждый паломник перед посадкой вместе с паспортом получал от уполномоченного представителя ИППО в Одессе экземпляр Евангелия.

Для транспортировки людей применялись корабли различных габаритов, способные принять на борт от нескольких десятков до двух тысяч путешественников. В первые годы XX в. было введено регулярное расписание: пароходы отплывали из Одессы еженедельно, по средам, в 16:00. Морское странствие в одну сторону занимало от десяти до четырнадцати суток[8].

Пассажиры третьего класса, к числу которых, вероятно, относилась и наша героиня, были вынуждены располагаться в трюмах и на палубах, зачастую

[8] *Цысь В В., Цысь О.П.* Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX — начале XX века // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 61 (6). С. 78.

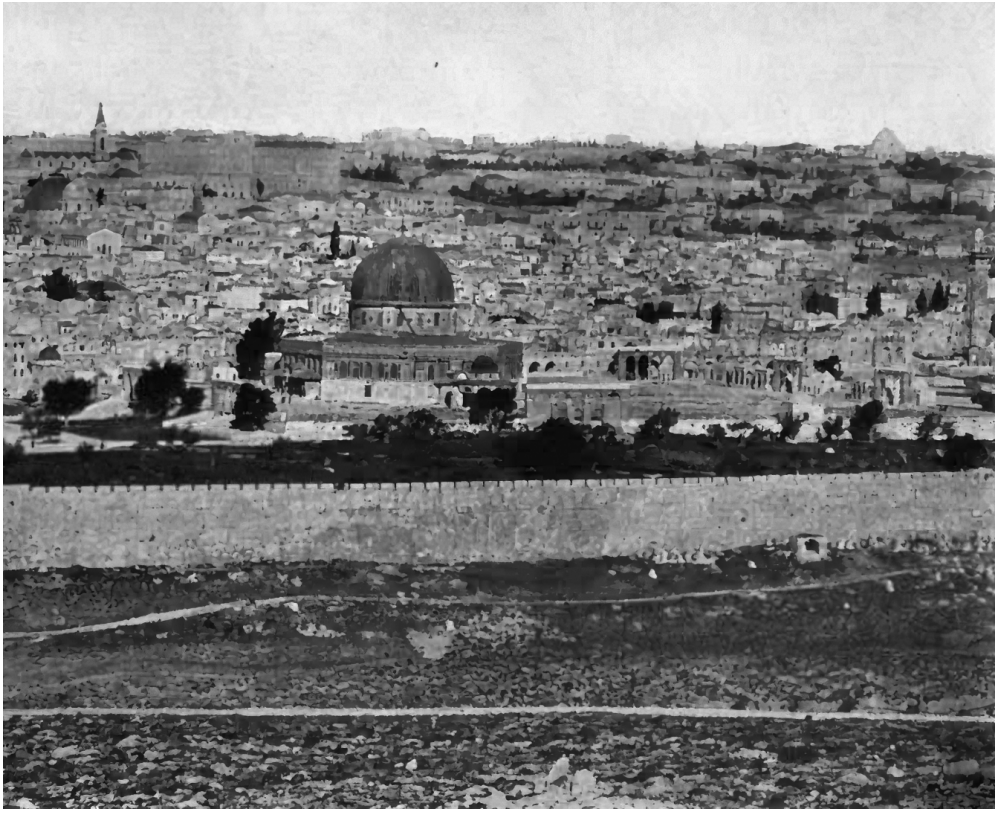


Рисунок 11. Иерусалим.
Фото из открытого интернет-источника.

не имея никакой защиты от палящего солнца, проливного дождя или пронизывающего ветра. Более того, условия характеризовались крайней стесненностью, исключавшей возможность не только прилечь, но даже присесть. Однако, следует подчеркнуть, что наши паломники из простого народа обладали глубокой верой, благодаря которой они терпеливо переносили все трудности путешествия. Палестинским Обществом прилагалиось много усилий для изменения ситуации, и со временем удалось достичь определенных результатов[9].

По прибытии в Яффу путешественников встречали местные гиды. На протяжении всего пути паломническую группу охраняли кавасы, представлявшие собой низший чин полицейских, назначаемых в Османской империи для охраны дипломатических лиц. В качестве охранников для паломников часто выбирали черногорцев, православных, но не являвшихся подданными России.

---

[9] *Блинова Л.Н.* Русские паломники в Одессе на пути к святым местам. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ippo.ru/old/history/ippo-palomnichestvo/4/odessa/5/index.html?ysclid=mivmcm8oj8972933891(дата обращения — 24. 12. 2025).

Рисунок 12. Надгробие на могиле Воробьевой Ф. П. на кладбище г. Городище.

Размещение паломников осуществлялось в одном из восьми подворий, возведенных на землях, приобретенных Палестинским Обществом. Сутки пребывания в Русских Постройках обходились паломнику в 13 копеек, в эту сумму входили ночлег, чай, каша и мыло[10].

Из Иерусалима для паломников организовывались в караваны по святым местам, таким как река Иордан, Вифлеем, Назарет, Мамврийский дуб и Горняя. Эти путешествия могли длиться от одного до четырнадцати дней. В каждом караване обязательно присутствовали священник из Русской духовной миссии, врач, проводники из числа черногорцев и турецкие полицейские для обеспечения безопасности. По словам одного из путешественников, паломники направлялись в Назарет большим караваном, под охраной нескольких вооруженных кавасов, везя с собой провизию и другие необходимые вещи, навьюченные на ослов и верблюдов. Для тех, кто слаб здоровьем или в преклонном возрасте, предоставлялись верблюды, телеги и ослы.

Паломники в основном были людьми пожилыми, и помимо трудностей, связанных с дорогой, непривычным климатом и питанием, многие из них соблюдали строгий пост. Ослабленный организм был более подвержен различным заболеваниям, что негативно сказывалось на здоровье путешественников. В связи с этим ИППО предоставляло бесплатную медицинскую помощь в больнице или амбулаторной[11].

Посещение Святой Земли производило неизгладимое впечатление на каждого верующего человека. По возвращении на Родину паломники могли поделиться своими впечатлениями, духовным опытом и привезенными святынями со своими близкими, друзьями и односельчанами[12].

---

10 *Михайлова (Посашко) В.* К Богу на ослике. Как век назад паломничали простые люди и члены Дома Романовых. [Электронный ресурс] Режим доступа: К Богу на ослике. Как век назад паломничали простые люди и члены Дома Романовых (ippo.ru) (дата обращения — 24. 12. 2025).

11 *Цысь В. В., Цысь О. П.* Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX — начале XX века // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 61 (6). С. 85.

12 *Цысь В. В., Цысь О. П.* Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX — начале XX века // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 61 (6). С. 87.

По свидетельству Михаила Федоровича Громилина, из Святой Земли Феодосия Павловна привезла воду из реки Иордан и песок. Впоследствии эту воду использовала как сама паломница, так и её соседи. Умерла Ф.П. Воробьева в 1953 г. в возрасте 80 лет, снискав за свою благоговейную жизнь уважение земляков и наименование подвижницы благочестия.

Источники и литература

Хижняк Я.Г. Пензенский отдел Палестинского Общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://иппо-пенза.рф/об-отделении/ (дата обращения — 13. 12. 2025).

Как симбирские паломники в Палестину ходили. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ippo.ru/pilgrimage/article/kak-ulyanovskie-palomniki-v-palestinu-hodili-401818 (дата обращения — 24. 12. 2025).

Хижняк Я.Г. Пензенский отдел Палестинского Общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://иппо-пенза.рф/об-отделении/ (дата обращения — 13. 12. 2025).

Хижняк Я.Г. Пензенский отдел Палестинского Общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://иппо-пенза.рф/об-отделении/ (дата обращения — 13. 12. 2025).

Помянник Феодосии Павловны Воробьевой // Музей Пензенской епархии.

Цысь В.В., Цысь О.П. Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX — начале XX века // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 6 (61). С. 73–90.

Отчет о состоянии и деятельности Пензенскаго отдела Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества с 1-го марта 1910 года до 1-го марта 1911 года // Пензенские Епархиальные Ведомости. Пенза, 1911. №17. С. 663.

Блинова Л.Н. Русские паломники в Одессе на пути к святым местам. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ippo.ru/old/history/ippo-palomnichestvo/4/odessa/5/index.html?ysclid=mivmcm8oj8972933891

(дата обращения — 24. 12. 2025).

Михайлова (Посашко) В. К Богу на ослике. Как век назад паломничали простые люди и члены Дома Романовых. [Электронный ресурс] Режим доступа: К Богу на ослике. Как век назад паломничали простые люди и члены Дома Романовых (ippo.ru) (дата обращения — 24. 12. 2025).

Talalai Mikhail Grigorievich,
full member of the IPO «IOPS»,
Italian historian, writer, publisher,
Candidate of Historical Sciences,
Italy, Bari.
E-mail — talalaym@mail.ru

New materials on the visit of Grand Duke Konstantin Nikolaevich to Mount Athos in 1845

Abstract: the article contains new archival materials related to the visit of the Holy Mount Athos by Grand Duke Konstantin Nikolaevich in 1845. During this trip, he worshiped the shrines of the Athos monasteries, including the Vatopedi Monastery. During the pilgrimage to Mount Athos, he provided support to the Russian monks of St. Andrew's Skete, which is reflected in the documents.

Keywords: Holy Mount Athos, St. Andrew's Skete, Vatopedi Monastery, pilgrimage, Grand Duke Konstantin Nikolaevich.

Талалай Михаил Григорьевич,
действительный член МОО «ИППО»,
историк-итальянист, литератор, издатель,
кандидат исторических наук,
Италия, г. Бари.
E-mail — talalaym@mail.ru

Новые материалы о посещении Афона Великим Князем Константином Николаевичем в 1845 г.

Аннотация: в статье размещены новые архивные материалы, связанные с посещением Святой Афонской горы Великим Князем Константином Николаевичем в 1845 г. Во время этого путешествия он поклонился святыням афонских обителей, в том числе Ватопедского монастыря. В ходе паломничества на Афон он оказывал поддержку русским монахам Андреевского скита, что нашло отражение в документах.

Ключевые слова: Святая Афонская гора, Андреевский скит, Ватопедский монастырь, паломничество, Великий Князь Константин Николаевич.

Статья поступила в Редакцию ППС 20.04. 2026 г.

Второй сын Императора Николая I, Константин, ещё при рождении был определен отцом на флот. В 1845 г., в неполные 18 лет, он отправился, по желанию августейшего отца, в большое плавание по Средиземноморью, посетив Константинополь и берега Эгейского моря, в том числе — первым из Дома Романовых — Афон.

Маршрут его навигации известен: отплыв из османской столицы на пароходе «Бессарабия», Великий Князь Константин направился к Принцевым островам, затем, посетив Никомидию (тур. Измит), Прусу (тур. Бурса), берега Трои, остров Митилен (Лесбос) и Смирну (тур. Измир), проследовал к островам Архипелага, окончив своё путешествие посещением Афона[1]. Уже вернувшись в Россию, в своем большом письме к отцу, по сути дела отчету, он сообщал: «...посещение Афонской горы было венец для нашего путешествия, ибо оно было самое интересное, прекрасное»[2].

Краткие упоминания об этом визите сохранились в ныне разбираемом архиве афонского Андреевского скита (далее РААС), хранящемся в монастыре Ватопед, к которому относится скит. Русскоязычная братия Андреевского скита, существовавшая с 1840-х годов до 1970-х годов, оставила после себя колоссальное документальное наследие, ценнейший и оставшийся до сих пор не востребованный источник по духовной и материальной жизни святогорского монашества, а также в целом истории России и Афона. После того, как в Андреевском скиту с 1992 г. поселилась грекоязычная братия, уцелевшая часть РААС, с целью его сохранения и систематизации, была перенесена в 2003 г. в Ватопедский монастырь — по благословению игумена монастыря Ефрема (Куцу). Несколько лет тому назад начался разбор архива.

В личных записях второго настоятеля Андреевского скита архимандрита Феодорита (Крестовникова; 1822–1887), выдающегося афонского подвижника, найдена такая следующая заметка: «*Для памяти. На Святой Горе Афонской в 1845 г. 15 июля во время посещения Св. Горы Афона и некоторых других монастырей Его И[мператорским] В[высочеством] В.К. Константином Николаевичем и я встречал Их Высочество и подносил гостинец (св. икону храма обители) и провожал (Их И.В.) из Афона*»[3].

Это был период, когда русские насельники Андреевской обители, имевшей прозвание Серай, с большим воодушевлением принялись за её обустройство. В момент приобретения Серая, в 1841 г., он имел статус келлии[4], и они чаяли

---

1 Плавание Великого Князя Константина Николаевича в 1845 г. изучено К.А. Вахом; см. *Вах К.А.* Великий князь Константин Николаевич и Афон // Гора Афон. Образы Святой Земли. М.: Индрик, 2011. С. 62–69; *Он же.* Первое августейшее паломничество на Афон великого князя Константина Николаевича в 1845 году // История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. Русский Афон XIX-XX веков. Т. 5. Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. С. 190–204.

2 См. ниже полный текст «афонского» письма Константина Николаевича.

3 РААС. Оп. 14. Д. 320. Док. 19539. Курсивом здесь и ниже выделены впервые публикуемые тексты.

4 Согласно афонской терминологии, келлия — небольшая обитель с храмом, в то время, как келья — это комната монаха. Подобное различие в написании существует только в русском обиходе: в греческом языке эти два слова пишутся одинаково.

Великий Князь Константин Николаевич.
Портрет работы неизвестного художника, ок. 1845 г.

возвышения его до ранга скита, что дало бы им большую степень независимости. Внимание сына Императора к положению русских афонитов придало им решимости. О своих действиях они пишут следующее: «По отбытии его [Великого Князя] старцы подали прошение в Ватопед о даровании им прав скита, но старцам отказали; епитропы Ватопедские нашли сие несвоевременным и ответили: “молитесь Богу, чтобы Он вам сие устроил, но теперь это невозможно”. Старцы точно исполняли сей совет и, продолжая хлопотать о сем, единственную надежду свою возлагали на Бога и на Владычицу, усердно молясь им»[5].

Об этом эпизоде греческий иеромонах Герасим (Смирнакис), составлявший в конце XIX в. историю Афона, пишет следующее: «В 1845 г. посетил Святую гору Великий Князь Константин Николаевич, второй сын Николая I. Поступило предложение о провозглашении келлии в общежительный скит. Братия монастыря Ватопед довольно искусно <sic!> избежали этого. Однако Великий Князь совершил закладку храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы[6]»[7]. Хлопоты эти вскоре увенчались успехом после другого значительного визита на Афон — духовного писателя Андрея Николаевича Муравьева. В итоге в 1849 г. Серай получил-таки статус скита, а Муравьев — титул его ктитора[8].

Трехдневный афонский визит Константина Николаевича, с 16 по 18 июля 1845 г., произвел в Европе резонанс, зримо подтвердив желание православной Империи покровительствовать Святой Горе, в частности, и Христианскому Востоку, в целом.

Одним из результатов той морской экспедиции стало назначение Великого Князя председателем созданного в тот же год Русского Географического общества. Константин Николаевич, позднее — генерал-адмирал и один из «капитанов» Российской Империи, сохранил любовь к Христианскому Востоку на всю жизнь: в 1859 г. он (всё так же первым из Романовых) посетил Иерусалим, о чём писал так: «Православной же Церкви посещение впервые русского Великого Князя, брата Белого Царя[9], придаст непременно новой силы и нового веса, как то было после нашего посещения Афона в 1845 году, в котором с тех пор началась новая эра»[10].

Внимание исследователей уже привлекло внимание содержательное письмо Великого Князя к отцу, о котором мы упоминали выше. Однако оно было опубликовано не полностью, и мы пользуемся возможностью восполнить эту лакуну. Текст, который публикуется нами теперь впервые, мы выделили курсивом.

---

5 Летопись Свято-Андреевского скита на Афоне. Первая часть: 1841–1863. Под ред. Братии монастыря Ватопед; науч. ред. М.Г. Талалай. 2-е изд., доп. Святая гора Афон: Священная Великая обитель Ватопед; М.: Старая Басманная, 2024. С. 95.

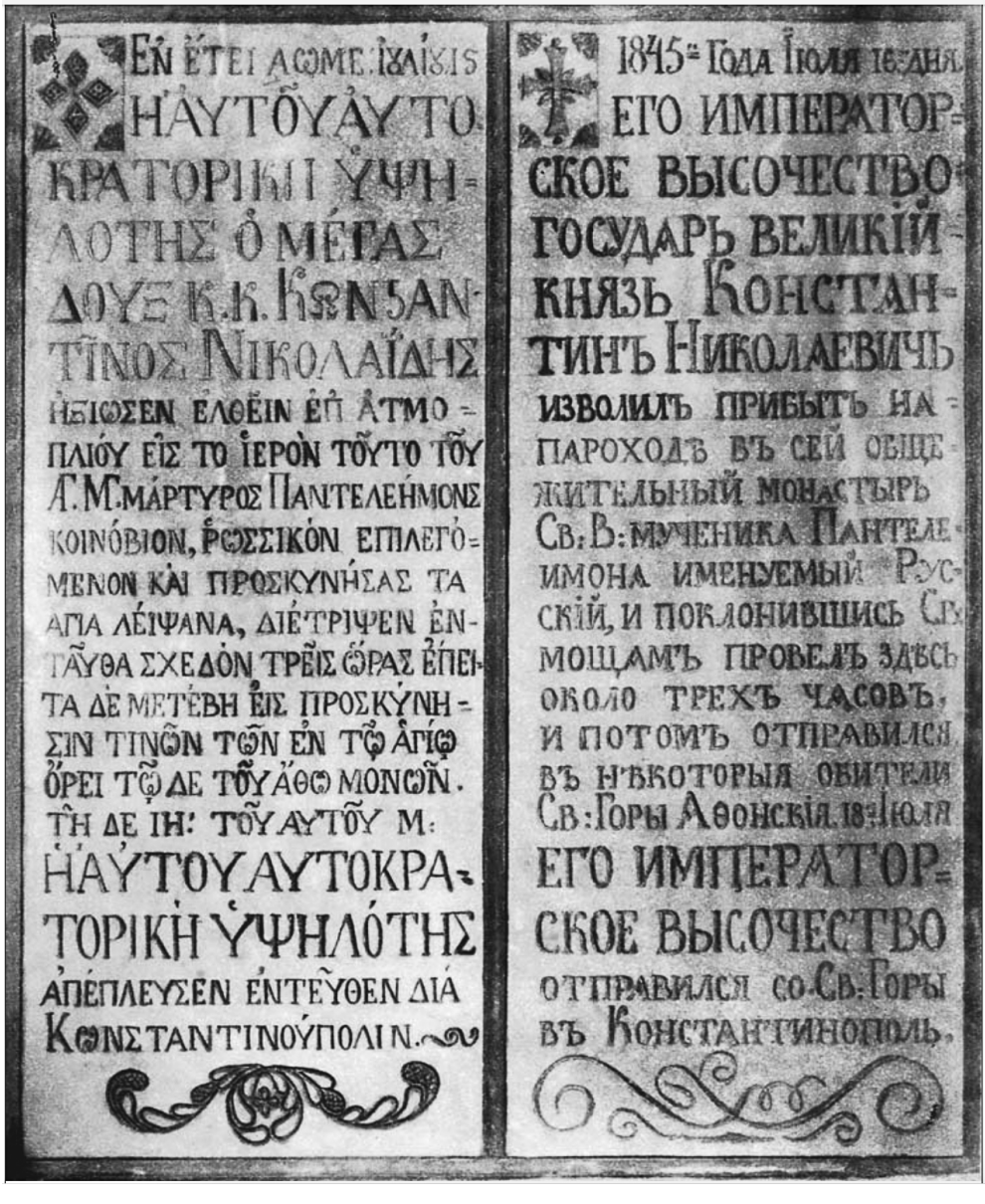
6 Он стал первым храмом на Афоне, посвященным Покрову Божией Матери. Он находится однако в комплексе не Андреевского скита, а Св.-Пантелеимонова монастыря. Кроме того, не найдено подтверждений, что закладку этого храма осуществил именно Константин Николаевич.

7 *Σμυρνάκης Γ. Το* Ἅγιον Ὄρος. Καρυές Αγίου Όρους, 1988 (переиздание монографии, вышедшей в 1903 г.). Σ. 453.

8 См. *Смирнова И.Ю.* А.Н. Муравьев и афонский вопрос. М.: Индрик, 2022.

9 Речь идет об Императоре Александре II.

10 Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 97.



Двуязычная мемориальная доска в Покровском храме Руссика
о посещении Великого Князя Константина Николаевича в 1845 г.

Письмо Великого Князя Константина Николаевича к Императору Николаю I Павловичу (22 июля ст. ст. 1845 г.)[11]

<...>[12] *Пройдя мыс Суниум*[13]*, мы пошли на N*[14] *в Салоники, столицу Македонского пашлыка*[15]*, куда и пришли на другой день вечером.*

Город довольно красиво лежит на скате горы, и весь окружен старинною стеною, вне которой нет ни одного дома. Мы съехали в город в сопровождении нашего консула г. Мустоксиди[16]*, который в нашей службе с 1804 года, а на вид моложавее Федора Петровича*[17]*. Он здесь в Салониках с 1830 года и имеет большое влияние.*

В городе интересно сперва две Триумфальные арки, на двух оконечностях города, одна построена Октавием и Антонием после их Филиппийской победы над убийцами Кесаря[18]*, Брутом и Кассием, а другая Константина Великого в память победы над варварами. На них еще сохранились барельефы и надписи. Далее интересны две старинные христианские церкви Св. Георгия и Св. Софии, обращенные в мечети. Первая из них есть круглая, ротонда с 7 нишами и восьмым входом, которая прежде была храмом Кабиров или 7 богов, почитаемых в Самотракских тайнах*[19]*. Император Нерон особенно покровительствовал этому храму. Впоследствии он был обращен в церковь Св. Георгия, а теперь это мечеть. При обеих [церквях] показывают мраморные кафедры, с которых, говорят, проповедовал Апостол Павел.*

В тот же вечер к нам на пароход приехал Мустоксиди, и мы с пошли к Афонской горе для того, чтобы он нам служил путеводителем.

На другой день утром 16 числа уже гора была видна, и мы к ней подошли около полудня.

Это большой полуостров, простирающийся от N ко S[20]*. Он постепенно увеличивает свою вышину к S, и на самой его оконечности огромный Афон*

---

11 Рукопись. ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 169–171. Центральный фрагмент см. *Вах К.А.* Великий князь Константин Николаевич и Афон // Гора Афон. Образы Святой Земли. М.: Индрик, 2011. С. 64–65. К этому опубликованному фрагменту мы написали собственные комментарии. Благодарим за помощь В. А. Астанкова (ГА РФ, Москва).

12 Мы начинаем публикацию обширного письма, своего рода отчета о плавании, с курса корабля на Афона.

13 Мыс Сунион.

14 Север (норд).

15 В Оттоманской Порте — область, управляемая пашой.

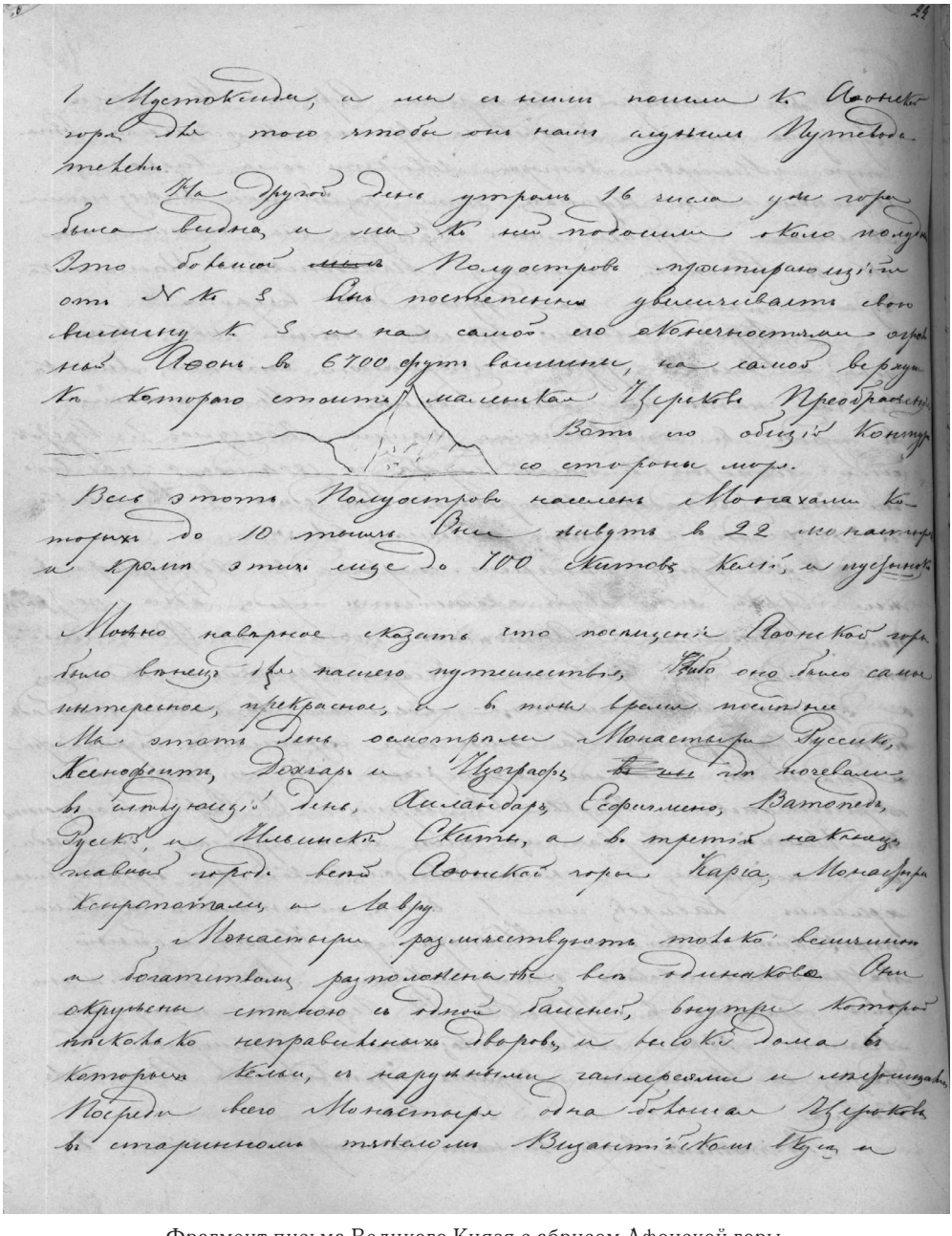
16 Мустоксиди Ангел Иванович (1780–1861), оттоманский подданный греческого происхождения на русской дипломатической службе. Как следует из дальнейшего рассказа, сопровождал Константина Николаевича на Афон.

17 Литке Федор Петрович (1797–1882), мореплаватель, географ, генерал-адъютант (1842), адмирал (1855), президент Академии Наук (1864–1882). Был на 17 лет моложе А. Мустоксиди.

18 Т.е. убийцы Гая Юлия Цезаря.

19 Мистерии на о. Самофракии, с их культом божеств Кабиров, пользовались широкой известностью в античном мире.

20 Т.е. от севера к югу (точное расположение — с северо-запада на юго-восток).



Фрагмент письма Великого Князя с абрисом Афонской горы.
ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 366 Л. 169 об. Публикуется впервые

в 6700 фут вышины[21]*, на самой верхушке которого стоит маленькая церковь Преображения.*

Вот его общий контур со стороны моря.

Весь этот полуостров населен монахами, которых до 10 тысяч. Они живут в 22 монастырях и кроме этих еще 100 скитов, келий и пустынок.

Можно, наверное, сказать, что посещение Афонской горы было венец для нашего путешествия, ибо оно было самое интересное, прекрасное, и в тоже время последнее. Мы этот день осмотрели монастыри Руссик, Ксенофонт, Дохиар и Изограф, где ночевали, в следующий день Хиландар, Эсфигмен, Ватопед, Русский Ильинский скит, а в третий наконец главный город всей Афонской горы Кария, монастыри Ксиропотам и Лавру.

Монастыри различествуют только величиною и богатствами, расположены же все одинаково. Они окружены стеною с одной башней, внутри которой несколько неправильных дворов, и высокие дома, в которых кельи, с наружными галереями и лестницами. Посреди всего монастыря одна большая церковь в старинном тяжелом Византийском вкусе и почти в каждом монастыре перед церковью фонтан на турецкий манер. Вообще Афонская гора очень изобильна прекрасной, холодной ключевой водой.

Кроме главной соборной церкви еще много других по кельям. Внутри церквей все стены раскрашены иконами, так, как в наших старых церквах, но оно очень некрасиво. В каждом монастыре без исключения есть чудотворные иконы, и много мощей, и их так много, что даже и не запомнить.

Я помню, что в Ильинском ските нога апостола Андрея Первозванного, а в Лавре голова Св. Василия Великого и рука Св. Иоанна Златоустого, и я к этим Святыням с особенным благоволением прикладывался. В каждом монастыре есть большие части Св. Животворящего Креста, и в Ватопеде Пояс Богородицы, и еще где-то Кровь нашего Спасителя, собранная под Крестом Св. Евангелистом Иоанном.

Самый богатый и большой монастырь Ватопед, основанный еще при Константине Великом. Там находится запрестольный, жалованный им Крест. В монастыре Руссикон есть в числе братии до 30 русских и также в Ильинском ските только одни русские. В них двух служат и поют совершенно по-нашему, а в Зографе, Хиландаре и многих других, где только сербы да болгары, хотя служат по-славянски, а поют несносным греческим напевом.

Кария, маленький городок, где рынок для монастырей, и там же их главное управление. Тут заложили недавно училище для духовного образования монахов.

Нас везде возил архимандрит Анатолий, который с 1820 по 1838 жил в Петербурге, и тогда был назначен в Афинскую миссию[22]. Он препочтенный добрый и ученый старик. Сам он родом болгар и постригся в Зографском монастыре около

---

[21] Т.е. ок. 2040 м (точная высота — 2033 м).

[22] Архимандрит Анатолий, афонский постриженик, служил настоятелем русского посольского храма в Афинах (куда прибыл из России) с ноября 1838 г. по июнь 1843 г., когда покинул греческую столицу, поселившись окончательно на Афоне в болгарском монастыре Зограф и получив прозвание Зографский.

1804 года, и в 1807 году видел с горы знаменитую победу Сенявина над турецким флотом, где Лукин был убит[23].

Что относится до страны, так это просто райское место. Горы да долины, покрытые самою густою зеленью. Я могу это сравнить только с Дудергофом[24], но только с тою разницею, что вместо наших берез и сосен здесь огромные платаны, дубы и каштаны, и что они большею частью в первобытном положении, обвитые и переплетенные плющом и различными лианами. Это зрелище великолепное и пышное. Чудесно из гущи этого леса смотреть на острую величавую вершину Гиганта Афонского, над которой церковь в память одного из величайших чудес Спасителя.

Вечером 18 июля осмотревши Лавру, мы пустились в обратный путь, прямо к знакомым Дарданеллам. Здесь мы получили, наконец письма, давно желанные известия из дому. Слава Богу, что всё у Вас хорошо, и что бесценная наша Мама здорова. Благодарю тебя, Папа, искренно, от всей души за Твое письмо.

Ты не поверишь, с каким чувством читаем письма, когда $1^{1}/_{2}$ месяца ничего не получали и тем более, когда они заключают хорошие известия. Я буду стараться ревностно исполнять Твои советы, и с тем большим удовольствием, что здесь морская служба, самая чудесная вещь.

Ночью того же самого 19 числа мы встали на якорь в Константинополе против Сарай Бурну, а на другое утро мы прошли Босфор, и остановились в Буюкдере против посольского дома. На прощанье мне казался Константинополь прекрасен и великолепен, чем когда-либо. Мы оставались весь день в Буюкдере, чтобы окончить последние дела и закупки.

Вечером еще посланник[25] сделал для меня прощальный бал, который был может быть самый веселый из всех, а после него мы со всеми простились, сели на пароход и пошли. Вот, стало быть, наше путешествие, слава Богу, совершенно счастливо окончилось, и останется для меня одним из самых приятных воспоминаний моих юных лет. <...>

Прощай любезнейший Папа, обними за меня Маму и всех наших. Твой верный и послушный сын.

Константин

22 июля 1845
Одесса

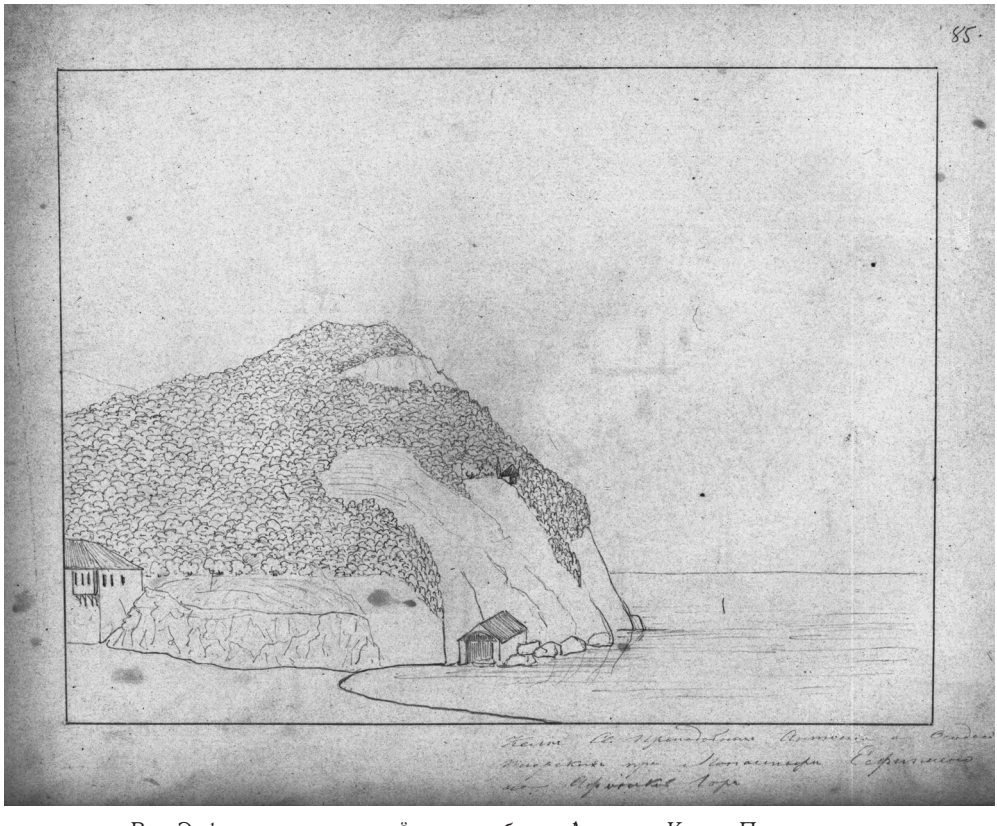
---

[23] 1 июля 1807 г. близ Афона русская эскадра адмирала Дмитрия Сенявина разгромил вдвое больший османский флот. В числе погибших в сражении был командир корабля «Рафаил», капитан 1-го ранга Дмитрий Лукин, известный своей храбростью и необыкновенной силой.

[24] В 1826 г. Император Николай I подарил Дудергофские высоты, под Петербургом, своей супруге Александре Федоровне, которая, разбив парк, проводила тут много времени со своими детьми.

[25] В тот момент посланником в Оттоманской Порте был Владимир Павлович Титов (1807–1891), известный также как писатель с псевдонимом Тит Космократов.

Рисунки Великого Князя Константина Николаевича, сделанные на Афоне



Вид Эсфигмена с пещерой преподобного Антония Киево-Печерского.
ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 916. Л. 85. Публикуется впервые

Вид скита Ксилургу
(опубл. в: *Вах К.А.* Великий князь Константин Николаевич и Афон... С. 66)

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Natalia Nikolaevna Kozlova
full member of the IPO «IOPS»,
Head of the Department of Political Science at the Institute of Economics and Management,
a leading researcher at the Department of Scientific Research
Tver State University
Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences
Tver, Russian Federation
E-mail — Kozlova.NN@tversu.ru

Sergey V. Rassadin
full member of the IPO «IOPS»,
Associate Professor of the Department of Political Science at the Institute of Economics
and Management of Tver State University,
executive editor of the Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy
Candidate of Philosophical Sciences
Tver, Russian Federation
E-mail — Rassadin.SV@tversu.ru

Aksenova Irina Nikolaevna,
Chairman of the Tver branch of the NGO "IPPO",
Director of the ANO DPO "Institute of the Upper Volga Region",
Candidate of Philological Sciences,
Tver, Russian Federation
E-mail — uppervolga@inbox.ru

Cooperation between Russia and the countries of the Middle East in the field of antiquity protection (using the example of Syria, Israel, and Palestine)

Козлова Наталия Николаевна
действительный член МОО «ИППО»,
заведующая кафедрой политологии Института экономики и управления,
ведущий научный сотрудник Управления научных исследований
Тверского государственного университета
Доктор политических наук, кандидат исторических наук
Российская Федерация, Тверь
E-mail — Kozlova.NN@tversu.ru

Рассадин Сергей Валентинович
действительный член МОО «ИППО»,
доцент кафедры политологии Института экономики и управления Тверского
государственного университета,
ответственный редактор Вестника Тверского государственного университета.
Серия: Философия,
кандидат философских наук
Российская Федерация, Тверь
E-mail — Rassadin.SV@tversu.ru

Аксенова Ирина Николаевна,
председатель Тверского отделения МОО «ИППО»,
директор АНО ДПО «Институт Верхневолжье»,
кандидат филологических наук,
Тверь, Российская Федерация
E-mail — uppervolga@inbox.ru

Сотрудничество России и стран Ближнего Востока в сфере охраны древностей (на примере Сирии, Израиля, Палестины)*

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием FEMS-2026-0007 в Тверском государственном университете в рамках Программы Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» фундаментальных научных исследований по направлению «Современные социокультурные связи России и стран Ближнего Востока».

Abstract: The article provides an analysis of Russian projects in the field of antiquities protection in the Middle East (Syria, Israel, Palestine) in the context of the implementation of Russia's humanitarian policy. The authors examine the archaeological, restoration and other works in the field of antiquities protection carried out by Russian specialists in Syria, Israel and Palestine in the first quarter of the 21st century. The article highlights the difficult working conditions of Russian specialists in the context of escalating political conflicts in the Middle East, and the highly qualified nature of their work.; It is emphasized that the initiation, development, implementation of these projects, their financial support, and ensuring the safety of experts are the result of the combined efforts of the state authorities of the Russian Federation as a whole and its individual representatives (diplomats, military personnel, cultural attaches), various public organizations (the Imperial Orthodox Palestinian Society, the Archangel Michael Foundation, etc.), the Russian academic community. The authors conclude that the implementation of projects in the field of antiquities protection contributes to the strengthening of Russia's "civilizational presence" in the Middle East, enhancing socio-cultural ties between Russia and the countries of the region.

Keywords: Russian Federation, Middle East, antiquities protection, restoration work, archaeological research, cultural heritage.

Аннотация: в статье представлен анализ российских проектов в сфере охраны древностей на Ближнем Востоке (Сирии, Израиля, Палестины) в контексте реализации гуманитарной политики России. Авторы рассматривают археологические, реставрационные и другие работы в сфере охраны древностей, проведенные российскими специалистами в Сирии, Израиле и Палестине в первой четверти XXI в. В статье отмечаются сложные условия работы российских специалистов в условиях эскалации политических конфликтов на Ближнем Востоке, высококвалифицированных характер проводимых ими работ; подчеркивается, что инициирование, разработка, реализация проектов, их финансовая поддержка, обеспечение безопасности экспертов является результатом комплексных усилий органов государственной власти Российской Федерации в целом и ее отдельных представителей (дипломатов, военных, культурных атташе), различных общественных организаций (Императорского Православного Палестинского Общества, Фонда Архистратига Божия Михаила и др.), российского академического сообщества. Авторы приходят к выводу, что реализация проектов в сфере охраны древностей способствуют и укреплению «цивилизационного присутствия» России на Ближнем Востоке, упрочнению социокультурных связей России и стран данного региона.

Ключевые слова: Российская Федерация, Ближний Восток, охрана древностей, реставрационные работы, археологические исследования, культурное наследие.

Статья поступила в Редакцию ППС 24.03. 2026 г.

Актуальность и постановка проблемы

История отношений России и Ближнего Востока насчитывает не одно столетие, пройдя путь от соперничества империй до стратегического партнерства. В Концепции внешней политики России 2023 года страны региона Ближнего Востока обозначены как государства «дружественной исламской цивилизации», а также указано, что «Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание: продвижению межрелигиозного, межкультурного диалога и взаимопонимания, консолидации усилий по защите традиционных духовно-нравственных ценностей, борьбе с исламофобией, в том числе по линии Организации исламского сотрудничества»[1]. На проходившем в октябре 2024 г. в Москве при поддержке МИДа IV международном экспертном форуме «Россия — Ближний Восток» специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой отметил, что «в арабских странах есть запрос на российскую культуру, а в России — на арабскую», при этом констатировал слабость научных, образовательных и культурных контактов[2]. Эксперты выделяют такие направления гуманитарной политики России на Ближнем Востоке как участие в подготовке кадров, создание совместно с иностранными государствами образовательных учреждений за пределами Российской Федерации, поощрение контактов ученых с целью совместной подготовки учебников и учебно-методических пособий и др.[3] Однако сдерживающим фактором для реализации гуманитарных проектов является риск военных действий, эскалация конфликтов на этно-религиозной почве, сильнейшая конкуренция за влияние с другими государствами на Ближневосточном регионе. В ряде работ российских авторов раскрыты особенности научно-технологического, образовательного, туристического сотрудничества нашей страны со странами Ближнего Востока[4]. Цель данной статьи — анализ российских проектов в сфере охраны древностей на Ближнем Востоке в контексте реализации

---

1 Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/5.

2 Гуманитарные связи с Ближним Востоком требуют расширения //Ведомости. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/10/29/1071483-gumanitarnie-svyazi-trebuyut-rasshireniya.

3 *Васильева И.Н., Реброва Т.П., Ли О.В.* Направления научного сотрудничества и особенности культурного обмена России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья по материалам современной аналитики // Пространство науки. 2024. Т. 1, № 4. С. 736–750. DOI: https://doi.org/10.33873/3034-4379.2024.1-4.736-750

4 *Ильина И.Е., Житенёв С.Ю., Реброва Т.П., Васильева И.Н.* Гуманитарное и научно-технологическое сотрудничество со странами Ближнего Востока: библиографический обзор и ключевые тренды//Православный Палестинский Сборник. Вып. 121. М.: Индрик, 2023. С. 336–353.
Ятвецкий Б.В. Развитие межкультурного сотрудничества Израиля и России: конец XX — начало XXI века: дис. канд. культурологии. М., 2012. 219 с.
Амиров Ш., Янковский-Дьяконов А. Археология на службе геополитики // Россия в глобальной политике. https://globalaffairs.ru/articles/arheologiya-na-sluzhbe-geopolitiki/

гуманитарной политики России и укрепления ее «цивилизационного присутствия» в данном регионе[5]. Эмпирической базой для данного исследования послужили материалы СМИ вкупе с научными обзорами экспертов в данной области знания.

Сфера охраны древностей (культурного наследия) направлена на сохранение памятников истории, архитектуры и археологии для будущих поколений и включает широкий спектр направлений — государственный учет (реестр), историко-культурную экспертизу, установление зон охраны, реставрацию, консервацию, археологические исследования и контроль за использованием объектов[6]. В данной статье внимание акцентируется на реставрационных, археологических работах, проведении историко-культурной экспертизы, которые помимо сохранения культурного наследия вносят вклад в приращение нового научного знания. Реставрационные работы России в странах Ближнего Востока изучены в отечественной науке в разной степени; наиболее исследованными являются реставрационные работы России в Сирийской Арабской Республике (далее — Сирия/САР). Исследователи объясняют данное обстоятельство тем, что «сегодня Сирия находится на острие проблемы сохранения культурного наследия и в определенной степени «опытной площадкой» по формированию эффективных путей и методов борьбы с фактами разграбления памятников культуры»[7].

Сирийская Арабская Республика

В работах исследователей затрагивается широкий круг вопросов — роль ЮНЕСКО в сохранении, реконструкции, реставрации исторических памятников, охраны культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов, организации финансирования восстановительных работ в Сирии, масштабы потерь культурного потенциала Сирии, пути сохранения культурного наследия[8]. Е.Е. Петрова анализирует роль Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва в составление Красной книги сирийских культурных ценностей, участие в реставрационных работах специалистов Государственного

---

5 *Житенёв С.Ю.* Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского православного Палестинского Общества в Российской Империи и на Ближнем Востоке // Культурное наследие России. 2017. №2(9). С.37–46.

6 Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

7 *Джанджугазова Е.А., Ассаф Б.* Роль ЮНЕСКО в сохранении культурного наследия Сирии // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1. С. 100–112.

8 *Алеид М.* Необходимые условия комплексных подходов к постконфликтному восстановлению культурного наследия в Сирии на примере города Пальмира // Инновации и инвестиции. 2022. № 11. С. 303–305.
Кольцова Н.В. Проблема сохранения культурного наследия в условиях современных вооруженных конфликтов на ближнем востоке // военный академический журнал. 2019. № 2(22). С. 112–120.

Эрмитажа, Научного архива Русского географического общества[9]. Т.М. Кармов, Д.А. Буторин исследуют деятельность по сохранению культурного наследия в условиях вооруженного конфликта на международном/надгосударственном межгосударственном, национальном уровнях, акцентируя внимание на роли таких акторов как сетевые профессиональные объединения (Ассоциация профессиональных школ международных отношений (APSA), Heritage for Peace, Международный Комитет Голубой щит и др.)[10] Подробное описание подготовки реставрационных работ в рамках проекта «Сохранение раннехристианских церквей» содержится в статьях специалистов из Института истории материальной культуры РАН (далее — ИИМК РАН) и НИУ ВШЭ[11].

С 1979 г. по настоящее время в список Всемирного наследия были включены шесть объектов, находящихся в Сирийской Арабской Республике — исторический ансамбль старого города Дамаска, памятники Пальмиры, Древний город Босра, Старый город Алеппо, Крепости Крак де Шевалье и Калат Салах эль Дин, Древние деревни на Северо-Западе Сирийской Арабской Республики[12]. За годы вооруженного конфликта в Сирии, деструктивной деятельности «Исламского государства» в Ираке и Леванте (ИГИЛ) (деятельность организации запрещена на территории России) было разрушено 300 археологических памятников из 10 тысяч, имеющихся в САР[13]. По мнению специального представителя Президента РФ по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкого в Сирии сложилась «нестабильная ситуация вокруг христианских и доисламских памятников»[14]. В 2016 г. ЮНЕСКО приняло Резолюцию «О роли ЮНЕСКО в сохранении и восстановлении Пальмиры и других сирийских памятников культурного наследия»[15]. В том же году ЮНЕСКО при участии России учредила чрезвычайный фонд по Сирии, куда стали поступать добровольные взносы стран-участниц организации[16], начались реставрационные работы специалистов из разных стран мира[17].

---

9 *Петрова Е.Е.* Участие России в спасении памятников всемирного культурного наследия Сирии (2016–2024 гг.)//Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2025. № 3(76). С. 76–79.

10 *Кармов Т.М., Буторин Д.А.* Международные организации в сфере сохранения Всемирного культурного наследия в условиях вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике в 2011–2017 гг. // // Журнал Института наследия. 2019. № 1. http://nasledie-journal.ru/ru/journals/272.html

11 *Блохин Е.К., Виноградов А.Ю., Ёлшин Д.Д., Соловьев Н.Ф.* Спасение раннехристианских храмов Сирии //Археологические вести. 2023. № 40. С. 274–297.

12 За время войны в Сирии повреждено 300 археологических объектов. https://tass.ru/kultura/2431824.

13 *Лидов А.* Война в Сирии: масштабы культурной катастрофы. https://www.ippo.ru/news/article/aleksey-lidov-voyna-v-sirii-masshtaby-kulturnoy-ka-202827.

14 *Швыдкой М.* РФ важно донести необходимость сохранения культурного наследия в Сирии. https://news.rambler.ru/army/53883095-shvydkoy-rf-vazhno-donesti-neobhodimost-sohraneniya-kulturnogo-naslediya-v-sirii/.

15 ЮНЕСКО одобрила резолюцию РФ по восстановлению Пальмиры. https://tass.ru/kultura/3198483.

16 ЮНЕСКО создала фонд для восстановления Пальмиры. https://www.kommersant.ru/doc/2950829 2016.

17 Монументальная арка Пальмиры на площади Лиги Наций https://nashagazeta.ch/news/culture/monumentalnaya-arka-palmiry-na-ploshchadi-naciy.

Российская Федерация реализует в Сирии комплексную программу по сохранению культурного наследия. В мае 2017 г. приказом Министра культуры РФ В.Р. Мединского была создана межведомственная рабочая группа по выработке конкретных мер и подготовке рекомендаций по координации сохранения и восстановления расположенных в Пальмире объектов во главе гендиректором Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровским[18]. Большую роль в реализации программы внесли специалисты Министерства обороны РФ, осуществив расчистку археологической зоны для последующей работы экспертов/специалистов российских академических учреждений и музеев[19]. Основные усилия сконцентрированы на спасении всемирно известного античного города Пальмира, а также на защите христианских и иных культовых памятников[20].

На основе анализа источников и научной литературы, систематизируем основные отечественные проекты в сфере охраны древностей в Сирии в таблицу (см. Табл.1).

Таблица 1.
Ключевые российские проекты в сфере охраны древностей в Сирии

№	Объект / Направление	Российский исполнитель	Ключевые действия и достижения	Текущий статус (январь 2026 г.)
1.	Геоинформационная система (ГИС) Palmyra 3D	ИИМК РАН	Создание точной цифровой 3D-модели всего древнего города (площадью 21 км²) (ГИС) «Пальмира». Фиксация состояния памятника до и после разрушений.	Завершен. Модель передана Сирии и ЮНЕСКО, служит объективной базой для будущей реставрации.
2.	Триумфальная арка в Пальмире	ИИМК РАН, ФГБУК «Государственный Эрмитаж, Архитектурное Бюро «Студия 44» (СПб)	Разработка уникального проекта реставрации, создание высокоточной 3D-модели объекта.	Работы приостановлены из-за смены политической власти в Сирии в конце 2024 г. Ведутся переговоры с новым правительством Сирии о начале практической фазы.

18 Приказ Министерства культуры РФ от 11 мая 2017 года №726 «О создании межведомственной рабочей группы по выработке конкретных мер и подготовке рекомендаций по координации сохранения и восстановления расположенных в Пальмире объектов, включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО». https://base.garant.ru/71674446/. Россия примет участие в восстановлении памятников Пальмиры. https://gr-sily.ru/obshestvo/rossiya-primet-uchastie-v-vosstanovlenii-pamyatnikov-pal-miry-24656.html.

19 *Ал-Асаад Ш.* Историко-археологическое наследие Пальмиры и его сохранение в условиях военного конфликта // Поволжская археология. 2018. № 4. С. 222–233.

20 Музей Дамаска реставрирует скульптуры из Пальмиры с помощью российских специалистов. https://tass.ru/obschestvo/5357250.

3.	Национальный музей Пальмиры	ФГБУК «Государственный Эрмитаж», ИИМК РАН	Реставрация предметов из собрания Национального музея Пальмиры, пострадавшего при обстрелах. Часть коллекции уже возвращена в Сирию.	Работы по реставрации экспонатов ведутся. Вопрос о восстановлении самого здания музея пока остается открытым.
4.	Христианские и другие памятники Сирии	ФГБУК «Государственный Эрмитаж», ИИМК РАН	Подготовлен проект фиксации и сохранения христианских памятников, обучение сирийских специалистов.	Ведутся переговоры о финансировании и организации работ.
5.	Скульптуры и мозаика из Пальмиры	Государственный музей им. А.С. Пушкина	Консультации по реставрации и непосредственная реставрация скульптур	Часть работ по проекту выполнена

Предварительная стадия реставрационных работ, как правило, начинается с создания моделей памятников, отражающих его современное состояние с фиксацией повреждений. Относительно Сирии первым масштабным и уникальным проектом, который реализовывался с 2016 по 2020 г., стало создание цифровой трехмерной 3D-модель древнего города Пальмиры. Работы на территории площадью 21 км² проводились специалистами ИИМК РАН при поддержке группы компаний Геоскан, специалистов Государственного Эрмитажа, Архитектурной мастерской Максима Атаянца, ГК «Беспилотные системы»[21]. Усилиями команды спасательной археологии было сделано более 55 тыс. аэрофотоснимков высокого разрешения, фотографий Большой колоннады, Монументальной арки, храма Бэла и др. объектов, которые дали возможность создать трехмерную модель территории Пальмиры. На основе данной модели специалисты разработали динамическую геоинформационную систему PalmyraGIS (ГИС «Пальмира во времени и пространстве»), которая вобрала в себя ортофотоплан местности, цифровую модель рельефа, план всех объектов, входящих в «Археологические памятники Пальмиры»[22]. Важно отметить фундаментальный характер проделанной работы, поскольку эксперты учитывали базу данных результатов всех предшествующих археологических и исторических исследований города за три столетия. Ряд экспертов назвали Проект Palmyra 3 не просто уникальным, а «фантастическим»[23].

---

21 Проект Palmyra 3D. https://rac.archeo.ru/projects/palmyra-3d/.
Место под солнцем: как архитекторы «Студии 44» находят себя в профессии и меняют города к лучшему. https://www.sobaka.ru/city/urbanistics/175295; https://vk.com/wall-177040790_216.

22 Проект Palmyra 3D. https://palmyra-3d.online.

23 Самую точную в мире 3D-модель Пальмиры разработали в Петербурге. https://russkiymir.ru/news/276380/.

В 2022 г. было принято решение о реставрации Триумфальной арки в Пальмире[24]. Проект выполнялся при поддержке Министерства обороны под эгидой Русского географического общества. Объединенный российско-сирийский коллектив специалистов под руководством Центра спасательной археологии ИИМК РАН[25] создал несколько цифровых 3D-моделей: модель исторического облика арки, модель после взрыва и модель до взрыва в 2015 г. Согласно экспертному мнению Н.Ф. Соловьевой, после взрыва устояло около 40% конструкций арки, при этом около 40% рухнувших блоков планируется использовать при реставрации[26]. Учитывая удручающее состояние памятника после взрыва, первоначальная работа специалистов была связана с разбором завалов и маркировкой обвалившихся элементов. Затем следовал этап сканирования и цифровой обработки фрагментов для создания трёхмерных моделей элементов. Помимо этого, специалисты провели археологические исследования для определения состояния фундамента, осуществили топографическую съёмку устоявших конструкций. В результате усилий экспертов был создан вид Триумфальной арки до взрыва — при помощи компьютера были установлены виртуально на своё место каждый утраченный блок, отсканированный во время разбора завалов[27]. Данные цифровых проектов были положены в основу проекта реставрации Триумфальной арки, который был одобрен ЮНЕСКО. В процессе выполнения реставрационных работ специалисты проводили круглые столы с экспертами из Национального комитета «ИКОМОС Россия», Государственного музея Востока, Государственного Эрмитажа, презентовали промежуточные результаты работ общественности, выступали наставниками сирийских реставраторов[28]. Реставрационные работы российских и сирийских специалистов получили высокую оценку со стороны специалистов Международного совета по сохранению памятников и достопримечательностей (ICOMOS)[29]. Согласно информации,

---

24 Российские ученые приступят к возведению Триумфальной Арки Пальмиры в августе-сентябре 2023 года. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/66493/.

25 Основной состав реставраторов арки сирийской Пальмиры будет российским. https://unesco.ru/news/arch-restoration-in-syria/.

26 Возрождение символа: реставрация Триумфальной арки Пальмиры. https://tvspb.ru/programs/stories/3059326.

27 Триумф мастеров из Петербурга: завершается работа над проектом восстановления арки в Пальмире. https://spbdnevnik.ru/news/2023-03-16/triumf-masterov-iz-peterburga-zavershaetsya-rabota-nad-proektom-vosstanovleniya-arki-v-palmire.

28 Сирийские реставраторы пройдут курс по восстановлению памятников в Херсонесе и Петербурге. https://tass.ru/kultura/12042619.
«Культурное наследие в опасности»: как ученые из Петербурга восстанавливают памятники в Сирии. https://gorod-plus.tv/article/91644.
Трехмерную модель Пальмиры передали Сирии на Культурном форуме в Петербурге. https://culture.gov.ru/press/news/trekhmernuyu_model_palmiry_peredali_sirii_na_kulturnom_forume_v_peterburge/.

29 «Один из самых знаковых проектов»: замдиректора ИИМК РАН — о перспективах реставрации Триумфальной арки Пальмиры в Сирии. https://russian.rt.com/science/article/1013300-palmira-restavraciya-intervyu.

полученной от гендиректора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского в сентябре 2025 г., российские специалисты смогут приступить к реставрации Триумфальной арки после её одобрения переходным правительство Арабской Республики[30]. Таким образом, реставрация Триумфальной арки в Пальмире усилиями российских специалистов — это вклад России в сохранение мирового культурного наследия и свидетельство уникальной российской научной школы.

В 2021 г. специалисты из ИИМК РАН приступили к реализации нового проекта «Сохранение раннехристианских церквей», цель которого состояла в создании 3-D модели десятков раннехристианских храмов[31]. Согласно сайту Центра спасательной археологии ИИМК, объектами исследования стали византийские памятники раннего Средневековья (церквей V–VI в. в деревне Дейр аль Салиб на севере Сирии в провинции Хама) и монументальный комплекс византийских военно-административных построек в Сирии Каср ибн Вардан, наиболее известная из которых — Храм четырех стихий[32]. В ходе экспедиции эксперты обнаружили три раннехристианских храма со следами повреждений, которым необходима реставрация. Российские археологи также провели полное обследование храма Святой Елены V в г. Алеппо с целью дальнейшей реставрации провели[33]. В древнем городе Апамеи специалисты обнаружили остатки четырех церквей византийский христианский храм в развалинах. Археологические экспедиции российских экспертов изучили Медресе Халавия — комплекс построек в центре старого Алеппо, которая находится на месте ранневизантийского собора, сменившего в свою очередь римский Капитолий и агору[34], а также комплекс римских и византийских построек в г. Буркуш, церкви в г. Шакра, ранневизантийских домов и храмов в г. Эзра, базилики в г. Босре. В ходе работ был собран материал для создания трехмерных моделей обследованных храмов для их последующей реставрации.

Обратим внимание и на другие проекты, реализованные российскими специалистами в деле охраны древностей в САР. В 2016 г. состоялась мониторинговая экспедиция под руководством сотрудника Института наследия Т.М. Кармова с целью осмотра состояния объекта Всемирного наследия Древних деревень Севера Сирии. Участники экспедиции обследовали

В Международном совете по сохранению памятников высоко оценили работу российских реставраторов в Пальмире. https://spbdnevnik.ru/news/2023-09-05/v-mezhdunarodnom-sovete-po-sohraneniyu-pamyatnikov-vysoko-otsenili-rabotu-rossiyskih-restavratorov-v-palmire.

30 Пиотровский рассказал, когда начнут реставрацию Триумфальной арки Пальмиры https://ria.ru/20250915/palmira-2042056679.html

31 Восстановлением раннехристианских храмов в Сирии займутся российские реставраторы 20:14 03.08.2021 https://interaffairs.ru/news/show/31022

32 Археологи ИИМК РАН готовят экспедицию для спасения раннехристианских церквей в Сирии https://rac.archeo.ru/археологи-иимк-ран-готовят-экспедици/.

33 Российские археологи приступили к реставрации храма Святой Елены в Алеппо. https://regnum.ru/news/3410726.

34 Российские археологи изучили древний храм в Сирии. https://ren.tv/news/v-mire/846324-rossiiskie-arkheologi-izuchili-drevnii-khram-v-sirii.

археологический парк, включающий комплекс постройек и развалин позднеримского и ранневизантийского времени сооружений «Джабал Семаан-4»[35]. В контексте исследуемой темы важно отметить участие специалистов из Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (ГМИИ) в реставрации античных скульптур и мозаики, пострадавших от боевых действий в Сирии[36], [37]. В 2019 г. «Государственный Эрмитаж» подписал соглашение с сирийским Управлением культурного наследия и музеев (DGAM) о сотрудничестве в реставрации памятников Пальмиры, в рамках которого специалисты проводили кропотливую очистку, укрепление структуры камня и мозаики, а также восстановление скульптур из мелких фрагментов[38]. В 2020 г. вышла в свет книга «Пальмира в Эрмитаже», включающая историю города, каталог пальмирских древностей и т. д.[39]

Таким образом, российские специалисты в области спасательной археологии и реставрации вносят вклад в сохранение культурного наследия, спасая памятники от разрушения при строительстве, проводя раскопки и исследуя артефакты. Их работа включает использование современных технологий для выявления и защиты объектов. К сожалению, перспективы дальнейшего участия российских специалистов в деле охраны памятников зависят от геополитической ситуации и решений Правительства Сирии.

Израиль, Палестина (Святая Земля)

Тема социокультурного сотрудничества в области сохранения культурного наследия на Святой Земле рассматривается экспертами не как отдельное направление, а в контексте более широкого проблемного поля: истории Святой Земли, деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (дале — ИППО), музеефикации археологических находок или реставрации конкретных объектов (подворий, монастырей)[40]. В трудах Л.А. Беляева, К.А. Ваха, Я. Чехановец и др. анализируются русские археологические исследований в различные исторические периоды в контексте формирования русской школы ориентальных исследований[41]. В публикации А.А. Крюкова рассматриваются перспективы куль-

---

35 Российский археолог рассказал о работе в Алеппо. https://lv.sputniknews.ru/20161111/aleppo-jekspedicija-rossija-3177200.html.

36 Пальмиру восстанавливают только Россия и Сирия. https://news.ru/culture/pal-miru-vosstanavlivayut-tol-ko-rossiya-i-siriya.

37 Российские специалисты помогают восстанавливать скульптуры из древней Пальмиры

38 «Эрмитаж» подписал с Сирией соглашение о восстановлении музея Пальмиры. https://ria.ru/20191125/1561568390.html https://russkiymir.ru/news/243557/.

39 Пальмира в Эрмитаже. https://www.hermitagemuseum.org/uploads/files/udf34yf5h34fo9g56ik65o956uj.pdf.

40 *Вах К.А.* В.Н. Хитрово и русская археология Иерусалима // Православный Палестинский сборник. 2023. № 122. С. 56–71.

41 *Беляев Л.А.* Традиция русских археологических исследований в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Вып.105. 2006. С. 43–56.

турного диалога стран, включая аспекты сохранения памятников[42]. Вопросы русского архитектурного наследия в Иерусалиме второй половины XIX — начала XX вв. изучены в диссертации Т.И. Крашенинниковой[43]. В трудах археологов раскрываются характеристики как целых археологических комплексов, так и отдельных артефактов, найденных в ходе полевых экспедиций на территории Святой Земли[44]. [45]

Российские инициативы в сфере охраны древностей в Палестине являются продолжением многолетней традиции культурного присутствия на Святой Земле, известного как «Русская Палестина», которая сформировалась в XIX–XX вв. благодаря деятельности ИППО, направленной на поддержку паломников и сохранение святынь[46]. Наиболее актуальными направлениями сотрудничества России с Израилем являются реставрационные работы объектов религиозного и исторического наследия, археологических артефактов, произведений монументального искусства. Важность работ на Святой Земле связана с тем, что восстановленные объекты символизируют преемственность истории и возвращение России к своим корням, так как значительная часть нуждающихся в реставрации объектов ранее принадлежала России, которая стремиться возвратить имущество в свою юрисдикцию. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения в. Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М.: Индрик, 2022. 872 с.

42 *Крюков А.А.* Русская Палестина: история и современность. // Азия и Африка СЕГОДНЯ. 2010. № 9. С. 62–63.

43 *Крашенинникова Т.И.* Русское архитектурное наследие в Иерусалиме второй половины XIX — начала XX вв.: дис. канд. культурологии. М., 2004. 199 с.

44 *Беляев Л.А.* Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. Под редакцией академика Н.А. Макарова. М.: Институт археологии РАН, Индрик, 2016. 500 с.
Голофаст Л.А. Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне//Российская археология. 2019. № 4. С. 144–157.

45 *Гравин А.А.* Результаты археологических раскопок остатков порога древних городских ворот в Иерусалиме (1883 г.)//Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып.11. С. 77–81.

46 *Пересыпкин О.Г.* Культурно-исторический феномен «Русская Палестина» // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ. 2016. № 8(319). С. 105–121.

Таблица 2.
Ключевые российские проекты в сфере охраны древностей
в Израиле и Палестине

№	Объект / Направление	Российский исполнитель	Ключевые действия и достижения	Текущий статус (январь 2026 г.)
1.	Сергиевское подворье	Императорское православное палестинское общество и его Иерусалимское отделение (2008–2009) ФГУП «Госзагрансобственность» при Управлении делами Президента Российской Федерации (2009–2016)	Реставрация завершена	В конце 2025 г. открыт филиал «Русского дома»
2.	Александровское подворье	Российские мастера-реставраторы выполняют реставрационные работы, которые ведутся арабской фирмой инженера-реставратора Я.Фатхо	Отреставрированы отдельные предметы	Ведутся переговоры о передаче подворья России
3.	Музейно-парковый комплекс в Иерихоне	Управление делами Президента РФ, Институт археологии РАН (ИА РАН) Российский фонд фундаментальных исследований	В результате археологических раскопок на территории 400 кв.м. была собрана коллекция средневековой византийской керамики, стеклянных изделий, сосудов и других артефактов	В 2020 г. работы свернуты из-за пандемии короновируса
4.	Восстановление исторического и религиозного центра г. Вифлеема — улицы Звезды, примыкающей к площади перед церковью Рождества Христова	Правительство Российской Федерации	Исторический центр г. Вифлеема восстановлен	Проект завершен
5.	Реставрационные работы в Храме Воскресения Христова (Храме Гроба Господня). Реставрация икон, мощевик, лампад и драгоценной церковной утвари для Патриаршего музея	Фонд Архистратига Божия Михаила	Часть работ по восстановлению иконостаса, лампад, мощевиков и артефактов Храма Воскресения Христова и церковной утвари завершена. Состоялось открытие Патриаршего музея с отреставрированными артефактами.	Работы продолжаются
6.	Восстановление ограды в Хевроне	Русская духовная миссия, ИППО	Проект завершен	Проект завершен

Сергиевское подворье

Сергиевское подворье — построенное в конце XIX в. на средства российского ИППО здание в центре Иерусалима, в котором размещались штаб-квартира ИППО, административный центр, управлявший объектами Русской Палестины, т.е. представляло собой средоточие укрепления культурных связей между Россией и Святой Землёй. На протяжении XX в. судьба здания менялась в контексте исторических событий; к началу XXI в. в некоторых помещениях здания располагались различные ведомства, организации государства Израиль. После подписания соглашения о передаче Сергиевского подворья в собственность Российской Федерации в 2008 г.[47] начались масштабные реставрационные работы, которые финансировались из средств федерального бюджета[48]. Восстановление объекта заняло практические 10 лет. В 2008–2009 гг. осуществлялись консервационные и инвентаризационные работы благодаря стараниям ИППО и его Иерусалимского отделения. С мая 2009 г. ФГУП «Госзагрансобственность» при Управлении делами Президента Российской Федерации начало реализовывать реставрационные работы, которые приобрели полномасштабный характер с 2012 г. после освобождения всех площадей подворья от арендаторов. Генподрядчиком проекта стало ЗАО «Главзарубежстрой». В 2016 г. реставрация подворья была окончена, оно обрело свой исторический облик; открытие Сергиевского подворья прошло в торжественной обстановке[49]. Как сообщает ТАСС, в декабре 2025 г. в здании Сергиевского подворья был открыт новый филиал «Русского дома», оборудованы музейные помещения, библиотека и воскресная школа[50].

Александровское подворье

Ещё ряд объектов культурного наследия России на Святой Земле находится в процессе возвращения. В частности, построенное на рубеже XIX–XX вв. Александровское подворье, которое включает храм святого Александра Невского. Отдельные восстановительные работы выполняли российские специалисты, в частности, в 2011 г. член Союза художников России реставратор А.С. Курочкин отреставрировал историческую вывеску и решетку с вензелями учредителей[51]. С 2013 г. на Александровском подворье начались восстановительные работы усилиями арабской фирмы инженера-реставратора Я. Фатхо при участии российских

---

47 В собственность России перешло Сергиевское подворье в Иерусалиме. https://www.pravmir.ru/v-sobstvennost-rossii-pereshlo-sergievskoe-podvore-v-ierusalime/ .

48 Владимир Путин пришел к подворью. https://www.kommersant.ru/doc/889076.

49 Возвращение Сергиевского подворья: как это было, есть и будет. https://www.ippo.ru/israel/article/vozvraschenie-sergievskogo-podvorya--kak-eto-bylo--403421

50 В Сергиевском подворье в Иерусалиме открылся филиал Русского дома. https://tass.ru/obschestvo/25921875

51 Реставрация, позолота надписи и вензелей над входом на подворье. https://www.ippo-jerusalem.info/item/show/189.

реставраторов и благотворительной помощи российских паломников[52]. По данным на конец 2025 г., Россия и Израиль ведут переговоры на высшем уровне по вопросу его передачи[53].

Музейно-парковой комплекс Российской Федерации в г. Иерихон

В 2008 г. Палестинская автономия вернула РФ участок земли, некогда принадлежащий российским подданым, в собственность России. На данной территории был создан Музейно-парковый комплекс, а с 2010 г. иерихонская экспедиция ИА РАН начала работу на территории с целью сохранить объекты археологического наследия в культурном слое, провести их консервацию, первичную реставрацию для экспонирования в музее. В долгосрочной перспективе на данной территории планируется создать «Археологический музей под открытым небом» с экспозицией фрагментов древних построек[54]. В результате работы нескольких российских археологических экспедиций, финансируемых Российским фондом фундаментальных исследований, были сделаны выводы, что на данной территории сложился многослойный археологический комплекс — археологи обнаружили основания построек римской эпохи, а также исследовали систему водоснабжения, гончарную мастерскую, сооружения для переработки сельскохозяйственной продукции, собрали коллекцию средневековой византийской керамики, стеклянных изделий, сосудов и других артефактов[55]. В 2011 г. комплекс был торжественно открыт для паломников и туристов, на данный момент находки выставлены в Музейно-парковом комплексе на территории Иерихона[56]. В марте 2020 г. экспедиция была свернута из-за пандемии коронавируса[57].

---

52 Поэтапные реставрационные и ремонтные работы на подворье. https://www.ippo-jerusalem.info/item/show/108.

53 Решение по передаче РФ Александровского подворья могут принять в марте. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22986587.

54 На историческом участке ИППО в Иерихоне появится археологический музей под открытым небом. https://www.ippo.ru/science/article/na-istoricheskom-uchastke-ippo-v-ierihone-poyavits-100733.

55 Иерихонская экспедиция Института археологии РАН возобновила раскопки. https://historyrussia.org/sobytiya/v-mire-arkheologii/ierikhonskaya-ekspeditsiya-instituta-arkheologii-ran-vozobnovila-raskopki.html
Российско-палестинская экспедиция ИА РАН в Иерихоне. https://archaeolog.ru/expeditions/expeditions-2019/rossiysko-palestinskaya-ekspeditsiya-ia-ran-v-ierikhone
Иерихонская Российско-Палестинская археологическая экспедиция. https://archaeolog.ru/expeditions/expeditions-2017/ierikhonskaya-rossiysko-palestinskaya-arkheologicheskaya-ekspeditsiya-2017

56 В Центре ИППО состоялось совещание, посвящённое сохранению российской собственности в Святой Земле. https://www.ippo.ru/news/article/v-centre-ippo-sostoyalos-soveschanie-posvyaschenno-414053.

57 Иерихон заговорил. https://www.kommersant.ru/doc/3254662.

Восстановление исторического и религиозного центра г. Вифлеема

В 2016 г. между Правительством РФ и Правительством Государства Палестина было заключено соглашение «О восстановлении исторического и религиозного центра г. Вифлеема — улицы звезды, примыкающей к площади перед храмом Рождества Христова»[58]. Экспертная оценка бедственного состояния исторического и религиозного центра г. Вифлеема послужило основанием для соглашения явилось обращение Палестинской стороны к руководству Российской Федерации. Согласно документу, на финансирование проекта российская сторона выделила 4 млн. долл. На протяжении двух лет строительные и реставрационные работы велись местными подрядчиками, однако Представительство РФ осуществляло контроль реализации проекта. В 2020 г. проект был завершен.

Реставрация в Храма Воскресения Христова (Храме Гроба Господня)

Российские специалисты принимали участие в различных проектах, связанных с реставрацией в Храме Гроба Господня. Проект по восстановлению уникальных артефактов был инициирован обращением в 2022 г. Патриарха Иерусалимского Феофила III в Российский Фонд святого Архистратига Божия Михаила. Суть миссии состояла в том, чтобы восстановить запланированное под музей разрушенное здание и отреставрировать иконы, мощевики, лампады и драгоценную церковную утварь для создания Патриаршего музея. В помещениях Храма Воскресения Христова волонтеры и мастера фонда обнаружили огромное количество драгоценных элементов храмового убранства, в том числе российского происхождения. Сотрудники ФГБУК «Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева» провели оценку состояния экспонатов для будущей экспозиции. На средства Фонда святого Архистратига Божия Михаил были закуплены материалы, а также оборудование для разместившейся в монастыре Святого Креста в Иерусалиме мастерской. Непосредственно реставрацией занимались специалисты факультета церковных художеств Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В течение двух лет российские реставраторы вернули к жизни сотни артефактов, среди которых уникальная завеса для Царских врат арабского шитья XVII в., Алтарные врата XVI в. греческой работы, деревянный резной иконостас, созданный греческим архитектором Комниносом в начале XIX в.

---

58 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Палестина о восстановлении исторического и религиозного центра г. Вифлеема — улицы Звезды, примыкающей к площади перед церковью Рождества Христова//Бюллетень международных договоров апрель 2019. № 4. С. 44–48. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51738/

и многое другое[59]. Несмотря на эскалацию палестино-израильского конфликта, реставраторы фонда в 2025 г. работали над реставрацией иконостаса[60].

В рамках проекта восстановления артефактов была произведена уникальная комплексная реставрация русских светильников в храме Живоносного Гроба Господня, которые были созданы на средства русского купца Ф.Н. Самойлова в 1891–1894 гг. [61] Это один из сотен примеров духовных исторических связей между православными церквями России, Иерусалима и Греции.

Восстановление ограды на подворье в честь святых Праотцев в Хевроне

Участок земли был приобретен архимандритом Антонином (Капустиным) в 1868 г., храм во имя святых Праотцев был построен в 1914 г. и освящен в 1925 г.[62] В 1997 г. решением палестинского лидера Я. Арафата подворье было передано Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Московского Патриархата[63]. В 2024 г. по вопросу реставрации церковной ограды состоялась встреча представителей Высшего президентского комитета Палестины по вопросам христианских церквей, губернатор Хеврона и его заместитель. РПЦ представлял советник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Ю. Ромашук[64]. Столетие храм встретил с отремонтированной оградой[65] [66].

---

59 Мастера из РФ отреставрировали сотни артефактов для нового музея в Иерусалиме. https://smotrim.ru/article/4793580; Российские реставраторы восстанавливают реликвии из храма Гроба Господня. https://smotrim.ru/article/4748644; В монастыре Святого креста в Иерусалиме оборудована реставрационная мастерская российских специалистов. https://gorthodox.com/news-item/v-monastyre-svyatogo-kresta-v-ierusalime-oborudovana-restavracionnaya-masterskaya-rossijskih-specialistov.

60 Российские реставраторы не хотят покидать Иерусалим, несмотря на обстрелы. https://www.vesti.ru/article/4561307.

61 Завершена комплексная реставрация русских светильников в храме Живоносного Гроба Господня. https://amfond.ru/sobyitiya/zavershena-kompleksnaya-restavratsiya-russkih-svetilnikov-v-hrame-zhivonosnogo-groba-gospodnya/.

62 В Хевроне состоялась рабочая встреча по вопросу реставрации церковной ограды на подворье РДМ у Дуба Мамврийского. https://ros-vos.net/news/2024/04/22-4-24

63 На Святой Земле. 150 лет Русскому подворью в Хевроне. https://tass.ru/opinions/5746690

64 В Хевроне состоялось рабочее заседание по вопросу реставрации церковной ограды. https://rusdm.ru/в-хевроне-состоялось-рабочее-заседан/

65 Столетие русского храма в истории библейского города Хеврон. Дуб Мамврийский. https://www.ippo-jerusalem.info/item/show/474

66 Столетие со дня основания монастыря Святой Троицы отметили в Хевроне. https://sedmitza.ru/text/10586201.html.

Заключение

Проекты России в сфере охраны культурного наследия на Ближнем Востоке — это составная часть гуманитарной политики страны, имеющая целью укрепление «цивилизационного присутствия» России на Ближнем Востоке, упрочнение социокультурных связей России и стран данного региона, сохранение культурного наследия и исторической памяти. Рассмотренные в статье проекты, включающие археологические, реставрационные и другие работы в сфере охраны древностей, проведенные российскими специалистами в Сирии, Израиле и Палестине в первой четверти XXI в., детерминируются комплексом условий, в том числе, геополитической обстановкой в Ближневосточном регионе. Сложные условия работы российских экспертов в условиях эскалации политических конфликтов, в частности, в Сирии реализуются при участии Министерства обороны РФ. Работа в сфере охраны древностей в Израиле — это процесс, только включающий не только научную реставрацию, но и дипломатические усилия по возвращению исторической собственности. Важно отметить значительную роль в инициировании, разработке, реализации проектов, их финансовой поддержке различных общественных организаций — Императорского Православного Палестинского Общества, Фонда Архистратига Божия Михаила и др. Анализ проектов России в сфере охраны древностей на Ближнем Востоке позволяет сделать вывод о высококвалифицированном характере проводимых российскими специалистами работ, использование ими инновационных технологий исследования и реставрации артефактов, получивших достойную оценку международным экспертным сообществом. Таким образом, реализация проектов России в сфере охраны древностей на Ближнем Востоке способствуют развитию диалога стран-участниц, поддержанию многовековых культурных связей между ними, укреплению традиционных ценностей и сохранения культурного наследия, которое в ряде случаев является нашей общей исторической судьбой.

Источники и литература

АлАсаад Ш. Историко-археологическое наследие Пальмиры и его сохранение в условиях военного конфликта // Поволжская археология. 2018. № 4. С. 222–233.

Алеид М. Необходимые условия комплексных подходов к постконфликтному восстановлению культурного наследия в Сирии на примере города Пальмира // Инновации и инвестиции. 2022. № 11. С. 303–305.

Амиров Ш., Янковский-Дьяконов А. Археология на службе геополитики // Россия в глобальной политике. https://globalaffairs.ru/articles/arheologiya-na-sluzhbe-geopolitiki/

Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. Под редакцией академика Н.А. Макарова. М.: Институт археологии РАН, Индрик, 2016. 500 с.

Беляев Л.А. Традиция русских археологических исследований в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Вып.105. 2006. С. 43–56.

Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения в. Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М.: Индрик, 2022. 872 с.

Блохин Е.К., Виноградов А.Ю., Ёлшин Д.Д., Соловьев Н.Ф. Спасение раннехристианских храмов Сирии //Археологические вести. 2023. № 40. С. 274–297.

Васильева И.Н., Реброва Т.П., Ли О.В. Направления научного сотрудничества и особенности культурного обмена России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья по материалам современной аналитики // Пространство науки. 2024. Т. 1, № 4. С. 736–750. DOI: https://doi.org/10.33873/3034-4379.2024.1-4.736-750

Вах К.А. В.Н. Хитрово и русская археология Иерусалима // Православный Палестинский Сборник. Вып. 122. М.: Индрик, 2023. С. 56–71.

Голофаст Л.А. Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне//Российская археология. 2019. № 4. С. 144–157.

Гравин А.А. Результаты археологических раскопок остатков порога древних городских ворот в Иерусалиме (1883 г.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып.11. С. 77–81.

Джанджугазова Е.А., Ассаф Б. Роль ЮНЕСКО в сохранении культурного наследия Сирии // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1. С. 100–112.

Житенёв С.Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского православного Палестинского Общества в российской империи и на Ближнем Востоке // Культурное наследие России. 2017. №2(9). С.37–46.

Ильина И.Е., Житенёв С.Ю., Реброва Т.П., Васильева И.Н. Гуманитарное и научно-технологическое сотрудничество со странами Ближнего Востока: библиографический обзор и ключевые тренды//Православный Палестинский Сборник. Вып. 121. М.: Индрик, 2023. С. 336–353.

Кармов Т.М., Буторин Д.А. Международные организации в сфере сохранения Всемирного культурного наследия в условиях вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике в 2011–2017 гг. // Журнал Института Наследия. 2019.

Кольцова Н.В. проблема сохранения культурного наследия в условиях современных вооруженных конфликтов на ближнем востоке // военный академический журнал. 2019. № 2(22). С. 112–120.

Крашенинникова Т.И. Русское архитектурное наследие в Иерусалиме второй половины XIX — начала XX вв.: дис. канд. культурологии. М., 2004. 199 с.

Крюков А.А. Русская Палестина: история и современность. // Азия и Африка СЕГОДНЯ. 2010. № 9. С. 62–63.

Пересыпкин О.Г. Культурно-исторический феномен «Русская Палестина» // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ. 2016. № 8(319). С. 105–121.

Петрова Е.Е. Участие России в спасении памятников всемирного культурного наследия Сирии (2016–2024 гг.)//Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2025. № 3(76). С. 76–79.

Ятвецкий Б.В. Развитие межкультурного сотрудничества Израиля и России: конец XX — начало XXI века: дис. канд. культурологии. М., 2012. 219 с.

Putrik Yuri Stepanovich
Full Member of the IPO «IOPS»
Chief Expert Center for Resource Support of Scientific Research, RSSU
Doctor of Historical Sciences,
Russian Federation, Moscow.
E-mail — putrik@list.ru

Solovyov Andrey Petrovich
Candidate of Pedagogical Sciences
Expert Center for Resource Support of Scientific Research, RSSU
Full Member of the Imperial Orthodox Palestine Society
Russian Federation, Moscow.
E-mail — andrey476_85@mail.ru

The Tourist Space of the Middle East in the 21st Century: Geography, Culture, and Opportunities for Strengthening Russia's Humanitarian Presence

Путрик Юрий Степанович,
действительный член МОО «ИППО»,
главный эксперт Центра ресурсного обеспечения
научных исследований РГСУ,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, Москва.
E-mail — putrik@list.ru

Соловьев Андрей Петрович,
действительный член МОО «ИППО»,
эксперт Центра ресурсного обеспечения
научных исследований РГСУ,
кандидат педагогических наук,
Российская Федерация, Москва.
E-mail — andrey476_85@mail.ru

Туристское пространство Ближнего Востока в XXI веке: география, культура и возможности укрепления гуманитарного присутствия России*

* Статья выполнена в рамках государственного задания от 27 декабря 2023 г. № 075–00096-24-00 в рамках совместной с МОО «ИППО» и Минобрнауки РФ Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи».

Abstract. The article examines the tourist space of the Middle Eastern countries in the 21st century as a complex geographical and geocultural system shaped by historical-cultural, religious, and humanitarian factors. Based on an analysis of statistical data from the World Tourism Organization (UNWTO) for the period 2000–2024, the main trends and characteristics of the dynamics of international tourist flows in the region are identified, as well as the spatial differentiation of tourist destinations. Special attention is given to the role of historical-cultural and religious sites as the system-forming foundation of the Middle Eastern tourist space. The study substantiates the applicability of the geocultural matrix approach to the analysis of international tourism, which makes it possible to consider tourism not only as an economic activity but also as an instrument of humanitarian interaction. Particular attention is paid to sites of Russian cultural heritage in the Middle Eastern countries, which are viewed as a potential resource for strengthening the humanitarian presence of the Russian Federation in the region. Conclusions and practical recommendations are formulated, aimed at developing international tourism cooperation and expanding Russia's humanitarian ties with the countries of the Middle East.

Keywords: tourist space; international tourism; Middle East; tourist flows; historical and cultural heritage; religious tourism; geocultural approach; humanitarian presence; cultural diplomacy; Russia.

Аннотация: в статье рассматривается туристское пространство стран Ближнего Востока в XXI в. как сложная географическая и геокультурная система, формирующаяся под воздействием историко-культурных, религиозных и гуманитарных факторов. На основе анализа статистических данных Всемирной туристской организации (UNWTO) за период 2000–2024 гг. выявлены основные тенденции и особенности динамики международных туристских потоков в регионе, а также пространственная дифференциация туристских дестинаций. Особое внимание уделено роли историко-культурных и религиозных объектов как системообразующей основы туристского пространства Ближнего Востока. В работе обоснована применимость геокультурного матричного подхода для анализа международного туризма, позволяющего рассматривать туризм не только как экономическую деятельность, но и как инструмент гуманитарного взаимодействия. Отдельное внимание уделено объектам русского культурного наследия в странах Ближнего Востока, которые рассматриваются как потенциальный ресурс укрепления гуманитарного присутствия Российской Федерации в регионе. Сформулированы выводы и практические рекомендации, направленные на развитие международного туристского сотрудничества и расширение гуманитарных связей России со странами Ближнего Востока.

Ключевые слова: туристское пространство; международный туризм; Ближний Восток; туристские потоки; историко-культурное наследие; религиозный туризм; геокультурный подход; гуманитарное присутствие; культурная дипломатия; Россия.

Статья поступила в Редакцию ППС 05.02. 2026 г.

В XXI в. международный туризм превратился в один из ключевых факторов социально-экономического и гуманитарного развития государств и регионов мира. Туристская деятельность всё в большей степени выходит за рамки исключительно экономической сферы, приобретая выраженное культурное, социальное и геополитическое измерение. В этом контексте особый научный и практический интерес представляет анализ туристского пространства как сложной системы взаимодействия территории, культуры, экономики и международных гуманитарных связей.

Ближневосточный регион занимает особое место в системе международного туризма XXI в. С одной стороны, он является колыбелью древнейших цивилизаций и мировых религий, концентрируя уникальные объекты историко-культурного наследия глобального значения. С другой стороны, регион характеризуется высокой степенью политической, социально-экономической и культурной неоднородности, что напрямую отражается на структуре и динамике туристских потоков. Несмотря на факторы нестабильности, в последние десятилетия страны Ближнего Востока демонстрируют устойчивую тенденцию к развитию туристской отрасли, рассматривая туризм как важный инструмент диверсификации экономики, формирования положительного международного имиджа и укрепления гуманитарного влияния. Современное туристское пространство Ближнего Востока формируется под воздействием целого комплекса факторов: географического положения региона на стыке Европы, Азии и Африки; наличия значительных природных и климатических ресурсов; высокой концентрации объектов культурного и религиозного наследия; активной государственной политики в сфере туризма и инфраструктурного развития. В результате в регионе складываются различные типы туристских дестинаций — от глобальных туристских хабов и центров массового культурно-познавательного туризма до локальных религиозных и оздоровительных центров. Особое значение в анализе туристского пространства Ближнего Востока приобретает культурное измерение туризма. Именно культура, в широком смысле слова, выступает ключевым мотиватором туристских поездок в регион, формируя устойчивый интерес к его историческому прошлому, сакральным объектам, традициям и образу жизни. В этой связи туризм всё чаще рассматривается не только как экономическая деятельность, но и как инструмент гуманитарного взаимодействия, культурной дипломатии и «мягкой силы»[1].

Для Российской Федерации Ближний Восток представляет собой стратегически важное направление внешнеполитического и гуманитарного взаимодействия. Углубление культурных и туристских связей со странами региона соответствует долгосрочным интересам России в сфере международного сотрудничества, расширения гуманитарного присутствия и популяризации отечественного культурного наследия за рубежом. Важным, но недостаточно изученным аспектом данной проблематики является наличие и потенциал объектов русского культурного наследия в странах Ближнего Востока, включая памятники дореволюционного и советского периодов, православные храмы, культурные и мемориальные объекты.

Несмотря на растущий интерес исследователей к проблемам международного туризма в странах Ближнего Востока, в научной литературе по-прежнему

---

[1] *Тишков В.А.* Культурное наследие и идентичность. М.: Наука, 2017. — 304 с.

недостаточно представлены комплексные работы, рассматривающие туристское пространство региона с позиций географического и геокультурного анализа в увязке с возможностями укрепления гуманитарного присутствия России. В большинстве исследований акцент делается либо на экономических показателях туристской отрасли, либо на отдельных видах туризма, без учета целостного пространственного и культурного контекста. В этой связи актуализируется необходимость применения междисциплинарных методологических подходов, позволяющих рассматривать туристское пространство Ближнего Востока как сложную геокультурную систему. Одним из таких подходов является геокультурный матричный подход, который позволяет выявить устойчивые культурные коды, пространственные структуры и символические элементы, формирующие туристскую привлекательность региона или отдельных стран и определяющие направления гуманитарного взаимодействия[2].

Настоящая статья направлена на проведение комплексного анализа туристского пространства стран Ближнего Востока в XXI в. с учетом географических, культурных и гуманитарных факторов. Особое внимание уделяется возможностям использования туристского потенциала региона для укрепления гуманитарного присутствия Российской Федерации, а также актуализации объектов русского культурного наследия в контексте международного туризма.

Ближневосточный регион в начале XXI в. характеризуется сложной и неоднородной динамикой развития международного туризма, обусловленной сочетанием благоприятных географических предпосылок и факторов политической и социально-экономической нестабильности. Географическое положение региона на пересечении ключевых мировых транспортных и цивилизационных осей — Европы, Азии и Африки — изначально определило его высокий транзитный и туристский потенциал, который в последние десятилетия активно используется рядом государств в рамках стратегий национального развития. В Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 611 от 05.09.2022 г. прямо сказано, что «В отношении государств Ближнего и Среднего Востока, Африки и Латинской Америки следует стремиться к повышению уровня гуманитарного сотрудничества с ними и культурного присутствия в них России с учетом взаимных интересов, материальных и финансовых возможностей. Важное место в развитии связей с государствами этих регионов занимают культурные и образовательные обмены. Значительный потенциал существует также для развития сотрудничества с этими государствами в области туризма»[3]. Особого внимания требует развитие двустороннего гуманитарного сотрудничества с Алжиром, Египтом, Израилем, Иорданией, Ираком, Ливаном,

---

[2] Геокультурная матрица Российской Федерации как новый фактор и перспективный инструмент формирования общероссийской системы сохранения, изучения, популяризации и использования объектов культурного наследия: сборник научных докладов. Отв. редактор Ю.С. Путрик. М.: Институт Наследия, 2022. — 120 с.

[3] Указ Президента РФ от 05.09.2022 N 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: https://docs.cntd.ru/document/351673959

Ливией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Саудовской Аравией, Сирией, Ираном, Афганистаном, а также с Государством Палестина.

Согласно данным Всемирной туристской организации (UNWTO), в 2000–2024 гг. страны Ближнего Востока в целом продемонстрировали рост международных туристских прибытий, несмотря на периоды резкого спада, связанные с региональными конфликтами, мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг., пандемией COVID-19 и последующими глобальными трансформациями туристского рынка[4]. При этом динамика туристских потоков в регионе носит выраженно дифференцированный характер, отражающий различия в уровне экономического развития, туристской инфраструктуры и государственной политики в сфере туризма. Туристское пространство Ближнего Востока формируется как многоуровневая система, включающая глобальные, региональные и локальные туристские центры. К числу ведущих туристских дестинаций региона относятся Турция, Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Израиль, Иордания, Катар и Египет. Именно эти страны аккумулируют основную часть международных туристских потоков и формируют образ региона на мировом туристском рынке.

В географическом отношении в пределах Ближнего Востока можно выделить несколько ключевых туристских зон:

— восточное Средиземноморье, ориентированное на культурно-познавательный и рекреационный туризм;

— регион Персидского залива, специализирующийся на деловом, событийном и люксовом туризме;

— зона Красного моря, развивающая морской, пляжный и оздоровительный туризм;

— сакральные пространства исламского и христианского мира, формирующие устойчивые потоки религиозного туризма.

Такая пространственная дифференциация обусловливает многообразие туристских продуктов и маршрутов, а также различия в сезонности и структуре туристского спроса. Начальный этап XXI в. характеризовался постепенным ростом туристских потоков в регион, несмотря на последствия террористических актов начала 2000-х гг. и военные конфликты. В этот период особенно заметным становится развитие Турции как ведущей туристской дестинации региона, ориентированной на массовый международный туризм, а также активное формирование авиационных хабов в странах Персидского залива. Государства региона начинают рассматривать туризм как один из инструментов экономической диверсификации и повышения международной конкурентоспособности. Формируются национальные стратегии развития туризма, направленные на модернизацию инфраструктуры, упрощение визовых режимов и продвижение туристских брендов на мировом рынке.

Период после 2011 г. стал испытанием для туристской отрасли Ближнего Востока. Политические трансформации, вооружённые конфликты и рост террористических угроз привели к снижению туристских прибытий в ряде стран региона. Однако данные UNWTO свидетельствуют о высокой адаптивности туристского

[4] UNWTO. International Tourism Highlights. — Madrid: World Tourism Organization, 2024.

пространства Ближнего Востока[5]. На фоне спада в одних странах наблюдается рост туристских потоков в других, прежде всего в государствах Персидского залива, которые активно инвестировали в безопасность, инфраструктуру и международное продвижение. В этот период усиливается роль делового, событийного и транзитного туризма, а также формируется новая модель туристского развития, ориентированная на устойчивость и диверсификацию туристских продуктов.

Пандемия COVID-19 оказала беспрецедентное воздействие на международный туризм, включая страны Ближнего Востока. В 2020–2021 гг. международные туристские потоки сократились до минимальных значений за последние десятилетия. Однако уже с 2022 г. регион стал одним из лидеров по темпам восстановления туристской отрасли. Ряд стран Ближнего Востока использовали постпандемийный период для ускоренной трансформации туристского пространства, внедрения цифровых технологий, развития новых форм туризма и переосмысления роли культуры и гуманитарных факторов в привлечении туристов. Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар в этот период реализовали масштабные проекты, направленные на формирование нового туристского имиджа региона.

Анализ динамики туристских потоков в страны Ближнего Востока позволяет сделать вывод о том, что устойчивость туристского пространства региона во многом определяется сочетанием географических преимуществ и культурного потенциала. Высокая концентрация объектов историко-культурного и религиозного наследия обеспечивает стабильный спрос со стороны различных категорий туристов, включая паломников, культурно-познавательных и образовательных туристов.

В этой связи туристское пространство Ближнего Востока в XXI в. следует рассматривать не только как совокупность туристских потоков и дестинаций, но и как сложную геокультурную систему, обладающую значительным потенциалом для развития международного гуманитарного взаимодействия. Историко-культурные и религиозные объекты играют определяющую роль в формировании туристского пространства Ближнего Востока, выступая его системообразующим элементом. Именно культурное и сакральное наследие региона во многом определяет устойчивость туристских потоков, специфику туристского спроса и пространственную организацию туристских дестинаций[6]. В отличие от многих других макрорегионов мира, где ведущую роль играют рекреационные или развлекательные факторы, для Ближнего Востока культура и религия являются базовыми мотиваторами туристских поездок.

Ближний Восток представляет собой уникальное пространство концентрации памятников материального и нематериального наследия, охватывающих ключевые этапы развития мировой цивилизации. Здесь зародились древнейшие государства и культуры, сформировались основные религиозные традиции, оказавшие фундаментальное влияние на историческое и культурное развитие человечества. Данный фактор предопределяет исключительное значение региона в системе

---

5 UNWTO. Tourism Data Dashboard. — Madrid: World Tourism Organization. URL: https://www.unwto.org/statistics

6 Smith M. Issues in Cultural Tourism Studies. London: Routledge, 2016.

международного культурно-познавательного и религиозного туризма. Историко-культурный потенциал стран Ближнего Востока основан на многоуровневом цивилизационном наследии, включающем памятники древних, античных, средневековых и новейших эпох. На территории региона сосредоточено значительное число объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, которые формируют ядро международного культурно-познавательного туризма и во многом определяют географию туристских маршрутов.

К числу ключевых историко-культурных ресурсов относятся археологические комплексы древних цивилизаций, памятники античного мира, исламская архитектура, средневековые города и культурные ландшафты. Такие, как:

— «Розовый город», высеченный в скалах набатеями — символ Иордании; — Пирамиды Гизы и Великий Сфинкс (Египет) — древнейшее из Чудес света, абсолютный культурный код Египта;

— Иерусалим (Старый город и его стены) (Израиль / Палестина[7]) — священный центр трёх авраамических религий (Храмовая гора, Стена Плача, Купол Скалы, Храм Гроба Господня);

— Исторический город Сана (Йемен) — эталон средневековой арабской архитектуры с глинобитными небоскрёбами;

— Древний город Пальмира (Сирия) — «Невеста пустыни», руины античного города на караванном пути (сильно пострадал в ходе конфликта);

— Мечеть Аль-Харам (Запретная мечеть) с Каабой (Саудовская Аравия) — главная святыня ислама, направление молитвы мусульман всего мира (Мекка);

Вавилон (Ирак) — символ древней месопотамской цивилизации, известный по Висячим садам и Вавилонской башне (реконструкции);

Город-крепость Маскат и Бамиан (Оман) — эталонный образец портовой крепости и торгового центра Оманской империи;

Старый город Дубая (район Аль-Фахиди, исторический квартал Аль-Сеф) (ОАЭ) — демонстрирует традиционную архитектуру и образ жизни до нефтяного бума, контрастируя с современным имиджем.

Эти объекты и ряд других не только привлекают туристов, но и формируют устойчивые культурные образы стран и территорий, закреплённые в международном туристском сознании. Для привлечения туристов используются и мировые бренды стран других континентов. Так, Дубаи (ОАЭ) в 2017 г открылся музей «Лувр-Абу-Даби». Его создание стало результатом соглашения между правительством Франции и руководством Абу-Даби[8].

Историко-культурное наследие Ближнего Востока отличается высокой степенью территориальной концентрации, что способствует формированию кластерных туристских зон и комплексных маршрутов. В ряде стран культурный туризм

---

[7] Объект «Старый город Иерусалим» зарегистрирован Иорданией и фигурирует в списке ЮНЕСКО как требующий особого внимания, его статус является предметом международного спора.

[8] Что представляет собой Лувр Абу-Даби, для которого Дуров хочет выкупить украденные в Париже драгоценности. Российская газета. 22.10.2025: https://rg.ru/2025/10/22/pavel-durov-nikto-ne-voruet-iz-luvra-abu-dabi.html (дата обращения 15.01.2026)

выступает в качестве приоритетного направления государственной туристской политики, что отражается в программах реставрации, музеефикации и интеграции объектов наследия в туристскую инфраструктуру.

Особое место в структуре туристского пространства Ближнего Востока занимает религиозный туризм, который является одним из наиболее устойчивых и массовых видов туристской деятельности в регионе. Ближний Восток является сакральным пространством для представителей трёх мировых религий — ислама, христианства и иудаизма, что формирует уникальные по масштабу и регулярности паломнические потоки. Религиозные центры региона выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они являются объектами веры и духовных практик, с другой — ключевыми элементами туристской инфраструктуры, обеспечивающими приём миллионов паломников ежегодно. В отличие от других видов туризма, религиозные поездки менее подвержены сезонным и экономическим колебаниям, что придаёт туристскому пространству региона дополнительную устойчивость.

Культурно-познавательный туризм способствует развитию сопутствующих форм туристской деятельности — образовательного и событийного туризма. В ряде стран религиозные маршруты интегрируются в более широкие культурные программы, что расширяет целевую аудиторию и усиливает гуманитарное значение туризма.

Наряду с объектами материального наследия важную роль в формировании туристского пространства Ближнего Востока играет нематериальное культурное наследие, включающее традиции, обряды, ремёсла, гастрономию и формы повседневной культуры. Эти элементы формируют культурную аутентичность туристских дестинаций и усиливают их конкурентные преимущества на международном рынке.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса туристов к аутентичным культурным практикам, что стимулирует развитие этнокультурного и событийного туризма. Фестивали, религиозные праздники, традиционные формы искусства и ремесленного производства становятся важными точками притяжения туристских потоков и способствуют более глубокому культурному взаимодействию. Интеграция нематериального наследия в туристские программы позволяет рассматривать туристское пространство Ближнего Востока как живую культурную среду, а не только как совокупность памятников прошлого.

С позиций геокультурного анализа историко-культурные и религиозные ресурсы Ближнего Востока формируют устойчивую культурную матрицу региона, определяющую пространственную организацию туризма и характер туристских практик. Культурные коды, сакральные ландшафты и символические пространства выступают связующим элементом между прошлым и настоящим, формируя долгосрочные туристские интересы. Геокультурный матричный подход позволяет рассматривать туристское пространство Ближнего Востока как систему взаимодействующих культурных слоёв, в рамках которых историко-культурное наследие выступает не только объектом потребления, но и инструментом гуманитарного влияния и международного диалога. Современное туристское пространство Ближнего Востока не может быть адекватно интерпретировано исключительно

через призму количественных показателей туристских потоков и инфраструктурных характеристик. Его анализ требует обращения к геокультурному измерению, отражающему совокупность исторически сложившихся культурных кодов, сакральных смыслов и символических пространств, формирующих устойчивые туристские практики и модели восприятия региона в международном гуманитарном пространстве.

Геокультурный подход позволяет рассматривать туризм как форму пространственной актуализации культуры, в рамках которой территория выступает не только физическим, но и символическим ресурсом. В этом контексте туристское пространство Ближнего Востока представляет собой сложную многослойную систему, где взаимодействуют цивилизационные традиции, религиозные смыслы, историческая память и современные формы культурной репрезентации. В геокультурной интерпретации туристское пространство формируется не только под воздействием природных и социально-экономических факторов, но и в результате длительных процессов культурного освоения территории. Для стран Ближнего Востока характерна высокая плотность символически значимых мест, обладающих устойчивым культурным и сакральным статусом, что определяет особую структуру туристского спроса и специфику туристских маршрутов. Такие пространства функционируют как узлы культурной памяти, вокруг которых формируются устойчивые туристские потоки, не зависящие в полной мере от конъюнктурных колебаний. В результате туристское пространство региона приобретает свойства культурной устойчивости, что особенно проявляется в сфере религиозного и культурно-познавательного туризма.

Геокультурная структура туристского пространства Ближнего Востока включает:

— сакральные центры мировых религий;

— исторические города и культурные ландшафты;

— символические пространства, связанные с ключевыми этапами мировой истории;

— современные культурные и туристские кластеры, формирующие новые образы региона.

В XXI в. туризм всё чаще рассматривается как один из инструментов гуманитарного взаимодействия и культурной дипломатии. Через туристские практики осуществляется трансляция культурных ценностей, формирование образов стран и регионов, а также развитие межкультурного диалога. В этом смысле туристское пространство становится ареной «мягкой силы», где культура, история и идентичность приобретают прикладное международное значение. Для стран Ближнего Востока туризм является важным каналом интеграции в глобальное гуманитарное пространство. Активное использование культурного наследия в туристских целях позволяет государствам региона формировать позитивный международный имидж, укреплять культурные связи и расширять гуманитарное влияние.

В рамках геокультурного подхода туристская деятельность выступает как форма культурной коммуникации, где турист является не только потребителем услуг, но и участником гуманитарного обмена. Это обстоятельство придаёт особое значение содержательному наполнению туристских программ и маршрутов, а также интерпретации культурного наследия.

Для Российской Федерации туристское пространство Ближнего Востока представляет собой перспективное направление расширения гуманитарного присутствия и развития культурных связей. Исторически Россия была вовлечена в процессы культурного, религиозного и научного взаимодействия со странами региона, что сформировало определённый пласт культурного присутствия, сохранившийся до настоящего времени.

Гуманитарное присутствие России в туристском пространстве Ближнего Востока может реализовываться через:

— культурно-познавательные и паломнические маршруты;

— интеграцию объектов, связанных с российской историей и культурой, в международные туристские программы;

— развитие научного и образовательного туризма;

— участие в культурных и выставочных проектах, ориентированных на международную аудиторию.

Геокультурный анализ показывает, что потенциал гуманитарного присутствия России в регионе во многом опирается на существующие культурные и символические связи, которые могут быть актуализированы в рамках туристской деятельности. К примеру, как напомнил Президент России Владимир Путин 30 января 2026 г. на встрече с президентом ОАЭ Аль Нахайяна, туристический поток россиян в ОАЭ за девять месяцев 2025 г. составил 1,5 млн человек[9].

Применение геокультурного матричного подхода позволяет структурировать туристское пространство Ближнего Востока как совокупность взаимосвязанных культурных матриц, каждая из которых включает территориальные, исторические и символические компоненты. В рамках данного подхода туристское пространство рассматривается как динамическая система, в которой возможна интеграция различных культурных элементов, включая элементы российского культурного присутствия.

Использование геокультурного матричного подхода создаёт методологические предпосылки для:

— выявления точек культурного пересечения;

— проектирования туристских маршрутов с гуманитарным содержанием;

— формирования устойчивых моделей международного туристского сотрудничества.

Таким образом, геокультурное измерение туристского пространства Ближнего Востока открывает дополнительные возможности для укрепления гуманитарного присутствия России, переводя туризм из сферы исключительно экономических интересов в плоскость долгосрочного культурного взаимодействия.

В структуре туристского пространства стран Ближнего Востока особое место занимает культурное наследие, связанное с историческим присутствием России в регионе. Несмотря на то что данные объекты в настоящее время редко рассматриваются как самостоятельный туристский ресурс, их значение существенно

---

[9] Чем важны переговоры России и ОАЭ, состоявшиеся в Кремле. Ведомости. 30.01.2026 г.: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/01/30/chem-vazhni-peregovori-rossii-i-oae (дата обращения 03.02.2026)

возрастает в контексте развития международного культурно-познавательного и религиозного туризма, а также укрепления гуманитарного присутствия Российской Федерации.

Историческое присутствие России на Ближнем Востоке имеет многовековой характер и связано с религиозными, дипломатическими, научными и культурными контактами. И в настоящее время Россия готова продолжать многостороннее сотрудничество. В частности, об этом напомнил Президент России Владимир Путин на встрече с сирийским лидером Ахмедом аш-Шараа 28 января 2026 г., выразив готовность российского стройкомплекса помочь в восстановлении Сирии[10], что, в конечном итоге, окажет благотворное влияние на возрождении туристской инфраструктуры и, соответственно, на возрождении сотрудничества в сфере туризма. В результате на территории ряда стран региона сформировался комплекс объектов русского культурного наследия, включающий памятники дореволюционного, советского и современного периодов. Эти объекты представляют собой важный элемент культурного ландшафта региона и обладают значительным потенциалом для интеграции в туристское пространство.

С точки зрения геокультурного анализа объекты русского культурного наследия в странах Ближнего Востока могут быть классифицированы по нескольким основным типам.

К первой группе относятся объекты, связанные с дореволюционным периодом и деятельностью Российской Империи в регионе. Это, прежде всего, православные храмы, подворья, паломнические центры, а также здания и комплексы, связанные с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме, Императорским Православным Палестинским Обществом, российскими археологическими и научными экспедициями. Данные объекты формируют основу религиозного и культурно-познавательного туризма, ориентированного как на российских, так и на зарубежных туристов.

Вторую группу составляют объекты советского периода, включающие архитектурные сооружения, инженерные объекты, мемориалы и культурные учреждения, созданные при участии советских специалистов. Эти объекты отражают этап активного политического, экономического и культурного взаимодействия СССР со странами Ближнего Востока во второй половине XX в. и представляют интерес с точки зрения исторического и образовательного туризма.

К третьей группе относятся современные объекты культурного присутствия России, связанные с деятельностью культурных центров, представительств научных и образовательных учреждений, а также совместных культурных проектов. Несмотря на их относительную новизну, данные объекты могут рассматриваться как элементы формирующегося культурного каркаса гуманитарного присутствия России в регионе.

Объекты русского культурного наследия распределены по территории Ближнего Востока неравномерно и, как правило, локализованы в крупных исторических и культурных центрах. Их пространственная привязка к уже сформировавшимся туристским маршрутам создаёт предпосылки для интеграции данных

[10] Путин заявил, что стройкомплекс готов помочь в восстановлении Сирии. ТАСС/ Ruptly. 28 января 2026 г.: https://tass.ru/politika/26274869 (дата обращения 01.02.2026)

объектов в существующую туристскую инфраструктуру без значительных дополнительных затрат.

В настоящее время большинство объектов русского культурного наследия функционируют преимущественно в рамках религиозной, мемориальной или локальной культурной среды и лишь в ограниченной степени включены в международные туристские программы. Это обусловлено недостаточной информационной представленностью, слабой институциональной поддержкой и отсутствием системного подхода к их использованию в туристской деятельности.

Геокультурный анализ показывает, что данные объекты могут выполнять роль «точек культурного сопряжения», соединяющих туристское пространство Ближнего Востока с гуманитарным пространством России. Их включение в туристские маршруты способствует расширению культурного содержания туристских программ и формированию более многомерного образа региона.

Туристский потенциал объектов русского культурного наследия в странах Ближнего Востока определяется их культурной, исторической и символической значимостью. В отличие от массовых туристских объектов, данные памятники ориентированы на более узкие, но устойчивые сегменты туристского спроса, включая паломников, культурно-познавательных туристов, представителей научного и образовательного сообщества.

Использование данных объектов в туристской деятельности позволяет:

- диверсифицировать туристские маршруты;
- расширить культурное наполнение туристских программ;
- усилить гуманитарную составляющую международного туризма;
- способствовать формированию устойчивых культурных связей между Россией и странами региона.

Особую роль объекты русского культурного наследия играют в контексте религиозного туризма, где они могут быть интегрированы в паломнические маршруты, ориентированные на православную аудиторию, а также использоваться в рамках межконфессионального диалога.

С позиций геокультурного матричного подхода объекты русского культурного наследия следует рассматривать не только как элементы туристской инфраструктуры, но и как инструменты гуманитарного присутствия России в Ближневосточном регионе. Их актуализация в туристском пространстве способствует укреплению культурного диалога, формированию позитивного образа России и расширению гуманитарных контактов. Включение данных объектов в туристские программы позволяет трансформировать туристское пространство в пространство культурного взаимодействия, где история и культура выступают основой долгосрочного гуманитарного сотрудничества. В этом контексте туризм становится важным каналом реализации гуманитарной политики, дополняющим традиционные формы культурного и дипломатического взаимодействия.

Объекты русского культурного наследия в странах Ближнего Востока представляют собой значимый, но пока недостаточно реализованный ресурс укрепления гуманитарного присутствия Российской Федерации. Их системное включение в туристское пространство региона открывает новые возможности для развития международного туризма и расширения культурного влияния России в XXI в.

Проведенное исследование позволяет рассматривать туристское пространство Ближнего Востока в XXI в. как сложную, многослойную и динамичную систему, формирующуюся под воздействием географических, историко-культурных, религиозных и геокультурных факторов. Анализ динамики международных туристских потоков за период с 2000 по 2024 гг. показал, что, несмотря на высокую степень политической и социально-экономической турбулентности, регион демонстрирует устойчивость и адаптивность туристской отрасли, а в постпандемийный период — ускоренные темпы восстановления и трансформации.

Географическое положение Ближнего Востока на стыке ключевых мировых пространств, высокая концентрация объектов культурного и религиозного наследия, а также активная государственная политика в сфере туризма обусловили формирование дифференцированного туристского пространства, включающего как глобальные туристские хабы, так и локальные культурно-сакральные дестинации. Ведущую роль в структуре туристского спроса региона играют культурно-познавательный и религиозный туризм, что отличает Ближний Восток от многих других макрорегионов мира и придаёт его туристскому пространству выраженное гуманитарное измерение.

Применение геокультурного матричного подхода позволило выявить системообразующую роль культуры и исторической памяти в формировании туристского пространства региона. С позиций данного подхода туризм выступает не только как экономическая деятельность, но и как форма пространственной актуализации культуры, обеспечивающая трансляцию ценностей, символов и идентичностей в международном гуманитарном пространстве. Это обстоятельство существенно расширяет аналитические возможности исследования международного туризма и позволяет рассматривать его как инструмент долгосрочного гуманитарного взаимодействия.

Особое внимание в статье уделено анализу объектов русского культурного наследия в странах Ближнего Востока. Установлено, что данные объекты, включающие памятники дореволюционного, советского и современного периодов, представляют собой значимый, но в настоящее время недостаточно востребованный ресурс туристского пространства региона. Их пространственная локализация в ключевых культурных и религиозных центрах создаёт благоприятные предпосылки для интеграции в существующие туристские маршруты и программы без существенных инфраструктурных затрат.

Актуализация объектов русского культурного наследия в рамках международного туризма открывает дополнительные возможности для укрепления гуманитарного присутствия Российской Федерации на Ближнем Востоке. Туризм в данном контексте может рассматриваться как эффективный инструмент гуманитарной политики, дополняющий традиционные формы культурного и дипломатического взаимодействия и способствующий формированию устойчивых культурных связей.

Подводя итог всему вышеизложенному, представляется возможным сформулировать следующие практические рекомендации для органов государственной власти Российской Федерации и профильных ведомств:

— развитие специализированных культурно-познавательных и паломнических маршрутов с включением объектов русского культурного наследия в странах Ближнего Востока;

— поддержка двусторонних и многосторонних программ культурно-туристского сотрудничества с государствами региона;

— использование геокультурного подхода при разработке стратегических документов в сфере международного туризма и гуманитарного взаимодействия;

— повышение информационной и научной представленности объектов русского культурного наследия в международном туристском пространстве;

— интеграция туристской проблематики в систему гуманитарной политики России на Ближнем Востоке.

Туристское пространство Ближнего Востока в XXI в. представляет собой перспективную сферу для реализации гуманитарных интересов Российской Федерации. Комплексный географический и геокультурный анализ позволяет не только углубить научное понимание туристских процессов в регионе, но и сформировать практико-ориентированные подходы к использованию туризма в качестве инструмента международного гуманитарного взаимодействия и культурного присутствия России.

Источники и литература

Геокультурная матрица Российской Федерации как новый фактор и перспективный инструмент формирования общероссийской системы сохранения, изучения, популяризации и использования объектов культурного наследия: сборник научных докладов. Отв. редактор Ю.С. Путрик. М.: Институт Наследия, 2022. — 120 с.

Тишков В.А. Культурное наследие и идентичность. М.: Наука, 2017. — 304 с.

Что представляет собой Лувр Абу-Даби, для которого Дуров хочет выкупить украденные в Париже драгоценности. Российская газета. 22.10.2025: https://rg.ru/2025/10/22/pavel-durov-nikto-ne-voruet-iz-luvra-abu-dabi.html (дата обращения 15.01.2026)

Чем важны переговоры России и ОАЭ, состоявшиеся в Кремле. Ведомости. 30.01.2026 г.: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/01/30/1172781-chem-vazhni-peregovori-rossii-i-oae (дата обращения 03.02.2026)

Путин заявил, что стройкомплекс готов помочь в восстановлении Сирии. ТАСС/ Ruptly. 28 января 2026 г.: https://tass.ru/politika/26274869 (дата обращения 01.02.2026)

UNWTO. International Tourism Highlights. Madrid: World Tourism Organization, 2024.

UNWTO. Tourism Data Dashboard. Madrid: World Tourism Organization.
URL: https://www.unwto.org/statistics

Smith M. Issues in Cultural Tourism Studies. London: Routledge, 2016.

Solovyov Andrey Petrovich
Candidate of Pedagogical Sciences
Expert Center for Resource Support of Scientific Research, RSSU
Full Member of the Imperial Orthodox Palestine Society
Russian Federation, Moscow.
E-mail — andrey476_85@mail.ru

Cultural Heritage of the Middle East: Challenges of Use and Preservation of Immovable Objects

Abstract: the article examines the challenges of the use and preservation of immovable cultural heritage sites in the Middle East under conditions of socio-economic instability, armed conflicts, and the transformation of traditional forms of cultural reproduction. Based on an interdisciplinary approach, the study analyzes the historical and cultural specificity of the region's heritage, the contradictions between functional and commercial use of monuments, as well as the impact of military actions on their physical condition and on institutional mechanisms for the protection of cultural values. Special attention is given to the role of local communities and legal institutions within the heritage preservation system, as well as to the prospects for implementing sustainable management models for immovable cultural heritage sites. The article substantiates the conclusion that a comprehensive approach to the protection of the Middle Eastern cultural heritage is necessary, combining scholarly expertise, effective state policy, and the participation of local communities in order to preserve the historical memory and cultural identity of the region.

Keywords: cultural heritage; Middle East; immovable cultural heritage sites; monument protection; functional use; heritage commercialization; armed conflicts; local communities; legal protection mechanisms; sustainable cultural heritage management.

Соловьев Андрей Петрович,
действительный член МОО «ИППО»,
эксперт Центра ресурсного обеспечения
научных исследований РГСУ,
кандидат педагогических наук,
Российская Федерация, Москва.
E-mail — andrey476_85@mail.ru

Культурное наследие Ближнего Востока: проблемы использования и сохранности недвижимых объектов

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы использования и сохранности недвижимых объектов культурного наследия Ближнего Востока в условиях социально-экономической нестабильности, вооружённых конфликтов и трансформации традиционных форм культурного воспроизводства. На основе междисциплинарного подхода анализируются историко-культурная специфика наследия региона, противоречия функционального и коммерческого использования объектов культурного наследия, а также влияние военных действий на физическое состояние и институциональные механизмы охраны культурных ценностей. Особое внимание уделяется роли местных сообществ и правовых институтов в системе сохранения наследия, а также перспективам внедрения устойчивых моделей управления недвижимыми объектами культурного наследия. Обосновывается вывод о необходимости комплексного подхода к охране культурного наследия Ближнего Востока, сочетающего научную экспертизу, эффективную государственную политику и участие локальных сообществ в целях сохранения исторической памяти и культурной идентичности региона.

Ключевые слова: культурное наследие; Ближний Восток; недвижимые объекты культурного наследия; охрана объектов культурного наследия; функциональное использование; коммерциализация наследия; вооружённые конфликты; местные сообщества; правовые механизмы охраны; устойчивое управление культурным наследием.

Статья поступила в Редакцию ППС 16.02. 2026 г.

Современное исследование культурного наследия опирается на междисциплинарный теоретико-методологический аппарат, сформировавшийся на стыке истории, археологии, культурологии, архитектуры, социологии и правовых наук. В рамках данной научной парадигмы культурное наследие рассматривается не только как совокупность материальных объектов прошлого, но и как социально значимый феномен, включённый в систему культурной памяти, идентичности и общественных практик.

Понятие «культурное наследие» в научном дискурсе претерпело значительную эволюцию. Если в классических исследованиях XIX — первой половины XX вв. внимание было сосредоточено преимущественно на художественной и исторической ценности отдельных объектов культурного наследия, то в современной теории наследие понимается как комплексное явление, включающее материальные и нематериальные компоненты, а также их социальное функционирование. В этом контексте недвижимые объекты культурного наследия выступают не изолированными артефактами, а элементами культурного ландшафта, неразрывно связанными с окружающей средой и локальными сообществами.

Методологической основой исследования является системный подход, позволяющий рассматривать объекты культурного наследия в совокупности исторических, социальных, экономических и политических факторов. Такой подход особенно важен для анализа наследия Ближнего Востока, где объектов культурного наследия формировались в условиях многовековой смены культурных и религиозных традиций и продолжают функционировать в сложной социальной среде. Системный анализ позволяет выявить взаимосвязь между использованием объектов, их физическим состоянием и институциональными механизмами охраны.

Значительную роль в теоретическом осмыслении культурного наследия играет концепция культурной памяти, в рамках которой объекты рассматриваются как материальные носители коллективных представлений о прошлом. Недвижимые объекты культурного наследия фиксируют и транслируют исторический опыт, формируя устойчивые образы прошлого в общественном сознании. Для Ближнего Востока, где культурное наследие тесно связано с религиозной и национальной идентичностью, данный аспект приобретает особое значение и напрямую влияет на практики использования и сохранения объектов культурного наследия.

Важным методологическим ориентиром является также концепция «живого наследия», согласно которой сохранение объектов культурного наследия не предполагает их изоляции от современной жизни.[1] Напротив, функциональное использование объектов рассматривается как один из факторов их устойчивости при условии соблюдения научно обоснованных реставрационных и охранных принципов. В данном контексте ключевой задачей становится поиск баланса между сохранением аутентичности объектов и их адаптацией к современным социальным и экономическим условиям. Исследование опирается

[1] *Аверьянов Л.Я.* Культурное наследие: проблемы сохранения и использования. М.: Наука, 2004.

и на историко-культурный метод, позволяющий проследить эволюцию использования и восприятия недвижимых объектов культурного наследия в различные исторические периоды. Этот метод особенно важен для анализа многослойных объектов культурного наследия Ближнего Востока, в структуре которых сосуществуют элементы разных эпох. Историко-культурный анализ позволяет избежать редукционистского подхода, при котором приоритет отдаётся лишь одному периоду истории объекта в ущерб другим.

Кроме того, в работе используется сравнительный метод, дающий возможность выявить общие и специфические черты в практике охраны и использования культурного наследия в различных странах региона. Сравнительный анализ позволяет учитывать различия в правовых системах, институциональных моделях и социально-экономических условиях, что повышает аналитическую ценность исследования и способствует формированию обобщающих выводов. Методологическую значимость имеет и правовой анализ, направленный на изучение национальных и международных механизмов охраны культурного наследия. Участие государств Ближнего Востока в международных конвенциях формирует нормативную основу для сохранения объектов культурного наследия, однако эффективность этих механизмов во многом зависит от их реализации на национальном уровне. Правовой анализ позволяет выявить разрыв между декларативными обязательствами и реальной практикой охраны наследия.

В этой связи, теоретико-методологическая база исследования основывается на интеграции системного, историко-культурного, социокультурного, сравнительного и правового подходов. Их сочетание обеспечивает комплексное осмысление проблем использования и сохранности недвижимых объектов культурного наследия Ближнего Востока и позволяет рассматривать данные проблемы не изолированно, а в контексте более широких процессов социального и культурного развития региона.

Недвижимое культурное наследие Ближнего Востока отличается исключительной хронологической глубиной и типологическим разнообразием, что обусловлено ролью региона как одного из ключевых центров формирования мировой цивилизации. На протяжении нескольких тысячелетий данная территория являлась пространством интенсивных культурных контактов, миграций и взаимодействия различных этнических, религиозных и политических общностей, что нашло отражение в характере и структуре сохранившихся объектов культурного наследия.

Одной из определяющих особенностей недвижимого наследия региона является его многослойный характер. Значительная часть объектов формировалась в течение длительного времени, подвергаясь неоднократным перестройкам и функциональным трансформациям. Археологические памятники, исторические города и культовые сооружения нередко включают в себя элементы различных эпох — от древневосточных цивилизаций и античности до средневекового и раннемодерного периодов. Такая историческая стратификация усложняет вопросы атрибуции, интерпретации и охраны объектов культурного наследия, поскольку каждая эпоха внесла собственный вклад в формирование их облика и символического значения.

Важной характеристикой наследия Ближнего Востока является его тесная связь с религиозной историей региона. Здесь сосредоточено значительное количество сакральных объектов, связанных с ключевыми религиозными традициями — иудаизмом, христианством и исламом.

Культовые сооружения, священные города и паломнические центры обладают не только историко-архитектурной, но и высокой духовной ценностью, что определяет специфику их использования и охраны. В отличие от светских памятников, религиозные объекты продолжают активно функционировать, что создаёт дополнительную нагрузку на их материальную структуру и усложняет применение стандартных охранных режимов и процедур.

Особое место в системе недвижимого наследия региона занимают исторические города и городские ансамбли. Многие из них сохраняют традиционную планировочную структуру, сформированную в условиях доиндустриального общества и адаптированную к климатическим и социальным особенностям региона. Узкие улицы, внутренние дворы, квартальная застройка и развитая система общественных пространств отражают устойчивые градостроительные традиции, которые продолжают функционировать и в современности. Однако сохранение этих структур сталкивается с серьёзными вызовами в условиях модернизации и урбанизационного давления.

Недвижимое культурное наследие Ближнего Востока также характеризуется высокой степенью включённости в повседневную жизнь местного населения. В отличие от многих объектов культурного наследия Европы, которые были музеефицированы и изъяты из повседневного использования, значительная часть объектов региона продолжает выполнять практические функции. Исторические здания используются как жилые дома, торговые лавки, религиозные учреждения и административные пространства. Такая форма «живого использования» способствует сохранению социальной значимости объектов культурного наследия, но одновременно повышает риск их физического износа и утраты аутентичных элементов.

Существенное влияние на формирование наследия региона оказали особенности природно-климатических условий. Использование традиционных строительных материалов, таких как сырцовый кирпич, камень и дерево, определило уязвимость многих объектов к воздействию времени и природных факторов. В сочетании с недостаточной реставрационной практикой это приводит к ускоренной деградации объектов культурного наследия, особенно археологических и жилых сооружений.

Историко-культурная специфика недвижимого наследия Ближнего Востока проявляется и в его символической нагрузке. Объекты культурного наследия нередко становятся прицелами политической и идеологической интерпретации, символами национальной идентичности или религиозного превосходства. Такая символизация усиливает конфликтный потенциал наследия и делает его уязвимым в условиях политической нестабильности. В результате вопросы охраны и использования объектов культурного наследия выходят за рамки профессионального дискурса и приобретают общественно-политическое значение. Таким образом, историко-культурная специфика недвижимого наследия Ближнего

Востока определяется сочетанием глубокой исторической стратификации, религиозной значимости, включённости в повседневную жизнь, климатических особенностей и высокой символической нагрузки. Эти факторы формируют уникальный контекст, в рамках которого проблемы использования и сохранения объектов культурного наследия требуют особых, адаптированных к региону подходов, основанных на понимании его исторической и культурной многомерности.

Функциональное использование объектов культурного наследия является одним из ключевых и одновременно наиболее противоречивых аспектов их сохранения. В современных условиях объектов культурного наследия рассматриваются не только как историко-культурные ценности, подлежащие охране, но и как элементы социальной и экономической инфраструктуры.[2] Для стран Ближнего Востока данный вопрос приобретает особую значимость, поскольку значительная часть недвижимого наследия продолжает активно использоваться в повседневной жизни местного населения. С одной стороны, функциональное использование объектов культурного наследия способствует их физическому сохранению и социальной актуализации. Постоянная эксплуатация объектов культурного наследия позволяет избежать их заброшенности, обеспечивает регулярный уход и поддерживает их значимость в общественном сознании. Исторические здания, используемые в качестве жилых, культовых или торговых пространств, остаются частью живой городской среды, что укрепляет связь между прошлым и настоящим.

С другой стороны, интенсивное и неконтролируемое использование объектов культурного наследия нередко приводит к их деградации. Отсутствие чётких регламентов эксплуатации, недостаточная квалификация пользователей и ограниченный доступ к профессиональной реставрационной помощи способствуют разрушению конструктивных элементов, замене аутентичных материалов и утрате исторического облика объектов культурного наследия. Особенно уязвимыми оказываются объекты, изначально не рассчитанные на современные нагрузки, включая инженерные коммуникации и транспортную инфраструктуру. Одной из наиболее распространённых проблем является адаптация исторических зданий к современным функциональным требованиям без соблюдения принципов научной реставрации. Вмешательства, направленные на улучшение эксплуатационных характеристик объектов, часто осуществляются стихийно и без предварительного анализа их воздействия на историческую структуру. В результате происходят изменения, которые необратимо искажают архитектурный облик и нарушают историческую целостность объектов культурного наследия.

Особое место в системе функционального использования занимают культовые сооружения, обладающие высокой духовной и символической значимостью. Их активное использование в религиозной практике способствует сохранению социальной роли объектов, однако одновременно создаёт повышенную нагрузку на материальную структуру зданий. Расширение помещений, установка современных элементов и изменение интерьеров зачастую осуществляются без учёта требований охраны, что приводит к утрате подлинных исторических элементов и конфликтам между религиозными общинами и специалистами по охране наследия.

---

[2] *Каган М.С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.

Коммерциализация объектов культурного наследия усиливает данные противоречия. В условиях экономических ограничений объекты культурного наследия всё чаще используются в туристских и коммерческих целях.[3] Приспособление объектов под гостиницы, рестораны, торговые пространства и туристические аттракционы нередко сопровождается радикальными изменениями их функциональной структуры и эстетического восприятия. При этом экономическая выгода, получаемая в краткосрочной перспективе, зачастую достигается ценой утраты аутентичности и культурной ценности объектов культурного наследия.

Значительным фактором риска является также отсутствие согласованности между различными заинтересованными сторонами, вовлечёнными в использование объектов культурного наследия. Государственные органы, местные власти, собственники, религиозные общины и коммерческие структуры часто преследуют различные цели, что затрудняет выработку единых стратегий управления. В условиях слабых институциональных механизмов такие противоречия приводят к принятию фрагментарных и несогласованных решений.

Функциональное использование объектов культурного наследия тесно связано с проблемой аутентичности. Современные научные подходы подчёркивают, что сохранение объектов культурного наследия не предполагает их полной консервации и изоляции от современной жизни. Однако адаптация объектов должна осуществляться на основе научно обоснованных принципов, учитывающих историческую ценность, материальную структуру и культурное значение объектов культурного наследия. Отсутствие таких принципов приводит к тому, что функциональное использование становится фактором разрушения, а не сохранения наследия. В этой связи нужно отметить, что функциональное использование объектов культурного наследия Ближнего Востока представляет собой сложный процесс, характеризующийся внутренними противоречиями между сохранением и эксплуатацией. Решение данной проблемы требует разработки комплексных моделей управления, сочетающих научную экспертизу, правовое регулирование и участие местных сообществ. Лишь при условии согласования интересов всех сторон функциональное использование может стать инструментом устойчивого сохранения недвижимого культурного наследия региона.

Функциональное использование объектов культурного наследия в современном обществе является неотъемлемой частью процессов их сохранения и актуализации. В условиях Ближнего Востока данный аспект приобретает особую значимость, поскольку значительная часть недвижимого культурного наследия продолжает выполнять практические функции и остаётся включённой в повседневную социальную и экономическую жизнь. Исторические здания используются как жилые пространства, религиозные центры, торговые и общественные объекты, что формирует устойчивую связь между объектов культурного наследия и локальными сообществами.

Функциональная включённость объектов культурного наследия в современную среду, с одной стороны, способствует их физическому выживанию и социальной значимости, предотвращая заброшенность и утрату интереса со стороны

[3] *Долгий А.Н.* Культурное наследие и туризм: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ, 2012.

общества. С другой стороны, интенсивная эксплуатация объектов культурного наследия при отсутствии чётких регламентов и профессионального контроля становится фактором их деградации. Современные инженерные нагрузки, изменения внутренней планировки, внедрение новых коммуникаций и стихийные перестройки оказывают разрушительное воздействие на конструктивные элементы и аутентичные материалы исторических зданий.

Особенно остро данные противоречия проявляются в практике адаптивного использования объектов культурного наследия. Приспособление объектов культурного наследия к современным функциональным требованиям нередко осуществляется без научно обоснованных реставрационных и архитектурных решений. В результате нарушается историческая целостность зданий, искажается их архитектурный облик и утрачивается культурная многослойность. Такие изменения зачастую носят необратимый характер и противоречат основополагающим принципам международной практики охраны культурного наследия.

Значительную роль в трансформации функций объектов культурного наследия играет процесс коммерциализации, тесно связанный с развитием туристской отрасли. Для многих стран Ближнего Востока туризм рассматривается как важный источник экономического роста, а объекты культурного наследия — как ключевые туристские ресурсы. Однако ориентация на краткосрочную экономическую выгоду нередко приводит к усилению эксплуатационного давления на объекты культурного наследия и упрощению их культурного содержания.

Туристское использование объектов культурного наследия сопровождается физическим износом конструкций, ростом антропогенной нагрузки и изменением пространственной организации исторических объектов. Сакральные и общественные пространства трансформируются в зоны массового посещения, что снижает их символическую и духовную ценность. В ряде случаев объекты культурного наследия утрачивают свою связь с локальным культурным контекстом, превращаясь в элементы индустрии развлечений, ориентированные на внешнего потребителя.

Коммерциализация культурного наследия также способствует изменению социальной структуры исторических территорий. Рост туристической активности и коммерческой застройки приводит к вытеснению местных жителей из исторических кварталов, утрате традиционных форм хозяйственной деятельности и деградации нематериальных культурных практик. Историческая среда при этом сохраняется лишь внешне, утратив свою функциональную и социальную целостность.

Особую сложность представляет использование культовых объектов в условиях туристского давления. С одной стороны, такие объекты культурного наследия продолжают выполнять религиозные функции и сохраняют высокую духовную значимость для верующих. С другой стороны, их включение в туристские маршруты усиливает эксплуатационную нагрузку и обостряет противоречия между требованиями охраны, религиозными практиками и коммерческими интересами.[4] В отсутствие согласованных механизмов управления эти

---

[4] *Соловьев А.П.* Туристское использование объектов Всемирного наследия на территории Российской Федерации. // Наследие и современность: Информ. сб. Вып. 21. М., 2014. С. 158.

противоречия нередко приводят к конфликтам между различными заинтересованными сторонами.

Дополнительным фактором, осложняющим процесс управления функциональным использованием и коммерциализацией объектов культурного наследия, является институциональная фрагментарность.[5] Государственные органы, местные администрации, собственники, религиозные общины и частные инвесторы действуют в рамках различных логик и приоритетов.[6] Отсутствие единой стратегии и координации усилий приводит к принятию несогласованных решений, усиливающих деградацию объектов культурного наследия.

Важнейшей методологической проблемой в данном контексте является вопрос аутентичности. Современные научные подходы подчёркивают, что устойчивое использование объектов культурного наследия возможно лишь при условии сохранения их подлинных характеристик — материальных, функциональных и символических. Коммерческая адаптация объектов культурного наследия, ориентированная исключительно на потребности рынка, неизбежно ведёт к утрате этих характеристик и снижению культурной ценности объектов.

Таким образом, функциональное использование и коммерциализация объектов культурного наследия Ближнего Востока представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных проблем и противоречий. Их разрешение требует разработки интегрированных моделей управления, основанных на научной экспертизе, правовом регулировании и участии местных сообществ. Лишь при условии согласования экономических, социальных и культурных интересов функциональное использование может стать фактором устойчивого сохранения, а не разрушения недвижимого культурного наследия региона.

Вооружённые конфликты представляют собой один из наиболее разрушительных факторов, воздействующих на недвижимые объекты культурного наследия Ближнего Востока. В последние десятилетия регион неоднократно становился ареной военных действий, сопровождавшихся масштабными разрушениями объектов культурного наследия, деградацией культурной среды и утратой материальных свидетельств прошлого. В условиях конфликтов культурное наследие оказывается уязвимым как в физическом, так и в символическом измерении.

Разрушение объектов культурного наследия в ходе вооружённых конфликтов носит как побочный, так и целенаправленный характер. Случайные повреждения возникают в результате боевых действий, использования тяжёлого вооружения и размещения военной инфраструктуры вблизи исторических объектов. Однако наряду с этим в ряде случаев фиксируется сознательное уничтожение объектов культурного наследия, используемое как инструмент идеологического давления и форма культурного насилия. Подобные действия направлены на разрушение

---

5 *Житенёв С. Ю.* Управление объектами наследия: определение, виды, системы и организация деятельности. // Вопросы культурологии. № 8, 2015. С. 18–28.

6 ЮНЕСКО. Управление объектами Всемирного культурного наследия: Информ. руководство. — Париж, 2013. — 322 с. [Электронный ресурс]. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/17_12_2014_1.pdf

исторической памяти и подрыв культурной идентичности сообществ, для которых данные объекты обладают особой символической значимостью.

Вооружённые конфликты нарушают не только физическую сохранность объектов культурного наследия, но и систему их охраны. Разрушение государственных институтов, утрата профессиональных кадров и прекращение реставрационных программ приводят к деградации механизмов защиты культурного наследия. В условиях нестабильности объекты культурного наследия остаются без надлежащего контроля, что способствует росту незаконных раскопок, мародёрства и нелегального оборота культурных ценностей. Археологические объекты в таких ситуациях подвергаются особенно серьёзным потерям, поскольку утрата контекста делает невозможным их научное изучение и восстановление исторической информации.

Дополнительным фактором разрушения культурного наследия является использование исторических объектов в военных целях. Размещение вооружённых формирований вблизи или внутри объектов культурного наследия приводит к их целенаправленному поражению и ускоренному разрушению. Исторические здания и археологические комплексы в подобных условиях утрачивают охранный статус и становятся частью военной инфраструктуры, что противоречит международным нормам защиты культурных ценностей в условиях вооружённых конфликтов.

Последствия военных действий для культурного наследия носят долгосрочный характер и выходят за рамки непосредственных разрушений. Утрата объектов культурного наследия сопровождается разрушением культурных связей, деградацией профессиональных сообществ и утратой знаний о традиционных методах строительства и реставрации. В постконфликтный период восстановление объектов осложняется отсутствием документации, нехваткой финансовых ресурсов и кадрового потенциала, а также социальными и политическими противоречиями, сохраняющимися после завершения активной фазы конфликта.

Особую сложность представляет вопрос постконфликтной реставрации культурного наследия. В условиях частичной или полной утраты объектов возникает дилемма между необходимостью восстановления исторической среды и риском утраты аутентичности объектов культурного наследия. Попытки реконструкции разрушенных объектов нередко сопровождаются дискуссиями о допустимости воссоздания утраченных форм и границах научной реставрации. Отсутствие единых подходов и чётких методологических ориентиров приводит к неоднозначным результатам и усиливает научные и общественные споры.

Вооружённые конфликты оказывают влияние и на социальное восприятие культурного наследия. В условиях насилия и гуманитарных кризисов вопросы охраны объектов культурного наследия часто воспринимаются как второстепенные по сравнению с проблемами выживания и безопасности населения. Это снижает уровень общественной поддержки охранных мероприятий и затрудняет реализацию долгосрочных программ сохранения наследия. Вместе с тем в постконфликтный период культурное наследие может играть важную роль в процессах социальной реабилитации и восстановления коллективной идентичности. Вооружённые конфликты являются комплексным фактором разрушения культурного

наследия Ближнего Востока, воздействующим как на физическое состояние объектов культурного наследия, так и на институциональные, социальные и символические аспекты их существования. Сохранение культурного наследия в условиях конфликтов и постконфликтного восстановления требует интеграции международных правовых механизмов, национальной культурной политики и участия местных сообществ, а также признания культурного наследия неотъемлемым элементом гуманитарной безопасности региона.

Социально-экономические условия являются одним из ключевых факторов, определяющих состояние и способы использования недвижимых объектов культурного наследия Ближнего Востока. Экономическая нестабильность, высокий уровень бедности, безработица и вынужденная миграция оказывают прямое воздействие на отношение общества к объектам культурного наследия. В условиях ограниченных ресурсов приоритет отдается решению насущных социальных проблем, тогда как вопросы охраны культурного наследия зачастую воспринимаются как второстепенные или отложенные на неопределённое будущее.

В подобных условиях объекты культурного наследия нередко становятся источником краткосрочной экономической выгоды. Использование исторических зданий в коммерческих целях, самовольные перестройки и незаконное строительство в охранных зонах являются следствием отсутствия альтернативных экономических стратегий для местного населения. При этом разрушение объектов культурного наследия воспринимается не как утрата культурной ценности, а как неизбежное следствие социально-экономических трансформаций, что существенно снижает уровень общественной ответственности за сохранение наследия.

Несмотря на это, местные сообщества играют ключевую роль в процессах сохранения культурного наследия. Именно они обеспечивают повседневное использование и поддержание объектов, передают нематериальные культурные практики и формируют социальный контекст существования объектов культурного наследия. Современные научные подходы подчёркивают, что без активного участия локальных групп любые охранные меры остаются формальными и неустойчивыми. Вовлечение местных сообществ в процессы управления наследием способствует повышению уровня ответственности и формированию устойчивых моделей использования объектов.

Роль местных сообществ особенно значима в условиях, когда государственные институты испытывают дефицит ресурсов или утрачивают контроль над охранными механизмами. В таких ситуациях именно локальные практики и традиционные формы использования становятся факторами относительной сохранности объектов культурного наследия. Однако отсутствие институциональной поддержки и профессионального сопровождения нередко приводит к тому, что эти практики не соответствуют требованиям научной реставрации и охраны.

Правовые и институциональные механизмы охраны культурного наследия в странах Ближнего Востока характеризуются значительной неоднородностью. Несмотря на формальное участие большинства государств региона в международных конвенциях, национальные системы охраны зачастую остаются фрагментарными и недостаточно эффективными. Основными проблемами являются

несовершенство законодательства, слабый контроль за его исполнением, недостаток финансирования и кадровый дефицит.

В ряде случаев охранные нормы носят декларативный характер и не подкреплены реальными механизмами реализации. Это создаёт разрыв между международными обязательствами и практикой охраны культурного наследия на национальном и локальном уровнях. Дополнительным фактором является ограниченное взаимодействие между государственными органами, местными властями и профессиональным сообществом, что препятствует выработке комплексных стратегий управления наследием.

В условиях социально-экономической нестабильности особую актуальность приобретает проблема институциональной устойчивости. Эффективная охрана культурного наследия невозможна без наличия специализированных органов управления, системы подготовки кадров и устойчивых источников финансирования. Отсутствие этих элементов приводит к фрагментарности охранных мероприятий и снижает их долгосрочную эффективность.

Перспективы устойчивого управления культурным наследием Ближнего Востока связаны с необходимостью интеграции охранных мероприятий в более широкие стратегии социально-экономического развития. Современные модели устойчивого управления предполагают отказ от изолированного подхода к охране объектов культурного наследия и переход к комплексным программам, учитывающим экономические, социальные и культурные интересы всех заинтересованных сторон. Ключевым элементом устойчивого управления является баланс между сохранением аутентичности объектов и их адаптацией к современным условиям. Такой баланс возможен лишь при условии научной экспертизы, прозрачных правовых механизмов и активного участия местных сообществ в принятии решений. В этом контексте культурное наследие рассматривается не как пассивный объект охраны, а как ресурс долгосрочного развития, способствующий укреплению социальной сплочённости и культурной идентичности. Особое значение приобретает развитие образовательных и просветительских программ, направленных на формирование у населения осознания ценности культурного наследия. Повышение уровня культурной компетентности способствует снижению конфликтного потенциала и формированию ответственного отношения к объектов культурного наследия. В долгосрочной перспективе именно такие программы создают основу для устойчивого взаимодействия между обществом и культурным наследием. Таким образом, социально-экономические факторы, институциональные механизмы охраны и перспективы устойчивого управления культурным наследием Ближнего Востока образуют единое проблемное поле, в рамках которого вопросы сохранения объектов культурного наследия неразрывно связаны с задачами социального развития и культурной политики. Решение этих задач требует комплексного подхода, основанного на согласовании интересов государства, местных сообществ и международного научного сообщества, а также на признании культурного наследия важнейшим элементом устойчивого будущего региона.

Представленный анализ проблем использования и сохранения недвижимых объектов культурного наследия Ближнего Востока позволяет рассматривать данную сферу как сложную и многомерную систему, формирующуюся

под воздействием исторических, социально-экономических, политических и культурных факторов. Недвижимое наследие региона представляет собой не только совокупность материальных объектов культурного наследия прошлого, но и важнейший ресурс коллективной памяти и культурной идентичности, сохранность которого имеет значение, как для стран Ближнего Востока, так и для мирового сообщества в целом.

Историко-культурная специфика региона, выражающаяся в глубокой хронологической стратификации объектов культурного наследия, их религиозной и символической значимости, а также включённости в повседневную жизнь местных сообществ, определяет особый характер проблем охраны и использования культурного наследия. Функциональная эксплуатация объектов, с одной стороны, способствует их социальной актуализации и физическому сохранению, с другой — при отсутствии научно обоснованных регламентов и институционального контроля становится фактором утраты аутентичности и разрушения исторической среды.

Особое место в системе угроз сохранности культурного наследия занимают вооружённые конфликты, последствия которых выходят далеко за рамки непосредственного физического разрушения объектов культурного наследия. Разрушение объектов культурного наследия в условиях военных действий сопровождается деградацией институциональных механизмов охраны, утратой профессионального знания и разрывом культурной преемственности, что значительно осложняет процессы постконфликтного восстановления и реабилитации исторической среды.

Анализ социально-экономических факторов и институциональных условий охраны культурного наследия показывает, что эффективность защитных мер напрямую зависит от уровня социального развития, устойчивости правовых механизмов и степени вовлечённости местных сообществ. В условиях экономической нестабильности и ограниченных ресурсов охрана объектов культурного наследия утрачивает приоритетность, однако именно локальные сообщества остаются ключевыми носителями культурной памяти и потенциальными партнёрами в реализации устойчивых моделей управления наследием.

Перспективы сохранения недвижимых объектов культурного наследия Ближнего Востока связаны с переходом от фрагментарных и реактивных мер к комплексным стратегиям устойчивого управления, основанным на междисциплинарном подходе, научной экспертизе и согласовании интересов всех заинтересованных сторон. Включение культурного наследия в стратегии социально-экономического развития, развитие образовательных программ и укрепление институциональной базы охраны представляются необходимыми условиями долгосрочного сохранения историко-культурного потенциала региона. Поэтому, сохранение культурного наследия Ближнего Востока следует рассматривать не как узкоспециализированную задачу охраны объектов культурного наследия, а как важнейший элемент гуманитарной безопасности и устойчивого развития региона. Утрата недвижимых объектов культурного наследия означает необратимую потерю ключевых свидетельств истории человеческой цивилизации, тогда как их сохранение и ответственное использование создают основу для культурного диалога, социальной стабильности и формирования устойчивого будущего региона.

Источники и литература

Аверьянов Л.Я. Культурное наследие: проблемы сохранения и использования. М.: Наука, 2004.

Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.

Долгий А.Н. Культурное наследие и туризм: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ, 2012.

Соловьев А.П. Туристское использование объектов Всемирного наследия на территории Российской Федерации. // Наследие и современность: Информ. сб. Вып. 21. М., 2014. С. 158.

Житенёв С.Ю. Управление объектами наследия: определение, виды, системы и организация деятельности. // Вопросы культурологии. № 8, 2015. С. 18–28.

ЮНЕСКО. Управление объектами Всемирного культурного наследия: Информ. руководство. Париж, 2013. — 322 с. [Электронный ресурс]. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/17_12_2014_1.pdf

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Butova Ritta Borisovna,
secretary of the Scientific Section of the IPO «IOPS»,
responsible editor of the Orthodox Palestinian Collection,
Senior Researcher at the Center for the History of Religion and the Church
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Historical Sciences
Russian Federation, Moscow
rittabutova@mail.ru

Smirnova Irina Yuryevna,
Member of the Editorial Board of the Orthodox Palestinian Collection,
Leading Researcher at the Center for the History of Religion and the Church
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Russian Federation, Moscow
irinasmirnowa@mail.ru

N.N. Lisovoy in Historical Science: bibliographic and source analysis

Abstract: The article presents a comprehensive analysis of sources and bibliography, as well as summarizes the results of a scientometric study of scientific literature dedicated to N.N. Lisovoy, an outstanding specialist in the history of Russia, the Russian Church and the Holy Land. Special attention is paid to assessing the perception of his works in such areas as Russian history, theology, the history of the Russian Church, the Byzantine tradition, canon law, as well as the cultural and spiritual heritage of Russia. The authors rely on previously little-known archival documents, field research materials and data from the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, we sought to identify the main directions in the study of Lisovoy's heritage. The paper analyzes the dynamics of attitudes towards his scientific ideas and discoveries, as well as the evolution of views on his contributions in various historical periods.

Keywords: Nikolay Nikolaevich Lisovoy, history of the Church, history of the Holy Land, Imperial Orthodox Palestine Society, historical sources, bibliography

Бутова Ритта Борисовна,
секретарь Научной секции МОО «ИППО»,
ответственный редактор ППС,
старший научный сотрудник Центра истории религии и Церкви
Института российской истории РАН,
кандидат исторических наук
Российская Федерация, Москва
E–mail: rittabutova@mail.ru

Смирнова Ирина Юрьевна,
член Редакционной коллегии ППС,
ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви
Института российской истории РАН,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, Москва
irinasmirnowa@mail.ru

Н.Н. Лисовой в исторической науке: библиографический и источниковедческий анализ*

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ источников и библиографии, а также обобщены результаты наукометрического исследования научной литературы, посвященной Н.Н. Лисовому — выдающемуся специалисту по истории России, Русской Церкви и Святой Земли. Особое внимание уделено оценке восприятия его трудов в таких областях, как российская история, богословие, история Русской Церкви, византийская традиция, каноническое право, а также культурное и духовное наследие России. Авторы, опираясь на ранее малоизвестные архивные документы, материалы полевых исследований и данные Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, стремились определить основные направления в изучении наследия Лисового. В работе анализируется динамика отношения к его научным идеям и открытиям, а также прослеживается эволюция взглядов на его вклад в различные исторические периоды.

Ключевые слова: Николай Николаевич Лисовой, история Церкви, история Святой Земли, Императорское Православное Палестинское Общество, исторические источники, библиография.

Статья поступила в Редакцию ППС 07.04. 2026 г.

---

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках совместной Программы Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи».

Введение

Научное наследие Н.Н. Лисового (1946–2019), одного из ведущих российских историков, вызывает значительный интерес у современных ученых благодаря его глубоким работам в области истории русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, православного паломничества, культурных и духовных связей России с другими странами, а также богословия, византийской литургической традиции и истории Русской Церкви.

Целью настоящего исследования является проведение источниковедческого и библиографического анализа научной историографии, относящейся к работам ученого. Такой подход позволяет систематизировать источники и обобщить опубликованные труды Н.Н. Лисового, выявить ключевые тенденции в изучении его наследия, проследить, как менялось отношение к его идеям и открытиям в разные периоды времени. Библиографический анализ включает в себя составление перечня основных публикаций, изучение их тематики, определение круга вопросов, которые получили наибольшее развитие, а также рассмотрение ссылок на работы Лисового в трудах других исследователей. Это дает возможность оценить реальный вклад ученого в развитие отечественной науки, определить степень востребованности его идей и выявить перспективные направления для дальнейших исследований. Кроме того, подобный анализ способствует сохранению памяти о научном пути Н.Н. Лисового и обеспечивает надежную основу для будущих поколений ученых, интересующихся историей Русской Палестины, Российской Церкви, богословием и культурными связями России.

Обзор литературы

Первая крупная статья, посвященная научному наследию Н.Н. Лисового, была подготовлена к его 60-летнему юбилею[1]. Ее авторами выступили близкие друзья и коллеги ученого — член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов, доктор исторических наук А.В. Назаренко и кандидат культурологии С.Ю. Житенёв. В своей работе, основанной на подробной научной биографии Лисового, они впервые провели комплексный анализ ключевых научных концепций и проблематики, которые находились в центре его исследовательского внимания.

Одним из центральных направлений церковно-исторических изысканий Н.Н. Лисового стала тема взаимоотношений Церкви и государства, или, точнее, Церкви и Империи. Он анализировал сложные процессы взаимодействия духовной и светской власти, рассматривая их как в исторической ретроспективе, так и в контексте современных ему вызовов. Особое место в творчестве Н.Н. Лисового занимала проблема преемственности русского и Вселенского Православия. Ученый рассматривал этот вопрос не только в богословском, но и в историко-культурном контексте, подчеркивая важность сохранения и развития православных

[1] *Житенёв С.Ю., Назаренко А.В., Щапов Я.Н.* Николай Николаевич Лисовой // Родное и вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового. М., 2006. С. 7–37.

традиций в России и их связи с мировым православием. Не менее значимой для него была история русского монашества. В своих трудах он исследовал эволюцию монашеской жизни, ее роль в формировании духовной культуры и национального самосознания, а также влияние монастырей на общественную и церковную жизнь России.

Авторы юбилейной статьи подчеркивали, что научное наследие Лисового не ограничивается только этими фундаментальными темами. В его работах значительное место занимают исследования по истории русского канонического права, а также труды, посвященные творческому вкладу представителей Церкви в развитие русской науки, культуры и духовности. Таким образом, научная деятельность Н.Н. Лисового отличалась широтой охвата и глубиной проработки самых разных аспектов церковной истории и культуры.

Появление в 2006 г. монографии Н.Н. Лисового «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX века»[2] стало заметным событием в научном сообществе и послужило поводом для публикации ряда рецензий[3]. В своих откликах ученые подчеркивали, что данная работа является первым в отечественной историографии сводным, новаторским и фундаментальным исследованием по данной теме. Монография заполнила существенную лакуну, долгое время существовавшую в российской исторической науке, поскольку ранее комплексный анализ русского присутствия в этом стратегически и духовно важном регионе не проводился на столь высоком уровне. Автору удалось не только обобщить разрозненные сведения, но и ввести в научный оборот новые архивные материалы, что позволило по-новому взглянуть на роль России в ближневосточных делах, на взаимодействие церковных и политических институтов, а также на культурные и паломнические связи.

Публикации библиографий трудов Н.Н. Лисового, которые выходили к юбилейным датам его жизни, а также после его кончины, представляют собой тщательно систематизированные перечни опубликованных работ ученого[4]. Эти библиографии наглядно отражают широту и разнообразие направлений его научной деятельности. В них собраны не только крупные монографии и статьи, но и многочисленные публикации, посвященные богословию, истории Русской Церкви, византийской традиции, каноническому праву, а также вопросам

---

2 *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006. 510 с.

3 *Щапов Я.Н., Белякова Е.В.* // Новая и новейшая история. 2006. № 6; *Хевролина В.М.* // Отечественная история. 2006. № 5. С. 162–164; *Герд Л.А.* // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 248–253; *Гина Мекрифите* // Московская перспектива. 4 апреля 2006. № 13. С. 4.

4 Библиография работ Н.Н. Лисового [Сост. Р.Б. Бутова с использованием библиографических материалов Н.Н. Лисового] // Родное и вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового. М., 2006. С. 405–429; Библиография трудов Н.Н. Лисового за 2007–2016 гг. (Сост. И.Ю. Смирнова) // Церковь в истории России. Сборник 11: К 70-летию Николая Николаевича Лисового. М., 2016. С. 338–348; *Бутова Р.Б.* Православное востоковедение. Библиография трудов Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 117. М., 2019. С. 27–65.

культурного и духовного наследия России. Такие публикации служат важным инструментом для исследователей, позволяя проследить эволюцию научных интересов Лисового и оценить его вклад в развитие сразу нескольких гуманитарных дисциплин.

Попытки оценить вклад Николая Николаевича Лисового в науку были предприняты уже вскоре после его кончины и нашли отражение в ряде поминальных статей, опубликованных коллегами и учениками[5]. Эти публикации стали не только данью памяти выдающемуся ученому, но и первыми шагами к систематическому осмыслению его обширного наследия. В последние годы этот процесс приобрел более структурированный характер: началось постепенное формирование самостоятельных научных направлений, посвященных исследованию творчества Лисового. Важным этапом в этом процессе стало открытие в 2020 г. в журнале «Христианство на Ближнем Востоке» специальной рубрики «Долг неоплатный. Памяти Николая Николаевича Лисового». В рамках этой рубрики были опубликованы уникальные материалы, позволяющие глубже понять многогранность его личности и научных интересов. Читатели смогли познакомиться с размышлениями ученого об иконографии и богословском смысле праздника Преображения Господня, а также с полными текстами интервью, записанных в разные годы, что дало возможность услышать его собственный голос по целому ряду актуальных вопросов. Кроме того, были обнародованы архивные материалы, включая один из вариантов сценария документального фильма, что свидетельствовало о широте его творческих замыслов, выходивших за рамки сугубо академических трудов[6].

Позднее научный интерес к наследию Лисового стал проявляться в форме целенаправленного анализа его взглядов и концепций. Ярким примером такой работы стала статья священника Димитрия Сафонова «Николай Николаевич

---

5 *Мельникова Л.В., Смирнова И Ю.* Николай Николаевич Лисовой (1946–2019) // Российская история. 2019. Выпуск 2 С. 214–218; *Бибиков М.В. Лисовой Н.Н.* Святая Земля: история и наследие. православный путеводитель. М.; СПб.: Издательство Олега Абышко, 2015. 415 с., илл. (памяти автора) // Каптеревские чтения. 2019. № 17. С. 226–230; *Назаренко А.В.* Памяти Николая Николаевича Лисового (1946–2019) // Журнал Московской Патриархии. 2019 № 3 С. 115–117; Памяти Николая Николаевича Лисового (1946–2019) // Православный Палестинский Сборник. 2019. Вып. 116. С. 375–378; *Иванов И.А.* Н. Н. Лисовой (1946–2019) — хранитель византийского предания // Русско-Византийский вестник. № 1 (2). СПб., 2019. С. 369–374.

6 *Сафонов Д.В.* Предисловие к учреждению рубрики ««Долг неоплатный». Памяти Николая Николаевича Лисового» // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 1. С. 126–130; *Лисовой Н.Н., Назаренко А.В.* Апостолам равная (фильм о святой великой княгине Ольге) //Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 1. С. 131–148; *Сафонов Д.В.* Н.Н. Лисовой о значении Куликовской битвы // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. No 2. С. 226–233; *Лисовой Н.Н.* Преображение Господне: иконография и смысл праздника // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 3. С. 118–143; *Лисовой Н.Н.* Беседа на «Народном радио» о Входе Господнем в Иерусалим и Страстной седмице // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 1. С. 166–176; *Сафонов Д.В.* Н.Н. Лисовой о воссоединении двух частей Русской Православной Церкви, 125-летнем юбилее Императорского православного палестинского общества в 2007 году // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 1. С. 139–166.

Лисовой: „Я — консерватор!“»[7]. В ней автор подробно исследовал творческое наследие ученого советского периода, акцентируя внимание на его приверженности консервативным подходам и традиционным ценностям. Особое внимание в статье уделялось междисциплинарному характеру исследований Лисового. Отец Димитрий анализировал его работы на стыке физики, философии и богословия, семиотики и лингвистики, истории и канонического права, историософии и политологии. Творчество Н.Н. Лисового рассматривалось в широком контексте эпохи, с учетом влияния на него выдающихся современников и наставников, среди которых автор называл В.В. Шульгина, архимандрита Иннокентия (Просвирнина) и других значимых фигур.

Наконец, стали появляться публикации, основанные на личных воспоминаниях самого Николая Николаевича, в которых детально изучалась его многолетняя и плодотворная работа в Императорском Православном Палестинском Обществе. Эти статьи позволяют воссоздать малоизвестные страницы его биографии и оценить практический вклад в сохранение и развитие русского присутствия в Святой Земле[8].

Анализ статистических данных

Представленные ниже данные получены благодаря информации, аккумулирующейся на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, крупнейшем российском информационно–аналитическом портале в области науки, технологии, медицины и образования, содержащей рефераты и полные тексты более 38 млн. научных публикаций и патентов. Основным критерием выборки стала аффилиация опубликованных работ Н.Н. Лисового с Институтом российской истории РАН. И хотя это сужает тематику публикаций ученого, поскольку вне поля зрения остались, например, научно–популярные и газетные статьи, но демонстрирует реальную востребованность работ именно научным сообществом.

Общие показатели

Материалы показывают общее состояние публикаций и цитирований работ Н.Н. Лисового российскими учеными. Всего учитывалось 796 ссылок на материалы 549 авторов, с суммарным числом цитирований, составляющим 3082 ед. Данные представлены по состоянию на 5 апреля 2026 г.

Показатель	Значение
публикации, включенные в РИНЦ	776
публикации, включенные в ядро РИНЦ	220

[7] *Сафонов Д.В.* Николай Николаевич Лисовой: «Я — консерватор!» (Обзор творчества Н. Н. Лисового в советский период) // Ортодоксия. 2023. № 4. С. 58–89.

[8] *Сафонов Д.В.* Н.Н. Лисовой о своей работе в Российском Палестинском Обществе в 1974–1989 годы // Christian Pilgrimage Review. 2023. Т. 1. № 1. С. 250–270.

статьи в журналах, включенных в Белый список (уровень 1) статьи в журналах, включенных в Белый список (уровень 2) статьи в журналах, включенных в Белый список (уровень 3) статьи в журналах, включенных в Белый список (уровень 4)	41 52 38 18
статьи в журналах, входящих в RSCI	134
статьи в журналах, входящих в Scopus (квартиль 1) статьи в журналах, входящих в Scopus (квартиль 2) статьи в журналах, входящих в Scopus (квартиль 3) статьи в журналах, входящих в Scopus (квартиль 4)	52 59 13 0
статьи в журналах, входящих в Web of Science (квартиль 1) статьи в журналах, входящих в Web of Science (квартиль 2) статьи в журналах, входящих в Web of Science (квартиль 3) статьи в журналах, входящих в Web of Science (квартиль 4) статьи в журналах, входящих в Web of Science (нет квартиля)	0 36 12 5 44
статьи в российских журналах, включенных в перечень ВАК (категория 1) статьи в российских журналах, включенных в перечень ВАК (категория 2) статьи в российских журналах, включенных в перечень ВАК (категория 3)	144 102 59

Распределение публикаций по тематическим рубрикам

Анализ тематического спектра научных публикаций позволяет сделать вывод о наличии выраженной специализации Н.Н. Лисового. Ведущее место занимают работы по истории и историческим наукам. Именно эта категория формирует основной массив публикаций, цитирующих труды ученого. Остальные тематические направления имеют значительно меньший объем публикаций, и это наглядно демонстрирует фокус исследовательского интереса Лисового. Но такая структура тематических рубрик подчеркивает и широту научного кругозора Н.Н. Лисового, который, не ограничиваясь узкой специализацией, сохранял четкий вектор в своих основных изысканиях, направленный на историческое и историософское осмысление симфонии Церкви и Государства, что позволяет говорить о нем как об историке с обширным спектром исследовательских компетенций.

Топ–10 тематических рубрик

Тематика	Количество публикаций
История. Исторические науки	1124
Религия. Атеизм	120
Языкознание	44
Литература. Литературоведение	43
Философия	31
Культура. Культурология	14
Искусство. Искусствоведение	12
Народное образование. Педагогика	8
Государство и право	7
Политика	7

Ключевые слова

Анализ семантического ядра научных публикаций, проведенный на основе частотности встречаемости ключевых слов, позволяет выявить устойчивые тематические доминанты в современном исследовательском дискурсе. Наиболее высокую частоту употребления демонстрируют термины, относящиеся к Святой Земле, Императорскому Православному Палестинскому Обществу и феномену православного паломничества. Такая концентрация лексических единиц не является случайной и служит надежным маркером, указывающим на специфику научных интересов ученых, цитирующих труды Н.Н. Лисового. Она позволяет сделать обоснованный вывод о том, что основной фокус большинства исследований направлен на изучение многогранной истории русского присутствия на Ближнем Востоке.

Топ–10 ключевых слов

Ключевое слово	Частота
Императорское Православное Палестинское Общество	132
Святая Земля	88
Палестина	84
Holy Land	80
Palestine	80
Imperial Orthodox Palestine Society	72
Паломничество	57
Православие	55
Иерусалим	52
Pilgrimage	52

Публикации в журналах

Анализ публикационной активности и цитируемости работ Н.Н. Лисового позволяет сделать вывод о высокой востребованности его трудов в научном сообществе. Подавляющее большинство статей, ссылающихся на его исследования, выходит на страницах профильных периодических изданий, что свидетельствует о целенаправленном интересе к его наследию со стороны специалистов.

География цитирования охватывает как общеисторические журналы, так и узкоспециализированные издания, сфокусированные на религиозной проблематике и истории Церкви, при этом наиболее весомый вклад в формирование научного дискурса вносят публикации, выпускаемые ведущими академическими и церковными центрами. Ключевую роль здесь играют журналы Института российской истории РАН, где его работы рассматриваются в широком контексте отечественной истории, но не менее значимы издания Императорского Православного Палестинского Общества, специализирующиеся на русско-палестинских связях, а также периодика ведущих учебных заведений Русской Православной Церкви.

Топ–10 журналов

Название журнала	Количество статей
Православный Палестинский Сборник	58
Христианство на Ближнем Востоке	39
Христианское чтение	15
Вестник Православного Свято–Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История РПЦ	11
Российская история	11
Электронный научно–образовательный журнал «История»	11
Вестник Екатеринбургской духовной семинарии	10
Иерусалимский православный семинар	9
Клио	9
Научный диалог	9

Организации

Анализ институциональной принадлежности авторов, работающих в русле тематики Н.Н. Лисового, показывает, что исследования ведутся в рамках двух, взаимодополняющих систем — академической науки и духовного образования. С одной стороны, безусловным лидером является Институт российской истории, крупный научный институт системы РАН, который задает методологические стандарты и обеспечивает фундаментальность подходов. Работы ученых системы РАН позволяют рассматривать историю религии не изолированно, а в широком социально-политическом и культурном контексте развития государства. С другой стороны, ключевую роль играют учебные заведения РПЦ, которые выступают не просто как образовательные центры, но и как серьезные научные школы. Именно тесное взаимодействие и научный диалог между академическими институтами РАН, высшими учебными заведениями и церковными учебными заведениями формируют новое поколение исследователей, способных работать на стыке светской исторической науки, богословия и церковной истории, что обеспечивает комплексный подход к изучению наследия Лисового.

Топ–10 организаций

Организация	Количество статей
Институт российской истории РАН	60
Санкт–Петербургская духовная академия	30
Нижневартовский государственный университет	28
Санкт–Петербургский государственный университет	28
Институт восточных рукописей РАН	27
Санкт–Петербургский институт истории РАН	27
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	27
Московский педагогический государственный университет	25
Православный Свято–Тихоновский гуманитарный университет	22
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена	22

Авторство

Для выявления круга ученых, формирующих современное исследовательское поле в русле идей Н.Н. Лисового, был проведен количественный анализ базы данных научного цитирования eLIBRARY.RU. Использование информационно-аналитического портала позволило составить рейтинг авторов, наиболее часто ссылающихся на труды Н.Н. Лисового, и определить топ-10 наиболее активных исследователей.

Составленный перечень авторов не является случайным набором имен. Он объективно отражает ядро научного сообщества, которое активно использует наследие Н.Н. Лисового в качестве методологической основы (или источника фактического материала). Указанные исследователи, регулярно цитируя работы Н.Н. Лисового, выступают непосредственными участниками развития научной дискуссии. Их деятельность сосредоточена на ключевых направлениях современной гуманитаристики — истории России и истории Церкви, что подтверждает преемственность и актуальность вклада Н.Н. Лисового в эти дисциплины.

Топ–10 авторов

Автор	Количество статей
Смирнова Ирина Юрьевна	35
Цысь Ольга Петровна	26
Герд Лора Александровна	25
Грушевой Александр Гаврилович	25
Цысь Валерий Валентинович	24
Лисовой Николай Николаевич	22
Бутова Ритта Борисовна	15
Кондаков Юрий Евгеньевич	14
Исаченко Татьяна Александровна	11
Полунов Александр Юрьевич	11
Сафонов Дмитрий Владимирович	11

Годы публикаций

На основе анализа данных можно сделать вывод о том, что период наибольшего цитирования приходится на 2011–2023 гг., когда наблюдается устойчивый рост, который достиг своего пика в 2023 г. (79 публикаций).

Год	Количество
2000	1
2002	3
2003	4
2004	1
2005	4
2006	6
2007	4

2008	14
2009	20
2010	14
2011	18
2012	29
2013	28
2014	30
2015	38
2016	37
2017	59
2018	58
2019	57
2020	62
2021	66
2022	59
2023	79
2024	69
2025	35
2026	1

Тип публикации

При детальном рассмотрении структуры массива публикаций, цитирующих труды Н.Н. Лисового обращает на себя внимание колоссальный разрыв между лидирующей позицией типа публикаций и остальными категориями. Абсолютное преобладание научных статей в журналах над всеми остальными типами работ (суммарно около 250) подчеркивает приоритетный характер именно журнальной публикации для исследователей. Это говорит о высокой степени формализации научного процесса и ориентации авторов на показатели, связанные с изданием статей в рецензируемых журналах. В то же время наличие полного спектра научных продуктов — от диссертаций и монографий до учебных пособий и рецензий — позволяет утверждать, что исследуемая проблематика имеет не только сиюминутную актуальность, но и фундаментальное значение, являясь предметом глубокого теоретического осмысления и академического преподавания.

Топ-10 типов публикаций

научная статья в журнале	498
статья в сборнике трудов конференции	97
монография	64
диссертация	37
статья в сборнике статей	26
учебное пособие	12
обзорная статья в журнале	11

глава в книге	9
рецензия в журнале	7
статья в журнале — персоналия	6

Диссертационные исследования

Анализ использования трудов Н.Н. Лисового в диссертационных исследованиях служит весомым показателем их научной ценности и востребованности. Обращение к данным диссертаций выявляет 37 работ, в которых его публикации цитировались 246 раз. Эти цифры убедительно доказывают высокий авторитет ученого как в широком научном сообществе, так и среди нового поколения исследователей. Преобладание цитирований в работах по историческим дисциплинам акцентирует фундаментальный вклад Н.Н. Лисового в изучение российской истории. Особенно показательным является список диссертаций с наиболее высокой частотой ссылок на его труды:

«История Санкт–Петербургской духовной академии (1889–1919 гг.)» (Карпук Д.А., 2008 г.), 33 цитирования;

«Русская православная церковь в государственных отношениях в XIX — начале XX вв.» (Ершов Б.А., 2012 г.), 30 цитирований.

«Образ совершенного человека в православной антропологии» (Остапенко М.А., 2002 г.), 22 цитирования

«Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX — начала XX веков» (Репников А.В., 2006 г.), 19 цитирований

«Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина» (Бабков Д.И., 2008 г.), 18 цитирований;

Эти работы свидетельствуют о признании в научном сообществе трудов Н.Н. Лисового, как ученого–историка, глубоко понимавшего специфику церковно–государственных отношений, историческую роль духовенства, влияние религиозных факторов на развитие российского государства.

Анализ источников

Для изучения биографии и научной деятельности Н.Н. Лисового был использован комплекс источников.

Научный архив ИППО

Архив Н.Н. Лисового, поступивший в МОО «ИППО» летом 2019 г., состоит из 52 картонов и включает 854 единицы хранения[9]. Это биографические материалы и личная документация, дневники, автобиографии и ранние заметки, датируемые 1970–ми гг. Раздел по научной, издательской и просветительской деятельности охватывает всю научную работу Лисового, включая публикации, проекты, сценарии фильмов и лекции:

[9] *Житенёв С.Ю., Соломина О.Л.* Краткая справка об архивном фонде Лисового Н.Н. В архиве МОО «ИППО» // Православный Палестинский Сборник. 2025. Вып. 124. С. 268–273.

- Деятельность в ИППО: уставы, протоколы заседаний, планы работы.
- Научная и издательская деятельность: авторефераты диссертаций, отчеты, договоры с издательствами.
- Переписка: письма коллег, поздравлений, рукописные подписи известных деятелей.
- Юбилеи, награды: грамоты, благодарности, памятные документы.
- Программы конференций: приглашение и программы научных мероприятий.
- Статьи, выступления, рецензии: опубликованные статьи, тематики лекций.
- Подготовительные материалы: рабочие материалы к статьям и проектам.
- Сценарии и заявки на фильмы: концепции документальных проектов.
- Лекции и беседы: стенограммы лекций, интервью, беседы на радио.
- Совместные работы: исследования, проведенные совместно с коллегами.
- Документальные публикации: верстки публикаций и документов.
- Черновые записи: наброски идей, выписанные цитаты, подборки литературы.
- Стихи: литературные произведения автора.

В архиве хранятся также копии исследований и статей других ученых, архивных документов, использовавшихся Н.Н. Лисовым для своей научной деятельности. Большой раздел связан с подготовкой масштабной выставки «Россия в Святой Земле», которая прошла в июне 2012 г. в Центральном выставочном зале «Манеж» и была приурочена к 130–летию Императорского Православного Палестинского Общества. Коллекция фотографий включает фото, отображающие посещение Святой Земли и мероприятия, организованные ИППО.

Таким образом, архив является ценным источником для изучения научной и общественной деятельности Н.Н. Лисового и представляет собой обширный массив исследовательских материалов и уникальных документов, практически не введенных в научный оборот.

Научно–исследовательский отдел рукописей РГБ Ф. 850 Брюсова Вера Григорьевна (1917–2006)

Брюсова Вера Григорьевна, известный знаток древнерусского искусства, реставратор монументальной и станковой живописи, общественный деятель, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии РСФСР (1986) — участвовала в раскрытии икон «Васильевского чина» работы прп. Андрея Рублева, была автором нескольких фундаментальных монографий, посвященных русской иконописи и развития русского искусства.

Обращение к фонду В.Г. Брюсовой было связано с появлением летом 2023 г. статьи «Как «Троица» стала главной иконой Советского Союза»[10], рассказывающей о процессе признания иконы Троицы, написанной Андреем Рублевым, символом русской культуры в советское время. Авторы статьи подчеркивали, что популярность иконы возросла благодаря историческим обстоятельствам периода Великой Отечественной войны, когда возникла необходимость

[10] https://web.archive.org/web/20230604114834/https://holod.media/2023/06/04/pravoslavnyj-brend-dlya-sssr/ (дата обращения 25.12.2025)

в укреплении национального самосознания и прославления исторических личностей, таких как св. Александр Невский и св. Димитрий Донской. Особенно важным событием стало появление публикации М.А. Алпатова в 1943 г., где он назвал Рублева «русским художником XV века»[11], закрепив этот термин официально. Ключевую роль сыграл П.Д. Барановский, предложивший установить точную дату смерти Рублева и приписавший ему строительство Спасского собора в Андрониковом монастыре. Несмотря на отсутствие доказательств, идея получила поддержку профессиональных кругов, включая архитектора Алексея Щусева и писателя Ильи Эренбурга. Эта инициатива привела к созданию музея в Андрониковом монастыре, популяризации образа художника среди широкой публики и вдохновила режиссера Андрея Тарковского на создание одноименного фильма, вышедшего в 1971 г. Фильм способствовал формированию представления о Рублеве как главном художнике Средневековой Руси и иконе Троицы как важнейшем произведении русского искусства. Авторы статьи считали, что религиозный культ Рублева формировался вне влияния Русской Православной Церкви.

С этим мнением трудно не согласиться, за 35 лет советской истории «Журнала Московской Патриархии» и восстановленных в 1970-е гг. о. Иннокентием (Просвирниным) «Богословских трудов», лишь 5 материалов были посвящены иконе Троицы и Андрею Рублеву, причем 4 статьи вышли в официальный юбилейный 1960 год[12].

В 1980 г. «Журнал Московской Патриархии» опубликовал статью «Преподобный Андрей Рублев, иконописец», в которой впервые было сформулировано положение о святости Андрея Рублева. Статья была подписана именами «В. Смирнов» и «А. Вольгин»[13]. Авторы упомянутого выше интернет материала считали, что это были псевдонимы В.Г. Брюсовой и Н.Н. Лисового.

К сожалению, внутреннего архива «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП) 1970–1980-х гг. сегодня не существует, он не пережил многочисленных реорганизаций последних 30 лет. К тому же, листы авторских статей в наиболее трудные, 1990–е гг., использовались дважды, архив номеров с сигнальными экземплярами не сохранился. Что касается псевдонима «В. Смирнов», то получить точную и исчерпывающую информацию пока не удалось. Но, ни до, ни после 1980 г. ни одной статьи такого авторства в ЖМП опубликовано не было, более того, в фонде Веры Григорьевны Брюсовой в НИОР РГБ не найдено материалов с таким

---

11 *Алпатов М.А.* Андрей Рублев. М.-Л., 1943. 24 с.

12 *М.В. [Виноградов М.].* Андрей Рублев // Журнал Московской Патриархии. М., 1944. №10. 22–24; *Иванов Н., кандидат богословия.* Андрей Рублев (к 600-летию со дня рождения) // Журнал Московской Патриархии. М., 1960. №6. 40–53; *Голубцов Н., священник.* Пресвятая Троица и Домостроительство (об иконе инока Андрея Рублева) // Журнал Московской Патриархии. М., 1960. №7. 32–40; *Васильев А. [Ведерников А.В.].* Андрей Рублев и Григорий Палама // Журнал Московской Патриархии. М., 1960. №10. 33–44; *Воронов Л.А., протоиерей, профессор ЛДА.* Андрей Рублев — великий художник древней Руси // Богословские труды. М., 1975. №14 (БТ). 77–94.

13 *Смирнов В., Вольгин А.* Преподобный Андрей Рублев, иконописец // Журнал Московской Патриархии. № 7. М., 1980. С. 69–79.

автографом. В 2006 г. при подготовке к 60–летию Н.Н. Лисового он сам указал, что «А. Вольгин» был общим псевдонимом, которым подписывались в Журнале Московской Патриархии о. Иннокентий (Просвирнин), Н.Н. Лисовой и некоторые другие авторы.

Статьи в ЖМП, подписанные «А. Вольгин»:

Заступник и светильник Отечества (в связи с 750–летием со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского) // Журнал Московской Патриархии. М., 1970. №9. 62–75.

Памяти епископа Виссариона Нечаева (1822–1872) // Журнал Московской Патриархии. М., 1972. №2. 70–78[14].

О таинстве Евхаристии // Журнал Московской Патриархии. М., 1972. №3. 64–73.

Святой блаженный Николай Псковский (к 400–летию со дня кончины) // Журнал Московской Патриархии. М., 1976. №1. 70–74.

Вечная память почившим [Лебедев В. Ф., регент, Москва] // Журнал Московской Патриархии. М., 1976. №3. 35–36.

Преподобный Ферапонт Белозерский, Можайский (к 550–летию со дня преставления) // Журнал Московской Патриархии. М., 1976. №6. 77–80.

Митрополит Киевский Петр, Святитель Московский // Журнал Московской Патриархии. М., 1976. №12. 61–66.

Преподобный Савва Звенигородский (к 570–летию со дня преставления) // Журнал Московской Патриархии. М., 1977. №1. 73–75.

Преподобный Александр Свирский // Журнал Московской Патриархии. М., 1978. №8. 73–76.

Святой Блаженный Василий, Московский чудотворец // Журнал Московской Патриархии. М., 1977. №8. 75–79.

Святой благоверный Даниил, великий князь Московский // Журнал Московской Патриархии. М., 1977. №10. 71–73.

К 500–летию освобождения Руси от монголо–татарского ига // Журнал Московской Патриархии. М., 1980. №2. 72–78.

Смирнов В., Вольгин А. Преподобный Андрей Рублев, иконописец // Журнал Московской Патриархии. М., 1980. №7. 69–79.

Святыня земли Русской // Журнал Московской Патриархии. М., 1980. №8. 61–68.

Возникает вопрос, были ли знакомы Н.Н. Лисовой и В.Г. Брюсова? Ответ дают документы НИОР РГБ. В архивном фонде Брюсовой хранятся материалы с конца XIX в. по 1990–е гг., это 1336 ед. хр., среди них есть одна папка в 29 л., которая содержит 12 стихотворных сочинений Н.Н. Лисового 1964, 1968, 1969, 1972–73 гг. (Карт. 27, ед. хр. 22). Более того, Веру Григорьевну и Николая Николаевича явственно объединяла общность взглядов на историю России и Русской Церкви. На сегодняшний день существуют большие сомнения относительно авторства Н.Н. Лисового статьи об Андрее Рублеве. Но мог бы он её

[14] Эта статья была указана Н.Н. Лисовым как исключительно его авторства.

написать, — без сомнения, об этом говорит, в частности, поэтическое описание Ордена Андрея Рублева Русской Православной Церкви[15].

Ф. 860 Жуковская Лидия Петровна (1920–1994)

Личный фонд Лидии Петровны Жуковской, доктора филологических наук, известного отечественного лингвиста, палеографа, специалиста по евангелистариям, содержит материалы 1913–1990 гг., общим объемом 3742 ед. хр. Картон 7, ед. хр. 1–36 включает документы Православного Палестинского Общества при АН СССР, членом которого Лидия Петровна состояла, возглавляя секцию «Литературные связи Востока и Запада». Именно при Жуковской Н.Н. Лисовой в 1973 году получил приглашение войти в состав Палестинского Общества, а 15 января 1974 г. стал его членом. В фонде, в частности, хранятся тезисы выступления Н.Н. Лисового на заседании РПО 14 октября 1977 г. (Карт. 7, ед. хр. 14. 10 лл.). Это автограф Н.Н. Лисового с пометами на полях Л.П. Жуковской.

Ф. 862 Иннокентий, архимандрит (Просвирнин Анатолий Иванович; 1940–1994)

Архивный фонд архимандрита Иннокентия, богослова, археографа, историка Русской Церкви, преподавателя Московской духовной академии, редактора «Журнала Московской Патриархии» и «Богословских трудов», включает 1680 ед. хр. (XIX в.–1994 г.). Фамилия Н.Н. Лисового упоминается в 35 делах. Документы относятся преимущественно к концу XX в. и касаются культурных, религиозных и научных мероприятий, организованных Русской Православной Церковью и Российским Палестинским Обществом. Документы представлены в систематизированном порядке и охватывают широкий спектр тематик, начиная от подготовки юбилейных торжеств и заканчивая научными исследованиями и публикациями.

По темам документы распределяются следующим образом: подготовка праздничных мероприятий (рапорты и отчеты о подготовке и проведении значимых юбилеев, таких как 1000–летие Крещения Руси (1986 г.) и выставка «Русская книжность 1000 лет» (1991 г.); исследования и публикации (здесь значительное внимание уделено научным исследованиям и публикациям, связанным с древнерусскими рукописными памятниками, в частности, научному сопровождению факсимильного издания Остромирова Евангелия (1987 г.); ряд документов отражает деятельность РПО при АН СССР, включая приглашение на конференцию «Сергий Радонежский и традиции русской духовности» (1992 г.) и письмо о праздновании 110–летия ИППО (1992 г.); документы касающиеся подготовки житий святых и биографий известных деятелей Церкви; материалы связанные с международными связями и сотрудничестве.

Архивные документы фонда архимандрита Иннокентия представляют собой ценнейший источник для изучения научной, культурной и религиозной жизни СССР. Они позволяют проследить развитие научного интереса

---

[15] Награды Русской Православной Церкви / С предисл. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. 80 с.; То же. Изд. 2-е, доп. М., 2003. — 88 с.

к древним памятникам письменности в 1970–1980-е гг., поиск форм сотрудничества деятелей светской и церковной науки. Дальнейшее изучение этих материалов позволит существенно обогатить представление о путях профессионального становления Н.Н. Лисового и формирования его научного интереса к истории Святой Земли.

Ф.891 Бовыкин Валерий Иванович (1927–1998)

Архивный фонд Валерия Ивановича Бовыкина, профессора Московского университета им. М.В. Ломоносова, историка экономики и банковского дела России и Западной Европы XIX в., включает 3428 ед. хр., (1949–1998 гг.). В материалах фонда отложился реферат Н.Н. Лисового на сборник эссе известного американского психолога Эрика Эриксона: Erikson E.H. Life History and the Historical Moment. N.Y., 1975 (Эриксон Э.Г. История жизни и исторический момент). Книга включает девять статей, большинство из которых написаны в конце 1960-х — первой половине 1970-х гг. и отражают социальные и политические изменения эпохи. Работа по реферированию была выполнена Н.Н. Лисовым в период работы на философском факультете МГУ (Карт. 174, ед.хр. 27. 3 лл. 1976 г.).

Другие архивы, хранящие документы Н.Н. Лисового

В Научно-ведомственном архиве Государственного Исторического музея и Научном архиве Института российской истории РАН отложились небольшие комплексы документов Н.Н. Лисового, позволяющие уточнить некоторые даты в его биографии.

Интервью с Н.Н. Лисовым и с его друзьями и коллегами

Важной частью исследовательской работы являлось проведение «полевых исследований», заключавшихся в проведении интервью с близкими к Н.Н. Лисовому современниками — историками, дипломатами, журналистами, коллегами и друзьями.

Особое внимание было уделено применению устной истории как направления современных исторических исследований. Ключевое отличие устной истории состоит в том, что она основывается на личных рассказах и воспоминаниях очевидцев, позволяя глубже проникнуть в суть исторического процесса. Однако наряду с преимуществами возникают и проблемы, поскольку человеческий фактор, связанный с памятью, может искажать факты, но именно через личные истории возможно раскрыть внутренние мотивы и рецепции людей.

В этих целях были проанализированы несколько интервью, взятых в разное время. Во-первых, это интервью И.Ю. Смирновой у самого Н.Н. Лисового в 2017 г., в котором он изложил важные факты своей жизни, способствовавшие формированию его как историка Православного Востока, взгляды на принципы изучения истории российско-ближневосточных межцерковных связей, истории межведомственного взаимодействия российских государственных и церковных структур и формирования российской собственности в Святой Земле. Речь идет об интервью, взятого у Н.Н. Лисового, посвященном 70-летию со дня рождения А.В. Назаренко, в котором раскрывается позиция двух выдающихся академических

ученых — историков, богословов, поэтов, членов Императорского Православного Палестинского Общества — в отношении науки, православия, поэзии.

Академические ученые — историки, филологи с поистине безграничным кругозором — они были в то же время философами, богословами, поэтами, знатоками и ценителями живописи, музыки, кино и литературы. Но прежде всего их объединяла любовь к истории Церкви, в которой особое место отводилось истории Византии и Святой Земли. Не удивительно, что их пути пересеклись в 1990-х на одной из византологических конференций, с которой берет начало сначала знакомство, а затем и трогательная дружба этих неординарных, столь непохожих и в то же время близких по духу людей. В основании этого союза лежала любовь к Церкви, к России, к Святой Земле.

Центральной темой и для Лисового, и для Назаренко была тема Церкви и Империи, которая получила освещение не только в научных трудах, но и в стихотворных строках, посвященных становлению христианства как господствующей религии.

Н.Н. Лисовой, который причислял А.В. Назаренко «к редчайшему кругу историков, для которых интуиция Христианской Империи является едва ли не главной в научном творчестве»[16], подчеркивал фундаментальность концепции Назаренко, согласно которой «в христианской картине истории Царство неотделимо от Церкви... Царство в собственном смысле слова может быть только христианским, более того — только православным, ибо иначе оно теряет свое историософское оправдание»[17]. На формирование этой базовой идеи, пронизывающей весь корпус научных трудов А.В. Назаренко, повлиял, как отмечал Лисовой, прежде всего сознательный выбор веры, квинт-эссенцией которого в научной сфере стало осознание, что «история есть поле богочеловеческого взаимодействия»[18]. Безусловно, к тому же кругу принадлежал и Лисовой, разделявший сформулированные А.В. Назаренко критерии к методам и принципам церковного историка как «историка, работающего в сознании своей принадлежности к Церкви»[19].

Одним из важнейших терминов, используемых Лисовым, было понятие «Круговой обороны». Концепция, к которой он пришел в начале 1960-х годов, включала для него не только общепринятое значение, известное из военной практики, где под круговой обороной понимается вид обороны, организуемый в целях длительного удержания занимаемых позиций при отражении атак со всех возможных направлений и при угрозе окружения противником. «Круговая

---

16 *Лисовой Н.Н.* Александр Назаренко или Еще раз о методе православного историка // История: дар и долг: юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.-СПб., 2010. С. 6.

17 *Назаренко А.В.* Россия и Запад в свете их генезиса из единой christianitas // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия: [Сб. ст.] / Отв. ред. М. Н. Громов. М.: РАН. Ин-т философии, 2004. С. 60.

18 *Назаренко А.В.* О методе православного историка // Сборник в честь 60-летия Н.Н. Лисового. 2006. С. 264.

19 Там же. С. 251. См. также: *Лисовой Н.Н.* Александр Назаренко или Еще раз о методе православного историка // История: дар и долг: юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.-СПб., 2010. С. 3–11.

оборона, — говорил Лисовой, — состоит в том, что мы берем на себя ответственность. Имеем свою позицию, а иногда и можем сделать вклад по всему спектру научных, культурных, творческих направлений». То есть под «круговой обороной», по определению Лисового, понималась незаурядность, всесторонность, гениальность и прежде всего — ответственность — за честность и принципиальность во всех сферах, с которыми соприкасался, и, конечно, в исторической науке[20].

Интерес к культурному и святоотеческому наследию Византии и истории ближневосточной цивилизации закономерно привел ученого к многолетнему сотрудничеству с Императорским Православным Палестинским Обществом, членами которого Лисовой был с 1974 г. Научные и паломнические поездки в Грецию, Сирию, Ливан, на Афон и в Святую Землю — Израиль и Палестину — дали новый импульс его научным изысканиям, сделав его крупнейшим специалистом в области православного востоковедения и русско–ближневосточных связей.

В июле–сентябре 2025 г. Р.Б. Бутовой были записаны интервью с друзьями и коллегами Н.Н. Лисового. Среди них — руководитель Научной секции МОО «ИППО» С.Ю. Житенёв, Чрезвычайный и полномочный посол П.В. Стегний, руководитель Дома ученых им. Александрова НИЦ «Курчатовский институт» И.В. Федосеева, журналист, в прошлом главный редактор газеты «Московский строитель» Л.Г. Калинина. Исходные файлы интервью планируется передать на хранение в Научный архив ИППО, в фонд Н.Н. Лисового.

Полученный материал служит ценным источником для изучения научного и творческого наследия Н.Н. Лисового. Индивидуальные интервью как методы полевой работы, не получившие широкого распространения в исторической науке, послужат ценным источником для проведения научного исследования, посвященного биографии и изучению трудов Н.Н. Лисового. Применение методов интервью и опросов позволило выявить важные факторы, повлиявшие на формирование историка как исследователя и эксперта по проблематике российско–ближневосточных конфессиональных связей, церковной дипломатии на Ближнем Востоке, русского присутствия в Святой Земле. Таким образом, устная история обогащает исторический дискурс, расширяя спектр возможностей для изучения наследия Н.Н. Лисового.

Заключение

Таким образом, анализ данных показывает, что научные работы Н.Н. Лисового являются важным источником информации для ученых, занимающихся изучением истории России. Его труды активно используются в исследованиях, что подтверждает их научную ценность и актуальность. Результаты осуществленного библиографического анализа научной историографии, относящейся к работам ученого свидетельствуют о том, что научная деятельность Н.Н. Лисового охватывала широкий спектр научной тематики, но особое место занимали

[20] *Смирнова И.Ю.* Н.Н. Лисовой и А.В. Назаренко: на перекрестках судьбы // Православный Палестинский Сборник. Вып. 124. М., 2025. С. 334–348.

изучение русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, исследование истории Русской Православной Церкви, отношение Церкви и государства и др. Критико–биографическая оценка научного вклада Лисового впервые была проведена в работах, приуроченных к его юбилейным датам. Высокое мнение, сложившееся в академическом сообществе о фундаментальной монографии Николая Николаевича, продемонстрировало признание научной ценности труда ученого. Современные исследователи продолжают расширять границы понимания роли и значения Лисового в формировании исторических парадигм современной науки, отмечая особую значимость интегративного подхода к изучению его взглядов и наследия.

Проведенный статистический анализ цитирований работ Н.Н. Лисового российскими учеными показывает преобладание исторических исследований среди опубликованных материалов. Высокий уровень активности крупных государственных институтов и светских и церковных образовательных учреждений подтверждает важность направлений и тем исследований Лисового в современном российском научном сообществе. Важнейшими темами остаются изучение Святой Земли и паломничества, истории ИППО, что подчеркивает значимость исторического контекста в формировании современного понимания религиозных традиций и культурных взаимодействий. Эти темы отражают глубокую связь между историей и современностью, подчеркивая роль религии и культуры в формировании национальной идентичности и межкультурного диалога. Немногочисленные пока исследования, посвященные трудам Лисового, демонстрируют устойчивую тенденцию сохранения влияния традиционных научных центров России — Московской и Петербургской школ. Эта традиция имеет глубокие исторические корни и обусловлена особенностями развития науки в обеих столицах.

Для изучения биографии и научной деятельности Н.Н. Лисового был использован комплекс источников. Ключевым стал его личный архив, переданный в ИППО в 2019 г., который содержит множество личных материалов.

Работа с фондом В.Г. Брюсовой в НИОР РГБ была инициирована статьей 2023 г., приписывавшей Н.Н. Лисовому соавторство в публикации о прп. Андрее Рублеве под псевдонимом. Хотя его авторство вызывает большие сомнения, анализ его работ подтверждает такую возможность. Ценными для исследования оказались фонды архимандрита Иннокентия (Просвирнина) и Л.П. Жуковской в НИОР РГБ, освещающие научную жизнь СССР 1970–1980-х, а также небольшие коллекции документов в ГИМ и ИРИ РАН.

Дополнительно были проведены «полевые исследования»: проанализировано интервью с самим Лисовым 2017 г. и взяты новые интервью у его коллег и друзей в 2025 г. Записи этих бесед планируется передать в научный архив ИППО.

В целом уже первые шаги по изучению научного наследия Н.Н. Лисового, показали, что анализ его деятельности как историка и крупнейшего специалиста в области православного востоковедения, оценка его вклада в церковно–историческую науку, в историю Церкви и Святой Земли является актуальным и востребованным в современной исторической науке.

Источники и литература

Алпатов М.А. Андрей Рублев. М.-Л., 1943. 24 с.

Бибиков М.В. Лисовой Н.Н. Святая Земля: история и наследие. православный путеводитель. М.; СПб.: Издательство Олега Абышко, 2015. 415 с., илл. (памяти автора) // Каптеревские чтения. 2019. № 17. С. 226–230.

Библиография работ Н.Н. Лисового [Сост. Р.Б. Бутова с использованием библиографических материалов Н.Н. Лисового] // Родное и вселенское. К 60 летию Николая Николаевича Лисового. М., 2006. С. 405–429.

Библиография трудов Н.Н. Лисового за 2007–2016 гг. (Сост. И.Ю. Смирнова) // Церковь в истории России. Сборник 11: К 70 летию Николая Николаевича Лисового. М., 2016. С. 338–348.

Бутова Р.Б. Православное востоковедение. Библиография трудов Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 117. М., 2019. С. 27–65.

Васильев А. [Ведерников А.В.]. Андрей Рублев и Григорий Палама // Журнал Московской Патриархии. М., 1960. №10. 33–44.

Воронов Л.А., протоиерей, профессор ЛДА. Андрей Рублев — великий художник древней Руси // Богословские труды. М., 1975. №14 (БТ). 77–94.

Герд Л.А. Рецензия на: Н.Н. Лисовой. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006 // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 248–253.

Гина Мекрифите. Рецензия на: Н.Н. Лисовой. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006 // Московская перспектива. 4 апреля 2006. № 13. С. 4.

Голубцов Н., священник. Пресвятая Троица и Домостроительство (об иконе инока Андрея Рублева) // Журнал Московской Патриархии. М., 1960. №7. 32–40.

Житенёв С.Ю., Назаренко А.В., Щапов Я.Н. Николай Николаевич Лисовой // Родное и вселенское. К 60 летию Николая Николаевича Лисового. М., 2006. С. 7–37.

Житенёв С.Ю., Соломина О.Л. Краткая справка об архивном фонде Лисового Н.Н. В архиве МОО «ИППО» // Православный Палестинский Сборник. 2025. Вып. 124. С. 268–273.

Иванов И.А. Н.Н. Лисовой (1946–2019) — хранитель византийского предания // Русско-Византийский вестник. № 1 (2). СПб., 2019. С. 369–374.

Иванов Н., кандидат богословия. Андрей Рублев (к 600-летию со дня рождения) // Журнал Московской Патриархии. М., 1960. №6. 40–53.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006. 510 с.

Лисовой Н.Н. Александр Назаренко или Еще раз о методе православного историка // История: дар и долг: юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.-СПб., 2010. С. 3–11.

Лисовой Н.Н. Преображение Господне: иконография и смысл праздника // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 3. С. 118–143.

Лисовой Н.Н. Беседа на «Народном радио» о Входе Господнем в Иерусалим и Страстной седмице // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 1. С. 166–176.

Лисовой Н.Н., Назаренко А.В. Апостолам равная (фильм о святой великой княгине Ольге) // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 1. С. 131–148.

М.В. [Виноградов М.]. Андрей Рублев // Журнал Московской Патриархии. М., 1944. №10. 22–24.

Мельникова Л.В., Смирнова И Ю. Николай Николаевич Лисовой (1946–2019) // Российская история. 2019. Выпуск 2 С. 214–218.

Награды Русской Православной Церкви / С предисл. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. 80 с.; То же. Изд. 2-е, доп. М., 2003. 88 с.

Назаренко А.В. О методе православного историка // Сборник в честь 60-летия Н.Н. Лисового. 2006. С. 264.

Назаренко А.В. Памяти Николая Николаевича Лисового (1946–2019) // Журнал Московской Патриархии. 2019 № 3 С. 115–117.

Назаренко А.В. Россия и Запад в свете их генезиса из единой christianitas // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия: [Сб. ст.] / Отв. ред. М. Н. Громов. М.: РАН. Ин-т философии, 2004. С. 60.

Памяти Николая Николаевича Лисового (1946–2019) // Православный Палестинский Сборник. 2019. Вып. 116. С. 375–378.

Сафонов Д.В. Н.Н. Лисовой о воссоединении двух частей Русской Православной Церкви, 125-летнем юбилее Императорского Православного Палестинского Общества в 2007 году // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 1. С. 139–166.

Сафонов Д.В. Н.Н. Лисовой о значении Куликовской битвы // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 226–233.

Сафонов Д.В. Н.Н. Лисовой о своей работе в Российском Палестинском Обществе в 1974–1989 годы // Christian Pilgrimage Review. 2023. Т. 1. № 1. С. 250–270.

Сафонов Д.В. Николай Николаевич Лисовой: «Я — консерватор!» (Обзор творчества Н. Н. Лисового в советский период) // Ортодоксия. 2023. № 4. С. 58–89.

Сафонов Д.В. Предисловие к учреждению рубрики «“Долг неоплатный”. Памяти Николая Николаевича Лисового» // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 1. С. 126–130.

Смирнов В., Вольгин А. Преподобный Андрей Рублев, иконописец // Журнал Московской Патриархии. № 7. М., 1980. С. 69–79.

Смирнова И.Ю. Н.Н. Лисовой и А.В. Назаренко: на перекрестках судьбы // Православный Палестинский Сборник. Вып. 124. М., 2025. С. 334–348.

Хевролина В.М. Рецензия на: Н.Н. Лисовой. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006 // Отечественная история. 2006. № 5. С. 162–164.

Щапов Я.Н., Белякова Е.В. Рецензия на: Н.Н. Лисовой. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 194–196.

https://web.archive.org/web/20230604114834/https://holod.media/2023/06/04/pravoslavnyj-brend-dlya-sssr/ (дата обращения 25.12.2025)

Galimova Liliya Nadipovna,
Professor, Faculty of Social Sciences and Humanities,
Bauman Moscow State Technical University,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Russian Federation, Moscow.
E-mail — lngalimova@yandex.ru

"From the Stream" to Imperial Heights: The Origins, Migration, and Sociocultural Contribution of the Van der Fleet Dynasty in Russia (18th–19th Centuries)

Abstract: based on the prosopographic method, the article comprehensively reconstructs the history of the Dutch Fan der Flit family in Russia (XVIII-XIX centuries), analyzes the medieval chivalric roots of the family, the reasons and circumstances of moving to Arkhangelsk and St. Petersburg, the stages of social ascent from the merchant class to the hereditary nobility, as well as the systemic contribution of several generations of the dynasty to financial management, maritime affairs, zemstvo self-government, public education, charity and management of the Russian Shipping and Trade Society.

Keywords: Van der Vliet, dynasty, Dutch settlers, Verdun knightly family, biography, nobility, Ministry of Finance, zemstvo, charity, Russian Shipping and Trade Society.

Галимова Лилия Надиповна,
профессор кафедры СГН1 «История» факультета «Социальные и гуманитарные науки»,
Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана,
доктор исторических наук, доцент,
Российская Федерация, Москва.
E-mail — lngalimova@yandex.ru

«От ручья» к имперским вершинам: происхождение, миграция и социокультурный вклад династии Фан-дер-Флитов в России (XVIII–XIX вв.)*

Аннотация: в статье на основе просопографического метода комплексно реконструируется история голландского рода Фан-дер-Флитов в России (XVIII–XIX вв.) Анализируются средневековые рыцарские корни рода, причины и обстоятельства переезда в Архангельск и Санкт-Петербург, этапы социального восхождения от купечества к потомственному дворянству, а также системный вклад нескольких поколений династии в финансовое управление, морское дело, земское самоуправление, народное образование, благотворительность и управление Русским обществом пароходства и торговли.

Ключевые слова: Фан-дер-Флит, династия, голландские переселенцы, рыцарский род Верден, биография, дворянство, Министерство финансов, земство, благотворительность, Русское общество пароходства и торговли.

Статья поступила в Редакцию ППС 14.04. 2026 г.

* Статья подготовлена рамках выполнения государственного задания № FSFN-2026-0003 «Директор РОПиТ и первый казначей ИППО Н.Ф. Фан-дер-Флит — представитель династии государственных и общественных деятелей Российской империи» в рамках Программы Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» в 2026 г.

История иностранных семей, нашедших второе отечество в России, давно привлекает внимание исследователей как модель изучения механизмов социальной мобильности, аккультурации и формирования имперской элиты. Среди таких родов династия Фан-дер-Флитов (нидерл. Van der Vliet) занимает особое место. Выходцы из Голландии, они не только органично вписались в российское чиновничество и дворянство, но и оставили заметный след в финансовой системе, морском деле, земском самоуправлении, народном просвещении и благотворительности. В отличие от многих иностранных фамилий, чья известность ограничивается одной-двумя выдающимися фигурами, Фан-дер-Флиты дали России несколько поколений государственных деятелей, меценатов и учёных. Однако до недавнего времени история рода оставалась на периферии академического интереса, будучи достоянием главным образом региональных краеведов (прежде всего Н. Ф. Левина и О. А. Кудрявцевой).[1] Настоящая статья ставит целью на основе комплекса опубликованных и архивных материалов реконструировать ранние этапы генеалогии семьи, выяснить обстоятельства и причины переезда из Голландии в Россию, а также систематизировать вклад представителей рода в различные сферы общественной жизни империи. Методологически работа опирается на просопографический[2] анализ и историко-генетический метод, позволяющий проследить передачу социального капитала и ценностных установок через поколения.

Фамилия Van der Vliet имеет топографическое происхождение: в переводе с нидерландского она означает «от ручья» или «из ручья», указывая на проживание первых носителей у небольшого водотока.[3] Однако генеалогические изыскания, опубликованные П.Е. Фоком (на основе семейных архивов и материалов Герольдии), позволяют проследить род на несколько столетий глубже. Согласно этим данным, род Van der Vliet образовался во второй половине XIII в. в результате разветвления рыцарского рода Верден (Woerden), известного в истории с 1165 г. и именовавшегося по принадлежавшему ему родовому замку в Голландии. Младшая ветвь, взявшая фамилию Van der Vliet, также получила имя от замка Vliet, который оставался во владении рода до конца XVI в. В Средневековье эта семья считалась вассалом герцога Голландского и пользовалась родовым гербом, что свойственно европейским рыцарским родам.[4]

В последующие столетия, с изменением экономического уклада и ростом городов, члены рода постепенно перешли из рыцарства в бюргерское сословие. Они обосновались в нескольких городах Голландии, в том числе в Дордрехте (Дордлехте), где занялись торговлей и мореплаванием. Непосредственным предком российской ветви выступил Самуэль Фан дер Флит (нидерл. Samuel van der

---

1 Кудрявцева, 2000. С. 177–181; Левин, 1991. С. 84–86.

2 Просопографический, исследовательский метод в исторической науке, который предполагает создание коллективных биографий групп людей, объединённых общими политическими, социальными, профессиональными или другими характеристиками. Метод позволяет систематизировать биографический материал, выявить закономерности и тенденции в развитии общества или отдельных социальных групп. (Справка редактора).

3 *100 самых распространённых фамилий*..., 2026; *Значение фамилии Ван дер Влит*, 2026.

4 Фок // *Фан-дер-Флит (род)*, 2026.

Vliet), живший в третьей четверти XVII в. Он был купцом из города Гарлем (Голландия) и состоял в браке с Элоут Вейнанде (Elout Wyenande).[5] Именно от этого брака, по-видимому, пошла линия, в следующем поколении направившаяся в Россию. Таким образом, к началу XVIII в. перед нами — не аристократический род в полном смысле слова (хотя и с рыцарскими корнями), а уважаемая купеческая семья, сохранявшая память о древнем происхождении, но жившая торговлей и кораблевождением.

Переселение в Россию связано с прапрадедом Николая Фёдоровича — Иоганнесом (Иваном) Фан-дер-Флитом. Он был бюргером Дордрехта и в 1720-е гг. начал торговать с Россией, после чего поселился в Архангельске. Выбор Архангельска не случаен: в первой половине XVIII в. этот порт оставался главными воротами России для внешней торговли, особенно с североевропейскими странами. Голландские купцы и корабелы были здесь традиционно востребованы — ещё со времен царя Петра I, который активно приглашал их для строительства флота. Иоганнес женился дважды: первым браком на Анне Марии Рейкерс (от которой имел троих сыновей — Ефрема, Абрахама и, видимо, ещё одного), вторым — на Вейнанде Мартенс (умерла в 1752 г.), родившей ещё троих сыновей (Петра, Яна (Ивана) и, вероятно, третьего). Сам Иоганнес скончался в Санкт-Петербурге в 1751 г. Таким образом, уже в первом поколении наметилось перемещение семейного центра из Архангельска в новую столицу.[6]

Важно подчеркнуть, что родоначальник российской ветви был именно купцом, а не дворянином. Его сыновья избрали разные пути: Абрахам Иванович (р. 1744) стал московским купцом и старшиной Английского клуба в Петербурге (1773); Ян Иванович (1712–1745) числился купцом 3-й гильдии; Пётр Иванович (ум. 1747) достиг 1-й гильдии. Однако наиболее яркую судьбу уготовил себе старший сын от первого брака — Ефрем Иванович (1731–1793).[7] Ефрем Иванович Фан-дер-Флит, согласно семейному преданию, не пожелал заниматься кораблестроением и коммерцией, как требовал отец, и бежал из Архангельска в столицу.[8] Этот поступок, на первый взгляд, был актом юношеского бунта, но он радикально изменил статус всей семьи. Император Пётр III принял Ефрема в голштинскую гвардию, а затем сделал своим адъютантом. После дворцового переворота 1762 г. Ефрем Иванович долго уклонялся от присяги императрице Екатерине II, что свидетельствовало о его личной лояльности свергнутому монарху — качество, которое в ту эпоху было скорее опасным, чем поощряемым. Тем не менее, он не только избежал репрессий, но и впоследствии многие годы служил начальником пограничной стражи и директором Кронштадтской таможни.[9] Супругой Ефрема Ивановича стала Екатерина-Елизавета Борисовна Фок (ум. 1779), сестра генералов Александра и Бориса Фок, дочь Бернгарда Фока. Через этот брак Фан-дер-Флиты породнились с остзейскими немецкими родами, что укрепило их положение

---

5 *Русский библиографический словарь*, 1901. Т. 21. С. 21.
6 Фок // *Фан-дер-Флит (род)*, 2026.
7 Фок // *Фан-дер-Флит (род)*, 2026.
8 Левин, 1991. С. 84–86.
9 Краско А. В., 2002. С. 32–39.

в петербургском обществе. Семейное предание, записанное позднее, гласило, что во время переворота жену Ефрема спас крестьянин-молочник, вывезший её из Ораниенбаума в Петербург в телеге под молочными горшками. Этот эпизод, даже если он легендарен, важен как маркер интеграции семьи в русскую среду: спасение приходит от простого русского человека. [10]

Четыре сына Ефрема Ивановича окончили Морской кадетский корпус. Трое из них погибли на море, а младший — Тимофей Ефремович (1775–1843) — перешёл на гражданскую службу. Таким образом, в третьем поколении намечается поворот от чисто морских профессий к административной карьере. Дочь Ефрема, Александра Ефремовна, вышла замуж за иркутского губернатора Алексея Михайловича Корнилова; их сыном был будущий вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов — герой обороны Севастополя. Это родство с Корниловыми, а также брак другой дочери, Екатерины Тимофеевны, с адмиралом Михаилом Петровичем Лазаревым (открывателем Антарктиды), окончательно вписали Фан-дер-Флитов в высший слой российского военно-морского и государственного истеблишмента.[11]

Тимофей Ефремович Фан-дер-Флит (1775–1843) — фигура, с которой начинается восходящая линия к главному герою настоящего исследования — Николаю Фёдоровичу. После окончания Морского кадетского корпуса в 1790 г. он служил на флоте, вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта (1804) и поступил в Министерство финансов. В 1812 г. он был посвящён в масоны (ложа «Елизаветы к добродетели»), что было характерно для просвещённых чиновников того времени. Его карьера развивалась успешно: в 1818 г. — Архангельский вице-губернатор, в 1821–1824 гг. — Костромской вице-губернатор, а с октября 1825 по сентябрь 1827 гг. — Олонецкий гражданский губернатор. В Олонецкой губернии он предлагал проекты перенесения губернского центра в Вытегру, повышения жалованья чиновникам, содействовал созданию комиссионерства для заготовки корабельных лесов, а также поддерживал сосланного в Петрозаводск поэта-декабриста Ф.Н. Глинку. Позднее (с 1828 г.) он управлял Государственной экспедицией по проверке счетов и дослужился до чина тайного советника.[12]

Ключевым событием для всего рода стало пожалование Тимофея Ефремовича дворянством 2 ноября 1828 г. с выдачей диплома, копия которого хранилась в Герольдии.[13] Дворянский герб был утверждён в следующем описании: «Щит разделён горизонтально на две части, в верхней части в чёрном поле означен лев, держащий в лапе серебряную стрелу, острием вверх обращённую, а в нижней в серебряном поле корабль на море с распростёртыми парусами плывущий в левую сторону. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною с тремя страусовыми перьями. Намёт на щите красный и чёрный, подложен серебром». Символика красноречиво отражала два главных занятия семьи: морское дело (корабль)

---

10 Фок // *Фан-дер-Флит (род)*, 2026.

11 Левин, 2026 (электронный ресурс).

12 *Карелия: энциклопедия*, 2011. Т. 3. 84 с.; Мошина, 1988. С. 140–142.; Кораблев, Мошина, 2012. С. 50–55, 140 с.; Краско А. В., 2004. С. 185–215;

13 Карамышев, 2018. 78 с.

и государственную службу (лев со стрелой — символ бдительности и воинской доблести). Отныне род Фан-дер-Флитов был вписан в 3-ю часть дворянской родословной книги (дворянство по службе).[14]

Сын Тимофея Ефремовича, Фёдор Тимофеевич Фан-дер-Флит (1810–1873), продолжил семейную традицию гражданской службы, но уже в узкоспециализированной области — финансах. Он окончил с золотой медалью Царскосельский лицей (1827) — то есть принадлежал к той же привилегированной когорте, что и А. С. Пушкин (хотя на десять лет позже). Вся его карьера прошла в Министерстве финансов Российской Империи: с 1854 г. — директор Департамента мануфактур и внутренней торговли, с 1858 г. — директор общей канцелярии Министра, одновременно член Мануфактурного совета. В 1860 г. он был произведён в тайные советники. Кроме того, он участвовал в создании и управлении Русским обществом пароходства и торговли (РОПиТ), где с 1856 г. состоял директором правления.[15] Эта деятельность имела не только коммерческое, но и стратегическое значение: после Крымской войны России требовалось возродить черноморское судоходство и торговый флот. Фёдор Тимофеевич был женат на Ольге Николаевне Политковской (1815–1892), дочери известного экономиста, вице-директора Государственного казначейства Николая Романовича Политковского (1763–1831). Последний примечателен тем, что перевёл на русский язык четыре тома «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита.[16] Через мать Ольги Николаевны — Екатерину Александровну Яхонтову — семья приобрела земельные владения в Псковской губернии (село Никольское Островского уезда).[17] Этот факт оказался судьбоносным: именно псковские связи помогли следующему поколению обрести имение Быстрецово.

Центральной фигурой статьи является Николай Фёдорович Фан-дер-Флит (1840–1896). Его биография изучена наиболее полно благодаря работам Н.Ф. Левина, О.А. Кудрявцевой, Г. Первомайского и др.[18] Родился 7 (19) ноября 1840 г. в Санкт-Петербурге, крещён в Пантелеимоновском храме. В 1854 г. поступил в Императорский Александровский лицей (с Высочайшего разрешения плата за обучение вносилась из сумм Министерства финансов). Окончил лицей с большой золотой медалью в 1860 г. и сразу был зачислен на службу в Министерство финансов — секретарём учёного комитета, затем чиновником особых поручений. За тринадцать лет (1861–1873) он получил пять досрочных повышений в чинах, к 33 годам став действительным статским советником, что соответствовало чину генерал-майора. [19]

Однако чиновничья карьера не удовлетворяла его: Николай Фёдорович увлёкся земской деятельностью. В 1868 г. он приобрёл у бывшего декабриста

---

14 Головнин // *Немцы в Санкт-Петербурге*, 2018. С. 387–407; РГИА. Ф.1343. Оп.49. Дд.1786, 1787, 1907–1908.

15 *Русский библиографический словарь*, 1901. Т. 21. С. 21; *Гражданин*, 1874. № 3.

16 *Исследование свойства... Адама Смита*, 1802–1806. Т. 1–4.

17 Карамышев, 2018. 78 с.; Розов, 2008. С. 281–284.

18 Левин, 1995. С. 106–120; Кудрявцева, 2000. С. 177–181; Первомайский, 2013. С. 20–25; Хитрово, 1897. 33 с..; Михайлова, Смирнова, 2022. С. 215–220.

19 *«Редчайший в мире человек»*, 2026; *Фан-дер-Флит Николай Федорович*, 2026; Филимонов, 2005. С. 100–101; Розов, 2008. С. 281–284.

М.А. Назимова имение Быстрецово в Псковском уезде за 40 тыс. рублей. Мотивы он сформулировал в дневнике: «Покупка имения <...> даст мне возможность на практике познакомиться с народом и войти в земство».[20] Уже 10 июля 1868 г. он был избран гласным Псковского уездного земского собрания и переизбирался девять раз, оставаясь гласным 28 лет, до самой смерти.

На этом поприще развернулась его многогранная деятельность. В области народного образования он: содержал начальную школу в Быстрецове (с 1874 г. — в новом здании, восстановленном после пожара 1879 г.), открыл школу в селе Никольском; в 1871–1877 гг. издал 300 тыс. экз. дешёвых иллюстрированных книг для народа (средства вложил собственные)[21]; с 1869 г. работал в Комитете грамотности при Вольном экономическом обществе, шесть лет был его секретарём, а в 1880 г. пожертвовал 5 тыс. руб. на издательский фонд Комитета; добился введения процентных надбавок к жалованью учителей, организации съездов учителей; в 1884 г. подарил земству подвижной педагогический музей; учредил должность наблюдателя за земскими школами с оплатой из собственных средств (900 руб. в год).[22]

В сфере экономического развития крестьянства Н.Ф. Фан-дер-Флит выступил инициатором создания ссудно-сберегательных товариществ. Первое такое товарищество открылось в Быстрецове 1 сентября 1871 г., он внёс в его капитал 1 тыс. рублей и стал попечителем.[23] Всего при его участии возникло 8 товариществ в уезде. Здравоохранение также было в центре его внимания: с 1879 г. он 17 лет был попечителем больницы 1-го медицинского участка в селе Быстерском, обеспечивал её мебелью, книгами, аптечной посудой. На строительство новой больницы в Быстро-Никольском (1892) пожертвовал 5 тыс. рублей.[24]

Особо следует отметить деятельность Николая Фёдоровича в Русском обществе пароходства и торговли (РОПиТ). Он был членом Совета с 1869 г., а в 1877–1879 и 1884–1894 гг. — директором общества.[25] В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. под его руководством осуществлялась доставка войск и грузов на фронт; причитавшееся ему вознаграждение он передал Одесскому техническому училищу на бесплатное обучение детей служащих. В 1886 г., при спуске броненосца «Чесма», император Александр III лично вручил ему орден св. Станислава 1-й степени, минуя принятую очерёдность.[26] Он также был членом-учредителем и первым казначеем Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) в 1882–1884 гг., используя возможности РОПиТ для организации паломнических поездок в Святую Землю.[27]

---

20 Карамышев, 2018. 78 с.

21 Левин, 1995. С. 106–120.

22 Левин, 1991. С. 84–86; Первомайский, 2013. С. 20–25.

23 *«Ни материальные наслаждения...»*, 2015. С. 133–157; *Псковские меценаты*, 2016. С. 15; Медникова, 2026.; Первомайский, 2013. С. 20–25; Кадочигова, 2006. С. 23–28.

24 Филимонов, 2005. С. 100–101.; Медникова, 2026.

25 Салтан, 2002. С. 464.

26 Русанова, 2003. С. 10; Замараева, 2018. С. 10.

27 Воробьёв В.М., 2017. С. 130–142; *Николай Федорович Фан-дер-Флит — первый казначей ИППО*, 2026.

Умер Н.Ф. Фан-дер-Флит 27 ноября 1896 г. от болезни почек, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге.[28] Псковский краевед Н.Ф. Левин назвал его «редчайшим в нашем мире человеком».[29] Супруга Николая Фёдоровича, Елизавета Карловна, урождённая Пистолькорс (1840–1904), стала верной продолжательницей его дела. Брак был заключён 31 мая 1872 г., детей не было.[30] После смерти мужа она: продолжила финансировать Быстрецовскую школу (в 1901 г. награждена золотой медалью на Анненской ленте); передала в Псковскую городскую библиотеку 70 томов книг, а Псковскому археологическому обществу — 85 томов; купила 75 десятин земли под Быстрецовскую сельскохозяйственную школу (открыта 14 октября 1901 г.) и внесла 17,5 тыс. рублей на строительство, а затем добавила ещё 10 тыс.; выделила 50 тыс. рублей на неприкосновенный капитал Вспомогательной кассы имени Н.Ф. Фан-дер-Флита для учителей (устав утверждён 14 июля 1908 г.);[31] после её кончины (26 марта 1904 г.) по завещанию Псковское археологическое общество получило 200 тыс. рублей на строительство художественно-промышленной школы им. Н.Ф. Фан-дер-Флита. Здание школы было возведено в 1913 г. по проекту архитектора Н.Н. Клименко и стало одним из лучших образцов неоклассицизма в Пскове.[32] Кроме того, Елизавета Карловна выкупила здание клеевого завода, чтобы обменять его на Поганкины палаты для музея, и выделила 20 тыс. рублей на ремонт палат.[33] Таким образом, именно ей мы обязаны сохранением этого архитектурного памятника.

Династия Фан-дер-Флитов дала России не только финансистов и меценатов, но и крупных учёных. Пётр Петрович Фан-дер-Флит (1839–1904) — троюродный брат Николая Фёдоровича — был профессором физики Санкт-Петербургского университета (с 1880 г.)[34] Его сын, Александр Петрович Фан-дер-Флит (1870–1941), стал выдающимся механиком, специалистом по теории корабля и авиаконструкций, профессором Санкт-Петербургского политехнического института, а затем директором Лесного института. Константин Петрович Фан-дер-Флит (1844–1933) избрал военную карьеру и дослужился до генерала. Таким образом, семейная традиция служения России распространилась и на сферу фундаментальной науки .[35]

Род Фан-дер-Флитов за два столетия проделал путь от голландских бюргеров и купцов в Архангельске до тайных советников, сенаторов, директоров департаментов и признанных меценатов. Этому способствовал ряд факторов: ранняя

---

28 Кудрявцева, 2000. С. 177–181.

29 *«Редчайший в мире человек»*, 2026.

30 *Фан-дер-Флит Николай Федорович*, 2026; Филимонов, 2005. С. 100–101.

31 Мавлиханова, 2002. С. 17; *Устав Вспомогательной кассы имени Фан-дер-Флит...*, 1908. 12 с.

32 Новикова, 1989. С. 78–79; *Доклад совета школы...*, 1912 // 2010. С. 169–170; *Художник А.А. Ивановский*, 2004. С. 98–102; Машкарина, 2011.

33 Левин, 1991. С. 84–86.

34 *Биографический словарь...*, 1896. Т. 2. С. 288–289; *Список лиц... на 1903 год*, 1903. С. 292.

35 Залесский, 2003. С. 608–609; Исмаилов, 2007. 541 с. (весь справочник); *Проект «Русская армия в Великой войне»*, 2026.

ориентация на государственную службу (ещё с Ефрема Ивановича), блестящее образование (Царскосельский лицей), удачные браки с представителями русской и остзейской знати (Лазаревы, Корниловы, Политковские, Пистолькорсы) и, наконец, личная предприимчивость и филантропическая настроенность. В отличие от многих иностранцев, ограничивавшихся коммерцией, Фан-дер-Флиты избрали путь интеграции через чиновничество и дворянство, но при этом не порвали с практической деятельностью на местах: земской, просветительской, больничной.

Вклад династии в развитие России многопланов: от строительства таможенной и финансовой инфраструктуры (Ефрем Иванович, Фёдор Тимофеевич) до создания сети сельских школ, ссудно-сберегательных товариществ и больниц (Николай Фёдорович и Елизавета Карловна). Их деятельность в РОПиТ способствовала возрождению Черноморского торгового и военного флота, а в ИППО — укреплению связей России со Святой Землёй. Наконец, художественно-промышленная школа в Пскове, носящая имя Н.Ф. Фан-дер-Флита, стала важным очагом профессионального образования и сохранения ремёсел в крае.

Сегодня, когда мы видим лишь руины усадьбы Быстрецово[36] и здание школы, превращённое в картинную галерею,[37] трудно представить масштабы той благотворительной работы, которая велась здесь полтора века назад. Но память о «редчайшем человеке» и его супруге живёт в архивах, библиотечных собраниях (в том числе в Уральском федеральном университете, куда попала часть лицейской библиотеки Фан-дер-Флитов)[38] и в сердцах тех, кто знает историю Псковской земли. Фан-дер-Флиты доказали, что подлинное служение Отечеству не зависит от происхождения: достаточно иметь голландские корни, русское сердце и неутомимую волю к добру.

Источники и литература

100 самых распространённых фамилий в Нидерландах (с указанием количества носителей). [Электронный ресурс] URL: https://enorcerna.com/wiki/science/the-100-most-common-surnames-in-the-netherlands-with-figures/#nav-35 (Дата обращения 01.04.2026).

Быстрецово. Карамышевская волость // Розов Н.Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. 2-е изд. Сельцо Михайловское; Псков, 2008. С. 281–284.

Воробьев А. М. Личная библиотека как источник реконструкции религиозных взглядов (на примере личной библиотеки отца и сына Фан-дер-Флитов) // Koinon. 2024. Т. 4, № 3. С. 86–96.

Воробьёв В.М. Первый казначей Православного Палестинского Общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 4. С. 130–142.

Некролог. Гражданин: журнал политики и литературы. Редактор: М.Н. Назаров, 1874, № 3. СПб.: [б. и.], 1872–1879, 1882–1914. — 31.

[36] Селиверстов, 2010. С. 12–14.

[37] *Псковская художественно-промышленная школа...*, 2026.

[38] Кадочигова, 2006. С. 23–28; Воробьев А.М., 2024. С. 86–96.

Дела Департамента Герольдии Правительствующего Сената об изготовлении диплома на дворянское достоинство Фан-дер-Флит; от 21 мая 1907 г. и 10 июля 1908 г. // РГИА. Ф.1343. Оп.49. Дд.1786, 1787.

Доклад совета школы о постройке здания художественно-промышленной школы имени Н.Ф. Фан-дер-Флита. 29 декабря 1912 г. // Губернский Псков в архивных документах. Псков: Арт-проспект, 2010. С. 169–170.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: ООО «Издательство Акт», 2003. С. 608–609.

Замараева А. Дневники Фан-дер-Флита // Псковская провинция. 2018. 19 дек. № 50. С. 10.

Значение фамилии Ван дер Влит [Электронный ресурс] URL: https://www.wisdomlib.org/names/van-der-vliet (Дата обращения: 01.04.2026)

Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость»: списки кавалеров, 1788–1913. [Справочник]. М.: Старая Басманная, 2007. — 541 с.

Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита. Пер. с английского. Т. 1–4. СПб., 1802–1806.

Кадочигова О.М. Н.Ф. Фан-Дер-Флит — создатель и владелец библиотек. // Университетская библиотека в образовательном пространстве XXI века: материалы Шестой Межрегиональной науч.-практ. конф. (28–30 нояб. 2005 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. С. 23–28.

Карелия: энциклопедия: в 3 т. Гл. ред. А.Ф. Титов. Т. 3: Р-Я. Петрозаводск: «ПетроПресс», 2011. — 84 с.

Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Петрозаводск: «Строительный стандарт», 2012. С. 50–55, 140 с.

Красько А.В. Голландские предприниматели в составе петербургского купечества: история семей // Генеалогический вестник. СПб.: ВИРД, 2002. Вып. 9. С. 32–39.

Красько А.В. Русские страницы в истории рода Van der Vliet // Голландцы и бельгийцы в России XVIII-XX веков. СПб., 2004. С. 185–215.

Кудрявцева О.А. Страницы из жизни Н.Ф. Фан-дер-Флита. // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журн. 2000. № 12. С. 177–181.

Левин Н.Ф. Николай Фёдорович Фан-дер-Флит. // Вестник Псковского Вольного университета. 1995. Т. 2, № 1–3. С. 106–120.

Левин Н. Ф. Общественная и благотворительная деятельность супругов Фан-дер-Флит // Земля Псковская, древняя и современная: тезисы докладов к науч.-практ. конференции. Псков, 1991. С. 84–86.

Левин Н. Ф. Общественная и благотворительная деятельность супругов Фан-дер-Флит: Фан-дер-Флит Николай Фёдорович (1840–1896), Фан-дер-Флит Елизавета Карловна (1840–1904). / Централизованная библиотечная система города Пскова. [Электронный ресурс] URL: http://bibliopskov.ru/fanderflit.htm (Дата обращения: 05.04.2026).

Мавлиханова М.А. Коллекции редких книг Научной библиотеки Министерства финансов Российской Федерации // Финансы. 2002. № 9. С. 17.

Машкарина О. Город историй: псковская школа голландца Фан-дер-Флита / Псковское агентство информации. 18 февр. 2011. [Электронный ресурс] URL: https://informpskov.ru/news/73574.html (Дата обращения: 02.04.2026).

Медникова Т. В. Благотворители: супруги Фан-дер-Флит / Псковский музей-заповедник. [Электронный ресурс] URL: http://www.museum.pskov.ru/statiy/mednikova/st1 (Дата обращения: 31.03.2026).

Михайлова Е.А. Библиография. Археография. Источниковедение: Сборник статей и материалов. Вып. 5. Дневник Н. Ф. Фан-дер-Флита (1862–1896 гг.) в собрании Отдела рукописей РНБ: перспективы изучения и издания. СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 215–220.

Мошина Т.А. Олонецкий губернатор Т. Е. Фан-дер-Флит // Север. 1988. № 2. С. 140–142.

Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII– XX вв. Вып. 11 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 436 с. // П.А. Головнин. Дворянский род Фан-Дер-Флит в ВМФ РОССИИ. С. 387–407.

«Ни материальные наслаждения, ни слава века сего» не прельщали его высокую душу: к 175-летию со дня рождения Н.Ф. Фан-дер-Флита // Псковские архивы. 2015. № 3. С. 133–157.

Николай Федорович Фан-дер-Флит — первый казначей ИППО. / Императорское Православное Палестинское Общество. [Электронный ресурс] URL: https://www.ippo.ru/ipporu/article/nikolay-fedorovich-fan-der-flit---pervyy-kaznachey-201970 (Дата обращения: 05.04.2026).

Новикова Н.Н. Н.Н. Клименко — автор постройки здания художественно-промышленной школы имени Н.Ф. Фан-дер-Флита в Пскове. // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков, 1989. С. 78–79;

Очерки истории Карамышевской волости: Быстрецово / предисл., подгот. текста, коммент. и указ. О. М. Карамышева. М., 2018. — 78 с.

Первомайский Г. Благотворитель Н.Ф. Фан-дер-Флит // Псковский букет. СПб., 2013. Вып. 26. С. 20–25.

Пётр Петрович Фан-дер-Флит // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 2. С. 288–289.

Пётр Петрович Фан-дер-Флит // Императорский С-Петербургский университет // Список лиц, служащих по ведомству Министерство Народного просвещения на 1903 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1903. С. 292.

Проект «Русская армия в Великой войне» [Электронный ресурс] URL: http://www.grwar.ru/persons/person/540 (Дата обращения 01.04.2026).

Псковская уезд. земская вспомогательная касса для учителей и учительниц народных школ. Устав Вспомогательной кассы имени Фан-дер-Флит для состоящих и состоявших на службе в Псковском уездном земстве учителей и учительниц народных школ : утвержден 14 июля 1908 г. Псков : Электр. тип. губ. земства, 1908. [2], 12 с.

Псковская художественно-промышленная школа им. Н.Ф. Фан-дер-Флита (1913 г.) / Псковский музей-заповедник. [Электронный ресурс] URL: https://museumpskov.ru/locations?slug=pskovskaya_hudozhestvenno_promyshlennaya_shkola (Дата обращения: 01.04.2026).

Псковские меценаты // Псковские новости. 2016. 2 дек. (№ 100). С. 15.

«Редчайший в мире человек»: виртуальная выставка к 180-летию Н. Ф. Фан-дер-Флита / Псковская ЦБС. [Электронный ресурс] URL: https://old.bibliopskov.ru/fanderflit180.htm (Дата обращения: 02.04.2026).

Русанова Л. Николай Фан-дер-Флит // Псковская провинция. 2003. 19 сент. (№ 70). С. 10.

Салтан Н.И. Фан-дер-Флит Николай Федорович // Псковский биографический словарь. Псков: ПГПИ, 2002. С. 464.

Селиверстов Ю. Руины совершенной жизни // Псковская губерния. 2010. 24–30 нояб. (№ 46). С. 12–14.

Фан-дер-Флит (род) // Генеалогические материалы (публикация П.Е. Фока). [Электронный ресурс] URL: https://rgfond.ru/person/52597 , https://rgfond.ru/person/107989 (Дата обращения: 05.04.2026).

Фан-дер-Флит Николай Федорович (1840–1896): [биография]. // Виртуальный музей книги «Дыхание веков» : [сайт] / Псковская областная универсальная научная библиотека. Фот. [Электронный ресурс] URL: http://museum.pskovlib.ru/index.php/zaly-muzeya/21-spravochnye-razdely/persony/156-fan-der-flit-nikolaj-fedorovich-1840-1896 (Дата обращения 02.04.2026).

Фан-дер-Флит Фёдор Тимофеевич // Русский библиографический словарь : в 25 томах. СПб., 1901. Т. 21: Фабер Цявловский. С. 21.

Филимонов А.В. Псков в 1920–1930-е годы. Очерки социально-культурной жизни Пскова. Псков, 2005. С. 100–101.

Хитрово В.Н. Николай Федорович Фан-дер-Флит по личным воспоминаниям В. Хитрово. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1897. — 33 с.

Художник А.А. Ивановский. Подгот. М. Кузьменко // Псковские хроники. Псков: Стерх, 2004. Вып. 4. С. 98–102.

Zhitenev Sergey Yuryevich,
Head of the Scientific Section of the IPO «IOPS»,
member of the Society's Council,
editor-in-Chief of the Orthodox Palestinian Collection,
Advisor to the Director of the D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage,
Candidate of Cultural Studies,
Russian Federation, Moscow.
E-mail — zhitenev@bk.ru

Kuchmaeva I.K. as the biographer of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna: on the occasion of the 90th anniversary of the birth of the famous scientist and full member of the IPO «IOPS»

Abstract: the article examines the literary work of Isolda Konstantinovna Kuchmaeva as the biographer of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, to whom she devoted several of her monographs. In her works, I.K. Kuchmaeva paid special attention to the charity and pilgrimage trips of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and her husband, Grand Duke Sergei Alexandrovich, the first Chairman of the IOPS. I.K. Kuchmaeva was one of the first to draw attention to the national veneration of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna during her lifetime.

Keywords: Isolda Konstantinovna Kuchmaeva, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Grand Duke Sergiy Alexandrovich, Imperial Orthodox Palestinian Society, pilgrimage.

Житенёв Сергей Юрьевич,
руководитель Научной секции МОО «ИППО»,
член Совета Общества,
главный редактор Православного Палестинского Сборника,
советник директора Российского НИИ культурного и
природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
кандидат культурологии.
Российская Федерация, Москва
E-mail — zhitenev@bk.ru

Кучмаева И.К. как биограф Великой Княгини Елизаветы Федоровны: к 90-летию со дня рождения известного учёного и действительного члена МОО «ИППО»

Аннотация: в статье рассматривается литературное творчество Изольды Константиновны Кучмаевой как биографа Великой Княгини Елизаветы Федоровны, которой она посвятила несколько своих монографий. Особое внимание И.К. Кучмаева уделила в своих произведениях благотворительности и паломническим поездкам Великой Княгини Елизаветы Федоровны и её мужа Великого Князя Сергия Александровича, первого Председателя ИППО. И.К. Кучмаева одна из первых обратила внимание на всенародное почитание Великой Княгини Елизаветы Федоровны ещё в период её жизни.

Ключевые слова: Кучмаева Изольда Константиновна, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Сергий Александрович, Императорское Православное Палестинское Общество, паломничество.

Статья поступила в Редакцию ППС 27.04. 2026 г.

Первый раз я услышал рассказ о преподобномученице Великой Княгине Елизавете Федоровне[1] из уст Изольды Константиновны Кучмаевой[2] в 1988 г., когда мы с ней обсуждали программу деятельности Советского фонда культуры[3], возглавляемого в то время академиком Д.С. Лихачёвым[4]. И сам проникновенный рассказ, и глубина знаний Изольды Константиновны о жизни и деятельности святой мученицы потрясла меня, потому что в то атеистическое время это было невероятно. Интерес Изольды Константиновны к жизни

---

1 Елисавета Феодоровна Алапаевская (1864–1918), преподобномученица, Великая Княгиня из Императорского Дома Романовых, паломница, Председатель Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1917 гг. Супруга и единомышленник Великого Князя Сергия Александровича, первого Председателя ИППО. Елизавета Фёдоровна, урождённая принцесса Гессен-Дармштадтская, старшая сестра Императрицы Александры Фёдоровны, жены Императора Николая II Александровича. После трагической смерти мужа (1905) она возглавила ИППО и посвятила себя благотворительной деятельности, основала Марфо-Мариинскую обитель в Москве. 18 июля 1918 г. была убита большевиками в Алапаевске. Честные мощи её были перезахоронены в Иерусалиме, в храме св. Марии Магдалины. Память 5 июля.

2 Кучмаева Изольда Константиновна (в монашестве Елисавета; 1936–2014), известный русский культуролог, философ и педагог, ревнитель христианского благочестия и православной культуры. Она закончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук. Кучмаева И.К. является создателем и первым ректором Государственной академии славянской культуры (ГАСК), которая была основана в 1992 г. Она стала наиболее известным и авторитетным биографом преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Кучмаева И.К. написала и опубликовала 10 монографических исследований, 3 брошюры, 2 хрестоматии, ряд глав в учебниках для ВУЗов и более 350 а.л. публикаций в различных научных изданиях.

3 Советский фонд культуры, общественная организация, созданная в 1986 г., осуществляющая финансовую и организационную поддержку инициатив граждан и организаций в сфере культуры, искусства, науки и образования. Первыми учредителями Фонда выступили более пятидесяти творческих союзов, общественных организаций и учреждений культуры из всех республик Советского Союза. Фонд за короткое время стал влиятельным культурным центром страны. В 1991 г., после распада СССР, в период становления новых государственных и социально-экономических отношений, Фонд вступил в новый этап своего развития. Дважды менялось его название: Международный Российский фонд культуры, Российский фонд культуры. В 1993 г. Фонд по состоянию здоровья покинул академик Д.С. Лихачёв, а Председателем Президиума был избран кинорежиссер Н.С. Михалков.

4 Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906–1999), всемирно известный учёный, академик Академии наук СССР и РАН, профессор Ленинградского государственного университета, заведующий отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, председатель Пушкинской комиссии АН СССР, один из основателей и первый председатель правления Советского фонда культуры. Учёный, литературовед, историк, культуролог, переводчик и исследователь «Слова о полку Игореве» и «Повести временных лет», автор многочисленных монографий и исследований по истории искусства и литературы.

Великой Княгини всегда носил искренний, я бы сказал душевный характер, но при этом необходимо подчеркнуть, что это не исключало, а наоборот стимулировало её к глубокой и кропотливой научной и исследовательской работе по сбору и изучению материалов, связанных с биографией этой великой подвижницы и благотворительницы.

Особо важно отметить, что Изольда Константиновна понимала важность популяризации имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны, а также распространении знаний о её жизни и деятельности в новом российском обществе, свободном от атеистической идеологии. Изольда Константиновна была создателем современной традиции по проведению, начиная с 1997 г., ежегодных Елизаветинских чтений, многие из которых проводились совместно с Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО)[5]. Последние с участием Изольды Константиновны XVI Елизаветинские чтения «Москва в жизни великокняжеской четы» прошли 01 ноября 2013 г. в зале заседаний Центра ИППО в Москве на ул. Забелина.

На протяжении более четверти века И.К. Кучмаева работала над биографией выдающейся общественной деятельницы, благотворительницы и замечательной представительницы Императорского Дома Романовых, святой Русской Православной Церкви — Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Изольда Константиновна автор трёх изданных, значимых и широко известных в России и за рубежом, научных монографий о Великой Княгине Елизавете Федоровне:

«Жизнь и подвиг Великой Княгини Елизаветы Федоровны», 2004 г.;

«Когда жизнь истинствует. Культура благотворения Великой Княгини Елисаветы Феодоровны», 2008 г.;

«Цветы — это надежды. Мир цветов в жизни Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, её родных и друзей», 2011 г.

Как автор этих книг и многочисленных публикаций о преподобномученице Елисавете Феодоровне, она понимала, что знания о великой подвижнице, просиявшей святостью в один из самых тяжёлых периодов русской истории, необходимо распространять в современном российском обществе, как пример служению народу, Отечеству и Церкви. Не случайно в начале своей книги «Жизнь и подвиг Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны» Изольда Константиновна приводит замечательный факт, особенно

---

[5] Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО), российская общественная организация, учреждённая в 1882 г. по высочайшему повелению Императора Александра III Александровича с целью поддержания Православия в Святой Земле, организации и помощи русским паломникам в их путешествиях в Палестину и пребывании в ней, а также научной и гуманитарной деятельности. Инициатором создания общества был В.Н. Хитрово. Первым председателем Общества был Великий Князь Сергий Александрович, после его трагической смерти в 1905 г. ИППО возглавила его супруга преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. После 1917 г. ИППО сохранилось в виде Российского Палестинского общества в составе Академии наук СССР. В мае 1992 г. Общество восстановило своё историческое название и продолжает свою традиционную деятельность в России и Святой Земле.

характеризующий преподобномученицу. Весной 1917 г. к Елисавете Феодоровне прибыл посланец германского императора и предложил покинуть революционную Москву, на что она «сказала, что готова разделить судьбу своей второй родины и не оставит духовную семью — сестёр московской Марфо-Мариинской обители милосердия»[6]. Высокая сила духа и исключительный нравственный императив преподобномученицы особенно волновали и привлекали Изольду Константиновну при написании образа Елисаветы Феодоровны. В её монографиях представлены глубокие и непоколебимые нравственные основы бытия Великой Княгини, раскрыта сущность её духовного и гражданского подвига.

Роскошная и обширная, богато и разнообразно иллюстрированная монография И.К. Кучмаевой «Когда жизнь истинствует. Культура благотворения Великой Княгини Елисаветы Феодоровны», изданная «Издательством Индрик» в 2008 г., стала событием в культурной жизни России. Перед автором настоящей статьи не стоит задача представить подробный анализ всей замечательной монографии Изольды Константиновны, но обращу внимание читателя на представленные в ней материалы по культуре и истории паломничества святой подвижницы.

Безусловно, Изольда Константиновна не описала в монографии абсолютно все богомольные путешествия Великой Княгини. В беседах со мной она говорила о том, что историки ИППО и, в первую очередь Н.Н. Лисовой[7], подробно и неоднократно описывали паломническую поездку Елисаветы Феодоровны в 1888 г. в Святую Землю, а также её деятельность в качестве Председателя ИППО[8], поэтому она не стала об этом подробно писать, т.к. это уже сделали специалисты лучше, чем она владеющие этим материалом. Изольда Константиновна писала о паломничествах великой благотворительницы: «Почему паломнические поездки были так притягательны для Великой Княгини? Прежде всего, потому, что позволяли на некоторое время обособить аскетическую молитву в келье от служения миру. Повседневная жизнь, наполненная заботой о ближних и дальних, оставляла для молитвы, как правило, лишь ночные часы. <...> Для Елисаветы Феодоровны паломничество было в первую очередь школой спасения души, постоянной борьбой с рудиментами мирского во имя своего духовного призвания»[9]. Подробно и обстоятельно Изольда Константиновна описала паломничество Елисаветы Феодоровны в Кашин в июне 1909 г. на торжества,

---

6 *Кучмаева И.К.* Жизнь и подвиг Великой Княгини Елизаветы Федоровны. М., 2004. С. 3.

7 Лисовой Николай Николаевич (1946–2019), известный русский учёный, писатель и общественный деятель, заместитель Председателя ИППО в 1995–2019 гг., член Общества с 1974 г., историк ИППО, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по истории Ближнего Востока, России и Русской Православной Церкви.

8 *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. М., 2006 г. С. 193–194.

9 *Кучмаева И.К.* Когда жизнь инстинствует. Культура благотворения Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2008. С. 231.

связанные с вторичным обретением честных мощей преподобной Анны Кашинской, Тверской Великой Княгини[10].

На страницах своей замечательной книги Изольда Константиновна открыла перед читателями особую страницу в жизни Елисаветы Феодоровны, связанную с паломническими поездками, которая она совершила вместе со своим горячо любимым мужем Великим Князем Сергием Александровичем[11] к святым местам Российской Империи. В 1886 г. великокняжеская чета совершила паломничество Вышинскую пустынь, где они встретились и получили благословение святителя Феофана Затворника[12]. В 1892 г. они с паломническими целями посетили Ярославль, Углич, Романов-Борисоглебск, Рыбинск

---

10 Анна (Евфросиния) Кашинская (ок.1278–1368), преподобная, Великая Княгиня Тверская, из рода Рюриковичей. Анна Дмитриевна родилась в Ростове, дочь Ростовского удельного князя Дмитрия Борисовича. В 1294 г. она была обвенчана со св. блгв. Михаилом II Ярославичем, Великим Князем Тверским, от брака с которым имела четверых сыновей: Дмитрия, Александра, Константина и Василия. В 1318 г. она провожала до р. Нерль своего мужа, который ехал на верную смерть в Золотую Орду. После убийства Михаила Ярославича в Орде она приняла постриг с именем Евфросиния в Тверском Софийском монастыре. В 1326 г. в Орде был казнён её старший сын Дмитрий Михайлович Грозные Очи, Великий Князь Владимирский и Тверской. В 1327 г. она бежала вместе со своими сыновьями из Твери в Ладогу от восставших тверичей, убивших ханского баскака, и ордынского погрома, обрушившегося после этого на Великое княжество Тверское. В 1339 г. в Орде погиб её второй сын Александр Михайлович, Великий Князь Тверской, и его сын Фёдор, внук Великой Княгини. В 1346 г. в Орде скончался её третий сын Константин Михайлович, Великий Князь Тверской. По просьбе своего младшего сына Василия, княжившего в г. Кашине, она переехала жить к нему, хотя периодически приезжала в Тверь к могилам своих детей и мужа. Великая Княгиня скончалась в пригородной слободе Кашина, в схиме ей было возвращено имя Анна, и была погребена в Успенском соборе г. Кашина. Память 2 октября, 12 июня.

11 Сергий Александрович (1857–1905), Великий Князь, из Императорского Дома Романовых, выдающийся российский государственный и общественный деятель, пятый сын Императора Александра II Николаевича и Императрицы Марии Александровны, генерал-лейтенант, один из учредителей и первый Председатель ИППО, паломник. С 1884 г. супруг Великой Княгини Елизаветы Федоровны. С 1891 г. генерал-губернатор Москвы, с 1896 г. командующий Московским Военным округом. Дважды совершал паломничество в Святую Землю, неоднократно поклонялся отечественным святыням. Известный благотворитель. Погиб в Москве от бомбы, брошенной в него террористом.

12 Феофан Затворник Вышенский (Говоров Георгий Васильевич, 1815–1894), святой епископ Тамбовский и Шацкий, родился в Орловской губ. в семье священника. Он был отправлен в Палестину в качестве члена Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1847–1855 гг. Он совершал в тот период многочисленные паломничества по Святой Земле, Синаю и Афону, где посетил святые места, древние монашеские обители, беседовал со старцами святой горы Афон, изучал писания отцов Церкви по древним рукописям. В 1859 г. хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого. В 1866 г. он по прошению был уволен на покой в Успенскую Вышенскую пустынь Тамбовской епархии. В 1872 г. святитель ушёл в затвор. В последний период своей жизни он написал многочисленные литературно-богословские труды. Память 10 января.

и Ростов Великий, где они поклонились местночтимым святыням и были встречены толпами богомольцев. Изольда Константиновна посвятила этой поездке несколько проникновенных строк: «В ходе паломничества перед взором Их Высочеств прошёл целый сонм великих русских святых. Икона каждого святого, будучи житием в красках, наполняла душу царственных паломников ощущением богатства их подвигов. Жития святых, будучи любимым домашним чтением семьи Великого Князя Сергия, в дни этого паломничества обрели для них полноту и духовную близость»[13].

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна совершала паломничества к святым местам, находящимся в Киеве, Почаеве, Орле, Уфе, Белгороде, Архангельске, Перми, Кострому и других местах Российской Империи. Она посетила Троице-Сергиеву, Киево-Печерскую и Почаевскую Лавры, где молитвенно поклонилась великим православным святыням. В июле 1913 г. она совершила богомольное путешествие в Соловецкую обитель, где она приняла участие в крестном ходе, молилась у святынь монастыря и посетила его скиты. В мае 1914 г. она паломничала в Оптину пустынь, где молилась у святынь обители, а также встречалась и беседовала с оптинскими старцами. В июле того же года августейшая паломница посетила с паломническими целями Белогорский монастырь, называемый в народе Сибирский Афон, расположенный в Пермской земле. Об этом промыслительном и провидческом богомолье августейшей паломницы Изольда Константиновна написала следующее: «В эту паломническую поездку по монастырям Урала Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна посетила кроме Перми, Белогорского монастыря, Алапаевск, место своего грядущего убийства, и Верхотурье»[14]. Далее Изольда Константиновна пишет, что эти паломнические многочисленные поездки, которые Великая Княгиня Елисавета Феодоровна совершала после смерти своего мужа Сергия Александровича, первого великомученика Императорского Дома Романовых, укрепляли её для будущих испытаний и мученической кончины.

Оценивая общественное значение богомолья августейшей паломницы, Изольда Константиновна сделала важный вывод: «можно говорить об общерусском значении паломнических путешествий Елисаветы Феодоровны, поскольку народ уже тогда почитал её как человека святой жизни. Каждому были очевидны добродетели Царственной паломницы: щедрость милостыни, беспредельное милосердие к больным и убогим, целомудренное не многословие, духовный такт, неутомимое молитвенное служение»[15]. Не удивительно, что эта народная любовь жива до настоящего времени. Тысячи паломников приходят поклониться честным мощам преподобномученицы Елисаветы Феодоровны, которые покоятся в Иерусалиме в храме во имя св. Марии Магдалины, в освящении которого она принимала участие в 1888 г.

---

13 *Кучмаева И.К.* Там же. С. 241.
14 *Кучмаева И.К.* Там же. С. 260.
15 *Кучмаева И.К.* Там же. С. 231.

Биограф Великой Княгини Елисаветы Феодоровны монахиня Елисавета (Кучмаева), в миру Изольда Константиновна, простив всех, покоится с миром на погосте Николо-Бирлюковского монастыря. И мне очень хочется верить, что благодарные потомки будут помнить о её делах и духовном подвиге, который она совершала ежедневно...

Melchakova Kseniya Valeryevna,
Senior Researcher at the Department of the History of the Slavic Peoples
of Southeastern Europe in Modern Times at the Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Russian Federation, Moscow, Russia.
E-mail: kmelchakova@mail.ru

Russia's assistance in opening Orthodox seminaries in the Bosnia Vilayet (1860–1870s)

Abstract: the article examines the issue of opening Orthodox seminaries in the Bosnia Vilayet of the Ottoman Empire in the 1860s–1870s. Russia provided the Orthodox population with the opportunity to implement educational projects. The times of Tanzimat were a useful opportunity to open seminaries. This helped to solve one of the problems — the shortage of educated priests. In the 1860s, Vasa Pelagić began to create a seminary in Banja Luka (Bosnia), and Serafim Perović — in the Žitomislić Monastery (Herzegovina). They were both closely connected with Russia. The first took a course of study in Russia, and the second, with the permission of the Ministry of Foreign Affairs and the Holy Synod, raised funds for the construction of the seminary. V. Pelagić managed to implement the project of building a seminary, S. Perović's educational institution remained an ordinary school. The Russian archives contain documents on Russia's assistance in implementing projects to create Orthodox seminaries in the Bosnia Vilayet on the part of the Ministry of Foreign Affairs, the Holy Synod, and the Moscow Slavic Charity Committee.

Keywords: Bosnia and Herzegovina, V. Pelagić, S. Perović, Slavic Committee, M.F. Rayevsky, A.N. Kudryavtsev, seminary in Banja Luka.

Мельчакова Ксения Валерьевна,
старший научный сотрудник Отдела истории
славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время
Института славяноведения РАН,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация, Москва, Россия.
E-mail: kmelchakova@mail.ru

Помощь России в деле открытия православных семинарий в Боснийском вилайете (1860–1870-е гг.)*

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос об открытии православных семинарий в Боснийском вилайете Османской империи в 1860–1870-е годы. Россия оказывала содействие православному населению края в реализации просветительских проектов. Времена танзимата предоставили возможность для открытия семинарий в регионе. Это помогло бы решить одну из насущных проблем — нехватку образованных священников. В 1860-е гг. Васа Пелагич приступил к созданию семинарии в Баня-Луке (Босния), а Серафим Перович — в монастыре Житомыслич (Герцеговина). Они оба были тесно связаны с Россией. Первый проходил курс обучения в России, а второй — с разрешения МИД и Св. Синода осуществлял сбор средств на строительство семинарии. В. Пелагичу удалось реализовать проект, учебное заведение С. Перовича осталось обычной школой. В российских архивах отложились документы о содействии России в реализации проектов создания православных семинарий в Боснийском вилайете со стороны МИД, Св. Синода и Московского славянского благотворительного комитета.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, В. Пелагич, С. Перович, Славянский комитет, М.Ф. Раевский, А.Н. Кудрявцев, семинария в Баня-Луке.

Статья поступила в Редакцию ППС 06.03.2026 г.

* Работа выполнена в рамках Программы МОО «ИППО» и Минобрнауки РФ фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» в 2026 г.

Последние 20 лет османского управления Боснией и Герцеговиной прошли под знаком реформ танзимата. Если первый этап преобразований практически не затронул эти края, то после провозглашения в 1856 г. султанского рескрипта хатт-и хумаюна здесь произошли крупные экономические и общественные перемены, знаменуя собой начало модернизации традиционного общества. В названном указе подтверждались и права церковно-школьных общин, в том числе на учреждение учебных заведений[1].

Российские дипломаты, работающие в крае (в 1857 г. было открыто консульство в Сараеве, в 1858 г. — консульство[2] в Мостаре) неоднократно докладывали начальству о проблемах православного духовенства, выделяя одну из главных — отсутствие образованных священников. Первая группа стипендиатов российского правительства из Боснии и Герцеговины отправилась на учебу именно в духовные учебные заведения России[3]. Семинарское образование местные уроженцы могли также получить в Белграде. Но всё это не решало проблему.

Веяния времени заставили местные православные общины задуматься об открытии семинарий непосредственно в Боснийском вилайете[4]. Известно о двух попытках реализации этой идеи — в Баня-Луке (Босния) под руководством Васы Пелагича (1838–1899) и в монастыре Житомыслич (Герцеговина) под руководством Серафима Перовича (1827–1903). История школьного дела в Боснии и Герцеговине была и является предметом изучения многих исследователей. Достаточно вспомнить труды югославских историков В. Богичевича и М. Папича[5]. В отечественной историографии одной из первых к донесениям российских консулов о состоянии просвещения в Боснии и Герцеговине обратилась В.Н. Кондратьева[6]. Хорошо изучена биография Васы Пелагича. Эта выдающаяся личность привлекала внимание многих историков[7]. Его связям с Россией посвятила свою монографию Д.Ф. Поплыко[8]. Тем не менее, ещё остается много вопросов, как о работе православных семинарий в Боснии и Герцеговине, так и о роли России в их открытии.

Основными источниками для подготовки этого небольшого исследования послужили материалы архивов российских консульств в Сараеве и Мостаре, Св. Синода, Московского славянского благотворительного комитета (далее — Славянский комитет) и его деятелей, а также протоиерея русской посольской церкви в Вене Михаила Фёдоровича Раевского (1811–1884)[9]. Все они хранятся в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, а также частично опубликованы[10].

---

1 *Убичини., де-Куртейль, 1877.* С. 207–213.

2 С 1868 г. — вице-консульство.

3 См. подробнее: Мельчакова, 2019. С. 265–294.

4 В 1865 г. Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак были объединены в вилайет.

5 См., например: Bogićević, 1965; Папић, 1978.

6 Кондратьева, 1980. С. 231–249.

7 См., например: Бесаровић, 1952; Карасёв, Кондратьева, 1966. S. 357–368.

8 Поплыко, 1983.

9 См. о нём: Чуркина, 2011.

10 Зарубежные славяне и Россия, 1975; Југословени и Русија, 1989; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988; Уједињена Омладина српска, 1977.

Семинария в Баня-Луке

Ещё в 1859 г. в Константинопольском Патриархате депутат от боснийского народа Гавро Вучкович, избранный сараевской православной общиной, выступил с заявлением о необходимости открытия в Сараеве семинарии. В 1863 г. на собрании представителей православного духовенства Боснии было принято решение об основании православной семинарии в Баня-Луке. Тогда же открылся сбор средств на будущее учебное заведение, первое пожертвование в 1 000 дукатов внёс Дабро-Боснийский митрополит Игнатий (1861–1868 гг.)[11] Открытие семинарии было бы невозможно без деятельного участия Васы (Василия) Пелагича. Кратко скажем о нём. Пелагич родился в 1838 г. в боснийском селе Жабар[12], недалеко от Брчко. Учился в гимназии и семинарии в Белграде. Вернувшись в Боснию, развернул бурную деятельность на педагогическом поприще: работал учителем в школе в Брчко, открыл там читальню. В 1863 г. Пелагич бежал от преследования османских властей в Белград. Сербский митрополит Михаил (1826–1898) порекомендовал молодого талантливого преподавателя протоирею русского посольского храма в Вене М.Ф. Раевскому. Пелагич направился в Австрию, а оттуда — в Москву, где пробыл до лета 1865 г.[13] Благодаря известному общественному деятелю Ивану Сергеевичу Аксакову (1823–1886) он ежемесячно получал стипендию в 30 руб. от Славянского комитета[14].

В Москве Пелагич сблизился со славянофильскими кругами, публиковал небольшие статьи в московских газетах[15]. В качестве вольнослушателя историко-филологического факультета посещал Московский университет. По некоторым сведениям, также учился в Киевской Духовной академии[16]. В 1865 г. Пелагич вернулся в Боснию и приступил к реализации разработанного ещё в России плана, который предполагал открытие трёх семинарий и 58 начальных школ на территории Боснии, Герцеговины и Старой Сербии[17].

В письме к М.Ф. Раевскому от 10 сентября 1867 г. Пелагич сообщал, что 1 октября Дабро-Боснийский митрополит Игнатий благословил начало работы семинарии в Баня-Луке и определил Васу в качестве её профессора и управителя[18]. Согласно данным русских источников, изначально в семинарии обучалось 10 человек (3 из них были непосредственно под опекой Пелагича)[19]; в 1868 г. учебное заведение посещало уже 53 мальчика (15 из которых

---

11 Лукић, 2018. С. 120–122.
12 В 1970 г. переименовано в Пелагичево.
13 Поплыко, 1983. С. 20.
14 Чуркина, 2011. С. 165.
15 Поплыко, 1983. С. 31–32.
16 Пилиповић, 2012. С. 89–90; Koetschet, 1909. S. 33.
17 Поплыко, 1983. С. 14.
18 ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 1–2.
19 Там же.

были на содержании у Пелагича)[20]; к январю 1869 г. количество учеников возросло до 63[21]. Пелагич также руководил двумя начальными школами и основал общественную читальню.

Учёба в семинарии начиналась в сентябре и заканчивалась в июне. Действовала пятибальная система оценивания. Учебники закупались в Белграде. Обучение длилось три года, учебный год делился на два полугодия, в каждом из которых были новые предметы:

первый класс: катехизис, сербская история, священная история, сербская грамматика, география, математика (исчисление), немецкий язык, пение, каллиграфия (с 1868 г.);

второй класс: переводы Священного писания (до 1870 г.), общая история, история Церкви, сербская грамматика, география, немецкий язык (до 1870 г.), диалектика и пение, математика (исчисление, с 1868 г.), славянский язык (с 1870 г.), синтаксис сербского языка (с 1873 г.), физика и естествознание (с 1873 г.);

третий класс: догматика, «пастирка» (вероятно имеется в виду пастырское богословие), история Церкви, нравственное богословие (до 1874 г.), каноны (до 1873 г.), методика преподавания (до 1873 г.), математика, всеобщая история, омилитика (церковное красноречие, до 1873 г.), немецкий язык (1873 г), естествознание (с 1873 г.), каноническое право (с 1874 г.)[22]

Пелагич считал, что православное учебное заведение должно стать главным очагом сопротивления римско-католической пропаганде в Баня-Луке. В это время на венгерские деньги трапписты занимались там сооружением монастыря, училища и больницы[23]. В городе преобладало христианское население. Однако он граничил с наиболее густо заселёнными мусульманами областями (Бихачский санджак). Затея Васы Пелагича вызывала сомнения у ряда жителей Боснии и Герцеговины[24]. Так, по словам сараевского архимандрита Саввы Косановича[25], до 1868 г. в Баня-Луке не было организаций по подготовке восстания, семинария же стала главным агитационным центром. Самого Пелагича он называл «разбойником»[26]. Сербский исследователь С. Лукич отмечает, что среди противников открытия семинарии были дипломатический агент Австро-Венгрии в Баня-Луке

---

20 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 140; ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 7.

21 ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 8; ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.–125.

22 Лукић, 2018. С. 125–126.

23 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 86.

24 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 10 об.

25 Савва Косанович (1839–1903), уроженец Герцеговины, в 1860 г. окончил курс обучения в Белградской семинарии, с 1862 г. — дьякон, с 1863 г. — священник, 19 июня 1872 г. постригся в монахи, а в день освящения собора Рождества Пресвятой Богородицы Дабро-Боснийский митрополит Паисий рукоположил его в архимандриты. В 1872–1874 гг. находился в России с целью сбора пожертвований для обустройства новопостроенного храма в Сараеве и покрытия долгов сараевской православной общины. В 1881–1885 гг. — Дабро-Боснийский митрополит.

26 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 10 об.

Станислав Драганчич и местные уроженцы Йово Пиштелич и Томо Радулович. Все они также опасались, что действия Пелагича спровоцируют повстанческие настроения в городе[27].

В процессе устройства семинарии российские дипломаты и общественные деятели активно обсуждали вопрос о целесообразности поддержки данного учебного заведения. Необходимость его открытия не ставилась под сомнение, но избранное Пелагичем место подвергалось критике. В феврале 1868 г. Пелагич сообщал в письме М.Ф. Раевскому, что принял монашеский постриг от Зворницко-Тузланского митрополита Дионисия (с мая 1868 г. по 1871 г. — Дабро-Боснийский митрополит. — *К.М.*), а затем был произведён им в архимандриты[28]. По указанию Дионисия от 18 декабря 1868 г. священники должны были пожертвовать по 1 дукату на открытие семинарии, по 1–2 грошей собирали дополнительно и с каждого православного дома при взимании мирии (налог в пользу митрополита. — *К.М.*)[29].

Сербские исследователи отмечают, что по протекции И.С. Аксакова семинария ежегодно получала от Московского славянского комитета по 500 дукатов[30]. Однако в отчётных документах Комитета обнаружить эту статью расходов нам не удалось. По сообщениям М.Ф. Раевского, первые три года архимандрит содержал семинарию на свои средства и при помощи жителей Баня-Луки. В 1867 г. Пелагич лично пожертвовал 100 дукатов церковной общине города на основание фонда для бедных учеников. Тогда же он просил М.Ф. Раевского о финансовой помощи, а также прислать глобус, компас, карту, Евангелие, Апостол, Служебник, Месячные минеи, Общие минеи, Триодь, Пентикостарион и Большой требник[31]. Позже направлял списки необходимых богослужебных книг[32]. С 1868 г. при содействии сербского митрополита Михаила семинарии назначалась ежегодная помощь от правительства княжества Сербия в размере 650 голландских червонцев (ок. 2 000 руб.)[33]. В апреле того же года Пелагич благодарил Раевского за присланную в семинарию утварь для ризницы и крест[34]. Летом 1868 г. В. Пелагич через М.Ф. Раевского просил оказать содействие семинарии, которая, по его словам, должна была стать стеной от укрепляющего свои позиции латинства[35].

Неожиданно противником открытия семинарии в Баня-Луке выступил российский консул в Сараеве Алексей Николаевич Кудрявцев (1868–1877 гг.) Ещё в июле 1868 г. он обращался к М.Ф. Раевскому с просьбой оказать содействие Пелагичу[36]. Однако уже в октябре его настроения изменились и тот же Раевский получил письмо с рекомендацией воздержаться от помощи семинарии

---

27 Лукић, 2018. С. 121.
28 ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 4–5.
29 Лукић, 2018. С. 122.
30 Там же.
31 ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 1–2.
32 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 140.
33 ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.–125.
34 ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 6.
35 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 127–130.
36 Југословени и Русија, 1989. С. 311–312.

в Баня-Луке[37]. Тогда же российский консул направил два идентичных донесения в Азиатский департамент МИД России и Славянский комитет[38], где сообщал следующее: «В императорское консульство обратился с ходатайством о вспомоществовании для открытия богословской большой школы в Баня-Луке молодой архимандрит Василий Пелагич. Вполне сочувствуя сему благому делу и разделяя мнение всех благомыслящих босняков патриотов о необходимости учреждения духовной семинарии для приготовления приличного духовенства, я однако же не могу согласиться с тем, чтобы подобное заведение учреждено было вдали от контроля российского консульства, которое должно иметь законное влияние на судьбы созданного на русские деньги учреждения. Кроме того, в центральном месте управления (Сараеве. — *К.М.*) духовный рассадник наук подвержен меньшей опасности преследований и политических ударов, которые в глуши, далеко от глаз представителей иностранных держав, могут часто быть наносимы произволом каймакамов и мудиров. Турецкие сановники всё же совестятся г[оспод] консулов. А в Баня-Луке вице-губернатор и австрийский консульский агент разом представят своим правительствам обстоятельство учреждения не рассадника богословских наук, а рассадника политической пропаганды. Тогда закроется духовная семинария...»[39]. Опасения, высказанные консулом Кудрявцевым, не были беспочвенными. В это время османские власти в лице главного проводника реформ османизма в крае генерал-губернатора (вали) Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паши (1861–1869 гг.) столкнулись с рядом серьёзных проблем. Недовольство мусульманской части населения преобразованиями и активизация пропаганды среди христиан со стороны Австро-Венгрии, России и княжества Сербии способствовали усилению полицейского надзора[40].

В феврале 1869 г. произошёл инцидент с учениками семинарии[41]. По словам российского консула А.Н. Кудрявцева, они без особых причин подверглись нападению отряда турецких заптие (жандармов. — *К.М.*). Пелагич лично вступился за своих подопечных. Это послужило поводом для обвинений архимандрита. Начались судебные разбирательства. Яркая речь Пелагича в суде имела явно антитурецкий характер и вызвала раздражение у османских властей. С подачи австрийского консульства поползли слухи о том, что это выступление было сделано по предписанию российского консула Кудрявцева. Это ещё больше скомпрометировало архимандрита[42].

В марте 1869 г. М.Ф. Раевский сообщал Н.А. Попову: «Долгом моим поставлю обратить внимание Славянского комитета на боснийского архимандрита

---

37 Там же. С. 312–313.

38 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 141–145; ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 117–125.

39 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 123 об.–124 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 144.

40 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 119; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 142.

41 Подробнее об этом см.: Бесаровић, 1969. С. 40–51; Лукић, 2018. С. 127.

42 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 174–177.

Пелагича, учреждённую им в Баня-Луке семинарию и вновь открывшееся женское училище. Кто такой этот архимандрит Пелагич? Это тот боснийский воспитанник, которого года четыре тому назад я послал в Москву и которого вскормил Слав[янский] комитет. Возвратившись в Боснию, он первоначально был там просто учителем народной школы. Видя, что Боснию может поднять одно только образованное духовенство, он решился основать там семинарию. С этой же целью обратился за пособием к тамошним купцам, стал собирать деньги, отказался от выгодной женитьбы, постригся в монахи и митрополитом Дионисием посвящён в иеромонаха, потом произведён архимандритом. Чтоб подальше уйти от надзора турецких властей, нового митрополита, недоброжелателей, старых предрассудков и больше действовать на римско-австрийскую пропаганду, он основал семинарию в центре пропаганды, Баня-Луке, где и общество православных более концентрировано. <...> Пелагич обратился ко мне с просьбой ещё в августе месяце (1868 г. — *К.М.*), но Комитет так напугал меня своим безотрадным положением, что я не решился и беспокоить его просьбой о ежегодном вспомоществовании в 1 000 р[уб]. Теперь, когда дела поправляются, когда Пелагич постоянно обращается с просьбой, когда ходатайствует о нём митр[ополит] Михаил (Сербский. — *К.М.*), я представляю просьбу Пелагича на усмотрение Комитету, переведите её и представьте собранию. Пелагич просил о ежегодном вспомоществовании семинарии в 1 000 р[уб]. и женскому училищу 200 р[уб]. Когда Комитет согласится на это пособие, то прошу прислать деньги сюда ко мне. Я буду их пересылать перосв[ященному] Михаилу, поручив ему контроль и ответственность в распоряжении суммы. Вчера получил известие, что турки добрались до Пелагича и в Баня-Луке, его позвали в Сараево, школу закрыли, учеников разогнали. Известия этого я ожидал, но не опасаюсь. Осман-паша долго в Сараево не усидит, школа пошла хорошо, пользуется сочувствием боснийских торговцев, они и ревность Пелагича защитят её. Пройдёт, может быть, месяц, и мы услышим что школа вновь существует»[43].

В мае 1869 г. расследование было временно прекращено. Пелагича передали под наблюдение Дабро-Боснийского митрополита Дионисия II[44]. Тогда же Васа сообщал, что из России получал лишь обещания в содействии открытию семинарии, но никакой реальной помощи так и не поступило. Он вновь просил прислать 1 000 руб. на семинарию. Деньги нужно было передать через М.Ф. Раевского, сербского митрополита Михаила или российского консула А.Н. Кудрявцева. Архимандрит предполагал, что семинария возобновит работу в июле под руководством Джоки (Джордже) Лазаревича[45].

В 1869 г. Славянский комитет выделил для раздачи пособий в Боснии 350 руб.[46] Раевский, через которого передавали средства, сообщал секретарю Московского славянского комитета Н.А. Попову в августе, что отложил эти

---

43 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 17. Ед. хр. 14. Л. 17–22 (оригинал письма); ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 122–127 (отпуск письма).

44 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 180.

45 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 5–7.

46 ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 19.

средства для семинарии в Баня-Луке, надеясь на благоприятный исход решения дела[47]. Были ли они переданы в конечном итоге, установить не удалось. О деле В. Пелагича упоминает на страницах воспоминаний и постоянный помощник, дипломатический агент (клеврет) вали швейцарец Йозеф Кечет (1830–1898)[48]: «Вскоре после нашего возвращения из Фиуме[49] архимандрит Васа Пелагич был отстранён от должности главы недавно созданного сербского православного богословского учебного заведения в Баня-Луке и предстал перед особым судом в Сараеве. Молодой священнослужитель, уроженец Боснии, получивший образование в Белграде и Киеве, открыто заявлял о своих великосербских идеях и революционных намерениях. Студенты семинарии, естественно, приняли политические принципы своего учителя, распевая по ночам на улочках Баня-Луки зажигательные сербские национальные песни и непристойно разглагольствуя о турецком правительстве, где и когда только представлялась такая возможность. Естественно, они вступили в конфликт с властями, и Пелагич был доставлен в столичный город Сараево. Однажды в воскресенье Осман-паша собрал большой совет, на который он созвал, кроме митрополита, ещё шестерых самых уважаемых сербов. Вали зачитал отчёт местных властей Баня-Луки о произошедшем там, в котором подробно описывалась политическая агитация архимандрита. Ни одно правительство не могло оставаться равнодушным к такому, считал вали, и он тоже мог бы с полным правом бросить Пелагича в тюрьму и предать суду, но, учитывая великодушное отношение султана ко всем своим подданным, он всего лишь передал его под наблюдение митрополита». На заседании суда Пелагичу был задан вопрос: «признаёт ли он предъявленные обвинения?». Архимандрит «вскочил со своего кресла, чтобы, крича и яростно жестикулируя, разразиться потоком оскорблений в адрес властей Баня-Луки и вообще изрекать о турецких притеснителях сербов, изображать с горящими гневом глазами рабство райи и призывать к мести Бога над тиранами. В первые мгновения всё собрание оцепенело от ужаса, пока

---

47 ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 137–139.

48 Йозеф Кечет (1830–1898), уроженец Швейцарии, родился в семье патрициев, эмигрировавших из Нидерландов. Учился в Берне, Вене и Париже. После учебы отправился в Османскую империю и стал военным врачом. В Крымскую войну дослужился до главного врача Дунайской армии, а после окончания военных действий стал личным доктором Омер-паши Латаса. В 1862 г. Омер-паша начальствовал над турецкими войсками в Герцеговине и Черногории, так в эти края попал и Кечет. В 1864 г. он окончательно переехал в Сараево, где прожил до своей кончины. Кечет стал личным врачом генерал-губернатора Осман-паши, а затем и его личным секретарем. В разное время был городским и полицейским врачом. Йозеф Кечет вёл дневниковые записи на французском языке, где фиксировал историю Боснийского вилайета через призму работы его управителей с 1863 по 1875 гг. Все его бумаги были уничтожены в пожаре 1875 г. После оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией он возобновил работу теперь уже над воспоминаниями. После его кончины записи были обработаны, отредактированы и опубликованы юристом Георгом Грасслем. В свет вышла книга на немецком языке: «Осман-паша, последний великий визирь Боснии, и его преемники: сохранившиеся записи» (Сараево, 1909): Koetschet, 1909.

49 В 1869 г. генерал-губернатор Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паша по поручению османских властей встретился с австрийским императором Францем Иосифом в Фиуме (Риека). В путешествии его сопровождал Й. Кечет.

Осман-паша не махнул своему помощнику, чтобы тот отвёл фанатика в соседнюю комнату. <...> Осман-паша завершил собрание сообщением, что его намерением было, если архимандрит будет вести себя прилично, просто выдать молодому человеку пропуск на выезд за границу после резкого выговора, но теперь ему не остается ничего другого, как составить масбату (протокол) об инциденте и приказать, чтобы Пелагича под конвоем отвезли в Стамбул, в Высокую Порту. Так оно и произошло»[50].

Таким образом, в 1869 г. Пелагич предстал перед судом в Константинополе и был приговорён к ссылке сроком на 101 год в Малую Азию. Пострадали и педагоги, работавшие в Банялукской семинарии. Однако её удалось спасти и она продолжала функционировать с августа 1869 г. до конца 1875 г.[51] За всё время в учебном заведении работало 14 преподавателей. Кроме В. Пелагича все они были светскими людьми[52].

В изгнании Пелагич провёл всего 15 месяцев. Тогда именно Россия встала на его защиту. Ещё по дороге к месту ссылки в 1870 г. российский посол в Константинополе Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) передал архимандриту денежное пособие и способствовал установлению контактов с земляками[53]. В 1871 г. стараниями Игнатьева удалось устроить побег Пелагича. Он получил русский паспорт и на пароходе «Тамань» был вывезен в Одессу, а оттуда перебрался в Белград. История побега Пелагича обрастала легендами. В мае 1871 г. Кудрявцев докладывал Игнатьеву: «Православное население Боснии приняло с живейшим восторгом известие о пребывании в Белграде своего несчастного соотечественника архимандрита Василия Пелагича, сосланного два года тому назад к аравийским границам. Пелагич писал сюда, что бежал из заточения следующим образом: местные турки вступили с ним в сношения, так как он распустил слух, что мусульманин. Однажды к нему явилось несколько человек и он им рассказывал, что в Боснии мусульмане не говорят по-турецки, что он убил трёх влахов[54] — православных христиан, что его за это сослали, тогда как он считает себя невиновным, ибо полагает, что сделал доброе дело. Турки дали ему денег, одежду, лошадь и проводника, и ночью вывезли тайно из города»[55].

В Сербии Пелагич активно работал в рядах Омладины[56]. О причинах, подвигнувших его примкнуть к этому движению, он подробно рассказал в своей работе

---

50 Koetschet, 1909. S. 33–34.

51 Лукић, 2018. С. 127. По другой версии, семинария закрылась с началом восстания в Боснии и Герцеговине. См.: Папић, 1978. С. 105.

52 С 1866 г. в семинарии работали Васа Пелагич и Пётр Митрович, с 1868 г. — Дмитрий Ристич, в 1869–1871 гг.: Джордже Лазаревич, Саво Вулетич, Сретен Теодорович; в 1871–1872 гг.: Дж. Радулович, Стево Вулетич и А. Васильевич; в 1873–1874 гг.: Симо Попович заменил А. Васильевича; 1874–1875 гг.: Дж. Радулович (до нач. февраля 1875 г.) и Арон Тапавица. См.: Лукић, 2018. С. 128 (сноска 35).

53 Зарубежные славяне и Россия, 1975. С. 176.

54 Подчеркивание в тексте документа.

55 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. Л. 40 об.–41.

56 Уједињена омладина српска (Объединённая сербская молодёжь) — сербское тайное общество, стремящееся к объединению всех сербских земель.

«Покушаји» («Попытки» — сербск.), вышедшей из печати в 1871 г.[57] Это сочинение не прошло мимо учеников семинарии в Баня-Луке, о чём подробно докладывал начальству А.Н. Кудрявцев[58] (это же донесение было переслано из МИД в Св. Синод[59]): «Будучи начальником богословского училища он (Пелагич. — *К.М.*) преподал в своей книге следующие советы ученикам: “Вы должны смотреть на школу как на малый народ, задача которого состоит в том, чтобы критиковать своих ленивых, невнимательных, злых и невежественных наставников и учителей”. Эта последняя теория и послужила поводом к громкому явлению, постигшему банялукскую семинарию <...>. Ученики отказались повиноваться и слушать лекции своих профессоров, весьма почтенных личностей, недавно приехавших из Белграда, и подали православной общине прошение, в котором говорят, что не желают более находиться в сношениях со своими наставниками, ибо эти господа — люди грубые, невежественные и злые»[60]. В результате православная община Баня-Луки исключила более 25 человек из семинарии, в стенах которой осталось 30 учеников. «Это грустное явление произвело в Боснии между нашими единоверцами самое тяжелое впечатление и они относят его к тем испорченным семенам, которые были брошены архимандритом Пелагичем во время управления его банялукской богословией (семинарией. — *К.М.*)», — заключал консул[61]. Кудрявцев вновь предлагал начальству способствовать открытию семинарии с Сараеве[62].

Во время восстания 1875–1878 гг. в Боснии и Герцеговине Пелагич стал одним из его руководителей. После оккупации Боснии Австро-Венгрией он перебрался в Сербию. В его жизни было много взлётов и падений. За пропаганду социалистических идей в 1896 г. он был арестован и умер в тюрьме города Пожаревац (1899 г.). Как верно подметила Д.Ф. Поплыко: «Он прошёл долгий и сложный путь идеолога и политического борца: от просветителя до сторонника социал-демократии, от рядового учителя до руководителя масс в антиосманском восстании, а позднее — организатора первых в Сербии маёвок»[63].

Семинария в монастыре Житомыслич

Заветной мечтой мостарской православной общины было открытие в Герцеговине семинарии. Попытку осуществления этого проекта взял на себя Серафим Перович (1827–1903). Он родился в 1827 г. в селе Горица неподалеку от Требине (в Восточной Герцеговине). В 1848 г. принял монашеский постриг в монастыре

---

57 Пелагић, 1871. 236 с.

58 Уједињена Омладина српска, 1977. С. 240–241.

59 РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Отд. II. Стол 3. Д. 22.

60 Уједињена Омладина српска, 1977. С. 241.

61 Там же.

62 Православная семинария открылась в Сараеве только после Австро-Венгерской оккупации в 1882 г.

63 Поплыко, 1983. С. 3.

Дужи, где провёл детство, а позже стал иеромонахом. В 1853 г. Перович отправился в Белград, где до 1857 г. проходил курс обучения в семинарии, а затем вернулся в Герцеговину. Некоторое время он работал в мостарской школе для мальчиков, а в 1858 г. стал игуменом монастыря Житомыслич, в 1864 г. был произведён в архимандриты.

В августе 1863 г. С. Перович обратился в российское консульство в Мостаре с просьбой об организации его поездки в Россию с целью сбора средств для открытия семинарии при монастыре Житомыслич[64]. В Азиатском департаменте МИД позитивно отнеслись к такому намерению. Решено было способствовать открытию семинарии в Житомысличе, который должен был стать центром духовного образования для всей православной Герцеговины. Российский консул в Мостаре Валериан Владимирович Безобразов (1859–1866 гг.) направил ходатайство Перовича в Св. Синод. В начале 1864 г. разрешение на двухгодичную поездку в Россию было получено[65].

О поездке Серафима Перовича известно немного. Из имеющихся документов следует, что он пробыл на русской земле примерно два года, выучил русский язык, получил в подарок от Императора Александра II золотой наперсный крест[66]. Помощь гостю из Герцеговины оказывал Славянский комитет. В сентябре 1865 г. архимандрит хотел прервать свою поездку и вернуться на родину, куда призывали его дела обители. Он ходатайствовал о замене его на двух иеромонахов (Савву Косановича и Феодосия Веселицу). Перович просил продлить для них срок сбора подаяний ещё на год[67]. Вероятно это предложение было отклонено.

В конце ноября — начале декабря 1865 г. С. Перович обратился в Св. Синод со следующими прошениями: 1) прислать в Герцеговину на три-четыре года иеродьякона московского Сретенского монастыря Антония и монаха Парфения для обучения местного духовенства «стройному совершению церковных служб и доброгласному пению»; 2) пожаловать св. миро, антиминсы, восемь полных кругов богослужебных книг для ряда монастырей и церквей края[68]. 13 декабря Св. Синод принял решение о выдаче 8 кругов богослужебных книг для названных герцеговинских монастырей и церквей на сумму 236 руб. Вопрос о пересылке литературы для беднейших церквей был отложен до «более благоприятных денежных обстоятельств»; просьба об отправке в Герцеговину иеродиакона Антония и монаха Парфения была направлена на рассмотрение к Московскому митрополиту Филарету (Дроздову)[69]. 31 декабря 2 ящика книг были доставлены в Азиатский департамент МИД[70]. В России Перовичу удалось собрать большую библиотеку. Она состояла как из пожертвованных книг, так и лично приобретённых архимандритом.

---

64 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864, 1985. С. 436–437.

65 Там же. С. 437.

66 РГИА. Ф. 796. Оп. 145. Д. 1067. Л. 6–6 об.

67 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3968. Л. 2–5.

68 РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1873. Л. 5–5 об.

69 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 36–37; РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1873. Л. 5–7.

70 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3949. Л. 20–20 об.

В феврале 1866 г. Серафим Перович вернулся в Герцеговину и энергично принялся за устройство семинарии. Чтобы оградить себя от разбирательств по вопросу о распоряжении собранными в России средствами, он взял письменное обязательство с мостарской православной общины о её невмешательстве в дело открытия учебного заведения[71].

В сентябре 1867 г. в Мостар к месту службы прибыл А.Н. Кудрявцев (и.о. консула в 1867–1868 гг.). В отличие от своих предшественников, он не разделял восторгов относительно личности С. Перовича. В донесении к послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву Кудрявцев крайне негативно отозвался об о. Серафиме и его деятельности: «Одарённый природным умом и красноречивым словом, хитрый, честолюбивый и лукавый, он получил очень порядочное образование в Белграде. Прибыв на свою родину, он вскоре сумел сделаться игуменом монастыря Житомысличи (Житомыслич.– *К.М.*). Под личиной патриота и великого ревнителя православия и народа, он возмечтал сделаться митрополитом Герцеговины, великим и вместе зажиточным человеком <...>. Войдя в тесную связь с бывшим русским консулом (В.В. Безобразовым. — *К.М.*) и приобретя лестью и умением говорить полное и неограниченное его доверие, он воспользовался симпатией и влечением его к несчастным единоверцам нашим»[72]. Из донесения Кудрявцева в МИД мы узнаем о том, каким образом архимандрит распорядился собранными в России средствами. Сербские газеты пестрели восторженными сообщениями о новой семинарии, открытой при монастыре Житомыслич. Однако «расцвет» этого учебного заведения был только на бумаге. На самом деле С. Перович за 1 000 червонцев купил дом в Мостаре и сдал его в аренду российскому консульству. Остальные деньги он раздал под проценты местным торговцам, а привезённые из России книги якобы выставил на продажу[73]. Новая семинария оказалась чистой воды профанацией. «Прежняя для малых детей земледельцев школа осталась так, как была. По-прежнему окна без стекол, закупоренные пуками сена, прежнее малое помещение, прежнее число скамеек. Что было нового — это молодой наставник, воспитывавшийся в Белграде, но едва знающий первоначальное и необходимое для передачи детям <...>. Может ли быть при богословской семинарии только один профессор и тот, получающий по три червонца в месяц жалованья? Могут ли учиться богословию десяти- и двенадцатилетние мальчики, знающие едва читать по складам и выучивающие на память без всякого понимания то, что им укажут в книге? Скажу. В Житомысличах никакой богословской семинарии не было открыто», — сообщал Кудрявцев в 1867 г.[74]. Возможно, такого негативного отзыва Перович удостоился из-за личного конфликта, который возник у него с консулом. Однако и другие российские дипломаты в своих последующих донесениях говорили лишь о существовании училища при монастыре Житомыслич и острой необходимости открытия семинарии.

---

71 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875, 1988. С. 48–49.

72 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2053. Л. 75 об.-79.

73 Там же. Л. 77 об.

74 Там же. Л. 77.

К примеру, в сочинении вице-консула в Мостаре Николая Александровича Иларионова (1866–1872 гг.) из 1870 г. читаем: «При монастыре устроена школа, которую намерены были преобразовать в семинарию, для чего был допущен сбор в России, но так как для устройства семинарии в полном смысле слова собрано очень мало и не имеется достаточных средств, то при житомысличской школе находится один учитель, дающий самое первоначальное образование. Хотя вообще школа и не соответствует вполне своему назначению, которое хотели придать ей, но всё-таки она может считаться самым лучшим православным училищем в Герцеговине»[75].

В конце 1869 г. Иларионов обращался в Московский славянский комитет с просьбой о содействии в открытии семинарии в Житомысличе: «Устройство семинарии крайне необходимо для православных Герцеговины, приняв особенно во внимание усиленные действия католических пропаганд (в рассмотренный период при францисканском монастыре Широкий Брег функционировала семинария, шла работа по организации большого образовательного центра в Хумаце. — *К.М.*), и до́лжно как можно скорее поспешить помочь исполнению этой самой насущной потребности единоверцев наших. Лица, получившие образование в этой семинарии, могут впоследствии становиться не только священниками разных приходов, но и учителями первоначальных школ, так что скорейшее устройство семинарии необходимо даже прежде открытия других школ. <...> для построения здания семинарии, и для снабжения его всем необходимым требуется по крайней мере 1 500 червонцев, на которые можно будет устроить очень приличное помещение для богословского училища. Кроме этого единовременного пособия необходимо вместе со 100 червонцами, составляющими доход из денег, собранных уже в России, можно содержать несколько хороших учителей, а равно и производить некоторые мелкие расходы; монастырь же может кормить как учителей, так и учеников»[76].

Интересно, что исследователь М. Папич в своей монографии о православных школах в Боснии и Герцеговине даже не упоминает о намерении С. Перовича открыть семинарию. Речь идет лишь о работе духовной школы при монастыре Житомыслич. Историк школьного дела в Боснии и Герцеговине говорит о том, что духовная школа во главе с С. Перовичем была открыта в 1866 г. в Мостаре, а в 1867 г. была перенесена в Житомыслич. В учебном заведении действовало 4 класса, оно управлялось школьным советом, в состав которого входил сам С. Перович, Герцеговинский митрополит (глава совета) и пять торговцев[77]. В 1870 г. отец Серафим, его брат Йован и священник Леонтий Радулович были арестованы османскими властями по подозрению в организации восстания и отправлены в ссылку в Феццан[78].

---

75 Иларионов, 1870. С. 17.

76 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 92 об.–93.

77 Папић, 1978. С. 99.

78 1876 г. братья Перовичи и Л. Радулович были освобождены благодаря вмешательству иностранных держав. В 1889–1903 гг. Серафим Перович занимал кафедру Герцеговинского митрополита. Й. Кечет непосредственно участвовал в обыске монастыря Житомы-

По сведениям М. Папича, духовная школа в Житомысличе прекратила работу в 1872 г.[79] Сменивший Иларионова на посту вице-консула Яков Петрович Славолюбов (1872–1875 гг.) в сентябре 1872 г. посетил Житомыслич и оставил следующее описание: «На собранные архимандритом Серафимом в России деньги построено здание в 2 этажа с подвалом внизу. В нем имеется 8 келий, трапеза и комната для библиотеки, а также возобновлена церковь. С боку здания производится ныне постройка о 4-х келиях, которая в настоящую зиму приведена будет к концу. Библиотека состоит большей частью из книг, пожертвованных в России; мне показали две древних рукописи. При монастыре имеется маленькая школа, которую посещают до 15 мальчиков. Учителем при школе церковный певец»[80]. О богатстве библиотеки монастыря сообщал ранее и Н.А. Иларионов[81].

В 1873 г. Славолюбов повторял просьбу Иларионова о выделении 1 500 червонцев на семинарию в Житомысличе в письме в Одесское славянское благотворительное общество[82]. По его прогнозам, к её обустройству было бы целесообразно приступить в 1875 г., после подготовки преподавателей из местных уроженцев, «дабы свет науки не ограничивался только Мостаром и Житомысличем, а проливался бы на всю Герцеговину»[83].

Не оставлял надежды на открытие семинарии и мостарский архимандрит Иоанникий Памучина (1810–1870). Ещё в 1869 г. он обратился в российский МИД с просьбой о помощи в приобретении на 800 червонцев пятипроцентных билетов государственного банка первого выпуска 1860 г., чтобы следующие с капитала проценты уплачивались ему до кончины, а после шли «на вечные времена», оставляя неприкосновенным сам капитал, в пользу православной герцеговинской семинарии, если она когда-нибудь откроется, в ином случае — в пользу мостарского православного училища[84].

В годы османского правления православная семинария так и не была открыта в Герцеговине. Проценты с капитала Памучины передавались исправно общине до 1877 г. По прошению российскому правительству (1880 г.) выдача была возобновлена. В архивных документах МИД хранятся расписки, свидетельствующие о передаче денежных средств за 1881–1891 гг.[85]

лич и оставил в воспоминаниях записи об аресте братьев Перовичей и Л. Радуловича. В ходе обыска была обнаружена компрометирующая архимандрита переписка с деятелями из княжества Сербии. В отличие от В. Пелагича, о С. Перовиче Кечет отзывался с сочувствием и в позитивном ключе. Вероятно причиной этому послужило непринятие социалистических взглядов В. Пелагича. См.: Koetschet, 1909. S. 46–50.

79 Папић, 1978. С. 99.

80 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2058. Л. 129.

81 Иларионов, 1870. С. 16.

82 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 628. Л. 6–6 об.

83 Там же. Л. 6 об.

84 Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6703. Л. 1–5.

85 Там же. Л. 53–105.

***

Короткое пребывание Васы Пелагича в России способствовало формированию проектов его просветительской деятельности. Не удалось выявить документов, свидетельствующих о систематической финансовой поддержке со стороны России начинаний Пелагича в Баня-Луке. Вероятно, русская благотворительность ограничивалась присылкой учебной и богослужебной литературы, церковной утвари и предметов, необходимых для обучения. Такое положение вещей объясняется тем, что российские дипломаты считали опасным и несвоевременным выбор именно Баня-Луки для устройства семинарии. Кроме того, излишние контакты Пелагича с российским консульством привлекали особое внимание к его персоне и вызывали подозрения со стороны османских властей. Проект открытия семинарии в Житомысличе получил бóльшую поддержку. Специально для Серафима Перовича была организованна поездка в Россию. Однако итоги его работы вызвали разочарование. Несмотря на поступающие в дельнейшем донесения российских дипломатов о необходимости открытия семинарии, делу не был дан ход.

История распорядилась так, что Серафим Перович и Васа Пелагич, которые больше всех приложили сил к открытию семинарий в Боснии и Герцеговине, оказались в ссылках. Российское правительство признало оба проекта неудавшимися, а у благотворительных организаций было недостаточно средств для воплощения их в жизнь.

Источники и литература

Бесаровић Р. Васо Пелагић: живот и дело. Сарајево: Свјетлост, 1969. 199 с.

Донесение А.Н. Кудрявцева Н.П. Игнатьеву № 156. Мостар, 11/23 ноября 1867 г. // АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Д. 2053. Л. 72–79.

Донесение А.Н. Кудрявцева Н.П. Игнатьеву № 53. Сараево, 5/17 мая 1871 г. // АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2333. Л. 40–41 об.

Донесение Я.П. Славолюбова Н.П. Игнатьеву № 136. Мостар, 15 октября 1872 г. // АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2058. Л. 124–131 об.

Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 гг. XIX в. Отв. ред. С.А. Никитин. М.: Наука, 1975. 576 с.

Иларионов Н.А. Православный монастырь Житомыслич в Герцеговине // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1870. Кн. 3. Смесь. С. 1–17.

Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века / гл. ур. Н. Петровић. Т. II. Књ. 1. Београд, 1989. 376 с.

Карасёв В.Г., Кондратьева В.Н. Васо Пелагич и Банялукская православная семинария // Glasnik arhiva i društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine. VI. Sarajevo, 1966. S. 357–368.

Кондратьева В.Н. Русская помощь Боснии и Герцеговине в деле народного образования в 50–70-е годы XIX в. // Культура народов Балкан в Новое время. Балканские исследования. Вып. 6. М.: Наука, 1980. С. 231–249.

Копия с письма российского вице-консула в Мостаре секретарю Одесского благотворительного общества г. Митровичу. Май 1873 г. // АВПРИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 628. Л. 6–11.

Лукић С. Бањалучка богословија и оснивање Српске читаонице у Бањалуци // Српска читаоница у Бањалуци: тематски зборник. Бања Лука: Графид, 2018. С. 120–122.

М.Ф. Раевский. Письма к Попову Н.А. 1869 г. // ОР РГБ. Ф. 239 (Н.А. Попов). Картон 17. Ед. хр. 14. 50 л.

Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.

Опись бумаг Московского славянского комитета за 1868–1877 гг. // ОР РГБ. Ф. 239 (Попов Н.А.). Картон 2. Ед. хр. 2. 388 л.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. Отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. 495 с.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. 440 с.

Папић М. Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево: Веселин Маслеша, 1978. 192 с.

Пелагич В. Письма к Раевскому М.Ф. 1867–1871 гг. // ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И.В.) Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. 10 л.

Пелагић В. Покушаји за народно и лично унапређење. Биоград: Штампарија Н. Стефановића и дружине, 1871. 236 с.

Переписка Славянского благотворительного общества с разными лицами и учреждениями о развитии сети школ и библиотек на Балканах и об обучении славян в России и за границей за счёт общества // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Ед. хр. 68. 147 л.

Переписка членов Славянского благотворительного общества с разными лицами и учреждениями по организационным вопросам. 1869 г. // ГА РФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Ед. хр. 50. 34 л.

Пилиповић Р. Српски богослови на школовању у Русији у другој половини 19. века — према оцени руског царског дипломата // Годишњак за друштвену историју 2. Београд, 2012. С. 89–90.

Письма М.Ф. Раевскому от А.Н. Кудрявцева // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 347 (М.Ф. Раевский). Оп. 1. Ед. хр. 43. 33 л.

По донесению консула нашего в Сараево касательно распространения архимандритом Василием Пелагичем вредного учения между босняками. 29 января 1872 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). Оп. 42. Отд. II. Стол 3. Д. 22. 4 л.

По предложению обер-прокурора Святейшего Синода о награждении настоятеля монастыря Житомислича в Герцеговине Серафима Перовича золотым наперсным крестом. 26 мая 1864 г. // РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 145. Д. 1067. Л. 6–6 об.

По прошению архимандрита Сербского монастыря, Серафима Перовича, об отпуске для герцеговинских церквей и монастырей богослужебных книг. 3 января 1865 г. // РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 146. Д. 1873. Л. 5–7.

Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М.: Наука, 1983. 256 с.

Пособие Сараевской церкви // АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 3968. 132 л.

Пособия училищам на Востоке (Сербия, Мостар, Сараево). 1870–1892 гг. // АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 6703. 105 л.

Раевский М.Ф. Письма к Н.А. Попову (1869 г.) // ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 122–139.

Савва Косанович. Письма к Н.А. Попову. 1873 г. // ОР РГБ. Ф. 239 (Н.А. Попов). Картон 11. Ед. хр. 12. 60 л.

Убичини А., де-Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр. По официальному ежегоднику на 1875–[18]76 г. (салнаме на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1877. 240 с.

Церкви в Герцеговине // АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 3949. 159 л.

Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 200 с.

Уједињена Омладина српска и њено доба 1860–1875. Грађа из совјетских архива / гл. ур. Н. Петровић. Нови Сад: Будућност, 1977. 400 с.

Bogićević V. Istorija razvitka osnovnih škola u Bosni i Hercegovini u doba turske i austrougarske uprave (1463–1918). Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika, 1965. 274 s.

Koetschet J. Osman Pascha, der letzte grosse wesier Bosniens, und seine Nachfolger. Sarajevo: D.A. Kajon, 1909. 88 s.

Mekhamadiev Evgeny Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of History of the Middle Ages
Saint Petersburg State University,
Doctor of Historical Sciences,
Russian Federation, Saint Petersburg.
E-mail: e.mehamadiev@spbu.ru

The New Daniel and King David — the court propaganda of the power of the Byzantine Emperor Heraclius (610–641) in 627–628

Summary: the present paper deals with the two honorary epithets — "the new Daniel" and "king David", with which Byzantine Emperor Heraclius was bestowed in the years 627–628, that is prior to and in the year of his decisive victory over the Persians (628). The epithets in question appear in the works of two Heraclius' Constantinopolitan contemporaries — a cleric of the Church of Hagia Sophia Theodore Synkellus and a court poet-panegyrist George of Pisidia. Despite the differences in social and administrative-legal status, both the authors carried out the same task — to praise Heraclius for his Persian wars and to encourage a populace of Constantinople. Since the arguments of both Theodore Synkellus and George of Pisidia were in different manner the part of official imperial propaganda, the author of present paper aims to clear an ideological connection between two epithets in question and consider what functions they performed in the years 627–628. Comparing evidence of Theodore Synkellus and George of Pisidia, the author of present paper answers the question why George of Pisidia called Heraclius only "the new Daniel", but not "king David" in 628, when Heraclius has already won a victory over the Persians, while Theodore Synkellus pathetically declared Heraclius specifically as king David in 627, just one year before the victory. As the author supposes, one of the reasons of George of Pisidia's point of view was the polemics of official court propaganda against the messianic doctrine of Judaism spread in Palestine in those times.

Keywords: Byzantine Empire, Persia, Emperor Heraclius, panegyrists, Messianic teaching of Judaism.

Мехамадиев Евгений Александрович,
доцент кафедры истории Средних веков
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, Санкт-Петербург.
E-mail: e.mehamadiev@spbu.ru

Новый Даниил и царь Давид — придворная пропаганда власти византийского императора Ираклия (610–641 гг.) в 627–628 гг.

Аннотация: статья посвящена двум почетным эпитетам — «новый Даниил» и «царь Давид», которыми византийский император Ираклий наделялся в 627–628 гг., т.е. накануне и в год своей решающей победы над персами (628 г.) Эти эпитеты встречаются в произведениях двух константинопольских авторов-современников Ираклия — священника храма Святой Софии в Константинополе Феодора Синкелла и придворного поэта-панегириста Георгия Писиды. Несмотря на различия в социальном положении и административно-правовом статусе, оба автора выполняли одну и ту же задачу — прославить Ираклия за его войны с персами и воодушевить население Константинополя. Поскольку рассуждения и Феодора Синкелла, и Георгия Писиды в разных формах отражали идеи официальной имперской пропаганды времен Ираклия, автор статьи ставит целью выявить идеологическую связь двух указанных выше эпитетов и рассмотреть, какие функции они выполняли в 627–628 гг. Сопоставляя сведения Феодора Синкелла и Георгия Писиды, автор статьи отвечает на вопрос, почему в течение 628 г., когда Ираклий уже одержал победу над персами, Георгий Писида называл его только новым Даниилом, но не царем Давидом, тогда как Феодор Синкелл в 627 г., за год до победы, торжественно объявлял Ираклия именно царем Давидом. Как отмечает автор статьи, среди причин, обусловивших тональность рассуждений Георгия, была и полемика официальной придворной пропаганды с мессианским учением иудаизма, распространенным в тот период в Палестине.

Ключевые слова: Византийская империя, Персия, император Ираклий, панегиристы, мессианское учение иудаизма.

Статья поступила в Редакцию ППС 09.03. 2026 г.

Летом 628 г.[1] константинопольский поэт Георгий Писида, придворный панегирист византийского императора Ираклия (610–641 гг.), написал поэму «Ираклиада», посвященную победе императора над Персией в феврале 628 г., и, следуя правилам возвышенного риторического стиля, назвал в ней Ираклия «новым Даниилом» — с помощью такого риторического приема Георгий сравнил Ираклия со знаменитым ветхозаветным пророком Даниилом, жившим в первой половине VI в. до н.э. при дворе вавилонского царя Навуходоносора II (605–562 гг. до н.э.)[2]:

Georg. Pisid. Heracl. I, vv. 15–19[3]
Πάλιν κάμινος Περσικὴ καὶ δευτέρα
δροσίζεται φλὸξ <τῷ> Δανιὴλ τῷ δευτέρῳ,
ἀνωφερὴς δὲ καίπερ οὖσα τὴν φύσιν
χεῖται κατ᾽ αὐτῶν καὶ διώκει καὶ φλέγει
τοὺς τὴν πονηρὰν ἐκπυρώσαντας φλόγα.
Благодаря новому Даниилу вновь орошаются [росой] персидская печь и новое пламя [персидское], и хотя по природе [своей] оно (пламя — *Е.М.*) устремляется вверх, оно обрушивается на самих [персов], [оно] и преследует, и сжигает тех, кто зажег порочное пламя.

Соответственно, в данной статье мы хотели бы, во-первых, более подробно рассмотреть обстоятельства и факторы возникновения почетного эпитета «новый Даниил», впервые упомянутого в названной выше поэме Георгия Писиды. Во-вторых, мы попытаемся раскрыть связь указанного эпитета с другим «ветхозаветным» эпитетом — «царь Давид», которым Ираклий, как ни странно, прямо и непосредственно наделяется в богословской и исторической литературе своего времени всего один раз — в труде константинопольского священника Феодора Синкелла. Наконец, мы определим, как официальная пропаганда времен Ираклия (в течение небольшого периода 627–628 гг., когда Феодор Синкелл и Георгий Писида написали свои труды) использовала два этих почетных эпитета для возвеличивания его власти. Установив механизм смысловых взаимосвязей между двумя риторическими образами — эпитетами «новый Даниил» (δεύτερος Δανιήλ) и «царь Давид» — мы, в свою очередь, можем более детально раскрыть методы придворной пропаганды власти Ираклия, точнее даже — по-новому взглянуть на сами принципы работы этой пропаганды. Мы полагаем, что изучение идеологической взаимосвязи двух перечисленных выше эпитетов позволит не только показать, как Георгий Писида внушал читателям идею величия Ираклия, но и проследить, как риторические текстовые стратегии, содержащиеся в трудах Георгия, воспринимались и использовались в других жанрах византийской литературы того времени (богословие — на примере Феодора Синкелла, агиография — на примере текста «Мученичество перса Анастасия»).

---

1 Howard-Johnston, 2010. P. 22.
2 Encyclopaedia Judaica. Second Edition. Vol. 5. P. 418, sv. Daniel.
3 Цитируем поэму Георгия по изданию: Giorgio di Pisidia. Poemi. Vol. I. P. 241.

1. Новый Даниил и царь Давид — богословие и политическая риторика

Образ пророка Даниила — потомка израильского царя Давида, перемещенного в Вавилон по приказу Навуходоносора после захвата Иерусалима вавилонянами в 586 г. до н.э. и исполнявшего при дворе вавилонского правителя функции советника и толкователя снов[4], казалось бы, по вполне естественным причинам должен был дополняться в трудах византийских интеллектуалов периода Ираклия и образом самого царя Давида. Тем не менее, в первый и в то же время единственный раз Ираклий четко и недвусмысленно сравнивается с царем Давидом в проповеди (гомилии) священника хпама святой Софии в Константинополе Феодора Синкелла «Об осаде Константинополя аварами», написанной в августе 627 г. и посвященной тяжелому периоду с 29 июля по 7 августа 626 г., когда город подвергся осаде со стороны аваров и союзных им славян. Феодор входил в окружение Константинопольского Патриарха Сергия, по поручению и в честь которого он написал свою гомилию, сам же император Ираклий во время осады отсутствовал в византийской столице, поскольку в тот период он находился в землях Южного Кавказа, лично возглавляя там военный поход против персов[5].

Как заявляет Феодор Синкелл, «Ведь и наш царь — Давид, как в силу благочестия по отношению к Богу, так и в силу милосердия по отношению к подданным. И пусть Господь наградит его победами, подобными [победам] Давида, и сына [его] (т.е. Константина III, ставшего соправителем Ираклия ещё в 613 г. — *Е.М.*), царствующего вместе с ним, пусть [Господь] сделает мудрым и миролюбивым, наподобие Соломона, радуясь тому, что он, так же как и [его] отец, благочестив и правоверен» (Δαβὶδ γὰρ καὶ ὁ ἡμέτερος βασιλεὺς τῇ τε εὐσεβείᾳ τῇ πρὸς τὸ θεῖον καὶ τῇ πρὸς τοὺς ὑπηκόους πραότητι· ἀλλὰ καὶ νίκαις αὐτὸν καθὰ τὸν Δαβὶδ στεφανώσοι ὁ κύριος, παιδά τε τὸν σὺν αὐτῷ βασιλεύοντα σοφὸν ἅμα καὶ εἰρηνικὸν κατὰ Σολομῶντα ποιήσειεν, χαριζόμενος αὐτῷ καθὰ καὶ πατρὶ τὸ εὐσεβὲς καὶ ὀρθόδοξον)[6].

Примечательно, но гомилия Феодора Синкелла действительно является не просто первым по времени, но и единственным источником, где Ираклий прямо и непосредственно сравнивается с ветхозаветным царем Давидом — как показала Кл. Людвиг, Георгий Писида в своей ранней поэме «Персидская война» (написана в 623 г.) упоминает царя Давида только один раз, когда, по сюжету поэмы, сам Ираклий прославляет древнеизраильского царя в речи, обращенной к воинам. Опять же, как проследила Кл. Людвиг, другая, более поздняя, поэма Георгия — «О возвращении Честного Креста» (предположительно — март 630 г.), тоже не содержит каких-либо сравнений Ираклия с Давидом, несмотря на то, что она посвящена не просто одному из важнейших победных достижений самого Ираклия, но и одному из важнейших религиозно-политических событий времен Ираклия — возвращению реликвии

---

4 Encyclopaedia Judaica. Second Edition. Vol. 5. P. 419–420, sv. Daniel, Book of.

5 Hurbanič, 2016. P. 272; Peltomaa, 2009. P. 286, 292–293; Zuckerman, 2010. P. 879; Howard-Johnston, 1999. P. 19–20; The Oxford Dictionary of Late Antiquity. Vol. 2. P. 1479, sv. Theodore Syncellus.

6 Цитируем текст по изданию: Sternbach, 1900. P. 24, l. 20–24.

Животворящего Креста (на котором, согласно библейскому преданию, был распят Иисус Христос) из Персии в Иерусалим (персы, как известно, увезли реликвию из Иерусалима в 614 г., когда они захватили город). Кл. Людвиг обратила внимание на то, что в этой поэме царь Давид даже ни разу не назван по имени, тогда как Животворящий Крест величественно и торжественно объявляется «новым Ковчегом», т.е. наделяется ветхозаветным эпитетом — с помощью таких сравнений, как полагает Кл. Людвиг, Георгий Писида стремился противопоставить христианство иудаизму[7]. В свою очередь, наиболее объемная и «богословская» по сюжету поэма Георгия — «Шестоднев», составленная приблизительно в 628–634 гг., содержит, согласно наблюдениям Л. Тартальи, лишь ссылки на псалмы Давида, но ни разу не провозглашает самого Ираклия новым Давидом[8].

Вплоть до недавнего времени в исследовательской литературе был распространен тезис о том, что после 628 г. официальная придворная пропаганда власти Ираклия последовательно стремилась представить его как нового царя Давида, чтобы, во-первых, внедрить в общественное сознание идею о его мессианском статусе, т.е. мысль о том, что, вернув реликвию Животворящего Креста в Иерусалим, он спас христианскую веру и триумфально восстановил единство империи именно на основе христианских ценностей, а во-вторых, чтобы ещё больше прославить военные победы императора над персами[9].

В современной историографии тезис о роли образа Давида в политической идеологии времен Ираклия был серьезно пересмотрен — по мнению Т. Раум, М. Майера и Н. Фирманн, в своих указах Ираклий объявлял наиболее важным качеством правителя благочестие, а не мессианскую богоизбранность, в трудах же Георгия Писиды, как отмечают указанные исследователи, сам Ираклий в первую очередь сравнивался с Иисусом Христом и Константином I Великим, а царь Давид упоминался скорее не как прообраз царя-мессии, а как прообраз Иисуса Христа. Согласно позиции Т. Раум, М. Майера и Н. Фирманн, Георгий Писида использовал фигуру царя Давида для обоснования законности и преемственности власти Ираклия, который, как известно, пришел к власти вооруженным путём, свергнув узурпатора Фоку — как полагают исследователи, Георгий Писида, следуя идеям новозаветного предания (где Христос считался потомком

---

7 Ludwig, 1991. S. 97. В датировке «Персидской войны» следуем позиции М. Уитби, относительно же поэмы, посвященной Честному Кресту, принимаем аргументы Б. Флюзена, Н. Фирманн и Т. Раум, отметивших, что *окончательное* водружение реликвии на Голгофе, в Храме Гроба Господня, полностью завершившее длительное византийско-персидское противостояние, произошло именно в марте 630 г. См.: Whitby, 1998. P. 271; Viermann, 2021. S. 264, anm. 43; Flusin (a), 1992. P. 299–300, 305, 309; Raum, 2021. S. 208.

8 Carmi di Giorgio di Pisidia. P. 314, n. 14, 317, n. 24, 339, n. 80; по вопросу о датировке «Шестоднева» разделяем точку зрения Кл. Людвиг, с некоторыми разночтениями ее позицию поддерживают Ф. Гоннелли (633–634 гг.) и М. Уитби (628–630 гг.). С определенными оговорками выводы Кл. Людвиг принимает и П. Шпек, датировавший поэму 628 г. Д. Ольстер же предложил аргументы в пользу 638 г., но его трактовка вызвала серьезные возражения со стороны других исследователей, прежде всего — Ф. Гоннелли и М. Уитби: Ludwig, 1991. S. 107, 123–124, 126–127; Gonnelli, 1995. P. 138–139; Whitby, 1995. P. 115, 120, 129; Olster, 1991. P. 161, 170; Speck, 1998. S. 321–323, 326.

9 Greisiger, 2014. S. 139, 141–142, 144–145; Alexander, 1977. P. 223, 226–227, 231–233, 236–237.

древнеизраильского царя), убеждал читателей в том, что через Христа династия Ираклия напрямую восходит к роду царя Давида[10].

На наш взгляд, сведения Георгия Писиды о почетном эпитете «новый Даниил» дополнительно подтверждают, что Георгий не рассматривал ветхозаветные эпитеты (имена) как инструменты пропаганды политических идей — как раз наоборот, эти имена использовались в его трудах в рамках религиозной полемики с иудаизмом, точнее — с мессианским учением иудейского (раввинистического) богословия времен правления Ираклия.

Прежде всего, отметим, что в гомилии Феодора Синкелла — современника Георгия Писиды — Ираклий сравнивается с царем Давидом исключительно в богословском контексте: проповедь Феодора была написана по случаю празднования годовщины снятия осады Константинополя, т.е. в августе 627 г., соответственно, торжественно-нравоучительная тональность текста логично определила и сам смысл рассуждений Феодора. Как мы полагаем, Ираклий сравнивается в гомилии с царем Давидом не для обоснования мессианского статуса его власти, а для прославления его добродетелей, при этом, по мысли Феодора Синкелла, ни в чем не уступающих добродетелям Давида, и прежде всего — благочестию израильского царя. В цитированном выше фрагменте гомилии не прослеживаются какие-либо чёткие и однозначные политические идеи — Феодор скорее ставит своей целью дополнительно воодушевить горожан, напомнить им о неукоснительном соблюдении христианских заповедей и призвать их хранить верность императору, к тому времени уже без малого три года (с 624 г.)[11] отсутствовавшему в византийской столице по причине боевых действий с персами.

Переходя же к Георгию Писиде, отметим, что, во-первых, он, в отличие от Феодора Синкелла, написал свои поэмы, упоминавшие царя Давида, уже после полной и безоговорочной победы Ираклия над персами в феврале 628 г., а во-вторых, константинопольский поэт не был профессиональным богословом, так что у него не возникало особой необходимости взывать к жителям Константинополя о благочестии и приводить в качестве примера такого благочестия связь образов «Ираклий — царь Давид»[12]. Как результат, возникает закономерный вопрос, какой смысл Георгий Писида вкладывал в эпитет «новый Даниил», почему в 628 г. он решил использовать для прославления Ираклия именно этот эпитет, а не эпитет «царь Давид», и наконец, какие функции образ пророка Даниила выполнял в общей системе рассуждений Георгия Писиды?

---

10 Raum, 2021. S. 213–214, 216; Viermann, 2021. S. 235; Meier, 2015. S. 178–181, 183–188, 190–192. См. также: Leader, 2000. P. 407–408, 413–414, 416, 421–424.

11 Whitby, 1998. P. 249.

12 В этом смысле, на наш взгляд, вполне можно согласиться с точкой зрения Уэли Цанда, отметившего, что вплоть до времен Ираклия византийские интеллектуалы воспринимали Давида не как царя Израиля, а как автора псалмов, соответственно, вплоть до победы Ираклия над персами Давид упоминался исключительно церковными авторами, т.е. духовными лицами (профессиональными священниками), и исключительно в произведениях на богословскую тематику. В нашем же исследовании мы показываем, что византийская интеллектуальная элита продолжала прославлять царя Давида за его религиозные, но не государственно-административные реформы, и после февраля 628 г. См.: Zahnd, 2008. S. 78–79, 81, 84.

2. «Книга Зоровавеля», житие перса Анастасия и иудейское население Палестины в 627–628 гг.

Мы полагаем, что для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к сведениям анонимного иудейского апокалиптического трактата «Книга Зоровавеля», написанного на иврите и названного так в честь ветхозаветного персонажа Зоровавеля — внука Иехонии, одного из последних царей Иудеи (598–597 гг. до н.э.) Именно Зоровавель, как гласит ветхозаветное предание, в 538 г. до н.э. возглавил первую группу евреев, которым знаменитый царь Персии Кир II Великий (основатель державы Ахеменидов) своим указом предоставил возможность вернуться в Палестину после долгого Вавилонского пленения, и именно Зоровавель, прибыв в Иудею в качестве её наместника, возглавил работу по строительству Второго Храма в Иерусалиме[13]. Трактат «Книга Зоровавеля» был введен в научный оборот французским исследователем-иудаистом И. Леви в 1914 г[14]., он же первым датировал этот текст периодом после 628 г. (год кратковременного — семимесячного — правления и последующей смерти персидского царя Кавада II Шируйе, упомянутого в трактате), но до 636 г., когда арабы нанесли Византии поражение в битве при реке Ярмук и начали стремительно захватывать земли Палестины (ни арабы, ни ислам, наоборот, совершенно не упоминаются в трактате)[15].

Датировка, предложенная И. Леви, поддерживается большинством современных исследователей[16], мы же, не возражая принципиально против его позиции, представим несколько *новых* аргументов в пользу изложенной им датировки (точнее — её верхней хронологической границы), на которые в предшествующей историографии, как ни странно, не обращали внимания. Речь идет о сведениях анонимного жития «Мученичество перса Анастасия», написанного, как убедительно доказал его издатель, Б. Флюзен, между началом 629 и декабрем 630 гг[17]. — текст посвящен персидскому воину Магундату, жившему как раз во времена Ираклия и принявшему христианскую веру под именем Анастасия. Согласно житию, Анастасий бежал из персидского войска, принял монашеский постриг и поступил в один из палестинских монастырей вблизи Иерусалима, впоследствии же Анастасий был арестован персами, контролировавшими Палестину с 614 по 629 гг., и казнен в городе Бетсало на северо-западе Персии по приказу её царя Хосрова II (591–628 гг.) 22 января 628 г[18].

---

13 Encyclopaedia Judaica. Second Edition. Vol. 21. P. 516–517, sv. Zerubbabel.

14 Lévi, 1914. P. 129–173.

15 Lévi, 1919. P. 110–115.

16 Dagron, Déroche, 1991. P. 41; Bekkum, 2002. P. 103–104, 108–109; Greisiger, 2014. S. 55–56, 204–205, 260, 262, 268–269; Himmelfarb, 2017. P. 5–6, 14, 28–34; Schoemaker, 2018. P. 92–93.

17 Flusin (a), 1992. P. 192. П. Шпек датирует житие долгим периодом между декабрем 630 г. (т.е. после смерти Патриарха Иерусалимского Модеста) и 787 г. (VII Вселенский собор в Никее, восстановивший иконопочитание, в документах которого цитировалась 9 глава жития), но его позиция кажется нам неубедительной. См.: Speck, 1997. S. 181–184, 191, 251.

18 Flusin (a), 1992. P. 257, 259–260, 265, 270, 284–285, 288–291. По мнению Б. Флюзена (P. 185–186), автором жития был один из монахов того монастыря, где размещался Анастасий.

Текст жития содержит весьма интересный эпизод, произошедший в палестинской Кесарии 14 сентября 627 г., когда христианское население города отмечало праздник Обретения и Воздвижения Животворящего Креста — на тот момент этот праздник прославлял обнаружение (нахождение) реликвии Креста матерью Константина I Великого Еленой во время её паломничества в Палестину в начале IV в., в 326 г[19]. Итак, в сентябре 627 г. Анастасий (Магундат) находился в Кесарии, где он был посажен в темницу и ожидал своего последующего перемещения в Персию, соответственно, как сообщает автор жития, «Тем временем, как только начался святой праздник Воздвижения Честного и Всесвятого Креста» (Φθασάσης δὲ ἐν τῷ μεταξὺ τῆς ἁγίας ἑορτῆς τῆς ὑψώσεως τοῦ τιμίου καὶ πανσέπτου σταυροῦ), «ранним утром коммеркиарий[20], муж христолюбивый, пришел к марзбану (персидскому наместнику Палестины, размещавшемуся в Кесарии — *E.M.*)[21] и попросил снять с него (Анастасия — *E.M.*) оковы, чтобы он смог прибыть в храм. И когда это произошло, великая радость возникла у всех верующих и [наступило] большое облегчение от скорби, охватившей их [ранее], ведь мученик Христа появился в храме» (Ἔωθεν δὲ εἰσελθὼν ὁ κομμερκιάριος, ἀνὴρ φιλόχριστος, πρὸς τὸν μαρζαβανᾶν ἠτήσατο ἐπαρθῆναι ἀπ᾽ αὐτοῦ τὰ δεσμὰ πρὸς τὸ αὐτὸν παραγενέσθαι ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ. Καὶ τούτου γενομένου, χαρὰ μεγάλη γέγονεν πᾶσιν τοῖς πιστοῖς καὶ παραμυθία πολλὴ τῶν συνεχουσῶν αὐτοὺς θλίψεων, οἷα μάρτυρος Χριστοῦ παραγενομένου ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ — Acta Anastasii Persae, 29, l. 1–2, 6–10)[22].

Как видим, цитированный фрагмент жития недвусмысленно свидетельствует, что к осени 627 г. местная персидская администрация Палестины, размещавшаяся в Кесарии, не только активно назначала на должности финансового управления (служба коммеркиариев) христиан, т.е., судя по всему, представителей местного грекоязычного населения Палестины, но и позволяла христианскому населению крупных городов региона свободно отмечать христианские праздники и проводить в храмах соответствующие обряды. Очевидно, в последние годы своего правления персидский царь Хосров II передал функции финансового и административно-политического управления Палестиной её местным христианским элитам и, наоборот, отстранил от этих должностей евреев, которые в первые годы персидской власти в Палестине, особенно в 614–617 гг., получали значительные налоговые привилегии, права автономных общин и даже обладали собственными бюрократическими структурами[23].

---

19 О традиции празднования Воздвижения во второй половине IV — начале VII вв., т.е. до победы Ираклия над персами в 628 г., и о времени возникновении самого праздника см.: Сиротенко, 2018. С. 129–130; Drijvers, 1992. P. 59, 63, 81–83, 89, 95, 136, 138–142.

20 Как показал Ф. Монтинаро — автор последнего из доступных нам исследований, посвященных должности коммеркиария в Византии VI–IX вв., коммеркиарии представляли собой чиновников таможенного и налогового ведомства, взимавших пошлины за ввоз и торговлю шелком в Византии, собиравших деньги и продовольствие для армии и заведовавших продовольственными складами — т.н. апотеками. По мнению Ф. Монтинаро, коммеркиарий, упоминаемый в житии Анастасия, был персом, исповедовавшим христианство, но эта версия кажется нам маловероятной. См.: Montinaro, 2013. P. 352–355, 365, 369, 372, 377, 379–380, 390–391.

21 См.: Foss, 2003. P. 160.

22 Цитируем текст по изданию: Flusin (b), 1992. P. 73.

23 См. об этом: Dexinger, Seibt, 1981. P. 309–316.

Соответственно, как мы полагаем, сын Хосрова II — Кавад II Шируйе, взошедший на трон после свержения и убийства своего отца в феврале 628 г., продолжил оказывать покровительство христианам Палестины в ущерб её иудейскому населению[24], и именно поэтому Кавад неоднократно упоминается в иудейском апокалиптическом трактате «Книга Зоровавеля» в качестве противника и даже гонителя иудейской религии. Другими словами, на наш взгляд, сведения жития перса Анастасия дополнительно подтверждают, что трактат «Книга Зоровавеля» — в том виде, как он до нас дошел, т.е. крайне враждебно оценивающий личность Кавада II и саму персидскую державу, — был написан только после смерти Кавада II, который умер в том же 628 г., всего через несколько месяцев после своего восшествия на престол.

Итак, уточнив некоторые вопросы датировки «Книги Зоровавеля», перейдем непосредственно к самим сюжетам этого трактата, связанным с нашей темой. Согласно тексту, который мы будем цитировать по английскому переводу М. Химмельфарб, к Зоровавелю явился архангел Михаил, сообщивший, что через 990 лет после разрушения Иерусалима[25], а значит — и Храма Соломона, в Палестину прибудет мессия из рода царя Давида по имени Менахем бен Амиэль, который проведет войну с неким царем Армилом — сыном дьявола (Белиала), в то время как мать мессии — Хефциба — выступит вместе со своим войском против царя Персии Широя (т.е. Кавада II Шируйе), неоднократно упоминаемого в тексте[26].

В ходе этого воображаемого диалога архангел Михаил последовательно и настойчиво убеждал Зоровавеля в том, что через 990 лет после разрушения Храма спасение по воле Божьей придет ко всему народу Израиля — Господь даст Хефцибе и Менахему бен Амиэлю войско, которое они поведут против врагов Израиля, а помогать им в этом, согласно «Книге Зоровавеля», будет сам архангел Михаил. В итоге, по словам автора трактата, после побед над всеми врагами еврейского народа, «Мессия отправится к вратам Иерусалима и весь Израиль последует за ним»[27].

Оценивая сведения «Книги Зоровавеля», мы можем признать, что к 628 г., когда Ираклий одержал победу над персами, иудейское население Палестины

---

24 В связи с этим следует учесть позицию К. Манго, предположившего, что Кавад II в целом симпатизировал христианской религии и вполне мог быть скрытым христианином. См.: Mango, 1985. P. 109–110.

25 На наш взгляд, Г. Нойман справедливо заключил, что срок в 990 лет следует отсчитывать начиная с 586 г. до н. э., когда, как известно, вавилонянами был разрушен Первый Храм, в таком случае, как определил Г. Нойман, первоначальный, самый ранний вариант трактата был написан около 570 г. н. э., т.е. еще в VI в., а более поздняя (переработанная) версия, дошедшая до наших дней и упоминающая Кавада II Шируйе, была составлена уже при Ираклии. См.: Newman, 2013. P. 329–332.

26 Himmelfarb, 1990. P. 73 (against Armilos son of Satan; This is the Messiah son of David, and his name is Menahem son of Amiel), 78 (for there will be three wars in the Land of Israel: one that Hephzibah will wage against Shiroi, king of Persia, another that the Lord God of Israel and Menahem son of Amiel will wage against Armilos).

27 Himmelfarb, 1990. P. 72 (And in the future I [архангел Михаил — *Е.М.*] shall fight the wars of the Lord at the side of the Lord's anointed), 74 (at the end of 990 years, the Lord's salvation will appear... Hephzibah... will go out with the staff that the Lord God of Israel gave her), 79 (Then the Messiah will set out on foot to the gates of Jerusalem, and all Israel will come after him).

не только воспринимало персов как врагов иудаизма и еврейского народа в целом, но и весьма последовательно придерживалось мессианского эсхатологического учения — в среде раввинистического богословия были распространены идеи скорого прихода (пришествия) в Палестину некоего мессии из рода царя Давида, который возродит древнее царство Израиль и обеспечит еврейскому народу триумфальную победу над всеми его врагами. Т.е. мессианские идеи, высказанные в «Книге Зоровавеля», были не только религиозными, но и политическими по своему содержанию, соответственно, на наш взгляд, именно *в противовес* идеям иудейского политического мессианизма Георгий Писида торжественно объявил Ираклия в 628 г. новым Даниилом, т.е. по сути — наследником и продолжателем дел ветхозаветных пророков. Конечно же, в метафорическом смысле, немного расширяя и переделывая классический ветхозаветный сюжет из «Книги пророка Даниила», Георгий подразумевал, что благодаря силе Божьей и вмешательству Божьему пленники-христиане, брошенные на сожжение в пылающую персидскую печь, были спасены так же, как когда-то, в эпоху ветхозаветной древности — пленники-евреи, брошенные в столь же раскаленную печь по приказу царя Навуходоносора II[28].

Тем не менее, возникает вопрос, почему в таком случае Георгий Писида не объявил Ираклия царем Давидом — действительно, если Георгий хотел опровергнуть мессианско-эсхатологические идеи иудейского раввинистического богословия, хорошо известные византийским властям и вызывавшие у них серьезные опасения[29], ему было бы логичней сравнить Ираклия с царем Давидом и тем самым возвестить, что Ираклий, как когда-то в древности царь Давид, изгнал из Палестины внешних врагов, освободил евреев, но при этом вернул их в состав империи благодаря христианскому Богу и благодаря соблюдению христианских добродетелей.

Мы считаем, что причина такой сдержанной риторики Георгия в 628 г. заключалась в обстоятельствах геополитического характера — как показал К. Цукерман, вплоть до января/февраля 629 г. византийские войска контролировали только земли Сирии, тогда как территории Египта и Палестины в основном всё ещё находились под властью персов[30]. Следовательно, если в 628 г. Ираклий, несмотря на победу над персами в землях самой Персии (точнее — её северо-западной части)[31], так и не смог вернуть себе Палестину, не вызывает удивления, что Георгий Писида — придворный панегирист Ираклия — вынужден был ограничиться в прославлении Ираклия только эпитетом «новый Даниил», тем самым объявляя императора новым пророком, но пока ещё — не наследником и не потомком царя Давида.

---

28 См.: Новый библейский комментарий: В 3 ч. Ч. 2. С. 384.

29 Как предположил П. Магдалино, во многом из-за этих опасений Ираклий в 630–632 гг. издал указ о принудительном крещении евреев по всей империи, который, тем не менее, так и не был выполнен полностью по причине арабского вторжения в империю в 634 г.: византийские власти успели крестить, пусть и формально, еврейское население только двух регионов — Палестины и Северной Африки, и даже в указанных регионах принудительная христианизация евреев была проведена лишь частично. См.: Magdalino, 2014. P. 237–240.

30 Zuckerman, 2013. P. 211–212.

31 См.: Kaegi, 2003. P. 171–172.

Поскольку в 628 г. Ираклий не контролировал реально земли Палестины, его панегирист, Георгий Писида, не мог объявить Ираклия новым царем Давидом — в отличие от Феодора Синкелла, Георгий написал не проповедь, т.е. богословский трактат, а официальную эпическую поэму, целенаправленно восхваляющую именно победные достижения Ираклия. Соответственно, на наш взгляд, любые сравнения Ираклия с древнеизраильским царем, высказанные официальным придворным панегиристом в 628 г., воспринимались бы той же придворной администрацией Ираклия и рядовыми гражданами Константинополя как крайне неубедительные, поскольку в 628 г. все жители Константинополя прекрасно знали и понимали, что Византия ещё не установила полноценный контроль над Палестиной[32]. Поэтому, как мы полагаем, в 628 г. Георгий выбрал иную текстовую стратегию: на страницах своего труда он превратил политическую победу Ираклия над персами, к тому времени полностью еще не завершившуюся, в религиозную

[32] Современные исследователи все больше обращают внимание на коммуникативную функцию жанра панегирика, особенно позднеантичного: панегирист не просто рассказывал в своей речи о событиях, которые хорошо были известны слушателям (придворным чиновникам и самому императору), но и отчетливо понимал, что он не может сообщать о ложных событиях, никогда в реальности не происходивших. Как показали Л. Кордес, Р. Рис, Р. Уэбб, Р. Боргоньони, П-Л. Малосс, М. Формизано и К. Соньо, панегиристы IV–VI вв. (как латино-, так и грекоязычные) неизменно настаивали на том, что они рассказывают только об истинных, реально произошедших событиях — тем самым, по мнению исследователей, панегиристы активно противопоставляли свои речи поэзии и мифам и даже стремились конкурировать с трудами историков, тоже заявлявших о правдивости своих сведений. Более того, как подчеркивают исследователи, риторы-панегиристы могли преувеличивать или приукрашивать только реально произошедшие события, чтобы придворная аудитория не обвинила их во лжи, ведь на панегиристов возлагалась крайне серьезная и ответственная задача — прославить деяния императора. Мы разделяем позицию перечисленных выше исследователей, поскольку, на наш взгляд, в любом жанре, в том числе и в восхвалении императора, действовали четкие и постоянные правила, которых тот или иной автор должен был строго придерживаться. К тому же вслед за М. Уитби и Х. Леппиным отметим, что с 624 по 628 гг. среди населения Константинополя постепенно нарастало недовольство длительным отсутствием Ираклия в столице и связанными с этим финансовыми и продовольственными трудностями, так что Георгий, на наш взгляд, вряд ли рискнул бы объявить в 628 г. о присоединении Палестины и полном изгнании персов из ранее завоеванных ими земель. Наконец, еще один аргумент — мы уверенно можем утверждать, что жители Константинополя знали о реальном положении дел на фронте, поскольку сам Ираклий сообщил им об этом в своем письме, отправленном в Константинополь и зачитанном вслух священниками Константинопольского патриархата в церкви Святой Софии 15 мая 628 г. Письмо Ираклия сохранилось в анонимной «Пасхальной хронике» (написана около 630 г.) и еще в нескольких более поздних текстах (к сожалению, везде — только частично), в этом документе император четко упоминал об обмене посольствами и пленниками, а также о *начале* переговоров о выводе персидских войск из захваченных ими земель. Соответственно, к лету 628 г. все жители византийской столицы прекрасно знали, что Палестина еще не была освобождена от персидских войск и Ираклию предстояло решить еще много вопросов на персидском фронте. См.: Kordes, 2020. S. 33–34, 38, 40–42, 44, 47, 49–50, 52; Borgognoni, 2010. P. 77–83, 85, 89–90; Rees, 2010. P. 110–112, 115–117, 121; Webb, 2003. P. 127–128, 130–131, 133–135; Malosse, 2000. P. 179–181, 186, 188–189; Formisano, Sogno, 2015. P. 192–197; Formisano, 2017. P. 79–82; Whitby, 1998. P. 250–251, 258, 261, 269; Leppin, 2020. P. 301–302, 305–306. Анализ сведений письма Ираклия см.: Oikonomidès, 1971. P. 280.

победу христианства над иудаизмом и мессианским учением иудейского богословия — согласно логике рассуждений Георгия, теперь в лице императора Ираклия у христиан появился новый пророк, прямой продолжатель деяний древних (ветхозаветных) пророков, который, *в отличие* от пророков древности, в дальнейшем не просто изгонит внешних врагов из Израиля, но и воссоединит евреев с ромеями на основе христианской религии.

Источники и литература

Новый библейский комментарий: В 3 ч. Ч. 2. Ветхий Завет. Псалтирь — Книга пророка Малахии: Пер. с англ. А.А. Баева, Т.Г. Батухтиной, Ю.И. Переверзевой-Орловой, А.П. Платуновой. СПб.: Мирт, 2000. 571 с.

Сиротенко А.Д. Император Ираклий в греческой литургической традиции // ВВ. 2018. Т. 102. С. 122–134.

Alexander S. Heraclius, Byzantine Imperial Ideology, and the David Plates // Speculum. 1977. Vol. 52/2. P. 217–237.

Bekkum W.J., van. Jewish Messianic Expectations in the Age of Heraclius // The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation / Ed. by G.J. Reinink, B. Stolte. Leuven: Peeters, 2002. P. 95–112.

Borgognoni R. Parlare alle istituzioni, parlare delle istituzioni: retorica, verità e persuasione nell'Oriente tardoantico // Istituzioni, carismi ed esercizio del potere (IV–VI secolo d.C.) / A cura di G. Bonamente e R.L. Testa. Bari: Edipuglia, 2010. P. 77–90.

Carmi di Giorgio di Pisidia / A cura di L. Tartaglia. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 1998. 529 p.

Dagron G., Déroche V. Juifs et chrétiens dans l'Orient du VIIe siècle // TM. 1991. Vol. 11. P. 17–274.

Dexinger F., Seibt W. A Hebrew Seal from the Period of the Sassanian Occupation of Palestine (614–629 A.D.). A Contribution to the Position of the Jews between Byzantium and the Persians in the Seventh Century // RÉJ. 1981. T. 140/3–4. P. 303–317.

Drijvers J.W. Helena Augusta. The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross. Leiden: Brill, 1992. 217 p.

Encyclopaedia Judaica. Second Edition / Ed. F. Skolnik. Detroit–New York: Thomson Gale, 2007. Vol. 21: Wel–Zy. 697 p.

Encyclopaedia Judaica. Second Edition / Ed. F. Skolnik. Detroit–New York: Thomson Gale, 2007. Vol. 5: Coh–Doz. 772 p.

Flusin B. (a) Saint Anastase le Perse et l'histoire de la Palestine au début du VIIe siècle. T. II: Commentaire. Paris: Éditions du CNRS, 1992. 439 p.

Flusin B. (b) Saint Anastase le Perse et l'histoire de la Palestine au début du VIIe siècle. T. I: Les Textes. Paris: Éditions du CNRS, 1992. 422 p.

Formisano M., Sogno Cr. The Ways of *veritas*. Historiography, Panegyric, Knowledge // Spätantike Konzeptionen von Literatur / Hrsg. von J. Stenger. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2015. P. 183–206.

Formisano M. Tarda antichità anacronica. Tra storiografia e panegirico // Imagines Antiquitatis. Representations, Concepts, Receptions of the Past in Roman Antiquity and the Early Italian Renaissance / Ed. by St. St. Rocchi, C. Mussini. Berlin–New York: De Gruyter, 2017. P. 65–84.

Foss C. The Persians in the Roman Near East (602–630) // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. 2003. Vol. 13/2. P. 149–170.

Giorgio di Pisidia. Poemi. Vol. I. Panegirici epici / Ed. a cura di A. Pertusi. Ettal: Buch-Kunstverlag, 1959. 322 p.

Gonnelli F. Sulla datazione dell'*Esamerone* di Giorgio Pisida // La poesia bizantina. Atti della terza Giornata di studi bizantini sotto il patrocinio della Associazione Italiana di Studi Bizantini (Macerata, 11–12 maggio 1993). A cura di U. Criscuolo e R. Maisano. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1995. P. 113–142.

Greisiger L. Messias — Endkaiser — Antichrist. Politische Apokalyptik unter Juden und Christen des Nahen Ostens am Vorabend der arabischen Eroberung. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. 337 S.

Himmelfarb M. Sefer Zerubbabel // Rabbinic Fantasies. Imaginative Narratives from Classical Hebrew Literature / Ed. by D. Stern, M. Mirsky. New Haven–London: Yale University Press, 1990. P. 67–90.

Himmelfarb M. Jewish Messiahs in a Christian Empire. A History of the Book of Zerubbabel. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2017. 220 p.

Howard-Johnston J. Heraclius' Persian Campaigns and the Revival of the East Roman Empire, 622–630 // War in History. 1999. Vol. 6 (1). P. 1–44.

Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: Oxford University Press, 2010. 573 p.

Hurbanič M. Adversus Iudaeos in the Sermon Written by Theodore Syncellus on the Avar Siege of AD 626 // Studia Ceranea. 2016. Vol. 6. P. 271–293.

Kaegi W.E. Heraclius, Emperor of Byzantium. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 359 p.

Kordes L. Wenn Fiktionen Fakten schaffen. Faktuales und fiktionales Erzählen in den spätantiken *Panegyrici Latini* // Faktuales und fiktionales Erzählen II. Geschichte — Medien — Praktiken / Hrsg. von D. Breitenwischer, H.-M. Häger, J. Menninger. Baden-Baden: Ergon Verlag, 2020. S. 31–56.

Leader R. The David Plates Revisited: Transforming the Secular in Early Byzantium // The Art Bulletin. 2000. Vol. 82/3. P. 407–427.

Leppin H. George Pisides' Expeditio Persica and Discourses on Warfare in Late Antiquity // The Genres of Late Antique Christian Poetry. Between Modulations and Transpositions / Ed. by F. Hadjittofi and A. Lefteratou. Berlin–New York: De Gruyter, 2020. P. 293–310.

Lévi I. L'Apokalypse de Zorobabel et le roi de Perse Siroès // RÉJ. 1914. Vol. 68. P. 129–173.

Lévi I. L'Apokalypse de Zorobabel et le roi de Perse Siroès (suit) // RÉJ. 1919. Vol. 69. P. 108–121.

Ludwig Cl. Kaiser Herakleios, Georgios Pisides und die Perserkriege // Varia. Bd. III (Poikila Byzantina 11) / Hrsg. von W. Brandes, P. Speck. Bonn: Habelt, 1991. S. 73–128

Magdalino P. 'All Israel will be saved? The forced baptism of the Jews and imperial eschatology // Jews in early Christian Law: Byzantium and the Latin West, 6th — 11th centuries / Ed. by J. Tolan. Turnhout: Brepols, 2014. P. 231–242.

Malosse P.-L. La pratique concrète de l'amplification dans la rhétorique ancienne: l'exemple de Libanios dans son éloge des empereurs Constance et Constant // Revue de philologie. 2000. T. 74/1–2. P. 179–197.

Mango C. Deux études sur Byzance et la Perse Sassanide // TM. 1985. Vol. 9. P. 91–118.

Meier M. Herakles — Herakleios — Christus. Georgios Pisides und der *kosmorhýstes* // Antike Mythologie in christlichen Kontexten der Spätantike / Hrsg. von H. Leppin. Berlin–New York: De Gruyter, 2015. S. 167–192.

Montinaro F. Les premiers commerciaires byzantins // TM. 2013. Vol. 17. P. 351–538.

Newman H. Dating Sefer Zerubavel: Dehistoricizing and Rehistoricizing a Jewish Apokalypse of Late Antiquity // Adamantius. 2013. Vol. 19. P. 324–336.

Oikonomidès N. Correspondence between Heraclius and Kavādh-Široe in the Paschal Cronicle (628) // Byzantion. 1971. Vol. 41. P. 269–281.

Olster D. The Date of George of Pisidia's "Hexaemeron" // DOP. 1991. Vol. 45. P. 159–172.

Peltomaa L.M. Role of the Virgin Mary at the Siege of Constantinople in 626 // Scrinium. 2009. Vol. 5. P. 284–299.

Raum Th. Szenen eines Überlebenskampfes. Akteure und Handlungsspielräume im Imperium Romanum 610–630. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021. 254 S.

Rees R. The Form and Function of Narrative in Panegyric // Form and Function in Roman Oratory. Ed. by D.H. Berry, A. Erskine. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 105–121.

Schoemaker St. The Apocalypse of Empire. Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam. Philadelphia: University Pennsylvania Press, 2018. 260 p.

Speck P. Beiträge zum Thema byzantinische Feindseligkeit gegen die Juden im frühen siebten Jahrhundert nebst einer Untersuchung zu Anastasios der Perser. Bonn: Habelt, 1997 (Varia 6). 502 S.

Speck P. Ohne Anfang und Ende. Das Hexaemeron des Georgios Pisides // ΑΕΤΟΣ. Studies in honour of Cyril Mango presented to him on April 14, 1998 / Ed. by I. Ševčenko and I. Hutter. Stuttgart–Leipzig: B.G. Teubner, 1998. S. 314–328.

Sternbach L. Analecta Avarica. Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum, 1900. 69 p.

The Oxford Dictionary of Late Antiquity / Ed. by O. Nicholson. Vol. 2: J-Z. Oxford: Oxford University Press, 2018. 835 p.

Viermann N. Herakleios, der schwitzende Kaiser. Die oströmische Monarchie in der ausgehenden Spätantike. Berlin–New York: De Gruyter, 2021. 382 S.

Webb R. Praise and Persuasion: Argumentation and Audience Response in Epideictic Oratory // Rhetoric in Byzantium. Papers from the Thirty-fifth Spring Symposium of Byzantine Studies, Exeter College, University of Oxford, March 2001 / Ed. by E. Jeffreys. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 127–136.

Whitby M. The Devil in Disguise: The End of George of Pisidias' Hexaemeron Reconsidered // JHS. 1995. Vol. 115. P. 115–129.

Whitby M. Defender of the Cross: George of Pisidia on the Emperor Heraclius and His Deputies // The Propaganda of Power. The Role of Panegyric in Late Antiquity / Ed. by M. Whitby. Leiden: Brill, 1998. P. 157–174.

Zahnd U. Novus David — Νεος Δαυιδ. Zur Frage nach byzantinischen Vorläufern eines abendländischen Topos // FMS. 2008. Bd. 42. S. 71–87.

Zuckerman C. On the Titles and Office of the Byzantine βασιλεύς // TM. 2010. Vol. 16. P. 865–890.

Zuckerman C. Heraclius and the Return of the Holy Cross // TM. 2013. Vol. 17. P. 197–218.

Список условных сокращений

ВВ — Византийский временник. М., 1947-

DOP — Dombarton Oaks Papers. Washington, DC. 1941-

FMS — Frühmittelalterlichen Studien. Münster, 1967-

JHS — Journal of Hellenic Studies. Cambridge, 1880-

RÉJ — Revue des études juives. Paris, 1880-

TM — Travaux et Mémoires. Paris, 1965-

Sharkov Ilya Gennadievich,
Deputy Head of the Rostov branch of the NGO "IPPO", Ancient guardian of the Shakhty Diocese of the Russian Orthodox Church (MP),
senior lecturer at the Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty,
Russian Federation, Shakhty, Rostov region.
E-mail — sharkov71@mail.ru

Historical portraits of writers' inspirations: members of the Imperial Orthodox Palestine Society — prototypes of the heroes of Russian literature of the first third of the 20th century

Abstract: this article examines the lives and social activities of members of the Imperial Orthodox Palestine Society in several western and southern provincial departments, who became the prototypes for characters in Russian literature of the first third of the 20th century. It also explores the biographies of pilgrims to the Holy Land who benefited from the assistance of the Imperial Orthodox Palestine Society in their pilgrimages to Palestine and who became the prototypes for heroes in Russian literature.

Keywords: literature, novel, prototype, priest, pilgrimage, Holy Land, Imperial Orthodox Palestine Society, Kiev department, Don department.

Шарков Илья Геннадиевич,
заместитель руководителя Ростовского отделения МОО «ИППО», древлехранитель Шахтинской епархии РПЦ (МП),
старший преподаватель Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты,
Российская Федерация, Шахты, Ростовская область.
E-mail — sharkov71@mail.ru

Исторические портреты вдохновителей писателей: члены Императорского Православного Палестинского Общества — прототипы героев русской литературы первой трети XX века*

Аннотация: в статье рассматриваются жизнь и общественная деятельность членов Императорского Православного Палестинского Общества по ряду западных и южных губернских отделов, ставших прототипами персонажей русской литературы первой трети XX века. Также исследуются биографии паломников в Святой Земле, воспользовавшихся помощью ИППО в своих паломнических поездках в Палестину и ставших прототипами героев отечественной литературы.

Ключевые слова: литература, роман, прототип, священник, паломничество, Святая Земля, Императорское Православное Палестинское Общество, Киевский отдел, Донской отдел.

Статья поступила в Редакцию ППС 28.03. 2026 г.

* Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, археологические и культурные контакты и связи», проект «Социокультурная, просветительская и паломническая деятельность западнорусских отделов Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX — начале XX вв.» (FZNE-2024-0003).

У многих персонажей в произведениях искусства существует собственная предыстория, иногда связанная с самим автором, порой имеются и реальные прототипы ряда героев. Писатель или художник, создавая чужой литературный или живописный портрет, в той или иной мере наделяет его и своими чертами. Например, Л.Н. Толстой, создавая образ Константина Левина в романе «Анна Каренина», по утверждениям его близких людей, наделял героя собственными чертами. Причём, описывал его таким, каковым сам хотел быть[1]. Конечно, сходство между прототипом и реальным человеком никогда не будет полным, но основные черты и наиболее значимые характеристики в нём будут художественно отражены.

В отечественной литературе конца XVIII — середины XIX вв. образы героев чаще всего собирательны. «Обращение к золотому веку русской литературы позволяет уверенно сказать, что типом персонажа не является отдельный художественный образ человека: писатели связывали с типом всегда некое множество лиц среди потенциальных прототипов в жизни и в литературе»[2]. В литературе позднеимперского и раннего советского периодов зачастую персонажи имеют вполне конкретных прототипов, отражающих личностные черты известного в определённых кругах человека.

Героев настоящего исследования объединяет одно значимое историческое обстоятельство: прототипы литературных героев русской литературы первой трети драматичного XX столетия состояли членами Императорского Православного Палестинского Общества или являлись паломниками в Святой Земле, и останавливались на подворье ИППО в Иерусалиме. Это члены ИППО по Донскому, Киевскому, Московскому и Таврическому отделам.

Среди членов ИППО по Донскому отделу были лица, судьбы которых представляют научный интерес в связи с темой настоящего исследования. Это талантливые и граждански активные священники, ставшие прототипами литературных героев самого яркого романа о Донском крае — «Тихого Дона» М.А. Шолохова[3]. Причём речь будет идти о лицах, связанных с жизнью и творчеством Михаила Александровича Шолохова (1905–1984).

В романе «Тихий Дон» несколько раз упоминается отец Виссарион. По исследованиям краеведа Георгия Яковлевича Сивоволова (1922–1995), этот литературный персонаж имеет конкретного прототипа — священника Покровского храма хутора Каргина Виссариона Васильевича Евсеева (1852–1921), члена-сотрудника ИППО по Донскому отделу с 16 октября 1896 г.[4] Но, желание его вступить

---

1 Дневники С.А. Толстой. 1860–1891 / под ред. С.Л. Толстой. Москва: Изд-во М. и С. Сабашниковых. 1928. 220 с. С. 123.

2 *Чернец Л.В.* О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos. 2016. № 1 (15). С. 80–90. С. 84.

3 *Шарков И.Г., Томилина Л.Б.* Донской и Екатеринославский отделы Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX — начале XX веков: социокультурная и просветительская деятельность на Юге Российской империи / Монография. Изд-во ООО «Полиграфический комплекс ЭСМА-ПРИНТ». р. п. Каменоломни. 2022. 284 с. С. 12.

4 Список членов Императорского Православного Палестинского Общества на 1 ноября 1896 г. // Сообщения ИППО. Т. VII. Приложения. Санкт-Петербург. Типогр. В. Киршбаума. 1897. С. 87–196. С. 187.

в ИППО было подтверждено в рапорте местного Чернышевского благочинного священника Симеона Одолламского архиепископу Донскому и Новочеркасскому Афанасию (Пархомовичу) от 23 апреля 1895 г. с приложением годового взноса в 10 рублей[5] ещё до образования Донского отдела Общества. Только образ благочестивого пастыря, каковым являлся отец Виссарион Евсеев, в романе советского времени был искажён, в него искусственно внесены несправедливо приписанные тёмные стороны. «Гундосый отец Виссарион» упоминается в эпизоде венчания главного героя романа Григория Мелехова с Натальей в XXII главе первой части произведения. Затем в I главе второй части романа находим упоминание двух отцов: «Два священника — отец Виссарион и благочинный отец Панкратий — дружбы с Сергеем Платоновичем не вели, были у них давнишние счёты. Между собой и то жили неладно. Строптивый кляузник отец Панкратий умело гадил ближним, а вдовый, живший с украинкой-экономкой отец Виссарион, от сифилиса гундосый, от природы приветливый, сторонился и не любил благочинного за непомерную гордыню и кляузный характер»[6]. Отец Панкратий тоже имел прототипа — священника хутора Каргина Николая Николаевича Виноградова. Говоря об отце Виссарионе, Г.Я. Сивоволов отмечает, «происходил он из казачьего сословия и вышел из семьи известного в Вёшенской священника. Отец Виссарион был высокого роста, тучен, с пышной седой бородой. Гундосил от рождения, а не от сифилиса; этот дефект с годами усиливался, мешал говорить, читать проповеди. В 1901 г. у отца Виссариона от чахотки умерла жена. На богатом, чёрного мрамора, памятнике, установленном за церковной оградой, золотыми буквами он распорядился сделать такую надпись: “Здесь погребена жена священника Дарья Викторовна Евсеева. Скончалась в августе 1901 г. 43 лет. Вечный мир и радость во Христе тебе, моя дорогая и незабвенная супруга”. До конца жизни отец Виссарион оставался вдовцом, жил, как и написано в романе, с украинкой-экономкой, взятой из слободы Астахово монашкой, и приёмным сыном. Из всех священников заметно отличался мягким характером, душевной простотой, был приветлив и щедр: как правило, всегда раздавал всё, что приносили в храм на пожертвования. Приходили к нему немощные старцы, полуглухие звонари. По тогдашним временам он имел большую библиотеку; на полках стеклянного шкафа рядами были расставлены тома Гоголя, Чехова, Пушкина и других писателей. После отлучения Толстого от Церкви отец Виссарион не снял с полок его произведения. Шолохов вспоминал, что в юности (1920–1921) он приходил к попу Виссариону и брал у него книги. Были они в хорошем состоянии, хозяин просил обращаться с ними бережно»[7]. Общение будущего писателя с отцом Виссарионом в своих воспоминаниях подтверждает супруга Михаила Александровича Шолохова Мария Петровна: «Был у них в станице поп и библиотека у него замечательная. Михаил Александрович ходил к нему — брал книги. Так этот священник специально оставлял его на час-другой — только поговорить!

---

5 Донские епархиальные ведомости. 1895. № 11. С. 227.

6 *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Книги 1 и 2. М., 1957. С. 57.

7 *Сивоволов Г.Я.* «Тихий Дон»: рассказы о прототипах: заметки литературного краеведа. Ростов-на-Дону. Ростовское книжное изд-во. 1991. 347 с. С. 161–163.

Кажется, Виссарион его звали»[8]. Эта фактология подтверждается и литературоведом Феликсом Феодосьевичем Кузнецовым (1931–2016). Он приводит соответствие описания в романе домов священников: «По ту сторону церкви — выбеленные, казённо-строгие стены школы и два нарядных дома: голубой, с таким же палисадником — отца Панкратия, и коричневый (чтобы не похож был), с резным забором и широким балконом — отца Виссариона» реалиям станицы. «В Каргине духовные отцы Виссарион и благочинный отец Николай имели собственные рубленые дома с дворовыми постройками. Дом священника Виссариона Евсеева в станице Каргинской (сохранился) крытый железом, стоит на высоком фундаменте. Во дворе флигель (также сохранился) под жестью. С угла на угол — мужское приходское училище. Дом отца Николая с флигелем и дворовыми постройками (конюшня, каретник, коровник) стоял на другом углу квартала, ростом ниже, выбеленный. Вокруг в рост человека плотный забор, крашенный в зелёное». Всё, как в романе!»[9].

Священник Виссарион Васильевич Евсеев, член-сотрудник ИППО по Донскому отделу, родился 6 июня 1852 г. в станице Вёшенской, в семье протоиерея Михаило-Архангельского храма станицы Вёшенской Василия Андреевича Евсеева, прослужившего на одном приходе более 60 лет (с 1838 по 1899 гг.) Выпускник Донской Духовной семинарии по второму разряду 1875 г. Служил псаломщиком в Покровском храме хутора Каргина (впоследствии станица Каргинская) с 25 сентября 1875 г. по 24 сентября 1876 г. Псаломщику Виссариону Евсееву 21 января 1876 г. было предоставлено второе священническое место в Павловской станице одноимённого благочиния. В 1876 г. он был рукоположен во священника к Димитриевском храме станицы Павловской. С 24 сентября 1877 г. согласно прошению отец Виссарион был переведён в Покровский храм хутора Каргинского, где служил до увольнения за штат 29 октября 1916 г. За штат священник был уволен также по прошению. С 1889 г. он состоял законоучителем в Каргинских хуторской церковно-приходской школе и в мужском приходском училище, в котором в 1912–1914 годах учился М.А. Шолохов[10]. Отец Виссарион отличался мягким характером, был щедр и благотворил ближним. По воспоминаниям старожила станицы Каргинской Евдокии Шевцовой, как грамотный и начитанный человек, священник Виссарион Евсеев призывал прихожан отдавать детей учиться в школы. Её семья была из иногородних, поэтому, в отличие от детей казаков, её родители должны были оплачивать обучение детей. «Когда подошло время идти в школу, у родителей не оказалось денег. Она с двумя сёстрами пошла к попу Виссариону, упала в ноги, стала просить помощи. Виссарион не сказал “Бог поможет”, пошел в женское училище справиться, как учатся

---

8 Мария Петровна вспоминает... // Дон. 1987. № 5. С. 141.

9 *Кузнецов Ф.Ф.* «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. Москва: ИМЛИ РАН. 2005. 864 с. С. 303–304.

10 *Шарков И.Г., Томилина Л.Б.* Донской и Екатеринославский отделы Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX — начале XX веков: социокультурная и просветительская деятельность на Юге Российской империи / Монография. Изд-во ООО «Полиграфический комплекс ЭСМА-ПРИНТ». р. п. Каменоломни. 2022. 284 с. С. 145–147.

девочки; узнав, что старательно, внес за них за троих годовую сумму 9 рублей»[11]. Супруга отца Виссариона Дарья Викторовна Евсеева была крёстной матерью есаула Фёдора Николаевича Попова (1897–1955), известного второстепенного персонажа «Тихого Дона» есаула Попова, по кличке «Черногуз», фигура которого появляется в VII главе первой части романа. Он был средним сыном богатого каргинского казака Николая Васильевича Попова.

Семья Шолоховых проживала в хуторе Каргине с 1909 по 1915, с 1919 по 1922 и с 1924 по 1926 гг. Крупный казачий хутор Каргин станицы Вёшенской, Донецкого округа, Чернышевского благочиния Донской епархии, известный с конца XVIII в., с 1918 г. стал станицей Каргинской, поэтому в романе и в работах исследователей этот населённый пункт именуется по-разному. Первое здание деревянного Покровского храма хутора Каргина, в котором с 1877 г. служил священник Виссарион Евсеев, было построено в 1868 г. Второе здание храма — кирпичное на каменном фундаменте, с такой же колокольней в одной связи, сооружено на средства прихожан в 1886 г. Храм имел пять глав и два престола — главный в честь Покрова Пресвятой Богородицы и южный — в честь святителя Николая Чудотворца[12]. После окончательного установления в станице Каргинской советской власти в январе 1920 г., в доме отца Виссариона устроили комсомольский «коммунарский» клуб, а хозяина-священника выселили «в стряпку». Скончался отец Виссарион в станице Каргинской в 1921 г. (по данным Ф.Ф. Кузнецова — в 1927 г.)

Прототипом отца благочинного Панкратия в романе «Тихий Дон» был второй священник Покровского храма хутора Каргина иерей (впоследствии протоиерей) Николай Николаевич Виноградов, член-сотрудник ИППО по Донскому отделу, вступивший в Общество вместе со священником Виссарионом Евсеевым, которому он приходился племянником. Будущий священник Николай Николаевич Виноградов родился в 1860 г. в станице Мигулинской, в семье протоиерея иногороднего происхождения Николая Феодоровича Виноградова (1836–1906), пожизненного члена-сотрудника ИППО по Донскому отделу. Фамилия Виноградов имеет семинаристское происхождение и была популярна среди духовенства. В 1884 г. окончил Донскую Духовную семинарию по второму разряду. После окончания семинарии, 21 мая 1884 г. он был определён псаломщиком в Христорождественский храм слободы Орлово-Сальской (она же слобода Большая Орловка на р. Сал) Первого Донского округа. Затем, с 1885 г. он служил в Троицком храме станицы Мигулинской. С 18 мая 1886 г. перемещён в новоосвящённый Покровский храм хутора Каргина Вёшенской станицы, где служил до 1919 г.[13] Отец Николай был награждён многими иерархическими и светскими наградами. «За усердие в деле

---

[11] *Сивоволов Г.Я.* «Тихий Дон»: рассказы о прототипах: заметки литературного краеведа. Ростов-на-Дону. Ростовское книжное изд-во. 1991. 347 с. С. 163.

[12] Государственный архив Ростовской области. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11895. Л. 1–1 об.

[13] *Шарков И.Г., Томилина Л.Б.* Донской и Екатеринославский отделы Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX — начале XX веков: социокультурная и просветительская деятельность на Юге Российской империи / Монография. Изд-во ООО «Полиграфический комплекс ЭСМА-ПРИНТ». р. п. Каменоломни. 2022. 284 с. С. 102–105.

народного образования, его неустанную пропаганду, попечительство народных школ был награждён медалью “В память 25-летнего юбилея церковно-приходской школы”, имел благодарности от Епархиального совета и Святейшего Синода. За усердие в пастырском служении был награждён большим золотым наперсным крестом. Имел поощрения за участие в работе Палестинского Общества и общества трезвости»[14].

В советском романе образ священника также был несправедливо однобоким и негативным, реальный священник был другим. М.А. Шолохов хорошо знал каргинских священников, они сыграли в его жизни немалую роль. Благочинный отец Николай, как заведующий церковно-приходской школой, единолично решал вопрос о принятии Миши Шолохова на учёбу. По воспоминаниям современников, записанным местными исследователями и краеведами (Ю.А. Афанасьев, Г.Я. Сивоволов), характер у отца Николая был резкий, порой вспыльчивый, но вовсе не кляузный. Скорее, можно сказать, что он был суров, строг, вспыльчив и заносчив. В целом, его характер был похож на многих казаков, героев «Тихого Дона». В 1886 г., после освящения нового храма в хуторе Каргине, на торжественном молебне он обратился к прихожанам с предложением собора денег на постройку церковно-приходской школы. Средства казаками были собраны, Епархиальный совет дал благословение, здание школы попечением священника Николая Виноградова было построено. Школа была освящена и торжественно открыта 8 ноября 1891 г. В декабре 1894 г. было открыто церковно-приходское попечительство при каргинском Покровском храме, председателем которого стал священник Николай Виноградов. Отец Николай в хуторе слыл хорошим семьянином — у него было 10 детей, всем он дал образование. В доме отца Николая была библиотека, он выписывал журналы «Нива», «Огонёк» с приложениями, донские газеты, в гостиной стоял рояль, за которым дети учились музыке. В 1918 г. отец Николай присутствовал на заседаниях военно-полевого суда в станице Каргинской, в собственной карете выезжал за Песчаный курган с конвойной командой благословить приговорённых к расстрелу. Отец Николай содействовал тому, чтобы расстрел был заменён поркой розгами сыну священника Николаевского храма хутора Грачёва Василия Тихоновича Александрова. Супруга протоиерея Николая — Любовь Ивановна Виноградова (1868–1944). Известные на 1912 г. дети: Вера, Евгений, Михаил и Ольга. Зимой 1919 г. благочинный отец Николай с семьёй уехал к дочери в Новочеркасск. Из рассказов его дочери выясняется, что поехали они «в отступление» на двух санях, на которые погрузили одежду, ценные вещи и продукты. Библиотеку прислуга перенесла к отцу Виссариону Евсееву, его же просили «доглядывать за домом». 20 мая 1920 г. всё подворье отца Николая сожгли «красные». Скончался протоиерей Николай Виноградов в 1934 г.

События романа «Тихий Дон» происходили в станицах и хуторах Верхнего Дона, в период с 1912 по 1922 гг. Часто в произведении упоминалась станица Вёшенская и её хутора. Среди вёшенских священников, служивших в двух

---

[14] *Сивоволов Г.Я.* «Тихий Дон»: рассказы о прототипах: заметки литературного краеведа. Ростов-на-Дону. Ростовское книжное изд-во. 1991. 347 с. С. 164.

станичных храмах — Архангело-Михайловском и Троицком в конце XIX — начале XX вв., удалось установить членство в ИППО по Донскому отделу девяти человек. Среди них есть священник, имевший прямое отношение к судьбе семьи Шолоховых. Священник Троицкого храма станицы Вёшенской Емельян Георгиевич Борисов (служил в Архангело-Михайловском храме с 28 декабря 1899 г. по 1908 г.), член-сотрудник ИППО с 1904 года. Отец Емельян Борисов родился в 1874 г., также служил в хуторах Грачёве и Каргине, был мужем племянницы отца Михаила Шолохова, с которым был дружен. Он 29 июля 1913 г. в Покровском храме хутора Каргина венчал родителей М.А. Шолохова — Александра Михайловича Шолохова (1865–1925) и Анастасию Даниловну Кузнецову (в девичестве Черникову, 1871–1942). Для матери будущего писателя Анастасии Даниловны это был второй брак, а Михаил Александрович родился в мае 1905 г. незаконнорожденным, до брака родителей. В детстве Миша Шолохов дружил со старшим сыном священника Емельяна Борисова Владиславом.

С 16 мая 1897 г. членами-сотрудниками ИППО по Донскому отделу являлись священники Вёшенского станичного Архангело-Михайловского храма Димитрий Степанович Богомолов (служил с 17 июля 1875 г. по 2 июля 1910 г.), Митрофан Александрович Ермилов (служил с 24 июня 1883 г. по 1908 г.), Прокопий Иванович Икорский (служил с 18 октября 1912 г. и после 1918 г.) С 15 октября 1902 г. членом-сотрудником ИППО по Донскому отделу являлся священник того же храма (служил с 30 августа 1899 г. по 18 августа 1912 г.) Аристарх Аристархович Михайлов. В Троицком храме станицы Вёшенской служили члены-сотрудники ИППО по Донскому отделу священники Илья Викторович Кузнецов (служил с 22 мая 1905 г. по 26 августа 1910 г., в Обществе состоял с 15 октября 1902 г.), Пётр Миронович Нечаев (служил с 21 мая 1896 года по 7 декабря 1899 г., в Обществе состоял с 30 октября 1897 г.), Иоанн Васильевич Финляндский (служил с 13 октября 1896 г. по 5 мая 1905 г., в Обществе состоял с 16 октября 1897 г.), Василий Николаевич Смирнов (служил со 2 сентября 1911 г. и после 1918 г., в Обществе состоял с 16 мая 1897 г.)

В ходе исследований истории ряда южнорусских и западнорусских губернских отделов ИППО, также были обнаружены интересные материалы о других членах ИППО, ставших прототипами произведений отечественной литературы XX в.

Прототипом Ипполита Матвеевича (Кисы) Воробьянинова из романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова по всей вероятности являлся Николай Дмитриевич Стахеев (1852–1933) — купец первой гильдии, золотопромышленник, благотворитель, меценат, племянник художника И.И. Шишкина (1832–1898), коллекционер живописи, пожизненный действительный член ИППО с 10 марта 1896 г.[15] Его отец, купец Дмитрий Иванович Стахеев (1819–1888) с 10 декабря 1886 года также состоял пожизненным действительным членом Палестинского Общества. Также и другой представитель этой купеческой семьи — Иван Григорьевич Стахеев был пожизненным действительным членом ИППО с 28 октября

---

[15] Список членов Императорского Православного Палестинского Общества на 1 ноября 1896 г. // Сообщения ИППО. Т. VII. Приложения. Санкт-Петербург. Типогр. В. Киршбаума. 1897. С. 87–196. С. 100.

1886 г.[16] Личность Н.Д. Стахеева у современников вызывала уважение, и вовсе не ассоциировалась с той фигурой предводителя уездного дворянства, которую создали сатирики в 1928 г.

С именем Николая Дмитриевича Стахеева связана столичная городская легенда. После 1918 года, когда всё его огромное состояние было национализировано, Николай Дмитриевич тайно вернулся в Москву, чтобы забрать из тайника своего дома на Басманной улице драгоценности, но когда он уже шёл по улице за этим кладом, его остановили дружинники из рабочих железнодорожного депо. На допросе в ГПУ Н.Д. Стахеев якобы предложил Ф.Э. Дзержинскому сделку: он говорит, где в его бывшем доме спрятаны ценности, а ему за это назначают пенсию или дают возможность уехать из страны. Дзержинский якобы принял условия бывшего промышленника. Говорили, что Стахеев до конца своих дней получал пенсию, а на часть «найденных» сокровищ был построен Дом культуры железнодорожников на нынешней Комсомольской площади. Об этой легенде узнали журналисты железнодорожной газеты «Гудок» Е. Петров и И. Ильф. Предположительно, авторы «Двенадцати стульев» взяли интервью у Николая Дмитриевича, и в результате он стал прототипом одного из ключевых героев произведения. Особняк Н.Д. Стахеева после национализации был передан железнодорожникам.

К Области войска Донского имя Николая Дмитриевича Стахеева также имеет отношение. В г. Александровске-Грушевском (ныне г. Шахты) был угольный рудник, который принадлежал ростово-нахичеванскому купцу Гавриилу Ильичу Шушпанову (1836–1901), затем его вдове Сусанне Васильевне (1849–1921). На руднике С.В. Шушпановой имелась аудитория для просветительских чтений, в которой в 1904–1906 гг. проводились Палестинские чтения. В аудитории чтения «иллюстрировались световыми картинами и разнообразились пением» священных песнопений местным хором. «Аудитория на таких чтениях всегда была полна, а тишина и порядок были образцовые. Особенное внимание производило чтение, когда оно заканчивалось каким-либо подходящим стихотворением, помещаемым в Палестинских листках»[17]. В 1905 г. шахту Шушпановой и Николая Ивановича Чурилина (†1912) купил московский купец Николай Дмитриевич Стахеев и организовал Общество «Грушевский Антрацит». Палестинские чтения при руднике продолжились.

Прототипом героя романа М.А. Булакова (1891–1940) «Белая гвардия» (1923) стал активист Киевского отдела ИППО протоиерей Александр Александрович Глаголев (1872–1937), священномученик, лектор Палестинских чтений в Киеве, паломник в Святой Земле (в 1911 г. руководил паломничеством студентов Киевской Духовной академии в Палестину). В 1913 г. вошёл в состав комиссии Киевского

---

[16] Список членов Православного Палестинского Общества по 1 февраля 1888 г. // Отчет Православного Палестинского Общества за 1886–1887 год. Санкт-Петербург. Типогр. В. Киршбаума. 1888. С. 217–253. С. 233–234.

[17] Отчет Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1904, 1905 и 1906 годы // Донские епархиальные ведомости. 1907. № 12–13. Офиц. отд. С. 181–192. С. 188.

отдела ИППО по организации чтений о Святой Земле[18]. В широком кругу близких людей священника Александра Глаголева была и семья Булгаковых. Отец писателя Афанасий Иванович Булгаков (1859–1907) являлся доцентом, позднее профессором Киевской Духовной академии в то же время, когда там преподавал доцент, затем экстраординарный профессор, священник Александр Глаголев. Именно священник Александр Глаголев 26 апреля 1913 г. в Киеве совершил венчание Михаила Афанасьевича Булгакова и Татианы Николаевны Лаппа (1892–1982). Впоследствии Михаил Афанасьевич хранил душевное тепло и благодарные чувства к протоиерею Александру и наделил его чертами литературного героя своего романа «Белая гвардия», оставив ему подлинное имя — отец Александр.

Другим литературным прототипом являлся член-сотрудник ИППО по Таврическому отделу с 22 декабря 1900 г. священник Александро-Невского собора г. Ялты Петр Иванович Сербинов (1869–1930)[19]. Священник Петр Сербинов был членом Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. по избранию, клириком от Таврической епархии, впоследствии репрессирован советской властью и реабилитирован посмертно. Драматичная судьба отца Петра упоминается в книге И.С. Шмелёва (1873–1950) о красном терроре в Крыму «Солнце мертвых» (1923 г.)[20], где священник упоминается без имени, так как это могло привести к новому аресту. Личность священника Петра Сербинова описывается в монологе рыбака Павла (глава «Чатыр-Даг дышит»).

Другим литературным прототипом являлся паломник в Святой Земле генерал-майор А.П. Байковский. Паломник из Киевской губернии, отставной генерал-майор Александр Прокофьевич Байковский (1837–1907) с 17 по 30 сентября 1905 г. останавливался на Сергиевском подворье ИППО в Иерусалиме[21]. Выпускник Пензенского дворянского института, участник военных кампаний 1855, 1857 и 1858 гг. на Кавказе и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., А.П. Байковский в звании полковника с 1889 г. являлся командиром 46-го пехотного полка, с 23 марта 1898 г. в звании генерал-майора командовал 2-й бригадой 10-й пехотной дивизии. С 14 января 1900 г. в отставке. В 1890–1893 гг. под его началом в 46 полку служил писатель подпоручик Александр Иванович Куприн (1870–1938). Четырёхлетняя офицерская служба дала писателю богатый материал для будущих произведений. Александр Прокофьевич Байковский послужил

---

18 О составе и деятельности Киевского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1913-й год. (С 1-го марта 1913 г. по 1-ое января 1914 г.) // Киевские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 446–449. С. 448.

19 Список членов Императорского Православного Палестинского Общества на 1 ноября 1902 г. // Сообщения ИППО. Т. XIII. Приложение II. Санкт-Петербург. Типогр. В. Киршбаума. 1903. С. 154–229. С. 219.

20 *Шарков И.Г.* Социокультурная, просветительская и организационная деятельность отделов и уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества на юге Российской империи в конце XIX — начале XX вв. Монография. Изд-во ООО «Полиграфический комплекс ЭСМА-ПРИНТ». р. п. Каменоломни. 2024. 288 с. С. 229.

21 Список лиц, останавливавшихся на Сергеевском подворье в Иерусалиме с 1 сентября по 1 декабря 1905 г. // Сообщения ИППО. Т. XVII. Выпуски 1–4. Санкт-Петербург. Типогр. В. Киршбаума. 1906. С. 331.

прототипом для одного из основных персонажей повести А.И. Куприна «Поединок» (1905 г.) — полковника Шульговича, представлявшего пример противоречивого поведения — сочетания внешней грубости на службе и внутренней доброты вне её. А.И. Куприн описал А.П. Байковского в автобиографии 1913 г. как «человека, в душе прекрасного, доброго и даже сентиментального, но притворявшегося на службе крикуном, бурбоном и грубияном»[22]. В «Поединке» автор также отмечает человечность командира полка: «Шульгович, отчитав потратившего казенные средства офицера, тут же предлагает ему деньги из своего кармана»[23]. А.П. Байковский был определён на службу с 6 сентября 1905 г. по ведомству учреждений Императрицы Марии из отставных Почетным попечителем ремесленной школы Киевского Благотворительного общества[24]. Скончался 26 ноября 1907 г. в Киеве, погребён на Байковом кладбище.

Императорское Православное Палестинское Общество «уникально по своему значению в истории отечественной и зарубежной культуры. Уставные задачи Общества — содействие паломничеству в Святую Землю, научное палестиноведение и гуманитарно-просветительное сотрудничество с народами стран Библейского региона, поддержка Православия на Ближнем Востоке — тесно связаны с традиционными духовными и культурными ценностями русского народа и приоритетами российской внешней политики»[25]. Неслучайно многие талантливые личности, состоящие в этом Обществе, упомянуты на страницах отечественной литературы.

Русская и советская классическая литература XX в. отразила один из самых драматичных периодов в истории России. Ряд членов Императорского Православного Палестинского Общества оказались в числе литературных прототипов известных произведений отечественной литературы первой трети XX в., это свидетельствует о том, что в рядах Общества состояли граждански активные, яркие и одарённые личности, многие из которых оставили значительный след в истории России. Немалое число членов ИППО уже прославлены в лике святых новомучеников и исповедников Церкви Русской, нередки имена активистов Общества в рядах признанных писателей и учёных, живописцев и педагогов. Порой принадлежность известных людей нашей страны к всесословной церковно-общественной организации, формировавшей отечественное гражданское общество, каковой являлось ИППО, не известна. Настоящее исследование предпринимает скромную попытку устранения этой лакуны.

---

22 Автобиография А.И. Куприна // Огонек. 1913. № 20. С. 11.

23 Афанасьев В.Н. А.И. Куприн: критико-биографический очерк. М., 1960. 205 с. С. 77.

24 Сенатские ведомости. 1905. № 87. С. 703.

25 *Житенёв С.Ю.* История развития паломничества русских православных богомольцев в Святую Землю в XIX — начале XX века // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3. С. 112–122. С. 119.

КРИТИКА

Aksenova Galina Vladimirovna,
Deputy Head of the Scientific Section of the IPO «IOPS»,
Deputy Editor-in-Chief of the Orthodox Palestinian Collection,
Professor at the Department of Russian History at the Institute of History and Politics
at Moscow Pedagogical State University,
Leading Researcher at the Department of Russian History at the Faculty
of Humanities and Social Sciences RUDN University
named after Patrice Lumumba,
Doctor of Historical Sciences,
Moscow, Russian Federation.
E-mail: galax23@yandex.ru

Blokhin Vladimir Vladimirovich,
full member of the IPO «IOPS»,
Professor of the Department of History of Russia
Peoples' Friendship University of Russia named after
Patrice Lumumba (RUDN University),
Doctor of Historical Sciences.
Moscow, Russian Federation
E-mail: istory1@rambler.ru

Crafty "truths" and poor facts (about methods, imagination, and scientific cleanliness)

Abstract: Based on the results of the discussion, the authors of the article have prepared a collective monograph by Shapovalov M.S., Bokatova A.Yu., Valitova A.A. and others. "Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th and early 21st centuries" at a meeting of the Scientific Section of the IOPS NGO in March 2026, a set of reflections on conducting modern research and preserving Russian scientific traditions of studying and presenting holy sites of Ecumenical Orthodoxy. The authors noted the influence of Western postmodern ideas on the work of a number of modern Russian researchers, who also inappropriately use foreign terms in scientific texts in humanitarian research, which leads to significant distortions of the ideas of the holy sites of Palestine and the history of pilgrimage to the Holy Land.

Keywords: Holy Land, Jerusalem, Russian scientific traditions, postmodernism, Archimandrite Porfiry (Uspensky), V.N. Khitrovo, Imperial Orthodox Palestinian Society.

Аксенова Галина Владимировна
заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО»,
зам. главного редактора Православного Палестинского Сборника (ППС),
профессор кафедры истории России Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета,
ведущий научный сотрудник кафедры истории России
факультета гуманитарных и социальных наук
РУДН им. Патриса Лумумбы,
доктор исторических наук,
Москва, Российская Федерация
E-mail: galax23@yandex.ru

Блохин Владимир Владимирович,
действительный член МОО «ИППО»,
профессор кафедры истории России
Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумбы (РУДН),
доктор исторических наук.
Москва, Российская Федерация
E-mail: istory1@rambler.ru

Лукавые «истины» и бедные факты (о методах, воображении и научной чистоплотности)

Аннотация: авторы статьи подготовили по итогам обсуждения коллективной монографии Шаповалова М.С., Бокатова А.Ю., Валитова А.А. и др. «Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в.» на заседании Научной секции МОО «ИППО» в марте 2026 г., свод размышлений о проведении современных исследований и сохранении отечественных научных традиций изучения и представления святых мест Вселенского Православия. Авторы отметили влияние западных постмодернистский идей на работы ряда современных российских исследователей, которые также неуместно используют иностранные термины в научных текстах в гуманитарных исследованиях, что приводит к существенным искажениям представлений святых местах Палестины и истории паломничества в Святую Землю.

Ключевые слова: Святая Земля, Иерусалим, российские научные традиции, постмодернизм, архимандрит Порфирий (Успенский), В.Н. Хитрово, Императорское Православное Палестинское Общество.

Статья поступила в Редакцию ППС 24.04. 2026 г.

С начала XXI столетия в систему гуманитарного научного знания стали активно вторгаться новые термины, понятия и формироваться его новые отрасли, что, казалось бы, может быть вполне оправданным в связи с накоплением знаний, открытиями, развитием техники и технических средств, их активного привлечения для проведения исследований. Представители российской науки стали активно заимствовать и использовать неоправданные, якобы очень новые и современные методы исследования, сочинять новые методологические подходы к научным исследованиям в области истории, лингвистики и филологии, что приводит к размыванию важнейших основ и опор национальной государственности. На протяжении не одного десятилетия было модно такое «одно из самых современных направлений» исторического исследования, сформировавшегося в Западной Германии, как «история понятий»[1]. Статья основоположника этого направления, опубликованная в России только в 2004 г. начиналась «замечательной» целеустановочной фразой: «Согласно одному знаменитому афоризму Эпиктета, людей потрясают не деяния, а рассказы об этих деяниях». Проведя сопоставительный анализ истории понятий и социальной истории, предложив свой понятийно-исторический метод исследования, Р. Козеллек[2], «придававший исключительное значение языку, семантике слов в их историческом контексте», основной акцент делает на понятийном аппарате, стремясь превратить историю понятий в научную дисциплину, которая пользуется своими методами исследования (что НЕ характерно для научных дисциплин). Он указывает на то, что в современном мире возникает необходимость «перевода прошлых словесных значений в контекст нашего современного понимания». Для него важно, что «понятия высвобождаются из своего ситуативно обусловленного контекста и на протяжении различных исторических периодов прослеживаются изменения его значений, а затем эти изменения систематически соотносятся друг с другом, [достигается тот уровень рассмотрения, когда] отдельные историко-аналитические исследования понятия суммируются в то, что мы называем его историей». Начав с безобидного примера об изменении смыслового наполнения слова «горожанин», он переходит к размышлению о необходимости смены смыслового значения сначала понятия «история», а затем к нивелированию предмета науки истории и собственно смыслов исторического познания. Для него история — «процесс, инициируемый имманентными ей силами, процесс, который уже не может быть выведен только из естественных условий, в силу чего его каузальное объяснение перестает быть достаточным». Он утверждает, что «современное понятие истории приобретает свою амбивалентность потому, что мы вынуждены мыслить её как целое (пусть хотя бы в силу эстетического требования) и вместе с тем никогда не сможем констатировать ее завершения, ибо будущее — известным нам образом — все же остается

---

1 *Козеллек Р.* Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004. № 5 (44). С. 97–130. Перевод с немецкого А. Кричевского по изданию: Reinhart Kosellek. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 107–143.

2 См.: *Закиров А.В.* Концепция исторического времени в творчестве Р. Козеллека. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Казань, 2013.

неизвестным». Как отметил казанский исследователь А.В. Закиров, «Р. Козеллек «рассматривал историю как систему (аналогичную системе Д.И. Менделеева), в которой важна роль каузальных связей, как по вертикальной, так и по горизонтальной, как по восходящей, так и по нисходящей, как в пространственной, так и во временной плоскостях»[3].

Напоминание о дисциплине «история понятий» и её «создателе» Р. Козеллеке необходимо в связи с тем понятийно-категорийным аппаратом, который нередко используется и трансформируется современными учеными при написании «оригинальных» исторических трудов. Так, в начале двухтысячных годов в гуманитарные науки стало вводиться такое понятие как «воображаемая история». Толковые и энциклопедические словари, а также энциклопедии дают ему следующее определение: «Воображаемая история — это понятие, которое может иметь несколько трактовок в зависимости от контекста. В общем смысле оно может означать историю, созданную или интерпретированную с помощью воображения, вымысла или субъективного восприятия». Это — «ментальная конструкция, которая может иметь или не иметь отношения к объективному миру. Воображаемое складывается из образов реального и нереального миров, соединяя следы жизненного опыта и фантазии. При этом воображаемое обладает реальностью произошедшего события и способно влиять на бытие, формировать новые события»[4]. Активно вводимое оно позволило целому ряду исследователей вольно обращаться с фактами, историческими источниками, вольно интерпретировать события прошлого. Вымысел, домысел — вот, что ложится в основу исторического исследования, а значит — ведет к мифологизации и фальсификации истории.

Как известно, мы живем в век относительных истин и эпоху постмодернизма, когда невозможное становится возможным, а истина и ложь меняются местами, порождая интеллектуальные конструкции самого неожиданного плана. «Новые прочтения» отечественной истории привлекают искателей исторических истин. Вот уже и настала очередь Русской Палестины... Старая тема на новый лад.

Из названия коллективной монографии «Воображая Палестину. Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в.»[5] можно сразу заключить, что речь идет о социально-историческом сознании, национальной идентичности русского народа в указанный период, что, безусловно, заслуживает уважения, ведь какой русский не хочет заглянуть в глубинные пласты своего духа, ответить на вопрос, кто он. Кстати, и момент выхода в печать этого произведения выбрано весьма своевременно — Россия возвращается сегодня к своей исконной религиозной сущности, к самой себе, своей духовной истории. Подготовка подобного исследования в этом контексте заслуживает самого одобрительного отношения.

---

[3] См.: *Закиров А.В.* Концепция исторического времени в творчестве Р. Козеллека. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Казань, 2013.

[4] См.: *Суворов Н.Н.* Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2(27) июнь. С. 73–81.

[5] См.: Воображая Палестину: Святая Земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в.: Коллективная монография / М.С. Шаповалов, А.Ю. Бокатов, А.А. Валитов, В.А. Герасимова, Э.Р. Григорян, Л.Н. Манцевич, К.А. Мурастова, Д.Л. Шевелёв. СПб.: Нестор-История, 2021. 776 с.

Впечатляют и привлеченные литературные силы. Восемь авторов со степенями подготовили масштабный труд, что, по-видимому, должно стать гарантией незыблемости, объективности выводов и открытий. В шапке монографии значатся Министерство науки и высшего образования РФ и признанный авторитетным научным сообществом Омский государственный университет.

Успеху познания национальной идентичности должен был бы способствовать и привлеченный круг источников личного происхождения: многочисленные воспоминания и заметки паломников, стремившихся в Святую Землю, что не только оправдано, но и просто необходимо для реконструкции религиозно-духовных и ментальных форм самосознания. И до сих пор это неискоренимое, во многом необъяснимое стремление в Святую Землю длится и длится, подтверждая провидческую фразу Ф.М. Достоевского: «Русский — значит Православный!»

В таком сочинении думающий читатель ожидает открыть космические глубины духовного богатства нашей культуры. И вот — первые строки и первые впечатления... Обескураживает и настораживает аннотация монографии. Авторы заявляют, что «в книге рассматривается концепция «изобретения Святой земли» в России, особое внимание уделяется истории представлений об Иерусалиме, Святой земле (Палестине) и истории понятия «Русская Палестина»[6].

Как же в таком случае, «изобретение» коррелируется с понятием идентичности? Разве идентичность не формируется объективно таким культурным механизмом, как традиция? Разве идентичность субъективна и конструируема и не существует как априорная данность (язык, культура, формы общежития, ценностные установки)? Не секрет, что традиция, существующая во времени, поддается истолкованию, но при этом она существует как объективная реальность. С этой точки зрения, термин «изобретение» не только не удачен как категория исследования, но и не адекватен поставленной задаче реконструировать национальную идентичность. Ещё более интригующе выглядит предложение авторов изучить «историю понятия Русская Палестина», как будто реальная Палестина никак не связана с представлениями о ней. И действительно, когда мы «воображаем» себе Палестину, мы можем сконструировать её образ нашим воображением сколь угодно и как угодно, ведь он никак не связан с действительной Палестиной. При таком подходе мы вынуждены анализировать нечто искусственное, некий продукт нашего сознания, лишь временами выставляя «маяки истории» в виде удачно подобранных цитат, вставленных в искусственный контекст для создания иллюзии истинности. По нашему мнению, авторы предложили неверный подход в решении проблемы «образ-реальность», противопоставив свои представления, свои мысли действительной истории русского присутствия в Палестине.

Такой подход к пониманию идентичности совершенно укладывается в постмодернистский релятивизм. «Наступает полная дезориентация и вседозволенность: во фрагментарном текущем моменте возможно все, но нет ничего фундаментального, прочного. Утрачивается связь времен. Доминирует сиюминутное чувственное переживание момента. Реальный мир уравнивается с виртуальным и часто

6 Там же. С. 2.

виртуальный оказывается значимее и воспринимается реальнее, чем действительный реальный мир», — отмечает исследователь идентичности.[7]

Вообще, авторы так называемой «монографии» — любители научного новояза и, видимо, свято верующие в установку, что как ты назовешь явление, таким оно и будет в действительности. А научный используемый язык впечатляет поистине революционными подходами! Авторы используют понятия, неизвестные отечественной гуманитаристике: «культурная апроприация», «обратный трансфер» и др. На основе этого категориального аппарата, этой весьма специфической терминологии, авторы создают концепцию апроприации воображаемой Палестины, которая сама по себе требует пристального внимания, поскольку выводы из неё можно сделать совсем не научные.

Сам термин «апроприация» позаимствован из уголовного права и означает не что иное, как кражу, «присвоение чужого». Применительно же к нашей теме, означает кражу истинных христианских ценностей исконной исторической Палестины и присвоение их русскими пришельцами-паломниками, стремившимся в Палестину. При этом, присвоив себе чужое, русские не только колонизировали Святую Землю, но привнесли в неё часть российского культурного пространства, совершили «обратный трансфер» и тем самым исказили древнюю культуру, вступив с ней во враждебные отношения. Авторы доказывают, что русские создали на месте Святой Земли особое культурное пространство, «уголок России», враждебный окружающему социуму.

Начнем с тезиса о присвоении пространства и культуры, его апроприации. Процитируем авторов. Ссылаясь на высказывания первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (РДМ) архимандрита Порфирия (Успенского), авторы пишут, что русское присутствие на Святой Земле наделялось функцией «врачевания Православной Палестинской Церкви», а задача РДМ виделась в том, чтобы дать «образчик благочинного русского служения» на Востоке...»[8]. Вскользь коснувшись работ Н.Н. Лисового и его тезиса о том, что «Россия никогда не рассматривала Палестину или Сирию как плацдарм для колониальной агрессии»[9], авторы отстраненно, вне исторического контекста размышляют о построении здесь «русского пространства». Историк и один из идеологов ИППО М.П. Соловьев подчеркивал: «Православие вызвало Россию в Палестину». Таким образом, перед нами разворачивается так называемый «обратный трансфер», выраженный в стремлении построить не «Новый Иерусалим» на русской земле, а «уголок России» в Палестине. Ко второй половине XIX в. Российская империя начала реализовывать масштабный проект по созданию в Палестине собственной уникальной территории», — отмечается в монографии[10].

Так почему же нужно было «врачевать» в Святой Земле? Авторы монографии ведут свои размышления вне учета культурно-исторического контекста

---

7 *Маслова А.С.* Постмодерн и идентичность: альтернативные интерпретации. // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 2. С. 97.

8 Воображая Палестину... С. 250–251.

9 Там же. С. 251.

10 Там же. С. 253.

и реальных проблем населения Палестины. У них слово «врачевать» приобретает характер вмешательства, в то время как архимандрит Порфирий имел в виду конкретную идею просвещения арабского населения, которое усилиями Иерусалимского Патриархата и Святогробского братства было лишено почти всех прав. Речь идет об исконном православном арабском населении, защищать которое и стал о. Порфирий. Он начал создавать «русскую паломническую инфраструктуру, послужившую развитию отечественного богомолья в Святую Землю»[11]. «О. Порфирием были сделаны первые реальные шаги по просвещению арабского христианского населения Ближнего Востока, что имело существенное общественное значение как для российского общества середины XIX в., так и для самих арабов-христиан Ближнего Востока. Порфирий был первым, кто ясно писал о значении православного просвещения среди арабов-христиан», — отмечает А.Г. Грушевой[12].

Как видно, русское присутствие или «русское пространство» имело очевидно защитную функцию для арабов-христиан, если учесть активизацию католической пропаганды в лице латинского патриарха Иосифа Валерги, упорно и настойчиво насаждавшего католицизм в среде исконных православных жителей Палестины. Любопытен зрительный ряд. Авторы приводят фото русского священника в английском пробковом шлеме, характерным для колонизаторов[13]. Под фото так и написано — «английский колониальный шлем». «Вот и получается, что и совсем не «врачевание», а скрытые колониальные намерения русских! И для авторов совсем не важно, что никакой связи между шлемом и русским присутствием нет — просто батюшке было жарко и прикупил первый попавший головной убор. Интересно, а сколько русских священников ходило в колониальных шлемах? Источники, впрочем, умалчивают за исключением лишь одного случая. Корректна ли такая выборка?

Ничего не объясняет приводимая авторами цитата М.П. Соловьева, который неоднократно и в тревожных тонах, в своих многочисленных сочинениях писал об угрозе Православию в Святой Земле. Семантический выхлоп авторов монографии проявился в пустом тезисе об «обратном трансфере». Зачем и почему трансфер? Такое ощущение, что здесь приводится цитата ради цитаты, чтоб доказать, что авторы читали М.П. Соловьева.

Есть и ещё один нюанс. Когда возможен перенос культурного пространства? Видимо, только в случае военного завоевания и порабощения. Но разве Россия завоевывала Святую Землю? Разве культурный процесс, а именно такой глубокий как развитие Православия, можно свести к экспорту или трансферу? Авторы так называемой монографии виртуозны в исполнении навязчивых

---

11 *Житенёв С.Ю.* Российская Империя на Ближнем Востоке в первой половине XIX в.: дипломатия, религия и паломничество // Журнал Института Наследия. 2020. №3 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-imperiya-na-blizhnem-vostoke-v-pervoy-polovine-xix-v-diplomatiya-religiya-i-palomnichestvo (дата обращения: 20.08.2025).

12 *Грушевой А.Г.* «Уврачевание» Иерусалимской Церкви в мыслях и действиях Порфирия Успенского // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 С .81.

13 Воображая Палестину... С. 253.

идей об апроприации, широко используют метод ассоциаций, что весьма досадно и лишь негативно характеризует научный уровень исследования. «Для сравнения, Духовная Миссия и Палестинское Общество стали владельцами земель, в шесть раз превышающих по размеру территорию современного московского Кремля»[14], — цитируют авторы заметки одного из поклонников. Конечно, эстетические образы и ассоциации свойственны любому сознанию, но можно ли на этом факте строить концепцию?

Авторы, расширяют фантазию об апроприации русскими культурного пространства Палестины до идеи создания здесь «отдельного русского города», «русского дома», фактически смешивая психологические и эстетические образы русских паломников с некими неявными намерениями России, подменяют ментальные образы политическими установками. Хорош прием, лукава методология!

Чтобы быть убедительными, авторы, конечно же, обращаются к символам монаршего покровительства, т.е. неявно протаскивают идею русского государственного интереса в Палестине. Вот красноречивая цитата: «Очевидно, с начала XX в. (после 1905 г.) понятие “Русская Палестина” не просто существовало, но и усилиями Палестинского Общества активно внедрялось в обиход среди русских паломников. Интереснейшим документом, подтверждающим это, является бланк паломнического письма, разработанный ИППО для русских богомольцев. В уже напечатанный текст письма паломнику нужно было вставить только дату и вписать название парохода, на котором он прибыл в Яффу. Бланк не просто воспроизводил общий паломнический нарратив: высадку в Яффе, встречу черногорских кавасов, приезд в Иерусалим, но фактически задавал понятийную систему: бланк перечислял новые романовские названия русских подворий: Сергиевское, Николаевское, Елизаветинское, Мариинское, а Русские постройки в Иерусалиме прямо номинировал понятием “Русская Палестина”... К Первой мировой войне ИППО сформировало и очевидно утвердило свою идеологическую концепцию презентации русских владений на Святой земле под именем «Русской Палестины»[15].

Так авторы приписали «идеологическую презентацию русских подворий», но ни словом не обмолвились, почему именно российские монархи финансировали эти постройки, куда направлялись миллионы рублей соотечественников и Русской Церкви. А они шли на строительство десятков арабских школ, на материальную помощь греческому духовенству и Иерусалимскому Патриархату. Без финансовой помощи России, её первых лиц такая работа была бы невозможна. Отметим ещё одно важное обстоятельство — католическое религиозное присутствие и миссия Патриарха Валерги осуществлялась при непосредственной помощи и содействии французского императора Наполеона III[16], а проникновение протестантов — короля Пруссии короля Фридриха Вильгельма IV, действительно задумавшего вместе с английским правительством создать в Палестине остов

---

14 Воображая Палестину... С. 254.

15 Воображая Палестину... С. 263.

16 *Анисимов О.В.* Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., «Индрик», 2014. С. 92.

протестантизма[17]. Важно при этом учесть, что исторически протестанты никогда не населяли Святую Землю, древними жителями Палестины были православные арабы. Проникновение протестантов происходит лишь в XIX веке при поддержке английских и немецких правительств. Уважаемым историкам, конечно, эти факты не известны, тем более, они их описывают в отрыве от религиозно-политической обстановки в Святой Земле и геополитических реалий. Странная объективность — одним фактам придается нехарактерное для них всеохватывающее значение, а о других фактах — каменное молчание!

Нельзя не отметить и ещё одного весьма примечательного факта: представители правящей династии в России отличались не только глубокой религиозностью, но и благочестивым образом жизни, и потому не могли не быть отмечены русским религиозным сознанием в памятниках Святой Земли. Авторитетным исследователям это должно быть известно.

Таковы банальные пути очень постепенного и осторожного извращение истины. Неполное применение источников искажает действительную картину и даже придает ей противоположную ценностную коннотацию. Авторы опираются на источники, но рассматривают их изолированно и вне контекста. Однако упрямству авторов исследования нельзя не позавидовать — их логика неумолима. Раз Россия строит свое пространство, значит руководствуется определенными целями. Русское пространство у авторов противостоит естественной среде, является для неё чужеродным элементом.

«Ощущение нахождения не просто на Русском подворье, а в «отдельном», «целом» городе у паломника складывалось под влиянием нескольких составляющих. Во-первых, комплекс русских зданий визуально находился вне стен Иерусалима... Во-вторых, список сооружений, располагавшихся на территории построек, атрибутивно напоминал список сооружений, присутствующий в каждом городе Российской империи. В-третьих, русские постройки семантически соответствовали понятию города»[18], — отмечают авторы.

О чем цитата? Ни о чем! Она не несет в себе смысловой нагрузки, но является прологом к ещё более решительной фантазии авторов: «На территории «Русского города» в Иерусалиме были размещены официальные органы власти Российской империи: Российское генеральное консульство с канцеляриями и драгоманами (первоначально консульство предполагалось разместить в черте города Иерусалима) и РДМ. Критик, этнограф и путешественник Е.Л. Марков пояснял: «Тут у нас, как в Японии, два хозяина: один светский — консул, другой, — духовный... начальник миссии». После создания ИППО на Русских постройках появился третий хозяин — уполномоченные ИППО и управляющие подворьями Общества. Значимо, что Председатель ИППО, Великий Князь Сергий Александрович в ряде случаев именовался «президентом Палестины», тем самым подчеркивая автономность русских властей и самого «Русского города» в Иерусалиме. Была открыта

---

17 Shaftesbury. Samuel Gobat. Bishop of Jerusalem. His life and work. L., James Nisbet & Co, 1884. P.223.

18 Воображая Палестину... С. 265.

и работала на постройках и русская почта»[19]. Показательно, Е.Л. Марков не описывает систему управления и структуру органов власти региона, он лишь делится своим впечатлением и ощущением — «Как в Японии»! Уважаемым историкам не понятна ирония Е.Л. Маркова!

Здесь авторы превзошли сами себя. Когда это дипломатическое представительство или консульство России, РДМ были органами власти? Учили ли авторы историю? Под чьей юрисдикцией находился Иерусалимский Патриархат? В состав, какого государства входила территория Святой Земли? Когда общественная организация (ИППО) обладала функцией власти? Авторы, опираясь на бытовавший среди паломников стереотип, называют Великого Князя Сергия Александровича, руководителя ИППО «Президентом Палестины».

А далее, «воображая ещё больше Палестину», авторы уже указывают, что русское пространство имело ещё и черты суверенитета — «Принадлежность к "Русскому городу" усиливала российская имперская символика: исполнялся «русский народный гимн», на здании консульства была размещена башня для крепления часов «с высоко развевающимся русским национальным флагом», а с 1889 г. на угловой башне Нового (Сергиевского) подворья стал подниматься флаг Палестинского общества. Знаково, — пишут авторы, — что в своем дневнике рождение Русских построек паломник-писатель В.К. Каминский связывал с распустившимся русским флагом над домом миссии и русским «трезвоном». Русский флаг на зданиях и пароходах воспринимался паломниками как «родной знак», первый признак «русскости» пространства. <...> Израильский исследователь В. Левин одним из первых обратил внимание на казарменно-казённый характер Мейдамского комплекса, созданного в стиле позднего русского классицизма. Исследователь подчеркивал, что «иностранцы рассматривали Русские постройки как крепость, доминирующую над городом». Следует лишь добавить, что и русские паломники принимали Русское подворье «за крепостцу». Особенно это сравнение подтверждалось, если паломник смотрел на Русские постройки со стороны Нового подворья, угловая башня которого добавляла сходства с фортом»[20]. Авторы, опираясь на некоторые впечатления богомольцев и ни на что другое, проводят тезис о агрессивных устремлениях России, её милитаристском духе.

Ещё показательный образчик: «Судя по фотографиям из архива ИППО, помещения для паломников низшего класса действительно напоминали казармы: большие залы с деревянными нарами в два этажа <...> Постройки в «известных случаях» могут «обратиться в осадный двор»[21]. Любопытно, знают ли авторы, что по большей части, работные люди пореформенной России снимали «углы» или «койки» в общежитиях казарменного типа, создаваемых при фабриках и заводах. Это была повсеместная практика и уж никакого милитаристского духа здесь и быть не могло. Метод ассоциаций явно буксует...

Но, тем не менее, авторы пришли к выводу, что русское пространство — не просто огороженное место, но военный форт, «крепостца», противостоящая

---

19 Воображая Палестину... С. 266.
20 Воображая Палестину... С. 267.
21 Там же. С. 273.

окружающему миру. Осталось несколько шагов к тезису, что русские-завоеватели, преисполнены агрессивными намерениями. «Частое использование в паломнических текстах военной терминологии: “крепость”, “осадное положение”, “завоевали пространство” — отсылала читателя к теме противостояния “русского города” с азиатским Иерусалимом»[22]. «“Русский город” в Иерусалиме, Русские постройки в Яффе, Иерихоне и др. идейно и семантически противостояли азиатскому, мусульманскому Иерусалиму и — шире — азиатской мусульманской Палестине»[23].

История русского присутствия в Палестине в XIX в. не знает никакого противоборства русских и арабов-мусульман. Более того, заботы РДМ и ИППО были устремлены на создание условий для просвещения арабского коренного населения. Так, В.Н. Хитрово, создатель и Секретарь ИППО подчеркивал важность и деликатность национально-религиозной темы для региона. В.Н. Хитрово отверг предложения начальника Казанской учительской семинарии как непригодные для работы в Сирии и Палестине, поскольку семинария готовила миссионеров против магометанства. Подобные факты для лиц и учреждений чреваты были изгнанием за пределы Турции. «Как можете вы ручаться, что молодой и неопытный сириец, все воспитание которого в России направлено было преимущественно против магометан, со свойственной восточным людям пылкостью не позволит себе такой выходки против Магомеда и Корана?»[24], — писал В.Н. Хитрово.

По убеждению писателя, для учебных заведений необходимо готовить качественные книги и пособия с обязательным требованием экспертизы. Нельзя было допускать в арабские школы книги, искажающие ислам. Примером таких книг стали сочинения П.К. Жузе, знатока ислама, доктора арабского языка и литературы, получившего образование в Духовных академиях России. В письме К.П. Победоносцеву от 2 декабря 1898 г. В.Н. Хитрово писал: «Думаю также, что начальник семинарии увлекается Жузе <...> Имею основание сомневаться в целесообразности его книги, показывающей не особенно сильные познания ни в арабском, ни в русском языках. Отзыв о ней двух арабистов, здешнего — Медникова и московского — Аттаи, заставили нас отказаться от употребления её в наших сирийских школах»[25]. Речь, следовательно, шла о деликатном отношении к иноверию, о тонком понимании национального и религиозного многообразия региона.

Авторам должна быть известна и другая истина, что сама Россия отличалась как многообразием вер, так и довольно продуманной национальной политикой. Зачем авторам потребовалось вводить в заблуждение читателя относительно религиозных намерений России можно только догадываться.

Враждебное отношение к исламу, «азиатскому Иерусалиму», приписываемую русским паломникам и организациям, авторы дополняют намеком об «русских имперских амбициях», но делают это как бы между прочим, (излюбленный прием!),

---

22 Там же. С. 291.

23 Там же. С. 291.

24 *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Из эпистолярного наследия. М.; СПб., 2012. Т. 3. С. 71.

25 Там же. С. 74.

подчеркивая, что «цитадель «русского города» выступала не в образе захватчика»[26]. Вообще, «безобидных» намеков на вездесущее проникновение России в работе множество. «Преобладание русских людей запускало процесс апроприации чужого пространства. В качестве частного примера этого освоения можно привести распространенную метафору "Палестина — губерния России": масса паломников «обходит вдоль и поперек всю Палестину, "как любую русскую губернию"», — пишут авторы[27].

В конце главы авторы заключают, что, создав «автономную русскую колонию» в Палестине, паломники уже нуждались не столько в «духовной Родине, сколько стремились превратить Палестину в «Родину и в физическом смысле»[28].

Рассмотрим эти тезисы подробнее.

По поводу «автономной русской колонии» следует заметить, что Россия вопросами колонизации в Святой Земле не занималась, и в политической сфере вопрос никогда не ставила. Это явно относится к другой теме, к истории протестантизма. Подлинную-то колонизацию авторы просмотрели, или скорее, не хотели её увидеть. Описывая немецкую колонию в 1880 г., в Хайфе В.Н. Хитрово отмечал: «Когда мне пришлось в ноябре прошлого года посетить хайфскую колонию, при виде широких улиц, домов с высокими красными крышами и палисадниками, гостиниц с неизбежной беседкой, столами и скамейками для вечернего пивопития, при виде белокурых и голубооких детей с книгами, тетрадями и неизбежным пеналом, возвращающихся из школы, когда встречавшие приветствовали меня на улице столь знакомым мне: Grus Gott, я воображал себя перенесенным в любой городок южной Германии, а случайно выглядывавшая из-за забора стройная пальма, краса Палестины, казалась какой-то аномалией среди полнейшей германской жизни. Но достаточно взглянуть с вершины Кармеля на окружающие колонию обработанные поля, чтоб понять, что это есть сила — и сила, перед которой ничто все усилия епископов и протестантских миссионеров»[29]. Вот оно германское пространство...

Колонизация, по убеждению В.Н. Хитрово, преобразила транспортную доступность региона, связав города Хайфу, Акру, Назарет. «Встретите по дороге досмотрщика над ремонтом шоссе — вы услышите от него немецкую речь, взойдите по пути в гостиницу — все та же Германия»[30]. Не на шутку тревожил этот процесс В.Н. Хитрово, поскольку колонизация нивелировала религиозно-культурную самобытность местного населения, возводила на месте Святой Земли Германию. Опасность этого процесса для Хитрово была очевидна для отдаленного будущего региона, т.к. подрывала исконные религиозные традиции местных христиан, единоверцев, интересы которых Россия ревностно отстаивала.

Насколько реальной была опасность колонизации в глазах В.Н. Хитрово? Ответ следует искать в истории этого феномена. Как пишет В. Шмидт: «Ещё

---

26 Воображая Палестину... С. 291.

27 Там же. С. 294.

28 Там же. С. 324.

29 *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Православие в Святой Земле. М.; СПб., 2011. Т. 1. С. 147.

30 Там же. С. 147.

в 1870-е гг. печатный орган тамплиеров «Die Warte» публикует ряд статей, в которых обосновывается идея, что именно колонизацией Палестины можно решить проблему роста населения в Германии. Несмотря на то... к 1880-м гг. в Палестине уже было создано четыре немецких колонии...»[31]. Создание колоний происходило довольно успешно, хотя нарастала проблема роста населения. «Развитие немецких колоний в Палестине в 1880-е гг. характеризовалось определёнными успехами, которые были очевидны. Особенно это ярко проявилось в развитии экономического и хозяйственного уровня колонии тамплиеров Шароны. В развитии колоний в Палестине имелись также и трудности, заключавшиеся в постоянном приросте населения. Из-за невозможности иметь свои земельные наделы и самостоятельный доход многие переселенцы уже в конце 1880-х гг. требовали от руководства «Общества тамплиеров» расширения колонизации Палестины за счёт покупки новых земельных участков[32]. Где же авторские пассажи о Германии в Святой Земле, о роли масонов-тамплиеров в освоении пространства Иерусалима? Этого читатель не найдет в «Воображаемой Палестине»!

Наконец, следует ответить на вопрос о том, как хотели русские, по мнению авторов, превратить Палестину в «Родину в физическом смысле».

Это смелое заявление, высказанное опять-таки в виде аккуратной гипотезы (ведь авторы в России живут!) не обосновано, т.е. является ложным. В этом отношении показательно заявление В.Н. Хитрово в начале 1880-х гг., полемизировавшего со сторонниками военного разгрома Турции: «Я понял бы ещё идею, если так можно выразиться, панвизантизма, т.е. идею восстановления Византийской империи, но для этой идеи необходима сила, которая сплотила бы воедино палестинского феллаха с сербом, копта с румыном, а этой силы <...> нет, и искать её следует не в национальности, а в Церкви»[33]. В письме к К.П. Победоносцеву от 22 октября 1888 г. он высказал свое мнение об акцентах русской внешней политики. «Политические цели в Святой Земле Россия не преследует, ибо одни только закоренелые панэллинисты, или расчетливые западные миссионеры могут ратовать против мечтаемого будто бы Россией покорения Святой Земли или создания в ней православного арабского царства. Сомневаюсь, что кто-либо серьезно верил этому, но эти обвинения прекрасно служат для того, чтобы бросить на Россию лишнее обвинение, к чему, впрочем, нам не привыкать»[34].

Как видно, факты, а не случайные ассоциации паломников, говорят об обратном: Россия не вынашивала имперских захватнических планов, она продвигала идею культурно-религиозного присутствия.

---

31 *Шмидт В.* Немецкие колонии Палестины // Восточный архив. 2015. № 2 (32). С. 21.

32 Там же. С. 21.

33 *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Православие в Святой Земле. М.; СПб., 2011. Т. 1. С. 193.

34 *Хитрово В.Н.* Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву о положении иерусалимских дел от 22 октября 1888 // К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III: к 170-летию основания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, к 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина), к 160-летию со дня рождения великого князя Сергия Александровича Романова. М.; СПб.: Индрик, 2017. С. 330.

***

Мы завершили рассмотрение некоторых положений монографии как образца презентации некоей методологии. Авторы исследовали «идеологические номинации» Русской Палестины, т.е. рассмотрели приписываемые русские смыслы, показали русифицированный образ Святой Земли. Вдумчивый читатель спросит: разве идейно-религиозные образы, их трансформацию запрещено изучать?

– Нет, безусловно, нет — ответим мы. Вопрос в том, как это делать!

Приписывание смыслов и качеств — это основа познавания мира, чтобы судить о явлении, нужно дать ему определение. Святую Землю русский человек осмысливал в понятных ему категориях русскости и Православия, в языке, на котором он говорил в стенах родного храма, в чувствах, которые определяли его исконность и идентичность. Любящий человек приписывает предмету обожания идеальные характеристики, насыщает их своим духовным теплом. Так рождается эмпатия — это тот самый «обратный трансфер», который движет религиозным стремлением идти в Святую Землю, стать её поклонником. Но почему это «трансфер» у авторов так называемой монографии принял образ агрессивной России, одержимого враждебностью русского народа?!

В работе невозможно найти позитивной коннотации российского образа, авторы с болезненным и назойливым упорством стремятся доказать изначальную ущербность русского пространства с его неявными, но читаемыми намерениями завоевать Палестину, духом милитаризма и колониализма. Авторов раздражает русское присутствие в Святой Земле, его для них слишком много. По существу, авторы приписывают России то, чем известна была политика западных держав, неудержимое стремление католиков и протестантов покорить Святую Землю.

Исследование о «воображаемой Палестине» трудно признать исторически профессиональным, т.к. опирается на избирательное использование одних источников в ущерб другим. Так, паломнические тексты трактуются вне социально-исторического контекста, а работа с ними требует обращения к «официальной», церковно-дипломатической истории Русской Палестины. В самом деле, можно ли судить о «колониальном» характере русского присутствия в регионе на том основании, что один священник надел английский колониальный шлем, а постройки Палестины напоминают «крепостцу». Можно ли из психологических смешений и наблюдений выводить идею о русском империализме в регионе? Можно ли вообще прибегать к средневековым методам ассоциаций и аналогий, используемых искателями исторических истин. Авторы приписывают России то, в чем она неповинна и умалчивают о том, как действовали подлинные виновники многочисленных трагедий Ближнего Востока.

Несостоятельная методология, основанная на постмодернистских подходах, не могла не дать больных всходов. Россия из защитницы Святой Земли и своих поклонников становится в рассматриваемой нами монографии потенциальным агрессором, а историческая истина препарируется руками тех, для которых её поиск в «грязных перчатках» становится нравственной нормой, а научная чистоплотность пережитком.

Solovyov Andrey Petrovich
Candidate of Pedagogical Sciences
Expert Center for Resource Support of Scientific Research, RSSU
Full Member of the Imperial Orthodox Palestine Society
Russian Federation, Moscow.
E-mail — andrey476_85@mail.ru

On the question of how to explore the Holy Land and pilgrimage to the great shrines of the Orthodox East

Abstract: the author of the article examines some provisions of the collective monograph by Shapovalov M.S., Bokatova A.Yu., Valitova A.A. and others. "Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th — Early 21st Century." At the same time, the author of the article has a number of serious methodological and conceptual issues, which he analyzes in his text. The Holy Land in the Russian tradition has always been perceived as a real place connected with the gospel story. This understanding was the basis of Orthodox pilgrimage, which has been an important part of Orthodox religious culture for centuries. The author draws attention to the limits of the applicability of postmodern approaches in historical and humanitarian research.

Keywords: Holy Land, Orthodox pilgrimage, traditions, Russian presence in the Middle East.

Соловьев Андрей Петрович,
действительный член МОО «ИППО»,
эксперт Центра ресурсного обеспечения научных исследований РГСУ,
кандидат педагогических наук,
Российская Федерация, Москва.
E-mail — andrey476_85@mail.ru

К вопросу о том, как изучать Святую Землю и паломничество к великим святыням Православного Востока

Аннотация: автор статьи рассматривает некоторые положения коллективной монографии Шаповалова М.С., Бокатова А.Ю., Валитова А.А. и др. «Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI века». При этом у автора статьи возникают ряд серьёзных методологических и концептуальных вопросов, которые он анализирует в своём тексте. Святая Земля в русской традиции всегда воспринималась как реальное место, связанное с евангельской историей. Именно это понимание лежало в основе православного паломничества, которое на протяжении веков являлось важнейшей частью православной религиозной культуры. Автор обращает внимание о границах применимости постмодернистских подходов в исторических и гуманитарных исследованиях.

Ключевые слова: Святая Земля, православное паломничество, традиции, присутствие России в Ближнем Востоке.

Статья поступила в Редакцию ППС 27.04. 2026 г.

Монография «Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI века» представляет собой исследование, посвящённое важной теме — формированию представлений о Святой Земле в русской культуре и истории. Безусловно, сама постановка вопроса о месте Иерусалима и Палестины в русском историческом сознании заслуживает внимания. Эта тема имеет глубокие корни в духовной традиции, паломнической практике и церковной истории России. Однако при внимательном знакомстве с данной работой возникает ряд серьёзных методологических и концептуальных вопросов, связанных, прежде всего, с тем теоретическим подходом, который авторы применяют к анализу рассматриваемого материала.

Центральной идеей монографии является интерпретация Святой Земли в русской традиции через концепции так называемого «воображаемого пространства» и «изобретения» культурных и религиозных представлений. В этой связи в книге активно используются такие категории, как «воображаемый Иерусалим», «изобретение Святой земли», «конструирование Русской Палестины» и другие аналогичные понятия. Подобный подход, заимствованный из современной культурной и социально-конструктивистской теории, сам по себе может быть продуктивным инструментом анализа. Однако в рассматриваемой монографии он применяется таким образом, что вызывает серьёзные сомнения в его адекватности по отношению к предмету исследования.

Прежде всего, следует обратить внимание на методологическую проблему. Используемые авторами категории «воображаемого» и «изобретённого» пространства предполагают анализ культурных представлений как определённых интеллектуальных или идеологических конструкций. Однако религиозная традиция, особенно такая многовековая и насыщенная духовным опытом, как традиция православного паломничества к Святой Земле, едва ли может быть сведена исключительно к подобного рода конструкциям.

При знакомстве с книгой создаётся впечатление, что реальные исторические процессы — паломничество, церковная миссия, деятельность Императорского Православного Палестинского Общества, развитие русских учреждений в Святой Земле — рассматриваются, прежде всего, как элементы определённого культурного дискурса. При таком подходе существует риск подмены исторической реальности её интерпретацией в категориях современной теории.

Особенно дискуссионным представляется использование терминологии «изобретения» Святой Земли. Подобная формулировка может создавать впечатление, будто речь идёт о сознательном конструировании религиозной традиции, тогда как в действительности историческая связь России со Святой землёй складывалась на протяжении столетий в результате сложного взаимодействия религиозных, культурных и политических факторов.

Святая Земля в русской традиции никогда не была исключительно «воображаемым» пространством. Напротив, она воспринималась как реальное место, связанное с евангельской историей и христианским духовным опытом. Именно это понимание лежало в основе паломничества, которое на протяжении веков являлось важнейшей частью православной религиозной культуры.

Не менее проблематичной является интерпретация понятия «Русская Палестина». В книге оно во многом трактуется как культурный конструкт, возникший

в результате определённых идеологических процессов. Между тем историческая реальность свидетельствует о том, что русское присутствие в Святой Земле имело вполне конкретные институциональные и материальные формы.

Достаточно вспомнить масштабную деятельность Императорского Православного Палестинского Общества, создание русских подворий, православных храмов, школ, больниц, паломнической инфраструктуры. Всё это было не только символическим или дискурсивным явлением, но прежде всего результатом реальной исторической деятельности, направленной на поддержку православного присутствия на Святой земле. Поэтому представляется, что концепция «воображаемого Иерусалима», предложенная авторами монографии, в значительной степени редуцирует сложную историческую реальность к анализу культурных представлений. Такая редукция, на мой взгляд, существенно ограничивает возможности адекватного понимания рассматриваемых процессов.

Кроме того, обращает на себя внимание и более общий вопрос о границах применимости постмодернистских подходов в исторических исследованиях. В последние десятилетия подобные методологические модели широко используются в гуманитарных науках. Однако их применение требует осторожности и учёта специфики изучаемого материала.

Когда речь идёт о религиозной традиции, особенно о таких феноменах, как паломничество или сакральная география, необходимо учитывать не только культурные представления, но и собственно религиозный опыт, который не всегда может быть адекватно описан в терминах «конструирования» или «воображения». В противном случае возникает опасность того, что анализ религиозной истории будет постепенно подменяться анализом дискурсов о религии.

Следует отметить, что рассматриваемая монография, безусловно, представляет интерес как попытка осмысления темы Святой Земли в контексте русской культурной истории. Однако предложенная авторами концепция «воображаемой Святой земли» вызывает серьёзные методологические вопросы. Представляется, что для более адекватного понимания истории взаимодействия России и Палестины необходимо сочетание различных исследовательских подходов, позволяющих учитывать как культурные представления, так и реальные исторические процессы, связанные с православным присутствием на Святой Земле.

В результате возникает ситуация, когда сложная и многовековая история многогранных русских связей со Святой Землей оказывается интерпретированной преимущественно в категориях современного дискурса, тогда как её реальные духовные и исторические основания оказываются отодвинутыми на второй план.

В завершение хотел бы обозначить несколько соображений, которые, на мой взгляд, могли бы быть полезны для дальнейших исследований данной темы.

Во-первых, представляется важным более чётко определить границы применения конструктивистских и дискурсивных подходов при изучении религиозной истории, особенно когда речь идёт о сакральной географии и религиозной практике.

Во-вторых, при анализе представлений о Святой Земле в русской традиции необходимо в большей степени учитывать реальные исторические формы

православного присутствия на Ближнем Востоке — деятельность церковных институтов, паломничество, образовательные и благотворительные проекты.

В-третьих, представляется целесообразным шире привлекать источники, отражающие непосредственный религиозный опыт паломников, духовенства и церковных деятелей, поскольку именно эти свидетельства позволяют лучше понять внутреннюю логику религиозной традиции.

В-четвёртых, при использовании таких понятий, как «воображаемый Иерусалим» или «изобретение Святой земли», важно учитывать их возможные интерпретационные ограничения и избегать терминологических формулировок, которые могут приводить к чрезмерной редукции сложных исторических процессов.

И, наконец, представляется важным стремиться к более сбалансированному исследовательскому подходу, который позволял бы сочетать анализ культурных представлений с изучением реальных исторических практик и институтов, связанных с присутствием России на Святой Земле.

РЕЦЕНЗИИ

Vankin Evgeniy Vladimirovich,
full member of the IPO “IOPS”,
Chairman of the local Academic department of the IPO «IOPS» in Moscow,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation,
Member of the Union of Writers of Russia.
Russian Federation, Moscow
E-mail — ev.museum@mail.ru

Review

Talalai M.G. The Russian Church in Greece. Moscow: Indrik, 2025. — 152 p.

Ванькин Евгений Владимирович,
действительный член МОО «ИППО»,
председатель местного Академического отделения МОО «ИППО» в г. Москве,
Заслуженный работник культуры РФ.
Член Союза писателей России.
Российская Федерация, Москва
E-mail — ev.museum@mail.ru

Рецензия

Талалай М.Г. Российская Церковь в Греции. М.: Индрик, 2025. — 152 с.
Рецензия поступила в Редакцию ППС 27.04. 2026 г.

Рецензия на книгу М.Г. Талалая «Российская Церковь в Греции»

Уже само название книги известного церковного историка Михаила Талалая интригует читателя — мы так мало знаем о служении нашей Российской Православной Церкви[1] в Греции, которая оказала в XIX в. влияние и самую действенную помощь на становление автокефальной Элладской Церкви. Потому с такой болью воспринимается дальнейшая её позиция в послереволюционное время и в новую эпоху сегодняшнего дня по отношению к России. Но вернемся к истокам рождения независимой Греции и её самостоятельной Церкви, о чем повествуют нам отдельные авторские очерки о русском церковном присутствии. А они досконально точно определяют атмосферу и последовательность церковных шагов в канве исторических событий на греческой земле.

Напомним, что долгожданное освобождение Греции от османского владычества стало возможным, лишь благодаря исключительно нашей победе в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., когда по Адрианопольскому мирному договору Турция обязалась признать независимость Греции. В 1830 г. три великие державы Европы (Россия, Великобритания, Франция) подписали протокол, по которому признали независимость Греции. Во главе греческого государства тогда скоро стал баварский принц Оттон I[2] (причем католик), провозглашенный королем. А в 1833 г. Правительство Греции объявило Элладскую Церковь автокефальной, а её главой короля. Такое одностороннее, в нарушение церковного права, провозглашение независимости не было признано Константинопольской Церковью, а также другими Поместными Православными Церквами. Возникла схизма, продолжавшаяся 17 лет. Лишь собравшийся в 1850 г. в Константинополе Собор постановил, чтобы Священный Синод Элладской Церкви управлял церковными делами без всякого вмешательства со стороны светских властей. Именно на этих условиях ей была дарована автокефалия Константинопольским Патриархом Анфимом IV. И на всём протяжении истории Элладской Церкви дипломаты российского посольства вместе со священниками Русской Духовной миссии в Афинах стали оказывать ей содействие в становлении, направляя приходам церковную утварь и православную литературу, восстанавливали храмы, способствовали развитию богословских наук, приглашая на обучение священников в Россию и пр. Элладская Церковь при своём основании находилась в самом бедственном положении, в подтверждение чего автор приводит достоверные письменные источники. Как отмечали в приводимых автором письмах тогдашние наши священнослужители, служение в ней совершалось, «*с величайшею небрежностью*».

---

1 Наименование «Русская Православная Церковь» было принято в 1943 г., хотя и ранее употреблялось неофициально. До революции официально именовалась «Российская Православная Церковь» или «Греко-восточная Российская Церковь».

2 Правил страной в 1832–1862 гг. Через одного из предков, герцога Иоганна II, был связан родственными узами с византийскими императорскими домами Комнинов и Ласкарисов.

Именно проводимые церковные службы в нашей Духовной миссии стали ярким *«примером порядка и благолепия, которые должны соблюдаться при церковном богослужении»*. И это произвело тогда на греков *«впечатление свыше ожидаемого»*. Привлекаемые автором материалы из разных источников помогают представить целостную картину наших взаимоотношений на всём протяжении исследуемого периода с Элладской Церковью. В книге последовательно рассказывается о деятельности о. Иринарха — первого главы Русской Духовной миссии в Афинах, основанной в 1833 г. Здесь он пробыл два с лишним года и служил в посольском Преображенском храме в Афинах (XIII в.), восстановленном в 1834–1837 гг. на средства Российской Империи. Также Россия помогала в восстановлении греческих храмов, оказывала материальную помощь бедствовавшим местным священникам, создала школу при посольском храме. Через миссию тогда шла пересылка русских церковных изданий для афинских библиотек, и на её средства осуществлялся перевод и печатание русских богословских и исторических сочинений на греческом языке. За свои труды о. Иринарх снискал в Греции любовь и уважение. Россия не смогла тогда отвернуться от бедственного положения своих единоверцев. И посольский храм на многие годы стал проводником внешней церковной политики России, а её настоятели будут играть в этом процессе одну из ведущих ролей.

Автор отмечает значительную роль, какую сыграл следующий настоятель посольского храма, выдающийся наш литератор-публицист, принявший монашеский постриг под именем о. Аникита (князь Ширинский-Шихматов). После завершения своего путешествия в Палестину, он был назначен Св. Синодом настоятелем храма в Афинах в 1836 г., после согласования с МИДом. За время своего пребывания он на присылаемые из России по линии МИДа средства материально содержал около 30 клириков Православной Церкви в Греции, оказывал финансовую поддержку храмам Благовещения на о. Тинос, свт. Спиридона Тримифунтского в Пирее, св. Ирины в Афинах, Преображения Господня в Кифиссье и др. Приводимые автором подробности, со ссылкой на документы, позволяют скрупулезно разобраться в деталях многих общеизвестных фактов, что прибавляет значимости публикуемым исследованиям.

В 1847 г. российским правительством был выкуплен полуразрушенный храм «Спас Ликодима», в обиходе именовавшийся «Никодим». Это был самый большой византийский храм (XI в.) в столице, который после долгих споров и размышлений было решено восстанавливать в соответствии с первообразом. Он станет главным памятником русского церковного присутствия в Греции, освященный во имя Св. Троицы. Инициатором его тщательной научной реставрации[3] стал следующий настоятель, именитый русский церковный деятель, ученый-византинист, о. Антонин (Капустин), возглавлявший миссию в 1850–1860 гг. В Афинах

[3] При восстановлении был сохранен первоначальный план храма, открыты древние фрески, заложенные проемы. В подвалах храма произведены археологические раскопки. В 1850 г. по рисунку о. Антонина была возведена трехъярусная колокольня, в том же стиле, что и церковь. Храм был окружен красивой чугунной решеткой, специально отлитой в Санкт-Петербурге. Он сохранился до настоящего времени.

о. Антонин, по представлению МИДа, получит сан архимандрита, а производство его в сан совершил в 1853 г. председатель Синода Элладской Церкви — митрополит Неофит Аттикский. Реставрация храма велась до 1855 г, превратив его в один из лучших и красивейших храмов в греческой столице, впечатляя посетителей гармоничным византийским интерьером и богатым живописным убранством. За подобные «труды и старание» архимандрит Антонин получит орден св. Анны 2-й ст., а русские дипломаты — благодарность Св. Синода. Нам, как членам Императорского Палестинского Православного Общества, важно знать и помнить о той значительной роли, какую сыграл архимандрит Антонин в установлении официальных связей Российской и Элладской Церквей, и что Афины стали для него настоящей школой изучения христианских древностей. Именно тут он начал свой путь ученой и миссионерской деятельности на Христианском Востоке. Перечитывая о нём очерк, понимаешь, что не зря, уезжая из Афин, он удостоился награждения «*за христианские добродетели, ученость и филеллинские чувства*» Командорским Крестом греческого Ордена Спасителя. В дальнейшем он после Афин с большим успехом настоятельствовал в посольском храме в Константинополе, а затем на Святой Земле возглавил Русскую Духовную миссию в Иерусалиме. Важным стало и упоминание в книге о деятельности последующих настоятелей посольского храма в Афинах, каждый из которых внёс свой неоценимый вклад в развитие русско-греческих отношений.

Отдельный авторский очерк посвящен глубоко почитавшейся в Греции «королеве эллинов» Ольге Константиновне[4], Великой княжне из Дома Романовых, которая сыграла особую роль в русско-греческих связях. Интересна и её судьба, о подробностях которой мы мало, к сожалению, помним. Она вышла замуж в 1867 г. за сына датского короля, волею великих держав ставшего в 1863 г. королем эллинов Георгом I (после падения баварца короля Оттона). Этот брак значительно укрепил дипломатические отношения Греции и России. По свидетельствам современников королева Ольга отличалась высоким благочестием, утонченной культурой, доброжелательным нравом и обходительностью. Она помогала восстанавливать старые византийские памятники и строила новые храмы в Греции. При её поддержке был открыт великолепный византийский музей в Афинах, покровителем которого она оставалась многие годы. Но её судьба оказалась неразрывно связанной с последующими политическими неблагоприятными обстоятельствами... После убийства мужа в 1913 г., её сын, взошедший на престол как король Константин I, и женатый на сестре кайзера Вильгельма II, стал сильно симпатизировать Германии. С началом Первой мировой войны Ольга Константиновна возвратилась в Россию, где работала в госпиталях, а проживала в Константиновском дворце в Стрельне. После 1917 г. она выехала в Швейцарию и возвратилась в Афины лишь в 1920 г., из-за смертельной болезни своего внука, взошедшего на престол с именем Александра I. После его смерти она была назначена регентшей в ноябре-декабре 1920 г., до восстановления на престоле вновь своего сына Константина I. После поражения греков

[4] Её отцом был Великий Князь Константин Николаевич — второй сын Всероссийского Императора Николая I Павловича.

в Греко-турецкой войне 1919–1922 гг., король Константин I был свергнут с престола. Он эмигрировал в Италию, куда перебиралась и Ольга Константиновна. Она умерла в изгнании, в Риме, а прах её лишь в 1936 г. был перевезен и захоронен в королевской резиденции в Татое, близ Афин. Читая очерк о ней, задумываешься об удивительных взаимосвязях королевских домов Европы, судьбах их членов, живущих со своими наследственными представлениями, совершенно незнакомых массовому читателю.

Наш посольский храм много внимания уделял и окормлению российских подданных в Греции, в т.ч. моряков Пирейской морской базы, чему посвящен отдельный очерк. Морской порт под Афинами — Пирей, стал на рубеже XIX–XX вв. важнейшей средиземноморской гаванью для российского флота. Здесь постоянно пребывали русские моряки, многие из которых страдали из-за различных заболеваний. Для больных моряков королева Ольга в 1896 г. основала военно-морской госпиталь, для которого она на свои личные средства в размере 150 тыс. драхм выкупила четырехэтажный особняк со значительным участком земли. Ещё одно благотворительное учреждение, как «Русская лечебница во имя св. вмч. Димитрия Солунского», было открыто в 1910 г. в период её правления. Русский персонал лечебницы внёс значительный вклад в медицинское обслуживание греческой армии в годы Первой мировой войны.

Интересно описание автора последовательности событий по учреждению Критской республики в 1898 г., когда Турция согласилась под давлением сверхдержав основать новую административную структуру, оставив ей формальную зависимость от власти султана. Официальною главою республики стал греческий принц Георг, второй сын королевы Ольги. В России он прошел курс обучения на российском флоте с получением чина лейтенанта и был весьма популярен, так как в 1891 г. спас жизнь цесаревича Николая Александровича, отразив удар фанатика-самурая в японском городе Оцу. Здесь была основана «Русская церковь», как её называют на Крите, во имя св. прав. Марии Магдалины, освященная в 1903 г. в присутствии принца Георга и королевы Ольги, а также русских офицеров из военно-морского контингента. Даже на этом отдельном примере видна тогдашняя глубокая взаимосвязь между Россией и Грецией.

На окраине Салоник раскинулось самое большое из военных кладбищ в Греции, союзническое кладбище Зейтенлик, где покоятся более 20 тыс. солдат Антанты, павших на Балканском фронте. Здесь покоятся и российские воины, погибшие на Салоникском фронте. Могилы их долгие годы находились в запустении, лишь в 1996 г., когда в Салониках было восстановлено российское консульство, оно взяло попечительство над русскими воинскими захоронениями. После поражения Белой армии в Гражданской войне в Грецию прибыло значительное число русских эмигрантов, которые столкнулись с тем, что русскоязычные приходы были переведены в 1920-е гг. Элладской Церковью под свою юрисдикцию. В Греции не представилось возможностей в организации русских приходов, как в тогдашней Западной Европе, и также было отказано в этом и епископам-«зарубежникам».

Интересно автором преподносится и материал о периоде выстраивания отношений Московского Патриархата (РПЦ) с возникавшими послевоенными

правительствами Греции. Именно через РПЦ, учитывая её традиционные церковные связи, Правительство СССР пыталось тогда найти возможные каналы взаимодействия.

Книга «Российская Церковь в Греции» дает нам богатейший материал для осмысления истории взаимоотношений на различных исторических этапах Русской и Элладской Православных Церквей. Любой читатель с интересом погрузится в канву исторических исследований автора, сумевшего доступным языком рассказать о сложнейших политических противоречиях ведущих держав, о несгибаемой воли России оказывать постоянную поддержку своим православным единоверцам, причем иногда в ущерб своим интересам. Со времен османского ига именно Россия всегда оказывала помощь православным грекам, которые всегда возлагали именно на нас свои надежды. И жаль, что сегодня Элладская Церковь, причем имеющая государственный статус, встала на путь конфронтации с РПЦ. По её представлению только Константинопольский Патриархат вместе с Элладской Церковью сегодня имеет право представлять Православие в международных религиозных организациях. Это выглядит просто высокомерным забвением истории и политиканством, особенно на фоне выше процитированных нами материалов книги М. Талалая.

Посмотрим, время рассудит с Божией помощью...

Putrik Yuri Stepanovich,
full member of the IPO “IOPS”,
Head of the Department of Intangible Heritage
Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage D.S. Likhachev,
Chief Expert of the Center for Resource Support of Scientific Research of the
Russian State Social University,
Doctor of Historical Sciences.
Russian Federation, Moscow.
E-mail — putrik@list.ru

Review

Zhitenev S.Y. scientific monograph “The history of the Russian Orthodox pilgrimage in the late 17th — early 20th centuries.” Moscow: Indrik Publishing House, 2026, — 000 p.

Путрик Юрий Степанович,
действительный член МОО «ИППО»,
руководитель отдела Нематериального наследия
Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
главный эксперт Центра ресурсного обеспечения научных исследований
Российского государственного социального университета,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, Москва.
E-mail — putrik@list.ru

Рецензия

Житенёв С.Ю. научная монография «История русского православного паломничества в конце XVII — начале XX вв.» М.: Издательство «Индрик», 2026. — 728 с.

Рецензия поступила в Редакцию ППС 18.03. 2026 г.

Рецензия на научную монографию Житенёва С.Ю. «История русского православного паломничества в конце XVII — начале XX вв.»

Представленная научная монография С.Ю. Житенёва «История русского православного паломничества в конце XVII — начале XX вв.» и изданная в издательстве «Индрик», является масштабным, фундаментальным и методологически зрелым исследованием, посвящённым одной из ключевых тем отечественной истории духовной культуры — традиции русского православного паломничества в период позднего Московского царства и Российской Империи. Работа органично продолжает и логически завершает многолетний научный проект автора, начатый публикацией монографии «История русского православного паломничества в X-XVII веках» (2007), и в совокупности с ней образует целостное, панорамное осмысление *тысячелетней* истории русского богомолья как устойчивого и значимого исторического феномена.

Актуальность исследования определяется целым комплексом научных и культурно-исторических факторов. В современном гуманитарном знании усиливается интерес к вопросам религиозной культуры, практикам благочестия, формам коллективной памяти и нематериального культурного наследия. В этом контексте паломничество предстает не только как индивидуальный религиозный акт, но и как социальный, культурный и цивилизационный феномен, отражающий глубинные ценностные установки общества. Рассматриваемый в монографии период — конец XVII — начало XX вв. — является эпохой масштабных трансформаций, связанных с реформами царя Петра I, секуляризационными процессами, изменениями церковного управления, развитием транспортных и коммуникационных систем, а также с активизацией внешнеполитической деятельности России. Анализ паломничества в этот период позволяет по-новому взглянуть на соотношение традиции и модернизации, религиозной устойчивости и институциональных изменений.

Особую значимость работе придаёт её вклад в осмысление истории русского присутствия на Православном Востоке. Автор последовательно показывает, что паломничество являлось одним из важнейших каналов культурного, духовного и политического взаимодействия России со странами Ближнего Востока. В этом смысле исследование выходит за рамки узкоконфессиональной тематики и затрагивает проблематику международных отношений, дипломатии, миссионерской и образовательной деятельности, а также формирования символического пространства, получившего в XIX в. название Русской Палестины.

Источниковая база монографии отличается исключительной широтой, репрезентативностью и глубиной проработки. Автор привлекает разнообразные группы источников: архивные материалы, делопроизводственные документы, нормативно-правовые акты, проезжие и отпускные грамоты, дипломатическую

переписку, памятники паломнической литературы, житийные тексты, мемуары, эпистолярные источники, а также материалы художественной культуры и научных путешествий. Особо следует отметить высокий уровень источниковедческой культуры автора. Паломнические хождения, челобитные и путевые записки рассматриваются не как второстепенный иллюстративный материал, а как сложные тексты, требующие внимательного анализа жанровой специфики, авторской позиции, контекста создания и трансформации текста в процессе переписывания и бытования.

Автор демонстрирует умение критически работать с источниками личного происхождения, выявляя неточности, искажения, ошибки памяти и субъективные оценки, при этом, не снижая их исторической значимости. Такой подход позволяет не только реконструировать конкретные маршруты и события, но и проникнуть в духовный мир паломников, понять их мотивацию, восприятие святых мест, трудностей пути и культурных различий. Существенным достоинством монографии является введение в научный оборот значительного числа малоизвестных или ранее фрагментарно использовавшихся материалов, что заметно расширяет эмпирическое поле исследования.

Композиция и логика изложения свидетельствуют о высокой степени методологической продуманности. Хронологический принцип изложения органично сочетается с проблемно-тематическим анализом. Автор последовательно рассматривает паломничество как многоуровневое явление, охватывающее различные социальные группы и формы организации. Особое внимание уделено августейшим паломничествам, которые рассматриваются не только как проявление личного благочестия монархов, но и как важный элемент символической политики и государственной традиции. Одновременно подробно анализируется паломничество представителей духовенства, купечества, крестьянства, учёных, художников, врачей и педагогов, что позволяет показать социальную широту и массовый характер паломнической практики.

Значительное место в работе занимает анализ институциональных аспектов паломничества. Автор подробно рассматривает государственное регулирование передвижения, развитие паспортной системы, дипломатическую защиту паломников, а также деятельность Русской духовной миссии в Иерусалиме и Императорского Православного Палестинского Общества. Паломничество предстает как результат сложного взаимодействия личности, Церкви и государства, в рамках которого религиозные мотивы переплетаются с политическими, социальными и культурными интересами.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в его целостности и системности. Впервые в отечественной историографии история русского православного паломничества конца XVII — начала XX вв. представлена как непрерывный и внутренне логичный процесс. Автор убедительно опровергает устоявшиеся в историографии упрощённые представления о якобы упадке паломничества в условиях крепостного права или изоляции Православного Востока османским контролем. На обширном фактическом материале демонстрируется, что паломническая традиция сохранялась у представителей различных сословий и социальных групп, адаптируясь к меняющимся историческим условиям.

Особо следует подчеркнуть вклад автора в осмысление связи паломничества с внешней политикой Российской Империи. Защита православных паломников, поддержка восточных христианских общин, создание инфраструктуры для приёма богомольцев рассматриваются как системные элементы российской дипломатии. В этом контексте феномен Русской Палестины предстает как закономерный результат длительного исторического процесса, а не как случайное или эпизодическое явление.

Выводы исследования отличаются взвешенностью, аргументированностью и научной добросовестностью. Автор избегает, как апологетического подхода, так и редукционистских объяснений, сохраняя аналитическую дистанцию по отношению к предмету исследования. При этом ему удаётся передать духовное измерение паломничества, не подменяя научный анализ конфессиональной публицистикой. Такое сочетание научной строгости и уважительного отношения к религиозной традиции является одним из несомненных достоинств работы.

Стиль изложения можно охарактеризовать как зрелый академический, отличающийся ясностью, логичностью и высокой культурой научного письма. Текст насыщен фактическим материалом, но при этом не перегружен, хорошо читается и сохраняет цельность повествования. Цитаты из источников органично включены в авторский текст и выполняют аналитическую функцию. Научный аппарат оформлен корректно, библиография отличается полнотой и репрезентативностью и может служить самостоятельной основой для дальнейших исследований.

Отдельные возможные замечания носят исключительно характер научных пожеланий. В ряде мест можно было бы расширить сравнительный контекст за счёт привлечения материалов по западноевропейским паломническим традициям или более детально сопоставить русскую практику с опытом других православных стран. Некоторые наиболее насыщенные по фактуре разделы могли бы быть дополнительно структурированы внутри глав.

Однако подобные замечания не затрагивают концептуальных основ исследования и не умаляют его высокой научной значимости.

В целом монография С.Ю. Житенёва представляет собой крупный вклад в отечественную историческую науку и образец фундаментального исторического исследования. Она отличается масштабностью замысла, глубиной источниковедческого анализа, методологической продуманностью и высокой научной культурой. Работа полностью соответствует самым высоким требованиям, предъявляемым к научным монографиям, и может быть рекомендована к изданию и широкому использованию в научной, образовательной и экспертной среде, а также в качестве базового труда по истории русского православного паломничества, истории религиозной культуры России и истории русского присутствия на Православном Востоке.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

85 лет со дня рождения Смирнова Юрия Петровича, председателя Московского областного отделения МОО «ИППО»

16 июня 2026 г. исполняется 85 лет со дня рождения Юрия Петровича Смирнова, члена МОО «ИППО» с 2009 г., председателя Московского областного отделения Общества с 2011 г. по н/в, Почётного члена МОО «ИППО» с 2017 г., известного общественного деятеля, кандидата психологических наук, профессора, члена Научно-технического комитета ракетных войск стратегического назначения (РВСН) в 1986–1995 гг., Заслуженного испытателя космической техники РФ, полковника в отставке.

Ю.П. Смирнов родился 16 июня 1941 г. в с. Ленинское, Ленинского р-на, Хабаровского края, в семье военнослужащих, в 1961 г. окончил Ачинское военное авиационно-техническое училище, в 1970 г. — Белорусский политехнический институт, в 1973 г. — интернатуру медицинского состава Министерства обороны по специальности «психофизиология».

Ю.П. Смирнов в 1958–1995 гг. служил в Вооруженных силах СССР и РФ, внёс большой личный вклад в комплексные научные исследования Министерства обороны в области эргономики, инженерной психологии, психологии труда в особых условиях, профессионального психологического отбора, эксплуатации ракетного вооружения и организации научных исследований в научно-исследовательских организациях. Принимал участие в качестве члена комиссий Министра обороны, Государственного комитета по оборонным отраслям промышленности и Правительства РФ по вопросам разработки основных направлений развития вооружения и военной техники; конверсии военного производства; внедрения результатов научных исследований в войсках и перспективных разработок вооружения и военной техники. Учёный секретарь Целевых комплексных программ научных исследований Министерства обороны по вопросам деятельности человека в Стратегических ядерных силах (СЯС), перспективам развития вооружения и военной техники, новым технологиям и технологиям двойного назначения. Организатор Центра переподготовки офицеров, увольняемых в запас РВСН. Автор свыше 80 научных трудов и изобретений. После завершения военной карьеры работал в различных коммерческих организациях, в том числе в корпорации

«Альфа-Бизнесгарант» Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа».

Ю.П. Смирнов ведёт активную общественную и творческую деятельность, неоднократно принимал участие в качестве научного консультанта на ТВ, радио, при проведении съёмок художественных и документальных фильмов. Он является руководителем регионального отделения Федерации космонавтики РФ (2006), членом Союза журналистов России (2006), членом Союза десантников России Красноярского регионального отделения (2008). Лауреат премии имени Ю.В. Андропова в области обеспечения безопасности РФ (2003). В 2015 г. Ю.П. Смирнов организовал в Крыму эстафету «Бег Мира», в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Ю.П. Смирнов является создателем Московского областного отделения МОО «ИППО» в 2011 г. и его бессменным руководителем до н/в. За эти годы под его руководством сформировался и укрепился коллектив отделения, в состав которого входят более 100 членов Общества. Установил рабочие контакты по просветительским и благотворительным программам и проектам с различными епархиями РПЦ, в первую очередь, с управляющим Московской епархией в 1977–2021 гг. митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием (Поярковым). В 2014–2018 гг. Московское областное отделение Общества во главе с Ю.П. Смирновым активно участвовало в сборе гуманитарной и благотворительной помощи жителям Донбасса, народам Палестины и Сирии. Под руководством Ю.П. Смирнова в Отделении ведётся многолетняя работа по изучению жизни и деятельности первых Председателей ИППО Великого Князя Сергия Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны, прославлению их памяти. В 2013 г. по инициативе Ю.П. Смирнова Отделением были учреждены Международные премии памяти первых Председателей ИППО. Присуждение Премий призвано отметить наиболее значимые заслуги российских и иностранных граждан, коллективов учебных заведений в деле патриотического воспитания, благотворительности, милосердия и гуманитарного образования молодого поколения. Премии несут статус общественных наград и не являются государственными, партийными или политическими. Премия имени Великого Князя Сергия Александровича под девизом «Патриоты России» учреждена в память о военных и государственных заслугах первого Председателя Общества и присуждается в номинации «Военно-патриотическое воспитание молодого поколения». Премия имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны под девизом «Доброе сердце» учреждена в память о делах милосердия второго Председателя ИППО и присуждается в номинации «Бескорыстное служение делу милосердия, благотворительности и гуманитарного образования молодого поколения». Лауреатами премий стали представители различных епархий РПЦ, государственные и общественные деятели нескольких стран, руководители военно-патриотических организаций, известные учёные и благотворители. Присуждение премий стало значимым ежегодным событием в деятельности Московского областного отделения МОО «ИППО». 100-летие кончины прмц. Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, по предложению Ю.П. Смирнова, было отмечено установкой и освящением в с. Ершово Одинцовского г/о Московской обл. памятного

Поклонного креста. В Отделении под общим руководством Ю.П. Смирнова успешно действует многолетняя программа «Возвращение памяти», целью которой является сбор информации о дореволюционных членах Общества, поиск их фотографий, изучение трудов и жизненного пути. В разных городах России проведены исследования мест захоронений членов ИППО, приводились в порядок их могилы. В течение последних 5 лет были открыты памятники и мемориальные памятные доски в различных городах Московской обл. Ежегодно проходит Международный форум «Дни сада в Бирюлёво», в рамках которого проводится заседание секции МОО «ИППО», которую традиционно возглавляет Ю.П. Смирнов. Он принимает активное участие в деятельности по развитию региональных отделений Общества в России, делится своим опытом и помогает их становлению. Ю.П. Смирнов является непременным участником собраний, конференций и др. мероприятий МОО «ИППО».

Научная секция МОО «ИППО», Редколлегия и сотрудники Редакции Православного Палестинского Сборника сердечно поздравляют Юрия Петровича с юбилеем и желают ему здоровья, благополучая и многих лет жизни!

Р.Б. Бутова

80 лет со дня рождения Мещерской Елены Никитичны, ответственного секретаря ППС в 1972–2004 гг.

20 июня 2026 г. исполняется 80 лет со дня рождения Елены Никитичны Мещерской, члена РПО при АН СССР с 1972 г., члена МОО «ИППО» с 1992 г., учёного секретаря Ленинградского отделения РПО при АН СССР и Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО» в 1973–2006 гг., ответственного секретаря редколлегии Палестинского Сборника в 1978–1992 гг., Православного Палестинского Сборника в 1992–2004 гг., известного историка-медиевиста, филолога, литературоведа, специалиста по восточно-христианской литературе, палеографии, сирийскому языку и литературе.

Е.Н. Мещерская родилась в семье лингвиста Н.А. Мещерского, окончила в 1969 г. ЛГУ и поступила в очную аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Получила подготовку по сириологии и истории восточно-христианских литератур под руководством Н.В. Пигулевской и Е.Э. Гранстрем. В 1972 г. она начала работать научным сотрудником Института востоковедения в Ленинграде, а в 1973–1981 гг. там же — учёным секретарём Кабинета Ближнего Востока и группы историко-культурных исследований сектора Ближнего Востока. В 1973 г. она стала кандидатом филологических наук, в 1992 г. — доктором исторических наук. В 1992–2005 гг. работала в институте ведущим научным сотрудником сектора Ближнего Востока, затем — сектора восточных рукописей и документов. С 2005 г. Е.Н. Мещерская является профессором кафедры библеистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

В качестве учёного секретаря Ленинградского отделения РПО при АН СССР и Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО» она участвовала в подготовке ряда научных сессий и конференций Общества, в том числе международных; подготовила и выпустила 10 выпусков ППС. Основная тема её научных исследований: апокрифическая восточно-христианская (сирийская, греческая, славянская) литература, а также христианская гимнография, агиография, историография, палеография и история сирийского письма. Отдельным направлением работы Е.Н. Мещерской стала обработка и публикация научного наследия её учителей и коллег: Н.В. Пигулевской, А.В. Пайковой, А.В. Борисова. Автор более 80 научных публикаций.

Научная секция МОО «ИППО», Редколлегия и сотрудники Редакции Православного Палестинского Сборника сердечно поздравляют Елену Никитичну с юбилеем и желают ей здоровья, благополучая и многих лет жизни!

С.Ю. Житенёв

75 лет со дня рождения Бибикова Михаила Вадимовича, известного учёного, заместителя Председателя МОО «ИППО»

15 февраля 2026 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Михаила Вадимовича Бибикова, члена МОО «ИППО» с 1995 г., члена Совета МОО «ИППО» с 2005 г. по н/в, заместителя Председателя МОО «ИППО» с 19 апреля 2019 г. по н/в, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, вице-президента Российского национального комитета византинистов, действительного члена РАЕН, известного советского и российского историка-византиниста, профессора, паломника в Святой Земле и на Афоне.

М.В. Бибиков родился в Москве, происходит из древнего дворянского рода Бибиковых, окончил в 1973 г. кафедру классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1973–1976 гг. он учился в аспирантуре Института истории СССР АН СССР, научный руководитель А.П. Каждан. В 1977–1997 гг. он работал в Институте истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН), с августа 1997 г. — в Институте всеобщей истории РАН. В 2007–2013 гг. — ректор Государственного академического университета гуманитарных наук.

М.В. Бибиков является известным филологом, историком христианской культуры, Византийской империи и Древней Руси, возглавляет Центр истории восточно-христианской культуры ИВИ РАН, доктор исторических наук (1992), профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского Православного университета св. ап. Иоанна Богослова, заведующий кафедрой византийской и новогреческой филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член Диссертационных советов ИВИ РАН, МГУ и Межцерковной аспирантуры и докторантуры РПЦ. В РПУ Иоанна Богослова преподавал с момента его основания до 2007 г., регулярно сотрудничает со Свято-Тихоновским богословским университетом.

М.В. Бибиков — член Бюро Международного комитета исторических наук, член Международной Ассоциации византийских исследований, член Научного Совета РАН по экономической истории, член Президиума Клуба Фонда А. фон Гумбольдта, входит в состав Винкельмановского общества (Германия), Ассоциацию НИАС (Нидерланды), Клуба Фонда Онассиса (Греция) и многих международных обществ, комитетов, ассоциаций — как научных, так и образовательных.

М.В. Бибиков — член редколлегий ряда научных изданий, в том числе: Православного Палестинского Сборника (с 2019 г. зам. председателя), периодического сборника «Византийский временник» и редакционного совета периодического сборника «Средние века», член редсовета журнала «Античная древность и Средние века» (Екатеринбург) и редколлегии ежегодников «Каптеревские чтения». Он является лауреатом международных премий, автор 13 индивидуальных и соавтор 11 коллективных монографий и более 600 статей в отечественных и зарубежных научных изданиях.

М.В. Бибиков непременный участник большинства научных конференций, семинаров и круглых столов, которые проводила Научная секция МОО «ИППО» за последние 25 лет, многолетний соратник и соработник Я.Н. Щапова и Н.Н. Лисового. 04 февраля 2019 г. он был назначен и.о. заместителя Председателя ИППО, а 19 апреля того же года — был избран Советом МОО «ИППО» заместителем Председателя Общества.

В 2023 г. М.В. Бибиков возглавил группу учёных, ведущих работу по теме «Сравнительное источниковедение описаний Христианского Востока в русских, греческих и латинских памятниках византийской и пост-византийской эпохи», в рамках совместной Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи».

Председатель ИППО С.В. Степашин в своём поздравлении М.В. Бибикову отметил: «От всей души благодарю Вас за работу в качестве заместителя Председателя ИППО по научной работе! Вы являетесь организатором и непременным участником большинства научных конференций, семинаров и круглых столов, которые проводила Научная секция Общества за последние годы. В этот знаменательный день от всей души поздравляю Вас с награждением почётным знаком МОО «ИППО» памяти Императора Александра III!»

Научная Секция МОО «ИППО», Редколлегия и сотрудники Редакции Православного Палестинского Сборника от всей души поздравляют Михаила Вадимовича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов в его многогранной научной и общественной деятельности!

С.Ю. Житенёв

70 лет со дня рождения Михаила Григорьевича Талалая, известного учёного, действительного члена МОО «ИППО»

30 октября 2026 г. исполнится 70 лет со дня рождения Михаила Григорьевича Талалая, члена МОО «ИППО» с 2003 г., известного учёного и общественного деятеля, исследователя истории православного паломничества в Италию и на Афон, истории русской эмиграции в Италии, активного сотрудника отделения МОО «ИППО» в г. Бари, в Италии, паломника в Святой Земле и на Афоне.

М.Г. Талалай родился в Ленинграде, в 1979 г. он окончил Технологический институт им. Ленсовета, работал инженером, автор ряда изобретений. В 1981–1987 гг., окончив курсы гидов-переводчиков, он работал в иностранном отделении ЛО АН СССР и в БММТ «Спутник». С 1986 г. он участник общественного эколого-культурного движения за спасение памятников архитектуры, в 1987 г. организатор митингов протеста против сноса городской исторической застройки в Ленинграде. В 1987 г. он основал и курировал в рамках деятельности Советского Фонда культуры одну из первых в СССР легальных библиотек Самиздата. В 1987–1991 гг. он работал в Ленинградском отделении СФК, в отделе охраны памятников архитектуры.

М.Г. Талалай с 1992/1993 гг. по н/в живёт в Италии. В 1994–2000 гг. он был секретарём приходского совета русского храма Рождества Христова и свт. Николая Чудотворца во Флоренции. В 1996–2001 гг. учился в заочной аспирантуре Института всеобщей истории РАН. В мае 2002 г. М.Г. Талалай защитил кандидатскую диссертацию по теме «Русская Православная Церковь в Италии с начала XIX века до 1917 года». В 2002 г. он вошёл в инициативную группу по учреждению новой православной общины в Неаполе, и с того времени по 2017 г. был секретарём приходского совета этой общины, устроившей храм св. ап. Андрея Первозванного (Московский Патриархат). С 2017 г. он был избран почётным старостой прихода и пожертвовал ему значительное библиотечное собрание. В 2010–2017 гг. являлся куратором культурных инициатив Патриаршего Подворья в Бари. В 2018 г. он стал основателем ежегодной конференции Барградские чтения и главным редактором соответствующих Барградских сборников.

Михаил Григорьевич принимал участие в научных конференциях, семинарах и выставках МОО «ИППО» в Москве, Иерусалиме и Бари. Он активный участник

Барийского отделения Общества в Италии. М.Г. Талалай является известным исследователем русского присутствия в Италии, разработал историко-культурное понятие «Русская Италия», выступил основателем и куратором книжных серий «Русский Афон» (издательство «Индрик») и «Русская Италия» (издательство «Старая Басманная»). Он автор и издатель многих путеводителей по Афону и Италии. Многие годы занимается изысканиями, посвящёнными русской эмиграции в Италии, истории Православной Церкви в Италии, российскому некрополю в итальянских городах и т.д. В 2013 г. его монография «Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии» (2011) была удостоена Макарьевской премии. Автор более 300 научных и просветительских публикаций, в том числе ряда монографий и многочисленных статей в российских и итальянских периодических изданиях.

Научная Секция МОО «ИППО», Редколлегия и сотрудники Редакции Православного Палестинского Сборника от всей души поздравляют Михаила Григорьевича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов в его многогранной научной и общественной деятельности!

К.А. Вах

70 лет со дня рождения Евгения Владимировича Ванькина, учёного и писателя, действительного члена МОО «ИППО»

27 апреля исполнилось 70 лет со дня рождения Евгения Владимировича Ванькина, действительного члена МОО «ИППО» с 19 декабря 2016 г., председателя местного Академического отделения Общества в г. Москве с 2018 г. по н/в, члена Совета Московского регионального отделения МОО «ИППО» с 2018 г. по н/в, Заслуженного работника культуры Российской Федерации, члена Союза писателей России, паломника в Святой Земле и на Афоне.

Е.В. Ванькин родился в г. Москве, в 1978 г. окончил школу с экономическим уклоном на базе МИНХ им. Г.В. Плеханова. Работал экономистом в Государственном гастрольно-концертном объединении РСФСР «Росконцерт», затем там же заместителем и начальником контрольно-ревизионного отдела, директором фестивальных программ. В 1989–1991 гг. Е.В. Ванькин занимался организацией конкурсов красоты «Мисс СССР», а также круизными поездками в зарубежные страны. В дальнейшем был директором ООО «Студия классики», занимаясь концертной и туристской деятельностью. В 1994–1997 гг. он являлся финансовым директором Государственного симфонического оркестра под управлением В. Дударовой, затем работал финансовым директором Музыкального центра Гостелерадио. С 1999 г. занимался организацией Международного фестиваля «Интермузей» — с I по XV фестиваль.

Е.В. Ванькин в 2003–2013 гг. был экспертом в ООО «Экокультура» по разработке программ комплексного развития музеев Российской Федерации, участвовал в создании более 30 программ. Занимался исследовательской деятельностью, публиковал статьи в научных сборниках Института Наследия. Провёл ряд персональных фотовыставок: «Культурные ландшафты Святой Горы Афон» в Министерстве культуры РФ, Институте Наследия, Мосгордуме. Автор статей по сохранению культурного наследия, в т.ч. в методическом пособии РПЦ МП «Церковный древлехранитель», а также ряда публикаций в различных изданиях СМИ.

Е.В. Ванькин активный автор ППС. Под эгидой МОО «ИППО» он провёл ряд презентаций своих книг, в т.ч. представление путеводителя по Святой Земле, состоявшегося в Иерусалиме в Сергиевском подворье, совместно с РДМ,

издательствами Московской Патриархии и «Вече». Автор статей в Православном Палестинском Сборнике. Принимает активное участие в деятельности Научной секции и Московского отделения МОО «ИППО», занимается научными исследованиями истории Святой Земли и Общества, подготовил и издал «Путеводитель по Сирии и Ливану. В помощь православному паломнику» в 2024 г. Непременный участник всех мероприятий, проводимых МОО «ИППО».

Научная Секция МОО «ИППО», Редколлегия и сотрудники Редакции Правосланого Палестинского Сборника от всей души поздравляют Евгения Владимировича с юбилеем и желают ему бодрости и крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов в его научной и общественной деятельности!

С.Ю. Житенёв

60 лет со дня рождения Кирилла Алексеевича Ваха, известного издателя, учёного и писателя, заместителя руководителя Научной секции МОО «ИППО»

25 ноября 2026 г. исполнится 60 лет со дня рождения Кирилла Алексеевича Ваха, действительного члена МОО «ИППО» с 28 мая 2012 г., члена Совета Московского отделения Общества в 2016–2023 гг., заместителя руководителя Научной секции МОО «ИППО» с 2019 г. по н/в, генерального директора Научно-издательского центра «Индрик», известного современного издателя, режиссёра-кинодокументалиста, учёного, исследователя истории русского присутствия на Ближнем Востоке в середине XIX в., паломника в Святой Земле.

К.А. Вах родился в 1966 г. в Москве, в 1984 г. окончил среднюю школу, в 1984–1986 гг. проходил срочную службу в рядах Советской армии. В 1987 г. он поступил в Московский государственный историко-архивный институт (с 1989 г. РГГУ), который окончил в 1991 г. по специальности «историк-архивист, специалист по латинским и древнегреческим текстам». В 1992 г. стал одним из учредителей издательства «Индрик», с 1999 г. стал генеральным директором Научно-издательского центра «Индрик», в этой должности работает до н/в. Ведёт работу по подготовке к изданию и публикации архивных документов, материалов и научных исследований в области истории русского духовного и политического присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, один из организаторов многотомного научного издания «Дневник архимандрита Антонина (Капустина)», а также книжных серий: «Восточнохристианский мир», «Русский Афон», «История русской дипломатии» и др.

Сферой научных интересов К.А. Ваха являются: разработка истории русского дипломатического представительства на Святой Земле в середине XIX — начале XX в., Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, русского православного паломничества на Христианский Восток, а также история археологии и изучения древностей Святой Земли. К.А. Вах занимался исследованием деятельности Палестинского комитета и Б.П. Мансурова в контексте создания Русской Палестины (ранний этап 1858–1864 гг.), ввёл в научный оборот термин «Иерусалимский проект Великого Князя Константина Николаевича», автор и куратор выставки «Великий Князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию создания Русской Палестины», прошедшей в Выставочных залах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в 2011–2012 гг.

К.А. Вах принял активное участие в подготовке и проведении Международной научной конференции «Императорское Православное Палестинское Общество в Святой Земле. К 130-летию со дня основания», которая прошла 10 ноября 2011 г. в Институте российской истории РАН. В 2012 г. он принял активное участие в подготовке мероприятий, посвящённых 130-летию ИППО, вместе с Н.Н. Лисовым и С.Ю. Житенёвым подготовил и издал книги в рамках издательской программы Международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока», которая проводилась в ЦВЗ «Манеж» в июне 2012 г. С 2009 г. по н/в К.А. Вах принимает участие в проведении Иерусалимского православного семинара, материалы которого публикует в виде сборника как ежегодное издание.

С 2011 г. по настоящее время издательство «Индрик», возглавляемое К.А. Вахом, ведёт большую работу по подготовке и изданию выпусков Православного Палестинского Сборника, в 2019 г. Кирилл Алексеевич стал членом Редакционной коллегии ППС. Он принимал активное участие в работе Совета Московского отделения МОО «ИППО», в котором отвечал за просветительскую и издательскую деятельность. К.А. Вах непременный участник всех заседаний Научной секции Общества, организатор научных конференций и семинаров. В октябре 2019 г. он выступил одним из основных организаторов Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: История создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи», которая прошла в Государственном Эрмитаже, в Санкт-Петербурге. Автор более 100 публикаций, в том числе: коллективных монографий, сборников документов и научных статей. Кирилл Алексеевич принял активное участие в работе по созданию «Энциклопедии ИППО: 1882–2022», посвящённой 140-летию Общества. В 2022–2024 гг. К.А. Вах возглавлял группу учёных, ведущих работу по теме «Русский вклад в изучение Святой Земли», в рамках совместной Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи». В 2024 г. К.А. Вах стал выпускающим редактором Редакции ППС.

В 2024–2025 г. он был организатором и куратором выставочного проекта «Русское присутствие в Святой Земле», проводившегося под эгидой Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ в четырех городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Арзамасе и Сарове при поддержке Президентского фонда культурных инициатив и Председателя ИППО С.В. Степашина. В 2025–2026 г. стал инициатором и куратором выставок «Образы откровения. Фрески Гурия Никитина в Даниловом монастыре Переславля-Залесского», прошедших при поддержке Президентского фонда культурных инициатив в Костроме, Кириллове, Вологде и Арзамасе. Автор идеи и генеральный продюсер документального фильма «Василий Хитрово: мягкая сила Российской империи», созданного в 2023 г. и демонстрировавшегося на телеканале «Культура» и «Спас»; проект был поддержан Председателем ИППО С.В. Степашиным и Президентским фондом культурных инициатив.

Научная Секция МОО «ИППО», Редколлегия и сотрудники Редакции Православного Палестинского Сборника от всей души поздравляют Кирилла Алексеевича с юбилеем и желают ему Божией помощи во всех его многочисленных трудах, крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов в научной, издательской и общественной деятельности!

С.Ю. Житенёв

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

Петр Владимирович Стегний (1945–2025), заместитель Председателя ИППО

Се восходим в Иерусалим
(Мк 10:33)

Судьба карьерного дипломата советской школы и советского же воспитания, что не раз подчеркивал сам Петр Владимирович Стегний в разговорах с коллегами и знакомыми, в какой-то момент стала его духовной карьерой на пути к христианству. Произошло это не вдруг, но как-то естественно, без надломов и отречений, без пафоса. Работа на Ближнем Востоке (в дореволюционной русской традиции — на Святой Земле): в Судане (1968–1971), Йемене (1973–1975), Египте (1975–1980), Ливии (1986–1990), Кувейте (1992–1998), Турции (2003–2007) и, наконец, в Израиле (2007–2011) теперь представляется лестницей Иакова, в которой каждая ступень связана и последовательно расположена.

Петр Владимирович не отказывался от общения в различных форматах, даже тех, которые были не свойственны его интеллектуальному и эмоциональному темпераменту. Всегда взвешенный, уважительный к собеседнику, старавшийся скорее помочь своему оппоненту более глубоко понять истоки собственных убеждений, чем разрушить эти убеждения-фактами и логикой (знаю это по собственному опыту), он однажды принял приглашение в программу «Вечер с Владимиром Соловьевым», и даже согласился с неблагодарной ролью собеседника с В.В. Жириновским. На мой прямой вопрос — зачем он это сделал, Петр Владимирович спокойно сказал: «Я несколько раз отказывался, в конце концов, помощница Владимира Соловьева сказала, что из-за меня ее уже завтра уволят. И я согласился».

Обладая глубокими историческими познаниями, аналитическим умом и даром слова Петр Владимирович всегда был желанным гостем на многих мероприятиях, которые проводились в Министерстве иностранных дел, в Федеральном Архивном агентстве или в иных государственных и общественных организациях. Часто такие мероприятия были приурочены к каким-то историческим событиям, которые, по словам Петра Владимировича «даны нам в наставление» нашей историей чтобы «не дать выдернуть страну из культурно-исторического контекста общей судьбы».

История России и будущее её народа наполняли смыслом его деятельность не только на дипломатическом поприще, но и как ученого-историка. В 2020 г. Петр Владимирович опубликовал небольшой тираж, а затем, в судьбоносном 2022 г. выпустил обновленную версию своей книги-завещания «Образы и наставления. Последние Романовы: в поисках утраченного смысла», посвященной судьбе двух сестер: Императрицы Александры Федоровны и Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Речь в книге шла о способе осмысления «непредсказуемой» истории России и ее связи с настоящим. Без понимания и проживания прошлого каждым поколением — будущее может и не наступить. Поэтому интерпретация истории возможна (а порой и необходима) именно как описание ее духовной реальности.

«Россия страна метафизическая, — писал Петр Владимирович, — процесс для нас важнее, чем результат. Но проблема в том, что при этом уходят, угасают смыслы, соотносящие нас с реальностью собственной исторической судьбы. В результате вместо работы над ошибками и поиска своих путей в быстро и противоречиво меняющемся мире происходит имитация не просто чужого, но и плохо понятого собственного опыта прошлых веков <...> И образы прошлого, *данные нам в наставление*, так и не становятся поводом для покаяния и примирения». Очевидно, что будущее зависит от способности народа (и каждого конкретного человека), связать свою жизнь с высшей целью, с идеей служения ей и другим людям, понять и принять свою сопричастность с ходом мировой Божественной трагедии. Все это в полной мере составляло жизненное Credo Петра Владимировича.

В одном из выступлений, посвященном 60-летию начала Великой Отечественной войны, Петр Владимирович процитировал слова У. Черчилля, сказанные послу СССР И.М. Майскому, которые тот не решился передать в Москву: «До зимы мы не сможем оказать вам никакой существенной помощи <...> В течение ближайших 6–7 недель вам может помочь только Бог». Кажется, эти слова представляют собой органичный контекст знаменитого обращения И.В. Сталина к советскому народу, начавшегося со слов: «братья и сестры». Этот небольшой акцент, сделанный Петром Владимировичем в докладе, сразу вводит в историю Великой Отечественной войны сакральную вертикаль. Надежда на Бога и в целом вспоминание Его в критический момент — поднимает исторические события над временем, а человека над историей. Жертвенность, справедливость, святость: понятия, к которым апеллируют в наиболее драматический момент истории. Эти понятия не имеют причинно-следственных связей, потому что они уже связаны с первопричиной. Это категории, к которым устремляется человек в своем отчаянии, в жажде измениться и открутить время назад. Именно они столько веков собирали и объединяли Россию и ее народ. Эти принципы определяли служение Петра Владимировича своей стране.

В 2003 г. Петр Владимирович Стегний стал членом Императорского Православного Палестинского Общества. В этот период он активно сотрудничал с ИППО по вопросу возрождения российского научного и культурного присутствия на Православном Востоке, а также в области издания архивных документов, научной и популярной литературы.

С 31 января 2007 г. по 08 июля 2011 г. Петр Владимирович исполнял должность Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Израиле. Его необычное для дипломата-практика амплуа ученого-историка доставили ему уважение и симпатии среди израильтян, а также представителей других наций в Израиле. Дипломаты, ученые, художники, артисты, журналисты, все приезжавшие в Израиль и встречавшиеся с российским послом — находили в нем необыкновенно увлекательного собеседника, учителя, иной раз благожелательного и умного критика. Люди тянулись к нему. Он никого не отталкивал.

За годы работы в Израиле ему удалось связать между собой все противоречивые нити в деле исторического Сергиевского подворья ИППО в Иерусалиме и создать условия для его возвращения в юрисдикцию Российской Федерации. Все русские монастыри в Святой Земле, в том числе принадлежащие к юрисдикции Русской Зарубежной Церкви, помнят и могут подтвердить его участие и его помощь на протяжении всего периода его работы послом.

В 2017–2022 гг. Петр Владимирович был членом Совета и заместителем Председателя ИППО С.В. Степашина. Он предложил сложную для реализации модель продвижения русского присутствия в Святой Земле, назвав ее в память об отце-основателе Русской Палестины архимандрите Антонине (Капустине) — «коллективным Капустиным». К сожалению, тогда у него не получилось объединить разных представителей русской цивилизации. Слишком глубокими оказались противоречия, уходившие корнями в наше общее прошлое. Но предложенная им идея «коллективного Капустина», хочется верить, постепенно станет основной формулой жизни всей Русской Палестины.

Последняя служебная командировка в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла России в Израиле стала для Петра Владимировича, по образному видению апостола Иоанна Богослова — как бы облачением в белые одежды. Возьмем на себя смелость сказать, что один из двух эпиграфов книги: «история есть обнаружение духовной реальности» — отражает произошедшую с ним в этот период жизни на Святой Земле перемену. Постоянное присутствие в человеческой истории Творца самого человека, которое ранее угадывалось или умом, или сердцем — стало яснее. Ещё очевиднее обозначились причинно-следственные связи исторических событий. Близкое знакомство с Иерусалимом, с Русской Гефсиманией, где в храме св. равноапостольной Марии Магдалины, устроенном в память императрицы Марии Александровны, почивают мощи преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны, по-своему, наделило автора даже и правом на свое собственное слово о русской истории и судьбе.

Известный диалог афинского мудреца Солона и богатейшего лидийского царя Крёза о счастье заканчивает мысль о том, что истинное счастье нетленно и нематериально: оно воплощается в достоинстве человека, остается в памяти многих людей и синонимично бессмертию. Иными словами, античная мудрость противополагает долгую жизнь человека мгновению его смерти, но смерть как бы ставит печать качества на прожитую человеком жизнь.

Петр Владимирович Стегний скончался у себя дома в субботу 27 декабря

2025 г., после исповеди и причастия Тела и Крови Христа Спасителя. В тот день ничто не указывало на его скорую кончину. Она оказалась тайной и таинством одновременно. После причастия он попросил супругу оставить его наедине с причащавшим его архиереем, чтобы поговорить о том, что ему казалось наиболее существенным в его нынешнем положении. Несколько перенесенных операций лишили его привычной независимости, а он более всего остального не хотел быть обузой своим близким. Содержание этого разговора стало известно уже после его кончины. Архиерей, хорошо знавший Петра Владимировича и причащавший его последние два года, посоветовал молиться Господу и просить Его милости. Спустя час Петр Владимирович позвал жену, взял ее за руку, закрыл глаза и без мучений отдал душу в руки своего Творца, удостоившись и быстрого ответа на свою молитву, и блаженной кончины, мирной и непостыдной.

Покойся с миром настоящий русский человек. Дела твои будут говорить и не дадут прекратиться памяти о тебе.

К.А. Вах

Книги П.В. Стегния

1. *Перминов П.*[1] Рассказы о странах Востока. Улыбка сфинкса. М.: Наука, 1985. 303 с. ил.; 2-ое изд., дополненное: М.: Наука, 1991. 399 с. ил.
2. *Перминов П.* Под сенью восьмиконечного креста: (Мальтийский орден и его связи с Россией). М.: Международные отношения, 1991. 165 с.; 2-ое изд., дополненное: *Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста: Мальтийский орден и его связи с Россией. М.: Международные отношения, 2013. 349, [1] с. ил.; 3-е изд., испр.: М.: Международные отношения, 2025. 350, [1] с. ил.
3. *Перминов П.В.* Посол III класса : повествование о рос. Дипломате А.М. Обрескове. М.: Наука, 1992. 296 с.; 2-ое изд., дополненное: *Стегний П.В.* Посол III класса: хроники «времен Очаковских и покоренья Крыма». М.: Феория, 2009. 386 [6] с.; 3-е изд. Посол III класса Хроники «времен Очаковских и покоренья Крыма», о российском дипломате Алексее Михайловиче Обрескове. М.: Международные отношения, 2025. 430, [1] с. ил.
4. *Стегний П.В.* Хроники времен Екатерины II (1729 — 1796 гг.: С прил. док.) М.: Олма-Пресс, 2001. 509 [2] с. ил.; 2-ое изд.: Время сметь, или Сущая служительница Фива. Хроники времен императрицы Екатерины Великой. Олма-Пресс, 2002 г. 448 с. ил. 3-е изд. Хроники времен Екатерины II 1729–1796 гг. М.: Международные отношения, 2025. 718, [1] с. ил.
5. *Стегний П.В.* Дипломатия Екатерины II и разделы Польши. 1772. 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. 692 с.; 2-е изд., испр.: Разделы Польши и дипломатия Екатерины II 1772. 1793. 1795, монографическое исследование М.: Международные отношения, 2025. 714, [1] с. карт.

---

[1] Перминов П., псевдоним Стегния П.В. в память о родном дяде, Перминове Петре Аверьяновиче, погибшем в танковом бою под Липецком в 1942 г.

6. *Стегний П.В.* «Прощайте, мадам Корф»: из истории тайной дипломатии Екатерины II. М.: Международные отношения, 2009. 388 с.; 2-е изд., испр.: «Прощайте, мадам Корф»: из истории тайной дипломатии времен Французской революции. М.: Международные отношения, 2025. 382, [1] с. ил.
7. *Стегний П.В.* Скитоначальник: жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М.: Индрик, 2017. 349, [2] с. ил.; 2-ое изд., дополненное: М.: Индрик, 2018; 3-е изд., дополненное: М.: Международные отношения, 2025. 462, [1] с. ил.
8. *Стегний П.В.* Образы и наставления. Последние Романовы: в поисках утраченных смыслов. М., 2020. 192 с.; 2-ое изд., дополненное: М.: Индрик, 2022. 192 с. ил.; 3-е изд., испр.: М.: Международные отношения, 2025. 190, [1] с. ил.

Олег Алексеевич Колобов (1948–2026), Председатель Нижегородского отделения МОО «ИППО»

18 марта 2026 г. на 78 году жизни скончался Олег Алексеевич Колобов, член Общества с 1974 г., председатель Нижегородского отделения РПО при АН СССР в 1978–1992 гг. и Нижегородского отделения МОО «ИППО» в 1992–2026 гг., известный учёный и общественный деятель, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, основатель и декан факультета международных отношений в 2002–2012 гг., заслуженный профессор, профессор кафедры мировой политики и международного права НГУ им. Н.И. Лобачевского, паломник в Святой Земле.

О.А. Колобов родился в с. Бестужево Арзамасского р-на Горьковской обл., в семье инженера-механика и учительницы. В 1972 г. он окончил историко-филологический факультет ГГУ. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Американо-израильские отношения в период подготовки Израилем агрессии против арабских стран в июне 1967 г. (1963–1967 гг.)» В 1976–1979 гг. работал старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета ГГУ. С 1 августа 1979 г. по 10 мая 1980 г. О.А. Колобов работал в США в качестве участника программы межгосударственного советско-американского научного обмена. По возвращении из-за рубежа был избран заведующим вновь образованной кафедры истории стран Азии, Африки и Латинской Америки на историко-филологическом факультете ГГУ. Осенью 1985 г. О.А. Колобов был вновь откомандирован Министерством высшего и среднего специального образования СССР в США для научной работы по направлению «история дипломатии» в университете штата Техас и Мемориальной библиотеке президента Л. Джонсона. В 1987 г. О.А. Колобов защитил докторскую диссертацию «Механизм формирования политики Соединенных Штатов Америки по отношению к Израилю и арабским странам в 1947–1985 гг.» В 1987–2002 гг. он работал деканом исторического факультета, а в 2002–2012 гг. — деканом факультета международных отношений, в 1997–2012 гг. одновременно был директором Института стратегических исследований ННГУ.

О.А. Колобов является известным учёным и специалистом в области международных отношений. Основные научные достижения О.А. Колобова состоят в следующем:

- выявлены новые закономерности развития международных отношений в условиях глобализации;
- получено новое научное знание о противоречивых тенденциях регионально и глобально организованной международно-политической деятельности ведущих государств мира в арабо-израильском конфликте, о технологиях и механизмах управления международными политическими процессами, политическом моделировании и прогнозировании;
- созданы новые научные направления американских, израильских, ближневосточных, этноконфессиональных, геополитических исследований;
- разработаны теоретические основы сопоставительного изучения процесса формирования региональных аспектов внешней политики великих держав в новое и новейшее время;
- введён в научный оборот значительный массив оригинальных дипломатических документов, позволивший существенным образом скорректировать восприятие международно-политической действительности лицами, принимающими решения в России и за рубежом на различных уровнях.

О.А. Колобов автор более 500 научных работ, из них 59 монографий, опубликованных в России и за рубежом, а также научных статей по вопросам патриотического и гражданского воспитания молодёжи, формирования навыков активной гражданской позиции и развития межкультурного диалога в молодёжной среде. Его подвижническая и неутомимая научно-исследовательская деятельность в сфере международных отношений на Ближнем Востоке, истории отечественной и зарубежной дипломатии, изучении процесса формирования внешней политики великих держав в новое и новейшее время снискала известность в широких научных и общественных кругах России и за рубежом. Он активно занимался деятельностью по воспитанию молодёжи, являясь автором и руководителем проектов в области гражданского и патриотического воспитания, семейного воспитания. Осуществляет научное руководство инновационной деятельностью экспертных групп, занимающихся вопросами повышения квалификации педагогов и профессиональной ориентации молодёжи по актуальным вопросам формирования гражданских качеств личности. Он подготовил 37 докторов наук и 112 кандидатов наук.

О.А. Колобов более 40 лет являлся председателем Нижегородского отделения Общества, он активно развивал сотрудничество с региональными и зарубежными отделениями МОО «ИППО». О.А. Колобов выступил с инициативой и оказал практическую помощь в открытии представительств МОО «ИППО» в Республике Сербской (Босния и Герцеговина), Черногории, Молдове. Под руководством О.А. Колобова в Нижегородском отделении Общества активно развивалась просветительская деятельность, направленная на сохранение традиций подвижничества применительно к Святой Земле в тесном взаимодействии с Нижегородской митрополией РПЦ, администрацией Нижегородской области, вузами и образовательными учреждениями Нижегородского региона, региональными НКО. В 2022–2024 гг. О.А. Колобов возглавлял группу учёных, ведущих работу по теме «Фактор Палестины в процессе современной трансформации международных отношений и глобальной дипломатии», в рамках совместной Программы

фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи». Результатом этой работы стала одноименная монография, опубликованная в 2025 г. К большому сожалению, многие свои планы и проекты он не успел завершить.

Научная Секция МОО «ИППО», Редколлегия и сотрудники Редакции Православного Палестинского Сборника выражают искренние соболезнования родным и близким. Светлая память об Олеге Алексеевиче навсегда останется в благодарной памяти членов МОО «ИППО». Вечная память светлому и замечательному человеку, видному учёному труженику и другу.

С.Ю. Житенёв

Книги О.А. Колобова

1. Фактор Палестины во внешней политике России и США в конце XVIII — нач. XX вв. // ППС. 31-й (94-й) вып. М.: Изд-во ИППО, 1992;
2. История Отечества. 1917–1991: Хрестоматия. Н. Новгород, 1994 (отв. ред. и соавт.);
3. Военная элита Отечества: Справочник. Н. Новгород, 1995 (отв. ред. и соавт.);
4. Демократия в меняющемся мире. В 3-Ч. 1. Европа, Ч. 2. США, Ч. 3. Россия. Н. Новгород, 1995 (отв. ред. и соавт.);
5. Проблемы войны и мира в XX в. Хрестоматия Т. 1. Н. Новгород, 1996 (отв. ред. и соавт.); Международные отношения. Избр. труды. Н. Новгород, 1998;
6. Фундаментальная историческая наука и высшее гуманитарное образование в России. Избр. труды. Н. Новгород, 2000;
7. Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке Вестник ННГУ, № 3, 2011 г.;
8. Технологии контртеррора и особенности их применения правящими кругами США в рамках арабо-израильского конфликта (в соавт. Колобов А.О.), Вестник ННГУ № 2, 2011 г.;
9. Американские исследования в ННГУ (в соавт. с Рыхтиком М.И.), Американский ежегодник, 2009 г.;
10. Процесс формирования внешней политики великих держав в новое и новейшее время (в соавт. с Хохлышевой О.О., Корниловым А.А., Макарычевым А.С. и др.), монография, Н. Новгород. Саров, 2009 г.;
11. Святаго Духа Благодать (об основных направлениях деятельности Нижегородского отделения ИППО с момента основания до наших дней). Научное издание под ред О.А. Колобова. Н. Новгород, 2017. — 264 с.
12. Фактор Палестины в процессе современной трансформации международных отношений и глобальной дипломатии в XX-XXI вв. (в соавторстве с Хохлышевой О.О., Бородиной М.Ю., Комаха А.А., Рыжовым И.В., Шаминым И.В.) Монография. Под общ. ред. О.А. Колобова. М.: Издательствр «Индрик», 2025. — 320 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» в 2024–2025 гг.

Житенёв С.Ю. Краткая история Императорского Православного Палестинского Общества. 160-летию Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Председателя ИППО в 1905–1917 гг. посвящается. М.: Издательство «Индрик», 2024. 88 с. ISBN 978-5-91674-742-3

Издание представляет собой компактную историю ИППО за 142 года его существования и современную многостороннюю деятельность МОО «ИППО». История ИППО, одной из старейших общественных организаций России, вмещает в себя события XIX-XX-XXI вв. и связана с уникальной деятельностью членов Общества, которые проводили огромную работу в разные периоды его развития. История Общества включает колоссальную работу по развитию русского православного паломничества. Необъятна по своему масштабу и объёму научно-просветительская деятельность, не прерывавшаяся на протяжении почти полутора столетий. В книге представлена и международная деятельность организации, направленная на поддержание Православия в Святой Земле, борьбу за мир, сохранение культурного наследия в Библейском регионе.

Издание адресовано ученым, специалистам, широким кругам общественности, а также преподавателям и студентам.

Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2025 гг. / Второе дополненное и исправленное издание. / Сост., ред. и предисл. С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2025. 1000 с., илл. ISBN 978-5-91674-763-8

Энциклопедия представляет собой второе, дополненное и исправленное издание, ранее вышедшего в 2022 г. к 140-летию ИППО. Она является первым опытом составления научного информационно-справочного собрания статей и определений терминов по профессиональной проблематике православного востоковедения и истории ИППО. Она содержит 1509 статей и определений терминов,

представляющих и характеризующих деятельность ИППО за более 140-летний период его существования и во всём его разнообразии. Учитывая многосторонние направления деятельности Общества, авторы статей стремились компактно и в то же время максимально широко показать все грани жизни, их общественной и профессиональной деятельности членов ИППО.

Издание адресовано, прежде всего, членам МОО «ИППО», учёным, специалистам и самым широким кругам общественности, а также преподавателям и студентам профильных вузов. Научное сообщество МОО «ИППО» надеется на то, что Энциклопедия станет помощником для учёных, специалистов и членов Общества в их практической и тематической деятельности.

Бутова Р.Б., Герд Л.А. Русское наследие. Собственность Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в 1882–1948 гг. М.: Издательство «Индрик», 2025. 800 с. ISBN 978-5-91674-757-7

В коллективной монографии рассматривается корпус данных, касающихся недвижимости Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» (ИППО) на Ближнем Востоке в 1882–1948 гг. Авторами изучили историко-правовые основы землевладения и строительства в XIX — нач. XX в., рассмотрели специфику взаимодействия российских структур, владевших недвижимостью, в управлении разными видами собственности, проанализировали процесс юридического закрепления и документального оформления недвижимости ИППО. В работе показано, что недвижимость ИППО стала к 1914 гг. весомой частью Русской Палестины, уникального исторического феномена, связанного с многогранными аспектами культурного, религиозного и политического взаимодействия России со странами Ближнего Востока, символом присутствия в регионе, сочетающего элементы политической стратегии, духовной миссии и научно-гуманитарной деятельности. Впервые на широкой архивной документальной базе российских и иностранных архивохранилищ проведено комплексное монографическое изучение истории недвижимости ИППО на Ближнем Востоке в период Британского мандата. Особое внимание уделено выявлению особенностей взаимодействия Российского Палестинского Общества при АН СССР с органами государственной власти в вопросах сохранения недвижимости. Рассмотрены вопросы, связанные с использованием имущественного фактора как важного инструмента внешней политики СССР. В ходе исследования было установлено, что британская администрация в 1920-х — 1940-х гг. сыграла роль своеобразного гаранта сохранности русского имущества в Палестине. Завершение Британского мандата в Палестине и создание Государства Израиль в 1948 г. предоставили Советскому Союзу возможность восстановить контроль над русским имуществом на Ближнем Востоке.

Монография адресована учёным, специалистам и самым широким кругам общественности, а также преподавателям и студентам профильных вузов.

Вах К.А. Русский вклад в изучение Святой Земли: XIX в. М.: Издательство «Индрик», 2025. 608 с. ISBN 978-5-91674-755-3

Книга представляет собой очерки по истории русских исследований древних памятников в Сиро-Палестинском регионе в XIX в. Автор рассматривает деятельность первых русских ученых путешественников, начиная с экспедиции А.С. Норова в 1834–1835 гг. в контексте формирования общего интереса к Библейской археологии и исследованию памятников представителями западноевропейской науки. В книге показано, что российские исследования в Библейском регионе начались одновременно, а где-то и немного ранее других, западноевропейских, благодаря устойчивой многовековой русской паломнической традиции к Святым местам Востока в Палестине. Благодаря наличию постоянного представительства русского «ученого монашества» в Иерусалиме, исследования древностей сформировали устойчивую традицию, подхваченную в 1880-х гг. Императорским Православным Палестинским Обществом и продолжавшуюся вплоть до начала Первой мировой войны.

Книга, раскрывающая этапы и содержание российской науки в изучение Библейского регион, представляет интерес не только для ученых и специалистов, но также для студентов и всех тех, кто интересуется историей изучения Святой Земли.

Научное сотрудничество России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья: от исторического контекста к современным вызовам и решениям: монография. / Под общей ред. И.Е. Ильиной. М.: Издательство «Индрик», 2025. 608 с. ISBN 978-5-6050414-6-7

В коллективной монографии представлен обзор культурно-исторических традиций российского присутствия в Ближневосточном регионе; изложены теоретико-методологические основы анализа принципов, форм и методов международного сотрудничества в сфере науки, техники и инноваций. Авторами рассмотрены перспективы применения зарубежного опыта при оценке научного потенциала и политики в сфере научной дипломатии в странах Ближнего Востока и Средиземноморья. В монографии обоснована необходимость расширения спектра научных коммуникаций и сотрудничества для привлечения иностранных ученых к совместному решению задач, позволяющих укрепить позиции России в международной научной среде. Рассмотрены возможности создания российских институтов и центров в Ближневосточном и Средиземноморском регионах для развития перспективных научных направлений.

Результаты исследования могут быть использованы научными организациями, Федеральными органами государственной власти РФ при под готовке аналитических материалов для принятия решений в рамках развития двухстороннего и международного сотрудничества со странами Ближневосточного региона, а также в образовательных целях для студентов и аспирантов профильных специальностей вузов и институтов.

Сарабьев А.В. Ближневосточные конфессиональные общины: проблематика социальных границ на исторических примерах. / ИППО, Институт востоковедения РАН. М.: Издательство «Индрик», 2025. 368 с. ISBN 978-5-6050414-8-1

В монографии рассматриваются ближневосточные религиозные общины как отдельные конфессионально-маркированные группы населения в качестве сегментов социальных систем с набором особых характеристик. Они исследованы на конкретных исторических примерах новейшей истории Сирии и Ливана. Из огромной проблематики истории конфессиональных общин автор сосредоточился на круге вопросов, касающихся социальных групп в динамике их сдвигов и в конкретных исторических условиях. В центре внимания друзская и маронитская общины, некоторые эпизоды истории православного Антиохийского Патриархата, а также другие общины Ближнего Востока, в частности, сунниты и шииты. Поставленные вопросы решались с привлечением инструментария социальной психологии, на обширном документальном материале, с использованием большого набора исторических источников, отечественной и зарубежной литературы.

Монография адресована ученым и специалистам, всем тем, кто интересуется вопросами, связанными с историей конфессиональных взаимоотношений социальных групп на Ближнем Востоке.

Фактор Палестины в процессе трансформации международных отношений и многосторонней дипломатии современной России в XX — начале XXI в. / М.Ю. Бородина, О.А. Колобов, А.А. Комаха, И.В. Рыжов, О.О. Хохлышева, И.В. Шамин: Монография. / Колл. авторов, под общей ред. О.А. Колобова. М.: Издательство «Индрик», 2025. 320 с. ISBN 978-5-6050414-7-4

В монографии авторы анализируют особенности положения Ближнего Востока в современном мире. Специальный акцент сделан на изучении особенностей восприятия региона представителями великих держав в исторической ретроспективе и выявлены конкретные причины и последствия устойчивого стратегического интереса великих держав к Ближнему Востоку. Проанализированы обстоятельства ближневосточного конфликта и перспективы его урегулирования. Рассматрена новая концепция внешней политики современной России и возможности ее реализации на Ближнем Востоке в обозримом будущем. Характеризуются новые технологии политических действий Российской Федерации в ближневосточном регионе. Сопоставляются усилия Российской Федерации по обеспечению международного мира и безопасности с политикой других великих держав в регионе. Авторами предпринята попытка определить стратегические цели и охарактеризовать закономерности тактических действий России в рамках региона в целом, и территории исторической Палестины в частности.

Монография адресована студентам, аспирантам, преподавателям вузов, широкой читательской аудитории, интересующейся российской внешней политикой и международными отношениями на Ближнем Востоке.

Федорова И.В., Поляков И.А. Святая Земля в отечественной письменной традии: история, источники, интерпретация. / Науч. ред. М.А. Федотова; РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.: Издательство «Индрик», 2025. 720 с. ISBN 978-5-6050414-757-7

В монографии представлены результаты археографических разысканий неизвестных произведений паломников-писателей, совершивших богомолье в Иерусалим, а также материалы, отражающие историю создания и бытования таких нарративов в книжной культуре XVIII-XIX вв. Это позволило рас смотреть их как народный тип рукописной и печатной книги и обратиться к разноаспектным вопросам изучения паломнического текста. Рецепция читателями Нового времени произведений старшей традиции продемонстрирована на примере вводимой в научный оборот Сокращенной иллюминованной редакции Хождения Трифона Коробейникова — памятника, созданного в конце XVI в., но ставшего популярным в народной среде XVIII-XIX столетий. Реконструированы история паломничества ярославского купца Петровской эпохи Матвея Нечаева, рукописная традиция и содержание полного авторского текста его «Путешествия». Впервые публикуется Титовская редакция известного с XIX в. «Рассказа о странствиях по святым местам» схимонаха Селевкия. По авторской рукописи издается книга Череменецкого игумена Антония (Бочкова) «Русские поклон ники в Иерусалиме», а также его поэтический «палестинский цикл». На примере новонайденного анонимного «Описания святого града Иерусалима» середины XIX в. паломнические записки Нового времени рассмотрены как «райско-палестинский» текст и обозначены возможные подходы к его изучению на широком материале. Исследование каждого произведения сопровождается публикация текста, комментариями и иллюстрациями.

Книга рассчитана на специалистов, занимающихся изучением истории русского присутствия на Христианском Востоке, истории паломничества в Святую Землю, русской паломнической литературы и книжной культуры Нового времени, а также на широкий круг читателей.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 125

Главный редактор
С.Ю. Житенёв

Издано в 2026 году

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

АНО НПЦ «Индрик»

+7(977)905-58-01
www. indrik.ru
indrik_books.mail.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **indrik.ru**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 9538005
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
26,0 п.л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87